

СЕРГЕЙ ЛЕБЕДЕВ

СЛОВО И ДЕЛО
НАЦИОНАЛЬНОЙ
РОССИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Серия научных изданий и справочников посвященных малоизученным проблемам истории и идеологии русской цивилизации:

Русская цивилизация: история и идеология Святой Руси

Слово и дело национальной России

Экономика русской цивилизации

Экономическое учение славянофилов

Денежная держава антихриста

Энциклопедия Черной сотни

История русского народа в XX веке.

СЕРГЕЙ ЛЕБЕДЕВ

**СЛОВО И ДЕЛО
НАЦИОНАЛЬНОЙ
РОССИИ**

**Институт русской цивилизации
2007**

УДК 14
ББК 87. 3(2)
Л 33

- Л 33 **Лебедев С. В.** Слово и дело национальной России. Очерки истории русского патриотического движения. / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2007. – 576 с.

ISBN 978-5-902725-06-0

Наряду с верой в Бога патриотизм – высшее выражение духовности человека. Православие и патриотизм составляли духовно-нравственное ядро русской цивилизации. Под знаменами за Веру, Царя и Отечество русские патриоты построили Великую Россию, сплотили вокруг себя и спасли от гибели десятки малых народов.

Русский патриотизм был главной духовной крепостью на пути экспансии Запада, мечтавшего поработить и расчленив Россию. Русские патриоты принимали на себя главный удар внешних и внутренних врагов Отечества. Патриотическое движение объединяло любовью к Родине лучших сынов нашей страны – святых и подвижников, царей и героев, военных и штатских, выдающихся деятелей и простых людей, ставших гордостью и душой России.

В книге доктора философских наук С. В. Лебедева исследуются история и идеология патриотического движения за 1800–2000 годы. Приводятся уникальные сведения о патриотических организациях, обществах, партиях, государственных и общественных деятелях России, выступавших за развитие страны на основе отечественных обычаев, традиций и идеалов. Автор показывает, что в современной России патриотизм стал самой массовой идеологией «молчаливого большинства» населения и мощным фактором стабильности государственной власти, без оглядки на которую не принимается ни одно решение нынешней элиты.

ISBN 978-5-902725-06-0

УДК 14
ББК 87. 3(2)

© Лебедев С. В. 2007.

© Институт русской цивилизации, оформление 2007.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Еще на рубеже 80–90-х гг. XX века, в годы «перестройки и гласности», на страницах «перестроившейся» прессы либерально-западного направления, появился термин «национал-патриоты». Первоначально это наименование было оскорбительной кличкой, причем созданной отнюдь не под влиянием экспромта, а из пропагандистских соображений, по всем правилам психологической войны. В самом деле, любое политическое движение, составной частью которого будет элемент «национал-...», сразу вызовет у мыслящей публики ассоциацию со зловещим понятием «национал-социализм». В России, которая более, чем все другие страны мира, пострадала от агрессии Германии, которой правила тогда национал-социалистическая партия, уподобление любого политического движения германским нацистам, означает политическую смерть. Вероятно, именно этим руководствовались авторы термина «национал-патриоты», а также и другого, еще более тенденциозного словосочетания «красно-коричневые».

Однако, как это часто бывало в истории, оскорбительная кличка стала гордым и почетным наименованием. Говорить о патриотизме, национализме и, наконец, о национал-патриотизме, теперь модно и rispetабельно. Если еще в 1989 году почти для любого политического деятеля, желавшего получить поддержку в народе, необходимо было говорить о демократии, многопартийности и рынке, то уже несколько лет спустя без рассуждений, пусть даже и неискренних, о державности, патриотизме, особом пути России, стала невозможна политическая карьера. Само слово «национал-патриот» утратило негативный оттенок.

Действительно, ценностные ориентации российского общества начала XXI века решительно изменились. Еще недавно распространенные в общественном сознании «общечеловеческие» идеологические доктрины, будь то ортодоксальный марксизм или либерализм, постепенно теряют значение, а партии, вдохновляемые этими доктринами, превращаются в секты. Разговоры о «Русской идее» (независимо от того, что

под ней подразумевается), стали хорошим тоном среди различных слоев интеллигенции, демонстрация праворадикальных взглядов стало престижно среди молодежи. Весьма показательным фактом являются многократные издания массовыми тиражами произведений русских философов, и теперь без упоминаний Константина Леонтьева, Николая Данилевского, Ивана Ильина и многих других мыслителей, имена которых были еще 15–20 лет тому назад неизвестны среднему советскому интеллигенту, не обходится ни одна книга или статья по общественным наукам.

О реальном распространении национально-патриотических взглядов в современной России можно судить не по деятельности микроскопических партий, почти не оказывающих влияния на современную политическую жизнь, а по усвоению многих элементов национально-патриотической идеологии другими силами. В частности, современное коммунистическое движение, за отдельными исключениями, ныне фактически стало национально-патриотическим. Официальный Кремль при В. В. Путине стал широко применять патриотическую риторику, чем в немалой степени объясняется сохраняющаяся личная популярность президента. Даже либералы-западники, словно сквозь зубы, стали говорить о «национальных интересах России» и устами такого одиозного деятеля, как Чубайс, объявили о проекте «либеральной империи».

Еще в начале 90-х гг. попытка российского режима во главе с Ельциным возвести в ранг официальной идеологии идею рыночной демократии западного образца и дискредитировать в массовом сознании величие исторической России, идеалы русской цивилизации привела к политической конфронтации в обществе, но навязать стране западные ценности не удалось. Впрочем, даже во времена наибольшего «озападнявания» в 1989–1991 гг. либеральную доктрину разделяло меньшинство населения, да и то в основном жители крупных мегаполисов.

Конечно, сам факт прихода к власти прозападных сил означал определенную популярность их идей среди некоторой части общества, но даже и тогда эта часть была незначительной по численности (хотя и не по финансовым и политическим возможностям). В самом деле, общественное недовольство времен «перестройки», проявившееся в забастовках, демонстрациях, деятельности политизированных организаций «неформалов», было направлено против наиболее вопиющих недостатков советской системы, но не самой системы. Основные лозунги демократического движения 1989 года сводились к борьбе с привилегиями партноменклатуры, недопущению новых репрессий, преданию гласности «темных пятен» истории и пр. Эти требования почти не отли-

чались от лозунгов горбачевского крыла в КПСС, требовавшего «очистить» социализм от пороков «сталинизма». На открытых сторонников ликвидации «советской империи» и «введения капитализма» смотрели как на сумасшедших. Большинство советских людей всех национальностей были за сохранение единого государства в границах СССР, что и показал Всесоюзный референдум 17 марта 1991 года. В этом смысле политический режим, установившийся в России в августе 1991 года, изначально противопоставил себя большинству нации.

Крах же западнической либеральной доктрины в общественном сознании стал очевиден уже в середине 90-х гг. Несмотря на огромные финансовые и информационные ресурсы, прямую поддержку Кремля и Запада, вместе взятые прозападные партии с трудом набирали 15% голосов, да и то половина этих голосов приходилась на партию «Яблоко», постоянно подчеркивавшую свою оппозиционность Ельцину. В целом же за оппозиционные ельцинизму партии и блоки на протяжении всех 90-х гг. голосовало, даже по официальным данным, после всех фальсификаций, *свыше половины* всех избирателей! Другое дело, что значительная часть голосов этой половины пришлось на долю откровенно провокаторских или склонных к соглашательству с режимом партий. В наступившем новом веке либералы, перестав получать поддержку Кремля, окончательно превратились в аутсайдеров политики, оставшись после поражения на парламентских выборах 2003 года вне Государственной Думы.

Сам же Кремль стал использовать патриотическую риторику уже вскоре после 1993 года. Нельзя не поразиться цинизму, с которым антинациональный режим использовал национально-патриотические лозунги. Наиболее наглядно это показали избирательные кампании. Президентская кампания Ельцина в 1996 году велась под лозунгами борьбы с «красным реваншем» и откровенным запугиванием избирателей. Путин, будучи официальным наследником Ельцина, свою предвыборную кампанию в 2000 году вел фактически под лозунгами ликвидации наиболее одиозных последствий правления своего предшественника. Наиболее же важной и результативной частью предвыборных агитационных кампаний Ельцина в 1996 году и Путина в 2000 и 2004 гг. стали военные действия в Чечне, причем к самому моменту выборов были обеспечены «победы» федеральных войск. Разгром неприятеля, особенно столь омерзительного, как чеченские бандиты, – что может быть патриотичней?

Прокремлевские «партии власти», такие, как «Наш дом – Россия» и «Медведь», при всей своей невыразительности, тем не менее

также использовали в своих программных установках трескучие рассуждения о «единой неделимой России», «защите национальных интересов» и пр.

Таким образом, можно считать, что Россия уже более 10 лет, начиная с думских выборов 12 декабря 1993 года, голосует за патриотов. Другое дело, что Кремль играет на опережение, постоянно подсовывая неорганизованному патриотическому электорату псевдопатриотические партии типа ЛДПР или псевдопатриотических лидеров типа генерала Лебеда. Главная вина патриотических лидеров в том и состоит, что они постоянно уступают инициативу прозападным силам и Кремлю.

Популярность национально-патриотических идей в России рубежа веков почти не отразилась на влиянии политических партий национал-патриотов. Опыт показывает, что избиратели голосуют скорее не за партии, а за идеи, которые партии используют в своей борьбе. Патриотические идеи завоевали «молчаливое большинство».

Так называют тех политически неактивных граждан, что не состоят в партиях, не ходят на демонстрации, почти не бастуют, и на выборах под влиянием СМИ даже могут голосовать за очередную «партию власти», но составляют большинство нации. К «молчаливому большинству» также относится огромная масса людей, которые под влиянием разочарования в прежних лидерах и партиях просто самоустранились от всякого участия в выборах и в целом отрицательно оценивают всех политических деятелей. Таких самоустранившихся граждан в России десятки миллионов, причем преобладают среди них не «темные массы», а напротив, молодые образованные нонконформисты. Именно «молчаливое большинство», не испытывая симпатий к конкретным национально-патриотическим партиям, усвоило большинство национально-патриотических идей и может считаться стихийным коллективным национал-патриотом.

В либеральных, да и в официозных СМИ время от времени появлялись циничные высказывания, что национальная оппозиция в России состоит из ностальгирующих по прошлому пенсионеров и вскоре исчезнет по естественным причинам. «Доживающее поколение», — изрек в адрес пенсионеров Герман Греф, министр экономики Путина. (Подразумевалось, что молодежь в России уже прозападная. «Новое поколение выбирает «Пепси»! — объявлял знаменитый рекламный лозунг, в который так хотелось верить «реформаторам».) По мнению этих «демократов», либеральные реформы восторжествуют в России после того, как вымрет последнее, воспитанное при советской системе поколение. Не

случайно они любят рассуждать о Моисее, который водил «избранный народ» по пустыне сорок лет, до тех пор, пока не умерли все, рожденные в рабстве (похоже, это единственное, что наши западники вообще знали из Ветхого Завета). Однако, эти высказывания не только оскорбительны по отношению к старшим поколениям, но и неверны по существу. В самом деле, большинство активистов национально-патриотических партий, если их увидеть не на экранах телевизоров в тенденциозных передачах, а в «деле», состоит их мужчин и женщин молодого и зрелого возраста. Лидерами национально-патриотических организаций, партий и движений 90-х гг. являются в основном люди, родившиеся в 40–60-е гг. (Замечательный контраст с демократами, опорой которых является поколение «шестидесятников»! Кстати, еще сама горбачевская «перестройка» была, по словам одной из виднейших фигур демократического движения 80-х гг., Г. Старовойтовой, «революцией сорокалетних»). Скорее вымирают от пьянства, СПИДа, пуль своих партнеров по бизнесу давно разменявшие шестой десяток «реформаторы», чем привыкшие сносить все жизненные невзгоды советские поколения. Зато совершенно иная, чем чисто западная, система ценностей у первого постсоветского поколения россиян.

Настоящим «моментом истины» для тех исследователей, что не скатываются до уровня пропагандистов, стали события весны и лета 1999 года, когда произошла агрессия НАТО против Югославии. У посольств стран-агрессоров бушевали многотысячные демонстрации. Русские добровольцы сотнями пытались пробраться в Югославию, что бы сразаться с американцами. Хакеры из числа наиболее продвинутой российской молодежи взламывали компьютерные сети натовских стран, нанеся им миллиардные убытки, сравнимые с прямыми военными расходами. Самое неприятное для западных аналитиков и их российских клиентов заключалось в том, что отпор НАТО давала «Россия двадцатилетних». Молодая Россия явно выступала против Запада. Большинство из митингующих возле западных посольств и забрасывающих их тухлыми яйцами не состояли ни в каких партиях, чаще всего никогда не голосовали, хотя в основном достигли положенного возраста.

Когда наступил новый век, западные и российские прозападные СМИ заговорили о страшных скинхедах, которые почему-то увлекли за собой почти всю молодежь. Даже в солидном деловом американском журнале «Уолл-стрит джорнел» появились панические статьи о тотальном антиамериканизме русской молодежи. Не менее солидный американский журнал «Ньюсуик» помещает интервью с 18-летним студентом, предпочитающим советский Ленинград демократической «криминаль-

ной столице»*. Российские либералы также не чувствуют уверенности. Либеральный российский журнал «Новое Время» в статье под лирическим названием «Юные демоны революции» мрачно признает: «Национальной идеей становится радикальный национализм»**.

Впрочем, не только по таким экстремальным событиям, как демонстрации или уличные беспорядки, можно судить о реальной позиции представителей различных поколений. Так, если взглянуть на карту выборов 90-х гг., то нетрудно увидеть, что самый «старый» в демографическом плане регион России, г. Санкт-Петербург, был оплотом демократов. Зато самые демографические «молодые» Краснодарский край и Амурская область неизменно голосовали за национал-патриотов и КПРФ. Так что не возраст электората, а особенности исторического развития регионов, их этнический состав, уровень экономического кризиса и степень «прикормленности» населения определяют поведение избирателей.

Различные социологические исследования, на результаты которых любят ссылаться представители всех политических сил современной России, обычно мало отражают реальность, поскольку в наше время социология — служанка политики. Тем не менее, сохраняя здоровый скепсис к социологическим исследованиям, все же можно найти некоторое отражение пристрастий жителей России, используя данные из определенных источников, не занятых текущей пропагандой. Можно привести некоторые данные из солидного академического журнала, как «Общественные науки и современность» (ОНС). По данным Г. Дилигенского, в России рубежа веков «чистые» западники уже в середине 90-х гг. стали маргинальной группой, а «ориентированных на традиционные русские ценности» в три раза больше, чем западников. Особенно неприятно Дилигенскому, что патриотов среди людей с высшим образованием оказалось в полтора раза больше, чем в среднем***. Верящих в западные ценности в России XXI века оказывается меньше, чем верящих в инопланетных пришельцев. Не правда ли, это опровергает утверждение прозападных СМИ, что патриотические идеи разделяют лишь люмпены. Скорее напротив, люмпенов вполне устраивает режим, при котором можно не работать, красть, проституировать и пьянствовать, благо алкоголь никогда не был так доступен.

---

* The Newsweek online. May 7. 2001.

** Новое Время. 27.06.2004. № 26.

*** Дилигенский Г. Г. «Запад» в российском общественном сознании // ОНС, 2000, № 5, с. 6.

Популярность национально-патриотических идей в России начала XXI века продолжает увеличиваться, что признают почти все социологические центры. Так, Левада-центр в декабре 2004 года на основании своих исследований констатировал: лозунг «Россия для русских» полностью поддерживают 16% опрошенных, 37% — «за», но, с оговоркой — «в разумных пределах», 25% категорически против, остальные не определились, или безразличны.* С каждым новым опросом увеличивается число сторонников лозунга.

Впрочем, гораздо больше информации к размышлению могут дать такие вроде бы далекие от политики явления, как широкое использование патриотической символики и слоганов в рекламе. В самом деле, московская табачная фабрика «Ява», принадлежащая компании British – American tobacco (уже по названию ясно, граждане каких стран являются ее хозяевами), использует рекламу с надписью «Ответный удар», в котором гигантская пачка «Явы» падает на Нью-Йорк. Финское и новозеландское масло рекламируется как «сделанное по старинным русским рецептам». Принадлежащее опальному олигарху Борису Березовскому «Наше радио» принципиально исполняет только русский рок. Похоже, любой товар трудно продать без апелляции к патриотическим чувствам российских потребителей.

Даже в эстрадной попсе вдруг зазвучали патриотические мотивы (а как еще привлечь внимание?). Попсовейший автор и исполнитель Газманов стал исполнять песню «Я рожден в Советском Союзе», а мелкие группы сопровождают исполнение примитивных шлягеров тем, что пинают плюшевого Микки-Мауса.

Говоря о политической борьбе национал-патриотов против режима Ельцина в 90-х гг. и никогда не прекращавшейся идейной конфронтации с либералами, трудно обойти стороной еще одно обстоятельство. После падения СССР почему-то среди столпов нового режима не оказалось бывших диссидентов. Новая «элита» как на подбор состояла из высшей партийной, комсомольской и хозяйственной номенклатуры. Даже самые юные по возрасту «молодые реформаторы», родившиеся в 50-е годы, и то успели «поработать» в структурах КПСС (не говоря о том, что почти все они — дети важных советских начальников). Из числа тех, кто когда-то действительно выступал против советской системы, недолгую политическую карьеру в постсоветские времена сделали лишь такие одиозные деятели, как кавказские диктаторы Звиад Гамсахурдия и Эльчибей, а также борец за права чеченских работаровцев Сергей Ковалев. Зато русское национально-патриотическое движение имеет в своих ря-

* www.levada.ru/press/2005011203/html

дах таких признанных оппозиционеров советской власти, неоднократно подвергавшихся репрессиям, как философ А. Зиновьев, математик академик И. Р. Шафаревич, создатель первого самиздатовского журнала «Вече» В. Н. Осипов, недавно скончавшийся священник Д. Дудко, писатель Э. В. Лимонов и др. В национально-патриотической прессе печатались такие признанные писатели-диссиденты, не по своей воле эмигрировавшие на Запад, как А. Синявский и В. Максимов. Многие деятели демократического движения конца 80-е гг., такие, как С. Ю. Глазьев, Ю. П. Власов, С. С. Говорухин, В. В. Аксютин, И. В. Константинов и ряд других, также после августа 1991 года примкнули к национальной оппозиции. Уже это опровергает распространенное на Западе представление о том, что национал-патриотами руководят свергнутые партократы, мечтающие вернуть себе власть со всеми ее привилегиями. Как раз за свержение партократов и борется национально-патриотическое движение.

Резюмируя вышесказанное, можно прийти к простому выводу: на уровне обыденного сознания в России господствуют идеологические течения, представляющие собой синтез традиционных русских ценностей и социалистических идей. В их основе – государственный патриотизм, единая и неделимая Россия в границах СССР или, на худой конец, государственный союз России, Белоруссии и Украины плюс населенные русскими регионы прежних советских республик. К этому добавляются социальная справедливость и традиционная для России потребность в сильном, опекающем и требовательном государстве. Также само собой разумеющимся является требование возвращения России имперского величия, правда, понимаемого чаще всего как военное могущество. Запад традиционно воспринимается как естественный враг России.

Вместе с тем социальные изменения последних двух десятилетий также нашли отражение в этих идеологических установках. Так, частная собственность как принцип не отвергается, несмотря на неуважительное отношение к «новым русским». Свободная пресса и многопартийность, честные выборы считаются чем-то само собой разумеющимся. Особенно надо подчеркнуть, что идеи расового и национального превосходства над другими народами не получили распространения среди русских. Разумеется, определенная враждебность по отношению к кавказцам, цыганам, евреям, даже к редким пока еще в России неграм действительно бытует среди части населения страны. Но в основе этой враждебности все же преобладают экономические и социальные причины. Расизма как такового по отношению к «инородцам», потому что они инородцы, в России не было и нет. Традицион-

ная дружба советских народов продолжает жить и на обломках СССР, несмотря на все усилия «элиты» и ее западных хозяев провоцировать взаимную неприязнь и конфликты. Понятно, что не следует удивляться большому количеству нерусских по национальности в русском национальном движении.

Таким образом, перед нами достаточно сформировавшаяся идеология, которая представляет собой не расписанную по пунктам доктрину и тем более не партийную программу, а скорее контуры той политики, которую национал-патриоты ждут от национального правительства, независимо от лидера, его партийной принадлежности и способа прихода к власти. Под идеологией в данный момент подразумевается, говоря скучным языком науки, форма социально-обусловленного группового самосознания, выраженная в виде теорий, партийных программ, религиозных, философских, экономических и т. п. учений. К идеологии, в том числе и к русской национально-патриотической, можно отнести также и свою символику, мифологию, особый язык, не понятный непосвященным, свою субкультуру.

Однако, и в этом особенность России рубежа тысячелетий, торжество идеологического национал-патриотизма совершенно не сопровождается успехами национал-патриотизма политического. Напротив, происходит дальнейший кризис национал-патриотических партий, почти не возникают на политической сцене новые лидеры, а старые уже не способны увлечь новых сторонников и скорее теряют прежних. Канули в политическое небытие некогда могучие, насчитывающие сотни тысяч активистов, политические блоки и организации, такие, как Русский Национальный Собор, Фронт Национального Спасения. Большинство российских политических партий (и не только национал-патриотических) недаром называются «диванными партиями», поскольку весь партийный актив уместится на одном диване. Жириновцы и отчасти коммунисты утратили ореол борцов за права русского народа и возрождение сверхдержавы. На сегодняшний день политический национал-патриотизм находится в своеобразном политическом гетто, мало влияя на происходящее за пределами этого гетто.

Подобное обстоятельство было, впрочем, присуще и духовным предтечам современных национал-патриотов. Увы, не только идеологические установки, но и политическая практика патриотов за последние два века остаются похожими.

Кто же такие русские национал-патриоты, на какое историческое наследие они опираются, какие идеалы и идеи их вдохновляют, какую альтернативу предлагают они обществу, смогут ли они реализо-

вать эти альтернативу – вот на эти вопросы и пытается ответить автор книги.

Национально-патриотическое движение насчитывает уже почти два десятилетия истории. Разумеется, в условиях «информатизационного века» в стране, где пока еще сохранился массовый читатель, подобное движение не могло не оставить громадное количество письменных источников. Любого современного исследователя национал-патриотизма подстерегает опасность «захлебнуться» в море партийных программ, воззваний, манифестов, официальных речей, философских трактатов, газетных и журнальных статей, прославляющих или изничтожающих деятельность той или иной партии. Различные аналитические центры с большей или меньшей степенью объективности сообщают о настроениях электората. Практически любой политический деятель России или пытающийся стать таковым успел выпустить хотя бы одну книгу под своим именем. В. В. Жириновский с присущим ему умением все опошлить уже превратился в самого плодovitого автора в России, выпустив уже свыше 55 томов собрания своих сочинений, опередив Ленина по количеству томов. Многие политики уже успели выпустить мемуары, посвященные различным обстоятельствам политической жизни России и своего в них участия с середины 80-х гг. XX века.

Думается, что если только перечислить всю литературу, имеющую отношение к данной теме, то один перечень источников по объему превзойдет эту книгу.

Однако достаточно мало выпущено исследований, посвященных национально-патриотическому движению в целом, особенно рассматривающих идеологию национал-патриотизма, его историческую и культурную традицию. Большинство таких исследований носит пропагандистский характер, «разоблачая» некий «русский фашизм». Правда, даже в политической макулатуре иногда можно найти некоторую полезную информацию.

Весьма оперативно, уже в 1991 году в Петербурге был выпущен сборник статей «Национальная правая прежде и теперь», в котором была предпринята попытка проследить эволюцию национального движения от XIX века до общества «Память». Тогда же В. Д. Соловей выпустил труд, содержание которого явствует из названия: «Память»: история, идеология, политика» в сборнике «Русское дело сегодня. Память». Несколько позднее, в 1994 году с большим рекламным шумом была выпущена книга американца Уолтера Лакера «Черная сотня» в русском издании с подзаголовком «Происхождение русского фашиз-

ма» Уже по названию ясно, что речь идет о пропагандистском опусе, к тому же зарубежный автор умудрился переполнить книгу всевозможной «развесистой клюквой». Другой западный исследователь, Стивен Картер также выпустил книгу, посвященную поискам «корней» некоего «Русского фашизма»*.

Из числа бывших наших соотечественников, ставших западными авторами, пишущими по русскому национальному движению, наиболее знаменит и плодovit А. Янов. Еще до крушения СССР Янов в своей книге «Русская идея и 2000 год» пришел к выводу, что после падения коммунизма Россию ждет не торжество западных ценностей в виде капитализма и демократии, а подъем национального движения. Хотя это был вывод, к которому мог прийти любой исследователь, изучающий историю крушения каждой державы, но для примитивных опусов советских диссидентов и таких же примитивных творений советологов это было внове. В послесоветскую эпоху Янов продолжал активно печататься в России. В частности, именно им был пущен в оборот термин «Веймарская Россия» – аналогия ельцинской России со слабой неэффективной демократией в Германии 1919–1933 гг. Хотя о нелепости этой метафоры мы еще поговорим далее, но в целом Янов действительно попытался оценить национальную оппозицию более основательно, чем западные и российские западнические публицисты, рассуждая лишь о происках бывших партаппаратчиков. Впрочем, Янов остается одним из самых тенденциозных, хотя и плодovitых исследователей русской правой мысли. Выпуская почти каждый год все новые книги, Янов в полном соответствии с западными установками пытается найти причину «русской аномалии», то есть объяснить, почему Россия не является Западом. Мысль о том, что Россия должна быть сама собой, западным исследователям в голову не приходит. Вот и Янов пытается найти причину всех бед России в Иване Грозном.

Еще один советский эмигрант в США, С. Резник, в 1991 году, то есть очень оперативно, выпустил книжку «Красное и коричневое», посвященную все тому же «русскому фашизму», который, по словам Резника, проявляется в антисемитизме**.

В 2003 году свою книгу под названием «Коричневые» выпустил Марк Дейч, ангажированный ЦРУ комментатор радио «Свобода», выступавший в 1991 году, сразу после августовского переворота и распада государства в программе «Время» на Центральном ТВ. Книга эта, представляющая собой собрание различных фельетонов, помещенных в

* Carter S. K. Russian Nationalism: Yesterday, Today, Tomorrow. L. 1990.

** Резник С. Красное и коричневое. Вашингтон, 1991.

бульварных изданиях, не представляет интереса. Дейч умудрился в одну кучу свалить решительно всех противников ельцинского режима, разбавив все примитивным фельетонным слогом желтой прессы. Манера Дейча намеренно искажать имена своих противников вызвала ехидный отклик даже у левых публицистов с сайта aglob. ru, переименовавших Марка Дейча в Шекеля Юда.

Разумеется, никакого научного значения творения Янова или Резника не имеют. Просто надо доказывать западным спонсорам, что только проявления антисемитизма, а не элементарная корысть, толкают претендующих на интеллект перебежчиков из СССР, вперемешку с неискренними словами о своей любви к России, к демонизации облика страны и ее патриотов перед западными читателями.

Ученые патриотического направления выпустили ряд фундаментальных трудов, посвященных своим идеям и своей борьбе. Так, под редакцией известного историка и писателя Олега Платонова выходят в свет тома фундаментальной Большой Энциклопедии русского народа. Третий том, вышедший в 2003 г., в частности, целиком был посвящен патриотическому движению*. В нем впервые в отечественной энциклопедической литературе давались полные сведения по истории, идеологии и философии русского патриотического движения. Раскрывались основные духовно-нравственные понятия, которыми жили русские патриоты. Были собраны сведения о патриотических организациях, обществах, партиях, книгах, газетах и журналах, а также даны биографии национальных героев и видных деятелей русского патриотического движения, внесших вклад в развитие России на основе отечественных обычаев, традиций и идеалов. Он же выпустил еще две книги, посвященные русскому патриотическому движению: «Война с внутренним врагом. История и идеология русского патриотизма» (М., 2006) и «Русское сопротивление» (М., 2006).

Некоторые ученые пытаются стоять над схваткой и стараются ограничиваться сухим перечислением фактов, без всяких комментариев. Так, в очень ценной монографии О. Ю. Березенкина «История русского национально-патриотического движения современной России», вышедшей в свет в 1999 году, автор, скрупулезно описав 317 организаций, партий и движений, союзов, блоков и коалиций (!), никаких теоретических обобщений практически не сделал.

Солидные исследования за последние полтора десятилетия посвящены русской консервативной мысли XIX века. Существуют хорошие

---

* Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм М., 2003 (далее просто Русский патриотизм).

работы, посвященные черносотенному движению, например, С. А. Степанова и Ю. И. Кирьянова. Значительный интерес представляет книга-справочник «Воинство Св. Георгия», посвященная деятельности Черной Сотни, вышедшая под редакцией А. Д. Степанова и А. Иванова. Появляются работы, посвященные «русификации» большевизма при Сталине. Постепенно ученые начинают открывать для себя, а затем и для массового читателя, теоретическое наследие русского национального диссидентства 50–80-х гг. XX века. Некоторого внимания заслуживает книга Н. А. Митрохина «Русская партия», посвященная движению русских националистов 1953–1985 гг. и вышедшая в свет в 2003 г. Главным достоинством книги является обилие использованных Митрохиным источников. Приведены многочисленные фотографии из личных архивов автора и героев его книги, широко использованы интервью и материалы бесед автора с достаточно многочисленными героями. Вместе с тем совершенно очевидна враждебность этого автора русскому движению.

В России до сего дня не потеряли значения «толстые» литературные журналы, занимающиеся не только и не столько художественной литературой, но и утверждающие твердую общественно-политическую позицию. Такие журналы, как «Молодая гвардия», «Наш современник», «Москва», «Кубань» сыграли и продолжают играть огромную роль в развитии национал-патриотизма как политического и культурного движения.

Наконец, обильную информацию к размышлению дают материалы различных исследовательских центров. Особенно стоит выделить работы Информационно-исследовательского центра «Панорама» под руководством В. В. Прибыловского. Данный центр представлен в Интернете, более или менее оперативно сообщая хронику текущих событий в деятельности национал-патриотического движения. Правда, учитывая значения спонсоров центра в лице Российского Еврейского Конгресса (РЕК), чаще всего материалы «Панорамы» посвящены перечислению проявлений антисемитизма в России, к которому, под пером сотрудников, чаще всего и сводится все национально-патриотическое движение. Скрупулезно подсчитывая, сколько раз той или иной патриотический деятель употребил слово «жид», центр Прибыловского предпочитает игнорировать все остальные политические события в стране, в которых определенную роль играют национал-патриоты. Тем не менее, сайты «Панорамы» дают много эмпирического материала. Выпущен ряд монографий и сборников статей сотрудников «Панорамы», дающих некоторую картину национально-патриотического движения в наши дни.

Много информации, хотя и тенденциозной, можно почерпнуть из предназначенных для интеллектуалов газет, журналов и интернет-изданий патриотических «мозговых центров». Среди них на первое место можно поставить газету «Завтра» (в 1991–1993 гг. – «День»), бессменным редактором которой является Александр Проханов. Изучение подшивок газеты даст почти полную картину русского национал-патриотизма, начиная с 1991 года. Летописью православно-монархического патриотического движения является газет «Русский вестник», основанная Алексеем Сениным в 1991, являющимся ее главным редактором в течение 16 лет.

Следует также выделить издающуюся с 1996 года газету «Дуэль» под редакцией Юрия Мухина. Как можно судить уже по названию, в «Дуэли» высказываются и отстаиваются противоположные мнения по многим вопросам российской жизни. Хотя далеко не со всем высказанным можно согласиться, но все же «Дуэль» вполне может считаться весьма эффективным полигоном «обкатки» патриотических идей.

Наконец, существуют интеллектуальные центры, целиком ориентированные на «продвинутого» в современной технике патриота. К таким центрам можно отнести «Экспериментальный Творческий центр» (ЭТЦ) под руководством Сергея Кургиняна, Институт русской цивилизации, возглавляемый Олегом Платоновым, Международный Институт Геополитики (МИГ), центр под руководством Александра Дугина, и ряд других. Эти центры выпускают книги и периодические издания, имеют интересные и хорошо сделанные сайты в Интернете. Например, приоритетным направлением деятельности Института русской цивилизации является создание многотомной «Энциклопедии русского народа», а также подготовка к публикации самых выдающихся книг, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния русских силам мирового зла, русофобии и расизма. В частности, выходит серия книг «Русское сопротивление». Также можно выделить сетевые версии журналов «Золотой лев», «Россия XXI», «Правое сопротивление», «Царский опричник». В Интернете существуют сайты Patriotica.ru, nationalism.org, www.rusinst.ru, rus-scy.com, rusk.ru, archipelag.ru, mrezha.ru, и многие другие.

Как видим, русское национально-патриотическое движение достаточно хорошо представлено источниками. Но вот обобщение русских идей и русского дела до сих пор фактически только начинается. Именно это обстоятельство и подвигло автора на создание своего труда.

Часть первая

Глава I

ОТ КАРАМЗИНА ДО ПОБЕДОНОСЦЕВА: ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Этот век был великим веком русской национальной культуры и эпохой державной мощи Российской империи. Не случайно для страны с непредсказуемым прошлым, как иронично, но справедливо называют Россию, только XIX век не вызывает проблем для национального самосознания. До сих пор едва ли не все события национальной истории – призвание Рюрика, Крещение, ордынское иго, время Ивана Грозного, петровские реформы, не говоря о советской эпохе, вызывают бурные споры. Даже современные политические предпочтения россиян нередко объясняются симпатиями к тем или иным событиям в истории. Зато эпоха от Александра I до Александра III, кажется, нравится всем. Национал-патриотам импонирует неограниченное самодержавие, имперское величие России. Либералы вспоминают про капитализм, членство в семье «цивилизованных государств». Даже у ортодоксальных коммунистов XIX столетие вызывает теплые чувства, ведь тогда появился марксизм, а в России сменялись поколения революционеров. Словом, позапрошрое столетие воспринимается почти в лубочном виде, прямо как в фильме «Сибирский цирюльник» – юнкера, гимназистки, царь-батюшка, мужики, тройки, водка, масленица, да еще нигилисты.

Между тем катаклизмы века XX как-то заслонили то обстоятельство, что Российская империя предшествующего столетия несколько раз переживала социальные и политические потрясения, ставившие страну на грань распада: терроризм, сепаратизм, международные кризисы, два

вторжения с Запада, множество локальных войн. Можно только восхищаться, что Российская империя уцелела как государство и сохранила свою «историческую форму правления», то есть самодержавие. В этом – в значительной мере заслуга национал-патриотов XIX века. Многие их основополагающие принципы остались в идейном арсенале современных национал-патриотов.

Русский патриотизм столетия принял новые характерные черты, которые во многом определяли его характер и в XX веке. Во-первых, хотя Православие оставалось духовной основой русскости, все же идеология русского патриотизма стала *светской*. Более того, само Православие рассматривалось скорее как великая духовная и культурная традиция, чем идейный источник.

Во-вторых, в XIX в. в Европе и России получили распространение различные либеральные и социалистические теории, логично вытекающие из идеологии Просвещения, провозглашающие ликвидацию Церкви и традиционного политического строя и замены их на новое общество, созданное на основе умозрительных теорий. В России в силу исторических, культурных, этнографических и геополитических причин либерализм и все течения социалистической идеологии приняли ярко выраженный антинациональный характер. Если в Европе можно было быть одновременно патриотом и либералом (и даже социалистом), то в России усвоение любого «передового учения» подразумевало отречение от традиционных русских ценностей в пользу «общечеловеческих» или «классовых». Неудивительно, что русский патриотизм XIX в. был *консервативным*, т. е. верность своей стране была неотъемлема от верности ее политическому строю. При этом верность монархии не означала бездумного повиновения всем начальственным указаниям. Напротив, вся история русской общественной мысли века полна свидетельств того, как убежденные монархисты, протестуя против ошибочных шагов конкретных монархов, выступали в роли национальной оппозиции правительственному курсу. Отсюда становятся понятны преследования правительством славянофилов, постоянные конфликты консервативных газет с цензурой. Кроме того, русский патриотизм XIX в. был также *правым* политическим движением.

В-третьих, в отличие от предшествующих столетий интересы русского народа и российского государства, управляемого космополитизированным дворянством и бюрократией, уже не всегда совпадали. Это привело к разделению патриотического движения на несколько направлений. Несколько упрощая, можно выделить *государственническое* направление, для сторонников которого приоритетными были интересы Российской империи и сохранение незыблемости самодержавия. Другим направлением, несравненно более оригинальным по своей филосо-

фии, были *славянофилы*, для которых на первом месте стояли интересы нации и сохранение ее традиционной культуры. Хотя между государственниками и славянофилами общего было больше, чем разъединяющих обстоятельств, все же различия между ними наложили свой отпечаток на характер патриотического движения вплоть до нашего времени. Нескольким упрощая, можно сказать, что государственники были патриотами, а славянофилы – националистами.

И в-четвертых, консерватизм патриотического движения не означал, что патриоты отрицали необходимость проведения реформ. Парадоксально, но именно консерваторы, как показал исторический опыт и Запада и России, являются единственной эффективной реформаторской силой. Если для радикалов главным является разрушение старого порядка вещей, то именно отталкивающиеся от исторического опыта своей страны консерваторы могут осуществлять глубокие, полностью отвечающие духу времени и традициям народа преобразования. В России XIX в. именно консерваторы-патриоты стояли за всеми реформами, включая те из них, которые считались либеральными. Другое дело, что в силу ожесточенности борьбы с противниками традиционной России русский патриотический консерватизм носил больше стабилизирующий, чем реформирующий, характер. Разумеется, за целое столетие изменялись обстоятельства, в которых приходилось действовать патриотическим политикам и идеологам, поэтому необходимо рассмотреть узловые моменты национальной истории, в которых наиболее характерные черты патриотического движения проявились особенно ярко.

Карамзин и конец «Века Просвещения»

Принято считать, что XIX век наступил 14 июля 1789 г. и продолжался до 1-го августа 1914 г. За этот период возникло и развилось в классические формы все, присущее веку. Хотя можно спорить о времени завершения века, но открывает его Великая Французская революция – законная наследница т. н. эпохи Просвещения.

Идеалы века Просвещения, как известно, широко распространялись в России все XVIII столетие. Со всем энтузиазмом неопитов русская нация (точнее, просвещенное дворянство), со времен реформ Петра I приобщенная к последним достижениям западной цивилизации, ловила все последние новинки философской мысли, исходившей из центра Просвещения, Франции. Дворянская «галломания» сделалась поводом для насмешек Д. Фонвизина и некоторых других писателей Екатерининского времени.

Но в целом философия французских Просветителей встречала самое искреннее желание, благо пример в уважительном отношении к философам подавала своим подданным сама императрица Екатерина II Великая.

Все резко изменилось в 1789 году, когда во Франции началась революция. В самом начале революции ее романтический порыв вызвал симпатии части русского общества. Известно, что богатый аристократ Павел Строганов, оказавшись во Франции, вступил в якобинский клуб.

Правительство Российской империи, как и правительства всех других европейских государств, резко осудило свержение и казнь короля Людовика XVI. «Казнь короля, – писал граф С. Р. Воронцов, – заставляет трепетать от ужаса и омерзения к этой мерзкой французской нации». Бывший русский посол во Франции И. М. Симолин считал французскую нацию «достойной истребления, чтобы не осталось ее имени». Сама Екатерина II прекрасно понимала объективную неизбежность революции, то, что грубой силой революционные идеи не подавить. Не случайно Екатерина дала резкую отповедь сыну Павлу, который заявил, что легко бы справился с мятежниками при помощи пушек. «Или ты не понимаешь, что пушки не могут воевать с идеями?» – спросила императрица. Своего внука, будущего императора Александра I Екатерина заставила прочесть «Декларацию Прав человека и гражданина» и подробно объясняла причины революции. Возможно, именно понимание того, что пушки не могут воевать с идеями, вероятно, привело Россию к неучастию в походе феодальных монархов Европы против Французской Республики в самые критические ее годы.

Как реакция на идеи революционного переустройства мира на основании умозрительных схем появляются и идеи контрреволюции, оказывающиеся весьма эффективней пушек. Если сражавшиеся против революции с оружием в руках правые XVIII века потерпели поражение, то этого нельзя сказать о правой идеологии.

Лучшей агитацией против Просвещения и революции была сама революция, символом которой стала гильотина. По подсчету демографа Б. Урланиса, из революционного поколения французских мужчин 1789–1815 гг. погибло 40%. Даже рост среднестатистического француза стал меньше на шесть сантиметров (всех высоких забирали в армию, и они погибали под трехцветными знаменами, не оставив потомства, а низкорослые доходяги оставались в тылу, плодя себе подобных). Широко известны такие факты, как геноцид в Вандее (исторической области на западе Франции, в которой при усмирении роялистского мятежа властями республики было уничтожено не менее 15% населения), массовые казни в Лионе и Нанте. А вот какие подробности приводит в своей книге о революции ее младший современник, великий английский мыслитель

Томас Карлейль: «Отметим... две вещи, не более: белокурые парики и кожевенное производство в Медоне. Много было толков об этих белокурых париках. О читатель, они сделаны из волос гильотинированных женщин! Еще глубже поражает сердце человека кожевенная мастерская в Медоне, не упомянутая среди других чудес кожевенного дела. В Медоне... существовала кожевенная мастерская для выделки человеческих кож; из кожи тех гильотинированных, которых находили достойными обдиранья, выделялась изумительно хорошая кожа наподобие замши»*. А затем последовали наполеоновские войны, являвшиеся продолжением захватнических войн Французской Республики. В 1812 году привнести на штыках в Россию западную демократию с целью превращения России в колонию, попыталась вся Европа во главе с передовой Францией.

Террор французской революции был вызван отнюдь не только разгулом страстей или ответом на контрреволюцию. Во многом будущий террор был обоснован, вопреки их собственным желаниям, идеологами Просвещения. Поскольку, грубо упрощая их философию, все беды и страдания человечества обусловлены невежеством и суевериями, то достаточно будет поделить все идеи на правильные и неправильные и последние разоблачить. А как быть со сторонниками «неправильных» идей? Сами просветители были образцами терпимости и толерантности, но не их эпигоны в политике. Террор является закономерным средством утверждения любого «истинного» и «единственно правильного» учения, будь то идея демократии или социализма. Высказанное современными французскими «новыми философами» мнение о том, что идеалы Просвещения в конечном счете привели к ГУЛАГу и Освенциму, лишь на первый взгляд кажется парадоксом.

Идейные пушки против революционных идей были отлиты немедленно. Уже в 1790 г. выходят «Размышления о революции во Франции» Эдмунда Берка, несколько позднее – подобные «размышления» Жозефа де Местра, ставшие манифестом правых, точнее, того направления правой мысли, которое получило название консерватизма. Заметим, что первыми идеологами консерватизма стали англичанин и француз-эмигрант, т. е. житель страны, которая сама испытывала сильное революционное брожение и готовилась к войне против революционной соседки, и эмигрант, жертва революции. В России ничего подобного не было. Будущие декабристы только-только появились на свет, да и во зрелом возрасте они были, по известному определению, «страшно далеки от народа», Радищев так и остался одиночкой. Но завершение века Просвещения гильотинами и общеевропейской войной не прошло мимо

---

* Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991, с. 504.

наблюдательных русских мыслителей, в числе которых первое место должно по праву принадлежать Н. М. Карамзину.

Совершив свою поездку во Францию в 1790 г., что нашло свое отражение в «Письмах русского путешественника», Карамзин наблюдал еще только романтическое начало революции, накануне войны и террора встречается с Кондорсе, Рабо де Сен-Этьеном, Жильбером Роммом, Лавуазье, Неккером, Сийесом, Талейраном, Шамфором, Робеспьером. Уважение ко многим деятелям революции Карамзин пронес через всю жизнь. Так, «Робеспьер внушал ему благоговение. Друзья Карамзина рассказывали, что, получив известие о смерти грозного трибуна, он пролил слезы, под старость он продолжал говорить о нем с почтением, удивляясь его бескорыстию, серьезности и твердости его характера, и даже его скромному домашнему обиходу, составляющему, по словам Карамзина, контраст с укладом жизни людей той эпохи»^{*}.

Но симпатии к личностям, делающим революцию, в скором времени показавшую свое лицо, не могли вызвать у Карамзина оправдание революции. Напротив, конец века Просвещения вызвал у Карамзина (как, впрочем, и у многих его современников) очень горькие чувства. Вот какие карамзинские «выстраданные строки, огненные и полные слез», вспомнил не кто-нибудь, а принципиальный противник всего дела Карамзина А. И. Герцен, который, однако, также был разочарован в прогрессе западной цивилизации: «Кто более нашего славил преимущество XVIII века, свет философии, смягчение нравов, повсеместное распространение духа общественности, теснейшую и дружелюбнейшую связь народов, кротость правлений? Конец нашего века почитали мы концом главнейших бедствий человечества и думали, что в нем последует соединение теории с практикой, умозрения с деятельностью... Где теперь эта утешительная система? Она разрушилась в своем основании; XVIII век кончается, и несчастный филантроп меряет двумя шагами могилу свою, чтобы лечь в нее с обманутым, растерзанным сердцем своим и закрыть глаза навеки... Век Просвещения, я не узнаю тебя; в крови и пламени среди убийств и разрушений, я не узнаю тебя».

Н. М. Карамзин даже в период своего путешествия 1789–90 гг. не был поклонником революционного переустройства мира на основе умозрительных схем, революционная французская реальность окончательно подорвала у него веру в возможность социальных преобразований, не отталкивающихся от исторического опыта. Вспомним предисловие Карамзина к его великой Истории: «Правители, законодатели действуют по указаниям истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волнова-

^{*} Эйдельман Н. Мгновение славы настает..., Л., 1989, с. 97.

ли гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье.

Но и простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и государство не разрушилось; она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества*.

В этих словах Карамзина выражено своеобразное кредо консерватизма – если и допустимы изменения и перемены, то только с учетом исторического опыта народа, причем все преобразования в настоящем не дадут совершенного устройства, и только знание истории смирят гражданина с несовершенством видимого порядка вещей. Как тут не вспомнить совершенно аналогичные выводы классика западного консерватизма Э. Берка, также сделанные на противопоставлении опыта французской революции и постепенных английских реформ: «Все сделанные до сих пор преобразования (в Англии. – *Авт.*) производились на основе предыдущего опыта. Дух новшеств присущ характерам эгоистическим, с ограниченными взглядами... Дух свободы, часто провоцирующий беспорядок и эксцессы, действуя как бы в присутствии канонизированных предков, умеряется благодаря глубокому уважению и благоговению. Идея свободы, полученная людьми вместе с врожденным чувством достоинства, защищает поколения от неизбежной наглости выскочек**».

Карамзин на основании русской истории пришел к выводу об особом пути развития для каждого народа и о необходимости сохранения народного духа. В 1811 г., еще до выхода в свет первых томов своей «Истории», он выступил против всемогущего Сперанского в «Записке о древней и новой России», обвиняя реформатора в стремлении подорвать начала русской жизни своими преобразовательными прожектками, оторванными от реальной жизни и прошлого России. Фактически это была смелая критика *справа* всей внутренней политики Александра I. Заметим, что великий историк отнюдь не идеализировал русское прошлое и не склонен был видеть только плохое в настоящем.

Патриотическая тревога историка не была беспочвенной. В 1812 году на Россию пошла войной вся Европа. Впрочем, когда с Запада идет открытое вторжение, то русским людям гораздо легче нанес-

* Карамзин Н. М. История государства Российского. Тула, 1990, с. 43.

** Бёрк Э. Размышление о революции во Франции. М, 1993, с. 51, 52–53.

ти поражение врагу. Все ясно и понятно, кто свой и кто чужой. Поход Наполеона закончился через полгода «полным истреблением неприятеля». Думается, что если бы в августе 1991 года в Москве высадился американский десант, поднявший звездно-полосатый флаг над Кремлем и московским Белым Домом, то закончилось бы это все достаточно быстро тем, что красный флаг был поднят над вашингтонским Белым Домом, а историю США изучали ученые наряду с историей Рима или наполеоновской Франции.

Но, как показывает исторический опыт, нанести поражение России можно только расколов единство народов страны вокруг русского народа и разделив самих русских на мелкие социальные и территориальные единицы. Методы подрывной деятельности Запада против России принципиально не изменились, хотя менялась ее техническая сторона. Пропаганда неких высоких идеалов, призванная ослабить сопротивляемость национального организма к импортным ядам, разжигание сепаратизма, создание «пятой колонны» и пр., – все это применялось и в XIX веке против Российской империи, и в XX против СССР, и в наши дни против русского национально-патриотического движения.

В XIX веке Запад широко использовал против России подрывную пропаганду. Так, в 1853 году, когда началась Крымская война, в Лондоне Герцен на средства, предоставленные польскими революционерами, связанными с правящими кругами Британии, создал «вольную русскую типографию» и развернул революционную агитацию. Нетрудно провести аналогию с деятельностью радиоголосов в пропагандистской войне против СССР! На Западе также учитывали такой фактор, как литературоцентризм русской культуры и традиционно уважительное отношение к писателю, от которого ждут не «изящной словесности», но ответа на вопросы эпохи. В Англии и других западных странах в XIX веке издавались романы о революционерах, написанные эмигрантами из России. Можно вспомнить роман «Нигилистка», созданный знаменитой женщиной-ученой С. Ф. Ковалевской, «Путь нигилиста» (в русском издании «Андрей Кожухов») С. М. Степняк-Кравчинского, «Василиса» Н. Арнольди, «Жертвы царя» М. Ашкенази, и др. Практически никакого художественного значения эти опусы не имели, но они создавали определенный психологический настрой в российском обществе. Как тут не вспомнить пропаганду «творчества» диссидентов по всем радиоголосам век спустя! Наконец, даже предшественник «Архипелага ГУЛАГ» был создан также в XIX столетии с целью подрыва Российской империи. В 1891 году американец Джордж Кеннан выпустил в двух томах душераздирающую книгу «Сибирь и система ссылки», посвященную подробностям быта каторжан. Правда, желая «заклеймить» царизм, американец весьма сгустил краски, описывая ужасы каторги, попутно умолчав

о некоторых обстоятельствах, которые создавали невыгодный контраст с системами заключения в западных странах. Совершенно естественно, что внук Кеннана, также Джордж Кеннан, стал одним из главнокомандующих «холодной войны» против СССР. В России мог меняться политический режим и социально-экономическая система, но не прекращалась подрывная деятельность Запада против России.

Нельзя не признать, что подрывная деятельность Запада была достаточно эффективна. Внутри России широко использовались существующие или были искусственно созданы прозападные категории населения. Так, в XIX веке самой организованной, сплоченной и многочисленной антиимперской силой было польское шляхетство и католическая церковь, мечтавшие о возрождении Речи Посполитой и восстановлении своей власти над православным «быдлом». К концу века было выведено украинское «национальное движение», предоставляющие кадры всем недругам России. В падении СССР большую роль сыграли прибалтийские националисты, стремящиеся создать свои хуторские бантустаны под западным протекторатом. Наконец, трудно отрицать гигантскую роль сионизма в двух русских национальных катастрофах XX века. Самый опасный враг России всегда был внутренний враг.

Но вернемся к Карамзину.

Александр I, исходя из самых лучших соображений, создал автономное Великое Княжество Финляндское, передав ему еще и российскую Выборгскую губернию. Этот добрый жест царя-идеалиста стал причиной войны 1939–40 гг. После победы над Наполеоном Александр I попытался восстановить Польшу, дав ей автономию с конституцией, парламентом, валютой и армией. Поляки, ожидавшие от русских мести за поддержку Наполеона, были приятно удивлены этим обстоятельством. Когда Александр I приехал в Польшу, то толпа восторженных поляков, выпрягла лошадей из императорского экипажа и сама в него впряглась. Поляки повезли императора по улицам Варшавы, распевая тогдашний польский гимн «Бозе, цось польске». Впрочем, польские магнаты немедленно попытались использовать благосклонность императора, призывая его восстановить Польшу в границах 1772 года, то есть до разделов. Это означало, что Правобережная Украина, Белоруссия, Литва, Курляндия (эти земли поляки окрестили «забранным краем») должны отойти к восстанавливаемой Польше. Император был готов согласиться с этим, но вновь вмешался Карамзин.

В 1819 г. Карамзин высказал царю свое «Мнение русского гражданина», осудив ошибочный курс Александра I в отношении Польши и западных губерний России. Намерение царя восстановить Речь Посполитую вместе с ее прежними владениями в Белоруссии и Правобережной Украине подрывало территориальную целостность Российской

империи, разрывало только недавно, при Екатерине II достигнутое политическое единство Великой, Малой и Белой Руси. В довершение всего Россия своими руками создавала заведомо враждебное отношение к себе со стороны других государств–участников раздела Польши в конце XVIII в., вряд ли при этом надеясь надолго обеспечить себе дружественные чувства восстановленной Польши. Известно, что возмущение этой перспективой в российском обществе было практически всеобщим.

Карамзин был одним из самых ярких критиков замысла своего монарха. Его записка «Мнение русского гражданина», написанная 17 октября 1819 г. и прочитанная им в тот же вечер императору, произвела на последнего сильное впечатление.

В том, что Польша в границах 1772 г. не была восстановлена руками русского царя – большая заслуга Карамзина. Впрочем, сам историограф не переоценивал свою роль в этом деле: «Россия удержала свои Польские области, но более счастливые обстоятельства, нежели мои слезные убеждения, спасли Александра от дела, равно бедственного и несправедливого»^{*}.

И «Записка», и «Мнение» отнюдь не были только сугубо теоретическими произведениями. Поскольку Карамзин отражал в них не только собственные политические представления, но и говорил от имени достаточно влиятельного круга просвещенных дворян, среди которых и будущие декабристы, и (что вполне естественнее) консерваторы, то голос Карамзина был голосом определенного политического направления. Сам Карамзин как придворный историограф, приближенный к императору человек (что в условиях самодержавной монархии означает значительную власть), был в состоянии оказывать большое практическое воздействие на правительственный курс. В творчестве Карамзина присутствует и неприятие многих сторон философии века Просвещения, мысль о гибельности насильственных преобразований, т. е. революции, консерватизм, который совершенно не был апологией существующего порядка вещей. Карамзин – сторонник введения «коренных законов», но не конституции и парламентаризма. Верность принципу самодержавной монархии не мешала историку критически оценивать многих русских царей и прямо выражать недовольство в лицо монарху некоторыми его неоправданными преобразованиями. При императоре Павле I Карамзин едва не был арестован, так что обвинять его в лъстивости и заискивании перед сильными мира сего не приходило в голову даже самым ярким критикам. Говоря о самодержавии, историк всегда имел в виду самодержавие, очищенное от «тиранства».

В оценке русского прошлого у Карамзина нет ни восхваления, ни отрицания петровских реформ, что характерно для более поздних

^{*} Карамзин Н. М. Указ. соч. с. 559.

западников и славянофилов. Русская история у Карамзина составляет единое целое.

Свое понимание сущности отечественной истории Карамзин выразил в словах: «Россия основывалась победами и единоначалием, гибла от разновластия и спасалась мудрым самодержавием». Под этими словами могут подписаться правые не только всего XIX столетия, но и современные правые, оговорив, что под самодержавием можно понимать не только монархическую форму правления, но и любое национально-авторитарное правительство в стране. И в завершение разговора о Карамзине обратим внимание на то, что в его деятельности можно видеть многие черты позднего правого движения. Здесь и апелляция к общественному мнению (тогда еще из ограниченного числа просвещенных дворян), и активное влияние на это мнение, даже если это идет вразрез с пожеланиями монарха.

Используя известную метафору Пушкина о Ломоносове, который «был нашим университетом», можно сказать, что Карамзин был первой русской правой партией, занимающейся активной теоретической, пропагандистской и практической политической деятельностью, как это только возможно в условиях самодержавной монархии. Вероятно, именно отсюда становится возможной знаменитая фраза историка в письме 1818 г.: «По чувствам останусь республиканцем, и притом верным подданным Царя Русского: вот противоречие, но только мнимое!» Под республиканскими чувствами здесь надо понимать чувство гражданина, вполне осознающего свой долг и, подобно древним римлянам, выполняющего его до конца. Верность монархии у Карамзина не означает тупого выполнения всех начальственных предписаний, даже самых нелепых, а честную осмысленную позицию гражданина, повинующегося власти не за страх, а за совесть и в силу убеждений искреннего монархиста в том, что именно самодержавная монархия является наиболее подходящая для России формой правления. Это убеждение гражданин и монархист готов отстаивать даже перед монархом в качестве правой консервативной «оппозиции его величества».

Граф С. С. Уваров и «теория официальной народности»

Есть глубинный смысл в том, что карамзинский период свободного консерватизма завершился 14 декабря 1825 г. Речь здесь идет не о том, что сам историограф, присутствовавший в тот день на Сенатской площади, смертельно простудился и умер через несколько месяцев. С

1825 г. перед всем русским обществом появилась реальная альтернатива слева существующему порядку вещей в виде революционного преобразования России. Начиная от декабристов целое столетие революционное движение, вдохновляющееся различными теориями и доктринами, составляет важнейшую черту всей внутренней политической жизни Российской Империи до самого ее конца.

Первоначально, вслед за декабристами, попытались расчленить Россию поляки. Хотя в 1814–30 гг. Польша была автономным государством («Царством, или Королевством Польским»), связанным с Российской империей лишь династической унией (самодержавный император Всероссийский был по совместительству конституционным королем польским), но польское шляхетство не могло примириться с тем, что хозяйничает только в польских землях. Для практически всех польских политических деятелей границы Польши, установленные Венским конгрессом (которую они презрительно называли «конгрессувкой»), были неприемлемы. Стремление захватить «забранный край» (повторю, что так назывались западные губернии Российской империи, входившие в Речь Посполитую до разделов) стало навязчивой польской «национальной идеей». Логика в подобном стремлении была проста: Польша в своих этнографических границах, практически совпадавших с «конгрессувкой», получив независимость, будет маленьким и невлиятельным государством. Зато, расширив границы на восток, Польша сможет вновь стать великой державой. Присоединение «забранного края» к Польше казалось вполне реальным, поскольку в западных российских губерниях вся власть принадлежала богатому польскому дворянству. Действительно, в западных губерниях Российской империи мало что изменилось со времен Речи Посполитой. Многие русские путешественники чувствовали себя на правом берегу Днепра или в Белоруссии как за границей. До 1840 года все делопроизводство велось на польском языке, большинство белорусов и правобережных украинцев принадлежали к униатской церкви. При этом почти все образование в крае носило польско-католический характер, успешно превращавшее белорусов и украинцев в поляков. Курьезно, но даже в православных духовных семинариях в Правобережной Украине польский был языком преподавания. Поразительно, но после падения Речи Посполитой процесс ополячивания восточных славян, бывших польских подданных, пошел ускоренными темпами. Так что надежды поляков на присоединение к себе Белоруссии и Правобережной Украины были не беспочвенны. Впрочем, горячее воображение поляков рисовало и еще более заманчивые границы Польши «от моря до моря» (то есть от Балтики до Черного моря) с такими «польскими» городами, как Рига, Смоленск, Одесса и пр.

Даже в военном отношении, по мысли польских деятелей, захват Западного края не представлял трудностей, поскольку помимо армии Королевства Польского поляки могли рассчитывать на расквартированный в западных губерниях Литовский корпус, которым командовал Наместник в Польше Константин Павлович. Офицерский состав корпуса был преимущественно польским, мундиры польского образца.

В 1819 году бывший офицер наполеоновской армии В. Лукасинский создал тайное общество «Национальное масонство» (!), вскоре переименованное в «Патриотическое общество», ставящее своей целью подготовку восстания с целью восстановления Польши в границах 1772 года. По масонским каналам Лукасинский установил связь с русскими декабристами, пытаясь создать единый фронт по разделу России.

Осенью 1830 года, поляки попытались воспользоваться общеевропейским политическим кризисом, вызванным очередной революцией во Франции, свергнувшей династию Бурбонов. Поскольку именно Бурбоны были гарантией сохранения границ, установленных Венским конгрессом 1814–15 гг., (в том числе и границ Польши), то возникла реальная перспектива войны Франции против всей Европы. Одновременно разразилась революция в Бельгии и усилилось революционное движение в Италии. Польские деятели не могли не воспользоваться подготовкой к походу польской армии, чтобы не попытаться изменить границы «конгрессовки». В ноябре 1830 года вспыхнуло восстание польской армии в Варшаве, после чего власть в Царстве Польском перешла к правительству мятежников. Затем мятеж шляхты начался в Литве и Белоруссии. На помощь мятежникам в западных российских губерниях пришли регулярные войска из Королевства Польского под командованием генералов Гелгуда и Хлапинского, перейдя Неман в том же месте, что и польские части в авангарде Великой Армии Наполеона в 1812 году. Так началось очередное вторжение с Запада, почти забытое современными русскими людьми. Явно страдая манией величия, польские повстанческие лидеры выпустили 6 декабря (по новому стилю) 1830 года Манифест, в котором провозгласили, что восставшие ставят перед собой целью «... не допустить до Европы дикие орды Севера... защитить права европейских народов». Вскоре в Петербург прибыла польская депутация, которая должна была «просить о восстановлении королевства в прежних границах»*. Если во главе страны стояли бы Александр I или Горбачев, то начались бы переговоры. Если страной правил бы тогда Ельцин, поляки получили бы территории гораздо больше, чем хотели. Но, к счастью, император Николай I прекрасно понимал значение происходящих событий. По его

---

* Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1997, с. 304.

словам, от результата польской кампании «зависело политическое бытие России».

Эти слова не были преувеличением. В случае поражения Россия была отброшена за Днепр и Западную Двину. Кроме того, Европа 1830–31 гг. жила под угрозой возникновения большой войны, и локальная кампания против поляков могла быстро перерасти в конфликт общеевропейского значения. Но император Николай I действовал решительно. После года кровопролитных боев поляки были разгромлены. Остатки польской армии и десятки тысяч простых поляков бежали за рубеж. Здесь большинство из них ждало нищее эмигрантское существование. Многие бывшие солдаты и офицеры польской армии вступили во французский Иностранный Легион, и отправились на колониальную войну в Алжир, где большинство из них ждала бесславная гибель. Французский командующий колониальными войсками в Алжире трогательно писал о гибели польских частей Легиона: «Окруженные со всех сторон, они сгруппировались на холме, где этот храбрый отряд, составленный из солдат, закаленных в войне с русскими, держался стойко и доблестно проливал за Францию свою кровь, которую он уже не мог пролить за свободу Польши»*.

Царство Польское утратило автономию и конституцию. В западных губерниях были отменены местные законы, русский язык был введен в делопроизводство, в 1839 году была ликвидирована униатская церковь, и белорусы вернулись в Православие. Польский вопрос на три десятилетия перестал быть актуальным.

Столь подробное напоминание о польской проблеме необходимо только потому, что в русском самосознании до сих пор существует комплекс вины за усмирение польских восстаний. Еще дореволюционные либералы умилялись демагогическим лозунгом «За вашу и нашу свободу». В советскую эпоху, учитывая, что Польша была социалистической страной, официальная наука практически умалчивала о самих польских мятежах. Но стеснятся нам, русским, нечего. Все польские восстания, в том числе и последующее, о котором речь впереди, были *национально-захватническими*. Их подавление было для России необходимой самообороной.

Впрочем, сами по себе окраинные восстания были для России не опасны. Несравненно большую опасность представляло собственное русское антигосударственное движение.

На русских правых новый период развития общественной мысли отразился самым непосредственным образом. Самое существенное изменение в их положении заключалось в превращении правых в подавляющем большинстве (кроме славянофилов) в сугубо «государственных

* Брюнон Ж., Маню Ж. Иностранный Легион. 1831–1955. М., 2003, с. 23.

людей» или пропагандистов правительственного курса. Во всяком случае, таковым было общественное мнение, и правые николаевской эпохи, с его точки зрения, были казенными пропагандистами.

Если до начала XIX в. все лучшие люди России были вместе с властью, то теперь многие (хотя и оставаясь в меньшинстве) из лучших людей стали активными борцами против власти. В этих условиях правые консерваторы, имея все основания считать, что самодержавная монархия достаточно успешно защищает национальные интересы страны, а любые революционные потрясения представляют угрозу безопасности России, действительно приняли характер казенно-охранительных сил. Сохранение того, что возможно сохранить и изменяясь, ничего не менять – вот что стало целью правых николаевской эпохи. Не развитие своей оригинальной теории, а сохранение и пропаганда истинно русских охранительных начал требовалось от мыслителей правого лагеря.

С другой стороны, само самодержавие при Николае I впервые в истории почувствовало необходимость идеологического обоснования своего существования. Появилась нужда в светской официальной идеологии.

Официальная идеология, в соответствии с законами жанра, должна прославлять прошлое, оправдывать настоящее и обещать замечательное будущее. Такая идеология времен николаевского правления с легкой руки либерального историка XIX века А. Н. Пыпина (кстати, двоюродного брата Чернышевского) получила не очень точное, но давно утвердившееся в науке название «теория официальной народности». Желая лишний раз лягнуть русских «русофатов», в ряде статей, помещенных в западническом журнале с соответствующим названием «Вестник Европы» в 1873–74 гг. Пыпин свел официальную идеологию лишь к подчинению властям. Но на деле «теория официальной народности», при всей нелепости названия, была достаточно серьезной идеологией, реально отражавшей общественное сознание.

В общих чертах ее изложил министр народного просвещения граф С. С. Уваров во Всеподданнейшем докладе императору в связи с десятилетием своего пребывания на посту министра. Сущность концепции Уваров выразил в следующих словах: «Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, при повсеместном распространении разрушительных понятий, в виду печальных явлений, окружавших нас со всех сторон, надлежало укрепить отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народная; собрать в одно целое священные остатки ее народности и на них укрепить якорь нашего спасения. К счастью, Россия сохранила твердую веру в спасительные начала, без коих она не может благоденствовать, усиливаться, жить. Искренно и глубоко привязанный к церкви отцов

своих, русский искони взирал на нее как на залог счастья общественного и семейственного. Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть. Русский, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашего *православия*, сколь и на похищение одного перла из венца Мономахова. *Самодержавие* составляет главное условие политического существования России. Русский колосс упирается на нем, как на краеугольном камне своего величия. Эту истину чувствует неисчислимое большинство подданных Вашего Величества: они чувствуют ее в полной мере, хотя и поставлены на разных ступенях гражданской жизни и различествуют в просвещении и в отношениях к правительству. Спасительное убеждение, что Россия живет и охраняется духом самодержавия сильного, человеколюбивого, просвещенного, должно проникнуть народное воспитание и с ним развиваться. Наряду с сими двумя национальными началами, находится и третье, не менее важное, не менее сильное: *народность*. Вопрос о народности не имеет того единства, как предыдущий; но и тот и другой проистекают из одного источника и связываются на каждой странице истории Русского Государства. Относительно к народности все затруднение заключалось в соглашении древних и новых понятий; но народность не заставляет идти назад или останавливаться; она не требует *неподвижности* в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, перемещает наружный вид свой по мере возраста: черты изменяются с годами, но физиономия изменяться не должна. Неуместно было бы противиться этому периодическому ходу вещей; довольно, если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий, если примем их за основную мысль правительства, особенно в отношении к отечественному воспитанию.

Вот те главные начала, которые надлежало включить в систему общественного образования, чтобы она соединяла выгоды нашего времени и с надеждами будущего, чтобы народное воспитание соответствовало нашему порядку вещей и не было чуждо *европейского духа**.

Как видим, «официальная народность» графа С. С. Уварова отнюдь не сводилась к апологии правительственного курса. Уваров точно уловил необходимость единства духовного, политического и национального начал в жизни страны, которые и были выражены в триаде «Православие – Самодержавие – Народность». Не случайно эта условная триада и в наши дни является одним из самых распространенных девизов русских правых. Мало какой из политических формул во всемирной истории была суждена такая долгая жизнь. Вероятно, только масонский лозунг «Свобода, Равенство, Братство» Великой Французской Революции, в противопоставлении которому и была создана уваровская триада,

* Десятилетие министерства народного просвещения. СПб., 1864, с. 2–4.

может похвастаться большим долголетием. Но вряд ли в современной Франции каноническая формула вызывает столько новых толкований и разъяснений, как в современной России.

Для многих современных патриотов характерно стремление вообще всю русскую духовную культуру свести к этим трем словам. Так, по словам известного скульптора В. Клыкова: «Русская идея – это Православие, Самодержавие, Народность». Недавно скончавшийся знаток русской и мировой философии А. Гулыга считал триаду формулой русской культуры*. Что касается консерваторов николаевского времени, то нельзя отказать им в логичности, ясном понимании стоящих перед Россией проблем (что не мешало им испытывать страх при мысли, что решение этих проблем, например, ликвидации крепостничества, не породит тут же новые, не менее значимые). В силу этого «теория официальной народности», при всех своих историософских озарениях мысли в глазах «просвещенного общества» так и не стала теорией, а осталась лишь своего рода набором фраз, которые произносят благонамеренно мыслящие обыватели. Впрочем, официальная, навязываемая сверху доктрина вряд ли могла иметь другую судьбу.

Между тем, по убеждению, а не по заказу, в духе «теории официальной народности», творили литераторы Н. В. Кукольник, М. Н. Загоскин, Ф. Т. Булгарин, Н. И. Греч, О. В. Сенковский, историк М. П. Погодин, архитектор А. К. Тон, композитор М. И. Глинка и мн. др. Эпоха «николаевской реакции» была одной из самых ярких в истории русской культуры. И ведь большинство деятелей культуры того времени состояли на государственной службе. Впрочем, не служивший дворянин, «лишний человек» (социальный тип, совершенно неизвестный в предшествующие эпохи), только теперь становится заметным явлением, что находит отражение в классической русской литературе. Однако все эти литературные Чацкие, Онегины и Маниловы были тем исключением, что подтверждает правило. Мыслящий человек того времени обязательно служил.

Разумеется, даже самые духовно свободные люди России понимали, что без сильной государственной власти в стране невозможны никакие преобразования и никакие политические свободы. И, что еще более существенно, все лучшие русские люди того времени, будучи всесторонне, по-европейски воспитанными, оставались искренними патриотами и, имея много причин быть недовольными положением в России, сохраняя чувство независимости от власти, не выступали против символизирующей единство страны власти. Не случайно А. С. Пушкин в зрелые годы был, по мнению П. Вяземского, «свободным консервато-

---

* Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы. М., 1995, с. 43.

ром», а также, по мнению известного публициста Русского Зарубежья, Г. П. Федотова, «певцом Империи и свободы».

Итак, в период царствования Николая I русские консервативные правые вырабатывают собственные оригинальные теоретические концепции, несмотря на двусмысленность своего положения как официальных пропагандистов крепостнического самодержавия, что ограничивало как их теоретическую свободу, так и восприятие их идей в обществе. В самом общем виде из основных положений идеологии правых второй четверти XIX в. можно выделить следующие:

- Противопоставление России и Запада (центральный вопрос русской философии истории).

- Самодержавие – главное условие политического существования России.

- Народ (не столько в этническом, сколько в социальном значении этого слова) приобретает значение виднейшей политической силы, раз уж «народность» является одним из основных начал, которое «не менее важное, не менее сильное» (все это может считаться совершенно революционным в стране, где в 1833 г. крепостные составляли 44,9% всего населения!).

- Признание естественного неравенства людей и вытекающей отсюда неизбежности сословной и классовой иерархии в обществе.

- Просвещение и воспитание россиян на основе истинно-русских начал будет способствовать мирному эволюционному развитию России, гораздо более эффективному и скорому, чем в потрясваемой социальными бурями Европе.

- Распространение в «образованном обществе» безбожия и вольномыслия чревато для России катастрофой, поскольку все революционные теории подрывают коренной порядок русской жизни. Этим зловерным теориям, занесенным с Запада, необходимо противопоставить свое русское направление просвещения. Вообще от Запада следует отгородиться идейно, установив карантин против чуждых учений.

Разумеется, не обходили консерваторы главную социальную проблему тогдашней России – крепостное право. Император Николай I издал 108 законов, облегчающих жизнь крепостных. Он неоднократно высказывал твердое намерение освободить крепостных в свое царствование. Но с позицией крепостников должен был считаться и самодержавный царь. Освобождение крепостных произошло при царствовании Александра Второго Освободителя.

Как видим, перед нами довольно целостная государственно-традиционалистская консервативная идеология, в общем объективно оценивающая положение в России. То, что многие лозунги, положения, теории, характерные черты практической политики составляют сущес-

твенную часть политического идейного багажа современных русских патриотов, говорит о жизненности «теории официальной народности».

Славянофилы и рождение национальной правой философии

Несравненно большее влияние из теоретического наследия русской мысли XIX века оказало на современных русских правых славянофильство. Многие национал-патриоты из числа творческой интеллигенции обычно себя и называют славянофилами, или, что еще чаще, почвенниками (от одного из направлений теоретического славянофильства, связанного с именем Ф. М. Достоевского), или некоторые – русофилами. На Западе вообще склонны считать славянофилами всех в России, кто не склонен считать свою страну отстающей периферией западной цивилизации.

Говоря о славянофильстве, следует заметить, что этот термин употребляется в современной России в трех различных значениях:

1) «Как оскорбленное народное чувство, как темное воспоминание и верный инстинкт, как противудейственный исключительно иностранному влиянию». (А. И. Герцен) 2) Как философско-историческая концепция о принципиальной несхожести (или даже враждебности) русской и западной цивилизаций. Эти представления сложились еще во времена Киевской и особенно Московской Руси. Свое воплощение эта концепция нашла в известной теории «Москва – Третий Рим». 3) Сложившаяся в 30–40-е гг. XIX века философия русского национализма, представленная именами А. С. Хомякова, И. И. Киреевского, братьев Аксаковых и др. мыслителей.

Классики славянофильства XIX в. заложили основы теоретического обоснования для современных концепций девестернизации («расзападничества») России, что занимает одно из главных положений современных национально-патриотических доктрин. В этом смысле славянофилы XIX века действительно являются духовными предтечами национал-патриотов сегодняшнего дня. Религиозный характер учения славянофилов не должен вводить в заблуждение современных исследователей преимущественно *светского* правого движения. Ведь православие является фундаментом всей русской культуры и дает ей то, что принципиально отличает ее от западной культуры. Кроме того, современная западная светская демократия выросла в значительной степени из протестантизма.

Исторически славянофильство появляется в результате своеобразной заочной полемики о прошлом, настоящем и будущем России развернувшейся в 30-е гг. XIX века. Знаменитый глава III отделения Собственной е. и. в. канцелярии А. Х. Бенкендорф, человек, не лишенный литературного дара, один из своих Верноподданнейших докладов закончил знаменитой фразой: «Прошедшее России удивительно, настоящее более чем великолепно, будущее выше всего, что может представить себе самое пылкое воображение!»

Этой квинтэссенции казенного оптимизма ответил в своем «Философическом письме», ставшем своеобразным манифестом западнического взгляда на Россию, П. Я. Чаадаев: «Прошрое ее (России) бесполезно, настоящее тщетно, а будущего у нее никакого нет!»

Разумеется, те, кто не разделял ни энтузиазма Бенкендорфа, ни меланхолии Чаадаева, также не могли не высказаться о судьбе России. 1839 г. считается годом возникновения классического славянофильства, поскольку именно тогда А. С. Хомяковым и И. В. Киреевским были изложены основные положения славянофильской доктрины.

Не вдаваясь в особенности философии славянофильства XIX в., напомним лишь неизбежность появления этой философии. Более того, само славянофильство отнюдь не является чем-то принципиально новым для русской философской мысли, ведь проблема осмысления национального прошлого и настоящего вообще является центральной в отечественной философии. Нового А. Хомяков и И. Киреевский привнесли лишь философский метод классической немецкой философии.

О сущности классического славянофильства хорошо сказал известный философ русского Зарубежья Ф. А. Степун: «Славянофильское утверждение России совершенно тождественно духовному и бытовому патриотизму западных народов; западническое отрицание Руси... явление Западу неизвестное, явление типично русское»^{*}.

Патриотизм как основа славянофильства придал этому философскому и литературному направлению особенную силу, совершенно несопоставимую с реальной численностью самих теоретиков. Граф Блудов говорил Николаю I, что «все славянофилы поместятся на одном диване», став, таким образом, творцом выражения «диванная партия»^{**}. Но при всем том, что сами родоначальники славянофильства действительно были небольшим кружком, сказать, что они подобно декабристам «страшно далеки от народа», не приходится. «Чувство славянофильства» всегда присутствовало, пусть даже на неосознанном, инстинктивном уровне, в мировоззрении подавляющего большинства русских лю-

^{*} Цымбаев Н. И. До горизонта – земля // Вопросы философии, 1997, № 1.

^{**} Кириллов И. Третий Рим. 1914, с. 49.

дей. До революции в силу неграмотности, а при советской власти в силу идеологической цензуры, сделавшей сочинения классиков славянофильства недоступными для «широких масс» советского общества, имена А. С. Хомякова или братьев Аксаковых большинству граждан страны ничего не говорили, но почти все из них были согласны с идеей самобытности России. Вообще, идея величия и богоизбранности в тех или иных вариациях была присуща каждому сильному и восходящему народу. К чести России можно сказать, что славянофильская концепция русской исключительности не имеет шовинистического оттенка в отличие от других теорий «избранничества» народов, будь то ветхозаветная идея «избранного народа» или нацистская теория «народа-господина».

Сердцевину и творческую основу национального своеобразия каждой страны, по мысли классиков славянофильства, составляет религия, и в частности для России Православие. Заметим, что и в XX веке многие выдающиеся западные мыслители, в частности А. Тойнби, считали религию если не главной, то одной из основных характеристик цивилизации. Конечно, абсолютизировать религию с высоты пройденного человечеством опыта нельзя, ведь одно и то же вероисповедание носит совершенно различный характер в разных странах (современный католицизм во Франции, в Польше, на Филиппинах или в Латинской Америке объединяет лишь догматическое единство в вопросах веры и авторитета папы, по всем же социальным вопросам в каждой стране свой католицизм). По остроумному замечанию академика И. Н. Моисеева, не религия определяет цивилизацию, а цивилизация определяет религию. В этом смысле действительно можно говорить о русском Православии, которое носит особый русский характер, отличаясь от Православия, скажем, румынского. Цивилизация, безусловно, нуждается в религиозной идеологической системе, которая помогает цивилизации осознать себя таковой, дает чувство духовного единства обществу, даже лишенного политического единства (например, Древняя Греция, разделенная на множество полисов, или Русь периода удельной раздробленности). Одновременно религия обеспечивает четкое противопоставление другим иноверным цивилизациям, что уже сразу подчеркивает самобытность каждой цивилизации.

Кроме религии, другой особенностью России славянофилы справедливо считают крестьянскую общину. Коллективистский характер русского общества в значительной степени способствовал широкому укоренению в России самых различных социалистических теорий и, напротив, привел к тому, что идеи либерализма от Екатерины II до Ельцина не имеют никакого воздействия на массы. Заметим, что на Западе левые исповедуют коллективистские теории, а для правых характерен упор на индивидуальные права. В России и для левых, и для большинс-

тва правых присущ своеобразный культ коллективизма и отличия левых с правыми заключаются лишь в степени признания социального равенства между группами людей, будь то сословия, классы и пр.

Итак, классики славянофильства XIX в. философски обосновали цивилизационную самобытность России. В этом их непреходящее значение перед русской культурой. Большинство конкретных социально-политических проблем, волновавших славянофилов – монархия, крепостное право, «Восточный вопрос» и т. д. – стали достоянием истории. Но на исходе XX века в России как никогда стало очевидно болезненное противостояние тысячелетней культурной традиции и западнических настроений, причем не только навязываемых «сверху», но и имеющих, к сожалению, определенную массовую поддержку «снизу». Н. Я. Данилевский недаром назвал одну из глав своей замечательной книги «Россия и Европа» (видимо не случайно запрещенной при советской власти и лишь в 1991 г. впервые переизданной в послеоктябрьский период) «Европеизация – болезнь русской жизни». В начале 1990-х гг. эта болезнь распространилась особенно широко, что не случайно способствовало приходу к власти в стране западнических сил. Все это не могло не привести к обострению извечного российского спора между западниками и славянофилами. Исчезновение цензурных запретов советского периода и рост внимания к религии, в первую очередь к Православию, вызвал естественный всплеск интереса к славянофильским классикам. Разумеется, основная масса рядовых патриотов является «славянофилами чувства», не искушенными в философских изысках и от виднейших мыслителей прошлого им известны в основном их имена. Следует заметить, что патриотическая пресса, хотя и не очень успешно, пытается популяризировать творчество славянофилов.

Охранители пореформенной эпохи

Ранние славянофилы до эпохи Великих реформ своим творчеством выявили и обосновали *культурный* антагонизм России и Запада. *Политический* антагонизм выдалось обосновать уже неославянофилам (Н. Я. Данилевскому), цельную же политическую концепцию правого фланга русской политической мысли создали т. н. «охранители» (буквальный перевод латинского слова «консерватор») пореформенной эпохи.

Ранние славянофилы действительно не проявляли особенного интереса к политическим вопросам. Известно категорическое высказывание К. С. Аксакова в записке «О внутреннем состоянии России»,

поданной только что взошедшему на престол Александру II: «Русский народ есть народ негосударственный, т. е. не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша властолюбия... В русской истории нет ни одного восстания в пользу народных политических прав. В русской истории встречаются восстания за законную власть против незаконной; законность иногда понимается ошибочно»*. Благодаря таким высказываниям ранние славянофилы прослыли чуть ли не принципиальными врагами государственности, своеобразными анархистами.

На деле же славянофилы выступали против бюрократических извращений, которые они связывали с последствиями петровских реформ и которые особенно пышно расцвели в царствование Николая I. При этом славянофилы были против методов революционной борьбы, а николаевское время не давало им никакой возможности открытой политической деятельности. Вот отсюда и та своеобразная двойственность славянофилов, отвергающих и революцию и реакцию. Неверие в благотельность революционных переворотов и нежелание идти на службу крепостническому самодержавию привело «оппозицию его величества», каковыми были славянофилы, в положение стоящих особняком салонных ораторов и литераторов.

Но с началом Великих реформ Александра II все решительно изменилось. После бесславия Крымской войны и в правительстве, и в народе, и в «просвещенном обществе» было почти полное единодушие в необходимости проведения глубоких изменений всех сфер жизни российского общества. Но вот глубина и масштаб этих изменений различные политические группировки понимали по-разному. Одни из таких группировок или «партий», (как их называли в то время) считали, что результатом реформ будет ослабление власти в Российской империи, а затем и распад ее на удельные княжества. Для других «партий» конечным результатом происходящих в России процессов будет всеобщая социальная революция, уничтожение старой России и строительство новой на основе умозрительных теорий идеального общества. Третьи также полагали, что историческая Россия должна быть ликвидирована, только не в результате революции, а реформ «сверху», и что после них Россия должна стать точной копией какой-либо западной страны. Были и те, кто наоборот, хотел вернуть прежнюю Святую Русь, уйдя в прошлое. И, разумеется, оставались также и немногочисленные противники всяких изменений.

Но наряду с этими «партиями» (современные политологи классифицировали бы их как сепаратистов, левых радикалов, либералов-западников и реакционеров-крепостников) особенный интерес для

* Теория государства у славянофилов. СПб., 1898, с. 24.

исследователя представляет одно из идеологических и политических течений России конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в., известное под именем охранителей или русских консерваторов. Идеология и политическая практика охранителей являются одной из важнейших составных частей идейных воззрений современных национально-патриотических организаций и русских правых XX в. вообще. Черносотенцы и праворадикальные группировки последних лет царской России с полным основанием считали себя продолжателями дела пореформенных охранителей, тем более что многие из деятелей русской правой начала XX в., такие, как М. О. Меньшиков, В. А. Грингмут, Л. А. Тихомиров, были учениками и последователями М. Н. Каткова в прямом смысле этого слова. Наконец, появившаяся на рубеже 1980–90-х гг. национально-патриотическая пресса начинала с того, что отводила целые полосы на перепечатывание отдельных произведений охранителей, особенно те места из их произведений, где содержалась критика западной демократии, российского либерализма и революционных идей.

В середине и во второй половине 90-х гг. в общественном сознании и особенно в воззрениях гуманитарной интеллигенции произошла «канонизация» одного из самых оригинальных мыслителей стана охранителей Константина Леонтьева. Трудно представить себе, что еще одно десятилетие назад К. Н. Леонтьев был совершенно неизвестен не только «широким массам», но и специалисты-философы если и упоминали имя Леонтьева, то в общем списке «реакционных мыслителей». Разумеется, приобщение широкого читателя к творческому наследию К. Н. Леонтьева – положительное явление, но не менее значимым представляется то, что как философ К. Н. Леонтьев был, мягко говоря, человеком отнюдь не либерально-демократических взглядов. Неизвестно, состоялся бы «леонтьевский ренессанс», если бы малоизвестный при жизни и запрещенный при советской власти философ не оказался удивительно актуальным для всех, не приемлющих социальные и политические изменения в России через столетие после смерти самого Леонтьева. Не только глубина философской мысли самого Леонтьева, до сих пор малоисследованной профессиональными философами, но и литературно выраженная критика идеалов демократии, прогресса, равенства и т. п. в условиях, когда все эти идеалы были серьезно дискредитированы в России, да и, пусть даже в меньшей степени, во всем мире, обеспечили триумф Леонтьеву как мыслителю.

Но если Леонтьев при жизни был не оценен и к тому же сам он чуждался политики, хотя когда-то и состоял на дипломатической службе, то для выявления политических идей охранителей пореформенной эпохи и той практической политики, которую проводили охранители на основании этих теорий, необходимо вспомнить также другие имена.

Русский консерватизм второй половины XIX века существовал как бы в двух ипостасях: к первой можно отнести виднейших представителей высшей бюрократии, таких, как К. П. Победоносцев, Д. А. Толстой, Е. М. Феоктистов, Т. И. Филиппов и др., занимавшиеся практической политикой, ко второй – публицистов, философов, писателей, таких, как И. С. Аксаков, Р. А. Фадеев, Н. П. Гиляров-Платонов и др., разрабатывающих теоретические воззрения охранителей, причем независимо от первых, даже нередко в конфликте с ними. Чтобы не углубляться в чисто исторические экскурсы и не утонуть в массе имен, фактов и теорий, остановимся на личности М. Н. Каткова (1818–1887), не занимавшего никаких административных постов, но при этом, по признанию К. П. Победоносцева, «были министерства, в которых ничто важное не решалось без участия Каткова», т. е. составлявшего обе ипостаси охранителей.

М. Н. Катков был главным идеологом и главным рупором охранителей. В его биографии отразились многие характерные черты пореформенного консерватизма. Разночинец по происхождению, как и большинство охранителей (можно даже говорить о своеобразном разночинном этапе русского правого движения второй половины XIX века), член кружка Н. В. Станкевича, друг Т. Грановского и В. Белинского, хороший знакомый будущего анархиста М. Бакунина, славянофила Аксакова и революционера А. Герцена, Катков пошел своим путем, став виднейшим консервативным мыслителем и публицистом.

С января 1856 г. М. Н. Катков начал издавать ежемесячный журнал «Русский Вестник» и с января 1863 г. – также и ежемесячную газету «Московские Ведомости». Его издания сразу же заняли уникальное место среди тогдашней прессы, причем главную роль здесь играл не только личный талант редактора, но и совершенно определенная политическая позиция этих изданий. Современники употребляли выражение «партия «Московских Ведомостей»» и «катковское направление» без всякой иронии. Действительно, издания Каткова были не столько органами печати, сколько штабом и мозговым центром «охранителей», вырабатывающим, пропагандирующим и способствующим проведению в жизнь своих вариантов решений стоящих перед Россией проблем. В 1856–62 гг. журнал «Русский Вестник» был одним из тех журналов, которые настойчиво добивались проведения в стране реформ, в первую очередь крестьянской. По характеру поднимаемых вопросов и своих предложений журнал Каткова мало отличался от умеренно-либеральных изданий. Впоследствии благодаря этой внешней схожести и появилось представление о Каткове как об изменившем убеждениям либерале, хотя он представлял редкий среди русского интеллигента тип человека, который никогда не «сменял вех», не сжигал того, чему поклонялся, и не поклонялся тому, что сжигал.

До тех пор, пока реформы укрепляли государство и самодержавие, Катков был активным сторонником и пропагандистом реформ. Но как только нововведения начали приобретать опасный для целостности государства и неизменности его политического строя характер, Катков и его «партия» резко выступили против дальнейших реформ. При этом необходимость великих реформ под сомнение никогда охранителями не ставилась.

Впрочем, еще в период союза с либералами Катков обрушился на нигилистов (термин, употребленный впервые в современном значении именно Катковым) и на сочувствующую им часть просвещенного общества. Ожесточенная борьба развернулась между катковским «Русским Вестником» с «Колоколом» Герцена (выходящим за границы, но открыто распространявшимся по России) и «Современником» Чернышевского. Во многом следствием этой журнальной войны было значительное падение влияния герценовского «Колокола», тираж которого уменьшился в 6 раз. Полемика с «Современником» неожиданно прекратилась арестом и ссылкой Н. Г. Чернышевского. Лично Катков как человек, не состоявший на государственной службе и не писавший никаких доносов на Чернышевского (иначе критику Чернышевским Каткова также можно назвать доносом), не был к этому причастен, хотя внес посильный вклад в изменение общественного мнения и позиции верхов в отношении нигилистов, революционных прокламаций и «Современника», способствуя переходу властей к решительным действиям против крамолы.

По-настоящему Катков стал знаменитым в 1863 г., когда вспыхнуло польское восстание. Отношение к нему окончательно развело по разные стороны баррикад охранителей и либералов.

Польское восстание приобрело также большое значение потому, что в период первой революционной ситуации 1856–64 гг. это было единственное по-настоящему революционное выступление (ни отдельные разрозненные крестьянские восстания, ни студенческие беспорядки, ни заговорщицкие кружки не могут считаться таковыми). Во-вторых, что более существенно, польские повстанцы в большинстве своем сражались не за освобождение польского народа, а за восстановление Речи Посполитой «от моря до моря», далеко выходящей за этнографические границы польской нации. И, наконец, в-третьих, польские инсургенты рассчитывали не на свои силы; учитывая, что все восстание носило характер разрозненных партизанских нападений на отдельные русские посты, казармы и мелкие гарнизоны, мятежникам не удалось овладеть ни одним городом, а общее число повстанцев никогда не превышало 10 тыс. чел. Основные свои надежды руководители возлагали на ожидаемую интервенцию стран Западной Европы и особенно на под-

держку своих требований русскими революционерами внутри России. Эти надежды не были такими уж беспочвенными.

Уже в апреле 1863 г. Англия, Франция, Австрия, Испания, Португалия, Швеция, Нидерланды, Дания, Османская империя, Ватикан, предъявили России дипломатическую ноту, более похожую на ультиматум. Западные страны предлагали решить судьбу Польши (подразумеваемая ее в границах 1772 года) на международном конгрессе под своим предводительством. В противном случае западные державы угрожали войной.

Активизировалась подрывная деятельность на окраинах России. Полякам, как почти всегда в истории, пришлось стать пушечным мясом в интересах Запада. Летом 1863 года на черноморском побережье Кавказа, где продолжалась война с горцами, на пароходе «Чезапик» высадился отряд («легион») польских эмигрантов под командованием полковника Пржевлотского. Задачей «легиона» было открытие «второго фронта» против России на Кавказе. Предотвратить высадки новых легионов было трудно, поскольку после Крымской войны Россия не имела права владеть военным флотом на Черном море. Зато на полном серьезе поляки пытались создать свой «флот» на Черном море. Французский офицер Маньян даже получил чин «генерал-капитана польских морских сил на Черном море». Одновременно отряд польских эмигрантов под командованием Липинского пытался высадить десант на Балтике в районе Полангена (Паланга). Еще один отряд под командованием З. Милковского пытался пройти из Румынии на юг России, чтобы поднять восстание русских старообрядцев. Размах польских мероприятий, особенно учитывая слабую способность поляков к организации, не может не впечатлить.

Внутри России мятежные поляки встретили открытую поддержку крайних радикалов и сочувствие либералов. Русское общество оказалось расколотым по польскому вопросу. «Передовая» и «свободо-мыслящая» часть общества выступала в защиту польских сепаратистов (как это напоминает поддержку московско-ленинградской интеллигенцией прибалтийских сепаратистов времен горбачевской «перестройки»!). Некоторые русские радикалы примкнули к полякам и приняли участие в боях против соотечественников. В Казани группа радикалов вместе с ссыльными поляками пытались поднять восстание в Поволжье. В эмиграции Герцен на страницах «Колокола» открыто призывал к поддержке польских требований, а анархист Бакунин принимал участие в подготовке экспедиции Липинского на Балтийском море. Сторонники неделимости Российской империи составляя подавляющее большинство просвещенного общества, оказались, тем не менее, словно подвергнуты бойкоту и ostracismu со стороны малочисленных, но крикливых прогрессистов.

Ко всему прочему наместник в Царстве Польском, брат Александра II, Великий князь Константин Николаевич отличался, наряду с либеральными мечтами, нерешительностью и апатией и сам сочувствовал полякам. Уже давно шли бои, а в Польше и Северо-Западном крае (Литве и Белоруссии) не было предпринято никаких мер военного характера.

Вот в такой накаленной обстановке и выступил на страницах только что приобретенных «Московских Ведомостей» Катков. Он обрушился на российскую администрацию в Польше и Северо-Западном крае, обвиняя ее в бездействии, призывая правительство к решительным мерам против мятежа, к игнорированию дипломатических демаршей западных стран. Но Катков этим не ограничился. С весны 1863 г. он начал кампанию против Великого князя Константина Николаевича, обвинив его в измене. Это была неслыханная дерзость – в открытой печати никогда еще никто не смел обвинять в чем-то особу императорской фамилии! Сам Катков прекрасно помнил, как еще несколько месяцев назад был арестован его ярый оппонент Н. Г. Чернышевский, которого обвинили в составлении прокламации и в том, что «был особенно вредным агитатором» в своих статьях, *пропущенных цензурой*. Катков же открыто выступил с беспрецедентной в истории России по жесткости формулировок критикой справа всей политики правительства, не пощадив даже брата императора и многих других влиятельных сановников из группы «константиновцев». Печатаая такое, Катков вполне мог отпра-виться вслед за Чернышевским в места очень отдаленные.

Но общественное мнение, во многом именно благодаря статьям Каткова было теперь настроено на отпор мятежникам. Великий князь Константин Николаевич уехал за границу «на лечение». По инициативе Каткова на подавление восстания в Северо-Западный край в качестве генерал-губернатора с диктаторскими полномочиями был направлен генерал М. Н. Муравьев, бывший декабрист. Безусловно, это был сильный психологический жест со стороны охранителей. Действуя решительно и беспощадно, Муравьев быстро усмирил вверенный ему край.

Однако заслуга Михаила Николаевича Муравьева заключается не только в этом. Решить чисто военную задачу по разгрому мятежников с большим или меньшим успехом смог бы любой генерал. Муравьев прибыл в Литву и Белоруссию с определенной программой. Своей задачей он ставил окончательную интеграцию края в состав империи. Главным препятствием к этому было наличие польского помещичьего землевладения. И генерал-губернатор не побоялся сделать ставку на угнетенное белорусское крестьянство. Он провел в Северо-Западном крае (Литве и Белоруссии) настоящую аграрную реформу. Было ликвидировано временнообязанное состояние крестьян и выполнение ими феодальных повинностей. Батраки и безземельные крестьяне начали наде-

ляться земель, конфискованной у участвовавших в мятеже помещиков. В целом, в результате реформ Муравьева наделы белорусских и литовских крестьян были увеличены на 24%, а подати сокращены на 64,5% по сравнению с другими краями империи. Муравьев обложил налогом в 10% доходы всех панских имений, а также собственность католического духовенства. Кроме того, польские помещики должны были за свой счет оплачивать сельскую стражу (что-то вроде крестьянского ополчения). Из 40 католических монастырей в Белоруссии Муравьев закрыл 24.

Одновременно генерал-губернатор развернул во вверенном ему крае строительство русских школ, до 1863 года практически отсутствовавших. За несколько месяцев, к 1 января 1864 года было открыто 389 школ! Для подготовки педагогических кадров в городе Молодечно была открыта учительская семинария.

Действия М. Н. Муравьева, как видим, не сводились только к выполнению начальственных предписаний, а были реализацией, говоря современным языком, программы русских националистов, идеологом которых был Катков, по возвращению жителям Белоруссии русского национального самосознания, ослабленного за века пребывания под чужеземной властью. Ради этой цели Муравьев «по-пугачевски» громил польское помещичье землевладение, опираясь на малоимущее крестьянство, которому давал землю и волю.

Ненависть западнической интеллигенции по отношению к Муравьеву была беспредельна. Особую ярость вызывали публичные казни мятежных шляхтичей через повешение. Муравьева заклеили прозвищем «Вешатель», а петлю стали называть «муравьевским галстуком» (сорок лет спустя появился термин «столыпинский галстук»). Впрочем, не только посмертная слава Муравьева стала жертвой космополитических настроений бюрократии и либеральной интеллигенции. Уже вскоре после усмирения мятежа, когда прошел страх перед интервенцией с Запада и распадом страны, официальный Петербург стал препятствовать дальнейшим реформам Муравьева. Он получил титул графа Виленского, но был отправлен в отставку. Его мероприятия были остановлены. Польское помещичье землевладение сохранилось в Белоруссии, Литве и Правобережной Украине до 1917 года, а на западе Белоруссии – до 1939 года! Протестовавшая против ликвидации «системы Муравьева» газета славянофила Ивана Аксакова «Москва» была закрыта, а признанный вождь охранителей Катков, после нескольких цензурных предостережений едва не был арестован.

Итак, в 1863 г. Катков занял совершенно самостоятельную позицию, выступая как против нигилистов и либеральных оппозиционеров,

* Татищев С. С. Император Александр Второй. Его жизнь и царствование. М., 1996, т. 2, с. 241.

так и критикуя правительство через свою печать за бездеятельность, став как бы духовным лидером национально-государственной партии, обычно называемой консервативной или охранительной. С этого времени стал возможен феномен Каткова, ставшего, по словам его сотрудника Е. М. Феоктистова, «государственным человеком без государственной должности», одного из ведущих политиков страны вне правительства, публициста, критикующего недостатки деятельности правительства и указывающего властям на то, что надлежит делать и кто способен это сделать лучше.

Заметим, что Катков никогда не был официальным правительственным журналистом. Вот что заметил один из его современников: «Катков... в сущности был самым ярким представителем оппозиции и не было почти случая, когда он был вполне доволен Петербургом, как еще реже, мы думаем, были случаи, когда Катковым были довольны в Петербурге»*. Положение Каткова как деятеля оппозиции (пусть даже и оппозиции его величества) приводило к тому, что ни один редактор тогдашней российской прессы не имел столько столкновений с цензурой, как Катков.

Уже в начале своей деятельности журналиста, в 1858 г. Катков дважды подумывал из-за вмешательства цензуры о закрытии журнала «Русский вестник», и только заступничество некоторых симпатизирующих направлению журнала сановников удержало Каткова от этого шага. В 1863 г., как уже говорилось, выступая против бездеятельности правительства в польском кризисе, Катков рисковал уже собственной головой. В 1866 г., вступив в конфликт с министром внутренних дел П. А. Валуевым, Катков получил подряд три цензурных предупреждения и был вынужден оставить пост редактора «Московских Ведомостей». Но общественное мнение было почти полностью на стороне неукротимого редактора. К Александру II потоком шли телеграммы и прошения с просьбой оказать монаршую милость и позволить Каткову и далее заниматься своим делом. После аудиенции у императора Катков действительно вскоре вернулся на пост редактора «Московских Ведомостей». И наконец, летом 1887 г., за месяц до смерти, Катков опять едва не получил цензурное взыскание и только ходатайство К. П. Победоносцева перед Александром III избавило яростного публициста от грозящих ему неприятностей.

Катков, прозванный своими поклонниками «львояростным кормчим» государственного корабля, стоя на страже интересов Верховной власти (одно из основных понятий идеологии охранителей) постоянно вступал в конфликт с теми влиятельными министрами и сановниками,

* Скальковский К. А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890, с. 145.

которые, по его мнению, действовали в ущерб интересам России и ее политического строя. Борьба «Московских Ведомостей» с либеральствующими сановниками носила характер борьбы на принципиальной идеологической основе, т. к. уход противоборствующих Каткову лиц означал и полную смену правительственного курса в определенных сферах. В этой борьбе с впадавшими в либерализм министрами Катков видел свой долг верноподданного: «При всем уважении, которое подобает правительственным лицам, мы не можем считать себя их верноподданными и не обязаны сообразовываться с личными взглядами и интересами того или другого из них. Над правительственными и неправительственными деятелями, равно для всех обязательная, возвышается Верховная власть: в ней состоит сущность правительства, с нею связывает нас присяга; ее интересы суть интересы всего народа»*.

В целом, однако, катковские издания и после резкого разрыва с либеральными попутчиками в 1863 г., продолжали поддерживать, а нередко и вдохновлять правительственные реформы 60–70-х гг., которые проводили в жизнь единомышленники «льворяростного кормчего» в правительственных кругах. Реформаторская деятельность тогдашней «партии власти» продолжалась и после «успокоения» России (имеется в виду подавление радикалов, либералов и сепаратистов). 1864 г. был отмечен земской и судебной реформами, 1870 г. – городской, 1874 г. – военной. В пореформенные годы в России начался крупный экономический подъем, во многом вызванный грамотной экономической политикой правительства, активно влияющего на хозяйственную жизнь страны.

Итак, деятельность русских правых, или охранителей, в период царствования Александра II, носила противоречивый характер. С их стороны наблюдалась полная поддержка, а нередко и инициирование правительственных реформ, справедливо прозванных Великими, но только до того момента, пока они укрепляют государство и самодержавие. С другой стороны, охранители постоянно опасались, что реформы зайдут слишком далеко и что Верховная власть упустит из своих рук руль государственного корабля. Отсюда и столь парадоксальное сочетание реформ и консервация социальных институтов (сельской общины или системы чинов), устарелость которых ясно осознавалась охранителями, опасение любой общественной инициативы и тяга к чисто бюрократическим методам решения проблем вместе с активной борьбой за завоевание общественного мнения (чем успешно занимался Катков). Все это стало возможным потому, что самодержавная монархия и правительство (Верховная власть по терминологии Каткова) в 1860–70 гг. занимала своеобразное положение. Традиционная классовая опора самодержавия – поместное дворянство после отмены крепостного права

* Катков М. Н. О самодержавии и конституции. М., 1905, с. 3–4.

начинало быстро сходиться со сцены, а новые социальные силы, могущие стать опорой монархии, только зарождались или укреплялись в результате реформ. Отсюда – и самостоятельная надклассовая позиция монархии, тем не менее открытой влияниям со стороны самых различных сил. Отсюда же стала возможной самостоятельная полуоппозиционная и полуофициозная деятельность охранителей, боровшихся с «либеральными» шатаниями монархии или ее уступками сепаратистам в Польше, на одном фронте, и с революционерами, выступающими против Верховной власти вообще, на другом фронте.

Результатом реформ 60–70-х гг. было появление новых социальных проблем и обострение старых, нерешенных противоречий, что привело Россию к новому кризису на рубеже 1870–80-х гг. и открыло новый период в истории русской правой мысли и правой политической деятельности.

«Партия контрреформ»

На исходе царствования Александра II и особенно с началом правления Александра III охранители перешли от позиции своеобразного сочетания успокоения и реформ к защите социального и политического статус-кво. По многим политическим и социальным вопросам охранители занимали теперь позицию, прямо противоположную недавней деятельности.

Это тем более может показаться странным, учитывая, что большинство влиятельных деятелей времени Александра III, вошедших в историю под именем «реакции 80-х гг.» или «эпохи контрреформ», были представлены все теми же именами охранителей 60–70-х гг. – М. Н. Катковым, К. П. Победоносцевым, Д. А. Толстым и др. Резкий поворот от умеренных реформ к стремлению усилить административную власть объяснялся конкретной исторической обстановкой, в которой пришлось действовать правым.

В конце 1870-х начале 1880-х гг. в России складывается «вторая революционная ситуация». Страну охватывает волна крестьянских выступлений, почти все университеты охвачены студенческими беспорядками, активизируется земское либеральное движение, некоторые деятели которого открыто потребовали созыва Учредительного собрания, оппозиционные настроения охватили славянофилов, крайне раздраженных итогами русско-турецкой войны 1877–78 гг., выступивших с резкой критикой всего внешнеполитического курса России (так, лидер славя-

нофилов Иван Аксаков выступил 22 июня 1878 года с осуждением всей российской дипломатии, фактически с антиправительственной речью), и, наконец, развернулась террористическая деятельность народовольцев.

Как всегда в революционную ситуацию, все были недовольны существующим положением, но каждый видел свой путь спасения России. Исключение составляло правительство, совершенно не понимающее, что делать. Зигзаги правительственного курса конца правления Александра II (от попытки подавления оппозиции силой до создания Верховной распорядительной комиссии генерала М. Т. Лорис-Меликова) являются свидетельством беспомощности власти. Мы же ограничимся лишь кратким напоминанием деятельности правых, выступающих в данном случае не только как контрреволюционная, но и как контрреформаторская сила, имеющая собственное представление о путях преодоления угрозы революции.

Охранители были так же недовольны существующим в стране положением и выражали свою обеспокоенность уже не только в виде верноподданнейших прошений властям.

За один 1880 г. появилось множество проектов обустройства России самых различных авторов. Князь В. П. Мещерский опубликовал книгу с четким названием «Что нам нужно». В начале февраля граф П. А. Шувалов подал царю записку с предложением лишить нигилистов сочувствия в общественном мнении, для чего следует созвать представителей прессы и предложить им от имени монарха объявить «беспощадную войну нигилизму». «Бархатный диктатор» Лорис-Меликов именно так и попытался делать, пригласив к себе редакторов ведущих петербургских газет и журналов, и призвал их поддержать в прессе меры правительства по борьбе с нигилистами.

Впрочем, многие правые предпочитали действовать иначе.

В 1881 г. в Германии выходят без упоминания имени автора «Письма о современном состоянии России. 11 апреля 1879—6 апреля 1880 г.», содержащие критику как всех либеральных реформ Царя-Освободителя Александра II, так и требования «партии порядка» правительству. Автором этих писем, содержание которых было известно еще до выхода книги в свет, был генерал и известный публицист Р. А. Фадеев, что также не было ни для кого секретом. (Любопытно, что в конце 60-х гг. Р. Фадеев активно критиковал на страницах печати военные реформы министра Д. А. Милютина и остро полемизировал с поддерживающим военного министра Катковым). Показателен сам факт, что правым пришлось издавать свои требования анонимно и за границей. Такое издание позволяло охранителям излагать свои взгляды открыто и критиковать правительственных мужей невзирая на чины, включая самого императора, чего не мог позволить себе в открытой печати М. Н. Катков. Как

видим, консерваторы в своей деятельности могли использовать и методы своих принципиальных противников из революционного подполья.

В «Письмах» Р. Фадеева была и позитивная программа (что отличало ее от прожектеров крепостников, сводившихся лишь к «тащить и не пущать»). Например, по аграрному вопросу предлагалось пересмотреть выкупную операцию, исходя из реальной стоимости земли, ликвидация временнообязанного состояния, высказывалась интересная мысль об отмене переделов земли внутри общины, что со временем привело бы к закреплению наделной земли в частную собственность. Кроме того, в программе Фадеева высказывалась мысль об устранении земельного голода путем организованного переселения на окраины части крестьян Европейской России, причем правительство гарантировало бы переселенцам льготный кредит на покупку земли. Говорилось в книге и об усилении хозяйственной роли земств. Как видим, программа Р. Фадеева во многом предвосхитила действия П. А. Столыпина.

Внутри России в период кризиса продолжали выступать с антиреволюционных и антилиберальных позиций М. Н. Катков, В. П. Мещерский, Н. П. Гиляров-Платонов и др. Многие обстоятельства, напр., оправдание присяжными Веры Засулич, злоупотребление университетской автономией радикальными вожаками студенчества, использование земских органов либералами для выдвижения политических требований, почти открытая антиправительственная пропаганда через газеты и «толстые» журналы и т. п., приводили многих активных деятелей реформ 60–70-х гг. к мучительной переоценке своих прежних ценностей, создавая духовную атмосферу будущего контрреформирования.

Тем временем кризис верхов продолжался и после взрыва С. Халтурина в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. Александр II, видя неэффективность чисто карательных мер против оппозиции и под влиянием либеральных кругов высшей бюрократии решил создать Верховную распорядительную комиссию во главе с почти не известным доселе генералом М. Т. Лорис-Меликовым с диктаторскими полномочиями.

Лорис-Меликов, прозванный «бархатным диктатором», пытался сблизиться с умеренными элементами общественности. Это стремление нашло отражение в известном проекте Лорис-Меликова (правильнее было бы его назвать проектом госсекретаря Е. А. Перетца, подготовленного по указу Великого князя Константина Николаевича) по созыву особых законосовещательных комиссий с участием выборных представителей земств и городов, что означало первый шаг к конституции.

17 февраля 1881 г. Александр II приказал Лорису подготовить правительственное сообщение о создании этих комиссий. 1 марта 1881 года готовый проект был одобрен императором, который всего лишь через два часа был смертельно ранен народовольцами.

В период с 1 марта по 29 апреля 1881 года был одним из самых драматичных и переломных в русской истории. Останется ли Россия самодержавной монархией или бросится в неизведанные преобразования и перестройки, чреватые народнической революцией под социалистическими лозунгами – все это теперь зависело в громадной мере от одного человека – только что вступившего на престол Александра III. Новый император колебался, не решаясь ни одобрить, ни отвергнуто лорисовскую конституцию, ближайшие советники и министры также не могли прийти к единому мнению.

Решающая схватка между охранителями и конституционалистами произошла на совещании высших чинов Российской империи 8 марта 1881 г. Большинство участников совещания (9 против 5), включая влиятельных министров Д. А. Милютина, П. А. Валуева, Д. М. Сольского, А. А. Абазу, Великого князя Константина Николаевича (председателя Государственного Совета) выступили в поддержку проекта Лорис-Меликова. Однако победа осталась за консервативным меньшинством. Главную роль в успехе охранителей сыграл обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, бывший воспитатель молодого царя, выступивший с большой темпераментной речью не столько против лорисовского проекта, а против конституционного принципа вообще. Эта речь переломила настроения колеблющегося императора.

29 апреля 1881 года по всей империи был оглашен Высочайший манифест, суть которого сводилась, если убрать все традиционные тяжеловесные словесные обороты, к тому, что «Богу... благоугодно было на Нас (Александра III) возложить священный долг *самодержавного* правления». Провозглашение незыблемости самодержавия означало отказ от всяких конституционных популяризаций. Либеральные министры Лорис-Меликов, Абаза, Милютин ушли в отставку.

Правда, победа охранителей и после 29 апреля не была полной. Революционное движение продолжалось, широкое распространение получил демонстративный отказ от присяги новому императору, продолжался и терроризм народovolьцев, хотя большинство их организаций были разгромлены, а уцелевшие активисты убеждались в бессмысленности своей борьбы. Кроме того, в высших сферах по-прежнему находились сторонники либеральных реформ, правда уже в славянофильском виде. Эти идеи разделял и новый министр внутренних дел Н. П. Игнатьев, предлагавший созыв Земского Собора ко дню коронации Александра III. Интересно, что и среди охранителей были сторонники Собора, поддерживающие идею в принципе, но расходившиеся с Игнатьевым в дате созыва Собора. В результате Игнатьев остался в одиночестве и даже активный пропагандист его взглядов, личный друг царя И. И. Воронцов-Дашков выступил против него. Все это привело к отставке Игна-

тьева и вступлению на пост министра внутренних дел графа Д. А. Толстого, что означало победу охранителей.

Оставалось еще подавить революционное движение. Для борьбы с ним охранители использовали не только всю мощь карательного аппарата государства, но, как и в случае с «Письмами» Р. Фадеева, прибегали к нелегальным действиям. В частности, по инициативе Р. Фадеева, а также И. И. Воронцова-Дашкова, была создана на конспиративных началах тайная организация «Священная Дружина». Не являясь официальным государственным учреждением, обладая значительными средствами, подчиняясь только министру внутренних дел, она состояла из множества представителей высшей знати и купечества. Главной задачей «Дружины» была борьба с революционным движением с помощью «грязных» методов. К примеру, «дружинники» пытались устранить с помощью террористических актов ряд видных революционных деятелей, за границей издавались провокационные газеты «Правда» и «Вольное слово», ставившие целью дезориентацию леворадикальной оппозиции и дискредитацию ее в глазах общественного мнения.

Как видим, правая «общественная инициатива» привела, в условиях логики жесткой политической конфронтации, сторонников «законности и порядка» к использованию самых незаконных методов борьбы. Просуществовав один год, «Дружина» была распущена в конце 1882 г., когда революционное движение было в основном подавлено.

Созданная вместе с «Дружиной» «Добровольная народная охрана», членов которой обычно называли хоругвеносцами, просуществовала до конца Российской монархии, но она носила чисто церемониальный характер, созываясь лишь во время государственных праздников. Впрочем, после разгрома «Народной воли» самодержавие не нуждалось в постоянно действующей добровольной организации.

Свидетельством же поражения леворадикальной оппозиции стало массовое «обращение» в марксизм части народников (напр. Г. В. Плеханова) и появление «раскаявшихся» революционеров, перешедших в стан охранителей. Таковыми стали Лев Александрович Тихомиров, один из руководителей «Народной воли», ставший в дальнейшем одним из виднейших теоретиков правых начала XX в. Отстаивал православно-монархическую идею другой бывший революционер-народник, Юрий Николаевич Говоруха-Отрок. Стал черносотенцем в 1905 г. бывший член Исполнительного комитета «Народной воли» Г. Г. Романенко, который в конце 1881 г. вел переговоры с директором Департамента полиции В. К. Плеве об условиях прекращения террора. Заметим, что все вышеперечисленные экс-революционеры вовсе не были завербованными полицией агентами типа С. Дегаева или Е. Азефа, или заурядными перебежчиками, которые всегда появляются в условиях кризиса полити-

ческого движения. Все эти сменившие вехи революционеры отличались глубоким и ясным умом, пониманием стоящих перед Россией проблем и несклонностью абсолютизировать только один революционный путь. Это особенно относится ко Льву Тихомирову, о котором когда-то писал его товарищ по «Народной воле» М. Ф. Фроленко: «Его легко можно было бы назвать головой организации, но только не в смысле руководства, а в смысле способности к теоретическим обоснованиям как практических начинаний, так и принципиальных положений»*.

Итак, рубеж 70–80-х гг. является важной вехой в истории русской правой XIX столетия. Охранителям в борьбе с крамоллой пришлось действовать, применяя все, в том числе и нелегальные методы борьбы, видимо, не надеясь на мощь и благонадежность государственного аппарата. Заметим, что охранители представляли собой не традиционную придворную камарилью. Различные политические программы и проекты, влиятельная консервативная пресса весьма различающихся издательств, оказывающая значительное воздействие на читающую публику и, наконец, добровольческие формирования – все это свидетельство того, что в период кризиса самодержавия правые представляли собой самостоятельное политическое движение. В терминах современной политологии это движение можно назвать праворадикальным национальным монархическим фронтом. Фронтом его можно назвать потому, что в нем участвовали самые разнообразные идеологические течения и социальные группы, славянофилы, западники, сторонники умеренных реформ и ретрограды-крепостники, поместное дворянство и чиновничество, весьма многочисленные в тогдашней России традиционные патриархальные мелкособственнические круги и аристократы «голубых кровей». Объединяло их всех лишь неприятие возможности переустройства России по западным революционным или либеральным схемам. Верность принципу самодержавной монархии не мешала правым выступать с критикой и осторожным противодействием многим поступкам конкретных монархов. В период острой политической борьбы рубежа 1870–80-х гг. охранители действовали как революционеры. Впрочем, они сами называли себя «революционными консерваторами». Речь шла не только о сохранении того, что было, но и о восстановлении революционными методами истинно русских охранительных начал, ослабленных западническими либеральными реформами. Не случайно Ф. М. Достоевский о себе и своих единомышленниках в «Дневнике писателя» за лето 1876 г. говорил как о «революционерах от консерватизма»**. Национальное воз-

* Малинин В. А. История русского утопического социализма. Вторая половина XIX – нач. XX в. М., 1991, с. 167.

** Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т. 23. Л., 1981, с. 43–44.

рождение России в царствование Александра III можно будет назвать «консервативной революцией».

С середины 1882 г., после отставки графа Н. П. Игнатьева и окончательного поражения «Народной воли», охранители уже не встречали открытого противодействия своей политике. Преобразования продолжались, но уже в основном в области экономики и внешней политики (вспомним начавшуюся при Александре III масштабную индустриализацию и возникновение союза Российской империи с республиканской Францией против монархической Германии, связанной к тому же династическими узами с домом Романовых). Уже это свидетельствует о наличии у деятелей контрреформ понимания стоящих перед страной проблем и умения принимать нестандартные решения.

В области же политической в 80–90-е гг. наблюдался отход от многих либеральных новшеств прежнего царствования, что нашло отражение в усилении административной власти на местах, пересмотре правового положения земств, укреплении совершенно архаичной для того времени сословности, попытке пересмотра судебных уставов и т. п. Но и здесь речь шла лишь о корректировке курса, а не об «отмене» Великих реформ.

Но почему же в отличие от рубежа 50–60-х гг. те же самые люди – творцы Великих реформ, стали так яростно выступать против дела рук своих? Почему упор в своей деятельности охранители сделали на стабилизацию системы, а не на продолжение реформ? Вероятно, та сила обстоятельств, о которой говорил в период Великой Французской революции Сен-Жюст, оказала свое влияние и на контрреволюцию тоже, когда в ходе ожесточенной борьбы стал вопрос о самом сохранении государства, а не только об изменениях в сфере управления. При конфронтации самодержавия с радикалами, которым сочувствовала, пусть даже не разделяя их теорий, значительная часть просвещенного общества, любые политические реформы были бы истолкованы как проявления слабости Верховной власти и привели бы только к усилению борьбы при ослаблении государственности. Немаловажно было и то, что после Крымской войны и краха николаевской системы, даже для законченных крепостников стало ясно, что реформам, и в первую очередь освобождению крестьян, нет альтернативы. Двадцать же лет спустя альтернативой самодержавной, но быстро развивающейся России стала вполне возможная крестьянская революция под общинно-социалистическими лозунгами. Такая перспектива пугала не только тех, кто боялся потерять свои привилегии, чины и деньги, но и всех сторонников эволюционного прогресса.

И, наконец, нельзя переоценивать роль «идейных» правых и при проведении реформ и контрреформ. При самодержавной монархии, за

которую боролись охранители, не может быть правящей партии, и вся полнота власти оставалась у самодержца, а все посты в правительственной администрации находились у чиновной бюрократии, не имевшей своего лица и всегда готовой к выполнению любых предначертаний вышестоящего начальства. Другое дело, что правые в силу ряда причин могли иметь влияние, превышающее их формальные должностные полномочия, поэтому в 1880-е гг. К. П. Победоносцев, занимавший скромную должность обер-прокурора Св. Синода, превосходил своей властью всех остальных министров, а не занимавшие вообще никаких государственных постов журналисты Катков и Мещерский могли во многом определять внутреннюю и внешнюю политику страны. Однако в данном случае все это является традиционным для российской монархии фаворитизмом. В этом смысле можно сказать, что охранители были *при* власти, а не у власти.

Идеалы и идеи русских правых XIX столетия: государство и общество

Итак, проследив деятельность русских правых за целое столетие, можно выделить основные черты тех идей, которыми руководствовались правые в своей политике. Мы не будем касаться особенностей философских взглядов отдельных конкретных мыслителей и политиков. Не ставя своей целью историческое исследование, ограничимся лишь общими для всей правой мысли постулатами, которые принципиально отличали русскую правую от современной ей западноевропейской и что в том или иной виде составляет идейный багаж послесоветских правых конца XX века.

Главная особенность правых того времени заключается в том, что они были *партией порядка*. Сохранение незыблемым самодержавного строя было главным, что объединяло в единое целое достаточно разных политических деятелей, литераторов, философов, журналистов и пр.

Свой долг правые, которых применительно к XIX веку можно также называть консерваторами, видели в защите и укреплении исконно русских начал, которые гр. С. С. Уваров и выразил в своей триаде. Крайних правых русский XIX век не знал, так что действительно термины «консерваторы» и «правые» применительно к тем эпохам можно считать синонимами. Правые и консерваторы (непременно с союзом «и»), чтобы подчеркнуть их единство и отсутствие каких-нибудь «левых

консерваторов») отрицательно относились ко всем массовым социальным действиям, ко всему, что подрывало традиционные устои. Понятно, что уже в силу этого не могло и быть речи о создании какой-то правой партии как структурно-организованного союза единомышленников с изложенной конкретной программой политических действий. (Поэтому слово «партия» применимо к ним лишь как метафора, обозначающая некую общность людей со схожими мировоззренческими принципами и готовыми отстаивать их доступными средствами.)

Как идейное направление, консервативное, но не отрицающее реформы во имя укрепления основных начал, монархическое, но не официальное, правые действительно представляли определенную мировоззренческую целостность. Причем правые были господствующим идейно-политическим направлением, учитывая, что левые радикалы от декабристов до народолюбцев были, по известному определению, «страшно далеки от народа».

Консерватизм правых приводил к тому, что им приходилось не столько разрабатывать свои доктрины и затем проводить их в жизнь, а реагировать на идеи и действия своих либеральных и радикальных оппонентов. Это все не могло не способствовать распространению у современников представления об отсутствии у правых вообще каких-либо идей, кроме сохранения незыблемости самодержавия. В действительности это лишь объединяло, как уже отмечалось, различные течения правых, но этим не исчерпывались их идеологические установки.

Итак, что же было в числе главных принципов правых, верность которым во многом сохраняют и современные патриоты?

Все правые XIX века были монархистами и в большинстве своем сторонниками самодержавной монархии. Необходимость царской власти объясняли ее божественным происхождением. Со времен Вселенских Соборов в Православии утвердилась мысль, что Церковь может существовать только вместе с царской властью. По учению Церкви, всякая власть от Бога, но только царская власть может считаться настоящей. Для верующих людей, каковыми были большинство русских патриотов XIX века, самым авторитетным утверждением могли быть только прямые указания из Библии. Так, во Второзаконии говорилось: «Поставь над собой Царя, которого изберет Господь, Бог твой...» (Второзаконие, 17, 15). И в позапрошлом столетии доводы из Библии были самыми авторитетными для русских людей. Вот что писал, например, митрополит Филарет: «Бог, по образу Своего небесного единоначалия, устроил на земле царя; по образу своего вседержительства – царя самодержавного; по образу своего царства непреходящего, продолжающегося от века до века – царя наследственного»*.

* Государственное учение Филарета, митрополита Московского. М., 1883, с. 12.

Впрочем, эти, восходящие еще к византийским образцам, теории для просвещенных людей XIX века были уже не убедительны. Поэтому консерваторы, продолжая считать монархию проявлением мирового универсального порядка, санкционированного религией, добавляли рациональные доказательства в защиту самодержавия как исторической традиции, без которой не может быть Россия, как единственной силе, способной без насилия и кровопролития осуществить необходимые преобразования и модернизацию в России, учитывая слабость и беспочвенность образованных классов, способных бороться только за свои корпоративные интересы и не желающих подняться на уровень защиты общенациональных интересов. Только самодержавный царь, заявляли правые, может возвышаться над классами и сословиями, действуя в общенародных интересах

Формула «Православие, Самодержавие, Народность» означала, напомним, единство царя и народа (а не монарха и дворянства, как у западноевропейских теоретиков абсолютизма) при духовной власти Православной Церкви. Особенностью русской правой от европейской в XIX веке было постоянное подчеркивание народного характера монархии, в силу чего власть Царя носит надклассовый («народный») характер, при котором не может быть привилегированных сословий. Вот в каких торжественных выражениях писал о единстве исконно русских начал, называя это «царским путем», Катков в одной из своих передовых в критическом 1881 году: «Предлагают много планов... Но есть один царский путь.

Это – не путь либерализма или консерватизма, новизны или старины, прогресса или регресса. Это и не путь золотой середины между двумя крайностями. С высоты царского трона открывается стомиллионное царство. Благо этих ста миллионов и есть тот идеал и вместе с тем тот компас, которым определяется и управляется истинный царский путь. В прежние века имели в виду интересы отдельных сословий, но это не царский путь. Трон затем возвышен, чтобы пред ним уравнивалось различие сословий, цехов, разрядов и классов. Бароны и простолюдины, богатые и бедные, при всем различии между собой, равны перед Царем. Единая власть и никакой иной власти в стране, и стомиллионный, только ей покорный народ, вот истинное царство.

В лице монарха оно владеет самой сильной центральной властью для подавления всякой крамолы и устранения всех препятствий к народному благу. Она же, упраздняя всякую иную власть, дает место и самому широкому самоуправлению, какого может потребовать благо самого народа – народа, а не партий»*.

Не надо думать, что вышеприведенные слова являются демагогией. Принцип неравенства неравных от природы людей, подразуме-

* Московские ведомости, 1881, № 114.

вающий разделение общества на различные социальные группы, для значительной части русских правых дополнялся принципом исключительно служебного, в интересах государства, происхождения сословий, которые отличаются друг от друга не привилегиями, а характером выполнения государственной службы. Напомним, что до «Указа о вольности дворянства» Петра III от 18 февраля 1762 г. в России дворянство было служилым сословием и господствующим классом его можно считать лишь по отношению ко всем другим сословиям. Но даже и после провозглашения дворянской вольности традиция обязательной службы даже для богатых и титулованных дворян сохранилась до конца Российской империи.

Не случайно приезжавших в Россию иностранцев удивляло, что в нашей стране деньги и знатное имя мало что значат без высокого чина. Добавим также, что дворянства, в соответствии с «Табелью о рангах», мог добиться любой российский подданный, заняв классный чин 8-го класса и выше. Такую карьеру действительно смогли осуществить многие простолюдины. Например, полными генералами стали И. Н. Скобелев (дед героя войны 1877–78 гг.) и сын солдата Н. И. Евдокимов, заслуживший еще и графский титул. Графом стал также и госсекретарь Российской империи, поповский сын М. М. Сперанский. В целом основная масса беспоместного чиновного дворянства XIX века имеет больше сходства с советской низшей и средней номенклатурой, чем с тогдашним западным дворянством.

Разумеется, стремление сохранить привилегированное положение без ответственности за свои действия всегда было присуще российской правящей элите. Вся наша национальная история полна попыток установления олигархического правления вместо централизованного единодержавия. «Крестоцеловальная записка» Василия Шуйского и Семибоярщина в начале XVII в., «кондиции» Верховников 1730 г. (и, забегая вперед, партноменклатурные «суверенизации» республик СССР в 1991 г.) – все это были попытки замены самодержавия олигархией.

В XIX в. попытки расширения привилегий господствующего сословия и превращения его в замкнутую касту в значительной степени питали либеральное конституционное движение, как это ни парадоксально на первый взгляд. Нельзя не заметить, что широкое распространение конституционалистских настроений среди дворянства перед отменой крепостного права объяснялось элементарной попыткой помещиков как можно дольше сохранять свою власть над прежними крепостными душами. Вот что пишет современный историк В. Г. Чернуха о конституционалистах времен первой революционной ситуации: «Материальные интересы русских помещиков оказываются под угрозой и значительная часть русского дворянства начинает развивать политическую

активность, добиваясь прямого участия в законодательной деятельности для максимальной защиты своих классовых интересов. С 1858 г. резко возрастает поток всякого рода дворянских проектов реорганизации государственного управления на сословно-представительных началах*.

После падения крепостного права помещики продолжали борьбу за вырывание уступок в свою пользу у монархии под лозунгами конституционно-представительного правления вместо самодержавия. Так, в январе 1865 г. московским губернским дворянским собранием был принят адрес с ходатайством о даровании общего государственного представительства, где в обтекаемой форме речь шла все-таки не о все-сословном, а чисто дворянском представительстве, что не укрылось от проницательных наблюдателей. Так, сенатор К. Н. Лебедев записал в дневнике «Интересы класса дворян здесь даже не на втором плане. Оптиматы хотят иметь политическое значение. Прося об общих выборных земли русской, богачи просят и выборов дворянских выборных, вызываясь служить без всяких служебных прав, без наград и без жалования, как служили и служат Орлов-Давыдов, Безобразов и др. Это будет палата лордов**».

И в более поздние времена продолжали возникать различные политические проекты аристократических группировок. Так, в 1874 г. в Петербурге вышла книга Р. Фадеева (того самого, семь лет спустя издаст за границей свои «Письма») «Русское общество в настоящем и будущем» с предложениями аристократических фрондеров. Главные идеи Фадеева – отнять у крестьян и передать дворянам выбор волостных начальников, лишить учащуюся молодежь недворянского происхождения права на казенные стипендии, устранить земства от выборов мировых судей.

На предложения Р. Фадеева откликнулся славянофил Ю. Самарин своей книгой, изданной, кстати, за рубежом, в Берлине, «Революционный консерватизм». Резко выступив против Р. Фадеева и против претензий дворянства на расширение своих прав по причине особенной «культурности» этого сословия, Самарин не без иронии писал: «Не из высших ли, наикультурнейших сфер исходили покушения, которым всегда без участия и ведома народа, подвергалась именно всесословная цельность верховной власти, начиная от первого царя из дома Романовых... потом при Анне Иоанновне до катастрофы 14 декабря... Проходя историю нашего дворянства для отыскания в ней какого-нибудь подвига свойства консервативного, я нахожу один – в прошлое царствование (Николая I) дворянская оппозиция три раза сдерживала преобразовательный почин

* Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с начала 50-х – начала 80-х гг. XIX века. М., 1978, с. 17.

** Там же, с. 46.

покойного императора в деле упразднения или ограничения крепостного права». Заметим, что Самарин выступал лишь против попыток дворянства узурпировать полномочия самодержавной власти, а не против проведения национальных контрреформ, возвращающих Россию к основам национального бытия. Несколько лет спустя славянофил Самарин и охранитель Фадеев вместе будут бороться со смутой за историческую православно-самодержавную Россию.

Итак, под красивыми словами о конституции и о «народном представительстве» аристократической группировки конституционалистов стояли эгоистические интересы верхушки дворянства, пытающейся ограничить самодержавие для себя. Реализация этих планов означала шаг назад в сравнении с достижениями Великих реформ. Юридическое закрепление позиций дворянства в местном самоуправлении, гарантированное от вмешательства центральной власти, означало только усиление косвенной власти помещика над крестьянами.

Все эти проекты были чуждыми основной массе дворянства, поэтому так и остались не политической программой, а только свидетельством аристократической фронды. Данный вопрос занял так много места из-за того, что и в солидных научных трудах, и в обыденном сознании давно утвердилось представление об однозначной прогрессивности дворянского конституционалистского движения 50–80-х гг. XIX века.

Антиаристократичность и подчеркивание народного характера самодержавной монархии является одним из главных отличий российской правой от западноевропейской, поскольку для последней именно защита привилегированного дворянства (вместе с монархизмом и клерикализмом) занимала центральное место в деятельности. Констатация антиаристократичности русских правых ничуть не опровергается тем обстоятельством, что до самого конца Российской империи они всячески пытались усилить роль *поместного и служилого* дворянства, и в целом поддерживали сословное разделение общества. Противоречия здесь нет. Поскольку принцип неравенства является краеугольным для всех правых теорий, то отсюда логически следует, что с правой точки зрения общество должно управляться элитой, аристократией духа, которая не обязательно должна совпадать с претендующей на независимость от Верховной власти аристократией крови.

Правые теоретики в России справедливо писали, что дворянство российское возникло как служилое сословие и всегда было оплотом самодержавия. Славянофилы призывали преодолеть культурный и языковой барьер между «публикой» (т. е. европеизированным дворянством) и народом. М. Н. Катков так определял миссию дворянства: «Дворянство только потому и дворянство, что оно стоит непрерывно и неустанно на

* Самарин Ю. Ф. Революционный консерватизм. Берлин, 1875, с. 19.

страже общих интересов, меж тем массы народы лишь в минуты чрезвычайной опасности поднимаются на их призыв. Все достоинство дворянства состоит в чутком, неослабном, разумном патриотизме»*. Когда же дворянство забывает свою миссию и пытается добиться перераспределения власти в свою пользу, то это не может быть терпимо.

Помимо аристократической фронды с конституционалистскими лозунгами тревогу у русских консерваторов вызывал процесс потери дворянством своего лица, вызванный тем, что поместное дворянство постепенно разорялось и исчезало, а с другой стороны, дворян по месту в табели о рангах и по наследованию становилось слишком много. Так, в 1858 г. было 612 тыс. дворян, в 1897 г. – около 886 тыс. (без Польши и Финляндии) а в целом по стране в конце XIX в. было 1 млн. 222 тыс. потомственных и более 631 тыс. личных дворян, всего более 1 млн. 853 тыс. с членами семей, или 1,5% населения империи. Среди этой почти двухмиллионной массы дворян были и капиталистические предприниматели, и вузовские интеллигенты (собственно, все лица умственного труда были по праву состояния дворянами), и чиновники, и пролетарии от станка, и деклассированные элементы. Сохранилось вплоть до 1917 г. и поместное дворянство, психология и культура которого оказывали влияние на все остальное дворянство. Но вообще никакого единого целого после 1861 г. дворянство не представляло и в этом смысле не могло считаться единой правящей элитой. Выход из этого положения правые пытались найти путем искусственного создания элиты, чему служили и такие реакционные меры, как попытки ограничения дворянства по чину, создание особых льгот для потомственных дворян, расширение сети привилегированных учебных заведений и т. д. При проведении контрреформ 80-х гг. охранители пытались восстановить выглядевшие анахронизмом для конца XIX в. понятие дворянской чести. Например, в армии были разрешены дуэли. По закону 1884 г. чиновникам пяти высших классов запрещалось совмещать службу с деятельностью в частных предприятиях. Созданный в 1885 г. Дворянский банк предоставлял ссуды на 48 лет и 8 месяцев для поддержки помещичьих имений.

Таким образом, после отмены крепостного права в своей сословной политике охранители парадоксальным образом сочетали неприязнь к олигархическим устремлениям аристократии с попытками создания некоей истинно национальной верноподданной элиты. Элитизм вместе с недоверием к политической и отчасти к экономической самостоятельности просвещенных верхов, принцип иерархичности общества при нерушимости единства нации и полном равенстве всех социальных слоев перед Верховной властью – таковы некоторые парадоксы в политике правых не только XIX в., но и их современных духовных внуков.

* Московские ведомости, 1865, № 205.

Еще одной характерной чертой правых прошлого и современности является сочетание надежд на *просвещение* народа с подозрительным отношением к интеллигенции. Речь идет не о работниках умственного труда в целом, а именно о том социальном явлении, которое с легкой руки писателя Боборыкина получило название «интеллигенции». Учитывая глубоко укоренившееся в среде русской интеллигенции критическое, чтобы не сказать враждебное, отношение к монархии, церкви, служилому характеру сословий и т. п. символам веры правых, недовольство ими интеллигенцией было понятно. Консервативные правые XIX в., будучи сами высокообразованными людьми, не доверяли и консервативной интеллигенции, постоянно пропагандирующей теорию «малых дел», считая, что интеллигенция выполняет свой долг перед народом и государством, честно служа. Те же представители интеллигенции, которые, начиная с 50–60-х гг. XIX века, демонстрировали вольнодумство, проявлявшееся часто всего лишь в том, чтобы претендовать на самостоятельную роль без опеки чиновничества, в культурной жизни страны вызывали у правых приступы гнева: «Панургово стадо, бегущее на всякий свист, политики без национальности, жрецы и поклонники всяческого обмана»*. Подобными пассажами в адрес либеральной гнилой интеллигенцией были переполнены правые газеты пореформенной эпохи. Хотя призыв бить интеллигентов прозвучал лишь в 1905 г., но уже тогда консервативная печать противопоставляла здоровое народное чувство книжным премудростям интеллигентов. Катков на страницах «Московских Ведомостей» одобрительно отзывался об избиении охотнорядцами студентов, приветствующих Веру Засулич, оправданную судом присяжных после покушения на генерала Трепова.

Впрочем, на этом основании не стоит делать вывод об обскурантизме правых. Напротив, о необходимости просвещения народа говорили и много делали практически все деятели русской правой, среди которых можно назвать и Н. М. Карамзина, и знаменитого министра народного просвещения С. С. Уварова, и яростного пропагандиста классического образования М. Н. Каткова, и активно создающего массовые церковно-приходские школы К. П. Победоносцева. Вообще своеобразный «педагогический уклон» был отличительной чертой правых XIX века. Вот как, например, видоизменил уваровскую триаду известный деятель просвещения Юго-Западного края М. В. Юзефович (1802–1889): «... апостольская соборная Церковь, единоличная Самодержавная Верховная власть и правильно установленная лестница народного просвещения – вот три главных устоя, на которых должна быть воздвигнута

* Московские ведомости, 1881, № 138.

наша историческая жизнь»*. Как видим, под «народностью» Юзефович понимал правильную систему просвещения, делающую из аморфной массы верный Церкви и Верховной власти народ. Другое дело, что в их представлении народ представлялся в виде неразумных детей, которых надо учить, но не допускать шалостей. Значение правильного, истинно русского образования правые видели еще в том, что появившиеся в 50-х гг. нигилисты представляли собой «продукт расстройств учебного дела», «искривление мысли под недугом полуобразованности» (Катков). «Нигилизм явился роковым и неизбежным детищем Петербурга от незаконного и развратного брака его с какой-то фиктивной цивилизацией Европы, после развода с Россией»**, – заявлял князь В. П. Мещерский, имея в виду под «Петербургом» все западное культурное влияние, распространившееся в России после Петра I.

Отсюда происходили попытки правых, начиная с графа С. С. Уварова, организовать особое русское просвещение народа и препятствовать распространению среди юношества «материалистических» и т. п. неправильных знаний. В пореформенный период это привело к насаждению классицизма с его культом мертвых классических языков в гимназиях. Излишне говорить, что надежда на то, что зубрежка латинских спряжений отобьет в гимназиях вольнодумные мысли, не только не оправдывалась, но скорее способствовала росту оппозиционных настроений у молодежи, недовольных бессмысленностью этой классической муштры.

Тем не менее недооценивать роль видных представителей правых в деле расширения грамотности и культуры в народе будет совершенно напрасно. Антиинтеллигентность правых не означала их антиинтеллектуализма. По иронии судьбы, в Советском Союзе причудливым образом тоже сочеталось создание одной из самых эффективных систем народного просвещения в мире с попыткой отгородиться пресловутым «железным занавесом» от реакционных, антимарксистских и антисоветских и т. п. теорий в западных общественных науках и от западной же «массовой культуры».

Наконец, еще одной отличительной чертой русской правой был ее *антибуржуазный* (точнее, небуржуазный) характер. Собственно, определенный антикапитализм, причем не только на словах, был присущ немалой части консервативных правых Западной Европы, недовольных социальными последствиями капиталистического развития своих стран. Еще в «Манифесте Коммунистической Партии» в 1848 г. К. Маркс и Ф. Энгельс посвящали целую главу т. н. «феодальному социализму»,

* Юзефович М. В. Несколько слов об исторической задаче России. 2-е изд. Киев, 1895, с. 50.

** Мещерский В. П. В улику времени. СПб., 1880, с. 27.

обратив внимание на критику капитализма и социалистическую фразеологию со стороны аристократии, духовенства и сторонников абсолютной монархии. Но в целом для Запада период правой антибуржуазности оказался непродолжительным.

Тем не менее определенная «феодално-социалистическая» стадия в истории западного консерватизма оказалась первым шагом к консервативному реформизму второй половины XX в.

Переход консерваторов от защиты status-quo к активной реформаторской деятельности во имя сохранения существующего порядка, ради чего можно пойти на серьезные уступки низшим классам, был во многом предопределен самой логикой развития консервативной мысли, в которой принцип стабильности и порядка является одним из основополагающих.

Говоря о консервативном реформаторстве, можно вспомнить как редактор крайне правой «Крестовой газеты» в Пруссии О. Бисмарк быстро и решительно осуществил «революцию сверху», покончив с многовековой раздробленностью Германии. При Бисмарке же, одновременно с борьбой против социал-демократов, в Германии была принята серия беспрецедентных для тех времен законов о социальном страховании рабочих.

Примерно такую же эволюцию проделал Б. Дизраэли и его группировка в консервативной партии. Дизраэли, в молодые годы бывший лидером литературного «феодално-социалистического» кружка «Молодая Англия», возглавив британских тори и став премьер-министром Англии, в своей политике сочетал традиционализм, активное социальное регулирование и имперскую колониальную политику.

Парадоксально, но именно глубоко консервативные партии и лидеры оказались инициаторами проведения самых радикальных социальных реформ при сохранении неизменности политического строя в Западной Европе XIX столетия. Вероятно, присущее консерваторам стремление рассматривать общество как единый организм вместе с тезисом о несовершенстве человеческой природы сделало консерваторов более реалистическими политиками, не склонными полагаться лишь на «невидимую руку» свободного рынка в решении социальных проблем, что было свойственно либералам. Заметим, что все социальные реформы консерваторов отнюдь не покушались на частную собственность как принцип, не ставили своей целью достижение социального равенства, но зато должны были обеспечить стабильность общества при ослаблении (а в идеале – и прекращении) классовых конфликтов.

В русской правой мысли (которая в XIX веке была только консервативной, как уже отмечалось выше) нечто подобное «феодално-социалистической» критике капитализма и буржуазного образа жизни

ни существовало изначально и продержалось практически до конца XIX в. При этом консервативные реформаторы С. Ю. Витте (а затем и П. А. Столыпин) встречали несравненно более сильную оппозицию справа, чем их западноевропейские единомышленники на полвека раньше.

Также забегая вперед, можно отметить, что именно своеобразная правая антибуржуазность привела к завоеванию большевиками немалой части социальной базы правых в начале XX века, и к сотрудничеству правых с государственным крылом в коммунистическом движении в конце века.

Но наряду с этими факторами можно выделить также характерный для России этатизм, подчеркивание значение службы на государство, а не в частных интересах. Проявляя недоверие к политическим претензиям аристократии крови, правые не склонны были доверять и аристократии денег. Добавим к этому отсутствие у российской буржуазии опыта, капитала, да и желания заниматься индустриализацией России. Вспомним, что значительную часть российской буржуазии составляли представители этнических и религиозных меньшинств – натурализованные иностранцы, немцы, евреи. Среди русских по происхождению капиталистов непропорционально большой процент составляли старообрядцы, т. е. также представители угнетенного религиозного меньшинства. Кроме того, самосознание российской буржуазии было по преимуществу, если можно так выразиться, небуржуазным. Не только для Строгановых и Демидовых, но и для фабрикантов, живших уже после падения крепостного права, вся промышленная деятельность была лишь способом приобретения положения в «обществе», где место в «табели о рангах» значило больше, чем деньги и имя.

В этих условиях в промышленном развитии играло государство. Его роль заключалась не только в значительной доле казенных (т. е. государственных) предприятий, причем к числу казенных относились наиболее технически передовые заводы и фабрики, но и в огромном значении казенных подрядов, займов, гарантий прибыли, таможенной и тарифной политики, в деятельности частного капитала. Многие российские миллионеры (напр., в железнодорожном строительстве) в сущности, были правительственными подрядчиками, а не буржуазией в западном понимании.

И в довершении всего, все большую роль в российской экономике к концу века стал играть иностранный капитал, само появление которого было обусловлено политикой правительства.

Понятное дело, что предприниматель на Руси не имел серьезного авторитета не только среди народных масс, но и среди правящей элиты

не только в силу консерватизма последней, но и по вполне объективным причинам.

Известно мнение Н. А. Бердяева о том, что Россия – «самая антибуржуазная страна в мире». Действительно, несмотря на бурное промышленное развитие России буржуазная идеология и образ жизни не получили серьезного влияния в стране.

Не случайным представляется возникновение и длительное существование (40-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в., включая и послеоктябрьские период) такого своеобразного и сильного идеологического направления, как русский общинный социализм, или народничество. Поразительным образом многие воззрения и надежды народников и консерваторов почти полностью совпадали. Сама длительность существования народнических теорий, отрицающих в России существование капитализма при объективной данности фабрично-заводской промышленности и согласие с этими утверждениями сторонников самодержавного строя дает основание современным исследователям вновь поставить вопрос: «А был ли в России до 1917 г. капитализм вообще, или, во всяком случае, буржуазия как класс?» Несомненно, что в России во второй половине XIX века была частная собственность и развитая промышленность, но роль класса капиталистов играло государство.

Страх перед «язвой пролетариата» был присущ К. П. Победоносцеву не меньше, чем Н. Г. Чернышевскому. В «Московских Ведомостях» М. Н. Катков радостно сообщал: «В России нет пролетариата в специфическом значении этого слова»*.

Неприязнь к буржуазии у правых обуславливалась и индивидуализмом буржуазного образа жизни, в котором может не найтись место служению государству. Недоверие к фабрикантам как к политической силе отразилось в презрительном отношении к съездам промышленников, которые Катков называл «игрой в парламент с выборностью, баллотировкой, хотя правительство по-другому смотрит на сходку извозчиков»**.

Главным в правой антибуржуазности были не личные симпатии правых политиков и публицистов, а реальный факт проведения государством политики объективно буржуазного развития России почти без помощи отечественной буржуазии. Но такое развитие неминуемо вело к пролетаризации широких народных масс, обостряло классовые конфликты и подрывало столь любимые консерваторами стабильность и спокойствие. Ожесточенная классовая борьба в западноевропейских

---

* Московские ведомости, 1874, № 148.

** Там же, 1882, № 2.

странах не внушала российским правым особых надежд на то, что Россия счастливо избегнет подобных социальных конфликтов. Попытка избежать появления «рабочего вопроса» и приводила к скептической, а порой и к отрицательной оценке западного опыта промышленного развития. Таким образом, неприязнь к буржуазии у правых объяснялась главным образом страхом перед неминуемым рабочим движением. Заявления о том, что в России, в отличие от Запада, отсутствует «рабочий вопрос», приобретали у правых характер заклинаний.

В «Московских Ведомостях» М. Н. Катков сообщал: «В России нет и тени чего-либо похожего на тот рабочий вопрос, который тревожно возникает или благополучно разрешается в других странах Европы»*. Четверть века спустя, когда промышленное развитие России ушло далеко вперед, граф С. Ю. Витте в 1895 г. тем не менее утверждал: «К счастью, в России не существует, в отличие от Западной Европы, ни рабочего класса, ни рабочего вопроса»**. Такие оптимистические заявления свидетельствовали о самообмане этих серьезных политиков. Вероятно, этим самообманом можно объяснить то, что правые и не заметили момент, когда «рабочий вопрос» во всю мощь встал перед Россией. В обширном идейном наследии русской правой XIX века о рабочем вопросе можно найти только утверждение о его отсутствии, хотя реальная жизнь давно развеяла эти иллюзии. В немалой степени рабочее движение оказалось несравненно сильнее российской буржуазии благодаря глубоко укоренившимся в широких слоях российского общества антибуржуазным настроениям, частью уравнилельных, частью сословно-феодалельных.

Итак, для правых XIX в. были характерны неприятие социальных слоев, претендующих на самостоятельное значение в государстве, будь то аристократия, интеллигенция или буржуазия, при естественности социального неравенства и правления некой элиты из лучших людей. Вероятно, сами правые затруднились бы тогда (как и сейчас) ответить, какой социально-экономический строй они желали бы видеть в России. Судя по всему, их привлекал к себе туманный образ некоего государственного социализма с самодержавным царем, зажиточным и религиозным крестьянством, мощной промышленностью и сильной армией. В этом идеальном государстве нет места внутренней борьбе и все общество представляет собой единый организм, невосприимчивый к зарубежным ядам.

---

* Московские ведомости, 1871, № 34.

** Верт Н. История советского государства. М., 1995, с. 19.

Расколотая нация и победоносная империя

До сих пор мы вслед за теоретиками прошлого рассматривали понятие «народ» в социальном, как это было принято в XIX веке, а не в этническом плане. Между тем именно в наши дни торжество «национальных идей» самых различных этносов и племен заставляет обратить особенное внимание на родословную русского национализма, затронув взгляды мыслителей прошлого, заодно указав на многие мифы, сопровождавшие современных исследователей правых русских движений.

В полиэтнической стране, где процессы этногенеза продолжают-ся до сих пор, где практически отсутствуют этнически «чистые» территории и где у всех наций и народностей за века существования в едином государстве выработались общие традиции, черты характера и культуры, изучение национализма представляет огромную сложность.

Каковы же были взгляды правых XIX века на нацию?

Единой точки зрения на нацию у правых не существовало. Это объясняется как неразработанностью вопроса в тогдашней науке вообще, нерусским происхождением многих видных представителей правых и естественной для самодержавно-монархической страны заменой национальной принадлежности человека на подданство. Словом «народ» правые нередко обозначали все население Российской империи без различия этнических, расовых и религиозных особенностей. Так, К. П. Победоносцев, разбирая проект манифеста о коронации Александра III, писал императору: «В конце у меня сказано: попечение о благе *народа*, а не народов, как сказано в прежней и в печатной редакции. И в 1856 г. это слово: народа – казалось странным. Замечали, что австрийский император может говорить о своих народах, а у нас народ один и власть единая»*.

Слово «нация» не получило широкого распространения в Российской империи XIX века. Чаще, хотя также и не очень активно, упоминались термины с прилагательным «национальный». Правые признавали наличие в России польского, еврейского, финляндского и других «национальных» вопросов, из чего следовало, что все же с правой точки зрения, в стране проживали россияне различных национальностей, которых правые делили на русских и всех прочих под именем «инородцы».

Существовал также широко употребляемый, но при этом довольно неопределенный термин «народность», обозначавший как самостоятельный этнос, так и его часть, отличающуюся от основной массы

* Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М., 1993, с. 354.

народа некоторыми чертами (в современной этнологии это называется субэтносом). Именно в этом смысле Н. И. Костомаров, А. П. Щапов, и ряд других историков и этнографов говорили о существовании русских народностей, признавая при этом этнографическое единство русского народа. В целом, однако, различий между понятиями «народность», «народ», «нация», в консервативной литературе не было. Вот как писал И. С. Аксаков в 1859 г. в объявлении о начале издания газеты «Парус»: «Наше знамя – РУССКАЯ НАРОДНОСТЬ. Народность вообще как символ самостоятельности и духовной свободы, свободы жизни и развития, как символ права, до сих пор попираемого теми же самими, которые стоят и ратуют за право личности, не выводя своих понятий до сознания личности народной. Народность русская как залог новых начал, полнейшего жизненного выражения общечеловеческой истины»*.

В основном в России чаще употребляли слово «народ» в значении «нация». Под русским народом понимался триединый народ в составе велико-, бело- и малороссов. Именно так считала и этнография того времени, выделявшая украинцев и белорусов в качестве территориальных частей («ветвей») русского народа. Но в XIX веке, особенно в его второй половине, произошел этнический раскол русского народа на три ветви. Впрочем, ветвей могло быть и больше. Сам факт появления украинцев и белорусов как отдельных этнических единиц свидетельствовал о крупном поражении русского национализма. Подъем Российского государства не сопровождался подъемом русского национального самосознания.

История украинского национализма сама по себе может служить иллюстрацией к такой прозаической истине, что история значительной части русской нации и государства была нераздельна. Когда же, в силу исторических обстоятельств, часть русских оказалась на несколько веков отрезана от российского государства, то стало возможным рождение нового особого национализма. Вместе с тем сам украинский национализм в значительной степени носил искусственный характер, что придавало ему специфические черты.

Исторически территория северной и средней части современной Украины является колыбелью русской нации. Само название Малороссия означает, что именно она была малой Родиной всей исторической России. Зато название Великороссия (которую теперь пытаются объявить собственно Россией) исторически объясняется тем, что ее территория являлась колонизированной переселенцами с Малой Руси, вобравших в себя немного финских аборигенов («чуди»). В большинстве индоевропейских языков историческая метрополия называется Малой родиной, а колонизированные земли – Великой. Так, Великой Грецией

* Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1981 г., с. 252–255.

(Эллада Мегали) назывались греческие колонии в южной Италии и Сицилии. Великой Индией называли земли Юго-Восточной Азии, которые осваивали купцы, миссионеры и переселенцы из собственно Индии.

Малороссия уже с XIV века развивалась вне Великороссии. Только с XVII века началось воссоединение Великой и Малой Руси, закончившееся лишь в 1945 году.

Особенность Малороссии в языке, народной культуре, фольклоре никогда не отрицалась в Российской империи. Еще в 1848 г., в самый разгар «николаевской реакции», в Харькове вышел альманах «Южный русский сборник» под редакцией А. Метлинского, содержащий произведения на украинском «наречии», в числе которых была ставшая народной песня М. Петренко «Дивлюсь я на небо». С началом Великих реформ и смягчением цензуры развитие малорусской литературы встречало сочувствие в консервативных кругах. А. С. Хомяков восторженно приветствовал издание проповедей священника Гречулевича на украинском языке*.

В 40–50 е гг. XIX века литература на малороссийском наречии стала весьма модной, причем занимались ею (за исключением, конечно, Шевченко), сплошь дилетанты. Вообще, учитывая отсутствие литературных норм в малороссийском языке при богатом словарном запасе сельских наречий, многие графоманы кинулись «творить» новую литературу. Разумеется, большинство таких украинских литераторов рассматривали свое творчество как баловство, не ставя перед собой никаких политических задач. В вышедшем в 1856 году романе И. С. Тургенева «Рудин» описан такой персонаж, как потенциальный «дияч» (дьятель) украинства Пигасов. Он уверял: «... если бы у меня были лишние деньги, я бы сейчас сделался малороссийским поэтом.

– Это еще что? Хорош поэт! – возразила Дарья Михайловна.

– Разве вы знаете по-малороссийски?

– Нимало; да оно и не нужно.

– Как не нужно?

– Да так же не нужно. Стоит только взять лист бумаги и написать наверху: «Дума; потом начать так: «Гой, ты доля моя, доля!» или: «Сиде козачина Наливайко на кургане!», – а там: «По-пид горою, по-пид горою зеленою, грае, грае, воропае, гоп! Гоп! Или что-нибудь в этом роде. И дело в шляпе. Печатай и издавай. Малоросс прочтет, подопрет рукою щеку и непременно заплачет, – такая чувствительная душа!

Помилуйте! – воскликнул Басистов. – Что это вы такое говорите? Это ни с чем не сообразно. Я жил в Малороссии, люблю ее и язык ее знаю... «Грае, грае воропае» – совершенная бессмыслица.

* Русская беседа, 1857, кн. 3.

– Может быть, а хохол все-таки заплачет. Вы говорите: язык... Да разве существует малороссийский язык? Я попросил раз одного хохла перевести следующую, первую попавшуюся мне фразу: «Грамматика есть искусство правильно читать и писать». Знаете, как он это перевел: «Храматыка е выскусство правыльно чытаты ы пысаты...» Что ж, это язык, по – вашему? Самостоятельный язык? Да скорей, чем с этим согласиться, я готов позволить лучшего своего друга истолочь в ступе...».

Конечно, тургеневский Пигасов является комическим персонажем. Но все же появление такого персонажа у Тургенева, глубочайшего знатока русской жизни, по романам которого можно судить о пореформенной России несравненно глубже, чем давали все социологические и статистические данные, было не случайным. Увлечение украинским фольклором и образным певучим языком Малороссии, стало массовым среди самых разных слоев Российской империи. Интересно, что «хохло-мания» возникла еще в самом конце века XVIII.

Началом украинской литературы считается издание в 1798 году озорной «Энеиды» Ивана Котляревского. Он создал остроумную пародию на тяжеловесный «высокий штиль» поэзии XVIII века, занимающейся лишь античными сюжетами. В эпоху, когда «низменными», «подлыми», считались слова, типа «парень», «мужик», Котляревский иронично писал:

*Еней був парубок моторный
И хлопец хочь куды козак...*

Разумеется, все это не может считаться началом «национальной» литературы. Пародия есть пародия. Но украинские националисты – люди, напрочь лишенные чувства юмора. Совершенно серьезно в 1898 году группа Грушевского, а в еще сто лет спустя на «незалежной» Украине юбилей создания «Энеиды» отмечался как юбилей... украинской литературы!

Конечно, все это можно считать явлением фольклорным, нежели политическим (и тем более национальным). Но благодаря бесстыдному приписыванию себе заслуг людей, ничего общего с самостийничеством не имеющих, украинский национализм заимел «литературную традицию». Родилось, литературное поначалу, украинство.

Однако «украинофильство» быстро перешло из литературно-фольклорного в политическое движение.

С самого начала преобразований царствования Александра II «украинофильство» приобрело оппозиционный государственному строю России характер. Ранее «украинство» не имело сепаратистского характера. Декабристское «Общество соединенных славян», а также «Кирилло-мефодиевское братство», из рядов которого вышли Т. Г. Шевченко, Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш, сыгравшие большую роль в возникнове-

нии украинского национализма, носили панславистский характер. Но уже с начала 60-х гг. украинским движением заинтересовались готовые к восстанию поляки, стремящиеся восстановить Речь Посполитую, включающую в себя Украину, и революционные демократы внутри России, воспитанные поэзией К. Ф. Рыльева и Т. Г. Шевченко и имевшие крайне романтическое представление о казачьем прошлом Украины. Именно этим объясняется то обстоятельство, что у истоков украинского национализма стояли поляки (С. Гощинский, Б. Залеский, В. Антонович), великороссы (Н. И. Костомаров), евреи (В. Н. Перетц), и даже крымские греки (А. Крымский). Характерно, что один из столпов «украинства», В. В. Антонович, на все намеки о своем польском происхождении, вроде бы не вписывающегося в украинское движение, отвечал, что украинец – это не национальность, а политические убеждения. Подобное явление – преобладание в украинском самостийничестве лиц не украинского, а нередко и неславянского происхождения, будет повторяться вновь и вновь. Когда речь идет о державном патриотизме, то преданность общему государству представителей этнических меньшинств выглядит естественной. Более того, национальные меньшинства ценят свои достижения в единой стране и готовы проявлять особенное рвение в борьбе за ее интересы. Но в этническом национализме преобладание инородцев – это нонсенс. Факт сей может означать только искусственность такого националистического движения. Показательно, что многие украинцы, участвовавшие в создании украинского национализма, в большинстве своем не были сепаратистами, представляя будущую Украину как часть общероссийской демократической федерации. Таковыми были П. А. Кулиш, М. П. Драгоманов, и практически все деятели украинской культуры XIX столетия. В целом украинское движение пореформенных годов было частью всероссийского революционно-демократического движения. По мнению историка-эмигранта Н. П. Ульянова, «то, что самостийники называют своим «национальным возрождением», было ничем иным, как революционным движением, одетым в казацкие шаровары»*. В какой-то степени украинское самостийничество было местной формой нигилизма.

Тем не менее, «украинство» в пореформенные годы действительно стало заметной культурно-политической силой в украинских губерниях. Так, в 1861 г. П. А. Кулиш выпустил «Граматку» («Граматику») с созданным им новым правописанием, в котором отсутствовали буквы «І», «Э», «Ъ», и новое звучание получили некоторые другие буквы. «Кулишовка» (или, по-украински, «кулишивка»), стала основой современной украинской письменности. Тогда же П. П. Чубинским был написан гимн «Ще не вмерла Украина», созданный в подражание польскому гимну «Еще Польша не згинела» на мотив народной песни весьма

* Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996, с. 146.

фривольного содержания. Фактически в годы «национального возрождения», как в наши дни пышно называют украинство 1860–90-х гг., украинцы как нация не возрождались, а создавались.

Сепаратистский политический характер украинскому движению придали польские революционные деятели, которые надеялись привлечь украинцев к восстанию за Речь Посполитую. Еще в конце XVIII века польский эмигрант граф Ян Потоцкий, выпустил во Франции книгу, в которой утверждал, что на берегах Днепра живут не малороссы, а совершенно отдельный народ, ничего общего с москалями не имеющий. Несколько позднее Фаддей (Тадеуш) Чацкий, видный деятель польской культуры (и одновременно ополячивания Малороссии), основатель Кременецкого лицея, *впервые* употребил термин «украинцы» для обозначения малороссов.

Поскольку доказывать, что жители Украины и Белоруссии являются поляками, было возможно только петербургским интеллигентам, но не самим украинцам, то стали появляться теории об особенном происхождении местных жителей, не имеющих ничего общего с «москалями». Особую проблему создавало то обстоятельство, что именно край, на который претендовало польское движение, был центром Киевской Руси, и во времена Речи Посполитой все эти земли назывались русскими воеводствами и «крейсрами». Первоначально, еще в первой половине XIX века, польские пропагандисты писали, что Русью являются именно украинские и белорусские земли, являющиеся частью Польши, а Россия есть Московия, присвоившая себе чужое имя России. Польские авторы разделяли историю Руси, которую целиком относили к польской истории, и историческое развитие Российской империи, которая, по уверениям польских националистов, была неславянской Московией. Так, некий Рыкачевский в предисловии к французскому переводу книги известного польского историка и революционера И. Лелевеля «История Литвы и Руси до их окончательного соединения с Польшей в 1569 году» писал следующее: «То, что называется Россией, есть выдумка, бессмыслица, новое наименование, опровергаемое историей... Россия... есть ничто иное, как Московия, страна неславянская, народности азиатской и варварской, объявленная в XVIII веке европейским государством, объявленная принадлежащей к славянской народности по указу, созданию абсолютной властью одной царицы*». Согласно исследованию В. И. Ламанского, крупного филолога-слависта, в польской литературе систематически употреблялись слова *Rossianin*, *rossuiski* для великорусов, и слова *Rusin*, *ruski*, *Rus*, для обозначения малорусов и белорусов**.

* Гильфердинг А. Ф. Собр. соч. СПб., 1868, т. 2, с. 306.

** Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. 2-е изд. Пг., 1916, с. 73.

Во время восстания 1863–64 гг. польские инсургенты в своих воззваниях именовали русских «москвой» (с маленькой буквы), а украинцев и белорусов – русскими или русинами. Однако вскоре вместо понятия Русь для обозначения губерний Юго-Западного края Российской империи стали использоваться слово Украина. Возник союз польских сепаратистов с украинским движением, причем лидирующую роль в союзе играли поляки. Именно польские авторы продолжали работать над созданием теории отдельного происхождения украинцев и их расовых и языковых отличий от великороссов.

В 1858–61 гг. в Париже вышел трехтомный труд профессора парижской польской школы, ополяченного малоросса Франциска Духинского, впоследствии вышедший на французском под названием «*Peuples Aryas et Tourans*». Основная мысль его заключалась в том, что поляки и «русские» (то есть украинцы) являются арийским народом, а москали – туранским, состоящим из смеси финнов и монголов. «Русь» – это исконная Польша, «русский» (то есть украинский) язык есть диалект польского, а «московский» язык – не язык вовсе, а поверхностно усвоенное татаро-финскими варварами славянское наречие. Московия – варварская азиатская страна, представляющая угрозу европейской культуры. Только восстановленная Польша сможет стать барьером московскому варварству. По мысли Ф. Духинского, (сохраняем написание литературного русского языка при цитировании его польско-украинского новояза), «Росия – исторична узурпация. То правда, пид впливом династии Рюриковичей и церкви финськіе и татарские жители Московщины поступово прийняли слов'янську мову; Але зберегли свій первисний расовый характер». Итак, москали есть азиаты, под влиянием («впливом») Рюриковичей и церкви принявшие славянский язык, но оставшиеся азиатами в расовом плане. Общий вывод писаний Духинского звучал так: «На Днипро! На Днипро! До Киева! О, народы Европы! Там ваша згода, бо саме там малороссы ведуть боротьбу проти Москвы на захист своєї європейської цивілізації». Итак, именно в борьбе против «Москвы» может появиться общеевропейская «згода» (согласие), союзником которой может быть польское движение и украинство, которое, оказывается, уже борется против Москвы. При всей своей антинаучности расистская теория Ф. Духинского получила распространение на Западе, причем некоторые элементы его теории существуют в западной и украинской общественной мысли до сих пор.

Теория Ф. Духинского вызвала протест самих «укаинофилов». Так, с гневным опровержением на страницах журнала «Основа» выступил Н. И. Костомаров.

Официальный Петербург довольно долго не обращал внимание на появление политического «украинства». Зато культурные особеннос-

ти Украины и Белоруссии вполне признавались. В начале 60-х гг. XIX века по инициативе петербургского комитета грамотности для Малороссии и Белоруссии был подготовлен проект преподавания на местных наречиях в начальных школах. Были подготовлены буквари, Министерство народного просвещения выделило средства*. Именно тогда П. А. Кулиш и создал свою «кулишовку», облегчавшую усвоение грамоты украинским крестьянином, только что вышедшим из «крепостного состояния». Устранив чрезмерное употребление твердого знака, «яти», и двух вариантов буквы И («и» и «І»), что было присуще дореволюционной русской орфографии, Кулиш надеялся, что через его упрощенную письменность украинцы смогут перейти к литературному русскому языку. Кстати, подобный же «Букварь южнорусский» с той же целью выпустил в 1860 году и Тарас Шевченко. Правда, алфавит в «Букваре» Шевченко был русским без отклонений.

Консервативная пресса писала о «национальном возрождении» белорусов и украинцев. Под этим подразумевалось освобождение «ветвей» русского народа от польско-католического влияния и приобщение их к общерусской жизни. Появление литературы на местных «наречиях» должно было помочь «располячиванию» православных жителей западных губерний. Но переходу школ украинских и белорусских губерний на местные «диалекты» помешало польское восстание 1863–64 гг., когда инсургенты пытались привлечь на свою сторону (впрочем, безуспешно) украинцев и белорусов. Только во время польского восстания, когда сами «украинофилы» заняли, к немалому удивлению поляков, антипольскую позицию, поскольку память о польском угнетении еще не изгладилась из сознания украинцев, на само украинское движение обратила внимание пресса охранителей.

Первым забил тревогу М. Н. Катков. В 1863 году он писал: «Русская народность несравненно менее, чем какая-либо другая народность, великая народность в Европе, заключает в себе резких оттенков. В Италии, Германии, даже во Франции, несмотря на сильную централизацию последней страны, – везде есть резкие особенности и местные наречия, до такой степени своеобразные, что если бы не было бы общего государственного и литературного языка, то люди одной страны и одной народности не могли бы понимать друг друга и должны были бы разойтись на множество особых центров. Если бы не было одного итальянского языка, то жителю Милана почти так же было бы трудно понимать неаполитанца, как и испанца или даже как своих вечных врагов – тедесков.

В Германии что ни местность, то особенное наречие, и до такой степени особенное, что человек, отлично знающий по-немецки, не

* Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник. 2003. М., 2003, с. 130.

поймет ни слова в ином местном говоре. Во Франции то же самое, и то же самое в Англии. Во всех этих странах, при могуществе общей всем цивилизации и литературного языка, существуют резкие народные особенности и резкие местные наречия, которые гораздо более разнятся между собой, чем даже языки русский и польский.

В России несравненно менее розни в языке, чем где-нибудь, и менее чем где-нибудь эта рознь значительна. Ступайте по всей Русской земле, где только живет русский народ всех оттенков, и вы без труда поймете всякого, и вас без труда поймет всякий. Наиболее резкую особенность встретите вы малороссийском и белорусском говоре. Но почему это? Заселены ли эти места какими-либо особыми народностями, случайно присоединившимися к русской и вошедшими в состав его государства? Нет, здесь искони жил русский народ, здесь началось русское государство, здесь началась русская вера, и здесь же начался русский язык. Здесь впервые родилось историческое самосознание русского народа, здесь явились первые памятники его духовной жизни, его образования, его литературы. Южное и северное, западное и восточное народонаселение России с самого начала сознавали себя как один народ; да и нет никакого признака в истории, что бы между ними была какая-нибудь народная рознь, какой-нибудь народный антагонизм... Как есть везде, так были и у нас любители местных наречий. Делались попытки писать стихи и рассказы с подделкой под малороссийский говор, но делалось это без всякой цели, ради курьеза и местного колорита и в видах чисто литературных, подобно тому, как во Франции сочиняются стихи на местных жаргонах, подобно тому, как немецкий поэт Гебель писал свои идиллии на аллеманском наречии. У писавших не было и тени замысла создать из местного наречия особый язык и возвести его в символ особенной народности... Года два или три назад вдруг почему-то разыгралось украинофильство. Оно пошло параллельно со всеми другими отрицательными направлениями, которые вдруг овладели нашей литературой, нашей молодежью, нашим прогрессивным чиновничеством и разными бродячими элементами нашего общества. Оно разыгралось именно в ту самую пору, когда принялась действовать иезуитская интрига по правилам известного польского катехизиса. Польские публицисты с бесстыдной наглостью стали доказывать Европе, что русская народность есть призрак, что Юго-Западная Русь не имеет ничего общего с остальным народом русским и что она по своим племенным особенностям гораздо тяготеет к Польше. На это грубейшее искажение истории наша литература, к стыду своему, отозвалась тем же учением о каких-то двух русских народностях и двух русских языках. Возмутительный и нелепый софизм! И вот мало-помалу из ничего образовалась целая литературная украинофильская партия, вербуя себе приверженцев из нашей

беззащитной молодежи... Из ничего вдруг появились герои и полубоги, предметы поклонения, великие символы новосочиняемой народности. Явились новые Кириллы и Мефодии с удивительнейшими азбуками, и на Божий свет был пущен пух какого-то небывалого малороссийского языка. По украинским селам начали появляться, в баранных шапках, усердные распространители малороссийской грамотности и заводить малороссийские школы... Пошли появляться книжки на новосочиненном малороссийском языке. Наконец, одним профессором, составившим себе литературную известность, торжественно открыта национальная подписка для сбора денег на издание малороссийских книжек... Какой же смысл может иметь в самой России это так называемое украинофильское направление? Грустная судьба постигает эти украинофильские стремления! Они точь-в-точь совпадают с враждебными русской народности польскими интересами и распоряжениями австрийского правительства*. Подобную тревогу испытывали и славянофилы, хотя в целом они приветствовали изучение местных наречий.

Под влиянием консервативной прессы правительство взялось за самостийников. Впрочем, украинофильское движение само быстро стало угасать. П. А. Кулиш разочаровался в украинофилах и стал сторонником единой и неделимой России, хотя и сохранил левые убеждения. Впоследствии он даже написал фундаментальную «Историю воссоединения России». Многие деятели украинофильства после 1863 г. поступили на государственную службу и стали активными проводниками политики М. Н. Муравьева в Белоруссии.

План перехода школ на местные «наречия» был отменен имперским правительством, хотя продолжала выходить литература на украинской «мове» с использованием общерусского алфавита вплоть до 1876 года.

Украинский национализм после 1863 года, однако, не исчез, а приобрел новые черты. Из явления чисто культурного, в котором оппозиционность самодержавию не означала сепаратизм, он приобрел воинственно антирусский характер. Во многом это объяснялось поддержкой самостийников со стороны польского движения. Убедившись, что украинцев не удастся ополячить, и перспектива жизни под «сенью крыл Белого Орла», то есть в будущем восстановленном польском государстве, не вызывает у них интереса, деятели польского движения сделали ставку на украинских самостийников. Расчет был прост: «украинство» способствует ослаблению России, что, в свою очередь, способствует восстановлению Польши. Кроме того, Украина, возникнув как независимое государство, окажется в зависимости от Польши. Эту мысль не без цинизма выразил известный польский историк, ксендз Валериан Калинка:

* Московские ведомости, 1863, № 136.

«Иную душу нужно влить в русина – вот главная задача для нас, поляков... Та душа будет с Запада... Тогда, быть может, возвратится Русь к братству с Польшей. А если бы и не сбылось, то лучше Малая Русь, чем Русь Российская... Если Гриць не может быть моим, то пускай, по крайней мере, не будет ни моим, ни твоим»*.

Впрочем, к концу XIX века для украинского движения появился гораздо более могущественный спонсор – Германия и Австро-Венгрия. Для германских государств Украина была той «Индией», которая составит жемчужину будущей Германской империи. Для этого и поощрялось развитие украинского прогерманского самостийничества. В 1888 году немецкий философ Э. Гартман опубликовал брошюру, в котором предлагал создать «Киевское королевство», естественно, под протекторатом Германии. Будущее германского владычества на Востоке выглядело так – немецкий хозяин и украинский надзиратель над русским рабом. (Впрочем, выпущена была эта брошюра на деньги еврейских банкиров, вероятно, имевших свое представление о том, кто будет хозяином на «вильной Украине»). Подобная перспектива вдохновляла многих самостийников. В самом деле, существует немало людей, прирожденных надзирателей. Если же лакейство перед богатым баринком выглядит как борьба «за свободу», то это может даже вызвать творческий подъем. Так, в 1914 году, когда, казалось, мечта о германской «Индии» начинала сбываться, заранее были мобилизованы поэты, воспевающие грядущую счастливую жизнь украинцев под немецким сапогом. «Поэт» из Львова В. Пачовский писал:

*Для воли Украины тильки один шлях
Через Германию. В славян мы вси рабы...
Немецка сила стане за любовь!
Немецка сила двине волю нам!*

Впрочем, сие творение предназначалось для «образованных», не случайно использовалось название «Германия» вместо «Нимеччины». Для «простых» же, но уже «национально-сознательных» украинцев, в преддверии войны выпускались такие «народные» песни:

*Українці пють, гуляють,
А кацапы вже конають!
Українці пють на гофи
А кацапы в Талергофе.
Де стоить стовп з телефона,
Высыть кацап замисть дзвона
Уста очи побилили,
Зубы в кровы заковыли,
Шнуры шию переили.*

* http://www.wu-wien.ac.at/groups/ukraine/butenko_Ukrainzy.htm

Да, немецкая аккуратность и организованность – это нечто величественное. Даже «народные» песни были подготовлены заранее! Также заранее было рассчитано, что сторонники русского единства в Галиции будут брошены в концлагерь Талергоф.

И нельзя не признать, что за многие десятилетия кропотливой работы, в которой участвовали польские националисты, Ватикан, власти Австро-Венгрии, Большой штаб Германской армии, и русские демократы, дело увенчалось определенным успехом – была выведена порода украинцев, то есть русских, принципиально отвергающих свою русскость.

Для самих украинских националистов самой главной проблемой было отсутствие отдельной от общерусской украинской истории и языка. В вопросе о языке украинский национализм проявлял особое упорство, поскольку язык был фактически единственным, что отличало украинца от москаля. Именно поэтому создание отдельного литературного языка стало главным успехом самостийников.

Вопрос о том, существует ли вообще отдельный украинский язык, или же он является региональным наречием, на котором существует литература, подобно провансальскому диалекту во Франции, обсуждался в России вплоть до 1906 года. Столь долгая дискуссия объяснялась исключительно политическим характером обсуждаемого вопроса. Большинство ученых, независимо от своих политических взглядов, считали, что у единого русского народа существует один литературный язык со множеством областных диалектов. Такого же мнения придерживались и высшие администраторы империи. Так, в 1873 году, один из виднейших деятелей царствования Александра II, министр государственных имуществ, П. А. Валуев в письме к министру просвещения писал: «Большинство малороссиян обоснованно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может; и что наречие их есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши; что общерусский язык так же понятен для малорусов, как и для великороссиян»*. Как видим, П. А. Валуев ссылаясь на самих украинцев, отрицавших существование особого языка, что автоматически делало ненужным введением его в сферу просвещения.

Однако в 1875 году известный деятель просвещения Юго-Западного края, М. В. Юзефович обратил внимание на деятельность Юго-Западного отдела Русского Географического общества, в котором, по его мнению, окопались сепаратисты. Специальная комиссия, включавшая в себя министра просвещения Д. А. Толстого, министра внутренних дел А. Е. Тимашева, шефа жандармов А. Л. Потапова, пришла к такому же выводу, и Юго-Западный отдел был закрыт. Одновременно, на ос-

* Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ. 1859 – 1865 гг. СПб., 1904, с. 303.

новании указа Александра II, изданного на германском курорте Эмс, где император находился на отдыхе, от 17 мая 1876 года, было запрещено печатать научные и политические книги на украинском диалекте общерусского языка. На художественную литературу этот запрет не распространялся.

В современной Украине это трактуется как проявление «национального гнета», выразившее в «запрещении» украинского языка и культуры. Однако вряд ли можно было запретить то, что не существовало. Тем не менее указ 1876 не заслуживает ироничного к себе отношения.

Этот запрет сыграл роковую роль в единстве Великой и Малой Руси. Поскольку украинское слово оказалось под запретом, то украинское движение, носившее прежде культурный характер, теперь поневоле стало политически оппозиционным. Этим не преминули воспользоваться австрийские власти в Галиции, превратив ее центр антирусского украинского сепаратизма.

Впрочем, сначала достаточно долго австрийским властям Галиции пришлось убеждать местных русинов в том, что они являются отдельным народом. Общерусское самосознание среди галичан продержалось практически все XIX столетие, несмотря на все усилия униатской церкви. В 1866 году видный галицийский просветитель И. Г. Наумович не без гордости писал в журнале «Слово», издававшемся в Галиции на русском языке: «Все усилия дипломатии и поляков сделать из нас особый народ рутенов–униатов оказались тщетными... Русь Галицкая, Угорская, Киевская, Московская, Тобольская и пр., с точки зрения этнографической, исторической, языковой, литературной, обрядовой, — это одна и та же Русь... Мы не можем отделиться китайской стеной от наших братьев и отказаться от... связи со всем русским миром»*.

На Славянском съезде 1867 года другой видный галицийский деятель, Яков Головацкий, говорил, обращаясь к великороссам: «Да придут все в сознание того убеждения, что мы по роду и по племени, по вере и по языку, по крови и по кости, искони один народ. Да живет великий, славянский, многомиллионный, русский народ!»** Действительно, трудно было представить себе, что со временем Галиция превратится в Западную Украину. В ней развился особый национализм, распространивший свое влияние на российскую Малороссию, подчинивший себе и самостийников в пределах Российской империи. В этом — огромная заслуга австрийских властей, польских помещиков и униатской церкви.

* Мончаловский О. А. Житие и деятельность Ивана Наумовича. Львов, 1899, с. 61.

** Первый всеславянский съезд в России, его причины и значение. М., 1867, с. 42.

Еще в 1868 г. в Галиции было создано общество «Просвита», начавшее выпуск книг на «мове» с использованием «кулишовки» (предпринимавшиеся ранее попытки ввести латинский алфавит провалились, поскольку латиница ассоциировалась с католицизмом и была неприемлема для православных и униатов). Впрочем, галицийский украинофильский журнал «Правда», редактируемый О. Огоновским, издаваемый на кириллице, выходил в свет с предупреждением редакции, что как только просвещение народа поднимется до более высокого уровня, журнал перейдет на латиницу. Но пока просвещение народа было на низком уровне, раз уж галичане считали себя частью русского народа, а не отдельной украинской «нацией», в качестве письменного языка самостийники стали использовать «кулишовку», которая все же отличалась от русского алфавита. При этом самостийники предпочли умолчать о мнении самого П. А. Кулиша о своем детище. Создатель «кулишовки» был принципиальным противником использования созданной им системы правописания, оставаясь сторонником русского единства. Еще в своем письме от 16 (28) октября 1866 года в письме во Львов к Я. Головацкому Пантелеймон Кулиш писал: «Вам известно, что правописание, прозванное у вас в Галиции «кулишивкою», изобретено мною в то время, когда все в России были заняты распространением грамотности в простом народе. С целью облегчить науку грамоты для людей, которым некогда долго учиться, я придумал упрощенное правописание. Но из него теперь делают политическое знамя... Видя это знамя в неприятельских руках, я первым по нему ударю и отрекусь от своего правописания во имя Русского единства»^{*}.

Но самостийники проигнорировали мнение создателя украинской письменности. В подтверждение существования отдельного «русского» народа австрийские власти начали создавать отдельную письменность. Поскольку латинский алфавит (его прозвали «абецадло») был для русинов неприемлем, то после нескольких попыток с 1892 года в Галиции было введено фонетическое написание слов на основе «кулишовки», вместо характерного также для великорусского языка этимологического письма. Напомним, что смысл фонетического письма заключается в том, что слова пишутся так, как произносятся. Учитывая, что среди русских рубежа XIX–XX веков существовало 19 диалектных особенностей, то внедрение фонетики могло привести к возникновению 19 «языковых норм». К счастью, фонетика применялась только к галицийскому говору малорусского диалекта в Австро-Венгрии. Со временем, однако, именно это фонетическое написание стало основой современного украинского алфавита.

^{*} www.mrezha.ru/ua/maraton.htm.

Справедливости ради надо сказать, что литературный украинский язык (для которого бы потребовался отдельный алфавит) в XIX веке еще отсутствовал. Согласно исследованиям А. Д. Думченко и П. Е. Гриценко, еще в начале XX столетия литературных языков, на которых были созданы существующие к тому времени произведения украинской изящной словесности, было минимум пять. Так, Котляревский писал на полтавском диалекте, П. Кулиш – на полесском, Леся Украинка – на волынском, Ольга Кобылянская и Юрий Федькович – на буковинском, Михайло Коцюбинский – на подольском, Марко Черемшина – на гуцульском. При этом практически каждый украинский литератор изобретал свои собственные «чисто украинские» неологизмы, в результате чего никакой единой литературной нормы украинского языка не существовало. Уже в XX веке, при советской власти, после языковых реформ 1921, 1928, 1933, 1945 гг., будет создан искусственный язык, основанный на Галицком диалекте, изобилующий полонизмами, заимствованиями из латыни и немецкого и тяжеловесных неологизмов. Курьезно, что в советские времена на новый, «чисто» украинский язык, будут переведены практически все классики украинской литературы времен Российской империи, включая Т. Шевченко. Этот факт сам по себе показателен. Но мы забежали вперед. Вернемся в Галицию.

В 1890 году депутат галицийского сейма Ю. С. Романчук провозгласил соглашение («угоду») с поляками. В его заявлении утверждалась «национальная отдельность» «руського» народа, проживавшего в Галиции, от «российского». Так из Галицкой Руси рождалась патологически русофобская Западная Украина. Для того, чтобы национальный раскол был незаметным, достаточно долго в Галиции использовали понятие Украина – Русь, не вызывавшее протеста у сторонников русского единства, ведь Галиция действительно была «украинной» (окраинной) частью исторической Руси. Не случайно созданная галицийскими самостийниками в 1890 году воинственно русофобская партия официально называлась Русско-Украинская Радикальная партия (РУРП).

После того, как в головы Галицким русинам была вбита мысль об их отдельности от москалей и возникла привычка к слову «Украина», австро-венгерским властям удалось добиться еще более важного успеха – распространить Галицкое украинство в пределы российской Украины. В 1895 году Ю. Бачинским была опубликована брошюра «Украина Irredenta», (то есть «неискупленная Украина»). Бачинский, хотя и признавал отсутствие этнического и языкового различия великороссов и малороссов, выдвигал идею Соборной (Воссоединенной) Украины, включающей в себя Галицию, Буковину и малороссийские губернии Российской империи. Идея Соборной Украины действительно вдохнула жизнь в украинский национализм в Галиции. В самом деле,

без идеи Соборной Украины галицкое движение могло или добиваться воссоединения с Россией, чтобы Галиции стать в ней одной из российских губерний, или же развить свой маленький галицкий национализм. Учитывая, что в Галиция была одной из самых бедных и отсталых частей Австро-Венгрии, русины составляли в Галиции лишь около 60 % населения, причем наиболее бедную и необразованную часть, то создание отдельного галицкого государства вряд ли пошло на пользу самим галичанам. Но вот возможность создания Соборной Украины не могла не вдохновить галицких деятелей. Правда, галичанам для этого надо было стать противниками России и всячески способствовать ее ослаблению. Это, естественно, очень устраивало Австро-Венгрию, которая теперь могла быть спокойна за свою провинцию Галиция, и Германию, рассчитывавшую на использование украинского движения в России в своих интересах.

Правда, «настоящий» украинский национализм будет создан позднее, уже на рубеже XIX – XX вв., и будет связан с деятельностью Михаила Грушевского и «Наукова товариства имени Т. Шевченка», активно создававших отдельную украинскую историю и терминологию. В наши дни на российской эстраде популярен сатирик-пародист Михаил Грушевский. Столетие тому назад первый Михаил Грушевский также был пародистом, хотя и считался серьезным ученым и политиком. Уроженец Тифлиса, родным языком которого был русский, приехавший на Украину в 18 лет, Михаил Сергеевич Грушевский, заняв специально созданную украинскую кафедру в польском Львовском университете, принялся активно изобретать отдельную «украинскую» историю на таком же искусственном языке, выпустив в 10 томах «Историю Украины – Руси». В этом объемистом сочинении Грушевский открыл, что Киевская Русь была, оказывается, украинским государством. «Научный метод» Грушевского был прост до примитивности: при описании истории Киевской Руси все встречавшиеся в источниках слова «Русь», «русский», Грушевский заменял на «Украина», «украинский».

Наряду с сочиняемой историей Грушевский с компанией по «Наукову товариству» создавал новый «чисто украинский» язык. Используя фонетическую «кулишовку», львовские «ученые» усердно «ковали» новые слова, руководствуясь единственным принципом – лишь бы они были непохожи на русский язык. Так появились «громовине свитло» (электрическое освещение), «загальний погляд» (общий взгляд), «тримати» (держать), «чекати» (ждать), «у згоди» (согласно), «темрява» (темнота), «одяг» (одежда) и пр. Многие слова, известные еще в Киевской Руси, такие, как «город» (не случайно на территории Украины много веков существуют Миргород, Ужгород, Новоград, Новгород-Северский, Вышгород), «учебник», или «поезд» (в Древней Руси так называли сан-

ный или свадебный поезд), были заменены на придуманные «мисто», «пидручник» и «потяг». Разумеется, на самой Малороссии у тех самых украинцев, которых собирались «просвещать» самостийники, новая «мова» вызывала удивление и усмешки. Бедным российским украинофилам приходилось просить Грушевского присылать им словари, чтобы понимать «чистую» украинскую «мову».

Разумеется, никакого научного значения исторические и филологические творения Грушевского не имеют, являясь ненаучной фантастикой. Но либеральная русская интеллигенция в Петербурге и Москве приветствовала опусы Грушевского, поскольку они способствовали подъему украинского движения, враждебного самодержавию. Позиция же официальной Вены была вполне понятна. Русины Галиции с 1904 г. стали именоваться во всех официальных австро-венгерских документах украинцами.

Усиленное промывание мозгов галичанам, которым внушалось, что они не русские и даже не русины, а отдельная украинская нация, вместе с многовековым отрывом от основной массы восточных славян, дало свои плоды. Уже на рубеже XIX – нач. XX века многие русские мыслители стали смотреть на Галицию как на отрезанный ломоть. Еще Н. И. Надеждин в 40-х гг. считал галичан ближе к великорусам, чем к днепровским украинцам, так как у последних – отпечаток азиатского влияния. Н. Я. Данилевский считал сам факт отрыва Галиции от России «национальным изувечиванием русского народа». Но уже К. Н. Леонтьев считал галичан, как и западных славян, частью западного культурного типа. И уже в 1900 г. военный министр А. Н. Куропаткин в своем докладе царю писал: «... для России после победоносной войны и вероятного распада Австрии как последствия разгрома будет стоять вопрос: брать ли территориальное вознаграждение и если брать, то какое именно? Обычная фраза о необходимости исправления нашей границы явится тогда на сцену. Карпаты снова представятся естественной границей, и вся Галиция может быть присоединена к России. Надлежит заблаговременно дать себе отчет: нужно ли нам это увеличение территории и населения? Усилимся ли мы от сего присоединения или, наоборот, создадим себе источник слабости и тревог? Такое присоединение сто или даже семьдесят лет тому назад могло бы, вероятно, послужить на пользу России... Но ныне, после того как Галиция такой долгий срок жила особой от нас жизнью, отторжение ее от Австрии может быть только насильственным и потому болезненным. Не только польское, но даже и русское население Галиции (русины) вовсе не рвется в подданство России... Несмотря на тяжелое экономическое положение населения Галиции, несмотря на скупку земель евреями, подати, более тяжелые, чем в России, на относительную неравноправность поляков

и русинов, население Галиции основательно считает приобретенную им культуру более высокой, чем у соседнего с ним нашего населения. Переход в подданство России, по мнению этого славянского населения, будет шаг назад, а не шаг вперед. Нам надо это твердо знать, дабы не обманывать себя ложными и вредными мечтаниями, что как только наши войска вступят в восточную Галицию, население восстанет против австрийцев, своих вековых притеснителей. Если бы, напротив, мы увлеклись мыслью об округлении наших владений до естественных рубежей, то несомненно создали бы себе бесконечный источник тревог и, прибавлю, расходов за счет платежных сил и средств коренного русского населения»*.

Правда, если в Галиции самостийничество опиралось на поддержку униатской церкви, то на Буковине, где преобладало православие, властям Австро-Венгрии пришлось использовать полицейские методы. В начале XX века выпускники православной духовной семинарии на Буковине давали такое письменное обязательство: «Заявляю, что отрекаюсь от русской народности, что отныне не буду называть себя русским, лишь украинцем, и только украинцем»**. Отказавшиеся подписать этот документ семинаристы не получали прихода.

Только в Закарпатской Руси, находящейся под властью венгерской части Австро-Венгрии, в которой проводилась достаточно грубая политика мадьяризации, местные власти не пытались делать из местных православных русинов (то есть русских) отдельный народ. Зато именно из Закарпатья вышло поразительно много видных русских мыслителей. Жестокий национальный и религиозный гнет, постоянные войны австрийцев с турками, не способствовали развитию края. Правящая верхушка Закарпатья еще в средневековье вся мадьяризовалась. Образованных русинов насчитывались единицы. В основном только священники из числа русинов были грамотны. Но даже в таких условиях русины не только смогли сохранить свой язык и культуру, но даже внести серьезный вклад в общерусскую культуру. Так, во второй половине XVIII века, после того, как в Австрии начались некоторые послабления в области религии и в униатских духовных учебных заведениях было разрешено преподавать по-русски, в карпатских землях вдруг сразу появилась целая плеяда выдающихся мыслителей. Правда, учитывая, что австрийские власти вскоре развернули преследования деятелей русского движения в Закарпатье, почти всем им пришлось выехать с Руси Подъяремной в Русь Державную – Российскую империю. Среди таких закарпатцев, оказавшихся в Российской

* Куропаткин А. Н. Русско-японская война 1904–1905 гг. Итоги войны. СПб., 2002, с. 58–59.

** Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996, с. 204.

империи (говорить «в России» некорректно, поскольку для закарпатцев их родной край также есть Россия) можно назвать такого выдающегося деятеля науки, как первого ректора Петербургского университета, одного из первых отечественных экономистов, Михаила Балугьянского (1769–1847 гг.). Вошли в пантеон национальной мысли такие уроженцы Карпатской Руси, переселившиеся в Российскую империю, как философ Петр Лодий (1764–1829 гг.), историк и этнограф Юрий Венелин (1802–1839 гг.). Интересно, что Юрий Венелин оказал большое влияние на развитие болгарского национального движения, поскольку его книга по истории болгар как бы открыла болгарам их собственную историю (не случайно многие болгары даже носят имя Венелин, есть также женская форма – Венелина). Но поскольку Венелин был также воспитателем детей русского писателя С. Аксакова, то неудивительно, что его воспитанники Константин и Иван Аксаковы знамениты как виднейшие славянофилы. Из семей переселившихся в сердце России закарпатцев происходили поэт Нестор Кукольник (1809–1869 гг.), (многие стихи которого положил на музыку М. Глинка), художник и искусствовед Игорь Грабарь (1871–1960). Из закарпатского села Рокосов происходили предки маршала К. К. Рокоссовского (1896–1968).

Но многие выдающиеся русины оставались дома, ведя упорную борьбу за права русинов в Австрии. Можно вспомнить имена таких стойких борцов за русское дело в крае, как писатель, историк и просветитель Александр Духнович (1803–1865), великие защитники православия Иван Раковский (1815–1885) и Адольф Добрянский (1817–1901). Особенно следует отметить роль Добрянского, настоящего политического лидера русинов. Постоянно переписываясь с императором Александром III и К. П. Победоносцевым, Добрянский всегда подчеркивал, что карпаторусы и русские в Российской империи есть один народ. (Да, поразительно, сколько великих подвижников появилось на таком небольшом участке исторической России, как Закарпатье.)

Отстаивать русское дело в Карпатской Руси было очень опасно. Католическая церковь, австро-венгерские власти и созданные ими украинские самостийники упорно пытались вытравить всякое русское самосознание у русинов. Духнович всю свою жизнь был под полицейским надзором. Под судом был и Добрянский, а сам процесс вошел в историю как процесс Ольги Грабарь (так звали по мужу дочь Добрянского). И все же борьба карпаторусских деятелей не пропала даром – в конце XIX века развернулось движение за ликвидацию унии и переход в православие, охватившее несколько сотен тысяч человек. Зато украинские самостийники почти не имели никакого влияния на население Карпатской Руси. Украинизация Закарпатья началась только в 20–30-е гг. XX века, когда край находился в составе Чехословакии. Позднее Закар-

пятье усиленно украинизировали в советскую эпоху. Но и в XXI веке закарпатцы упорно не желают считать себя «украинцами».

В Российской империи самостийничество станет заметным, хотя и не ведущим даже на Украине, идеологическим и политическим движением. В разгар первой революции, 20 февраля 1906 года, отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук большинством в один голос признали украинский язык самостоятельным языком, а не областным диалектом, как считалось ранее. Впрочем, как и во всем «украинстве», не научные, а исключительно политические соображения сыграли главную роль в узаконении украинской «мowy». Многие российские академики были по своим взглядам либералами, одобрявшими все, что подрывало самодержавие. Из 7 академиков, подавших «записку об отмене стеснения малорусского печатного слова», только трое были филологами. Из них Ф. Ф. Фортунатов самоустранился от участия в обсуждении вопроса, а двое других – Ф. Е. Корш и А. А. Шахматов были кадетами и выполняли решение партии о создании на Украине автономии, что было невозможно без признания украинского диалекта самостоятельным языком.

Впрочем, несмотря на придание с 1905 года украинскому движению, если можно так выразиться, официального статуса, в российских украинских губерниях украинство все равно было мало популярно в народе, «освободять» который движение как бы и собиралось. Историк и украинский политик Д. Дорошенко в 1912 году признавал, что число «свидомых» (то есть «сознательных») украинцев «не превышает нескольких тысяч», а не свидомых – 40 миллионов минус несколько этих тысяч^{*}. Но что это за «национализм», когда «национально-мыслящих» лишь несколько тысяч из 40 миллионов? Похоже, это был пока национализм без нации. Русское самосознание накануне революции абсолютно преобладало в Малороссии.

Следует заметить, что и в Галиции, несмотря на 600-летний отрыв от основной России, долго сохранялось русское самосознание. Так, еще в 1931 году, в находящейся под польским господством Галиции, во время проведения общепольской переписи, 1 196 855 галичан назвали себя «русскими», или «руси́нами», и 1 675 870 – украинцами, несмотря на всяческое покровительство «украинцам» со стороны официальных властей и униатской церкви^{**}. При этом многие галичане-католики предпочли назвать себя поляками.

^{*} Дорошенко Д. М. За́мітки до Історії 1912 р. // Хліборобська Україна, 1921, кн. 3, с. 180.

^{**} Дикий А. Неизвращенная история Украины – Руси. Нью-Йорк, 1960. Т. 1, с. 25.

Не менее показателен референдум 1937 года в Закарпатье, находившемся в составе Чехословакии, по вопросу о языке школьного образования. 86% высказались за русский язык, только 14% – за украинский*. Однако многолетняя деятельность «украинизаторов» вместе с полным безразличием российского общества в вопросе единства нации привели к тому, что ныне Галиция (Западная Украина), отличается особенно яростным «жовто-блакитным» национализмом.

Итак, сам факт появления украинского национализма при отсутствии в то время самой украинской нации следует признать крупнейшим поражением русского национализма. Самое обидное для русских националистов будет то, что они проглядели формирование украинства. Кроме оставшихся без последствий статей Каткова и насмешек над перлами изобретаемой украинской «мовы» русские национал-патриоты никак не отреагировали на начавшийся этнический распад русских.

Подобные самостийничества возникали не только на Украине. Практически одновременно польскими сепаратистами, многие из которых были уроженцами Белоруссии, была предпринята попытка создания белорусского национализма. В этом краю и ранее деятелями польской культуры использовались белорусские сюжеты и язык. Так, композитор С. Монюшко создал оперу «Селянка» на белорусском языке, поставленную в 1852 году. Писал по-белорусски польский поэт В. Сырокомля. Однако никаких политических целей при этом не преследовалось. Только к моменту подготовки польского восстания, в условиях отмены крепостного права в Белоруссии, где почти все помещики были поляками, деятели польского движения попытались привлечь на свою сторону белорусов. С этой целью революционер-демократ К. Калиновский в 1862–63 гг. выпускал газету «Мужицкая правда» на простонародном языке, с обилием полонизмов, написанную латинским алфавитом. Всего К. Калиновский выпустил 17 номеров газеты. Эта пропаганда не увенчалась успехом. Большинство белорусов были неграмотными, искусственный язык газеты был просто непонятен, да и латинский алфавит сразу отпугивал православных. В ходе польского восстания 1863 года большинство повстанцев в Белоруссии были шляхтичами. Среди привлеченных к следствию после восстания лишь около 18% относились к крестьянскому сословию, да и те в основном были католиками.

После подавления восстания и русификаторской политики М. Н. Муравьева католической церковью в Белоруссии вновь была предпринята попытка выпускать католический катехизис на белорусском языке, причем на кириллице. Руководившие изданием монахи состоящего почти исключительно из поляков ордена Братство Воскресения

* Дикий А. Неизвращенная история Украины – Руси. Нью-Йорк, 1960. Т. 1, с. 25.

(имелось в виду воскресение Польши) не скрывали чисто политической подоплеку своего кощунственного, с точки зрения католика, поступка, в использовании алфавита «схизматиков». М. Н. Катков снова поднял тревогу, увидев в этом стремление расколоть русскую народность. В случае успеха в «белорусизации» Северо-Западного края, отмечал М. Н. Катков, «... был бы возбужден вопрос о самой народности русской и подверглось бы сомнению ее внутреннее единство: чего же лучше желать с противной точки зрения? Вместо единой русской национальности, равной русскому государству, явятся москали, белорусы, украинцы, и если дело благодаря обману принялось бы успешно, то России, вместо того, чтобы приводить в исполнение свою национальную программу, пришлось бы путаться во внутренних противоречиях и недоразумениях»*. Благодаря вмешательству М. Н. Каткова, поддержанного охранителями, новый национализм тогда не состоялся. Впрочем, главную роль в этом сыграло отсутствие закордонной части Белоруссии типа Галиции, общая отсталость и бедность края, в котором католическая часть населения относилась к полякам, а православные считали себя русскими, или «гутэйшими» («гутошними»).

Примерно в те же годы предпринималась попытка выделить из русских еще одну «нацию» – казаков. Все те же польские деятели пытались оторвать казачество от службы российскому государству под тем доводом, что казаки есть отдельный народ. В 1848 году, в период революции, охватившей почти всю Европу, когда европейские революционеры со страхом ждали вторжения казаков, штаб-квартира польского движения в Париже, отель «Ламбер», поручило своему представителю, М. Чайковскому вести пропаганду среди казаков, «не призывая к немедленному восстанию, но прививая им ненависть к России, и возбуждая надежды на независимость Родины»**. В годы Крымской войны из числа польских эмигрантов и русских перебежчиков турками и западными союзниками в Константинополе был создан «казачий легион». Интересно, что непосредственным организатором этих «казаков» был знаменитый поэт Адам Мицкевич. Впрочем, эти «казаки» вместе с самим Мицкевичем вымерли от холеры в Константинополе, так и не сыграв никакой роли в войне.

Но печальная судьба «казаков» Мицкевича не смутила тех, кто и далее пытался разжигать казачий национализм. Польские мятежники в 1863 году оставляли такие воззвания для казаков: «Знаете ли вы, что есть казак? Москаль – плут, прибрав в свои нечестивые лапы, спрятал от вас казацкую летопись и сочинил другую, исполненную лжи и клеветы, и одурманил и одурачил вас до того, что вам теперь и не знать, кто вы

* Московские ведомости, 1869, № 175.

** Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М., 2001, с. 266.

такие. Казак – это человек вольный и благородный, который никакому черту-москалю не должен ни служить, ни повиноваться»*.

Далее следовало рассуждение, что казаки есть отдельная нация, с москалями ничего общего не имеющая, и призыв примыкать к мятежникам и поднимать внутри России восстания за государство вольных казаков. Правда, в то время казаки еще не проявляли никаких сепаратистских настроений. Лишь в годы Гражданской войны возникнет своеобразное «казакофильтство». Впрочем, попытки сделать из казаков «нацию» продолжают и по сей день. Еще в период холодной войны, в 1959 году, американский конгресс принял закон «О поработенных нациях» (PL 86–90), среди которых присутствует и народ некоей «Казакии», то бишь «государства вольных казаков». Наконец, в 1991 году режим Ельцина пытался объявить казаков одним из «репрессированных народов», явно провоцируя появление казачьего самостийничества.

Свидетельством возникновения еще одного потенциального национализма служит история сибирского «областничества», возникшего на рубеже 50–60-х гг. (Правда, сами областники, подобно всем сепаратистам, удлинляли свою родословную, и первым сибирским областником считали П. А. Словцова, друга М. М. Сперанского). Возникновение «областничества» связано с именами знаменитого путешественника Г. Н. Потанина, и Н. М. Ядринцева, к которым присоединились менее известные С. С. Шашков, Н. И. Наумов, Ф. Н. Усов и др. Кружок «областников» сложился в Петербурге в 1859 г., но у истоков сибирских самостийников стояли уроженцы европейской России, революционные демократы М. А. Бакунин, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, и др. Издаваемый Герценом «Колокол» проповедовал создание на месте Российской империи свободной федерации, частью которой станет Сибирь. Огарев в статье «На новый год» (1861) выдвигал требование региональной автономии для Сибири. Сибирские корреспонденты «Колокола» Петрашевский, Венюков, Белоголовый, Загоскин выступали за освобождение Сибири от самодержавия и достижение автономии. По словам исследовавшего этот вопрос Б. К. Кубалова, в кружках областников «читали и обсуждали Бокля, Спенсера, особенно Рошера, в статьях которого упоминалось о Сибири как земледельческой колонии и проводилась мысль, что Сибирь, как колония, должна следовать определенному историческому закону, то есть отделиться от своей метрополии»**.

Подобные взгляды разделяли и оказавшиеся в Сибири уроженцы европейской России. Так, М. А. Бакунин считал, что экономическое развитие Сибири «со временем оттянет Сибирь от России, даст ей

* Катков М. Н. Передовицы по польскому вопросу. 1863–1864 гг. М., 1887. Т. 1, с. 587–588.

** Кубалов Б. Г. А. И. Герцен и общественность Сибири. Иркутск, 1958. с. 61.

независимость и самостоятельность... но такая независимость, невозможная теперь, необходимая, может быть, в довольно близком будущем, – разве беда?»*.

Для многих революционных демократов в России сибиряки были «угнетенной народностью». Впрочем, благодаря отсутствию поддержки из-за рубежа сибирское областничество не стало началом нового националистического и сепаратистского движения. Сепаратизм в Сибири существовал вплоть до начала XX века. Правда, областничество было частью общероссийского революционного демократизма в 1870–1880-е гг., а затем, подобно остальным общероссийским народникам, превратилось в часть либерализма. После падения самодержавия, 2–9 августа 1917 года, в Томске состоялась конференция областников, принявшая постановление «Об автономном устройстве Сибири», утвердившая также сибирский бело-зеленый флаг. В октябре 1917 года был проведен также Сибирский областной съезд, провозгласивший полноту своей власти на всю Сибирь, которая должна была обладать своей Думой (парламентом) и кабинетом министров. Однако после победы в Гражданской войне большевики быстро покончили с областничеством.

В консервативной литературе второй половины XIX века сибирское областничество почти не отразилось. Для подавляющего большинства русских людей Сибирь ассоциировалась с местом ссылки, и поэтому на политическую активность сибиряков в столичных городах империи практически не обратили внимания. В какой-то степени потенциальный сибирский сепаратизм остался нереализованным только из-за стечения благоприятных обстоятельств, в первую очередь, благодаря отсутствию иностранной поддержки и наличия в самой Сибири социальных групп, заинтересованных в отделении.

Наконец, опять же польскими националистами в союзе с русскими революционерами предпринималась попытка создать из части русского народа еще одну «нацию» – старообрядцев. Впрочем, русские революционеры, отнюдь не разделяя сепаратистских взглядов, также надеялись на восстание старообрядцев против царя. В «Колоколе» Герцена Василий Кельсиев публиковал «Общее вече», целиком посвященное Расколу. Летом 1863 года, когда в Польше и Северо-Западном крае полыхало восстание, на Северном Кавказе высаживался легион Пржевальского, а к устью Дуная двигался отряд Милковского, была предпринята попытка поднять бунт старообрядцев – липован. Братья Иван и Василий Кельсиевы, русские революционные демократы, связанные с нелегальными кружками, вместе с поляком М. С. Чайковским, в прошлом служившим в турецкой армии под именем Сеид-паши и принявшим ислам (что наглядно свидетельствовало об искренности его религиозных убеждений),

* Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. М., 1935 г., т. 4, с. 314.

попытались поднять мятеж в городе Тульча. Впрочем, старообрядцы не поддержали революционеров. Впоследствии и Василий Кельсиев, и Михаил Чайковский покаяться в своих прежних взглядах и были амнистированы царем. Василий Кельсиев стал печататься в изданиях М. Н. Каткова, а Михаил Чайковский в 1873 году принял православие.

Польские мятежники также пытались привлечь на свою сторону старообрядцев, живших в Белоруссии. Поляки выпускали воззвания, в которых напоминали все обиды, нанесенные никонианцами, и призывали старообрядцев примыкать к ним. Однако сами старообрядцы не только не поддержали мятеж, но и стали опорой М. Н. Муравьева при умирении края. Именно из старообрядцев состояли многие крестьянские дружины, созданные по инициативе генерал-губернатора, громившие инсургентов. И до, и после 1863 года в польской эмиграции широко обсуждались планы организации восстания старообрядцев против царя и создания нескольких отдельных старообрядческих республик в центре и по окраинам России. Эти республики находились бы под протекторатом возрожденной Речи Посполитой. С этой целью среди старообрядцев польскими агитаторами распространялись воззвания и прокламации, не давшие, впрочем, никакого результата.

Русские революционеры также уделяли самое пристальное внимание старообрядцам. В отличие от поляков, русские радикалы не пытались распространять сепаратизм в среде старообрядцев. Напротив, видя крепость общинного быта в старообрядческой среде, распространенные среди старообрядцев чувство независимости, групповой сплоченности, общую оппозиционность к царской власти, народники считали старообрядцев наиболее готовыми к революции под лозунгами общинного социализма. Не случайно знаменитое «хождение в народ» охватило в основном поволжские губернии, где старообрядцы различных направлений составляли большинство населения.

Вообще все попытки революционеров поднять старообрядцев провалились. Этому способствовала замкнутость старообрядческих общин, раздробленность самих старообрядцев на великое множество «толков» и «согласий», отсутствие центра расселения старообрядцев, живущих по всей территории империи. Главным же фактором, сделавшим старообрядцев «непроницаемыми» ко всякой революционной и сепаратистской пропаганде, было определенное удовлетворение старообрядцев реформами Александра II, прекратившего всякие притеснения сторонников «древлего благочестия», а также бытового консерватизм самого старообрядчества. Считая себя (с полным основанием) истинно русским людьми, носителями исконных обычаев Руси, старообрядцы не воспринимали доводы о том, что они являются отдельным от остальных русских народом.

Завершая разговор о консервативной концепции русской нации, можно заметить, что она так и не была разработана. Во времена крепостничества никакой этнической солидарности барина и крепостного не могло быть. После 19 февраля 1861 года, в условиях ломки сложившегося быта, учитывая также особенности русского менталитета, в котором русская идентичность проявляется в российском государстве, с учетом реальных местных региональных особенностей, появление всякого рода местных сепаратизмов, было, видимо, неизбежным. Генерал Р. А. Фадеев справедливо писал: «В полном значении слова, нисколько не играя выражениями, должно сказать, что мы, русские, как нация, только вчера доросли до нравственной независимости, до такого состояния, в котором нам не приходится уже жертвовать роковой необходимости драгоценнейшими условиями развитой общественной жизни; только вчера мы выбрались на широкую дорогу. Предшествовавшие времена не располагали достаточно для того свободой действий. Московской эпохе было некогда: она боролась за право существования России; петербургскому периоду было нельзя: он шел к другой задаче... Теперь только пришло нам время жить и обнаруживать свои внутренние силы»*.

И все же вторая половина XIX столетия не стала временем появления этнического русского национализма. Но во многом это объяснялось тем, что у русских и так было свое государство. Другое дело, что для национальных чувств русских оскорбительным были чужеземные влияния на политическую и экономическую жизнь страны. Но эта проблема была решаемая в рамках существующего государственного устройства.

Гораздо сложнее был вопрос о той части русской нации, которые в силу исторических обстоятельств имели свои социальные и культурные отличия от великорусского ядра. Таковыми были украинцы, белорусы, казаки, сибиряки, а также галицкие русины. Большинство консервативных мыслителей недооценивали проблему единства русских, и это привело уже в следующем столетии к расчленению восточного славянства.

Образ врага

Итак, мы подходим к важнейшей теме, без которой не может быть национализма, – образу врага. Национальное «мы» может существовать лишь в сопоставлении с кем-то другим – чужим, непонятным и, скорее всего, враждебным. «Они» могут быть и носителями

---

* Фадеев Р. А. Собр. соч., СПб., 1889, т. 3, с. 60–61.

абсолютного зла или быть неискренними друзьями. Любая идеология сплочения любого большого человеческого коллектива (нации, класса, религиозной группы, спортивной команды, политической партии, уголовной банды) всегда подразумевает наличие грозного врага, в борьбе с которым данный коллектив должен сплотиться вокруг лидера или претендующего на лидерство. Разумеется, враг является полным антиподом образа «мы». Врагами могут быть конкретные личности, нации, государства или же вообще совершенно безличные, лишенные конкретных черт и оттого еще более ужасные образы-мифы, как, например, «еретики» для средневековых инквизиторов, «троцкисты» для большевиков 30-х годов, «коммунисты» для американских маккартистов, «агенты КГБ» для советских диссидентов, «польская интрига» для русских охранителей XIX века, «сионско-масонский заговор» для правых нашего века.

Как правило, наряду с «образом врага» может присутствовать в сознании и «образ друга», кем может быть союзный на данный момент нашему коллективу аналогичный коллектив. Им, как и врагом, могут быть как конкретные люди, страны, этносы, так и абстрактные образы-мифы типа «трудящихся масс», «всего прогрессивного человечества», «цивилизованных стран» и т. д. Заметим, что конкретные враги и конкретные друзья могут часто меняться, с их мифологическими образами расстаться гораздо труднее, но в целом потребность во врагах и друзьях остается неизменной.

С появлением в России правых идеологических течений как враждебной реакции на Великую Французскую революцию появились и образы врагов. Главный внешний враг России – это, конечно, Запад (ранее использовали в качестве синонима слово «Европа»). Запад воплощал в себе все, ненавистное консерваторам в России: революцию, демократию, капитализм, машинную индустрию, космополитизм, а также отошедшие от чистоты христианства эпохи Вселенских Соборов католицизм и протестантизм. Походы всей Европы на Россию в 1812 г. и в 1854–55 гг. (во время Крымской войны) не могли не вызвать настороженного отношения россиян к Западу. Распространенная на Западе русофобия, обычно вовсе не связанная с протестом против политического режима в России, и носящая порой совершенно иррациональный характер вкупе с почти полным незнанием России как страны и ее народа, не могли не вызвать у русских ответную «западофобию».

Заметим, что идеологи и лидеры правых обычно были именно европейски образованными людьми и часто бывали в Европе и могли судить о ней вполне компетентно. Многие стороны европейского быта вызывали у них восхищение и стремление использовать западный быт в России. Впрочем, в основном правых интересовали лишь технические

новшества Запада (в то время как левых привлекали именно новейшие западные социальные теории).

Наконец, четко обозначившиеся в середине века (что наглядно показала Крымская война) усиливающееся техническое и экономическое отставание России от Запада также вызывали изоляционистские антизападные настроения.

В целом, однако, антизападничество носило оборонительный характер против экспансии если не западных армий, то западных идей. Неприязнь к Западу была следствием западной неприязни к России. Для иллюстрации приведем две цитаты двух выдающихся русских мыслителей, в наши дни популярных даже больше, чем при жизни: «... Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т. д. – материалом, который можно было формировать и обделывать по образу и подобию своему» (Н. Я. Данилевский). «Нас замечательно не любит Европа и никогда не любила; никогда не считала нас за своих, за европейцев, а всегда лишь за досадных пришельцев» (Достоевский Ф. М.).

Но не были ли все эти опасения обычной фобией, иррациональным страхом? Именно так стараются уверить наших соотечественников западные сирены и многие россияне (по глупости или по материальным соображениям, другой вопрос). Но в том-то и дело, что Запад был врагом России всегда, и это не зависело от характера политического строя России и от идеологии западных антирусских сил.

Наполеон ставил целью «раздавить» Россию. Но, может быть, не стоит всерьез писать о Наполеоне, зарвавшемся завоевателе, ведь западные демократические страны должны относиться к России по-другому? Но вот какие задачи ставил в марте 1854 года, начиная войну, вошедшую в историю, как Крымская, премьер-министр Великобритании, лорд Пальмерстон: «Моя заветная цель в войне, начинающейся с Россией, такова: Аландские острова и Финляндию отдать Швеции; часть остзейских провинций России у Балтийского моря передать Пруссии; восстановить самостоятельное королевство Польское как барьер между Германией и Россией; Валахию, Молдавию и устье Дуная отдать Австрии... Крым, Черкессию и Грузию отдать Турции»*.

В России эти слова не забыли, но относились несерьезно, поскольку Крымская война, хотя и закончилась неблагоприятно для России, все же отнюдь не означала полного разгрома. Благодаря мужеству защитников Севастополя, грандиозная цель Пальмерстона не могла быть достигнута. Для Англии, Франции, Турции и примкнувшего к ним Пье-

* Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа. М, 2001, с. 33.

монта война оказалась крайне тяжелой. Даже в солидной газете «Таймс» появлялись статьи об ужасном положении солдат западных союзников, замерзающих на холодном ветру. (Это писали о войне в субтропическом Крыму! Действительно, решительно все незадачливые противники России валили собственные неудачи на русскую погоду.) В России же о программе Пальмерстона остались насмешливые стихи:

*Вот в воинственном азарте
Воевода Пальмерстон
Поражает Русь на карте
Указательным перстом!*

Однако великий план Пальмерстона не заслуживает насмешки. Сам Пальмерстон говорил лишь о заветной цели, а не конкретной задаче именно Крымской войны. Стратегические цели Запада в отношении России оставались неизменными и за последующие полтора века. Оторвать от России Кавказ, остзейские (то есть балтийские) провинции, восстановить Польшу (в то время – только в границах 1772 года), причем не ради поляков, а лишь как буфер между Россией и Германией – кто скажет, что именно эти цели Запад не ставил перед собой и в XX столетии? После Крымской войны против России продолжалась подрывная пропаганда, поддержка различных сепаратистов и внутренних диссидентов, как уже говорилось выше.

Но самым значительным противником России на Западе были левые радикалы. Так, когда в 1848 году почти во всей Европе разразилась революция, то выяснилось, что уничтожение России есть чуть ли не основное требование западных революционеров любого идеологического направления. В Германии в ходе революции во Франкфурте-на-Майне был создан общегерманский парламент. Обсуждая границы будущего общегерманского рейха, франкфуртский парламент постановил, что прибалтийские провинции Российской империи (Эстляндия, Лифляндия, Курляндия) есть неотъемлемая часть Германии. Но желание сокрушить Россию, впрочем, носило у немецких демократов какой-то патологический характер, не сводясь только к вульгарным территориальным претензиям. Так, представитель «умеренных демократов» К. Фогт в позе пророка предсказывал великую войну европейской цивилизации против «восточного варварства». Другой депутат, «радикальный демократ», видный пацифист, философ-младогегельянец А. Руге, предлагая созвать конгресс народов Европы за разоружение, однако говорил, что наступлению всеобщего мира должна предшествовать «последняя война» против России. Эксплуатация богатств России позволит покончить с социальными конфликтами на Западе и сделает ненужной войну между западными нациями. Наконец, один из основателей коммунизма, Ф. Энгельс, также зловеще обещал: «Мы знаем, где сосредоточены

враги революции: в России и в славянских землях Австрии... Мы знаем, что нам делать: истребительная война и безудержный террор»*. В 1848 году Россию поносили за то, что она была врагом революции. Ныне почти в тех же выражениях кланут Россию и обещают расправиться с ней антикоммунисты!

Во второй половине XIX столетия, после окончания периода революций в Западной Европе отношение Запада к России лучше не стало. Западные либералы в русофобии не уступали радикалам. Непохожесть России на Запад и, что особенно раздражало западных политиков и идеологов, наличие в России огромных ресурсов порождало стремление к завоеванию непокорной и непонятной страны. В лучших традициях западного лицемерия необходимость завоевания России объяснялась не стремлением захватить ее богатства, а необходимостью привнесения высшей культуры расово неполноценным славянам. О необходимости культуртрегерской миссии Запада открыто писали столпы западной мысли. Так, Г. Гервинус в книге «Введение в историю XIX века» утверждал, что Россия ни разу «не заявила о какой бы то ни было потребности в религиозной самостоятельности и прогрессе»**. Россия была главным препятствием к распространению «свободы» с Запада на Восток. Гервинус пророчил грядущую войну между расами. О том, что возникнет после выполнения культуртрегерской миссии Запада, писал историк Георг Вебер (труды которого переводил на русский Н. Г. Чернышевский). С точки зрения Вебера, народы Европы делятся на народы – сословия, разделенные на ученое, военное и кормящее. Разумеется, славяне относятся к кормящему господ сословию.

Германские планы в отношении России практически повторяли программу Пальмерстона. В вышедшей в Германии в 1882 году анонимной брошюре «Немецкая война с Россией» высказывалась надежда, что после разгрома России у нее будут отобраны Финляндия, Польша, остзейские провинции, Кавказ. Ветеран революции 1848 года Константин Франц, яростно критиковавший Бисмарка за его высказывания, что у Германии нет врага на Востоке, призывал к созданию единой Европейской федерации, которая станет возможной лишь после уничтожения России. Первый секретарь посольства Германии в Петербурге, будущий рейхсканцлер Бернхард фон Бюлов в 1887 году, оценивая территориальные изменения после будущей победной войны с Россией, считал, что восточные границы Германии будут проходить по линии Онежское озеро – Валдай – Днепр. Оставшаяся у России территория будет сырьевым карьером Германии.

* Энгельс Ф. Демократический панславизм. – Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т. 6, с. 305–306.

** Гервинус Г. Введение в историю XIX века. СПб., 1864, с. 133.

В начале XX века подобные планы в Германии проповедовал триумвират влиятельных журналистов, одновременно также университетских профессоров, выходцев из российской Прибалтики – Т. Шиман, И. Халлер и П. Рорбах. Все трое считались самыми читаемыми из немецких публицистов. Шиман редактировал «Крестовую газету», в которой когда-то работал Бисмарк, а Рорбаха постоянно читал кайзер Вильгельм II. Все трое бывших российских подданных писали о том, что Россия вне семьи европейских народов, их культуры и цивилизации. Русской культуры как таковой вообще не существует. Соответственно, поступать с русскими как с белыми людьми нельзя. Россия должна быть разрезана на части, как апельсин. Кроме того, поскольку русских слишком много, в будущем необходимо принятие специальных мер по исправлению такого положения. Русские земли должны стать германскими, а сами славяне – лишь навоз для произрастания германской культуры.

Итак, что британцы, что германцы, ставили перед собой в отношении России одинаковые цели – расчленение и эксплуатацию. Кто скажет, что в XX и в XXI веках цели Запада изменились?

Таким образом, русское антизападничество, в отличие от западной русофобии, отнюдь не носит характера мании. Скорее, антизападничество можно рассматривать как проявление инстинкта национального самосохранения. Достойно удивления не то, что в России к Западу относились с подозрением задолго до большевизма и пресловутого «железного занавеса», а то обстоятельство, что после всех исторических потрясений у нас остаются наивные западники.

Внутренний враг

Итак, антизападничество являлось одним из главных символов веры правых, при признании многих достижений, в первую очередь технических, западной цивилизации. Но если образ Запада как внешнего врага носил несколько расплывчатый характер вообще, то внутренний враг носил вполне конкретный характер.

Наибольшую фобию у российских благонамеренных обывателей вызывали «вольтерьянцы», «фармазоны» и «нигилисты», под которыми могли пониматься решительно все люди, выделяющиеся своим внешним видом и поведением. Правые идеологи и политики были людьми достаточно просвещенными, чтобы видеть внутреннего врага в каждом вольнодумце (тем более, что большинство из них сами в молодости грешили вольнодумством), но и они не смогли избежать распростра-

ных в обществе предрассудков. Уже в наше время стремление видеть во всех происходящих в стране и мире негативных, с точки зрения правых, событиях заговоры и происки темных сил приняли у русских правых характер паранойи. В прошлом веке правые также страдали, правда, без особой рефлексии, масонофобией и крепкой верой в то, что в органическом российском обществе нет никакой почвы для борьбы классов и, следовательно, все революционное движение представляет собой деятельность беспочвенной, оторванной от народа кучки заговорщиков-отщепенцев, направляемых из-за рубежа.

Доказательством определенной справедливости этого правого символа веры может служить реальный факт малочисленности всех революционных движений XIX века от декабристов до марксистов, почти не имеющих поддержки безмолвствующих низов. Добавим к этому членство в масонских ложах большинства декабристов, откровенно антипатриотическую позицию нигилистов и революционеров-шестидесятников в польском вопросе, и, наконец, преобладание в революционном движении после отмены крепостного права *разночинцев*, т. е. людей неопределенного сословного положения, маргиналов в социологическом смысле.

Здесь мы приближаемся к деликатной теме – этническое происхождение главного внутреннего врага. Для большинства западных исследователей вся идеология правых (причем не только российских) сводится почти исключительно к антисемитизму. Такая позиция односторонняя и не верна по существу. В силу многих обстоятельств, евреи во многих странах были удобными козлами отпущения, на которых можно было свалить все бедствия, в т. ч. и природные. Но сводить всю русскую правую лишь к призыву бить «жидов» нельзя еще и потому, что юдофобия стала составной частью идеологии правых лишь в конце XIX века, а до евреев внутренним врагом № 1 правые считали поляков.

«Польский вопрос» приобрел такой болезненный характер, превратившись в один из важнейших вопросов политической жизни России в силу мощи и организованности польского национального движения, тесно связанного с многочисленной польской эмиграцией на Западе (и, значит, с правительствами Запада) и, наконец, со значительным участием поляков в общероссийском революционном движении. Болезненно отразились и в русском, и в польском национальных сознаниях кровавые перипетии «домашнего старого спора» между двумя славянскими народами, начавшегося еще со времен походов Болеслава I на Киев в 1017 г. и до разделов Речи Посполитой восемь веков спустя. Огромное значение для русских националистов имело то обстоятельство, что поляки не только не обрусевали под властью русского царя, но и продолжали окатоличивать и полонизировать белору-

сов и западных русских через католические школы с польским языком обучения. Известно, что из ополяченных восточных славян вышло много деятелей польской культуры и национального движения. Не случайно граф С. С. Уваров ставил себе в заслугу открытие большого количества русских школ в восточных землях бывшей Речи Посполитой в качестве противовеса «полонизму». То, что для подавляющего большинства польских патриотов восстановление Польши именно в границах 1772 г., а то и «от моря до моря» было само собой разумеющимся, вызывало протест даже у той части русского «передового» общества, которая сочувствовала польской независимости, но только в границах этнографического расселения польской нации. Впрочем, для российских либералов и тем более радикалов XIX в. была характерна бездумная поддержка всех польских требований, совсем как для российских демократов времен перестройки безоговорочное одобрение прибалтийских требований «особых прав коренных наций». Такая солидарность на антирусской платформе, естественно, вызывала особенно негативное отношение к полякам, которых правые вообще считали заводилами русского революционного движения, отказываясь признавать его самостоятельный характер. Особенно яростно отстаивал это Катков, видевший «польскую интригу» и в студенческих волнениях, и в петербургских пожарах 1862 г. То, что многие поляки в силу хотя бы большего культурного развития Польши по сравнению со средней Россией, а также определенной групповой сплоченностью, присущей нацменьшинствам, достигали важных должностей в государственном аппарате и армии России, вызывало тревогу у правых. В конце концов, просвещенные русские консерваторы читали «Конрада Валленрода» Мицкевича, и помнили биографию Адама Чарторыйского, друга Александра I, министра иностранных дел России, а затем главу польского повстанческого правительства в 1831 г. Для правых это было доказательством существования некоего плана по овладению ключевыми постами в Российской империи с целью ее подрыва и последующему подчинению западным державам и Ватикану.

Наконец, была еще одна причина нелюбви русских правых к полякам всех политических оттенков. Если для русского патриота национальная идентичность России заключалась в Православии, Самодержавии и, о чем говорилось выше, не-западности России, то польскость определялась именно через католицизм, традицию шляхетской вольности и принадлежность Польши к Западу. Возможно, именно этим объяснялся распространенный в Польше миф о готовности Запада всегда помогать несчастным полякам и комплекс поляков как народа, которому все должны.

К концу XIX в. «польский вопрос» стал все больше терять значительность для правых, поскольку все большую роль для них стал приобретать «еврейский вопрос».

Несмотря на стремление ряда исследователей в России и за рубежом свести всю русскую правую исключительность к антисемитизму, до 1880-х гг. «еврейский вопрос» для правых почти отсутствовал. Так как большинство евреев Российской империи жило в условиях крайней нищеты в пределах «черты оседлости», почти отсутствуя в Великороссии, антисемитские предрассудки не получили распространения и среди «верхов» и «низов» русского общества. Но и в пределах «черты оседлости» антисемитизм и его крайние проявления, нашедшие воплощение в погромах, носил преимущественно характер выступления социального протеста низов, которые жестоко карались со стороны официальных властей. Кроме того, погромы нередко носили характер «нечестной конкуренции» со стороны лавочников и торговцев христиан самых различных национальностей, которым трудно было конкурировать со сплоченной еврейской общиной.

Так, погром в Одессе в 1821 г. был организован местными греками в отмстку за учиненный турками греческий погром и казнь патриарха Греции Григория*. Социальный характер носили одесские погромы 1859, 1871 и 1881 гг., беспощадно умиряемые полицией и казаками. Особенный размах носили погромы 1881 г., охватившие более 100 населенных пунктов. В Одессе в мае город даже три дня находился в руках погромщиков. В Литве и Белоруссии генерал-губернатор Тотлебен сумел пресечь погромы жестокими методами. В 1882, 1883 и 1884 гг. погромы периодически повторялись по всем пределам «черты оседлости», охватывая Варшаву, Кишинев, Ростов-на-Дону, Екатеринослав и ряд других городов.

О том, что причинами погромов были вовсе не религиозная вражда, а сугубо классовые противоречия, свидетельствовали итоги работы специальных комиссий по расследованию причин погромов во главе с графом К. Паленом, действовавшие в 1883–1888 гг. Такие же комиссии были созданы во всех охваченных беспорядками губерниях. Внимательно изучив статистические материалы, показания очевидцев и данные полиции, члены комиссии пришли к выводу, что причины беспорядков кроются в давнем угнетении народа еврейскими ростовщиками, кабатчиками и темными дельцами. Член комиссии В. А. Величковский говорил, что слово «эксплуатация» слабо выражает отношение евреев к местному населению. Это – полное экономическое

---

* Иудаизм в России. М, 1997, с. 53.

порабощение народа»*. Социальный характер антиеврейского движения 1881 г. был очевиден консерваторам и революционерам. Правая печать, например, «Московские Ведомости» М. Н. Каткова, рассматривали еврейские погромы как репетицию социалистического бунта**. То, что погромщики нарушали права собственности и государственные законы, для правых было гораздо более существенным, чем православно-монархическое мировоззрение самих погромщиков, ведь и пугачевцы XVIII в. также считали себя верноподданными законного государя Петра III.

Зато вот как расценила погромы «передовая» левая печать: «Можно считать установленным фактом, что антиеврейское движение носит всеобщий характер и обнаруживает громадный запас народной ненависти к евреям, которая едва ли уменьшилась после подавления движения и административной расправы над народной массой». Так писал умеренный народник С. Южаков в «Отечественных Записках» за 1882 г., редактором которых был М. Е. Салтыков-Щедрин. Фактически одобрили погромы и нелегальные народнические революционные организации, в своей агитационной литературе считавшие беспорядки началом революции в России.

В «Приложении к «Листку "Народной воли"» была помещена статья «По поводу еврейских беспорядков», в которой погромы расценивались как начало народного движения против «жидов», то есть против эксплуататоров народа, но не против евреев. Также рабочая фракция «Народной воли» в 1883 году выпустила прокламацию, посвященную погрому в Екатеринославе. В прокламации народовольцы отмечали, что бьют именно жидов. Против евреев русский народ ничего не имеет, а вот против жидов – имеет много со своей рабочей точки зрения. Великая Французская революция, напоминалось в прокламации, началась с погромов. Далее следовала ссылка на Маркса, который когда-то прекрасно объяснил, что евреи воспроизводят в себе как в зеркале все пороки окружающей среды, все язвы общественного строя. Следовательно, движение против евреев – начало более глубокого движения. «Но евреям, может быть, послужит утешением то, что движение против них является только прелюдией общего и более широкого движения» – писали революционеры***.

Автором этой прокламации был один из немногих евреев в народническом движении, член исполкома «Народной воли», Савелий Златопольский.

* Кто повинен в погромах?//За русское дело. 1995, № 6 (29).

** Московские ведомости, 1881, № 121.

*** Памятники агитационной литературы. Пг., 1923, т. 1, с. 319.

Горячо приветствовал погромы и П. Н. Ткачев, лидер заговорщицкого направления в народничестве, также считая погромы началом революции.

Как видим, несмотря на стремление народников быть «выше» всяких национальных вопросов, антисемитизм был в гораздо большей степени присущ революционерам, чем реакционерам. Правда, главной причиной революционного (или левого) антисемитизма были не религиозные или расовые причины, а именно социальная роль еврейства, выступавшего главным эксплуататором христианского населения в пределах «черты оседлости». Для народников, теория которых предусматривала возможность избежания Россией капитализма, еврейские финансисты были чуть ли не главным проводником капиталистических отношений в глубине русского народа. Поэтому сочувствие народников избиению еврейских провинциальных шейлоков со стороны простого населения было понятным. С точки зрения революционных народников, угнетают народ немецкие чиновники, русские помещики и еврейские финансисты. Надвигающаяся революция покончит с этими эксплуататорами.

Своего рода катехизис левого антисемитизма изложил в своей книге «Основы народничества» забытый (вероятно, не случайно) публицист народнического направления И. Каблиц, писавший также под псевдонимом Юзов (1848–1893). По отцу – немец, по матери – поляк, уроженец Ковенской губернии, в которой большинство городского населения составляли евреи, участник «хождения в народ», столкнувшийся с настоящим народом и его настроениями, Каблиц имел по еврейскому вопросу больше знаний, чем революционеры из центральной России. Касаясь укоренившегося в массах антисемитизма, Каблиц писал: «... не религиозная вражда и не национальная антипатия составляют сущность ненависти к евреям, а их общественный паразитизм. Экономическая эксплуатация – вот истинная причина ненависти всех народов к евреям»*. Правда, Каблиц тут же оговаривал, что «еврейская эксплуатация зависит не только от корыстолюбия этой нации, но и от тех общественных условий, в которых евреи действуют»**. Окончательное решение «еврейского вопроса», по мысли революционера, выглядит просто: «По нашему мнению, единственный выход из того неестественного положения, которое занимают среди нас евреи, – полное этнографическое их слияние с коренным населением»***. Но как ликвидировать эксплуатацию народа евреями? По мысли Каблица, «... еврейская эксплуатация может быть

* Каблиц И. (Юзов). Основы народничества. СПб., 1888, ч. 2, с. 382.

** Там же, с. 386.

*** Там же, с. 377.

уничтожена в корне только теми же средствами, какими уничтожается эксплуатация вообще»*. Разумеется, в легальной книге Каблиц не мог более конкретно разъяснить, как это делается. Но читатель, знакомый с революционной литературой, прекрасно знал, что «уничтожается эксплуатация вообще» посредством «экспроприации экспроприаторов» и «ликвидации как класса».

Столь обширное цитирование оппонентов правых потребовалось только для того, чтобы показать несостоятельность стереотипной точки зрения, которая, по иронии судьбы, особенно распространена среди правых современной России, о том, что за всеми революционными движениями России стояли евреи, а русский патриот лишь призывал «бить жидов». Применительно к 70–80-м гг. XIX в. можно заметить, что антисемитизм был присущ именно левым радикалам, в то время как правых беспокоил сам факт бунта и неповиновения властям со стороны погромщиков.

Вообще в революционном движении XIX века евреев было немного. Среди декабристов был один еврей – выкрест Григорий Перетц, сын известного откупщика, член Союза Благоденствия, который сам же донес властям на это общество. Показательно, что его родной брат Егор сделал в дальнейшем блестящую карьеру, заняв в 1878 году должность государственного секретаря (ранее эту должность занимал Сперанский). В народничестве появилось уже несколько евреев, впрочем, руководящей роли не игравших.

В начале XX века ряд публицистов либерального направления обвинил в погромах департамент полиции, в первую очередь, руководителя полиции В. К. Плеве. Это легенда живет до сих пор. Впрочем, серьезные исследователи не воспринимают эту легенду. Так, в книге «Фонтанка, 16. Политический сыск при царях», авторами которой являются западный исследователь Чарльз Рууд и российский историк Сергей Семенов, констатируется: «... полиция в лице ее высших руководителей и низового звена не имела отношения к возникновению погромов»**.

Среди политических публицистов правого толка, имевших большое влияние на широкую публику и власти, «еврейский вопрос», если не считать тему погромов, почти не затрагивался. Философы в основном рассматривали еврейский вопрос как религиозную проблему и уделяли основное внимание соотношению иудаизма и христианства. В общественном плане «еврейский вопрос» для правых сводился к проблеме интеграции евреев в российское общество и преодолению замкнутости

* Каблиц И. (Юзов). Основы народничества. СПб., 1888, ч. 2, с. 388.

** Рууд Ч, Семенов С. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993, с. 280.

еврейской этнорелигиозной общины. Именно в этом направлении проводилась политика нескольких монархов.

Так, царь-идеалист Александр I образовал в 1802 г. специальный «Комитет о благоустройстве евреев», работа которого провалилась из-за сопротивления верхушки кагалов (органов иудейского самоуправления), опасавшихся потери влияния на своих единоверцев. Александр I, чтобы оторвать евреев западных губерний от «непристойных» занятий, также повелел организовать в Новороссии земледельческие еврейские колонии. Евреям-колонистам были выданы значительные ссуды, и они были на 30 лет освобождены от налогов.

Впрочем, опыт оказался неудачным. Практически повсюду земли колоний были сданы в аренду украинским крестьянам (никаких льгот не имеющим), а сами колонисты или перебрались в города, или занялись традиционным ростовщичеством и шинкарством. В дальнейшем попытки заставить евреев заниматься сельским хозяйством предпринимались еще несколько раз, но все с тем же результатом. Некоторые колонии просуществовали довольно долго, но, как дипломатично указывали авторы географической энциклопедии начала XX века, «земледелие у евреев находится далеко не в блестящем состоянии, что весьма понятно, так как этот народ в течении десятков столетий занимался исключительно торговыми операциями и ремеслами»*. Хотя опыт приобщения к земледелию оказался неудачным, но среди далеко идущих последствий этого эксперимента оказалось то, что первоначально в Новороссии евреи имели статус колонистов (как немцы, болгары) со всеми причитающимися льготами и привилегиями. Это способствовало тому, что, занявшись своими традиционными еврейскими занятиями, евреи в скором времени стали экономическими хозяевами края. Именно в их руки перешли многие помещичьи хозяйства, им же принадлежали большинство промышленных предприятий. Нигде не было в Российской Империи столь резких социальных контрастов, тем более имеющих внешний вид национальных противоречий, как в Новороссии. Не случайно именно здесь правые радикалы получили самую массовую поддержку.

При Николае I стремление сделать евреев подданными, такими, «как все», приводило к таким грубым и бессмысленным мерам, как борьба с традиционным одеянием евреев, обложение их двойной податью, ликвидация юридической самостоятельности кагала, насильственное крещение евреев-колонистов, рекрутский набор и т. д. Но в этом нельзя видеть проявление какой-то особой злости на евреев вообще. Напомним, что личным лейб-медиком императора был еврей Мандт, все внешние займы Николай делал при посредничестве Ротшильдов. Но, несмотря

* Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1910, т. 14, с. 215.

на все усилия правительства, еврейская община еще долго продолжала оставаться «государством в государстве».

Именно на это указывали мыслители православно-монархического направления, в частности Ф. М. Достоевский в своем «Дневнике писателя» за 1877 г. Великий писатель-гуманист, полемизируя с европейскими своими корреспондентами, требующими для евреев гражданских прав, в первую очередь права на свободу выбора местожительства, справедливо указывал на то, что многие русские также не имеют подобного права. «Подумайте только о том, – писал Ф. М. Достоевский, что когда еврей «терпел в свободном выборе местожительства», – тогда двадцать три миллиона «русской трудящейся массы» терпели крепостного состояния, что уж конечно было потяжелее «выбора местожительства». И что же, пожалели их тогда евреи? Не думаю; в западной окраине России и на юге вам на это ответят обстоятельно. Нет, они и тогда точно так же причитали о правах, которых не имел сам русский народ, кричали и жалобились, что они забиты и мученики и что, когда им дадут больше прав, «тогда и спрашивайте с нас исполнения обязанностей к государству и коренному населению». Но вот пришел освободитель и освободил коренной народ, и что же, кто первый бросился на него, как на жертву, кто воспользовался его пороками преимущественно, кто оплел его вековым золотым своим промыслом, кто тот час же заместил, где только мог и поспел, упраздненных помещиков с тою разницей, что помещики хоть и сильно эксплуатировали людей, но все же старались не разорять своих крестьян., пожалуй, для себя же, чтоб не истощить рабочей силы, а еврею до истощения русской силы дела нет, взял свое и ушел»*.

Достоевский обращал также внимание на некоторые черты еврейского характера, в котором наряду с бесцеремонностью и нечистоплотностью в денежных делах бытовало также высокомерное ханжество по отношению к неевреям. «А между тем, мне иногда приходила в голову фантазия: ну что если б это не евреев было три миллиона, а русских; а евреев было бы 80 миллионов – ну во что обратились бы у них русские и как бы они их третировали? Дали бы они им сравняться с собою в правах? Дали бы им молиться среди них свободно? Не обратили бы прямо в рабов? Хуже того, не содрали бы кожу совсем? Не избили бы дотла, до окончательного истребления, как делали они с чужими народностями в старину, в древнюю свою историю»** – продолжал писатель.

Наконец, одной из главных причин, по которым правые политики и литераторы настаивали на сохранении «черты оседлости», было опасение, что в случае упразднения этой черты масса евреев хлынет в

* Тайна Израиля. Еврейский вопрос в русской религиозной мысли конца XIX – первой половине XX вв. СПб., 1993, с. 11–12, 14–15, 21.

** Там же, с. 14–15.

глубинные русские земли и быстро экономически поработит местное население. Такая перспектива пугала Ф. М. Достоевского: «Мне приходится тут же на ум, например, такая фантазия: ну что, если потянется каким-нибудь образом и от чего-нибудь наша сельская община, ограждающая нашего бедного коренника-мужика от стольких зол, – ну что если тут же к этому освобожденному мужику, столь же умеющему сдержаться от соблазна, и которого именно опекала доселе община, – нахлынет всем кагалом еврей, – да что тут, тут мигом конец его: все имущество его, вся сила его перейдет на завтра же во власть еврея, и наступит такая пора, с которой не только не могла бы сравняться пора крепостничества, но даже татарщина»*.

Действительно, многие публицисты (причем не обязательно правых взглядов), оставившие нам впечатляющие картины разорения русской пореформенной деревни своими Колупаевыми и Разуваемыми, опасались присоединения к ним еще и еврейского гешефтмахера. Мнение Ф. М. Достоевского приведено здесь лишь потому, что уж его-то, великого гуманиста, никак нельзя обвинить в антиеврейских предрассудках. Знаменательно, что сам писатель признавал отсутствие антисемитизма в народных массах: «Пусть я не тверд в познании еврейского быта, но одно-то я уже знаю наверно и буду спорить со всеми, именно: что нет в нашем простонародье предвзятой, априорной, тупой, религиозно какой-нибудь ненависти к еврею, вроде: «Иуда, дескать, Христа продал». Если и услышишь это от ребятишек или от пьяных, то весь народ наш смотрит на еврея, повторяя это, без всякой предвзятой ненависти. Я пятьдесят лет видел это»**.

Сравнивая Российскую Империю с Германией, Францией или Австро-Венгрией того времени, можно признать, что антисемитизм имел место в России в гораздо меньшей степени, чем в этих странах, где уже активно действовали откровенно юдофобские партии (вроде Христианско-Социальной партии А. Штёкера в Германии). Характерно также, что если в Западной Европе антисемитизм носил уже к тому времени расовый характер, то в России крещеный еврей уже «переставал» быть евреем. А в целом о положении евреев в Российской империи дают такие скучные статистические данные, как увеличение численности евреев в России за XIX столетие в 8 раз! (И это несмотря на массовую эмиграцию и естественную ассимиляцию многих евреев).

«Еврейский вопрос» только в царствование Александра III начинает серьезно интересовать правых политиков и идеологов, обеспокоенных быстро растущим влиянием евреев в финансах, прессе, науке.

---

* Там же, с. 21.

** Там же, с. 14.

Ответом на это были неэффективные запретительные меры типа введения «процентной нормы» при поступлении в вузы для лиц иудейского вероисповедания (на крестившихся евреев эта «норма» не распространялась), ужесточения наказания за нарушение «черты оседлости», выселение в пределы «черты» евреев из Москвы, и, наконец, фактическое поощрение еврейской эмиграции из России, когда Александр III в 1892 г. утвердил «Положение относительно деятельности Еврейского колонизационного общества» (или «фонда барона Гирша»). Излишне говорить, что такие меры способствовали только распространению радикальных революционных настроений среди еврейской молодежи. Зато ограничить приток евреев в число предпринимателей, лиц свободных профессий не удалось, поскольку евреи умели ловко обходить все запреты. Таким образом, правым следующего века пришлось увидеть в образе еврея сразу двух объектов своей ненависти – крупный капитал и социалистическое движение.

Пределы России

Остается также рассмотреть внешнеполитические воззрения консервативных русских патриотов. Между различными направлениями русской правой мысли были определенные противоречия в оценке приоритетов во внешней политике. Но все же можно выделить общее, присущее и наиболее консервативным государственным и славянофилам, после победы над Наполеоном. Все они считали нужным поддерживать мир и территориальное статус-кво в Европе на основе границ, установленных Венским конгрессом 1814–15 гг. Кроме того, вплоть до Крымской войны 1853–56 гг. консерваторы-патриоты поддерживали также и легитимные монархии Европы. Однако пределы этой поддержки официальные власти и русские патриоты понимали по-разному. «Принцип легитимизма», положенный в основу внешней политики Российской империи при канцлере Нессельроде, целых 40 лет определявшем внешнеполитический курс страны, привел к подчинению русской дипломатии интересам австрийского правительства. Это, в свою очередь, привело к участию России, вопреки собственным интересам, в спасении Австрии во время революции 1848–49 гг., хотя восставшие славяне открыто ориентировались на Россию. Не случайно лозунгом баррикадных бойцов в Праге были слова: «Лучше русский кнут, чем немецкая свобода!» Словом, Россия своей кровью выполняла «интернациональный долг» перед европейскими династиями во имя «принципа

легитимизма». Зато вскоре спасенная Австрия (да и вся монархическая Европа), по словам австрийского канцлера Баха, «удивила весь мир своей неблагодарностью» во время Крымской войны. Впрочем, надо удивляться не неблагодарности Европы, а тому, что и по сей день существуют вроде бы здравомыслящие образованные русские люди, искренне верящие в «мировое общественное мнение», «помощь Запада» и т. п. пропагандистскую шелуху.

После Крымского урока российский МИД возглавил замечательный дипломат А. М. Горчаков и внешняя политика России стала отвечать в основном национальным интересам страны. Разумеется, и при Горчакове не все было гладко, учитывая влияние на внешнюю политику различных придворных группировок (напр., немецкую «партию»), преобладание среди чиновников МИДа старых кадров времен Нессельроде. Не случайно М. Н. Катков неоднократно говорил, что в России нет русского министерства иностранных дел, а есть иностранное министерство русских дел и порой весьма резко критиковал российских дипломатов. Под руководством Горчакова русская внешняя политика добилась многих успехов, поскольку руководствовалась принципами «священного эгоизма» – прежде всего интересы своей страны, а уже потом, все остальное. В 1870 г. Горчаков, воспользовавшись франко-прусской войной, сумел без единого выстрела переиграть последствия Крымской войны. Это был триумф не только лично Горчакова, но и всего его курса на национально ориентированную внешнюю политику. Окончательно позиция официального Петербурга и взгляды патриотов на внешнюю политику совпали в царствование Александра III, который предпочел союз с республиканской Францией в противовес агрессивной монархической (и даже династически родственной) Германии.

Говоря о миролюбии консерваторов, не следует считать их какими-то пацифистами. Территориальное расширение Российской империи было для них процессом естественным и желательным. Но сами по себе территориальные захваты для и без того самой обширной в мире страны, имеющей неосвоенные земли при достаточно редком населении, вряд ли были бы необходимы. Большая часть территориальных приобретений России была следствием мирного хозяйственного освоения русскими крестьянами «ничейных» земель Евразии. Любая империя расширяется мечом и плугом. Российская империя расширялась в основном плугом. Многие земли были присоединены к России в порядке самозащиты от разбойничьих набегов (типа Казанского ханства). Часто территории присоединялись к России по геополитическим или экономическим соображениям (напр., причерноморские земли). Однако на внешнеполитическую деятельность России, включая вопросы войны и мира, оказывали соображения идеалистического порядка. Стремление

освободить из-под ига мусульманских деспотов угнетенных христиан на Балканах и Кавказе вовлекло Россию в полосу войн с Турцией и Персией, а также к затянувшейся на десятки лет войне с кавказскими горцами. Заметим, что присоединение территорий к России в результате этих войн имело в основном чисто стратегическое значение, а их эксплуатация вообще первоначально не рассматривалась как цель. Именно идеалистические мотивы вдохновляли славянофилов, когда они добились освобождения западных славян от немецкого господства. Когда славянофилы говорили о Всеславянском союзе во главе с русским царем, это не означало присоединение славянских земель к России. В основном славянское единство мыслилось как равноправный союз народов с общей культурой. Конечно, многие деятели славянского движения, причем в основном чехи, говорили и о едином славянском языке, подразумевая, что этим языком должен быть русский, но в целом эта лестная для русских людей мысль не получила у русских поддержки. Из видных русских славянофилов второй половины XIX века только В. И. Ламанский на обеде в честь открытия Славянской Этнографической выставки в Москве в 1867 г. поднял тост под аплодисменты гостей из славянских земель: «... да процветает в России наука и образованность, ... да становится русский язык языком общеславянским»*. Но, как видим, это лишь личное мнение Ламанского, а не программные цели политического направления. По славянскому вопросу часто вспыхивали споры государственников и славянофилов, причем каждая сторона была по-своему права. Позиция государственников была более взвешенной и прагматичной, хотя нередко приносила в жертву интересы не только славян, но и русского народа во имя «Европы», а фактически бюрократическим группам в МИДе и при Дворе. Славянофильские идеалы требовали бы от России подчинения своей внешней политики выполнению интернационального долга перед «братьями-славянами», что было бы лишь вариантом политики Нессельроде.

Но по вопросу о Константинополе и Проливах сходились мнения западников и славянофилов, охранителей и не утративших патриотизм либералов – присоединение их к России было бы исторической справедливостью. Как геополитические, так и экономические соображения требовали от России присоединения Царьграда. Второй Рим имел для русских людей сакральное значение, ведь русский Царь был преемником византийских императоров, при этом Проливы имели важнейшее стратегическое значение. Император Александр I не случайно говорил о Проливах, что они – «Ключ от нашего дома» (по французски: «La clef de notre maison»). Другое дело, что эта «великая мечта» так и не осу-

* Ламанский В. И. Славянский мир. Этнографическая выставка 1867 года. СПб., 2000, с. 20.

ществилась, причем в основном из-за вмешательства западных держав. Вопрос о Проливах так остался нерешенным.

А в целом, каковы должны быть границы России с точки зрения национал-патриотов XIX столетия? Для века великих колониальных завоеваний требования русских были на редкость умеренными. Своего рода программу-максимум изложил великий поэт (а также и дипломат) Ф. И. Тютчев:

*Москва, и град Петров, и Константинов град –
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? И где его границы
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...
Семь внутренних морей и семь великих рек!
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая –
От Волги по Ефрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не пройдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.*

Но в целом большинство русских патриотических деятелей не вдохновлялись такой амбициозной программой. По иронии судьбы, большинство славянофилов (то есть националистов, по современной трактовке), были сторонниками широкой внешнеполитической экспансии, в соответствии с требованиями возрождения восточной империи. Зато жесткие государственники-патриоты резонно опасались втягивания России в конфликты на Востоке, что ослабило бы государство и самодержавие.

Итак, за столетие от Карамзина до Победоносцева формулируется, выкристаллизуется, разделится на ряд течений определенная система взглядов и ценностей русской правой, разовьется определенная правая историческая традиция. Многие из идеологических воззрений тогдашней правой, даже на первый взгляд, совершенно анахроничное (вроде самодержавной монархии) станет политической платформой для партий и организаций современной России. Несмотря на свой охранительный характер правая XIX века была достаточно самостоятельной политической и тем более, идеологической силой. Фундаментальный основы идеологии, с которой правые вступили в бури и потрясения XX века, были заложены.

Глава II

ИДЕОЛОГИЯ ПРАВОВОГО РАДИКАЛИЗМА НАЧАЛА XX ВЕКА

Последние полтора десятилетия российской монархии стали важнейшим рубежом в истории правой. Хотя сами правые потерпели историческое поражение от большевиков, за несколько бурных лет первой русской революции национально-правое движение успело превратиться из кружково-салонного в массовое, организовав несколько политических партий, (кстати, самых массовых на период 1905–14 гг.). В историю это движение вошло под собирательным именем Черная Сотня. Впрочем, с маленьких букв черными сотнями также называли и местные организации праворадикального направления.

Для достижения своих программных целей правые начинают прибегать к экстремистским действиям. Более того, их идеология также серьезно радикализируется. Произошло серьезное размежевание между разными течениями на правом фланге общественной мысли, что нашло отражение в организации сразу нескольких партий, среди которых были и консерваторы-конституционалисты европейского толка (октябристы), правые радикалы с монархическим уклоном (значительная часть черносотенцев), русские националисты (часть черносотенцев и собственно националисты), и совершенно замшелые ретрограды-помещики («Совет объединенного дворянства»).

Мы рассмотрим ниже лишь воззрения Черной Сотни и националистов, поскольку именно эти радикальные организации отличались особыми чертами «революционеров справа», и, самое главное, оказались прямыми предшественниками современных правых. Так, например, существует газета «Черная Сотня», сразу несколько организаций официально называют себя черносотенными, но что более существенно, те или иные элементы черносотенных идей (эти слова упомянуты без всякого оскорбительного оттенка) находятся в идейном багаже всех правых России современных дней.

Исследователь российской многопартийности В. В. Шелохаев обратил внимание на своеобразие порядка возникновения партий: вначале организационно оформились партии социалистические, затем – либеральные и, наконец, уже в разгар первой революции – традиционалистские* (правильнее их назвать праворадикальными). Впрочем, этот парадокс вполне понятен, поскольку лишь в 1905 г. возникла потребность в организации политических партий – противников революции.

До 1905 г. правые в России были интеллектуальным общественным движением, теперь же логика политической борьбы заставила их создавать политические организации партийного типа. Но и теперь правые не любили само слово «партия», считая его чуждым России западным термином и предпочитали называть свои организации союзами, считая, что если партия представляет интересы лишь части народа, то они, черносотенцы, и есть сам народ. Из всех черносотенных организаций партий себя называла лишь Русская Монархическая партия В. А. Грингмута и ряд региональных правых организаций.

Как ни странно, но черносотенцы во многом были правы, не считая свои организации партиями, поскольку в организационном плане они представляли собой на редкость децентрализованную массу мелких кружков и групп, постоянно то сливавшихся, то раскалывавшихся.

Еще более сложным была социальная база черносотенного движения, опиравшаяся чуть ли не на все слои тогдашнего российского общества, в том числе и полностью противоположные по своим интересам. Имея в своих рядах и родовитых аристократов, и представителей плебса, помещиков и крестьян, фабрикантов и пролетариев от станка, профессоров и совершенно неграмотных людей, русских и инородцев, «Черная Сотня» не подпадает под определенную классовую характеристику партии. Больше всего черносотенное движение можно назвать мелкобуржуазным (не случайно слово «охотнорядец», ранее обозначавшего мелкого торговца, стало с 1905 г. синонимом слова «черносотенец»). Учитывая, что в начале XX в. мелкая буржуазия, (в т. ч. сельская) составляла 60,7% населения страны, буржуазия – 16,3%, пролетариат – 14,6%,** то в черносотенные организации по своему составу почти соответствовали социально-классовой структуре российского общества. Если какие-либо партии в тогдашней России и можно было назвать всенародными, то это могли быть лишь черносотенцы.

---

* Шелохаев В. В. Феномен многопартийности в России //Сб. История национальных политических партий России. Материалы международной конференции. М., 21–22 мая 1996 г., Росспэн. 1997.

** История политических партий России /Под ред. Зевелева А. И. М.: «Высшая школа», 1994. С. 11.

Приведем для примера социальный состав «отцов-основателей» самой крупной по численности и самой «плебейской» из черносотенных партий – Союза русского народа (СРН), членов его Главного Совета первого состава. Председателем СРН был врач-педиатр А. И. Дубровин, его товарищем (заместителем) инженер А. И. Тришатный. Входили также в главный Совет П. Ф. Булацель (присяжный поверенный), А. А. Майков (вольный художник и домовладелец), В. Львович (т-во официантов), В. Н. Воронков, И. И. Баранов (купец, рыбная торговля), Сурин (меховщик), С. И. Тришатный (брат А. И. Тришатного, присяжный поверенный), В. А. Андреев (холодильники «Унион»), М. Н. Зеленский (чиновник), Г. В. Бутми де Кацман (военный в отставке, литератор), Е. Д. Голубев (мясоторговля), Н. Н. Языков (дворянин, земский начальник в Казани), Г. А. Слипак (крестьянин), В. Н. Соколов (инженер) и др. Несколько позднее вступила в СРН и вошла в состав Главного Совета купчиха Е. А. Полубояринова, ставшая казначеем организации. Она, кстати, может считаться единственным настоящим «капиталистом» в СРН.

Аналогичным был руководящий состав черносотенных союзов провинции. Так, Ярославский отдел СРН возглавлял И. Н. Кацауров, врач-окулист, Астраханскую народную монархическую партию – владелец музыкального магазина «Лира» Н. Н. Тиханович-Савицкий, Казанское царско-народное общество возглавлял профессор университета В. Ф. Залесский.

Среди деятелей черносотенного движения духовного звания в СРН состояли 32 епископа (из 70 в церкви), причем почетным членом в СРН был Иоанн Кронштадский. Одним из самых влиятельных отделов СРН был Почаевский, возглавляемый архиепископом Антонием Волынским, протоиерей Иоанн Восторгов возглавлял в Москве Русский Монархический Союз (одну из черносотенных организаций, возникшую после раскола в СРН), состоял в Союзе Русского Народа и будущий Патриарх Тихон.

В составе Черной Сотни оказался ряд провинциальных помещиков черноземных губерний, среди которых можно выделить знаменитого депутата Государственной Думы Н. Е. Маркова (более известного как депутат Марков 2-й). В целом, однако, вопреки либеральным и революционным представлениям, помещики не играли сколько-нибудь значимой роли в черносотенстве за пределами черноземных губерний, и крупных землевладельцев среди правых радикалов мы не увидим, тем более, что сугубо помещичьи интересы отражал Совет Объединенного Дворянства (СОД). Членами СОД были из черносотенных вождей лишь Н. Е. Марков и В. М. Пуришкевич.

Наконец, в черносотенных союзах состояло немало деятелей русской культуры, имена которых, в отличие от их политических пристрастий, хорошо известны. Можно, в частности, упомянуть: поэта Б. В. Никольского, филологов академика К. Я. Грота, академика А. И. Соболевского, создателя русского народного оркестра В. В. Андреева, врача С. С. Боткина, академика В. Л. Комарова (будущего президента Академии Наук, именем которого назван поселок на берегу Финского залива), исторического писателя Яна (Янчевецкого), автора трилогии о монгольских завоеваниях, художников К. Маковского, и Н. К. Рериха, поэтов К. Случевского и М. Кузьмина, историков Д. И. Иловайского и Н. П. Кондакова, актрису М. Г. Савину и др.

Современные правые, кстати, любят увеличивать этот и без того длинный список за счет тех деятелей русской культуры, которые формально не состояли в черносотенных союзах, но не скрывали свои правые взгляды. К ним относятся, в частности, великий Д. И. Менделеев, художник В. М. Васнецов, философ В. В. Розанов и др. Как видим, руководство Черной Сотни принадлежало практически целиком к тому социальному слою, который современные социологи называют средним классом.

Интересен и возрастной состав черносотенцев. Праворадикальной идеологии оказались все возрасты покорны. Среди известных черносотенцев Иоанну Кронштадскому и историку Д. И. Иловайскому к 1905 г. было уже свыше 70 лет. Впрочем, основная масса крупных организаторов движения была много моложе. К моменту революции 1905 г. А. И. Дубровину было 50 лет, И. Восторгову, Н. Е. Маркову, П. Ф. Булацелю было 38–39 лет, Б. В. Никольскому и В. М. Пуришкевичу – по 35 лет, иеромонаху Илиодору – 25 лет.

Как видим, в демографическом плане вожди Черной Сотни были мужчинами в расцвете лет и сил. Итак, социальная база черносотенства оказалась невероятно широкой, и именно такая социальная база помогла черносотенцам в течение нескольких месяцев 1905 г. «вдруг» возникнуть в качестве серьезной политической силы, но именно эта же опора на противоположные социальные слои привела к бесконечным расколам в черносотенном движении и затем, по мере дискредитации православно-монархической идеи в общественном сознании, к организационному краху правых. Разумеется, такой пестрый состав Черной Сотни отразился и на ее идеологии.

Рождение «Черной сотни»

На рубеже XIX–XX вв. организационно складываются основы почти всех партий, которые станут главными действующими лицами русской политической сцены вплоть до 1920-х гг. Не остаются в стороне и правые. Почти одновременно с социал-демократами, эсерами и будущими кадетами возникает и интеллектуальный центр правых – Русское Собрание (РС), устав которого был утвержден 26 января 1901 г. (Ровно 90 лет спустя именно под таким названием возникает блок правых оппозиционных послеввгустовскому режиму организаций).

Собственно, в наступившем веке продолжали активно работать ведущие публицисты правого направления, в частности, В. А. Грингмут, П. Ф. Булацель, С. Ф. Шарапов, М. О. Меньшиков и другие «золотые перья». На умеренно-правых позициях стояла и самая многотиражная газета дореволюционной России – «Новое Время» А. С. Суворина. Тем не менее оппозиционные монархии и традиционным ценностям леворадикальные и либеральные идеи овладевали все шире настроением общества. Демонстрировать революционные взгляды стало модой, почти все будущие «веховцы» и философы «серебряного века» успели переболеть марксизмом. Активизировалась земская оппозиция, начался мощный подъем рабочего движения. В стране явственно складывалась революционная ситуация.

В такой атмосфере надвигающейся грозы и возникло Русское Собрание (РС). Отличием его от прежних салонов или кружков любителей старины была, во-первых, нескрываемая политическая ангажированность Собрания, и во-вторых, активная агитационная деятельность среди столичной творческой интеллигенции. В составе РС преобладали литераторы и публицисты. В числе самых заметных фигур РС были князь Д. П. Голицын, поэт и приват-доцент Петербургского университета Б. В. Никольский, издатель «Нового Времени» А. С. Суворин, публицист С. Н. Сыромятников (известный под псевдонимом «Сигма») и др. РС устраивало музыкальные вечера, обсуждение докладов, открыло свою гимназию

По замыслу организаторов, РС должно было устраивать библиотеки и читальни, учреждать конкурсы и премии за научные исследования в области славистики, вести борьбу за трезвость и т. д. Впрочем, почти всю энергию РС поглотили политико-идеологические проблемы.

Весьма показательна реакция официальных кругов монархии на появление пусть и верноподданной, но самостоятельной политичес-

кой инициативы. Министр внутренних дел В. К. Плеве решил было запретить самовольно возникшую организацию*. Правда, в дальнейшем В. К. Плеве не только перестал стеснять РС, но даже и стал её почетным членом.

По мере развития революционной ситуации РС становилось определенным центром притяжения тех интеллектуальных сил, которые были противниками революционных потрясений и при этом были если не оппозиционно настроены, то, во всяком случае, скептически оценивали возможности одряхлевшей монархии поддерживать национальные охранительные начала. Численность РС увеличилась и вышла за пределы столиц. Накануне 1905 г. отделы РС были открыты в Харькове, Варшаве, Казани, Киеве, Одессе, Оренбурге, Перми. С февраля 1903 года стали выходить «Известия Русского Собрания».

Оставаясь организацией интеллигенции для интеллигенции, РС начало приобретать черты политической партии. Современный исследователь В. В. Кривенький считает, что до 1905 г. в России были лишь 3 общероссийские партии – Русской Собрание, эсеры и социал-демократы**, остальные политические группировки были или протопартиями, или действовали в национальных окраинах. Думается, что считать РС партией будет ошибкой, но свою роль мозгового центра для будущих черносотенцев РС действительно сыграло.

Между тем Россия неотвратно приближается к революции. Экономический кризис 1900–1903 гг., неурожай в 1901–1903 гг., террористические акции эсеров, банкеты либеральной интеллигенции с конституционными тостами сами по себе еще не означали революцию. Для России всегда была характерна огромная роль *веры* народа в существующий политический порядок. Когда власть в России теряет свой сакральный характер, то государство стремительно рушится. Так было и в начале XVII века в связи с пресечением династии Рюриковичей, так произошло в феврале 1917 г. после окончательной дискредитации монархии, и в 1991 г. после упадка марксистской идеологии. Поэтому знаменитые строки Ф. И. Тютчева: «В Россию можно только верить» вовсе не поэтическая метафора.

С весны 1905 г. Русское Собрание превращалось в центр притяжения всех правых сил. В Русском Собрании обкатывались политические лозунги крайне правых и шел отбор будущих вождей «Черной сотни»***. Элитарный академический характер РС в условиях революции

* Степанов С. А. Черная Сотня в России. (1905–1914). М., 1992. С. 33.

** Кривенький В. В. Новые данные сравнительно-политического анализа политических партий России // Сб. История национальных политических партий России. М., 1997. С. 126.

*** Степанов С. А. Указ. соч. С. 36.

не мог устроить правых, рвущихся к действию и понимавших необходимость мобилизации масс. Поэтому очень скоро началось (во многом стихийно) формирование в столицах и в провинциальных центрах правых монархических союзов, которые и вошли в историю под именем «Черной сотни». РС сыграло свою роль тем, что стало поставщиком кадров руководителей правых организаций.

Впервые призыв к созданию монархической партии прозвучал 2 марта 1905 г. в газете «Московские Ведомости», овеянной славой М. Н. Каткова, в статье редактора В. А. Грингмута (1851–1907). Месяц спустя, 24 апреля 1905 г. при редакции открылось Центральное бюро Русской Монархической партии (РМП). Программа партии, первый пункт которой требовал «укрепления самодержавия»*, считала недопустимым любые уступки оппозиции, самодержавие должно быть неограниченным и поэтому не должно быть никаких представительных органов даже в виде законосовещательного Земского Собора (старая мечта славянофилов). Монархисты Грингмута оказались большими роялистами, чем король, ведь сам Николай II в рескрипте на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина от 18 февраля 1905 г. говорил о привлечении достойнейших, доверием народа облаченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений. В дальнейшем монархистам все же пришлось заявить о признании Думы. Неудивительно, что РМП так и не стала массовой партией. Впрочем, определенное влияние РМП все же получила. В первые годы первой революции в партии состояло 10 тысяч членов, насчитывалось 60 местных отделов.

Почти одновременно с РМП, в марте-апреле 1905 г. (первые листовки были выпущены 14 марта) в Москве братьями графами Шереметевыми на базе консервативного светского салона был создан «Союз русских людей» (СРЛ). Главными фигурами среди «Русских людей» были архимандрит Анастасий, знаменитый историк Д. И. Иловайский, крупный публицист и писатель С. Ф. Шарапов, аристократы князь Гагарин, В. Урусов, граф Гудович и др. В отличие от РМП «Союз русских людей», напротив, приветствовал идею укрепления самодержавия через поддержку царя выборными людьми на местах. В идеологии «Союза» было много славянофильских положений, и в частности, единение царя, которому остается «сила власти», и народа, за которым – «сила мнения». Главная задача «Союза Русских людей» – сломать стену между царем и народом в лице бюрократии. Именно бюрократия творит все зло и несправедливость в России, прикрываясь именем царя. Ко всему прочему именно чиновники пытаются ограничить царскую власть в своих интересах. Поэтому главная задача, стоящая перед Россией, это – ог-

* Грингмут В. А. Очерк его жизни и деятельности. М., 1913. С. 74.

раничение произвола чиновничества, в то время как революционные и либеральные партии всего лишь хотят сами занять своими людьми чиновничьи должности и сесть на шею народа.

Конечно, такая программа во многом носила демагогический характер, пытаясь свести недостатки режима к отдельным людям, а не к самому режиму. Но помимо критики, часто обоснованной, своих левых оппонентов, уже в программе «Союза Русских людей» содержатся и элементы позитивной программы, отнюдь не сводимой к сохранению дореволюционного статус-кво. Самым значительным идеологическим новшеством «Союза» была старая славянофильская идея созыва сословного Земского Собора, который будет голосом «земли», обращенным к царю. В области религиозной жизни предусматривалось восстановление патриаршества.

В течение весны и лета 1905 г. все три правые организации вели активную агитационную деятельность, пытаясь завоевать на свою сторону население. Но первое время вся эта деятельность давала незначительный результат. Помимо определенного неумения представителей узких аристократически-интеллигентских кругов говорить с народом, основную свою надежду правые возлагали все же не на массы, а на помощь государственного аппарата. В актив себе правые пока могли записать лишь появление ряда провинциальных организаций, возникших, как правило, самостоятельно, почти без помощи эмиссаров из Петербурга. Организатором и координирующим органом провинциальных правых обычно были правые газеты, ставшие своеобразной «Искрой» черносотенцев.

Между тем революция набирала силу. После восстания на броненосце «Потемкин», Портсмутского мира – позорного окончания русско-японской войны, возникновения параллельной власти в виде Советов (в ряде мест, впрочем, подменивших собой официальные власти), в октябре разразилась всероссийская стачка, парализовавшая всю страну. В таких условиях 17 октября 1905 г. Николай II подписал Манифест о даровании политических свобод и о созыве законодательной Думы. В Российской империи началась конституционная эра. И в эти же дни «свобод» в условиях полной протрации власти на улицы русских городов вышли тысячи простых «черных людей», как их называли в Московской Руси. В политический лексикон с тех дней вошли слова «черные сотни», «черносотенцы». В дни триумфа революции и паралича государственной власти правые перешли в наступление, наглядно показав свой потенциал.

По многим городам империи прокатилась волна уличных столкновений с революционерами, контрдемонстраций с пением царских гимнов и избиением тех, кто не снимал шапок при виде царских портретов. В ряде городов доходило до вооруженных столкновений черносотенцев

с боевыми группами революционеров всех партий. Такие столкновения 17–27 октября 1905 года произошли в Архангельске, Ярославле, Твери, Сызрани, Саратове, Киеве, Ростове-на-Дону и других провинциальных городах. В Томске уличный бой с революционерами закончился тем, что засевшие в здании городского театра революционеры были сожжены вместе со зданием. Монархические манифестации часто сопровождались расправами над евреями, благодаря чему октябрьские события 1905 года вошли в историю под именем «еврейских погромов». Впрочем, о погромах поговорим чуть ниже.

Осень 1905 г. стала переломной для правых, которым, наконец, удалось мобилизовать на защиту традиционной Православной и Самодержавной Руси десятки тысяч человек и стать еще одной из движущих сил российской политической жизни. Бурный процесс возникновения множества мелких национально-монархических групп (обычно называвших себя «союзами») осенью 1905 г., особенно после Манифеста 17 октября, носил совершенно стихийный характер, почти не встречая поддержки властей империи. Даже в такой критической обстановке правительственные органы не пытались опираться на монархические партийные структуры, продолжая делать ставку на усмирение смуты привычными методами.

Так, когда самарский предводитель дворянства октябрист А. Н. Наумов при встрече с премьер-министром С. Ю. Витте предлагал создавать на местах комитеты порядка из местных монархистов, то в ответ премьер разразился следующей тирадой: «Ну, знаете! Довольно мне ваших общественных сил! У меня на местах имеются свои верные агенты – исправники, становые и прочие чины полиции. Поверьте, их совершенно достаточно, чтобы провести в жизнь все свои указы и распоряжения». Если подобные высказывания, за которыми стояла вполне конкретная политическая практика, позволил себе граф С. Ю. Витте, один из самых светлых умов империи, понимавший силу общественной инициативы, то что было ждать от основной массы администраторов любого уровня, считавших «крамолой» все, что делалось не по предписанию начальства! В целом ряде губерний местные власти всячески препятствовали деятельности черносотенцев. Так, современный историк В. Ю. Рылов, исследуя черносотенное движение в Воронежской губернии, констатировал: «... чины полиции запрещали собрания СРН, арестовывали активистов, препятствовали деятельности, а также отказывались распространять телеграммы, полученные СРН от царя»^{**}. Вообще же из местных администраторов в обширной империи откоро-

* Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. Кн. II. Нью-Йорк. 1955. С. 34.

** Рылов В. Ю. Правомонархическое движение в Воронежской губернии (1903–1917 гг.) // автореферат... к. и. н., Воронеж, 2000, с. 15.

венно поддержали «Черную сотню» лишь ялтинский градоначальник И. А. Думбадзе, командующий Одесским военным округом генерал А. В. Каульбарс и одесский градоначальник И. Н. Толмачев, вологодский, затем нижегородский губернатор А. Н. Хвостов и некоторые другие. И это все на громадную империю!

Объявление Манифеста 17 октября и последовавшие в связи с этим митинги и демонстрации под красными знаменами вызвали ответные контрдемонстрации под патриотическими и монархическими лозунгами, часто сопровождавшиеся, как говорилось выше, драками и перестрелками с левыми. Современный исследователь «Черной сотни» С. А. Степанов, изучив множество документов, констатировал, что насилие, к которому прибегали участники черносотенных манифестаций, часто было ответным действием на выстрелы или взрывы бомб, брошенных в манифестантов революционерами или провокаторами*.

Впрочем, особую «славу» черносотенцам доставляли погромы, преимущественно еврейские, прокатившиеся, по подсчетам С. А. Степанова, за период с 17 октября по 1 ноября 1905 г. в 358 населенных пунктах, в которых погибло 1622 и было ранено 3544 человек**. Вопреки распространенному мнению, черносотенные партии, только начинавшие формироваться, были к погромам совершенно не причастны. Точно так же мало соответствует истине господствовавшее с 20-х гг. в советской историографии мнение об организации погромов властями, для которых между погромами и вооруженными выступлениями с красными знаменами не было принципиальной разницы, тем более, что среди администрации, включая самые ее верхи, были сочувствовавшие либеральной оппозиции. Другое дело, что во многих случаях представители низовой администрации по собственной инициативе действительно могли участвовать в черносотенных манифестациях и даже произносить погромные речи. Но приписывать организацию погромов властям в условиях воцарившегося в России безвластия было бы напрасно. Известная западная исследовательница революционного терроризма в России, Анна Гейфман, беседуя с российским журналистом М. Поздняевым, справедливо заметила, что «погромы – это безобразные выходки толпы. И они вызвали протест, встречали отпор»***. Действительно, в некоторых случаях погромщиков бывало убитыми больше, чем их жертв, в результате столкновений с еврейской самообороной, боевыми дружинами революционных партий. Нередко толпы погромщиков разгоняли с применением оружия казаки и полиция. К тому же надо добавить, что

---

* Степанов С. А. Указ. соч. С. 53–54.

** Там же. С. 54–56.

*** «Общая газета». 1990. № 38.

многие акты насилия по отношению к евреям нельзя расценивать как погромы, поскольку нередко такие акты совершались самими евреями по политическим мотивам. Так, еще летом 1904 г. анархист Нисан Фарбер прямо в синагоге совершил покушение на фабриканта А. Когана. Другой анархист, еврей по происхождению, Б. Бридман, бросил бомбу в одесскую синагогу, где собралась еврейская буржуазия. В декабре 1905 года в Одессе анархисты взорвали еврейский ресторан Либмана, убив более десятка веселящихся «буржуев». В местечке Кринки группа анархистов из числа местной еврейской молодежи взорвала бомбу в синагоге, где в это время происходило совещание предпринимателей. Возможно, некоторые историки все эти акты насилия приплюсовывают к случаям еврейских погромов.

Также нет никаких свидетельств общего руководства или даже простой координации действий между погромщиками и манифестантами разных местностей, тем более, что всеобщая забастовка железнодорожников отрезала многие губернии и уезды друг от друга. В целом стихийный характер выступлений под монархическими и патриотическими лозунгами, сопровождавшийся насилием по отношению к революционерам, интеллигенции, евреям и другим «иностранцам» серьезные исследователи не ставят под сомнение.

Давнюю традицию имеет стремление обвинить черносотенцев в получении субсидий от государственных органов, на основании чего исследователи 20-х гг. и современные западные авторы утверждают, что черносотенцы были всего лишь организованным на деньги правительства движением. Но абсурдность таких утверждений особенно понятна нынешним россиянам, видевшим крушение не жалующихся на бедность проправительственных партий «Демократический Выбор России» или «Наш Дом – Россия». На чьи-то субсидии можно создать лишь диссидентские группы, но не массовое, насчитывающее сотни тысяч человек, движение.

Ряд черносотенных организаций, в частности СРН, действительно получал, весьма неперiodически, субсидии от правительства. Но заметим, что оппозиционные партии, включая кадетов, не брезговали получать деньги от зарубежных спецслужб, (так, создание кадетской партии осуществлялось на деньги воюющей против России Японии). Впрочем, и отечественная буржуазия финансировала кадетов очень активно, (например, основным спонсором кадетов был Азово-Донской банк, один из самых крупных не только в России, но и в Европе). Революционеры пополняли партийные кассы за счет экспроприаций. Общая сумма правительственных субсидий черносотенцам, по подсчетам С. А. Степанова, составляла 250–300 тыс. рублей в год*. Учитывая, что

* Степанов С. А. Указ. соч. С. 101.

на одного союзника приходилось меньше рубля, сумму не приходится считать значительной. По отчету московского градоначальника, на выборах разных уровней черносотенцы затратили 1065 рублей, а кадеты – 700 тысяч (!). Несмотря на частные пожертвования сочувствующих «русскому делу», черносотенные союзы постоянно испытывали финансовые трудности. Не случайно для создания сотен в Сибири и для координации связи с провинциальными черными сотнями, председатель Московского Патриотического Союза В. Г. Орлов, по должности ревизор движения железных дорог, совершая поездки по казенной надобности, совмещал их с пропагандистскими и организационными целями. Доктор А. И. Дубровин из личных средств финансировал многие мероприятия СРН. Огромную роль в финансировании газеты СРН «Русское Знамя» сыграла Е. А. Полубояринова. Без колебания жертвовавшая по 100 тысяч рублей в год на пропагандистские мероприятия СРН, эта решительная женщина обеспечивала саму возможность существования ведущей черносотенной организации.

Но вернемся к осени 1905 г.

В ходе этих октябрьских выступлений началось бурное создание черносотенных организаций, в большинстве своем локальных, не выходявших в своей деятельности за пределы города (или даже отдельных городских районов) и уезда. Даже провинциальные отделы столичных организаций обычно были совершенно самостоятельны. Общее число этих первых черносотенных организаций, вероятно, вообще не удастся сосчитать по причинам их крайней децентрализации, отсутствия у большинства черносотенных союзов прессы, партаппарата, крайне текучего состава и двойного членства в нескольких родственных организациях, что было весьма характерно для правых.

После спада революционной волны началось упорядочивание черносотенной «партизанщины» – объединение мелких местных в более серьезные и сплоченные организации. Изданный в 1906 году список (далеко не полный) включал 272 самостоятельные черносотенные организации, действующие в более чем 200 городах и селах империи*. Понятно, что такая раздробленность, порожденная конкретными обстоятельствами политической борьбы в 1905 году, должна была быть преодолена. С февраля 1906 г. начали проводиться всероссийские, а также областные, монархические съезды. Впрочем, эти съезды носили скорее ритуально-церемониальный характер, демонстрируя единство всех черносотенцев. Реального объединения правых радикалов в одну партию так и не произошло, о причинах чего мы поговорим ниже. Тем не менее вместо мириад мелких группочек правых осени 1905 г. в следующем

* Объединенный Русский народ. Список патриотических организаций. СПб., 1906.

году большая часть «Черной сотни» объединилась в Союзе Русского народа (СРН). Обычно история черносотенного движения ассоциируется с СРН и ее лидерами – А. И. Дубровиным, В. М. Пуришкевичем и др. IV монархический съезд, состоявшийся в апреле 1907 г., призвал черносотенцев вливаться в ряды СРН, признав гегемонию СРН в черносотенном движении.

Союз Русского Народа был создан 8 ноября 1905 г. в Петербурге. Благодаря своему столичному положению, знакомству лидеров с влиятельными придворными и правительственными кругами, личным качествам учредителей, особенно организаторскому таланту А. И. Дубровина, Союз Русского Народа быстро превратился во всероссийскую организацию, поглотив большинство мелких черносотенных групп. Уже 21 ноября СРН провел массовый (до 20 тысяч присутствовавших) митинг в Михайловском манеже. С 27 ноября стала выходить газета «Русское Знамя» – главный орган СРН. Буквально в считанные дни СРН стал заметной политической силой в столице империи. Региональные группы черносотенцев объявляли о своем присоединении к СРН (впрочем, большинство из них сохранило автономию), создавались местные организации СРН в провинции. Признанием СРН властями стал прием депутации СРН Николаем II 23 декабря 1905 года. Выслушав верноподданнейшие клятвы черносотенцев, царь напутствовал депутацию словами: «Уповайте на Бога и надейтесь на меня».

1907–08 гг., т. е. время окончательного спада революции, были временем пика черносотенного движения. Так, к концу 1907 г. черные сотни действовали в 66 губерниях и областях, СРН имел 2124 отдела, другие монархические союзы – 105 отделов, общая численность черносотенцев достигала 410 тыс. чел*. По подсчетам Департамента полиции, черносотенные организации насчитывали 500 тысяч членов. (Сами черносотенцы заявляли, что в их союзах состоит 3 млн. чел.)

В качестве примера деятельности черносотенцев в российской провинции можно указать на историю правых в Казанской губернии, подробно исследованную казанским историком И. Е. Алексеевым. Многонациональная губерния, достаточно промышленно развитая, с одним из старейших и крупнейших университетов страны, известным своими студенческими выступлениями, с многочисленной либеральной интеллигенцией, для правых радикалов была «крепким орешком». И тем не менее черносотенцы действовали в губернии весьма активно и успешно.

В конце 1904 г., используя в качестве базы Казанское Общество Трезвости (КОТ), местные монархисты создали отдел Русского Собрания. После тревожных событий 1905 г. в губернии были созданы Царс-

* История политических партий в России. Под ред. Зевелева А. И. С. 64.

ко-Народное Русское Общество (ЦНРО) и Царско-Народное Мусульманское Общество (ЦНМО), открыли отделы СРН (позднее также и Союза Михаила Архангела). В ноябре-декабре 1907 г. в Казанской губернии действовали 100 черносотенных организаций и отделов, в которых состояло 8548 человек*.

По своей программе провинциальные черносотенцы оказались радикальнее столичных. Так, Царско-Народное Русское Общество признавало необходимым отчуждение 1/3 земель у помещиков с компенсацией. В своей практической деятельности казанские черносотенцы занимались созданием ремесленных объединений (так, при местном отделе РС было создано общество ремесленников строительных работ). Велась значительная просветительная и благотворительная деятельность. ЦНРО открыло общеобразовательную бесплатную школу с портновским отделением, продолжал работать КОТ, открывший сеть лечебных заведений. В 1908 г. появилось Казанское Общество Православных Русских Женщин, занимавшееся благотворительностью, в 1912 г. – Общество призрения малолетних**.

Подобным образом действовали черносотенцы в Уфимской губернии. Местные черносотенцы на свои средства открыли бесплатную начальную школу***. В Воронежской губернии черносотенцы создали потребительское общество «Русское зерно»****.

Но почти таким стремительным был начавшийся вскоре кризис правого радикализма, приведший к многочисленным расколам и значительному падению влияния на массы идей и лозунгов «Черной сотни».

Идеология черносотенства

Название «Черная сотня», пущенное в оборот противниками правых, как ни парадоксально, действительно отражает социальный состав движения. Напомним, что в допетровской Руси «черной сотней» называлось податное тягловое население городских посадов (в отличие

---

* Алексеев И. А. Черносотенцы и умеренные монархические организации Казанской губернии. (1905 – февраль 1917). Автореферат диссертации... к. и. н. С. 21.

** Там же. С. 18–20.

*** Максимов К. В. Монархическое движение в России: 1905–1917 гг. (На материалах Уфимской губернии) // автореф... к. и. н., М, 2004.

**** Рылов В. Ю. Правомонархическое движение в Воронежской губернии (1903–17 гг.) // автореф... к. и. н., Воронеж, 2000, с. 17.

от служилых людей). «Черной сотней» могли называть и самоуправление посадских людей, выбиравших сотского старосту и несущих сообща все тягло и платящих подати. Кроме того, в случае внешней угрозы «черные сотни» составляли отряды ополчения посадских и земских людей. Публицисты правых начала XX века любили подчеркивать, что ополчение К. Минина и Д. Пожарского было собранием нижегородских «черных сотен», а сам Кузьма Минин был мясоторговцем и сотским старостой. Среди современных правых есть толкователи термина «Черные сотни» как обозначение монахов-воинов, но это, видимо, романтическая фантазия.

Политическое значение термин приобрел еще в конце XIX века как наименование «мещанской партии» в Московской городской Думе. Как писал в 1885 году в либеральном журнале «Вестник Европы» один из будущих лидеров партии кадетов С. А. Муромцев, «у нас под этим именем разумеют весьма сплоченную группу мещан и ремесленников, выходящую из третьего разряда избирателей. «Черная сотня», как и купечество, состоит из тех же хозяев, только – разрядом ниже»^{*}.

Итак, называя себя «черной сотней», правые как бы подчеркивали свое простое происхождение: мы – черный, простой народ, соль земли русской, те, кто не имеет никаких привилегий, но всегда предан царю и Церкви и кто готов выступить в их защиту. Как патетически писал черносотенный автор А. А. Майков, «хотя это прозвище дано черносотенцам как презрительное, однако оно имеет некоторое основание, так как первыми поднявшими знамя «За Веру, Царя и Отечество» были большей частью русские люди простого звания, крестьяне, мещане, а простой народ в прежние времена назывался «чернью», «черными людьми»^{**}. Лидер Русской Монархической Партии Владимир Грингмут давал такое определение черносотенцам: «Черносотенцы-монархисты – это тысячи, миллионы, это – весь Православный Русский народ, остающийся верным присяге Неограниченному Православному Царю»^{***}.

Помимо этого «черные сотни» обозначали, с точки зрения правых, всесословный общенациональный характер движения. И, наконец, допетровская терминология означала как бы стремление вернуться к исконной Руси, откинув все противоречащие русской жизни западные бюрократические заимствования, осуществить своего рода консервативную революцию. Под западными заимствованиями подразумевались культурный разрыв между европеизированной элитой и черным

^{*} Душенко К. В. Русские политические цитаты от Ленина до Ельцина. М., 1996, с. 162.

^{**} Майков А. А. Революционеры и черносотенцы. СПб., 1907. С. 23.

^{***} Грингмут В. А. Руководство черносотенца – монархиста // Собр. ст. В 4-х тт. М., 1910, Т. 2., с. 156.

народом, сохранившим русские традиции и духовную жизнь, а также бюрократия, подорвавшая традиционное самоуправление «земли», и главного врага, подрывавшего традиционные устои в лице еврея.

Нельзя не признать определенную справедливость названия для радикального традиционалистского, и при этом действительно все-сословного движения. Принципиальный противник «черных сотен», радикал слева В. И. Ленин в июне 1905 г. (т. е. еще до массовых черносотенных выступлений, известных как «погромы») говорил, что сторонников самодержавия в народных низах составляют «элементы народной темноты (быстро разлагающийся конгломерат, всесильный еще вчера, бессильный завтра)*». Действительно, многомиллионная масса крестьян, мелких предпринимателей, кустарей и торговцев, священнослужителей и т. д., многие из которых жили совершенно патриархально, совсем как посадские «черные сотни» XVII века, представляя собой истинную «сермяжную» Русь, с точки зрения марксиста были лишь «элементы темноты». «Темными» (даже «черными», черносотенными) эти «элементы» были, видимо, потому что оказались совершенно незатронутыми «просвещением», исходившим со страниц революционных газет и брошюр (не говоря уже о том, что среди «элементов» хватало полностью неграмотных).

Однако В. И. Ленин, будучи реальным политиком, обратил внимание и на еще одну сторону черносотенства: «В нашем черносотенстве есть одна чрезвычайно оригинальная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это – темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий**». Представляя собой движение народных масс, пусть даже и «темных», черносотенное движение сочетало в себе традиционализм и даже анархизм со стремлением к удовлетворению потребности русского народа к социальной справедливости и к народному самоуправлению без вмешательства бюрократов-чиновников, что не мог не заметить вождь большевиков. Поэтому-то яростный антикапитализм и антибюрократизм был присущ черносотенцам не меньше, чем ненависть к подрывающим традиционные устои русской жизни революционерам и либеральной интеллигенции.

Чтобы не быть голословным, для рассмотрения идеологии «Черной сотни» и особенно тех ее положений, которые стали частью идейного багажа современной русской правой, необходимо изучить некоторые основополагающие теоретические документы движения. При этом необходимо учитывать, что правым в период подъема революции приходилось не столько теоретизировать и писать ученые трактаты, сколь-

* Ленин В. И. ПСС. Т. 10. С. 360.

** Ленин В. И. ПСС. Т. 24. С. 18.

ко полемизировать со своими левыми оппонентами и, кроме того, в условиях резкого противостояния революции и власти черносотенцы не могли зайти слишком далеко в критике правительства, при этом критически оценивая дореволюционный порядок, социально-экономические реалии которого и породили революцию. Кроме того, черносотенные союзы разных губерний России весьма решительно расходились друг с другом по многим важнейшим проблемам. В силу этого часто трудно найти «общечерносотенную» точку зрения по аграрному, рабочему и др. вопросам.

Рассмотрим для примера вышедшую в 1907 г. брошюру «Революционеры и черносотенцы» художника Аполлона Майкова (сына известного поэта), одного из основателей черносотенного движения, имевшего членский билет СРН № 1, члена Главного Совета СРН. (Эту брошюру мы уже цитировали выше.)

После критики революционеров, главным из которых А. А. Майков считал П. А. Кропоткина, он перешел к изложению позитивной программы правых радикалов: «... не путем насильственного разрушения всего окружающего, а лишь проведением в жизнь великих начал христианства может быть улучшена наша жизнь: что какой бы ни был образ правления, как бы люди ни слагали своей жизни в государствах ли, в общинах ли, но если они будут злы, то никакие законы, никакие новые условия жизни не уменьшат количество зла, несправедливости и неправды*. Как видим, источником бедствий и страданий человечества являются не социальные условия жизни, а причины морального порядка. Это – традиционное для русской правой противопоставление духовного очищения человека и всей нации вопросам социально-политических преобразований общества на основе умозрительных доктрин.

Черносотенцы, по словам А. А. Майкова, в своей идеологии основываются на началах Православия, Самодержавия, Народности, поскольку без этих начал невозможно существование России: «От Православной Церкви русский народ получил свет просвещения, на котором воспитывалась в течение веков душа народная. Около Православной церкви сложилось и Государство Российское... благодаря Ей русский народ сохранил политическую свободу... Самодержавие Царское установлено самим русским народом. Царская власть не происходит от завоевания, чем отличается от власти абсолютных монархов и восточных деспотов, а вручена Царю русским народом, почему она и не представляет из себя господства, а занимает относительно народа служебное положение**». Повторив эти традиционные для правой положения, А. Майков вносит

* Майков А. А. Указ. соч. С. 24.

** Указ. соч. С. 24–25.

и некоторые добавления в духе времени для обоснования самодержавия: «Но полнота Царской власти должна быть неприкосновенной, ибо только при этом условии возможно охранить эту власть от захвата какой-нибудь шайкой ловких политиков, или одною частью населения, например, капиталистами»*.

Старая неприязнь русской правой к власти финансового капитала (но отнюдь не отрицание частной собственности) привела к тому, что многие лозунги и программные требования черносотенцев могли без всяких изменений присутствовать в программах революционных партий. Так, среди требований СРН были ограничения рабочего дня, государственное страхование рабочих, выделение дешевых кредитов крестьянским хозяйствам, предоставление каждому сельскому обывателю (т. е. каждому сельскому жителю) неотчуждаемого минимума земли и т. д. О поразительном сходстве лозунгов левых и правых радикалов не без удивления писали многие далекие от политики и идеологических «измов» современники. Вот, например, свидетельство бывшего сенатора, помощника П. А. Столыпина и госсекретаря С. Е. Крыжановского – человека наблюдательного, но не склонного к теоретизированию: «Крайне правое крыло этого движения (Союза Русского Народа) усвоило себе почти ту же социальную программу и почти те же приемы пропаганды, какими пользовались партии революционные. Разница была лишь в том, что одни обещали массам насильственное перераспределение собственности именем Самодержавного Царя, как представителя интересов народа и его защитника от угнетения богатых, а другие – именем рабочих и крестьян, объединенных в демократическую или пролетарскую республику»**. Из этих слов, впрочем, не следует делать вывод о каком-то марксистском характере черносотенства. В большинстве своем правых радикалов отличало неприятие не капитализма как системы, а именно того капитализма, который сложился в России к началу XX века с его хищническим характером, господством евреев и прочих «инородцев», значительной подчиненностью иностранному капиталу.

Относительно же национального капитала А. А. Майков писал: «Признавая, однако, что без капитала невозможны ни промышленность, ни торговля, ни вообще какое-либо хозяйство, черносотенники считают, что необходимо, чтобы капитал занимал служебное относительно народа и государства положение, но не являлся бы исключительной довлеющей в государстве силой. Признавая полную несостоятельность борьбы с капиталом, проповедуемой анархистами-социалистами, стремящимися уничтожить всякую собственность и власть, черносотенцы

* Там же. С. 27.

** Цит. по: Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995.

признают, что исключительное господство капитала есть великое зло и считают, что только неограниченная Царская власть способна охранить народ от чрезмерного гнета капиталистов»*.

Проще всего было бы объявить антикапиталистические пассажи в агитации правых радикалов заурядной демагогией. Но, не отрицая попытки завоевать массовую поддержку в условиях чрезвычайного распространения антибуржуазных настроений и популярности социалистических идей в российском обществе того времени, все же осмелимся утверждать, что неприязнь к «буржуазии» была действительно характерна для значительной части «Черной сотни». Основную массу рядовых членов движения, напомним, составляли *мелкие трудящиеся собственники* с патриархальным мировоззрением, жестоко страдающие от конкуренции крупных предприятий. Для традиционного сектора экономики одинаково болезненными оказались и промышленный подъем 90-х гг. XIX века с его ускоренным ростом тяжелой промышленности за счет привлечения иностранного капитала и роста косвенного налогообложения, и экономический кризис 1900–03 гг., пустивший по миру тысячи мелких предпринимателей, русско-японская война и забастовки осени 1905 г. Понятно, что крупный капитал был для охотнорядцев таким же (если не большим) врагом, как и парализующие нормальную жизнь забастовщики под красным флагом.

Руководство «Черной сотни», хотя и не принадлежало к социальным низам, но вместе с тем среди них трудно найти буржуа в «чистом» виде. Политическое ядро черносотенных организаций состояло из врачей, журналистов, профессоров, адвокатов, чиновников, военных в отставке и представителей слоев, так или иначе связанных с государством, система ценностей которых отличается определенным презрением к буржуазному накопительству в сравнении со служением высшим интересам Державы. Громадную роль в «Черной сотне» играли иерархи Православной Церкви, чья социальная доктрина делает упор на нестяжании и преимуществе духовных ценностей перед деньгами. Были среди руководителей черносотенцев и «зубры» поместного дворянства с присущим ему аристократическим высокомерием к нуворишам.

Наконец, и среди состоятельных людей, входивших в черносотенные союзы, как пишет С. А. Степанов, «напрасно было бы искать среди них представителей известных купеческих фамилий, фабрикантов, финансистов. В подавляющем большинстве это недавние выходцы из низов, сколотившие свои состояния грубыми методами первоначального накопления капитала»**. Даже разбогатеи, эти люди

* Указ. соч. С. 28.

** Степанов С. А. Указ. Соч. С. 113.

оставались по всей своей культуре простонародьем. Неудивительно, что среди поддерживавших «черные сотни» купцов были и совершенно неграмотные.

Но и самые богатые черносотенцы отнюдь не входили в число ведущих имен делового мира. «Настоящая» буржуазия, т. е. промышленные и финансовые круги, предпочитали поддерживать «настоящие» буржуазные партии – октябристов, мирнообновленцев и пр.

Таким образом, удивительное сходство черносотенных и большевистских требований в рабочем вопросе не должно удивлять. Так же становится понятным сильное влияние черносотенцев на рабочих многих заводов. В частности, сильные организации СРН существовали на Путиловском и Невском заводах в Петербурге. В Иваново-Вознесенске, родине первого Совета, была создана состоящая преимущественно из рабочих Самодержавно-Монархическая партия. Довольно сильные позиции имели черносотенцы в профсоюзах. Так, в киевском Союзе Русских Рабочих во главе с наборщиком К. Цитовичем, состояло свыше 3 тысяч человек. В Одессе в 1907–08 гг. черносотенцами были созданы 6 артелей грузчиков. Наконец, в 1909 году был организован Российский Экономический Рабочий Союз, руководителем которого был рабочий Алексей Божак, а почетным председателем – В. М. Пуришкевич.

Впрочем, была еще одна причина неприятия правыми капитализма и буржуазной демократии. Вернемся к книжке А. А. Майкова: «Черносотенцы особенно опасаются конституции на том основании, что самый могущественный капитал принадлежит евреям и, следовательно, введение конституции равносильно передаче власти над Россией в руки евреев: они указывают, что капиталистический гнет, наблюдаемый в Западной Европе и не без основания вызывающий такой протест в среде низших слоев населения, опирается главным образом на парламентаризм»*. Впрочем, о еврейском вопросе и его антибуржуазной стороне мы еще поговорим далее.

Пока же обратим внимание на несколько неожиданную критику черносотенцами «старого режима» (этими словами, заимствованными из лексикона левых, черносотенцы широко пользовались для обозначения политического строя до Манифеста 17 октября). «... Черносотенники желают полного переустройства русской жизни, осуждают всю правительственную политику, как внутреннюю, так и внешнюю, всего последнего времени и желают самых коренных реформ, – продолжает А. А. Майков. – Но только они домогаются, чтобы реформы эти были произведены в духе русского народа, согласно с его историей, чтобы реформы явились естественным развитием всего созданного русским народом, а не являлись бы насильственным навязыванием чуждым рус-

* Майков А. А. Указ. соч. С. 42.

скому народу учений и учреждений»*. Вообще в черносотенных листовках и брошюрах критики «старого режима» предостаточно (правда подразумевался не сколько сам режим в политологическом смысле этого слова, сколько космополитическая коррумпированная и неэффективная бюрократия). Необходимость серьезных преобразований в обществе черносотенцами не ставилась под сомнение. Вопрос заключался в формах политических изменений.

Парламентаризм и конституцию правые первоначально отвергли с порога. Напомним, что массовые выступления «черных сотен» были именно реакцией на октябрьский Манифест. Созыв Николаем II Государственной Думы вызвал раскол только что начавшегося политически организовываться движения. Первоначально черносотенцы пытались противопоставить созываемой Думе идею Земского Собора. Еще 24 ноября 1905 г. собрание монархистов в Москве обратилось к царю с призывом созыва Собора. После того, как все же начались выборы в I Государственную Думу, черносотенцы приняли в ней участие. Но в предвыборной кампании черносотенцы сделали ряд ошибок, вызванных определенным сектантством фанатиков самодержавия. Черносотенные союзы отказывались от предвыборных коалиций со всеми, даже правыми партиями, не признающими неограниченное самодержавие и территориальную целостность России. Более того, на I Монархическом съезде в Петербурге в феврале 1906 г. были предложения даже голосовать за левых кандидатов, лишь бы провалить умеренных конституционалистов. Неудивительна была и неудача: лишь 9,2% избирателей отдали голоса черносотенцам. При этом среди депутатов-черносотенцев в I Думе не было ярких оригинальных деятелей. В силу этого даже та небольшая группа черносотенцев и примкнувших к ним независимых депутатов, всего около 30 депутатов, практически никак себя не проявили. Более благоприятными были для правых выборы во II Государственную Думу, в которой они получили четверть всех голосов (столько же, сколько и левые радикалы), причем черносотенцев среди правых депутатов было больше, чем октябристов. В новой Думе появились и яркие парламентские ораторы из черносотенцев – Владимир Пуришкевич и Николай Марков (более известный, как Марков 2-й, поскольку именно вторым после своего однофамильца он находился в списке депутатов).

Однако черносотенцы шли в Думу не для того, чтобы заниматься парламентской деятельностью, а чтобы подорвать изнутри российский парламентаризм. Яростная антидумская кампания в черносотенной прессе и скандальные выходки черносотенного депутата В. М. Пуришкевича сыграли определенную роль в дискредитации Думы в глазах об-

* Указ. соч. С. 30.

щественного мнения, что позволило премьер-министру П. А. Столыпину без особых трудностей разогнать II Думу и изменить избирательный закон. Характерно, что никто не вышел на защиту парламента.

Вернемся к брошюре А. А. Майкова, написанной, повторим, в 1907 г., уже после опыта двух Дум и издания «Основных законов Российской Империи» 1906 г., которые можно считать конституцией. А. А. Майков попытался совместить идею самодержавия, отвергнутый самим царем проект восстановления Земских Соборов и реформирования государственной Думы. Итак, Майков продолжает: «Самодержавие Царское, облеченное полнотой законодательной и исполнительной власти, должно быть осуществлено в единении Царя с народом. Единение это должно быть основано на началах соборности, которая издревле была создана русским народом во время его самобытности. В настоящее время оно может быть осуществлено на тех же началах, либо под видом постоянной Государственной Думы, либо под видом периодически созываемых Земских Соборов... В состав Собора или Думы должны входить только представители Православного народа как хозяина земли Русской. Иностранцы, входящие в состав России, должны иметь своих особых представителей при Государственной Думе или Соборе»*.

Выборы в высший представительный орган, по мысли Майкова, должны носить характер выборов на началах сословности, т. е. чтобы каждый думец (или соборный чин) был представителем определенного сословия, поскольку «при выборах, производимых от сплошных масс населения выборные люди, по мнению черносотенников, всегда будут людьми случайными, ничего общего с основным населением не имеющими, олицетворяющими тот опасный тип «политиканов», для которых одинаково чужды нужды народные..., стремящиеся только к захвату власти для осуществления своих теорий или просто личных целей**».

В своей критике парламентаризма правые с удовольствием использовали свидетельства коррупции, демагогии, циничного обмана избирателей, неустойчивости правительственных кабинетов и т. п. грехов парламентарно-демократических государств того времени, особенно Французской Республики. Но поскольку противопоставить идее демократии идею самодержавной монархии с 1905 г. стало затруднительно, русские правые незаметно для себя перешли к теории корпоративизма. Произошло частое в политике явление, когда под видом восстановления старого на деле осуществляется теоретическое обоснование качественно нового. Но, впрочем, ни Майков, ни другие

* Указ. соч. С. 37–38.

** Указ. соч. С. 39–40.

черносотенные авторы так и не развили до конкретных деталей свое предложение о корпоративном устройстве высшего представительного органа страны, предоставив это сделать теоретикам западных правительств 20–40-х гг.

Как видим, черносотенцы пытались противопоставить идее демократии идею соборности и парламенту, избранному всеобщим голосованием по правилу «один человек – один голос», корпоративному органу, избранному по сословному принципу, считая, что это позволит избежать «политиканства» в западном стиле и полностью соответствует русской традиции.

Впрочем, эти проекты разделяли далеко не все черносотенцы, большинство которых, как и положено монархистам, признали утвержденную царем Государственную думу. Основным требованием к Думе было лишь намерение сделать ее «национально-русской» (п.6 Устава СРН).

Если же попытаться коротко, в одном лозунге, изложить программные цели черносотенцев, то трудно найти что-либо лучше девиза органа СРН, газеты «Русское Знамя», гласившего: «За веру Православную, Царя Самодержавного, Отечество нераздельное и Россию для Русских!» Впрочем, подобный девиз, годный для газеты вековой давности, для современного читателя нуждается в «расшифровке».

Россия для русских!

Как видим, черносотенцы недалеко ушли от своих предшественников XIX века в критике капитализма, демократии и социалистических теорий, противопоставляя им Православие и Самодержавие. Но вот что действительно было идеологическим новшеством черносотенцев, это – национализм, точнее, своеобразный национал-традиционализм. Среди правых теоретиков предшествующего столетия националистов в современном понимании этого слова не было, поскольку главное в «русскости» в их представлении было православное вероисповедание и российское подданство. Этническое происхождение имело гораздо меньшее значение.

Но в совсем иных условиях приходилось действовать черносотенцам. Русское национальное самосознание уже в значительной мере утратило религиозный и подданнический характер. Но при этом русская нация, расселившаяся на громадной территории, живя чересполосно с «иностранческим» населением, включившая в себя немало добровольно обрусевших этнических элементов и сильно социально расслоившаяся,

причем культурные различия между различными социальными группами в русском народе были сильнее различий между западными нациями, не могла не получить и национализм особого рода. Например, русский национализм никогда не носил расового оттенка, зато всегда был связан с «почвой» – пространством, носил державный интеграционный характер. Еще одной особенностью русского национализма начала XX века было то, что государствообразующая русская нация вовсе не могла считаться привилегированной и господствующей в Российской империи. Скорее, напротив, многие льготы в самоуправлении, налогах, отбывании воинской службы и т. д. имели именно жители национальных окраин. Подобные привилегии нередко приводили к определенному засилью «иностранцев» в госаппарате или ряде сфер деятельности. Сами же коренные русаки имели уровень жизни, процент грамотности или доступ к рычагам управления государством меньший, чем это можно было бы предположить, исходя из роли народа – станового хребта государства.

И, наконец, на черносотенцев оказывало влияние усиление национализма народов Российской империи, принявшего в ряде регионов, особенно в Польше, сепаратистский и воинственно русофобский характер. Все это ставило под вопрос сохранение территориальной целостности России, причем главную опасность представляли не столько сами сепаратистские движения, а полное равнодушие «передового» общества к сохранению единства империи.

Неудивительно, что национальная программа заняла в идеологии «Черной сотни» особенное место. Национальная программа черносотенцев сводилась к лозунгу: «Россия для русских!» Этот краткий лозунг, однако, нуждается в подробном комментарии, поскольку иначе его можно свести (как это обычно делали) к требованию исключительных прав для русской нации в Российской империи, что совершенно неверно.

В пункте 5 Программы СРН было изложено черносотенное кредо: «Русской национальности, собиравшей земли Русской, создавшей великое и могущественное государство, принадлежит первенствующее значение в государственном строительстве.

Прим. 1. Союз не делает различия между великороссами, белорусами и малороссами.

Прим. 2. Все учреждения Государства Российского объединяются в прочном стремлении к неуклонному поддержанию величия России и преимущественных прав русской народности, но на строгих началах законности, дабы множество иностранцев, живущих в нашем Отечестве, считали за честь и за благо принадлежать к составу Российской империи и не тяготились бы своей зависимостью.

Прим. 3. Русский язык есть господствующий язык Российской империи для всех населяющих ее народов»*.

Как видим, стратегические цели СРН весьма трудно назвать шовинизмом или расизмом. На фоне пышно расцветающих в начале столетия в западных странах воинствующих шовинистических течений типа пангерманизма или англосаксонского джингоизма, черносотенцы выглядели просто умеренными пацифистами. Ничего подобного идеологии «народа-господина», объединения родственных народов, завоевания «жизненного пространства», юридического закрепления дискриминации по этническому признаку и т. п. аксиом западного правого радикализма мы не увидим у «Черной сотни».

«Почвенный» характер русского черносотенного национализма привел к тому, что среди руководства черносотенных союзов оказалось довольно много людей нерусских по крови. Среди лидеров черносотенцев можно видеть немцев (В. А. Грингмут, принявший русское подданство и перешедший в православие в довольно зрелом возрасте, Н. А. Энгельгард, барон Г. Г. Розен, граф Н. Ф. Гейден и мн. др.). Обильно были представлены в «черных сотнях» молдаване (В. М. Пуришкевич, любивший называть себя «истинно русским человеком», П. А. Крушеван, депутат II Думы, любил вспоминать свое происхождение от знатного молдавского боярского рода П. Ф. Булацель). Чехом по происхождению был Борис Пеликан, один из руководителей черносотенцев Одессы. Наконец, огромное большинство рядовых членов черносотенных организаций были по происхождению малороссами (украинцами), считавшими себя русскими. По иронии судьбы, можно говорить об определенном «засилье инородцев» в «черных сотнях», где великороссы явно были в меньшинстве. Впрочем, удивительного здесь ничего нет, поскольку «истинно русский человек», по мнению черносотенцев, это – монархист, патриот и желательного православный по вероисповеданию. Этнические и тем более расовые характеристики не имеют особого значения. Выражение «обрусить инородцев» означало не ассимиляцию их русскими, а превращение их в истинных защитников российского политического строя.

Отсюда становится понятным наличие инородческих «Черных сотен» в рядах правых. Так, в Казанской губернии действовала под руководством профессора В. Ф. Залесского Царско-Народное Русское Общество (ЦНРО), 3 отдела которого целиком состояло из мусульман, и самостоятельное Царско-Народное Мусульманское Общество. Около 15% отделов всех черносотенных союзов в губернии были чувашски-

---

* Острецов В. М. Черная Сотня и Красная Сотня. М., 1991. С. 41–42.

ми*. В Одессе в феврале 1910 г. возникло «Общество евреев, молящихся за царя» Моисея Кениса**, так что в русском черносотенном движении присутствовали и еврейские организации.

Наконец, парадоксальным образом именно то, что считают образцом великодержавного шовинизма – требование ликвидации «инородческого засилья» в управлении, экономике и культуре, что подразумевало отмену льгот и привилегий для различных этнических и религиозных групп населения, в действительности оказывается борьбой за политическое и экономическое *равноправие* всех народов России. Звучит курьезно, но ведь именно черносотенные требования оказываются шагом к демократизации всех сфер жизни российского общества. Это принципиально отличает русских правых от западных, которые старались именно усилить дискриминацию по отношению к национальным меньшинствам в своих странах.

Черносотенцы же выражали особое «благорасположение» к народам, исповедующим «Магометов закон»***. Устав отколовшегося от СРН Союза Михаила Архангела отмечал заслуги живущего в России немецкого населения, «оставшегося верным престолу и русской государственности в дни пережитых смут». Учитывая, что в период революции 1905–07 гг. мусульмане и немцы России действительно проявили себя преданными престолу, то черносотенцы считали их «истинно-русскими людьми».

По аналогичному критерию – поведению основной массы определенного этноса в период революции, черносотенцы определяли «недружественные народы». К таковым относились финны, опасные уже наличием своего автономного княжества вблизи от столицы империи. В период первой революции Финляндия стала местом, где укрывались революционеры, в т. ч. и террористы, при сочувственном попустительстве властей Великого княжества. В Государственной Думе правые депутаты вели, по словам В. И. Ленина, «поход на Финляндию», требуя полной и окончательной инкорпорации княжества в состав Российской империи.

Сохранилась у черносотенцев и неприязнь к полякам, которые считались потенциальными мятежниками. Черносотенцев раздражало значительное количество поляков – служащих железных дорог, в т. ч. на Транссибе, наличие значительных польских общин в крупнейших городах России (считается, что не менее 600 тыс. поляков проживало по территории Российской империи за пределами этнических польских земель накануне I мировой войны). Справедливости ради заметим, что

* Алексеев И. Е. Указ. соч. С. 18.

** Союз Русского Народа. М.– Л., 1929. С. 296–297.

*** История политических партий России. М., 1994. С. 72.

опасения черносотенцев оказались совершенно напрасными, поскольку многочисленная польская диаспора в России, внося огромный, до сих пор малоизученный, вклад в развитие российской науки, культуры, промышленности, состояла в подавляющем большинстве из вполне лояльных граждан России.

Гораздо больше оснований быть недовольными давало черносотенцам положение в Царстве Польском, где в начале XX века окончательно провалилась русификация и где русофобским национализмом оказались заражены почти все слои польского населения. Характерно, что среди политических сил в российской Польше лишь интернационалисты-марксисты выступали против польских сепаратистов, но ведь врагами политического строя они были куда большими, чем националисты!

Русских правых очень беспокоило то, что «Польша обходится слишком дорого», учитывая расходы по управлению этой беспокойной окраиной, содержание крупной военной группировки в крае с очень невыгодной конфигурацией границ, и, наконец, сильную конкуренцию фабричной промышленности Царства Польского, отбивающую внутрироссийский рынок у «коренной» русской буржуазии. Среди некоторых правых даже появлялись проекты обмена Польши на Галицию (у Австро-Венгрии) с тем, чтобы избавиться от польского вопроса и одновременно закончить воссоединение всех русских (восточнославянских) земель в одном государстве.

Подобный этим проект предложил и черносотенный автор М. М. Арцыбашев в книге с пессимистическим названием «Грядущая гибель России». Будучи германофилом, как и многие правые в России, Арцыбашев мечтал о таком варианте сближения с Германией: «Отдавая секретно Германии Польшу и Прибалтийский край, прежде всего мы выселили бы туда всех евреев и поляков и дали бы им самостоятельность. А когда Германия заняла бы их, мы не пожертвовали бы ни одним солдатом, ни одним гривенником, но смотрели бы на это как на весьма благоприятное для нас разрешение еврейского и польского вопросов*». В черносотенной прессе нередко были высказывания в том плане, что поляки, будучи народом, склонным к анархии и неспособные к созданию нормального собственного государства, могут только подрывать государства, владеющие Польшей и поэтому передача Польши соседям только усиливает Россию и соответственно ослабляет соседей, для которых теперь станет постоянной головной болью бесконечное усмирение польских бунтов.

Впрочем, все это было лишь брюзжанием. В действительности правые придерживались лозунга единой и неделимой России и не соби-

* Арцыбашев М. М. Грядущая гибель России. СПб., 1908. С. 19.

рались предпринимать ничего по уменьшению пределов империи. Однако определенная чужеродность Польши в составе России явственно ощущалась правыми, и поэтому они старались хотя бы ограничить коренные русские (включая белорусские и украинские) земли от польского влияния. Этому служили такие меры, как окончательное «располячивание» бывших восточных территорий Речи Посполитой и выделение из Царства Польского Холмской губернии.

В целом для черносотенцев было характерно деление страны на «коренные русские области», в которые входили все заселенные русским (восточнославянским) населением территории, и национальные окраины. Черносотенцы требовали отмены привилегий для окраин, или, по крайней мере, введения исключительных прав для «истинно русских» людей (в том специфическом черносотенном понятии этих слов) в пределах коренных русских земель.

В качестве первого шага к выделению коренных русских земель из состава инородческих окраин, имеющих определенные особенности в управлении, стало создание небольшой Холмской губернии в 1912 году. Древний русский город Холм, некогда одна из резиденций Даниила Галицкого, входил в состав губерний Царства Польского, хотя основное население города и окрестностей было русским (точнее, малорусским). По инициативе депутата II Государственной Думы, активного члена РС, митрополита Евлогия, избранного от православного населения Люблинской губернии, населенные русскими земли Холмщины были отделены от Царства Польского в самостоятельную губернию. Понятно, что это вызвало яростные протесты поляков, возопивших о четвертом разделе Польши, а также всех русских либералов и радикалов. Большевистский депутат Думы Г. Петровский заявлял, что создание Холмской губернии совершенно ничего не дает крестьянам, поскольку земля все равно осталась у польских помещиков.

Аналогичные цели преследовал и законопроект о западных земствах. Напомним, что в западных губерниях даже спустя 120 лет после падения Речи Посполитой экономическая жизнь была подчинена польским помещикам и еврейским торговцам. Между тем, по закону власть в земских органах принадлежала «цензовому», то есть имущему, населению. Именно желанием не допустить перехода местных органов к польским и еврейским «цензовым элементам» и был обусловлен в свое время отказ от создания земских органов в западных губерниях. Так, Александр II в качестве необходимого условия открытия земского самоуправления в западных губерниях назвал сосредоточение в руках русских землевладельцев не менее 50% имений и 2/3 земельной собственности. Но еще в 1880-х гг. соотношение землевладений русских и польских было как 2:3 (это несмотря на реформы Муравьева!). В нача-

ле XX века польские помещики в западных губерниях в большинстве своем разорились, но их имения перешли в основном к евреям. Правда, среди новых земельных собственников появилось немало разбогатевших крестьян. Однако в политической жизни западных губерний польские помещики по-прежнему доминировали.

Но в новых условиях, под влиянием черносотенцев и националистов, Столыпин предпочел выступить в поддержку православного русского населения западных губерний. Специально для этих губерний были приняты особые постановления, по которым для выборов в органы земского самоуправления создавались национальные курии. Это автоматически обеспечивало русскому большинству, даже при малочисленности в его рядах «цензовых элементов», большинство в земских органах.

Черносотенцы, однако, не сделали последнего шага, который оставался до юридического разделения жителей страны на «чистых» и «нечистых», т. е. введения в России чего-то подобного сегрегации или апартеида для нацменьшинств. Этому препятствовал и характер русского «почвенного» национализма, менталитет русской нации, монархический, а не расово-этнический характер черносотенного движения и ряд других факторов. И поэтому, несмотря на громкие заявления о необходимости борьбы с «инородческим засильем», СРН в своих «Основоположениях» заявлял, что он «не только не желает нарушать самобытность населяющих Российскую империю нерусских народностей и оставляет им вполне неприкосновенными их веру, язык, быт, благосостояние и землю, но признает особую общественность для народностей, живущих на окраинах»*.

Итак, провозглашая первенство русского народа и добиваясь равенства его со всеми народами и «племенами» империи, (что подразумевало не только ликвидацию привилегированного положения населения и этнических групп ряда регионов страны, но и «подтягивание» отсталых окраин до общеимперского уровня), черносотенцы, при всех своих предрассудках по отношению к отдельным народам, были далеки от шовинизма западного типа. Все требования к окраинам означали не превращение их в колонии по отношению к привилегированной метрополии, а лишь окончательную интеграцию в единое целое всех земель государства.

Почвенный национализм «Черной сотни» нашел свое отражение в том, что идея всеславянской общности и панславизма была чужда черносотенцам, несмотря на значительное заимствование идей и лозунгов у классиков славянофильства. Другие славянские народы, в т. ч. и право-

* Программы политических партий России. Конец XIX – нач. XX в. М., 1995. С. 444–445.

славные, были «испорчены», по черносотенному мнению, конституцией и парламентаризмом. Правые резонно указывали, что присоединение к России «братьев-славян» только увеличит сложности в сохранении незыблемости самодержавия. Черносотенная пресса часто писала о кровавых интригах, заговорах и политических кризисах, которыми была полна жизнь балканских славянских государств, о взаимной неприязни многих славянских народов и т. д. Впрочем, как это мы рассмотрим ниже, черносотенцам вообще был присущ изоляционизм и нежелание расширения территорий, освоить которые будет очень дорого и население которых будет политически неблагонадежно. Лозунг «Россия для русских» означал еще и то, что русские люди должны развивать свою обширную страну, заселять пустынные земли внутри России и думать о себе самих, а не об освобождении славян от турок и немцев, жертвуя кровь и пот для появления на свет новых маленьких государств, потенциально готовых стать враждебными России.

Отсюда происходило и отсутствие программы внешней экспансии. Это все также отличало черносотенцев от западных правых, для которых было характерно именно стремление к подчинению всей внутренней жизни своих стран внешнеполитическим задачам типа борьбы за «место под солнцем» или завоевания колоний. Черносотенцев, по словам С. А. Степанова, «мираж черноморских проливов не ослепил», в отличие от октябристов и кадетов. Все внешнеполитические задачи для «Черной сотни» сводились лишь к поддержанию территориального статус-кво.

Итак, занимайтесь Россией, а не помощью другим народам, и внутри России займитесь, наконец, русским народом, оказавшимся в худшем положении, чем большинство других народов России – такова суть национальной программы «Черной сотни».

«Бей жидов — спасай Россию!»

Большинство исследователей черносотенства, особенно западных, вообще склонны всю черносотенную идеологию сводить к антисемитизму. Это, как мы уже увидели, не соответствует истине, но, тем не менее, сосредоточение черносотенцев на «еврейском вопросе» требует объяснений.

Как уже отмечалось в предыдущей главе, для любого национализма необходимо наличие врага, борьба против которого и сплачивает свою нацию. Для западных праворадикальных националистических

идеологий, ориентированных на внешнюю экспансию, «врагами» были страны и народы, препятствующие завоеваниям. Например, жаждавшей реванша за разгром 1870 г. Франции «вечным» врагом стала Германия, для Германии – сама Франция и Россия, препятствовавшие немецкой гегемонии в Европе, для Англии – конкуренты по колониальной экспансии, менявшиеся со временем (то французы, то русские, затем, в начале XX века – немцы), и т. д. Внутренний же враг для такого ориентированного вовне национализма является не более чем агентом зарубежных сил и второстепенным по сравнению с внешним.

Для черносотенцев, почвенный национализм которых был ориентирован вовнутрь страны, соответственно и внутренний «враг» стал главным врагом. Но почему же таковым врагом стало считаться именно еврейство и именно с начала века? 5-миллионное еврейское население Российской империи (свыше половины всех евреев мира) заняло совершенно исключительное место в идеологии русской правой потому, что еврейство символизировало собой все то, что подрывало самобытность России – крупный капитал, не имеющий Отечества, а также связанные с Западом интернационалистское революционное движение, космополитизированную либеральную интеллигенцию. Да и самый массовый тип тогдашнего еврея в виде алчного, неразборчивого в средствах, пронырливого дельца-«гешефтмахера», подчас преступника, был для рядовых черносотенцев главным подрывателем устоев русской жизни. Наконец, религиозные и культурно-бытовые причины недоверия к евреям в России начала XX в. не исчезли.

Главная причина антиеврейских настроений тех социальных слоев, из которых состояла социальная база «Черной сотни» (и которые обычно не вникали в философские обоснования деталей еврейского вопроса) крылась в экономическом конфликте между еврейским финансовым капиталом и национальным товаропроизводителем. Речь шла не о евреях-банкирах или крупных фабрикантах (для рядовых активистов СРН в городах и селах современной Украины они были чем-то абстрактным), а о той роли, которую играли евреи в хозяйственной жизни юго-западных губерний Российской империи.

Согласно «Еврейской энциклопедии», вышедшей в 1908–13 гг., по переписи 1897 г. из жителей Российской империи, 618 926 чел. занималось торговлей и 450 427 чел*. из них были евреями (в 2,7 раза больше, чем представителей всех других народов!). Но эти цифры приведены по всей империи, а в пределах черты оседлости господство евреев в торговле было подавляющим, что делало практически невозможным честную конкуренцию с ними. (Еще в 1880-х гг. в пределах «черты» из каждой тысячи жителей торговцами были 390 евреев и 38 представите-

* Еврейская энциклопедия. Т. 13. С. 649.

лей всех других национальностей.)^{*} При этом евреи монополизировали такие сферы торговли, как продажу алкоголя и табачных изделий. Так, в 1886 году в Минской губернии из 1550 питейных заведений 1548 принадлежали евреям, из 1297 табачных лавок у евреев было 1293^{**}.

Но дело даже не в том, что трудящиеся христиане были недовольны обилием еврейских торговцев. В Российской империи славу торговых народов имели армяне, татары, греки. В торговле проявляли себя многие русские старообрядцы. Наконец, уроженцы ряда глубинных русских губерний, истинно русские люди, ярославцы или нижегородцы, обладали репутацией хватких купцов, умеющих с барышом воду у моря продавать. Кстати, именно ярославцы составляли основную массу мелких торговцев в обеих столицах, из 320 петербургских трактирщиков в 1890-х гг. примерно 200 были ярославцами.

Однако ничего подобного армянофобии или же «антиярославизму» в России не возникло. Вспомним, что именно мелкие и средние торговцы составляли политический актив «Черной сотни» в столицах, где еврейское население было не столь многочисленным, как в пределах черты оседлости, и состояло в основном из лиц свободных профессий (не являясь конкурентами охотнорядцам).

Сосредоточившиеся в торговле, ростовщической деятельности и некоторых видах ремесел, евреи выступали не просто как торговые посредники между производителем и потребителем, как это было с другими торговыми народами. Хотя сами еврейские торговцы и ростовщики едва ли догадывались об этом, но конечным итогом торжества евреев в финансово-коммерческой сфере означался фактический переход всей экономической жизни страны в их руки. А это уже приводило к полному вытеснению коренных жителей из сферы управления хозяйственным развитием собственной страны.

Для христианского населения районов черты оседлости огромное значение имела историческая память о роли евреев в жизни прежних великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Напомним, что когда-то, еще во времена Киевской Руси, в городах ее западных и юго-западных земель существовало богатое и влиятельное торгово-ремесленное население, имеющее широкое посадское самоуправление. В середине XIV века эти земли были объединены литовскими князьями в едином государстве, одном из крупнейших в Европе. Земли современной Белоруссии вообще не знали монголо-татарского ига, а земли Малой Руси избавились от ордынцев на столетие раньше, чем Московская Русь. Великие князья литовские давали городам в своих владениях са-

^{*} Степанов С. А. Указ. соч. С. 26.

^{**} Субботин А. П. В черте еврейской оседлости. СПб., 1888.

моуправление по западному Магдебургскому праву, из чего следовало, что в этих городах существовало достаточно многочисленное и богатое мещанство (в западной терминологии бюргерство). В XIV–XV вв. города играли огромную роль в жизни Белой и Малой Руси под скипетром Гедиминовичей. Казалось, дальнейшую эволюцию этих городов и государств в целом предугадать легко: города будут все дальше расти, становясь центром хозяйственной и культурной жизни, в них разовьется буржуазия и интеллигенция, усиление экономических связей приведет к появлению единого общенационального рынка и покончит с замкнутым миром отдельных регионов, что усилит централизованное абсолютистское государство, возникнет единый литературный язык, вытеснив местные говоры, а затем исчезнет крепостное право, по мере развития рыночных отношений и т. д. Но ничего подобного не произошло, хотя стартовые условия великого княжества Литовского были не хуже, чем во Французском королевстве, не говоря уже о лапотной деревенской, измученной ордынским игом Москве.

Помимо ряда объективных и субъективных причин среди факторов, оказавшихся роковыми для истории западнорусских земель, можно смело назвать массовую эмиграцию евреев из Польши и Германии в великое княжество Литовское по приглашению князя Витовта. Сплоченное и организованное еврейство достаточно быстро вытеснило русское население почти из всех видов городской деятельности и экономически подчинило себе деревню, став арендаторами или управляющими большинства панских имений.

Результаты не замедлили сказаться. История великого княжества Литовского, а затем (после объединения его с Польшей) Речи Посполитой есть история политического распада, хозяйственной и культурной деградации, жесточайшей крепостнической эксплуатации, а также многочисленных народных восстаний против ополченных феодалов и еврейских ростовщиков. Закономерен был конец Речи Посполитой, которую просто поделили соседи.

Государственная несостоятельность Литвы и Польши во многом была вызвана именно тем, что в этих странах, включая западно-русские земли, евреи фактически задушили зарождавшиеся городские средние слои. Задолжавшее и заложившееся еврейским кредиторам благородное шляхетство всю свою энергию тратило на дальнейшее ограбление своих крепостных, разоряя их и тем самым свою страну.

Но вот что показательно. Став полновластным хозяином Белой и Малой Руси, в силу паразитизма ростовщического капитала и присущего многим еврейским предпринимателям стремления присваивать чужое богатство, а не увеличивать производство, основная масса евреев этих земель жила в ужасающей бедности, скученности. В художес-

твенной литературе остались яркие описания убогого быта еврейских местечек Белоруссии и Украины. По мере разорения и обнищания края нищало и паразитирующее на нем еврейство.

На рубеже XIX–XX вв. евреи продолжали составлять основную массу городского населения черты оседлости, включая в себя Новороссию. В таких значительных городах, как губернские центры Вильно, Витебск, Минск, Киев, Екатеринослав, Кишинев, евреи составляли от трети до половины населения. Преобладали евреи в населении четвертого по величине города Российской империи – Одессе, а также в Ростове-на-Дону и др. городах Причерноморья. Правда, большинство евреев продолжали жить в местечках и маленьких городах, многие из которых, вроде Бердичева, Пинска или Бобруйска, считались «грязными Иерусалимами», где отдельные христиане тонули в массе сынов Иакова и где продолжала существовать своеобразная местечковая патриархальная культура.

Быстрое капиталистическое развитие, особенно стремительное на юге, оказалось весьма благоприятным для евреев, не отягощенных ни последствиями крепостничества, ни моральными ограничениями, засевавших в глубине души даже самых алчных и расчетливых предпринимателей из числа коренных русаков. В эпоху российского первоначального накопления капитала с его грубыми, подчас преступными методами евреи чувствовали себя как рыба в воде. В России с ее традиционно сильной антибуржуазностью еврей – биржевой спекулянт или скупщик краденого, стал как бы символом капитализма. Заметим, что речь шла не о миллионерах Бродских, Поляковых или Гинцбургах, а о самом массовом типе предприимчивого еврея.

Нечто подобное произошло в России 1990-х гг., но только на роль главного отрицательного героя пришли уже не приехавшие из местечек малограмотные изворотливые евреи, а «лица кавказской национальности». Не случайно современный русский антисемитизм носит сугубо интеллигентский и совершенно умозрительный характер, будучи направлен не на конкретных евреев, а на неких абстрактных «жидо-масонов», завладевших миром и Россией, в то время как на бытовом уровне господствует неприязнь к «черным», сплошным жуликам, бандитам, спекулянтам и т. п. с обывательской точки зрения.

Репутация еврея как коммерсанта и особенно как делового партнера была очень невысока. Неслучайно слово «жид» очень быстро стало обозначать любого мошенника, нечистоплотного дельца, связанного с преступным миром, независимо от его реального этнического происхождения. К началу XX века оно уже не связывалось только с евреями. Император Николай II (человек, несомненно, образованный и умеющий себя сдерживать), раздраженный на какие-то действия британского кабинета, в сердцах изрек: «Англичанин – это жид!»

Заметим, однако, что и русские купцы считали за доблесть надуть, обьегорить, облапошить доверчивого покупателя, но все же их сдерживали в хищничестве своеобразный кодекс купеческой чести, православная этика (у старообрядцев вообще определявшее поведение) и укорененность в сознании представления греховности богатства в бедной стране. Но этих сдерживающих мотивов совершенно не было у еврейских предпринимателей, выступающих сплоченной силой против «туземных» капиталистов.

О еврейском «вкладе» в организованную преступность свидетельствует уже то обстоятельство, что почти вся блатная лексика преступного мира вошла в русский язык из еврейского языка идиш. «Шмон», «шухер», «хаза», «фраер», «гешефт», «марвихер», «шулер», «сутенер», «марафет» и т. п. специфические термины существуют в разговоре граждан вне закона и поныне. Показательно весьма, что в великом и могучем русском языке нашлось сравнительно мало исконных слов для обозначения разных сторон преступной деятельности.

Кстати, подобный «филологический» вклад в язык народов, среди которых жили евреи, характерен не только для России. Приведем свидетельство французского исследователя еврейского происхождения (которого по определению трудно заподозрить в антисемитизме) Льва Полякова. В своей книге «История антисемитизма», говоря о жизни евреев в средневековой Германии, Поляков отмечает: «... уже во времена Лютера в немецком воровском арго имелось множество гебраизмов... Самый ранний немецкий труд, посвященный проблемам бандитизма и нищенства, «*Liber vagatorum...*», опубликованный в 1499 году, уже содержит небольшой словарь воровского жаргона (*Rotwelsch*). Многие слова в нем из иврита»*. Впрочем, по признанию еще античных писателей, преступный мир эллинистической Александрии задолго до рождения Христа использовал свой специфический язык, представлявший собой испорченный греческий с большой примесью иврита. Как видим, «лагерный иврит» появился в глубокой древности.

В криминальном мире царской России евреи «специализировались» на финансовых аферах, незаконном посредничестве и других подобных мероприятиях, приносящих хороший доход, не слишком рискованных.

В черносотенной прессе со ссылками на данные полиции, приводили процент преступлений, совершаемых евреями, в сравнении с представителями других народностей и характер этих преступлений. Так, доля евреев, осужденных за:

- подделку кредитных билетов – 94,6%,

* Поляков Л. История антисемитизма. Эпоха веры. М. – Иерусалим, 1997, с. 327.

• общественный соблазн (содержание домов терпимости, выпуск порнографии и т. д.) – 93,7%.

- преднамеренное банкротство – 92,1%,
- лжеприсяга, лжесвидетельство – 86,5%,
- скупка краденного – 79,7%,
- мошенничество – 78,9%.
- преступление против народного здоровья – 73%,
- против воинской повинности – 72%,
- против благоустройства – 68,6%,
- против порядка и управления – 68,5%,
- против спокойствия и безопасности – 62,1%,
- нарушение уставов казенного управления – 61%,
- преступления в печати – 59,4%,
- пользование чужим имуществом – 58,7%,
- недонесение о преступлении – 57,9%*.

Интересно, что еврейский преступный быт был привлекателен для многих коренных жителей стран с крупными еврейскими диаспорами. Вернемся опять к книге Льва Полякова, к той ее главе, в которой говорится о еврействе Германии: «... еврейские обычаи и религия были весьма привлекательны для многих немецких молодых людей дурного нрава. Заключение христиане в одной из тюрем Берлина потребовали разрешения присутствовать на еврейском богослужении. Самый знаменитый главарь банды XVII века по имени Дамиан Гессель, бывший семинарист, находясь на эшафоте, попросил, чтобы при казни присутствовал раввин. По сути дела, в этом нет ничего удивительного. Нарушая закон, бандит-христианин противопоставлял себя обществу, его моральным и религиозным ценностям; что же касается иудаизма, то он противопоставлен этому обществу самим фактом своего существования»**. Таким образом, любой отверженный от христианского общества христианин становиться как бы евреем по своему мироощущению.

Со второй половины XIX в. стало быстро расти количество евреев – лиц свободных профессий. В силу многих обстоятельств российская интеллигенция еврейского происхождения была в основной массе либеральной по политическим воззрениям, меньшая ее часть участвовала в революционном движении. Вероятно, именно поэтому предвзятое отношение к евреям традиционных социальных слоев российского общества распространялось и на вполне ассимилированную и полностью интегрированную в русскую жизнь еврейскую интеллигенцию. К тому же большое количество евреев в адвокатуре словно служило доказа-

* Общественная роль еврейства в цифрах и фактах //Русское Дело. 1905. № 28. Приложение.

** Поляков Л. Указ. соч, с. 328.

тельством того, что они, адвокаты, существуют только для того, чтобы оправдывать «своих».

Значительную роль в «низовом» антисемитизме масс играла пресса. Речь идет вовсе не о черносотенных или других правых газетах, а о господстве евреев в либеральных изданиях и в бульварной прессе. В кадетской «Речи» хозяевами были Гессен и Винавер, в «Биржевых Ведомостях» – Городецкий, почти все иллюстрированные издания принадлежали Корнфельду. Нападки не только левой (что было бы понятно), но и солидной либеральной прессы на монархию, церковь, армию, традиционные русские ценности, оплевывание русской истории и т. п. объясняет ответное распространение ненависти на «свободомыслящую» интеллигенцию, полностью «ожидовленную», по терминологии правых. С 1905 г. разнузданность почти не стесняемой цензурой прессы только усилилась и кадетские газеты словно сорвались с цепи в издевательствах над идеалами традиционной Руси.

В бульварной прессе, включая откровенно порнографические листки, опять же доминировали евреи. Разумеется, для сторонников традиционной православной морали из всех социальных слоев именно «жиды» были общественными растлителями, навязывающими вседозволенность, извращения, делающими хорошие гешефты на потакании людским порокам. Добавим, что Православие отличается строгим ригоризмом в вопросах нравственности, не допуская, в отличие от католицизма, никаких вольностей в изображении обнаженного тела или «свободы любви».

Черносотенцы обвиняли евреев в том, что помимо своих «преступных наклонностей», они не хотят выполнять свои гражданские обязанности, постоянно требуя себе все новых «прав». Евреев часто обвиняли в уклонении от уплаты налогов и сокрытии своих настоящих богатств. Не прибавляло евреям уважения соседей-христиан нежелание их служить в армии и стремление любым способом уклониться от воинской повинности. Те же евреи, что все-таки попали в армию, в силу плохого физического развития, посредственного знания русского языка, попадали в основном в тыловые части, интендантские службы, что вряд ли повышало авторитет евреев даже в военной форме. Черносотенные авторы, основываясь на собственных подсчетах, истинность которых еще не доказана, писали, что во время русско-японской войны среди 86 тыс. нижних чинов, попавших в японский плен, евреев было 12 тыс. (И это при 18 тыс. всех евреев, служивших в 780-тысячной русской действующей армии)*. Всего во время русско-японской войны из 60 тысяч евреев, подлежащих мобилизации, в строю оказалась лишь треть. Остальные уклонились от призыва, эмигрировав за границу или добыв через врачей

* Арцыбашев М. М. Указ. соч. С. 113.

(также одна из массовых еврейских профессий в дореволюционной России) свидетельство о негодности к военной службе по причине болезни.

И наконец, широко известен тот факт, что евреев было непропорционально много в руководстве всех **оппозиционных** самодержавию партий, от умеренно-либеральных до революционных. Среди подвергнутых арестам государственных преступников 1/3 составляли евреи (при 1/25 населения империи). В целом на 100 тыс. русских приходилось 4 человека, привлеченных к судебной ответственности по политическим делам, а на 100 тыс. евреев – 38 привлеченных*. Если о причинах широкого участия евреев идут научные дискуссии, то сам факт этого участия под сомнение не ставится.

После всего приведенного выше вряд ли вызовет удивление широчайшее распространение антисемитизма в самых широких слоях народов России. Становится понятным и неизбежным появление политических организаций, сделавших антисемитизм центральным пунктом своей программы и сумевших на этом завоевать массовую базу.

То, что «жид» присутствовал буквально во всем, не могло не породить представление о «всемирном еврейском заговоре», в котором еврейский капиталист и еврей-революционер делали одно общее дело. Изложению теории заговора посвящены знаменитые «Протоколы Сионских мудрецов». В данном исследовании мы не намерены касаться происхождения этих «протоколов», тем более, что, несмотря на обилие литературы, в этом вопросе до сих пор нет полной ясности.

Итак, борьба с «жидом» во всем специфическом черносотенном понимании этого слова, во имя спасения исторической России с ее традиционным укладом и политическим строем была основой политической деятельности черносотенных союзов. Относительно же позитивной программы в решении еврейского вопроса мнения у черносотенцев были различны.

Русские традиционалисты видели решение в христианизации иудеев, но большинство правых считало необходимым способствовать эмиграции евреев из России, и с целью поощрения евреев к выезду признать всех проживающих в России евреев иностранцами. СРН говорил (в полном согласии с сионистами) о необходимости создания еврейского государства в Палестине, куда бы и могли выехать российские евреи.

Вопреки устоявшейся точке зрения, черносотенцы не одобряли погромы и акты самосуда над евреями. Так, председатель СРН А. И. Дубровин, выступая перед активистами союза в Ростове-на-Дону 1 августа 1908 г. заявил, что погромы ни к чему не приводят, от них страдает только еврейский беднейший класс, «пархи», да русские люди,

* Там же. С. 111.

которых за погромы привлекают к суду и сажают в тюрьмы, а богатые «жиды» еще больше богатеют. Чтобы изгнать «жидов» из России, продолжал Дубровин, необходимо объявить им бойкот. В качестве примера Дубровин привел опыт черносотенцев Кременчуга, где организованная СРН лавка имела оборот 500 рублей в день, совершенно вытеснив еврейских торговцев, многие из которых уехали из Кременчуга*. Возможно, были и другие успешные примеры бойкота евреев, но вряд ли они были слишком многочисленными, учитывая далеко зашедшее социальное и политическое расслоение внутри русского народа и отсутствие у него чувства этнической солидарности, нехватку значительного стартового капитала у русских предпринимателей, желавших обойтись без помощи еврейских кредиторов и посредников, да и времени у императорской России оставалось мало. И ко всему прочему, само черносотенное движение раскололось, а затем и вовсе сошло с политической сцены.

Расколы и поражение

Годы спада первой русской революции, т. е. 1907–08 гг., были пиком подъема черносотенного движения, его наивысшего влияния на политические процессы в России. Но после того, как революционная буря окончательно утихла и наступили «нормальные» времена, начался кризис «Черной сотни», закончившийся практически полным исчезновением монархических народных движений еще до падения самой монархии.

Причин поражения черносотенства было множество. Одна из наиболее существенных заключалась в том, что по самой своей природе черносотенные союзы были не приспособлены к роли конституционных партий даже по меркам третьеиюньского режима. Тем более не состояли черносотенные союзы из профессиональных революционеров, как, например, большевики. Они представляли собой что-то вроде всеобщей мобилизации сторонников самодержавия в момент, когда самодержавию и всему традиционному укладу грозила гибель. Но после победы монархии, пусть даже и с отступлениями в виде законодательной Думы и ряда демократических свобод, началась своеобразная демобилизация черносотенцев в обычную гражданскую жизнь. Социальные различия, еще недавно казавшиеся несущественными в сравнении с перспективой падения исторической России, теперь выступают на первый план и

---

* Союз Русского Народа. По материалам ЧСК Временного Правительства. М. – Л., 1929. С. 402.

приводят к расколу. Новые реалии, порожденные как революцией, так и столыпинскими реформами, обостряют идеологические расхождения внутри движения. И все это развивается по мере дискредитации православно-монархической идеи по мере деградации монархии!

Годы революции были героическим периодом в истории «Черной сотни». В то время требовалось немалое мужество для отстаивания своих черносотенных взглядов. Вот далеко не полный список жертв черносотенной борьбы: в октябре 1905 г. анархист Я. Брейтман бросает бомбу в монархическое шествие; 27 января 1906 г. взорвана чайная «Тверь», принадлежавшая СРН (2 убитых, 11 раненых); в мае 1906 года на Семяниковском заводе в перестрелке с большевиками убиты местные вожаки СРН Снесарев и Лавров, затем еще четверо черносотенцев;* в январе 1907 г. убит член Совета Новороссийского отдела СРН Л. В. Лавринович, в Полтаве сожжен дом председателя отдела СРН казака Омеляна, в Тифлисе шестью пулями ранен председатель отдела СРН священник Городцов, в Симферополе ранена малолетняя дочь председателя СРН Гранкина, в Москве на богородско-глуховской мануфактуре рабочий-черносотенец был живым сварен «товарищами» по классу в красильном котле;** в августе 1907 года произведено покушение на председателя киевского общества «Двуглавый орел» Г. И. Вишневого, в котором пострадал его брат.

Подобных примеров можно привести множество. Обратим внимание на то, что черносотенцы, рядовые или среднее начальство, вообще были излюбленной мишенью для левых террористов только потому, что убийство черносотенца, в отличие от покушения на правительственного чиновника любого ранга обычно не влекло за собой специальных расследований и карательных мер, оставаясь почти что бытовым преступлением. И неудивительно, что, как пишет американская исследовательница русского революционного терроризма А. Гейфман, «в городе Екатеринбург на Урале члены боевого отряда большевиков под началом Якова Свердлова постоянно терроризировали местных сторонников «черной сотни», убивая их при любой возможности»***. Так приобретал «опыт» будущий «президент» Советской России.

И тем не менее уже осенью 1905 года черносотенцы, по выражению Л. А. Тихомирова, «отвоевали у революции улицу». В 1906–07 гг. массовые митинги и демонстрации под красным флагом становятся редкостью, вооруженные восстания происходят в морских крепостях (Кронштадт, Свеаборг, Владивосток) или отдаленных гарнизонах, или

* Степанов С. А. Указ. соч. С. 54, 228.

** Булацель П. Ф. Борьба за правду. СПб., 1908. Т.1. С. 113, 138.

*** Гейфман Анна. Революционный террор в России. 1894–1917 гг. М., 1997, с. 133.

на кораблях, но уже не в крупных населенных пунктах. Обратим внимание на то, что восстания поднимают **военные**, призванные присягой защищать Царя и Отечество. Значит, относительное спокойствие в городах обеспечивают не военная машина государственного аппарата, а позиция основной массы горожан.

О влиянии правых в то время говорит то, что в России выходило около 80 газет и журналов чисто черносотенного направления. Даже в университетах России появляются студенты-черносотенцы, покончив с многолетним господством левых в студенческой жизни. Появляются черносотенные молодежные организации, занимающие нередко более правую позицию, чем «старые» партии. Например, в Киеве возникает молодежное патриотическое движение «Двуглавый орел» во главе со студентом Владимиром Голубевым. Киевские «орлята» прославились борьбой с украинскими самостийниками, и особенно в сборе материалов в расследовании «дела Бейлиса».

И все же, начиная с 3 июня 1907 г. – времени окончательного поражения первой революции, можно говорить о начале конца черносотенства. Конец революции не означал восстановления неограниченного самодержавия. И это автоматически поставило часть черносотенцев в положение правой оппозиции к третьеиюньской монархии и лично к Столыпину. При этом ни революция, ни контрреволюция не решили стоящих перед Россией социальных проблем. Это не могло не вызвать постепенного отхода от монархической идеологии демократических «плебейских» элементов черносотенного движения. Те, кто всерьез воспринимал антикапиталистический лозунг «Черной сотни» и верили в надклассовую «народную» сущность самодержавия, были недовольны открыто провозглашаемой Столыпиным «ставкой на сильных», его политикой ликвидации общины и вообще всем курсом на капиталистическую модернизацию России. В свою очередь, часть черносотенных лидеров заняла простолыпинские позиции.

В результате в СРН возник раскол по отношению к признанию Государственной Думы. Группировка во главе с В. М. Пуришкевичем в ноябре 1907 года организовала свою партию Русский Народный Союз Михаила Архангела (РНСМА), признающую представительные учреждения. Владимир Митрофанович Пуришкевич был весьма популярным деятелем. Яркий оратор, поэт и публицист, Пуришкевич был депутатом трех созывов Государственных Дум, приобретя славу скандалиста. Вместе с Пуришкевичем из СРН ушло большинство интеллигентов. Это не могло не придать РНСМА определенный интеллектуальный блеск. На какое-то время РНСМА превратился в серьезную партию. В отличие от СРН сторонники Пуришкевича не ограничивались агитацией только среди охотнорядцев. Члены РНСМА активно работали среди молодежи,

особенно студентов, создав ряд студенческих корпораций и клубов, а также спортивно-гимнастическое общество «Сокол». Впрочем, интеллектual Пуришкевич не отличался организаторскими способностями. Думская деятельность отнимала почти все внимание Пуришкевича. РНСМА стал превращаться в группу поддержки Пуришкевича, постепенно перестав заниматься текущей работой.

Уход группы Пуришкевича сильно ослабил СРН, утратившего многие умы и значительные финансовые средства. В дальнейшем СРН продолжал переживать расколы. Ряд его местных отделений, фактически и ранее чисто номинально подчинявшихся центральному руководству, становятся окончательно самостоятельными. Так, Московское отделение во главе с протоиереем И. Восторговым, объединившись с остатками Русской Монархической партии (РМП), испытывавшей кризис после смерти в 1907 году В. Грингмута, составило отдельную партию Русский Монархический Союз (РМС). На Правобережной Украине совершенно независимые позиции заняло Почаевское отделение во главе с архиепископом Антонием Волынским и архимандритом Виталием.

Раскололось даже академичнейшее Русское Собрание. Одно из заседаний РС в ноябре 1911 года закончилось самой настоящей дракой профессора и лирического поэта Б. Никольского с депутатом Государственной Думы и также неплохим писателем Н. Марковым!

Союз Русских Людей после 1911 года фактически прекращает существование, хотя формально он был распущен лишь в 1917 году.

Наконец, СРН в 1909–11 гг. окончательно раскалывается на дубровинцев и марковцев (во главе соответственно с А. И. Дубровиным и Н. Е. Марковым). Первые остались на позициях 1905 г., требуя неограниченного самодержавия, защищая общину и яростно критикуя «буржуев», в то же время марковцы были на пути превращения в парламентскую партию, близкую к октябристам.

Дразги и внутренние конфликты тяжело отразились на настроениях черносотенных активистов. Многие из них самоустраились от всякой политической деятельности. Например, «черносотенец № 1», А. Майков в 1909 г. полностью отошел от дел СРН, одним из главных основателей которого он был.

Помимо идеологических причин (в частности, по отношению к Думе и столыпинским реформам) раскол черносотенства пошел и по социальным причинам. Крестьяне-черносотенцы в III и IV Думах, оставаясь монархистами, тем не менее при обсуждении вопросов о земле и других проблемах российской деревни предпочитали солидаризироваться с левыми депутатами. Различия между «господами» и «народом», в черносотенных союзах всегда подспудно существовавшие, теперь встали во всю ширь.

Нечто подобное происходило на Правобережной Украине, где Почаевский отдел СРН открыто выступил против столыпинской реформы. Собравшийся в январе 1907 года съезд уполномоченных местных отделов, помимо критики правительственных мероприятий, требовал ликвидации польского помещичьего землевладения и передачи земель малорусским и белорусским крестьянам под лозунгом «Власть – царю, землю – крестьянам!». Одновременно шла яростная кампания против еврейских торговцев и ростовщиков. За такие проповеди Синод закрыл в 1909 году газету «Почаевские Новости», полиция неоднократно проводила аресты черносотенных агитаторов.

Однако именно почаевские черносотенцы получили массовую поддержку. В 1908 году Почаевский отдел СРН имел 1155 подотделов, объединяющих 104 289 членов*. Год спустя делегация почаевских черносотенцев привезла в Петербург миллион подписей под верноподданейшим адресом царю.

Правительство, применявшее репрессии против илиодоровцев и почаевцев, постепенно отталкивало от себя искренне монархические массы. Трагедия демократической части черносотенства, одновременно проправительственного и оппозиционного, заключалась в том, что весьма значительная часть сельских или провинциальных «Черных сотен» постепенно начала переходить на позиции радикалов слева. Царицын, место подвигов Илиодора, станет «Красным Вердемом» в Гражданскую войну, а среди волынских и подольских крестьян, активистов сельских подотделов СРН, часть примкнет к украинским «самостийникам», часть к махновцам.

При всех доктринальных различиях принципиальных расхождений между радикалами меньше, чем кажется. Народное традиционалистское крыло черносотенства отрицало тот капитализм, который появился в результате виттевских и столыпинских реформ, защищало общинные коллективные формы быта, выступало против перенесения на русскую почву западных политических моделей, что вполне разделяли и левые радикалы вроде большевиков. Вполне естественным был переход социальной базы демократической части «черных сотен», разувверившихся в самодержавном царе, на сторону В. И. Ленина, которого уже воспринимали именно как «мужицкого царя» (а не лидера какой-то политической партии).

Другая часть черносотенного движения, его наиболее интеллигентная, дворянская, благополучная часть, поддерживала и третьеиюньский режим и стала одной из главных опор П. А. Столыпина.

---

* Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993, с. 345.

Тема взаимоотношений Столыпина и черносотенцев сама по себе заслуживает научного исследования. Мы лишь бегло затронем их некоторые стороны.

Столыпин – один из бесспорных героев современной русской правой. Интересно, что культ этого деятеля последних лет монархии первым начало демонстративно исповедовать объявившее себя наследником СРН общество «Память», хотя основная масса черносотенцев в 1906–07 гг. вовсе не была поклонниками премьера.

Столыпин занимает такое важное место в пантеоне правых не только по своим личным, выдающимся качествам политика, но еще и как реальная (пусть и нереализованная) альтернатива большевизму. Не случайно в конце 80-х гг. в период горбачевской «гласности» на страницах **демократических** изданий велось массированное прославление столыпинских реформ, носящее в действительности завуалированную критику социализма. Пропаганда фермерских хозяйств и ликвидации колхозов, помимо ссылок на опыт западных стран, сопровождалась в демпрессе постоянным утверждением о замечательных успехах аграрной политики Столыпина. Так что в какой-то степени культ Столыпина был создан и внедрен в массовое сознание западнической либеральной интеллигенцией, враждебной настоящему делу Петра Аркадьевича. Хотя Столыпин твердо вел курс на капиталистическое развитие России, причем именно по западному образцу, что означало не только экономическую, но и политическую модернизацию страны (включая признание конституции и парламентаризма), но целью этих реформ было укрепление государства и его подновленной монархической формы правления.

Современные правые чтят Столыпина как борца за великую Россию, противоположную великим потрясениям. То, что убийцей премьера оказался еврей Богров, сделало для культа Столыпина больше, чем все его реформы. В целом и современные либералы, и современные патриоты почитают не столько реальные заслуги премьера, сколько его мифологизированный образ, далекий от реального образа Столыпина.

Сам премьер-министр, убежденный русский патриот и монархист, вопреки современным легендам, не жаловал «Черную сотню». Против плебейской части черносотенного движения он применял карательные меры, например, силой разоружая черносотенные боевые дружины в Одессе, усмиряя бунтарские выступления в Поволжье и почаетовских черносотенцев на Волыни, отдавая под суд убийц депутатов I Думы от кадетов Иоллоса и Герценштейна и т. д. По распоряжению Столыпина была установлена слежка за Дубровиным и оставшимся ему верными черносотенцами после раскола СРН. Письма дубровинцев перлюстрировались. Газета «Русское Знамя» постоянно подвергалась цензурным

преследованиям. За 1905–1910 гг. газета получила 13 предупреждений, было конфисковано 18 номеров, наложено 6 штрафов общей суммой в 11 тысяч рублей.

Логику Столыпина и царского правительства легко понять – видеть рядом параллельную власть и самостоятельную политическую силу они не желали. «Смута» была подавлена, и правительство не нуждалось в черносотенцах. Мавр сделал свое дело и теперь должен был уйти. Выступая 31 июля 1908 года в Ростове-на-Дону, Дубровин с горечью отмечал, что «Союз возник в тот момент, когда в стране царила полная анархия, власти растерялись и спрятались, и Россия должна была погибнуть, но явился Союз, подавил революцию и спас Родину, – только он один и никто более; тогда вновь явились и правители, забрали власть в свои руки и теперь, чувствуя под ногами довольно твердую почву, начинают нам говорить: "Уходите, Союз нам больше не нужен, мы и сами управимся"»*.

Но даже и те черносотенцы, что поддерживали Столыпина, старались еще больше изменить избирательный закон 3 июня 1907 г., чтобы еще больше урезать представительство инородцев и дать большие льготы дворянству. Отражая интересы уже не традиционалистских народных масс, а прежде всего поместного дворянства, представляя собой уже не партии, а группу депутатов III Думы, организованные фракции крайне правых и умеренно правых (официальные названия), простолыпинские черносотенцы вряд ли могли бы поддерживать те задуманные, но не осуществленные из-за гибели Столыпина его реформы. Черносотенцы в Думе поддерживали только те меры правительства, которые обеспечивали «успокоение» страны и защиту дворянства. Только до этого могло дойти у них признание представительных учреждений в Российской империи.

Но после этого дворянское черносотенство уже не могло стать привилегированной политической силой. В определенном смысле черносотенцы-помещики стали действительно превращаться в «зубров», используя известный образ депутата Н. Е. Маркова 2-го, лидера обновленного СРН, т. е. во что-то редкое и исчезающее.

Осенью 1913 года черносотенное движение, в котором столь видную роль играли представители Церкви, получило еще один тяжелый удар – Святейший Синод принял решение, запрещающее лицам духовного звания принимать участие в деятельности политических партий. Русская Церковь была так же расколота, как и все общество, и неудивительно, что многие священнослужители участвовали в политической борьбе в рядах практически всех противоборствующих сил. Решение Синода, призванное оторвать служителей Церкви от политики и вернуть к выполнению исключительно пастырских обязанностей, так и

* Союз Русского народа... с. 401.

не смогло покончить с политизацией священников и мирян, но зато нанесло наибольший ущерб черносотенцам, которых поддерживало большинство политически активных священников. Подчиняясь церковной дисциплине, свои руководящие посты в черносотенных организациях вынуждены были оставить протоиерей Иоанн Восторгов, лидер Русского Монархического Союза, и многие другие представители активной части духовенства. Совершенно обезглавленными оказались черносотенные организации на Правобережной Украине, в котором руководящую роль играли монахи Почаево-Успенской Лавры.

Итак, неизбежный в силу разнородности входящих в «Черную сотню» социальных слоев раскол произошел. Но сам по себе раскол не вызвал бы крушения черносотенного движения. Теоретически (при всей недоказуемости этой гипотезы) можно было бы предположить, что на базе черносотенства могли бы возникнуть партии своеобразного социал-монархизма типа испанских карлистов с опорой на социальные низы и церковь, и консервативную буржуазную партию христианско-демократического типа. Но этого не случилось в первую очередь по причине окончательной дискредитации русской монархии.

О настроениях черносотенных масс живописно рассказывает документ Департамента полиции «Обзор движения монархических организаций с июня по декабрь 1909 г.», где, в частности, сказано: «Уже и теперь все чаще и чаще слышатся голоса: «Хоть бы на один конец чего ждать?» и т. п. К несчастью, все это говорится по адресу главы государства, с каждым днем теряющего своих приверженцев. Самые преданные монархисты, видя полную слабость власти, уже начинают обвинять не только первого министра. Еще год назад нельзя было и подумать о такой оценке действий главы монархии. То, что не могли сделать все усилия революционеров и их сторонников – левых, может быть легко достигнуто правящей властью, как бы нарочно действующей себе в ущерб. Распадение монархических организаций, если таковое будет, повлечет за собой организацию крестьянских, чисто народных сообществ со своими вожаками, которые, исповедуя русские начала, сметут всю интеллигенцию и произведут настоящую общую массовую революцию»*.

Действительно, монархия Николая II все больше дискредитировала себя (чего стоил один Распутин), и это зрелище гниения и распада не могло не добить и так ослабленную монархическую идею. Показателем этого становится такой факт: в 1912 г., после Ленского расстрела, в России начинается новый революционный подъем. Но в отличие от 1905 г. совершенно отсутствует контрреволюционный подъем. Черносотенные организации продолжают раскалываться и таять. Когда в марте 1914 года открылся отдел СРН в деревне Каменка

* Союз Русского Народа... С. 104–105.

Бессарабской губернии, насчитывавший 600 человек, под руководством крестьянина А. А. Моисеева, то об этом удивительном факте писали даже центральные газеты. Но это было единственное в своем роде событие. Практически все остальные отделы черносотенных союзов переживали распады и самороспуски. В. М. Пуришкевич или Марков 2-й остаются известными политическими деятелями, но не как лидеры партий, а как влиятельные думские ораторы. Сильно ослабло влияние А. И. Дубровина.

Начавшаяся Первая мировая война первоначально вызвала патриотический подъем, который, однако, совершенно не отразился на популярности черносотенных организаций. Более того, черносотенцы оказались обескровлены мобилизацией большинства своих молодых активистов. Некоторые провинциальные организации СРН (например, в Екатеринодаре), вообще закрылись из-за ухода всех своих членов в армию. Многие черносотенцы отправились на войну добровольно. Киевское молодежное патриотическое общество «Двуглавый орел» почти в полном составе отправилось на фронт. Понятно, что большинство «орлят», включая своего 23-летнего председателя В. Голубева, полные патриотического энтузиазма, но почти не имевшие военной подготовки, погибли в огне войны.

Русские националисты

Черносотенцы не были единственными правыми в последние годы империи. В 1908 г., времени начала распада черносотенных союзов, появилось еще одно направление правых – русские националисты.

Как явствует из названия, националисты основой своего движения положили защиту интересов русской нации, что для черносотенцев было, как уже отмечалось, менее значимым по сравнению с защитой монархии.

Влиятельный публицист «Нового Времени» М. О. Меньшиков еще в 1907 г. писал, что «основной грех черносотенных союзов в том, что они не национальны»*. Черносотенцы, писал Меньшиков, сторонники неограниченной монархии, отвергнутой монархом, и недостаточные националисты, они выступают против роста фабрично-заводской промышленности, а это чревато утратой Россией положения великой державы. Наконец, в список грехов Черной Сотни Меньшиков добавляет то, что они увлечены защитой русского прошлого и не думают о

---

* Меньшиков М. О. Письма к ближним. Год VI. СПб., 1907. С. 283.

будущем. В мае 1908 г. Меншиков предложил создать Всероссийский Национальный Союз из «здоровых прогрессивных сил».

Союз действительно был создан в июне 1908 года рядом умеренно правых депутатов III Думы, составляющих фракцию националистов численностью около 100 человек во главе с П. Н. Балашовым. Возникновение фракции стало возможным под прямым давлением П. А. Столыпина.

Устав Всероссийского Национального Союза (ВНС), принятый в июне 1908 г., наряду с организационными вопросами содержал программные установки: «Союз имеет целью содействовать:

- а) господству русской народности;
- б) укреплению сознания русского народного единства;
- в) устройству бытовой самопомощи и развитию русской культуры;
- г) укреплению русской государственности и т. д.»*

Однако за пределами Таврического дворца националисты не были влиятельны и так и не смогли создать серьезную политическую партию. Националисты остались в истории лишь как парламентская фракция и федерация клубов в ряде городов империи. Всероссийский Национальный Клуб (ВНК) был открыт 21 февраля 1910 г., причем среди 41 учредителя было 14 депутатов Госдумы и 12 – Госсовета (наличие клубов, наряду с ВНС, позволяло обойти существующие в ряде правых партий запреты на двойное членство, поскольку формально клуб не является партией).

Как видим, с самого начала националисты представляли собой вполне элитную группу, что, с одной стороны, не дало им возможность привлечения на свою сторону масс, но с другой, нельзя не отметить высокий интеллектуальный уровень националистической публицистики, особенно в сравнении с прямолинейной лозунговостью черносотенцев. Другое дело, что времени у националистов для выработки более или менее четкой доктрины история не оставила.

После революции 1905–07 гг. в интеллектуальной жизни России происходили интересные процессы. Происходил кризис революционных идей и идолов, что отразилось в упадке всех революционных партий, включая даже большевиков. Среди либеральной интеллигенции появились свои диссиденты – авторы «Вех», высказавшие немало горькой правды в лицо тем, кто самонадеянно считал себя «совестью народа». Впрочем, значительная часть российского «передового» общества в межреволюционный период ушла в декадентство, мистику, кокаин и алкоголь. У правых дела шли не лучше – переживало деморализацию черносотенство. Все это было следствием того, что ни революция, ни

* «Новое время». 1908. 6 июня.

реакция не достигли своих целей, ускоренно развивался российский капитализм, одинаково неприемлемый для левых и ультраправых. Вполне естественно предположить, что среди идеологических течений должны были появиться и буржуазно-демократические националисты.

В отличие от истории большевиков и их значительных оппонентов, напр., кадетов или эсеров, изучение которых не прекращалось ни в нашей стране, ни за рубежом, а также от авторов «Вех», по отношению к которым наблюдается в наши дни настоящий бум публикаций, до изучения националистов исследователи еще не добрались. Можно только указать диссертационное исследование Д. А. Коцюбинского*. В 2001 году Д. Коцюбинский издал книгу «Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза». Защищены также диссертации С. М. Саньковой и А. В. Елисеева по истории ВНС**.

Мы же остановимся на некоторых небольших теоретических работах членов ВНС и ВНК, где содержались основополагающие принципы националистов. Особый интерес представляют те авторы, которые ранее состояли в черносотенных союзах или даже в левых организациях. В их числе можно назвать профессора П. И. Ковалевского (ректора Варшавского университета), В. Строганова, проф. И. А. Сикорского (отца знаменитого авиаконструктора, одного из обвинителей Бейлиса), В. А. Бернова (бывшего лидера черносотенной «Русской Народной Партии» в Воронеже и редактора газеты «Живое Слово»), Г. В. Локтя (бывший депутат I Думы от трудовиков), П. Е. Казанского, Н. И. Герасимова, П. Перцова, Д. И. Пихно (проф., ред. газеты «Киевлянин») и др. Кредо националистов ясно и сжато изложил в своей речи «В защиту русского национализма» Н. И. Герасимов: «На недавнюю попытку поднять в России революцию ответим своей национальной мирной революцией – возгласим Декларацию Исторических Прав Русского человека на русскую землю, всю ее от Белого до Черного моря, назовем заповедным национальным владением из рода в род, объявим государственное братство всем народам меньшим, вошедшим в нашу русскую семью, с искренним сердцем облекшимся в имя русского, на беспощадную войну каждому, кто внутри родных стен сеет злобу, измену и коварство»***.

* Коцюбинский Д. А. Всероссийский национальный союз. Формирование организационно-идейных основ (1907–1917). Автореферат... к. и. н. СПб., 1998.

** Санькова С. М. Всероссийский национальный союз: образование и деятельность. (Дисс.... канд. ист. наук.) Орел, 2001; А. В. Елисеев. «Социально-экономические воззрения русских националистов начала XX века» (М., 1997).

*** Герасимов Н. И. В защиту русского национализма. М., 1912. С. 63.

Самый принципиальный момент отличия национализма от черносотенства, по мнению В. Строганова, заключается в том, что «истинный национализм мыслим только при наличии гражданской свободы... Весь ужас нашего современного положения заключается в том, что «о свободе» у нас судят по революции, а о национализме – по черносотенству»*. Националисты, как видим, не только признавали Манифест 17 октября 1905 г., но и считали нужным дальнейшее расширение прав и свобод. На утверждения о том, что русский народ «не готов», «еще не созрел» до гражданских свобод, Строганов отвечал: «Народ, создавший величайшую в мире империю, заслонивший своей грудью Европу от татарского погрома, спасший ту же Европу от наполеоновского ига, наконец – создавший длинный ряд гениальных людей во всех отраслях искусства и науки, до сих пор считается незрелым для участия в управлении... Не революционеров, полуграмотных, загнанных, осатанелых в своей злобе и ненависти, можно упрекнуть в пристрастии к отвлеченным теориям, а наше просвещенное чиновное правительство. Именно оно погрязло в теории, заимствованной с Запада – о невежестве и негодности русского народа для созидательной государственной работы»**.

Негодование Строганова разделяли и другие националисты. При этом многие из них, в духе славянофильства, вспоминали традиции древнерусского самоуправления – веча, посадской общины, казачьего круга и т. д. Националист Н. И. Герасимов в своем докладе, выразительно названном «В защиту русского национализма», резко полемизировал с черносотенцами: «Крайне правые упрекают нас в сочувствии народному представительству. Это правда, но мы видим в созыве Государственной Думы не заимствованное, чуждое политическое начало, мы узнаем здесь возрожденный добрый обычай Старой Руси, чуем прежнюю родную дорогу московскую»***.

В целом националисты считали необходимым не только демократизировать российское государство, но и демократизировать русское национальное движение и свою партию. Профессор П. И. Ковалевский прямо говорил: «Русская национальная партия первее всего должна стать народною демократическою партией, и только в таком случае она будет иметь право называться национальной»****.

* Строганов В. Русский национализм. Его сущность, история и задачи. СПб., 1912. С. 21, 23.

** Там же. С. 105-106.

*** Герасимов Н. И. Ук. Соч. С. 15.

**** Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание. СПб., 1912. С. 89.

Тему национально-демократической партии подробно развил бывший трудовик Г. В. Локоть в брошюре «Оправдание национализма» (1910) (кстати, на экземпляре брошюры, хранящейся в Российской национальной библиотеке, есть посвящение автора октябристскому лидеру А. И. Гучкову). По словам Локтя, «основной средой, в которой будет расти национально-демократическое мировоззрение, конечно, будет являться главным образом имущественная, хозяйственная масса демократии и с точки зрения именно ее интересов истинный демократизм в настоящее время вне национализма немыслим»*.

Как легко догадаться, под «имущественной, хозяйственной массой демократии» имеются в виду мелкие и средние предприниматели, квалифицированные рабочие, зажиточное крестьянство и национально мыслящая интеллигенция. Демонстрируя эрудицию, националисты называли свою социальную опору демократией, напоминая, что в Древней Греции под «демосом» имелся в виду не весь народ античного полиса, а лишь его имущая часть. Пролетариат неимущий и поэтому космополитичен**, писали националисты и считали необходимым принятие мер по увеличению культурного и материального уровня рабочего класса, что сделает его националистичным.

Таким образом, трудящиеся собственники, которых националисты называли «демосом» или «демократией», а современные социологи средним классом, являлись главным носителем национальной идеи. Нетрудно заметить, что именно эти же слои были опорой «Черной сотни». Но вспомним, что в черносотенном движении, в силу особенностей его появления в период революции, были представлены все социальные слои, а не только «демос» и самое главное – мелкие собственники в «черных сотнях» по преимуществу происходили из традиционного сектора народного хозяйства и упорно цеплялись за старый патриархальный быт. Националисты же решительно делали ставку на просвещенный зажиточный слой, поднявшийся в годы столыпинских реформ. На тот исторический момент «демократия» в России действительно представляла собой все современное и прогрессивное. Националисты чувствовали себя вполне уверенно и с оптимизмом смотрели вперед. «Мелко и среднеимущая демократия в России должна быть национальной и она будет национальной, как бы ни шла вразрез с этим даже вся русская интеллигенция! – продолжал Г. В. Локоть. – Русская национальная демократия должна в близком будущем представлять одну из самых крупных политических партий России. Думская фракция националистов по своей пока еще слабо и неявно выраженной идео-

---

* Локоть Т. В. Оправдание национализма. Киев, 1910. С. 23.

** Ковалевский П. И. Психология русской нации. Пг., 1915. С. 11.

логии и программе представляет уже до известной степени прообраз будущей Национал-Демократической партии. Защита национальных интересов русского коренного населения, т. е. и русской имущей демократии, характеризующей фракцию националистов, позволяет нам считать ее думским ядром будущей партии. Зародыши же этой партии совершенно явственно видны во многих существующих уже русских политических организациях, начиная от Союза Русского Народа и кончая даже трудовой группой*. «Все у нас найдется – и люди, и капиталы, и энергия, когда мы почувствуем себя полноправными гражданами»**, – уверенно добавлял В. Строганов.

На какой же платформе собирались националисты привлечь на свою сторону «демос» и создать могучую партию? Националисты не касались теорий «всемирного заговора» или происков «жидо-масонов», этих излюбленных тем черносотенцев. Главные задачи национализма были вполне конкретны и реалистичны. «Первейшая и главнейшая задача русского национализма заключается в окончательном утверждении тех прав гражданской свободы, которые были дарованы русскому народу Манифестом 17 октября»***, – писал В. Строганов. Он же перечислял необходимые первоочередные реформы, которые следовало провести в России – создать более мелкие, чем губернские, административные единицы, поднять образовательный ценз провинциальной администрации, разрешить женщинам доступ к государственной службе.

Более подробную платформу националисты изложили в своем сборнике «Ладо» с подзаголовком «Сборник литературно-общественный, посвященный нарождающейся русской национал-демократии», вышедшем в 1911 г. В отличие от знаменитых «Вех» выход «Ладо» остался незамеченным, что во многом объяснялось узкопартийной ориентацией сборника и отсутствием значимых произведений в его литературной части. И тем не менее программные требования национал-демократии в сборнике были обозначены четко: неделимость России, укрепление Россией своего культурного влияния в Азии и активная политика на славянском Востоке, выделение Холмской губернии из Царства Польского и обособление Сувалкской губернии, тесное национально-культурное единение с Червонной Русью (Австрийской Галицией).

Требования национал-демократов в государственном устройстве были такие: расширение прав Государственной Думы, распространение земского самоуправления на всю территорию России, включая Кавказ и Сибирь, свобода вероисповедания, отмена смертной казни, всеобщее

*Локоть Т. В. Указ. соч. С. 52, 54.

** Строганов В. Указ. соч. С. 143.

*** Строганов В. Указ. соч. С. 108.

4-хлетнее образование, прогрессивный подоходный налог, создание министерства труда для решения рабочего вопроса и т. п.*

Действительно, впечатляющий план реформ. В сущности, именно такие реформы проводил и задумывал провести П. А. Столыпин. Не случайно именно националисты были главной опорой реформатора в Государственной Думе.

Националисты отчасти даже оправдывали революцию 1905–07 гг., видя главную беду революции в ее классовом, а не национальном характере, – «национализм... – это то, что не хватило нашей революции»**.

Причина ненационального характера большинства русских политических движений и вообще бед России – «антинациональный дух передовой интеллигенции... Наша интеллигенция, у которой нет ни национальной веры, ни культа Отечества, ни заветных преданий, становится слепым орудием в руках тех, кто воспламенен фанатизмом своей религии и национального культа – в руках евреев, поляков, финнов»***. Националисты обвиняли космополитическую интеллигенцию в эгоизме: «Не истина и тем более не демократизм космополитического мировоззрения, по существу, возбуждающий серьезные сомнения, вызывают ожесточенное противодействие самому принципу национализма, а только желание деспотически властвовать над общественным сознанием»****. Г. В. Локоть сделал краткий экскурс в историю русской национально-мыслящей интеллигенции. По его мнению, западники и славянофилы, боровшиеся против крепостного права, которого не знали инородцы, были уже национал-демократами. С Каткова единая прогрессивно-демократическая интеллигенция разделилась на два течения – космополитически-прогрессивное и национально-консервативное, из которых первое оспаривало для себя исключительную честь считаться демократическим, а второе совершенно напрасно и даже мало основательно стало отказываться от этой чести*****.

Напоминая, что либералы и тем более революционеры не ценят преимущества третьиюньской системы по сравнению с прежним неограниченным самодержавием, Г. В. Локоть справедливо пишет, что правое крыло русской интеллигенции оберегает интересы русских, допускает принцип народного представительства и, следовательно, яв-

* «Лада». СПб., 1911. С. 175–179.

** Строганов В. Указ. соч. С. 10.

*** Герасимов Н. И. Указ. соч. С. 5, 6.

**** Локоть Т. В. Указ. соч. С. 9.

***** Там же. С. 10.

ляется более демократичным, с точки зрения современной демократии, чем космополиты-прогрессисты.

Общий вывод националистов по отношению к интеллигенции был ясен: нужно национальное воспитание и просвещение русского «умственного слоя». По этой же причине националисты критиковали и авторов «Вех», практически проигнорировавших национальные задачи России и оставшихся космополитами, сменившими материализм на христианство.

Но в целом с присущим им оптимизмом националисты были уверены в национальном перевоспитании интеллигенции: «Народные массы, народные демократические группы в конце концов подчинят себе интеллигентные группы, и общественно-политическое воззрение интеллигенции неизбежно должно будет включать элементы национализма»*. За этой уверенностью националистов стояла тенденция «поправления» еще недавно радикальной интеллигенции, которая впервые в истории заговорила не только о правах, но и о значении сильного государства.

Т. В. Локоть считал возможным завоевание национальными идеями и рабочего класса, допуская возможность появления национальных течений и в рабочих партиях. По его словам, «даже русская социал-демократия, особенно поскольку русский рабочий пролетариат является не полным пролетариатом, а до известной степени сохраняет связь свою с имущественной хозяйственной демократией – может дать почву для национальных течений в своей среде»**. Не без зависти националисты приводили пример германской социал-демократии и рабочего движения, пророчески предсказывая, что поскольку при всей преданности идеям социализма немецкий социал-демократ чувствует себя прежде всего немцем, то в случае внешней войны германский рабочий класс поддержит правительство. Как известно, именно так и случилось в августе 1914 года.

Суть внутренней политической программы националистов образно выразилась в короткой фразе: «Наша программа заключается в трех словах с одним союзом – Единая и Неделимая Россия».

Сепаратистские настроения в ряде окраин России вызывали тревогу у националистов. Особо волновала их активизация украинского национализма, учитывая многочисленность населения малороссийских губерний и их значительный промышленный потенциал. Для националистов эта тема тем более была актуальна, учитывая, что Национальный Союз и клубы русских националистов были особенно влиятельны именно в Малороссии. Большинство националистов-депутатов Думы

---

* Там же. С. 52.

** Там же. С. 23.

также были избраны с избирательных округов на территории современной Украины, и многие из них были по происхождению малороссами (слово «украинцы» в устах националистов означало «самостийников»).

По «украинскому» вопросу националисты были категоричны – такого вопроса не существует по причине отсутствия украинской нации. Как выразился в докладе в Национальном клубе Киева 7 февраля 1913 г. профессор И. А. Сикорский, «этнографический термин «украинцы» за отсутствием самого объекта, т. е. этнографически особого народа, не имеет основания существовать, а обозначение территории именем «Украины» потеряло свою первоначальную административную надобность, а потому самый термин представляется бесполезным, подобно наименованию «Священной Римской Империи» или «Московского государства»*.

Впрочем, большинство националистов все же признавали определенную культурную историческую особенность украинцев, но считали их всего лишь территориальной группой русских, наподобие швабов или баварцев среди немцев, венецианцев или неаполитанцев среди итальянцев или гасконцев или провансальцев во Франции. Соответственно украинские язык и литература считались областническими диалектами, имеющим региональную литературу, что было действительно характерно для ряда западноевропейских стран.

Об украинском языке, на котором известный самостийник М. С. Грушевский писал свои книги, филолог А. С. Будилович писал, что «по своему составу и строю жаргон этот приблизительно так же относится к нашему образованному языку и даже речи Шевченко, как жаргон еврейский к языку немецкому»**. В целом украинская «мова» была для националистов областным диалектом и не более.

Общее суждение националистов было таково – русский народ в составе велико-, мало- и белорусов представляет собой этнографическое целое, единое в расово-антропологическом, языковом и религиозном плане. Сам факт деления русской нации на три ветви свидетельствовал об особой силе и крепости нации, ее будущем величии.

Раскритиковав «украинство», националисты поневоле обратили внимание на последние восточнославянские (русские, в их терминологии) земли, находящиеся под иноземным владычеством. Речь шла об Австрийской Галиции (в XIV веке называемой Червонной Русью), Буковине и Закарпатье или Карпатороссии. (Поскольку Закарпатье находилось под властью венгерской части Габсбургской империи, ее часто называли Угорщиной.) Для национал-демократов галицийская пробле-

* Сикорский И. А. Русские и украинцы. (Глава из этнологического катехизиса). Киев, 1913. С. 51.

** Будилович А. С. О единстве русского народа. СПб., 1907. С. 17.

ма носила не только этнографический или религиозный характер, как, напр., для славянофилов, но еще и социальный. Напоминаем, что галицийские русины и карпатские угрорусы (термин «украинцы» обозначающий население современных областей Западной Украины, утвердился лишь с 20-х гг.) не только находились под властью чужого государства, но и весь господствующий класс в этих землях был инонационален. Поэтому националисты по-своему логично доказывали, что в случае присоединения этих земель к России (а учитывая надвигающуюся Первую мировую войну, эта перспектива казалась вполне реальной) в Галиции и Закарпатье должна произойти своеобразная **демократическая** революция в виде усиления «трудового русского элемента». Освобождение Галиции и Закарпатья являлось для националистов одной из первоочередных задач. С их точки зрения, Россия делилась на две неравные части – Русь Державная (Российская империя) и Русь Подъяремная (Галиция). И, как писал П. И. Ковалевский, «доколе наши братья будут стонать в Галиции и Угорщине, мы не имеем права считать себя успокоенными и в государственном плане окончательно устроенными»^{*}. Только с воссоединением в одном государстве всех восточных славян закончится начатое еще Иваном Калитой «собрание Руси».

Как видим, внешнеполитические задачи были сформулированы достаточно определенно, в духе заветов Н. Я. Данилевского – ликвидация Австро-Венгрии и возвращение Подъяремной Червонной Руси в русское государство. По отношению к остальным славянам националисты не высказывались, считая главной своей задачей воссоединение и развитие русской нации. Лишь в Первую мировую войну академик К. Я. Грот (член Русского Собрания) выразился со всей определенностью: «Если Провидению угодно будет призвать Россию вскоре к осуществлению коренных преобразований политической карты Карпато-Дунайских земель, то на ее долю выпадет великая и ответственная роль в деле созидания там прочного порядка вещей и новых **независимых** национально-политических единиц или групп – в прямом соответствии с народными интересами и национально-историческими правами наших братьев-славян, австрийских и венгерских»^{**}. Речь шла, как видим, не об аннексии западно- и южнославянских земель, а о создании независимых государств.

При своем русском этноцентризме националисты не игнорировали многонациональность России. Программа в отношении иноплемен была проста: «Мы хотим их обрусения... Обрусить – значит

^{*} Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание. СПб., 1912. С. 171.

^{**} Грот К. Я. Австро-Венгрия или Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях. Пг., 1914. С. III–IV.

сделать инородцев по своим убеждениям русскими... Ни под каким видом мы не должны давать инородцам больше прав, чем имеем их мы, русские... Инородческая автономия, кроме того, есть первая ступень к распаду России*. И общий вывод националистов – инородцы должны быть наделены всеми правами и в том же объеме, которым пользуется русское население**. Итак, «обрусение» инородцев не означало принудительную ассимиляцию, а только превращение их в русских по убеждениям. Отличие от черносотенцев заключалось лишь в том, что националисты добивались расширения прав и свобод для граждан России, а черносотенцы – уравнивания в правах всех подданных царя путем ликвидации привилегий некоторых категорий населения окраин.

По еврейскому вопросу у националистов не было особых расхождений с черносотенцами, если не считать того, что их антисемитизм был более, если можно так выразиться, интеллектуален. Часть националистов даже выступала с осуждением суда над Бейлисом, справедливо полагая, что обвинение в ритуальном убийстве только нанесет урон репутации правых. Националисты не скрывали **экономическую** сторону своего отрицательного отношения к евреям, видя в них главного противника национальных демократических элементов. Уже после Октябрьской революции, находясь в эмиграции, один из думских лидеров националистов, В. В. Шульгин в своей книге «Что нам в них не нравится...» в достаточно корректной форме и на высоком уровне изложил кредо националистов на еврейский вопрос. (Эта книга была издана в нашей стране в 1992 г. Разумеется, переиздавшими было издательство, принадлежавшее национально-республиканской партии – одной из первых национально-патриотических партий постсоветской России).

Наконец, националисты, пожалуй, первыми обратили внимание на то, что Россия вплоть до начала XX века была страной иммиграции, в которую сотнями тысяч переселялись армяне, греки, южные славяне и пр. Националисты обращали внимание на формирование на окраинах империи многотысячных диаспор, не внушающих доверия в политическом плане. В самом деле, многие тысячи армян, бежавшие от турецкого ига на российский Кавказ, пополняли ряды террористов из «Дашнакцутюн» и других экстремистских партий. Заполнение иммигрантами многих городов и даже сельской местности затрудняло «обрусение» инородцев, а порой иммигранты сами оказывали ассимилирующее влияние на население российских окраин. Наконец, в свете

* Строганов В. Указ. соч. С. 146–147, 149.

** Там же. С. 149.

назревающей войны с Германией у националистов вызывала подозрение лояльность России двухмиллионной, влиятельной и богатой немецкой общины в России.

Позицию националистов в отношении иммиграции сформулировал П. И. Ковалевский: «С давних пор Россия с распростертыми объятиями принимала всех переселенцев славян, армян и пр. Довольно! Эта политика должна быть прекращена навсегда. Все эти переселенцы в России остаются прежними армянами и проч. Этого впредь не должно быть. Кто желает жить в России, тот должен стать русским»*.

Забывая о приоритете коренной русской нации в России националисты не склонны были подробно останавливаться на политическом устройстве России, хотя в большинстве своем они были монархистами. «Доказывая необходимость гражданской свободы для возрождения России, я ни на одну секунду не допускаю мысли, что у нас может быть иной образ правления, кроме монархического», – уверял В. Строганов**. Однако монархия в их представлении была конституционной и при этом постоянно эволюционирующей в сторону расширения демократических свобод. Именно это было совершенно ересью для признавших Думу черносотенцев, главным пунктом расхождения двух течений русской правой.

* * *

Как видим, националисты были буржуазными демократами-реформистами. Они были устремлены в будущее, и сам их национализм не имел характера изоляции народа от разлагающего влияния. Скорее напротив, националисты справедливо указывали, что в XX в. лишь хозяйственно и культурно прогрессирующая нация сможет считаться великой.

Закономерен вопрос – что же отличало националистов от других умеренно правых партий, т. е. октябристов и части кадетов? В сущности, в идеологии расхождения националистов с октябристами почти отсутствуют, с кадетами существовала масса совпадений, особенно по внешнеполитическим задачам России. Единственным отличием было лишь то, что прагматичные националисты не склонны были абсолютизировать те или иные экономические и политические теории. С октябристами у националистов были лишь тактические расхождения (по западному земству и пр.).

Так что теоретически вполне возможным было создание на базе слияния националистов, октябристов, части черносотенцев и даже час-

---

* Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание. С. 183.

** Строганов В. Русский национализм, его сущность и задачи. С. 22.

ти кадетов Национал-демократической партии, опирающейся именно на демократические элементы российского общества.

Но времени на такое развитие партий не хватило. К началу Первой мировой войны националисты представляли собой штаб без армии – влиятельную думскую фракцию, сеть клубов, сочувствующую прессу, но чисто партийных организаций фактически не существовало. В своем сборнике «Ладо» националисты жаловались, что их пропагандисты не были дальше Нарвской Заставы, не существует единой партийной газеты (хотя и выходил «Вестник ВНС», но он был скорее бюллетенем, сводкой партийных сообщений; газеты «Националист» и «Правда» (орган Псковского отдела) не стали общепартийными). ВНС испытывал финансовые трудности. Основным источником доходов ВНС были личные средства председателя Главного Совета ВНС П. Н. Балашова. За прошедшие несколько лет ситуация не изменилась. Начавшаяся война, вызвавшая первоначально всплеск патриотических настроений, все же не благоприятствовала партстроительству, особенно в условиях разорения и обнищания «демократии», да еще в условиях деградации монархии Николая II. Летом 1915 г. думская фракция националистов раскололась и часть ее во главе с В. В. Шульгиным вошла в союз с октябристами и кадетами в составе т. н. «Прогрессивного блока». В стремительно левеющей и идущей к революции стране это стало концом несостоявшейся партии.

Тем не менее определенные элементы идейного багажа националистов неожиданно возродились у части современных национал-патриотов, ориентированных на экономическое развитие России по западному образцу при полной политической самостоятельности Державы, с меньшим упором на традиционные ценности политической демократии в сочетании с приоритетом интересов нации перед правами индивида и пр.

Глава III

ПРАВЫЕ И ПРАВОРАДИКАЛЬНЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ В БЕЛОМ ДВИЖЕНИИ И ЭМИГРАЦИИ

«Белая идея»

Огромное место в воззрениях сегодняшних русских правых занимает своеобразная белогвардейская романтика.

Собственно, уже когда в советских художественных фильмах появились вызывающие симпатию образы белых офицеров, а в городской песенный фольклор вошел трагический белогвардейский романс, можно было говорить о начале формирования правой субкультуры в СССР. Особенно нужно обратить внимание на то, что вся эта «белогвардейщина» была следствием подъема русофильства 60–70-х годов. Так же весьма показательно, что определенная реабилитация белых в общественном сознании никак не была связана с развернувшимся в те же годы диссидентством, поскольку темы «отказников», права на эмиграцию, свободу абстрактного искусства и прочих пунктов диссидентских требований никакой родственной связи с историческими белыми не имели. И не случайной была та неприязнь, с которой доживавшие свой век за границей белые эмигранты встречали приехавшую по «израильскому каналу» пресловутую «третью волну» эмиграции 70-х годов.

В годы перестройки также тему белых предпочитали рассматривать патриотические издания («Наш Современник», «Литературная Россия», «Кубань» и т. д.). Многочисленные военно-исторические общества, нередко в белогвардейских мундирах, в полном составе совершающие походы по «местам боевой славы» различных белых армий, стали кадровыми школами для пополнения рядов национально-патриотических организаций.

И, наконец, само понятие «белые» стало обозначать всю некоммунистическую правую оппозицию Ельцину. Уже в 1991–92 годах на страницах главного органа оппозиции газеты «День» (ныне «Завтра») звучали призывы к объединению «красных» и «белых» противников режима. Призывы эти не оставались без ответа. На съезде Фронта Национального Спасения в октябре 1992 года было объявлено (и как оказалось, преждевременно) об окончании Гражданской войны и примирении «красных» с «белыми».

Но что же такое «Белая идея» и заслуживают ли национал-патриоты имя «белых»? При изучении весьма многочисленных документов Белого движения бросается в глаза отсутствие какой-либо четко разработанной программы. У белых мы видим хорошо выраженную негативную часть идеологии – критика большевизма, часто справедливая и яркая. Но насчет постбольшевистского устройства России преобладают общие расплывчатые фразы. Будущее государственное устройство России белые вожди не решались называть (хотя в большинстве своем они оставались монархистами), и поэтому ключевым понятием в их идеологии было слово «непредрешенчество», т. е. намеренный отказ от конкретизации грядущего строя.

Подобное непредрешенчество объяснялось и стремлением не допустить обострения разногласий между антибольшевистскими силами и идеологической некомпетентностью белых вождей, в своем большинстве способных военачальников, но никудышных политиков и совершенно негодных пропагандистов. Но наряду с этим, вероятно, важнейшая роль в провозглашении непредрешенчества принадлежала тому обстоятельству, что по природе своего рождения и своих идеалов Белое движение и не могло, подобно одной партии, опираться на одну конкретную доктрину. В 1917–18 годах Белое движение возникло как реакция значительной части патриотически настроенных военных, интеллигенции и лишь в меньшей степени буржуазии на крушение российской государственности и Брестский мир. «Белой идеей» можно считать не теорию, а образ мысли, отношение к действительности, нечто вроде служения одной вечной России, великой, единой и неделимой, и борьбу с ее врагами внутри и вовне страны. Именно патриотический характер движения привел в белые армии прапорщиков и штабс-капитанов, выходцев из разночинских семей, не имевших ни родовых поместий, ни капиталов, ставших, тем не менее, стовым хребтом этих армий. Участие же в движении буржуазии и помещиков вообще было минимальным (большинство представителей свергнутых классов или убрались подобру-поздорову за рубеж, или же ждали, когда белые генералы вернут им утраченное, не предпринимая ничего)!

Разумеется, белое движение при всей своей идеологической аморфности было целиком правым движением, отрицательно относящимся ко всем проектам социального переустройства страны и мира. Уже одно название – Белая гвардия говорило о многом. Напомним, что впервые понятием «белые» стали обозначать роялистов во времена Великой Французской революции (по цвету кокарды на их шляпах). Кстати, и при той революции сторонники Ancien Regime, воюющие против революции, по большей части не принадлежали к привилегированным сословиям Франции. «Белые» Французской революции состояли из крестьян Вандеи и мелких провинциальных буржуа. В России и революционеры, и контрреволюционеры были воспитаны на французском примере, и вполне естественным было широкое заимствование политической терминологии из словаря Французской революции.

Еще в августе 1906 года в Одессе боевые дружины местных черносотенцев, ведущие уличную войну с левыми, называли себя «Белой гвардией». В октябрьские дни 1917 г. такое же название носил студенческий боевой отряд, сражавшийся с красными в Москве. Таким образом, название для вооруженного движения против революции уже было готово.

В чем же конкретно заключалась русская «Белая идея», принципиально не предрешающая будущее социально-политическое устройство страны?

Первым манифестом русских белых может считаться манифест генерала Л. Г. Корнилова 27 августа 1917 года, т. е. еще до взятия власти большевиками. Манифест по-солдатски краток и лапидарен: «Я, генерал Корнилов, верховный главнокомандующий, заявляю, что беру власть в свои руки, чтобы спасти Россию от гибели. Временное правительство идет за большевистским Советом рабочих и солдатских депутатов. Временное правительство – шайка германских наймитов. Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, люблю свою Родину и доведу русский народ до Учредительного Собрания... Приказываю не исполнять распоряжения Временного правительства».

Как видим, никакой политической и тем более экономической программы у Корнилова не было, да и не могло быть. Происходящие события – болтливую керенщину, крушение государственности и армии, вполне реальная перспектива прихода к власти партии, откровенно провозглашающей поражение своего правительства, – вызвали у честного офицера естественную реакцию. Наведение порядка в тылу, реорганизация армии и продолжение войны с Германией до победного конца – вот и вся суть корниловской программы. Большевиков генерал рассматривал не более чем германских агентов, аграрный и рабочий вопросы поднимать во время войны он считал неуместным, а об экономическом строе

он вообще не высказывался, поскольку не представлял себе никакого другого, кроме того, что ему был знаком.

Кроме выступления Корнилова будущее белое движение готовилось различными офицерскими группами, среди которых особенно выделялась т. н. «алексеевская организация», названная по имени ее лидера, генерала М. В. Алексеева, будущего основателя Добровольческой Армии. Все эти организации возникли еще до прихода к власти большевиков и были направлены в первую очередь против Временного правительства. Датой начала Белой борьбы считается 2 (15) ноября 1917 г., когда обосновавшийся в Новочеркасске М. В. Алексеев начал формирование Добровольческой Армии, враждебной не только большевикам, но и «демократической контрреволюции». То, что белое движение началось уже через неделю после переворота в Петрограде, когда еще шли бои в Москве, а в большей части страны сохранялась власть Временного правительства, означает основательную подготовку готовящегося выступления.

Но белая идеология не намного отличалась от манифеста Корнилова. В подписанной весной 1919 года генералом А. И. Деникиным листовке «За что мы боремся» говорилось следующее:

«1) Уничтожение большевистской анархии и водворение в стране правового порядка.

2) Восстановление могущественной Единой и Неделимой России.

3) Созыв народного собрания на основе всеобщего избирательного права.

4) Проведение децентрализации власти путем установления областной автономии и широкого местного самоуправления.

5) Гарантия полной гражданской свободы и свободы вероисповедания.

6) Немедленный приступ к земельной реформе для устранения земельной нужды трудящегося населения.

7) Немедленное проведение рабочего законодательства, обеспечивающего трудящиеся классы от эксплуатации их государством и капиталом»*.

Два последних пункта, слишком общих и абстрактных, понадобилось расширить и конкретизировать, но и в расширенном виде аграрная и рабочая программы производили, скажем так, невдохновляющее впечатление именно у тех классов, на которых были рассчитаны. Так, в аграрной программе Деникина говорится о создании и укреплении мелких и средних хозяйств за счет казенных и частновладельческих

---

* Сборник российских политических программ 1917–1955 гг. «Посев». Выб. 1991. С. 44–45.

(т. е. помещичьих) земель, но отчуждение земель должно происходить «обязательно за плату». Крестьяне из этой программы могли сделать и сделали вывод о том, что даже если Деникин и не вернет назад землю помещикам, как утверждали большевистские агитаторы, то по крайней мере заставит их платить за землю, которую крестьяне уже считали своей, совсем как в 1861 г. Легко было понять, что симпатии крестьянства оказались на стороне большевиков, поскольку все мобилизации и продразверстки, начало которым было положено еще при царе, рассматривались лишь как меры военного времени. Зато победа белых означала если не возвращение барина, то долговую кабалу на десятилетия.

В той же программе Деникина в рабочем вопросе самой первой мерой предлагалось «восстановление законных прав владельцев фабрично-заводских предприятий и вместе с тем обеспечение рабочему классу защиты его профессиональных интересов». Затем шли требования установления госконтроля за производством и «повышения всеми средствами производительности труда»*. Фактически это означало возвращение прежних хозяев, введение жесткой производственной дисциплины под государственным контролем и усиление эксплуатации. Именно так и поняли белогвардейскую программу рабочие. После этого содержащиеся в программе суждения об установлении 8-часового рабочего дня, развитие страхования рабочих, повышения роли профсоюзов и т. п. уже не могли казаться привлекательными.

Бесспорно, и аграрная, и рабочая части программы были реалистичны, но с пропагандистской точки зрения были самым уязвимым местом. По двум самым болезненным социальным проблемам дореволюционной России белые не противопоставили никакой позитивной альтернативы большевизму. И хотя вряд ли белые вожди собирались вернуть помещикам их земли (благо, никто из командующих белыми армиями не был помещиком), но и без всякого большевистского агитпропа крестьяне, колеблющиеся еще в 1918 году, в следующем году твердо стали на сторону большевиков. Восстановление «прав владельцев» промышленных предприятий вызывало отнюдь не только у пролетариев воспоминание о промышленном параличе и развале 1915–17 годов. Тезис о неизменном превосходстве частных хозяйств перед государственными 90 лет тому назад вызвал бы у русских людей недоумение.

Итак, Белая гвардия повторила ошибки правых предшествующих десятилетий, не обращавших внимания на социальные вопросы, казавшиеся такими незначительными в сравнении с великими державными задачами! Упор в своей пропаганде белые делали на патриотизм, но, как мы увидим далее, и у красных, особенно на окраинах, несмотря на все их лозунги интернационализма, также присутствовал и патрио-

* Указ. соч. С. 46.

тизм. Откровенная иностранная поддержка белых режимов и присутствие иностранных войск в составе белых армий в значительной степени нейтрализовали эффект от патриотических лозунгов Белого движения.

В самом конце Гражданской войны генерал П. Н. Врангель пытался, наконец-то, проводить в жизнь серьезные социальные реформы, называя это «левой политикой, сделанной правыми руками». В свое правительство он привлек ряд известных правых деятелей. В частности, гражданским премьером его правительства стал А. В. Кривошеин, сподвижник П. А. Столыпина, занимавший у него пост министра земледелия и землеустройства, т. е. главный проводник в жизнь столыпинской аграрной реформы. Министром иностранных дел стал правый кадет П. Б. Струве. Внешне это все выглядело как заявка врангелевского правительства на проведение серьезных социальных реформ.

Первой мерой был врангелевский «Закон о земле» от 25 мая (7 июня) 1920 года, в соответствии с которым земля передавалась тем, кто ее обрабатывает. Однако торжественные слова: «Всякое владение землей сельскохозяйственного пользования, независимо от того, на каком праве оно основано и в чьих руках оно находится, подлежит охране правительственной власти от всякого захвата и насилия. Все земельные угодья остаются во владении обрабатывающих их или пользующихся ими хозяев»*, сменялись оговорками и дополнениями, в значительной степени сводившими на нет обещание земли. По врангелевской реформе, крестьянин должен был платить за землю 1/5 часть урожая в течение 25 лет (!). Только после этого крестьянин становился собственником земли. Это было очень революционно для 1905 года, но в 1920 году, к тому же в условиях, когда белые контролировали только Крым, это было слишком мало и слишком поздно.

О целях своей борьбы Врангель объявил в своем приказе-обращении от 20 мая (2 июня 1920 г.):

«Слушайте, русские люди, за что мы боремся.

За поруганную веру и оскорбленные ее святыни.

За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших Святую Русь.

За прекращение междоусобной брани.

За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы Русский народ сам выбрал бы себе ХОЗЯИНА.

Помогите мне, русские люди, спасти Родину!»**

---

* Акулов М., Петров В. 16 ноября 1920 г. М., 1989. С. 19.

** Сборник российских политических программ. С. 48.

В этом патетическом воззвании нет ничего, что было бы привлекательно для народных масс на третьем году Гражданской войны. Даже объявленное желание, чтобы крестьянин на собственной земле «занялся бы мирным трудом», не производило впечатление, поскольку до этих мирных занятий могли пройти еще многие годы войны, а победа Врангеля не казалась возможной. Слово ХОЗЯИН, выделенное в тексте, недвусмысленно указывало конечную цель Врангеля – восстановление монархии. Мощный патриотический всероссийский подъем 1920 года вызвал не врангелевский поход, а советско-польская война. Врангель в этих условиях выглядел как союзник вторгшихся в Россию иноземцев, хотя никаких обязывающих соглашений с Польшей он, к своей чести, не имел. Так что обращение к патриотизму в условиях войны с внешним врагом Советской России для белых было скорее неуместным.

И наконец, какими бы заманчивыми ни выглядели врангелевские реформы, после многолетних внешних и внутренних войн и политических потрясений россияне были готовы, подобно французам на излете своей Великой революции, поддерживать любой режим, при котором есть что есть. Не желающие прекращать проигранную войну врангелевцы объективно превратились, вопреки своему патриотизму и несомненной честности основной массы бойцов, во врагов своей страны.

***

Итак, под белым движением можно понимать борьбу (не обязательно вооруженную) против практики общественного переустройства на основании умозрительных концепций, противопоставляя им не другие теории, а идеал чистоты служения стране и народу.

Однако, вопреки намерениям самих белых, Белая идея все равно ассоциируется с ностальгией по старому порядку, противопоставлением хаосу и смуте революционных потрясений. Отсюда – и невольный реставраторский характер движения с его опорой на традиционный национальный уклад. Националист В. В. Шульгин, ставший в годы Гражданской войны идеологом движения, писал: «Ведь, в сущности, вся Белая идея была основана на том, что «аристократическая» часть нации удержится среди кабацкого моря, удержится именно белой, несокрушимой скалой. Удержится и победит своей белизной. Под аристократической честью нации надо подразумевать все лучшее, все действительно культурное и моральное, порядочное без кавычек. Но среди этой аристократии доблести, мужества и ума, конечно, центральное место, нерушимую цитадель должна была бы занять родовая аристократия, ибо у нее в кро-

ви, в виде наследственного инстинкта, должно было бы быть отвращение ко всяким мерзостям»*.

Можно констатировать, что Белая идея была устремлена в светлое прошлое, была подчеркнута национально-патриотической и склонна не замечать социальные проблемы внутри нации. В противоположность «Красная идея» большевизма была целиком устремлена в будущее и совершенно отрицала прошлое («Отречемся от старого мира!»), ее интернационализм был склонен игнорировать национальные особенности страны и гипертрофированное внимание уделял социально-классовым проблемам. В определенном смысле обе идеи были каждая по-своему односторонней и в положительном, и в отрицательном смысле.

Современные национал-патриоты являются прямыми последователями Белой гвардии 1918–22 гг. в том смысле, что так же делают упор на национально-державные интересы, не предрешают будущее пост-ельцинистское государственное устройство, бравируют своей нелюбовью к теории при обилии мнений о причинах бедствий России, исповедуют культ традиционной России (причем нередко не исторической, а существующей как спроецированный в прошлое идеал), что приводит их к стремлению возродить казачество, дворянство, придать Православию статус государственной Церкви и, для некоторых патриотов, восстановить монархию. Превознесение императорской России приводит современных белых к необъективной критической оценке советского периода русской истории. Именно в этих исторических оценках и заключается все принципиальное расхождение современных белых и красных.

Идейное наследие белой эмиграции. И. А. Ильин

Военное и идейное поражение белого движение означало второй сокрушительный разгром правых. Те из белых (к которым теперь победившие большевики относили чуть ли всех своих противников, в т. ч. других левых), кто не погиб на войне и не попал под шестерни красного террора, оказались выброшены за пределы России, составив 2-миллионную т. н. «белую эмиграцию».

История, культура и идеологические течения Русского Зарубежья привлекают все больше внимания и специалистов, и широкой общественности. Со второй половины 80-х гг. в российских общественных науках темы вклада эмиграции в те или иные области науки и культуры, заняли одно из ведущих мест. Впрочем, научное исследование всего ин-

---

* Шульгин В. В. Годы. М., 1979. С. 293.

теллектуального наследия белой эмиграции еще только начинается, но уже одно можно сказать твердо: без возвращения в Россию богатейших культурных ценностей, сохраненных или развитых за рубежом, невозможно полнокровное развитие современного российского общества.

Для нашей темы изучение политической философии русского зарубежья представляет особый интерес. Во-первых, в силу обстоятельств, послеоктябрьская политическая эмиграция носила определенно выраженный *правый* характер, во-вторых, в силу своеобразного «естественного отбора» интеллектуальный уровень эмиграции оказался невероятно высоким, поскольку среди покинувших Россию оказался действительно цвет нации. В-третьих, как справедливо заметил современный исследователь политических идеологий эмиграции Н. А. Омельченко, «даже самый беглый анализ дискуссий в современной России показывает, что многие «новейшие» модели и концепции развития страны отнюдь не являются новыми. Впервые они были всесторонне и талантливо разработаны русскими эмигрантами, которые в отличие от некоторых сегодняшних публицистов и «прозревших» политиков пытались проникнуть в суть явлений, а не ограничиваться внешними сторонами»^{*}.

Учитывая необъятность затронутой темы, мы остановимся лишь на некоторых именах и отдельных концепциях эмигрантских мыслителей, идеи которых широко распространены среди современной русской правой.

Первым в этом списке можно назвать имя Ивана Александровича Ильина (1883–1954), произведения которого на Родине начали публиковаться лишь в 1989 г. (Следует заметить, что и на Западе И. А. Ильин был почти неизвестен. Лишь в 1989 году в США вышла книга М. П. Полторацкого «И. А. Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение», освящающая его жизнь и философское наследие.) После первых публикаций в России они оказали огромное влияние на формирование новой русской правой.

Если идеи большинства мыслителей Русского Зарубежья оказали влияние на правых лишь отдельными элементами своих концепций и терминологией, то не такая участь ожидала теоретическое наследие Ильина. На съезде московской организации Русского Национального Собора (одной из ведущих правых партий первой половины 90-х гг.) 5 июня 1993 года в качестве идейной платформы партии был положен «Манифест Русского Движения» Ильина. Депутатам съезда, кроме того, бесплатно предоставили по экземпляру книги «Наши задачи» этого мыслителя. В дальнейшем, правда, идеи умершего более 40 лет назад философа значительно дополнились концепциями современных теоретиков.

^{*} Омельченко Н. А. В поисках России. Общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности. СПб., 1996. С. 19–20.

Помимо Русского Национального Собора идеи Ильина официально стали идеологией ряда более мелких монархических группировок. В той или иной степени идеи Ильина вошли в теоретический багаж всех национал-патриотов.

Что же привлекло правых из богатого наследия белой эмиграции именно к творчеству этого философа? Причин здесь действительно много.

Одна из них заключается в том, что Ильин никогда, в отличие от большинства философов своих современников, не переживал увлечения марксизмом и вообще никогда не болел «левизной» даже в юности. Ильин всегда был «белым», и до революции, и после нее, а такая цельность характера присуща далеко не каждому.

Впрочем, обстоятельства личной биографии философа не могут сделать его идеи актуальными, если эти идеи не являются созвучными новой эпохе. В России XX века было мало таких глубоких мыслителей, чьи прогнозы и предсказания оказались столь пророческими.

В самом деле, подавляющее большинство белоэмигрантов далекого прошлого, советских диссидентов недавнего прошлого и практически все западные исследователи были свято убеждены в том, что после крушения советского коммунизма в России сразу же возникнет демократия западного образца. Ильин же, признающий демократию в принципе, считал ее немедленное осуществление в России после большевизма нереальным, опасаясь, что «Россия опять будет отдана во власть политической черни, которая из красной черни перекрасится в черную чернь, чтобы создать новый тоталитаризм, новую каторгу и новое разложение»*.

Поразительно, как философ смог точно предугадать будущее массовое «перекрашивание» партноменклатуры КПСС и интеллигенции, считавших себя элитой, но в действительно представляющих собой истинную чернь!

Будучи в полном смысле этого слова философом свободы, Ильин справедливо писал: «Кто любит Россию, тот должен желать для нее свободы, прежде всего свободы для России как государства, ее международной независимости, ее державной самостоятельности; далее – свобода для России как национального, хотя и многочисленного единства, т. е. творческой нестесненности, любовного взращивания русской и всех других российско-нерусских национальных культур; и, наконец, – свободы для русских людей как множества духовных и хозяйственных личностей, свободы для всех нас, как живых субъектов права: свободы веры, искания правды, творчества, труда и собственности**».

---

* Ильин И. А. Наши задачи М., 1992. Т.1. С. 130.

** Там же. С. 134.

Но вместе с тем Ильин был далек от политического доктринерства, столь свойственного эмигрантским мыслителям, оторванным от русской почвы; и еще больше – кухонным теоретикам советской диссидентствующей интеллигенции доперестроечной эпохи, и опасался, что попытка «введения» демократии в посттоталитарном обществе вызовет анархию и полосу гражданских войн. И, как способ предотвращения всего этого, Ильин указывал еще на третий, кроме тоталитаризма и анархии, путь – национальную диктатуру: «Твердая, национально-патриотическая и по идее либеральная диктатура, помогающая народу выделить кверху свои подлинно лучшие силы и воспитывающая народ к трезвлению, к свободной лояльности, к самоуправлению и к органическому участию в государственном строительстве»*. Национальный диктатор, продолжает Ильин, «должен будет: 1) сократить и остановить хаос; 2) немедленно начать качественный отбор людей; 3) наладить трудовой и производственный порядок; 4) если нужно будет, оборонить Россию от врагов и расхитителей; 5) поставить Россию на ту дорогу, которая ведет к свободе, росту правосознания, к государственному самоуправлению, величию и расцвету национальной культуры»**.

Человек, испытавший на себе все прелести «левого» тоталитаризма в России и «правого» в Германии, познавший жизнь бедствующего эмигранта в демократических республиках, юрист по образованию, И. Ильин, наверное, больше, чем кто либо из тогдашних русских людей разбирался в государственно-правовых вопросах. Поэтому-то его суждения о грядущем политическом устройстве России поражают своей точностью. По его словам, на немедленное «внедрение» в России демократии могут настаивать только «лукавые иностранцы» и «*бывшие* российские граждане, ищущие разложения и погубления России!» Для «творческой демократии» (т. е. настоящей действующей, а не формально-юридической) необходимы «искусство свободы – народ должен разуметь свободу, нуждаться в ней, ценить ее, умело пользоваться ею и бороться за нее... Народ, лишенный искусства свободы, будет достигнут двумя классическими опасностями: анархией и деспотией».

«Второй предпосылкой творческой демократии является достаточно высокий уровень правосознания... Третьей предпосылкой является хозяйственная самостоятельность гражданина»***. Поскольку всего этого в России сразу после большевизма трудно будет ожидать, то отсюда вполне логичным, хотя внешне парадоксальным, выглядело у И. Ильина, основательно изучившего диалектику Гегеля, предположение о том,

* Там же. Т.1. С. 144.

** Там же. Т.2. С. 13.

*** Там же. Т.2. С.5–7.

что демократия в России возможна только после относительно длинного периода национальной диктатуры. Заметим, что в современной России с ее псевдodemократическими институтами и странным сочетанием произвола властей и неэффективности управления не только национал-патриоты, но и многие идейные демократы стали мечтать о русском Пиночете. С этим «пиночетовским комплексом», которым охвачена и та часть общества, что материально выгадала от «реформ», связан политический феномен генерала Лебедева. Словом, о *национально-патриотической диктатуре*, понимаемой почти по И. Ильину, заговорили уже и либералы.

Наконец, И. Ильин указывал еще на одну серьезнейшую опасность, подстерегающую Россию, справиться с которой может лишь национальная диктатура. Это – угроза расчленения России на «национальные государства» или, как разновидность этого, создание на месте России аморфной «федерации». Кстати, статья философа «Что сулит миру расчленение России» (из сборника «Наши задачи») была одной из первых опубликованных еще в 1990 г. в патриотической «Литературной России»*. Эта статья и поныне может считаться образцом политического предвидения.

Россия, говорит И. Ильин, есть «живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся организм, не подлежащий произвольному расчленению... Расчленение организма на составные части нигде не давало и никогда не даст ни оздоровления, ни творческого равновесия, ни мира». Ильин напоминал о полной несостоятельности принципа «национальной свободы», поскольку никогда и нигде племенное деление народов не совпадало с государственным. Всегда были малые народы и племена, не способные к государственной самостоятельности. Многие малые племена тем и спаслись в истории, что примыкали к более крупным народам, государственным и толерантным.

Напомнив, что Россия никогда не денационализировала свои малые народы, в отличие хотя бы от германцев в Западной Европе, Ильин справедливо указывает, что самое разделение России представляет задачу территориально неразрешимую. За 40 лет до начала т. н. «межэтнических конфликтов» философ обращает внимание читателя на то, что «расчленение более крупных и значительных племен таково, что каждое отдельное «государствице» должно было отдать свои «меньшинства»**, тем более, что большевикам не удалось отвести каждому племени его особенную территорию потому, что все племена России разбросаны и рассеяны, кровно смешаны и географически перемешаны друг с другом.

* См. «Литературная Россия». 1990. № 19.

** Ильин И. А. Указ. соч. С. 258.

В этих условиях, пророчествует Ильин, расчленение России будет означать – «до двадцати отдельных государств», не имеющих ни бесспорной территории, ни авторитетных правительств, ни законов, ни суда, ни армии, ни бесспорно национального населения. До двадцати пустых названий... Каждое поведет с каждым соседним длительную борьбу за территорию и за население, что будет равносильно бесконечным гражданским войнам в пределах России»*.

Общий вывод Ильина выглядел так: «И вот когда после падения большевиков мировая пропаганда бросит во всероссийский хаос лозунг: «Народы бывшей России, расчленийтесь!» – то откроются две возможности:

или внутри России встанет русская национальная диктатура, которая возьмет в свои руки «бразды правления», погасит этот гибельный лозунг и поведет Россию к единству, пресекая все и всякие сепаратистские движения в стране;

или же такая диктатура не сложится, и в стране начнется непредставимый хаос передвижений, возвращений, отмщений, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия. Тогда Россия будет охвачена анархией и выдаст себя с головой национальным, военным, политическим и вероисповедным врагам»**.

Увы, современная постсоветская жизнь советских народов полностью соответствует второму варианту предсказанных событий. Впрочем, национальная диктатура, способная не только остановить процесс распада оставшейся от исторической России РФ, но и осуществить обратное «собираение земель», представляется вполне вероятной возможностью. Но об этом чуть дальше.

Наконец, завершая разговор о теоретическом вкладе И. А. Ильина в идеологию русской правой, напомним о четко выраженной антизападной составляющей творчества этого мыслителя. Европейски образованный человек, написавший ряд своих трудов по-немецки и проживший в эмиграции 32 года, до самой смерти, И. А. Ильин слишком хорошо знал западный мир и его отношение к России. Так же, как и мыслители XIX века, Ильин не верил в доброжелательность Запада к России. «У национальной России есть враги. Их не надо называть по именам, ибо мы знаем их и они знают сами себя. Они появились не со вчерашнего дня, и дела их всем известны из истории. Для одних национальная Россия слишком велика, народ ее кажется им слишком многочисленным, намерения и планы ее кажутся им тревожно-загадочными и, вероятно, «завоевательными», и самое «единство» ее представляется

---

* Ильин И. А. Указ. соч. С. 261, 262.

** Там же. С. 261.

им угрозой. Малое государство часто боится большого соседа, особенно такого, страна которого расположена слишком близко, язык которого чужд и непонятен и культура которого инородна и своеобразна. Это противники – в силу слабости, опасения и неосведомленности.

Другие видят в национальной России – соперника, правда, ни в чем и никак не посягающего на их достояние, но «могущего однажды захотеть посягнуть» на него или слишком успешным мореплаванием, или сближением с восточными странами, или же торговой конкуренцией! Это недоброхоты по морскому и торговому соперничеству.

Есть и такие, которые сами одержимы завоевательными намерениями и промышленной завистью: им завидно, что у русского соседа большие пространства и естественные богатства: и вот они пытаются уверить себя и других, что русский народ принадлежит к низшей, полуварварской расе, что он является не более, чем «историческим навозом» и что «сам Бог» предназначил его для завоевания, покорения к исчезновению с лица земли. Это враги – из зависти, жадности и властолюбия.

Но есть и давние религиозные недруги, не находящие себе покоя оттого, что русский народ упорствует в своей «схизме» или «ереси», не приемлет «истины» и «покорности» и не поддается церковному поглощению... Это недруги – из фанатизма и церковного властолюбия.

Наконец, есть и такие, которые не успокоятся до тех пор, пока им не удастся овладеть русским народом через мало заметную инфильтрацию его души и воли, чтобы привить ему под видом «терпимости» – безбожие, под видом «республики» – покорность закулисным мановениям и под видом «федерации» – национальное обезличивание. Эти зложелатели – закулисные, идущие «тихой сапой» и наиболее из всех сочувствующие советским коммунистам, как своему («несколько пересаливающему») авангарду.

Не следует закрывать себе глаза на людскую вражду, да еще в исторически-мировом масштабе. Не умно ждать от неприятелей – доброжелательства. Им нужна *слабая* Россия, изнемогающая в смутах, в революциях, в гражданских войнах и в *расчленении*. Им нужна Россия с *убывающим народонаселением*... Им нужна Россия *безвольная*, погруженная в несущественные и нескончаемые партийные распри, вечно застревающая в разногласии и многоволении, неспособная ни оздоровить свои финансы, ни провести военный бюджет, ни создать свою армию, ни примирить рабочего с крестьянином, ни построить необходимый флот. Им нужна Россия *расчлененная*, по наивному «свободолюбию» *согласная на расчленение* и воображающая, что ее «благо» – в распадении*.

В этой длинной цитате содержится вся суть правых представлений об опасности с Запада. Заметим, что это – не иррациональная фо-

* Ильин И. А. Указ. соч. С. 163–164

бия, а вполне обоснованное чувство цивилизованного различия России и Запада, которое делает их то врагами, то союзниками, но не чем-то единым целым.

Завершая рассказ о вкладе И. А. Ильина в интеллектуальную правую традицию России, обратим внимание на то, что в числе теоретиков белой эмиграции были такие мыслящие во многом схоже люди, как П. Н. Милюков, П. Б. Струве, С. Л. Франк и ряд других, но они не вошли в ряд духовных учителей русских национал-патриотов (во всяком случае, пока не вошли). Отчасти это объясняется тем, что И. А. Ильин, будучи не только философом, но и правоведом, привык к чеканной точности формулировок и писал, как уже мог видеть читатель по приведенным цитатам, ясно, логично и кратко. У. Лакер объяснял современную популярность (не сравнимую при жизни) трудов И. Ильина «тем фактом, что он (Ильин. – *Авт.*) обращался к менее искушенной аудитории»*, а вовсе не глубиной мысли, словно значение философа определяется его темным «философическим» языком, понятному лишь избранным. Впрочем, собственно философские произведения Ильина, в отличие от его политической публицистики, еще ждут своих исследователей и пока еще остаются малоизвестными не только политическим активистам, но и профессиональным философам.

Пореволюционные политические организации Русского Зарубежья. «Национал-максималисты»

Ивана Ильина можно считать консервативным монархистом, отнюдь не пытавшимся оторваться от традиционных ценностей в пользу новомодных течений. Подавляющее большинство белых эмигрантов так же были убежденными монархистами, мечтающими восстановить прежнюю дореволюционную Россию. Революция для них была всего лишь страницей в русской истории, которую можно вырвать без остатка. Понятно, что преобладающим типом в эмиграции был человек, живущий как бы в двух измерениях – мысленно в дореволюционной России, телесно – в эмигрантском бытии на чужбине.

Именно такими же были и большинство эмигрантских организаций, в большинстве представлявших собой дореволюционные российские партии, на чужой земле превратившиеся в клубы ветеранов, а также подобный клуб из бывших бойцов Белых армий, составивших Российский Общевоинский Союз (РОВС). Насчитывая в начале 20-гг., по дан-

* Лакер У. «Черная Сотня». М., 1994. С. 136.

ным своего штаба, свыше 100 тысяч человек, РОВС был самой массовой и организованной из всех объединений эмиграции. Для РОВСа были характерны все особенности Белого движения – аполитизм, «непредрешенчество», ограничение на политическую деятельность своих членов и т. д., в силу чего РОВС вообще трудно отнести к идеологическим организациям.

Тем не менее среди части эмиграции, особенно среди молодых, появились т. н. пореволюционные политические движения, т. е. признавшие факт революции как нечто, имеющее позитивное значение и признающие невозможность реставрации дореволюционных порядков в России. Недостатком революции считался ее интернациональный характер. Отсюда, делали вывод пореволюционники, необходимо «национальное углубление» революции.

Пореволюционные политические движения эмиграции не представляли собой единого целого, тем более, что на них оказывали воздействие и особенности политического режима в странах пребывания, сказывалась раздробленность и ограниченность связей расселенных по всему свету эмигрантов и т. д. Тем не менее, несколько упрощая, все же пореволюционные движения можно разделить, в соответствии с их идеологическими положениями, на два направления:

1) *национал-максималисты*, ставящие своей задачей «национальное углубление» революции, которая, с их точки зрения, представляет единый процесс из трех фазисов: буржуазно-демократического, коммунистически-материалистического и неминуемого грядущего национал-максималистского. К этому направлению, с его надеждой на неизбежную эволюцию революционной России на национальный путь, можно отнести различные группы т. н. «национал-большевиков», сменовеховцев и евразийцев.

2) *Национал-революционеры*. Так их можно называть постольку, поскольку они ставили своей задачей не «углубление» революции, а свержение большевизма путем национальной революции. К национал-революционерам можно отнести различные фашистские, солидаристские организации, младороссов и пр.

Конечно, проводить жесткое разграничение между пореволюционерами затруднительно, поскольку под влиянием многих факторов одни и те же организации неоднократно сдвигались то к одному, то к другому направлению.

Первоначально, под влиянием введения НЭПа в эмиграции получили распространение настроения о близости национального перерождения Советской власти. Эти настроения вызвали появление сменовеховцев, евразийцев и рядовых возвращенцев.

Основная масса эмигрантов по-прежнему состояла из «непримиримых», ничего не забывших и ничему не научившихся. Однако пореволюционное меньшинство эмиграции, состоящее из людей вдумчивых, с огромным практическим опытом и теоретическими познаниями, пыталось творчески осмыслить опыт революции и найти пути дальнейшего развития России.

Но если Французская революция вызвала к жизни влиятельную консервативную философию Ж. де Местра, Л. Бональда, литературу романтизма, то у русской революции, при всем богатстве и разнообразии ее контрреволюционной мысли пока еще трудно найти имя русского де Местра или Токвиля. Пребывание в эмиграции оказалось отнюдь не временным для белых изгнанников, а победившей в России власти их идеи были не нужны. Вероятно, время усвоения идей, выработанных мыслителями белой эмиграции в самой России, в т. ч. и в ее правых кругах, еще впереди.

Тем не менее, по мере того, как навязанные представления о Советской эпохе как о 70 годах тьмы и ужаса развеиваются, в рядах антикоммунистически настроенных национал-патриотов усиливается осознание того, что у большевистской революции были объективные причины, породившие ее, что при всех трудностях и преступлениях Советской власти эпохе социализма были присущи и многие достижения. А раз так, то и должно непременно последовать и обращение к идейному наследию пореволюционеров белой эмиграции.

В связи с этим представляется необходимым рассмотрение концепций национал-максималистов, особенно наиболее ярких среди них, имеющих большой потенциал для развития их в постсоветской России.

По мнению эмигрантского историка В. С. Варшавского, первым национал-максималистом, называвшим себя именно так, был князь Ю. А. Ширинский-Шихматов. Основное кредо национал-максималистов звучало решительно: «Нужно не бороться с революцией, а овладеть ею, выбирать при этом путь не снижения процесса, а интенсификации и углубления революции»*.

«Национально углублять» революцию, по мнению Ю. А. Ширинского-Шихматова, должны: большевики (не марксисты), комсомол и армия, всё активное и динамичное, все подсознательные «национал-большевики»; не способны к углублению: «нэп, разбитые марксисты, большинство евреев партийцев (ликвидаторство) и значительная часть уставшего крестьянства (пассивное сопротивление). В эмиграции с последними группами готовят смычку сменовеховцы, эсдеки, эсэры, эрдеки

---

* Варшавский В. С. Незамеченное поколение. М., 1992. С. 45.

и прочие реакционеры. С первыми – национал-максималисты и, по-видимому, некоторые евразийцы»*.

В начале 30-х гг. Ширинский-Шихматов выпускал периодические сборники «Утверждения» (благодаря чему его группу называли утвержденцами), в котором печатались Бердяев, мать Мария (в миру Кузьмина-Караваева) и др. Кроме того, группа молодых «утвержденцев» выпускала журнал «Завтра», отличавшийся четко выраженной антикапиталистической и антикоммунистической направленностью. Формула предлагавшейся утвержденцами «неодемократии» выглядела так: «демократия минус плутократия плюс христианство».

В июле 1933 года состоялся съезд представителей различных пореволюционных национал-максималистских групп, результатом которого стало рождение «Объединения пореволюционных течений» (ОПТ). Об идеологии максималистов можно судить по принятому на съезде уставу ОПТ. Так, параграф 2 устава гласил: «Эта идея (национально-историческая. – *Авт.*) разумеется, как утверждение: а) вселенского характера исторического призвания России на путях осуществления в мире христианской правды и справедливости, б) преобладания духовного начала над материальным, идей над интересами, общего над частным – в жизни личной, социальной, национальной и международной»*. В параграфе 3 говорилось об идеологических положениях ОПТ, где, в частности, отмечалось: «Современное (пореволюционное) понимание Российской национально-исторической идеи настоятельно требует раскрытия:

а) христианской правды, как правды социальной;

б) преобладания духовного начала, как действенного преодоления всех форм современного поклонения материи (капитализм и коммунизм);

в) понятия истинного национализма как всенародного служения Богу и Миру – на своих собственных исторических путях;

е) смысла Революции – как порыва к творчеству новых форм жизни, – социальных, государственных и междунациональных, соответствующих требованиям новой эпохи.

Отказываясь от всех видов реставрации и реституции, объединенный пореволюционный фронт стремится в первую очередь перенести на территорию России борьбу за освобождение страны от диктатуры коммунистического (госкапиталистического) правительства»***.

Итак, признавая высший смысл революции и объявив о стремлении перенести борьбу на территорию России, пореволюционеры ока-

* Указ. соч. С. 46.

** Там же. С. 49.

*** Там же. С. 49–50.

зались перед вопросом – в какой форме вести борьбу с большевизмом в самой России? Фактически перед максималистами встала дилемма: признать Советскую власть и превратиться в советских патриотов, не разделяющих марксистскую идеологию; или же перейти к вооруженной борьбе, развязав новую гражданскую войну, вне зависимости от исхода которой Россия все равно ослабнет. Не желая ни того, ни другого, пореволюционеры национал-максималисты заняли позицию пассивного выжидания того момента, когда Советская власть уступит место национальному правительству или же «национально углубится» сама. В годы Второй мировой войны национал-максималисты заняли твердую антифашистскую позицию, приняв активное участие в движении Сопротивления в тех европейских странах, где они присутствовали. В нацистских концлагерях погибли виднейшие утвержденцы – Ю. А. Ширинский-Шихматов, мать Мария и др. В годы войны национал-максималисты сошли со сцены, перейдя фактически на позицию советского патриотизма.

Пореволюционные политические организации Русского Зарубежья. «Евразийцы»

Самыми яркими и оригинальными из пореволюционеров были евразийцы, творцы своеобразной идеологии, пережившей два подъема – в начале 20-х гг. за рубежом и в начале 90-х гг., на территории только что упраздненного Советского Союза. Впрочем, в обоих «изданиях» евразийства среди адептов (пусть и временных) и попутчиков движения были весьма различные люди, представляющие различные течения этого учения. Вероятно, эта пестрота и привела к достаточно быстрым распадам идеологии. С самого начала евразийство представляло собой целый комплекс идей и концепций, из которых можно было сделать порой взаимоисключающие выводы. Яркая индивидуальность ведущих теоретиков при отсутствии единого общепризнанного лидера движения только способствовала расслоению евразийских концепций. И наконец, для «первого» евразийства 20-х гг. роковую роль сыграло именно эмигрантское его происхождение. Евразийство не могли официально признать в Советской России, где победила другая идеология. Основная масса эмиграции, покинувшая Россию из-за непризнания революции, не могла считать своей идеологию, одобряющую революцию и даже считающую ее недостаточно радикальной.

Все это обусловило недолговечность евразийства, просуществовавшего около полутора десятилетий. Но образы, мифы, понятия историософии евразийства продолжали жить, пусть даже уже не в чисто евразийских концепциях. Поэтому, когда в России после падения власти коммунистов при неопределенности новой «белой идеи» и быстром упадке либерального западничества возник идеологический вакуум, появление евразийства (вероятно, правильнее сказать, неоевразийства) было закономерным. И опять-таки в своем «чистом виде» это «неоевразийство» продержалось несколько лет, затем мода на него прошла и оно словно испарилось. Евразийцами стали называть себя уже западники, видевшие миссию России в пропаганде идей Запада народам Востока,* что, мягко говоря, противоречило основе основ евразийских концепций. Наконец, уже в начале нового тысячелетия появилась партия «Евразия», с вполне умеренной программой.

Под евразийством (в его классическом виде) можно понимать комплекс идей и концепций, дающих свое объяснение роли и месту России, ее государственности и цивилизации как синтезу европейских и азиатских компонентов, дающих России ее самобытность, отличающую ее от Запада и Востока, делающих ее самостоятельной евразийской цивилизацией. Нетрудно заметить, что евразийцы выступали как продолжатели русской консервативной политической традиции, берущей начало еще в славянофильстве и особенно в творчестве Константина Леонтьева. Но евразийцы вовсе не превратились в эпигонов прежних теорий, а сами создали много нового и оригинального.

Евразийцы громко, не без эпатажа, заявили о себе в 1921 г., когда группа молодых (никому не было больше 32 лет) интеллектуалов выпустила сборник «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев». Затем последовали сборники «На путях. Утверждение евразийцев» (1921), «Россия и латинство» (1923), программный документ «Евразийство. Опыт систематического изложения» (1926). В 20-е гг. нерегулярно выходили «Евразийский временник» и «Евразийская хроника» (ее вышло всего 15 номеров).

Среди ведущих мыслителей евразийства можно назвать такие имена, как князь Н. С. Трубецкой (1890–1938), чья книга «Европа и человечество» (1920) считается первым произведением евразийства, П. Н. Савицкий (1895–1968), главный идеолог движения, географ и экономист, автор большинства евразийских манифестов, а также П. П. Сувчинский, кн. Д. Святополк-Мирский, Г. В. Флоровский, Г. В. Вернадский, П. М. Бицилли, Л. П. Карсавин, Н. Н. Алексеев, А. В. Карташев и др. В дальнейшем часть из перечисленных людей порвала с евразийством.

* См.: Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе. М., 1995, и др.

В евразийской историософии, наряду с традиционными для русских философов идеями цикличности исторического развития человечества, критики претензий Запада считать свою цивилизацию общечеловеческой и убеждения множественности форм социальной организации человечества, особой роли Православия в русской культуре, присутствовал и впервые поставленный именно евразийцами вопрос о взаимоотношении восточных и западных элементов в развитии российского государства и культуры. Собственно, наличие восточного влияния (в первую очередь, конечно же, татарского, хотя многие историки и культурологи к восточным влияниям на Россию относят и византийское религиозное и культурное воздействие) на Россию не отрицалось никогда. Однако даже самые ярые критики западных влияний на Россию отказывались признавать что-то позитивное от восточных заимствований. Российские же западники, будь то либерал П. Н. Милюков или же революционер В. И. Ленин, одинаково называли «азиатчиной» все проявления темноты, невежества, деспотизма, самодержавную монархию и государственную церковь и т. п. Свидетельства историков об обильных заимствованиях от татар в одежде, оружии, в словарном составе русского языка, в ряде обычаев, распространенных в допетровской России и даже после петровской европеизации сохранившихся в народных низах, обычно приводились как пример отсталости России и довод в пользу ее дальнейшей вестернизации.

Конечно, татарское владычество над Русью вовсе не напоминало мусульманское господство над Испанией. Тем не менее считать все «азиатское» в России диким, некультурным было бы неверным. Заслуга евразийцев именно в том и состоит, что они первыми смогли преодолеть своеобразный европоцентризм в оценке русской истории, которым отличались и классики славянофильства, опровергавшие универсальность европейского опыта категориями европейской философии, «отраженным светом Европы».

Евразийцы также обратили внимание на полиэтничность России и на вклад всех российских народов в построение общего государства с присущими ему хозяйственным укладом и общей культурой. Это действительно было чем-то новым для русской правоты. Прежние консервативные мыслители подчеркивали многонациональность России, но обычно ограничивались констатацией добровольного присоединения многих народов к России и отсутствия национальных притеснений в стране, доказательством чего были многочисленные случаи интеграции в российскую имперскую элиту выходцев из многих земель и народов, инородческое происхождение значительной части русской аристократии и т. д. Евразийцы добавили сюда геополитические доказательства в хозяйственно-культурное развитие всех этносов Евразии. Вот что писал

один из виднейших евразийцев, П. Н. Вернадский: «Евразия в старом смысле слова подразделяется уже не на Европу и Азию, а на 1) срединный континент или собственно Евразию, и два периферических мира: 2) азиатский (Китай, Индия, Иран) и 3) европейский, граничащий с Евразией примерно по линии: реки Неман – Западный Буг – Сан – устье Дуная. Эта последняя граница является и водоразделом двух колониционных волн, идущих одна на Восток, а другая на Запад и сталкивающихся на берегах Берингова моря. Таким образом, в общем и в целом, с отклонениями в обе стороны, границы Евразии совпадают с границами Русской империи, «естественность которых засвидетельствована в последнее время тем, что они уже более или менее восстановились, несмотря на страшные потрясения, войны и революции... Это «третий мир» Старого Света, не составная часть ни Европы, ни Азии, но отличный от них и в то же время им соразмерный. Подчеркнем только, что Россию-Евразию евразийцы воспринимают как «симфоническую личность». Они утверждают непрерывность ее существования. Она живет и в СССР, но только не осознает этого»*.

Итак, Россия, или Евразия, представляет собой отдельный геополитический континент, особый мир, населенный многими народами, причем объединяли этот континент первоначально монголы, а затем их сменили русские. Не отрицая славянскую основу в русской нации, евразийцы видели основу национального развития России в дальнейшем развитии ее как *неевропейской* державы, поскольку русская нация не исчерпывается только ее славянским субстратом. Панславизм был определенно чужд евразийцам, считавшим акцентирование своих предшественников-славянофилов на славянском вопросе ошибкой, исправлять которую начал К. Н. Леонтьев и продолжают они, евразийцы.

Россия, считали евразийцы, не сводится только к одним русским, которые являются объединителями геополитического континента Евразия, являясь в этом продолжателями дела прежних евразийских кочевых империй. Отсюда следовал и ошеломляющий вывод о необходимости коренного пересмотра роли монгольского фактора в жизни Евразии. Не без вызова евразийцы подвергли ревизии историю России, начиная ее не с Киевской Руси, а с Золотой Орды. Дадим вновь слово П. Савицкому: «Исторически первые обнаружения евразийского культурного единства приходится искать не в Киевской Руси, которая была лишь колыбелью будущего руководящего народа Евразии и местом, где родилось Русское Православие, не в Хазарском царстве, конечно, и даже не в Руси Северо-Восточной. Впервые евразийский культурный мир предстал как целое в империи Чингисхана, правда, быстро разлившейся за географические пределы Евразии. Монголы сформирова-

* Савицкий П. Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 41, 99.

ровали историческую задачу Евразии, положив начало ее политическому единству и основам ее политического строя. Они ориентировали к этой задаче евразийские национальные государства, прежде всего и более всего – Московский улус»*.

Евразийцы принципиально отрицали западную культуру. Не случайно уже в самом первом евразийском произведении «Европа и человечество» Н. С. Трубецкой со всей определенностью говорил: «... европейская культура не есть нечто абсолютное, ... а лишь создание ограниченной и определенной этнической или этнографической группы народов... таким образом, европеизация является безусловным злом для всякого не романо-германского народа»**.

В основу евразийской культуры после объединения геополитического континента Россией евразийцы клали Православие, причем исповедание народами Евразии многих других религий их не смущало. Основанию православного характера культуры континента России евразийцы посвятили много страниц своих произведений, благо одно время тесно с ними сотрудничал крупнейший православный богослов Г. Флоровский.

Заметим, однако, что при всей дерзости заявленных концепций евразийцы не выходили за рамки традиций правой *дореволюционной* мысли. В принципе такие же идеи могли прозвучать и в Петербурге «серебряного века» и даже ранее. Особую оригинальность евразийским положениям дал именно их пореволюционный характер. Оставаясь противниками большевизма, евразийцы оправдывали революцию. Вернемся опять к П. Савицкому: «Закончившая императорский период революция отнюдь не дикий и бессмысленный бунт... Еще менее русская революция является организованным группой злоумышленников, да еще прибывших в запломбированных вагонах, переворотом. Она – глубокий и существенный процесс, который дает последнее и последовательное выражение отрицательным тенденциям, исказившим великое дело Петра, но вместе с тем открывает дорогу и здоровой государственной стихии... Русская революция покончила с Россией как частью Европы. Она обнаружила природу России как особого исторического мира. Но в настоящее время это не более как намек и задание. Цель евразийцев – реализовать его в исторической действительности»***.

Итак, оправдание революции в ее антиевропеизме и в исходе к Востоку. Сами очевидцы и участники событий революции, евразийцы осознавали ее трагическое величие и, как видно из приведенных выше

* Савицкий П. Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 45.

** Трубецкой Н. С. Наследие Чингизхана // Европа и человечество. М., 2000, с. 88–90.

*** Там же. С. 52, 101.

слов, не считали октябрь 1917 года просто переворотом, как часто называют это событие современные публицисты. Евразийцы с уважением относились к Ленину, организованность большевистской партии вызвала восхищение.

И тем не менее для евразийцев аксиомой была неизбежная и очень скорая эволюция большевизма в сторону иной духовной основы. Большевизм евразийцы считали порождением европейской мысли (марксизма), но при этом видели в нем «правду», воплощенную в народной революции, которая свергла чуждое России «романо-германское культурное иго». А раз так, то естественным будет и избавление большевиков от европеизма. Пока же большевизм силен и пользуется поддержкой нации, с ним надо сотрудничать, направлять его на путь истинный (т. е. евразийский), тем более, что сама идеология уже теряет влияние в народе (здесь евразийцы выдавали желаемое за действительное).

Как и традиционалиста И. Ильина, евразийцев пугали возможные потрясения в России после внезапного крушения большевистской партии. «Коммунистическая идеология несомненно и окончательно погибает, увлекая за собой и социалистические идеологии вообще. Ее гибель угрожает гибелью и большевистской партии, которая без идеологии не может обладать ни пафосом, ни должной энергией, ни сильной организацией. С гибелью же большевистской партии, если она не будет заменена, связаны серьезные опасности для всего нового правящего слоя, для создавшихся новых форм государственности и для нормального развития самой Евразии-России. И опасность не только в том, что России угрожают новые потрясения, но и в том, что «гора родит мышь, т. е. страшное напряжение революционных годов сойдет на нет или приведет к очень малым результатам»^{*} – тревожился П. Н. Савицкий.

Альтернативой этому евразийцы предлагали свою идеологию, которая сменит идеологию большевизма. Отсюда происходило и декларируемое евразийцами примирение с большевизмом, не носящее, правда, характер безоговорочной капитуляции как у «сменовеховцев». Тем не менее многие евразийские организации и газеты сотрудничали с чекистами, что, конечно, не способствовало популярности евразийства в эмигрантских массах.

Сближение с большевиками для евразийцев было закономерным. И для тех, и для других одинаковая неприязнь была присуща к западной демократии («буржуазной» для одних, «романо-германской» для других) и Западу вообще. Будущее политическое устройство России евразийцы именовали идеократией и видели его как своеобразное тоталитарное устройство, отличающееся от Советской власти лишь государственной идеологией (евразийством вместо марксизма). Будучи сторонника-

^{*} Трубецкой Н. С. Указ. соч. С. 57.

ми частной собственности, евразийцы отводили центральное место в хозяйственной жизни будущей России государству, что сближало их с большевиками 20-х гг., допустившими определенную свободу частному предпринимательству под контролем государства в период НЭПа.

Неудивительно, что часть евразийцев увидела в большевизме воплощение евразийской идеи и перешла на позицию отказа от самых оригинальных черт своего учения, став орудием в руках советских спецслужб. Другая часть евразийцев, не капитулировавшая перед Советами, но не признанная эмиграцией, превращается в ряд мелких сект, окончательно распавшихся к концу 30-х гг. Отдельные стороны евразийского учения и в последующие годы развивали ученые-одиночки, например, историк Г. Вернадский, но его труды не имели (да и не претендовали на это) политического значения. Большая же часть евразийцев раскаялась в своем прежнем соблазне и слилась с основной массой «непримиримых» эмигрантов. Первое «издание» евразийцев закончилось.

Пореволюционные политические организации. «Национал-революционеры»

«Сменовеховские» евразийские и т. п. национал-максималистские настроения бытовали среди части эмиграции в начале 20-х гг., когда надежда на «национальное углубление» революции казалась быстро осуществимой. Но по мере того, как Советская власть не проявляла ни признаков слабости и быстрого крушения, ни желания «углубляться» в национально-русском направлении, ни тем более желания привлечь на свою сторону эмиграцию, среди последней стала все сильнее утвердаться мысль о том, что ждать эволюции большевизма невозможно. Необходимо, заключали пореволюционники, свержение «жидовской» соввласти путем национальной революции. Итак, среди отчаявшейся эмигрантской молодежи выдвигается на первый план другое направление пореволюционных идеологов – национал-революционеры, готовые свергать большевизм силой оружия во имя качественно иной России, отличающейся и от дореволюционной, и от Советской.

Национал-революционеры представляли собой уже новое поколение эмиграции, детьми, увезенными из России и почти не помнившими времена монархии, в основном не участвовавшими в Гражданской войне и как личности сформировавшимися за рубежом. Неудивительно, что западные праворадикальные идеологии, в том числе и фашизм, оказали огромное влияние на это поколение. Живя на положении презира-

емых местными жителями апатридов, испытывая на себе удары Великой экономической депрессии и наблюдая мощный подъем фашистских движений по всей Европе, молодое поколение эмиграции не верило в идеалы демократии. Также не пользовались у молодежи успехами и старые либеральные представления, сохранившиеся у отцов, пытавшихся сохранить в эмиграции интеллигентские традиции. Летописец трагедии молодых эмигрантов В. С. Варшавский в своей книге «Незамеченное поколение» писал о той переоценке ценностей, которая произошла под влиянием Гражданской войны и изгнания у русской зарубежной молодежи: «Но главное – остатки радикальной интеллигенции не имели в эмиграции поддержки учащейся молодежи, героизмом и энтузиазмом которой всегда держался весь пафос Освободительного движения... «Правое» перестало быть символом зла, реакции и деспотизма. По сравнению с большевистским террором старый режим стал казаться царством свободы, права и человечности. «Левое» же соединялось теперь с горечью воспоминаний о проявившейся в революции исторической несостоятельности интеллигенции, доведшей до того, что большевики смогли захватить власть»*.

В. С. Варшавский правильно обратил внимание на то резкое «поправление» молодого поколения эмиграции, среди которой даже откровенно просоветская «оборонческая» деятельность совершенно не означала марксистских убеждений. Если среди поколения отцов в эмиграции было довольно много левых по политическим взглядам (из числа эмигрировавшего актива всех небошевистских социалистических партий), причем нередко благодаря солидному опыту по пребыванию в эмиграции еще до революции и тесным связям с зарубежной социал-демократией, что совершенно отсутствовало у правой части белоэмигрантов, левые имели значительное влияние в русской зарубежной прессе; то в поколении детей почти не находилось пополнения для левых.

Поскольку для молодых левые идеи потерпели фиаско, а демократия не вызывала у них уважения, свободный капитализм в эпоху экономических депрессий и планирований считался изжившей себя системой, то обращение к новым путям было естественным. Как уставшие ждать эволюции большевизма национал-максималисты, так и новые политические организации национал-революционеров пытались, при опоре на русскую авторитарную традицию и учитывая опыт своих противников большевиков, дополнить их теорией и практикой западного фашизма. Однако речь идет скорее о заимствованиях из настоящего фашизма, преимущественно итальянского образца, а не о превращении национал-революционеров в истинных фашистов. В. С. Варшавский называл это «игрой в фашизм».

* Варшавский В. С. Незамеченное поколение. М.: ИНЭКС, 1992. С. 24.

В 20-е и начале 30-х гг. до начала агрессий и геноцида фашистских держав, многие западные «властители дум», влиятельнейшие политики и деятели культуры, оставаясь вполне демократами, тем не менее весьма хвалебно отзывались о Муссолини и с меньшим восторгом о других фашистских диктаторах. Напомним лишь имена У. Черчилля, Б. Шоу, Р. Кипплинга, Д. Аннунцио, Ф. Маринетти, Д. Пиранделло, Д. Эллиота, Э. Паунда, К. Гамсуна и ряда других, первоначально видевших в фашизме свежую силу, способную обновить мир и в той или иной степени оказавшихся причастными к пропагандистским успехам фашистских режимов. Известный французский историк Ф. Фюре, говоря о духовном климате Европы между мировыми войнами, замечал: «Прежде чем обесчестить себя преступлениями, фашизм был надеждой. Он привлекал не только миллионы простых людей, но и многих интеллектуалов... если составить общий список знаменитых авторов, которые в разное время... были фашистами или сочувствовали фашизму, то получится настоящий Готский альманах интеллектуальной, научной и литературной элиты»^{*}.

Мода на фашизм не обошла и русскую эмиграцию. Свою симпатию к Муссолини высказывали такие убежденные гуманисты, как Н. А. Бердяев, Ф. А. Степун, политик-реалист П. Б. Струве. Так что же ждать от массы рядовых эмигрантов?

Интерес к фашизму итальянского образца испытали и некоторые видные военные деятели эмиграции. Еще в 1923 г. генералы Шкуро и Бичерахов создали квазифашистскую организацию «Союз Активных борцов за Россию» (САБЗАР), не имевшую, впрочем, никакого значения для эмигрантов, да и для самих этих генералов, занимавшихся в основном делами РОВСа. В Югославии также квазифашистскую эмигрантскую организацию создал генерал Черский. Определенное влияние идей фашизма испытала и часть деятелей РОВСа, недовольная аполитичностью союза. В 1935 году из него выделился Русский Национальный союз участников войны (РНСУВ). Во главе нового союза стоял легендарный командир Дроздовской дивизии генерал Антон Туркул.

Среди пореволюционных организаций сильный отпечаток итальянского фашизма вкупе с православно-монархическим традиционализмом и, как ни странно, со многими чертами большевизма, носило движение младороссов. Возникшее в 1923 г. как организация эмигрантской молодежи, младороссы примерно десятилетие спустя стали весьма заметной силой в эмиграции. Большинство современников старшего возраста серьезно младороссов не воспринимали, справедливо обращая внимание на поразительную мешанину их идеологии, нахватавшей положения из самых разных источников, и очевидную странность их ос-

^{*} Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998, с. 18, 20.

нового лозунга «Царь и Советы!». У многих «непримиримых» белых возникало искреннее недоумение по поводу той популярности, которую младороссы приобрели среди эмигрантской молодежи. В самом деле, в партии состояло несколько тысяч человек, местные организации («очаги») младороссов существовали во многих странах Европы и Америки. Действовали пользовавшиеся серьезной поддержкой такие ориентированные на партию организации, как Младоросский Студенческий Союз, Казачий центр младороссов, Молодежный Спортивный Союз, ряд женских, детских, культурно-просветительских организаций. Но наиболее вдумчивые и наблюдательные современники не могли пройти мимо идейных поисков младороссов. Н. А. Бердяев считал, что в эмиграции только три направления интересны: национал-большевики, евразийцы и младороссы*.

Чисто внешних атрибутов фашизма итальянского типа у младороссов было предостаточно: униформа (синие рубашки), тяга к маршам и парадам, культ вождя («главы») с соответствующим скандированием лозунгов и т. п. В основе идеологии младороссов лежало причудливое сочетание русской исторической традиции (в первую очередь монархизма) с признанием социальных и отчасти политических достижений революции, что и нашло выражение в лозунгах: «Лицом к России», «Царь и Советы», «Революция есть смерть старого типа монархии и рождение монархии нового типа», «Пролетариат будет опорой монархии нового типа», «Русский царь освободит трудящихся от ига красных и золотых паразитов» и т. д.

Признавая невозможность реставрации дореволюционных порядков (как и все пореволюционеры), младороссы признавали историческую неизбежность революции. В своем программном сборнике «К Молодой России!», давшем название движению, младороссы писали: «Революция, сокрушительная, стремительная, страстная, есть завершение русских исканий. После нее отольются новые формы русской жизни, уже не позаимствованные, а естественные, присущие ее целям и содержанию. Теперь не время причитать и вздыхать. Наступает страдная пора, пора работы и труда»**. Младороссы также одобрили многие социальные институты новой России, в частности систему Советов, полное огосударствление экономики и пр., но считали большевизм всего лишь подготовкой почвы для высшего синтетического типа общественного устройства, которому будет соответствовать новая политическая форма – социальная монархия. Ее основные принципы: 1) соборность (сотрудничество всех граждан в служении нации), 2) иерархия, 3) царь как

* Омельченко Н. А. В поисках России. М., 1996. С. 461.

** К Молодой России. Париж, 1928, с. 22.

всеобщий арбитр, надклассовый и объективный. Монарх должен быть легитимный (сами младороссы поддерживали великого князя Кирилла Владимировича, который в своих забрасываемых в СССР «манифестах» также соглашался править вместе с Советами), но при царе «глава» – диктатор наподобие итальянского дуче. Таковым считал себя глава младороссов Александр Львович Казем-бек (1902–1977 гг.), способный оратор и организатор, сумевший сделать свою партию на какое-то время весьма заметной в эмиграции.

Казем-бек был весьма колоритной фигурой. Его дед, иранский аристократ, потомок пророка Мухаммеда и династии Сасанидов, переехал в Россию из Персии в начале XIX века. По материнской линии вождь младороссов был в родстве со Львом Толстым. Не случайно с гордостью Казем-бек говорил, что в его жилах течет кровь трех пророков – Зороастра, Мухаммеда и Толстого. В возрасте 16–17 лет Казем-бек успел поучаствовать в Гражданской войне. Оказавшись в эмиграции, Казем-бек, видимо, по причине молодости, был лишен ностальгически-реставрационных настроений, преобладавших среди эмигрантов. Итальянское движение Муссолини произвело на Казем-бека и молодых его друзей сильное впечатление именно тем, что создавало качественно новое общество. Отсюда становится понятным и широкое использование младороссами итальянской символики и методов пропаганды.

Впрочем, заимствований из большевизма у младороссов было гораздо больше, чем у фашизма. Партийная газета называлась «Младоросской Искрой» (!), которая в сентябре 1934 года объявила младороссов «второй советской партией» (ни больше, ни меньше!), «занимающей положение *революционной* оппозиции в отношении к партии правящей»*. Впрочем, еще ранее, в 1928 году, в речи Казем-бека прозвучало: «Мы отвергаем контрреволюцию не только как возможность, но и как принцип... Капитуляция революции была бы капитуляцией России... Большевизм, если отбросить от него коммунистическую доктрину, – одно из старейших явлений Русской жизни. Что, как не большевизм, являли нам бесчисленные вору Смутного времени, из которых Болотников еще самый мягкий и благонравный? А Разин, воспетый теперь не только простонародьем, но и антибольшевистской интеллигенцией? А с ним вся серия волжских атаманов? А опричнина Малюты Скуратова? А Василий Буслаев? А первые казаки южных степей и Запорожья? революция продолжается. Она будет продолжаться уже при нашем участии. Вливаясь в поток революции, мы ускорим развязку»**. Как видим, у младороссов

* Варшавский В. С. С. 58.

** Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. (под ред. А. Ф. Киселева). М., 1999, с. 437–439.

было несколько своеобразное представление о большевизме, но все же отказ от контрреволюционности заявлен весьма определенно.

В целом, младороссы тяготели к своеобразному национальному социализму, отличающемуся от большевизма только подчеркиванием национальной специфики. Капитализм как система и тем более возможность реставрации капитализма в России отвергался младороссами из патриотических соображений. В одной из своих речей в 1936 году Казем-бек говорил: «И как русским не быть социалистами в определенном смысле? Денационализация производства в России, то есть возвращение орудий производства в частные руки при отсутствии частных русских капиталов означало бы полную денационализацию русского хозяйства и в другом смысле: именно в смысле перехода его в руки капитала иностранного. А это... было бы равносильно концу Русской независимости. Если можно считать абсурдным уничтожение русских капиталов, допущенное Октябрьской революцией, то в наши дни следует признать абсурдной мысль о возможности передачи Русской промышленности несуществующему частному капитализму»*. Младороссы неоднократно заявляли, что реставрация капитализма в России приведет к переходу почти всех отраслей национальной промышленности в руки евреев, поскольку те имеют капиталы и связи с границей.

Младоросская экономическая концепция заключалась в необходимости развития в России планово-рыночной экономики. Частная собственность признавалась, но отнюдь не как священная и неприкосновенная. Младороссы признавали лишь «функциональную» частную собственность, допустимую в тех отраслях народного хозяйства, где участие государства не обязательно. Плановое хозяйство по-младоросски выглядело так: предприятия и отрасли объединяются в хозяйственные союзы, которые и составляют план «снизу», который утверждает или вносит необходимые поправки Всеимперский Совет Народного Хозяйства. Легко заметить, что здесь младороссы всего лишь повторяли советскую экономическую модель времен НЭПа, разбавленную западными теориями корпоративной экономики.

Младороссы были убеждены в том, что их идеология вовсе не эклектика, а творческий синтез русских традиций, развития позитивных достижений революции и привнесения передового западного социально-политического опыта (фашизма), что примирит в единстве фашизм и социализм, архаизм и модернизм.

Несмотря на участие в различных коалициях с фашистскими течениями эмиграции, младороссы все же были ближе к национал-большевизму и к концу 30-х гг., по мере приближения агрессии фашистских государств против СССР, они не случайно перешли на просоветские

* Указ. соч. С. 471.

позиции. В годы Второй мировой войны младороссы исчезли как организация и как идеология, А. Л. Казем-бек, «глава» партии, в 1956 г. вернулся в Советскую Россию, где и умер два десятилетия спустя скромным сотрудником изданий Московской патриархии.

Прямо противоположный путь прошла еще одна национал-революционная организация молодежи Зарубежья – существующий с 1930 года по наши дни *Национально-Трудовой Союз (НТС)*. Объективная история НТС еще не написана, поскольку НТСовское издательство «Посев» и люди, так или иначе связанные с НТС, рисуют историю родной конторы розовыми красками, описывая подвиги заброшенных в СССР агентов НТС, и даже пытаясь найти в действиях НТС в годы Великой Отечественной войны некую «третью силу», борющуюся против и Гитлера и Сталина. Советские публицисты, в свою очередь, рисовали НТС исключительно черной краской, отказываясь признавать ее самостоятельной организацией, видя в НТС исключительно платную агентуру, переходящую от абвера к Интеллидженс сервис и затем к ЦРУ*.

В конце 80-х гг. появились легальные отделения НТС на территории СССР (впрочем, оставшиеся микроскопическими по численности). Однако, несмотря на культ всего западного и особенно проживающих на Западе соотечественников, воцаривший на несколько лет при переходе от перестройки к ельцинизму, НТС никаким влиянием не пользовался даже у ставших регулярными читателями журнала «Посев» интеллигентов, поскольку его доктрина солидаризма не пользуется у них успехом. Тем не менее НТС и «Посев» действительно на протяжении десятилетий печатали и перепечатывали, множили и распространяли материалы, ставшие классикой антисоветской литературы, часть из которых вошла в арсенал русской правой, поэтому без изучения НТСовских архивов вряд ли возможно иметь полное представление о некоммунистических течениях в эмиграции и внутри СССР.

НТС возник как организация эмигрантской молодежи в Югославии. Это обстоятельство нельзя игнорировать, поскольку на Балканах среди русской эмиграции преобладал военный элемент, тяготевший к авторитаризму изначально (в отличие от более демократичной по социальному составу и по убеждениям эмиграции во Франции и в Чехословакии). Существовавший в Югославии с 1929 года военно-полицейский режим во главе с королем, активно действующие националистические, сползающие к фашизму, организации типа хорватских усташей, не могли не обогатить идейно молодых эмигрантов, наблюдавших полный упадок «дореволюционных» партий. Все это закономерно привело к появлению на «прифронтовых», близких к СССР Балканах, пореволюционного движения, совершенно не желавшего считать себя второй

* См., напр.: Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М., 1983.

советской партией, а напротив, надеявшегося на полное уничтожение Соввласти, в борьбе с которой дозволены любые средства, в том числе и союз с внешними врагами России. Более того, поражение СССР в войне поможет организации народных масс для Национальной Революции, что явится «завершением начавшейся в 1917 году революционной эпохи», считали НТСовцы.

О будущей форме правления в постбольшевистской России откровенно говорил идеолог НТС в 30-е гг. М. Гордиевский: «Пока эмиграция продолжает застарелый спор – монархия или республика, жизнь и современность выдвинули новую форму политического бытия – диктатуру. К ней одинаково пришли и монархическая Италия, и республиканская Германия. Для нас диктатура не уклончивый ответ боящихся сделать решительный шаг. Диктатура для нас – сильная власть, единственный путь осуществить национальную революцию и установить твердый порядок»*.

В основу идеологии НТС легла теория солидаризма – одна из многих авторитарно-корпоративистских теорий довоенной Европы, берущая начало во взглядах французского социолога Леона Дюги (1859–1928). Сам по себе солидаризм как политико-правовое учение предполагал частную собственность рассматривать как социальную обязанность, выполняемую в интересах блага всей нации и предполагавший замену всеобщего избирательного права пропорциональным представительством профессиональных организаций, имел много схожего с теоретическими построениями русской правой. В Западной Европе многие концепции солидаризма, в частности, корпоративность и «социализация собственности», широко использовались теоретиками фашизма.

Неудивительным было и открытое сотрудничество НТС с немцами в годы Второй мировой войны. Какие бы высокие аргументы в пользу этого сотрудничества ни приводили современные адвокаты НТС, этот факт невозможно оправдать. Как бы ни относился порядочный человек к политическому режиму в своей стране, но защита Родины от иноземного завоевателя всегда должна быть для него священной.

Правда, и в 30-е гг. НТС по идеологии не была «чисто» фашистской организацией. Вероятно, именно по этой причине, хоть и замаранный союзом с Гитлером, но все же антибольшевистский НТС оказался единственной существующей по наши дни политической организацией белой эмиграции, в то время как просоветские «оборонцы» и русские фашисты Зарубежья по понятной причине исчезли.

После 1945 г., в условиях холодной войны НТС стал «крышей» для действий западных спецслужб, и воспринимать какую-либо идеологию у НТС всерьез не приходится. В материалах «Посева» преобладали

* Новое время. 1993. № 10.

установки на формирование внутри СССР западнического либерального крыла диссидентства, и всякие ссылки на доктрину солидаризма были лишь данью традиции.

Русский эмигрантский фашизм

Если младороссы и ранний НТС, испытав сильное влияние идей и практики фашизма, все же остались достаточно самостоятельными идеологическими партиями, то часть национал-революционеров усвоила фашизм полностью. По подсчетам современной исследовательницы С. В. Онегиной, в 20–30-е гг. было создано свыше десятка эмигрантских организаций с общим количеством членов 40 тысяч человек, называвших себя «фашистскими» или «национал-социалистскими»*. Русский фашизм имел два центра – Дальний Восток (Маньчжурию с некоторыми городами Китая, где осело около 200 тысяч русских эмигрантов) и страны Запада.

В Маньчжурии фашисты были объединены в одной организации, несколько раз менявшей имя (Русская Фашистская Организация (1925–31)), затем Русская Фашистская Партия (РФП), в 1934–38 гг., после объединения с русскими фашистами в США – Всероссийская Фашистская партия, и, наконец, с 1938 года – Русский Фашистский Союз) во главе с Константином Владимировичем Родзаевским. «Фюрер» фашистов Маньчжурии относился к молодому поколению и по возрасту (родился в 1907 г.), и по эмигрантскому стажу (он бежал из СССР лишь в 1925 г.). Однако, благодаря своей энергии и организаторским способностям К. В. Родзаевский сумел создать из маленькой секты эмигрантов достаточно крупную партию. После оккупации японцами Маньчжурии в 1931-м для организации Родзаевского начались золотые дни, поскольку новые хозяева края заинтересовались русскими фашистами как потенциальным пушечным мясом в грядущем броске японской армии в Сибирь. Со своей стороны, РФП и его фюрер надеялись при опоре на японцев вернуться в Россию как лидеры «национальной революции».

«Маньчжурцы» благодаря теснейшему сотрудничеству с японскими спецслужбами и командованием Квантунской армии стали заметной силой в Зарубежье. Уже с начала 30-х гг. РФС стал открывать

---

* Онегина С. В. Пореволюционные политические движения российской эмиграции. Варианты государственной доктрины. Автореферат... к. и. н. М., 1997.

филиалы в Европе, Северной и Южной Америках, в Австралии. В пик своего влияния в 1937 г. РФС имел 23 тысячи человек, в том числе среди членов и сочувствующих в зарубежных отделах в 18 странах не менее 10 тысяч*. В Шанхае РФС издавал ежемесячный журнал «Нация», в Тяньцзине – приложение к местной русской газете «Возрождение Азии», в Харбине – газету «Наш путь» под редакцией самого К. В. Родзаевского, там же была организована партийная школа по подготовке кадров. Издания РФС выходили также далеко за пределами Маньчжурии. Так, в городе Сан-Паулу (Бразилия) выходила ежедневная «Русская Газета», в Софии (Болгария) из числа многочисленных русских газет ежемесячно выходила фашистская «Русь».

Впрочем, преувеличивать значение организации Родзаевского не стоит. Вся эта партия существовала целиком и полностью на японскую финансовую и политическую поддержку и представляла собой не столько политическое движение, сколько гражданское прикрытие диверсионно-шпионской организации. При этом РФС не объединял даже всех русских правых эмигрантов в самой Маньчжурии, т. к. японцы предусмотрительно в противовес Родзаевскому поддерживали другие, чисто «белогвардейские» группы, напр., казаков атамана Г. М. Семенова. Когда надобность в РФС у японцев исчезла, то вся эта партия была распущена 1 августа 1943 года по приказу командования Квантунской армии.

Полная политическая зависимость от японцев не способствовала теоретическим изыскам РФС. Обезьянье копирование западноевропейского фашизма во всех мелочах – вот и весь «идейный багаж» русского фашизма на Дальнем Востоке. Партийная форма русских фашистов была скопирована с итальянского образца – черная рубашка, черные брюки галифе с оранжевым кантом, черные фуражки со свастикой. Партийное приветствие представляло собой «римский салют», который под другим названием использовали немецкие нацисты – вскинутая вверх правая рука с возгласом «Слава России!». На партийном значке был изображен золотой двуглавый орел и свастика. Партийный флаг представлял собой белое полотнище с изображением черной свастики в желтом ромбе. На древке флага был двуглавый орел. У маньчжурцев было два гимна – «Хорст Вессель» и Преображенский марш с измененными текстами.

Единственное идеологическое новшество – провозглашение Православия фундаментом идеологии. Наряду с партийным флагом в РФС было и религиозное знамя с изображением Спаса, и, наряду с партийным, также религиозный значок. Так, православные члены РФС носили значок с изображением крестителя Руси князя Владимира. Это действительно отличало РФС от гитлеровского антихристианства, но и

* Там же.

в данном случае отличие сие было обусловлено особенностями существования эмигрантов, которые видели в своем вероисповедании нечто, объединяющее всех русских на чужбине, в то время как Гитлер в конфессионально разьединенной Германии должен был бороться с протестантским и католическим партикуляризмом.

Наконец, свою идеологическую скудость РФС пытался компенсировать обильным употреблением советской лексики. Так, программа, принятая на III съезде партии, называлась «генеральной линией» и провозглашала начало выполнения «фашистской трехлетки», по окончании которой в России должен был восторжествовать фашизм. Помимо этого, члены РФС любили исполнять советские песни с несколько измененным текстом.

Главная задача РФС заключалась в осуществлении национальной революции, свержении большевизма и установлении национальной диктатуры. Программные документы, написанные рукой Родзаевского, носили такие говорящие названия: «Фашистское мировоззрение», «Монархия или республика», «Лицом к России», «Государство российской нации». Свою партию Родзаевский рассматривал как ведущую силу «активной эмиграции», которая в дальнейшем должна стать авангардом национальной революции в самой России.

В июле 1935 года была утверждена новая программа партии («генеральная линия»), которая максимально должна была подойти к умунастроениям масс советских людей. Целью деятельности русских фашистов было провозглашение «освобождения Родины от еврейского коммунизма». Основой нового строя в России должны будут стать свободно выбираемые Советы всех уровней. Руководящая роль в новом государстве должна будет принадлежать Национальной (то есть фашистской) партии. Основным лозунгом фашистского движения провозглашалась триада – «Бог, Нация, Труд».

Интересны взгляды теоретиков русского фашизма на национальный вопрос. Они отрицали интернационализм коммунизма. В качестве альтернативы выдвигалась концепция единой российской нации, объединяющей все коренные народы страны, в которой они смогут сохранить все свои этнические, культурные и религиозные особенности. Понятно, почему, выступая против сепаратистов, руководство фашистов Маньчжурии одновременно создавало национальные секции (мусульманские, армянские и пр.) в партии.

При всей своей идеологической слабости, русские фашисты в Маньчжурии вели весьма действенную организационную работу среди русской эмиграции края и пытались (впрочем, безуспешно), создавать свои нелегальные организации в СССР. Было создано Российское женское фашистское движение, детские и юношеские организации (союз

фашистских крошек, объединивший детей с 5 лет, организация юных фашистов «Авангард» и союз юных фашисток-авангардисток для подростков с 10 до 16 лет). Наконец, было создано что-то типа фашистского комсомола – Национальное объединение русской молодежи.

Определенные успехи имели фашисты в создании корпоративных организаций эмигрантов в Маньчжурии. Под их эгидой был создан Союз национальных союзов, в который вошли: общество служащих, союз печатников, союз русских торговопромышленников, союз железнодорожников и ряд других профсоюзных и корпоративных организаций.

Однако главный вопрос, стоящий перед патриотами в эмиграции, – насколько далеко можно идти в борьбе против режима в своей стране, если эта борьба будет подрывать страну, так и не был решен в рядах русских фашистов. Уже в конце 30-х гг. ряд деятелей партии выступили против Родзаевского, осуждая его за союз с Японией. Правда, полного раскола в партии не произошло, но эффективность ее работы была ослаблена.

Родзаевский приветствовал нападение Германии на СССР. Но подавляющее большинство русских в Маньчжурии, включая членов партии Родзаевского, заняли просоветскую позицию. Партия русских фашистов сразу же резко ослабла, фактически перестав играть политическую роль. В 1943 году РФС, как уже говорилось, был распущен японцами. Когда в августе 1945 года Советская армия, разгромив японцев, заняла Маньчжурию, русские фашисты никак себя не проявили.

После поражения японских войск в Маньчжурии Родзаевский не стал скрываться, а добровольно сдался СМЕРШу. Советская власть не оценила поступок Родзаевского, приговорив его к смертной казни. Но еще до своей добровольной сдачи экс-фюрер русских фашистов написал письмо Сталину. Это было не прошение о помиловании (его Родзаевский не просил), а своего рода предсмертная исповедь патриота, занявшего неправильную позицию. Касаясь своей оппозиционности советскому коммунизму, приведшей к усвоению фашизма, Родзаевский писал: «В коммунизме для нас неприемлемым тогда был интернационализм, понимаемый как презрение к России и русским, отрицание русского народа, естественнонаучный и исторический материализм, объявивший религию опиумом для народа. Нас привлекал пример итальянского фашизма, будто бы создавшего новый строй жизни, сочетавший национализм и социальную справедливость»*.

О своей партии и своих заблуждениях Родзаевский писал: «... нашим лозунгом мы избрали слова «Бог, Нация, Труд», определив

* Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. Документы и материалы (под ред. А. Ф. Киселева). М., 1999, с. 319.

тем самым свою идеологию как сочетание религии с национализмом и признанием первоценности труда, умственного и физического... Мы выдумали образ будущей новой России, в которой не будет эксплуатации ни человеком, ни государством, ни капиталистов, ни коммунистов. В основу нашей программы мы поместили идеал свободно выбранных советов, опирающихся на объединение всего народонаселения в профессиональные и производственные союзы... Мы не замечали, что функции национальной партии в настоящее время в России, ставшей СССР, осуществляет ВКП (б) и что Советы СССР по мере роста новой, молодой русской интеллигенции становятся все более и более национальными, так что мифическое «государство российской нации» и есть, в сущности, Союз Советских Социалистических Республик... Мы не замечали, что в СССР шла не эволюция, не сдвиги, а более глубокий и жизненный процесс – процесс углубления революции, включавший в себя все лучшие стремления человеческого естества. Не замечали мы, что этот органический и стихийный процесс тесно связан с направляющим гением И. В. Сталина, с организационной ролью Сталинской партии, с усиливающимся значением Российской Красной Армии. Религия, когда-то использовавшаяся господствующими классами, после уничтожения этих классов обрела свой первохристианский основной смысл – стала религией трудящегося народа. Православная Церковь неизбежно должна была примириться с Советским государством, сделавшимся оплотом организованной жизни трудящегося и верующего русского народа и заключить крепкий союз церкви и государства. А мы как раз и боролись не за католическое подчинение государству – Церкви, а за подобный свободный союз и за возглавление нашей Церкви соборно избранным Патриархом, что и осуществилось при Сталине в 1945 году. Сталинизм, примирив коммунизм с религией, примирил коммунизм и с нацией...»*.

Затронул Родзаевский и столь болезненную для всех русских правых еврейскую проблему: «Но долгое время нас смущал еврейский вопрос... У нас не было расового подхода к евреям, но, изучив историю еврейства, мы пришли к выводу, что еврейская религия, внушающая каждому еврею мысль о божественном избранничестве и о том, что только евреи – люди, а все остальные лишь «человекообразные твари» – этот звериный талмудизм превращает каждого еврея в антисоциального врага каждой самобытной нации... Коммунизм в виде марксизма казался нам одним из орудий мирового еврейского капитала по захвату власти над миром... Только недавно мы пришли к выводу, что именно мировая социальная революция, лишая еврейского капиталиста, наряду со всеми

---

* Там же, с. 319–320.

прочими средств и орудий производства, финансового капитала, одна может радикально и в общих интересах разрешить еврейский вопрос»*.

Весьма самокритично отзывался вождь РФС об ошибках своих и своей партии: «Не сразу пришли мы к изложенным здесь выводам, ибо много сомнений, обманов, соблазнов и колебаний было на нашем пути... Ошибочно назвав свое национально-трудовое движение «фашистским», мы были вынуждены ассоциировать многие русские понятия с понятиями фашистских движений иностранных государств. Проживая за границей и связавшись с иностранными силами, мы сделались изменниками и рабами внешних врагов России. Будучи националистами, пламенно любившими свой народ и нашу родную страну, год за годом мы превращались в оторванных от Родины фактических интернационалистов – ландскнехтов того самого капитала, который был нам ненавистен. А в это время интернационалисты превратились в националистов, развив интернациональный марксизм в российский ленинизм и всечеловеческий сталинизм, навсегда примиривший национализм с коммунизмом... Мы приветствовали... поход Германии против СССР, считая, что освобождение Родины любой ценой лучше, чем продолжение ее «плена», как я думал, «под игом евреев». Невзирая на сопротивление Верховного совета партии и подавляющего большинства российских фашистов, я навязал эту генеральную линию Российскому Фашистскому Союзу и упрямо настаивал на ней до конца. Поэтому прошу всех членов организации, построенной на диктаторских принципах, не винить за германофильскую политику, ибо за нее по справедливости должен отвечать один я, лично и единолично»**.

И общий итог всей идейной эволюции русского фашизма, согласно Константину Родзаевскому, таков: «Не сразу, а постепенно пришли мы к этим выводам, изложенным здесь. Но пришли и решили: сталинизм это как раз то самое, что мы ошибочно называли российским фашизмом; это наш «российский фашизм», очищенный от крайностей, иллюзий и заблуждений»***.

При написании этого письма Родзаевский, видимо, не рассчитывал на пощаду. Неслучайно он на себя взял всю ответственность за антинациональное поведение РФС во время войны, выгораживая своих товарищей по партии. В заключение письма Родзаевский писал: «И настоящее мое письмо – не только политическая исповедь, но и заявление о твердой решимости – идти отныне по настоящему русскому пути, по советскому пути, по пути, которым ведет народы Сталин, Советское

---

* Там же, с. 321.

** Там же, с. 322.

*** Там же, с. 325.

правительство, сталинская партия, – куда бы этот путь меня не привел: к смерти, в концлагерь или к возможности новой работы»*.

30 августа 1946 года Родзаевский был расстрелян. По легенде, перед казнью он воскликнул: «Слава России! Да здравствует фашизм! Да здравствует Сталин!».

На *Zanade* единой фашистской партии в силу гораздо большего рассеяния эмиграции не возникло. Среди мелких фашистских и профашистских партий можно обратить внимание лишь на возникшую в 1926–27 гг. «Национальную организацию русских фашистов» (НОРФ). Среди эмигрантов в Германии в 1933 г., через три недели после прихода Гитлера к власти образовался РОНД – Российское Национал-социалистическое движение во главе с А. П. Светозаровым (российским немцем, настоящая фамилия которого была Пильхау), которого, впрочем, уже в конце этого же года заменил бывший генерал, командовавший Западной Добармией, П. М. Бермонт-Авалов.

Наконец, в 1933 году в США некий Анастасий Вонсяцкий, поляк по происхождению (его отец был начальником Варшавской жандармерии, погибшим в 1910 году при исполнении долга), бывший рядовой белогвардеец, обладавший крупным состоянием благодаря женитьбе на богатой американке вдвое старше по возрасту, создал Всероссийскую Фашистскую Организацию (ВФО). Впрочем, влияние этой «всероссийской» организации не выходило дальше эмигрантов в штате Коннектикут. Эта, да и все эти организации были слишком малочисленными и несерьезными, чтобы делать вывод о широком распространении фашистских идей среди эмиграции.

В апреле 1934 года американская ВФО Вонсяцкого и маньчжурская РФП Родзаевского объединились во Всероссийскую Фашистскую партию (ВФП). Впрочем, объединение было недолгим. Слишком различны были социальные и политические реальности стран проживания эмигрантов – фашистов, слишком амбициозны оба вождя. Уже в конце того же 1934 года ВФП фактически распалось на составляющие его две первоначальные организации.

ВФО перестало существовать с началом Второй мировой войны. Сам Вонсяцкий в 1942 году был арестован по обвинению в шпионаже в пользу стран Оси и приговорен к пяти годам заключения. После выхода на свободу Вонсяцкий прекратил всякую политическую деятельность. Он умер в полной неизвестности, хотя отнюдь не в бедности, в 1965 году.

В 1939 г., перед самой войной была предпринята попытка объединения национал-революционных организаций, результатом чего стало появление Национального Фронта, в который вошли РФС (Мань-

* Там же, с. 325.

чжурия), РОНД (Германия), НОРФ, Русский Национальный Союз в Америке, Русский Национальный Союз участников войны (РНСУВ), кружок друзей газеты «Голос России» И. Л. Солоневича. Примкнули к Национальному Фронту казацкие организации, группы НТС, кружок «Белая Идея» (Париж) и пр.

Национальный Фронт оказался нежизнеспособным. Противоречия между эмигрантами и особенно их спонсорами оказались слишком серьезными, чтобы могла образоваться хотя бы элементарная координация действия между всеми течениями национал-революционеров. К тому же заключение пакта между СССР и Германией 23 августа 1939 года сразу же смешало все карты. Те из фашистов, кто надеялся на разгром СССР силами Германии и Японии, оказались совершенно деморализованы пактом и свернули свою деятельность, как, напр., РОНД. Среди других национал-революционеров после пакта усилились просоветские симпатии. Фактически это означало конец русского фашизма как политической силы.

Завершая разговор о национал-революционерах эмиграции, обратим внимание на то, что они вместе взятые объединяли меньшинство эмиграции и не имели ни малейшего влияния на население СССР. Группировки фашистского типа, в свою очередь, составляли меньшинство национал-революционеров и не имели никакой самостоятельности, будучи всецело зависимыми от спецслужб фашистских государств. Можно констатировать, что идеи фашизма, будучи полностью продуктом развития западной цивилизации, могли овладеть только небольшой частью молодых эмигрантов, чье мировоззрение сформировалось уже на чужбине. В целом русский эмигрантский фашизм навсегда останется мелким историческим курьезом

«Сменовеховство» и «Национал-большевизм»

Завершить разговор о вкладе русской белой эмиграции в идеологию русской правой необходимо темой национал-большевизма.

Собственно говоря, этот термин, вновь появившийся в конце 80-х гг., имеет несколько значений:

1) идейное направление в среде белой эмиграции, отчасти разделяемое «буржуазными спецами» в СССР. Среди национал-большевистских течений выделялись сменовеховцы, отчасти евразийцы, утвержденцы и др. национал-максималистские группы, и, наконец, национал-патриоты СССР, независимо от партийной принадлежности;

2) название для политической практики, проводимой в СССР со второй половины 30-х гг., для которой было характерно сочетание русско-советского патриотизма с русифицированным марксизмом-ленинизмом и использованием опыта большевиков (система правящей партии с «приводными ремнями» в виде общественных организаций, формально выбираемые народом и правящие Советы и пр.) в управлении государством. После августа 1991 г. национал-большевизм снова стал идеологическим направлением, которым руководствуется значительная часть членов КПрФ и ряда «государственных» национал-патриотических организаций. Но об этом мы поговорим во второй части книги;

3) наконец, национал-большевиками («нацболами») называют себя сторонники партии Эдуарда Лимонова (НБП), одной из самых оригинальных и экстравагантных партий оппозиции. Впрочем, нацболы больше опираются на примеры западных радикалов, чем на отечественную традицию

Изначально все же национал-большевизм был порождением осмысления правыми опыта революции с своего поражения в Гражданской войне. Оставаясь противниками большевистской идеологии, часть правых не могла не признавать революцию как истинно русскую, служащую подлинным интересам народа, ликвидировавшую прогнивший старый режим, недостатки которого сами правые видели и осуждали. Короче говоря, большевистская революция под интернационалистскими лозунгами может быть национально оправдана, поскольку, как заметил бывший лидер прогрессивных националистов в IV Думе В. В. Шульгин, «большевизм исчезнет, а границы России, проведенные большевиками, останутся»*.

Сам Шульгин своей жизнью, пройдя путь от черносотенца, затем белого теоретика, и под конец почетного гостя XXII съезда КПСС может служить классическим примером превращения русского правого националиста в национал-большевика.

Впрочем, честь формулирования национал-большевизма в его самой первой и самой известной форме – сменовеховство (к которому часто сводят весь национал-большевизм эмиграции), принадлежит группе молодых политиков, недавних белогвардейских деятелей, выпустивших в Праге в середине 1921 г. сборник статей «Смена вех», давший название всему движению.

Главную роль в этой группе играл Николай Васильевич Устрялов (1890–1938), в недавнем прошлом председатель Восточного Бюро ЦК кадетской партии, советник адмирала Колчака. Строго говоря, Устрялов в тот момент находился в Маньчжурии, но авторы «Смены вех», при

* Шульгин В. В. 1920 год. М., 1979.

всей своей яркой индивидуальности, в дальнейшем в области идеологии шли за Устряловым. В числе авторов сборника выделялся Ю. В. Ключников – бывший колчаковский министр иностранных дел, А. В. Бобрищев-Пушкин, петербургский адвокат, Ю. Н. Потехин, профессор и член партии кадетов, и др. В этом сборнике со столь намекающим названием авторы не только критически оценили собственное прошлое, но и попытались выработать новую программу действий при признании социально-политических реалий послереволюционной России.

Авторы недвусмысленно заявили: «Гражданская война проиграна окончательно. Россия давно идет своим, не нашим путем... Или признайте эту новую, ненавистную вам Россию, или оставайтесь без России, потому что «третьей России», по вашим рецептам, нет и не будет»*. Авторы сборника не сомневались в поддержке значительной части нации власти большевиков, видя в самом факте длительности существования Соввласти ее народный характер и признавали, что «когда встала дилемма: Красный Кремль или Кремль с колокольным звоном царей московских, народ предпочел первое». Но раз народ поддержал большевиков, то значит, и новая власть при всех своих интернационалистских перегибах рано или поздно станет национальной властью. Впрочем, она уже стала национальной, когда отразила иноземные вторжения и сохранила территориальную целостность России.

И общий вывод «Смены вех» был категоричен: «Советская власть сохранила Россию – Советская власть оправдана, как бы основательны ни были отдельные против неё обвинения»**. Поэтому интеллигенции необходимо пойти на сознательную работу с властью, единственной способной править страной.

Легко догадаться, что появление «Смены вех» вызвало взрыв эмоций в среде эмиграции. Разумеется, значительная часть эмиграции оставалась «непримиримой», но тем не менее сменовеховство нашло и определенную массовую базу. Доводы и аргументы сменовеховцев, особенно убедительные в устах людей, бывших столпами белого движения, действовали впечатляюще на массу рядовых эмигрантов. Сменовеховское движение выразилось в изданиях одноименного журнала в Париже, газет «Накануне» (Берлин), «Новый путь» (Рига), «Новая Россия» (София), «Путь» (Гельсингфорс), «Новости жизни» (Харбин).

В Москве быстро обратили внимание на сборник. Ленин резонно считал, что сменовеховство привлечет на сторону Советской власти многих старорежимных специалистов, включая даже часть белоэмигрантов. В феврале 1922 года Ленин предложил включить Ю. В. Ключ-

* «Смена вех». Тверь, 1994. С. 78.

** Там же. С. 124.

никова в число экспертов в советскую делегацию на Генуэзскую конференцию*.

Сам Устрялов также поместил ряд статей, оказавших несравненно более серьезное впечатление, чем сборник «Смена вех». Как справедливо заметил современный исследователь творчества Устрялова Сергей Сергеев, «мы имеем дело не просто с выдающимся, но с одним из величайших политических публицистов России за всю ее историю. Если весомость слова последних измерять степенью реализации их идей, то место Устрялова, без сомнения, в первой тройке, рядом с А. И. Герценом и М. Н. Катковым»**.

Маньчжурский публицист издавал одна за одной яркие публицистические книги, составившие фундамент национал-большевизма – сборники «В борьбе за Россию» (1920), «Под знаком революции» (1925), «Наше время» (1934), множество работ по истории философии, текущим политическим событиям в разных странах Европы и пр. Эти его произведения действительно стали ярким событием политической жизни России и русской эмиграции. На XII и XIV съездах большевистской партии статьи Устрялова стали темой обсуждения.

Бывший деятель партии кадетов, причем принадлежащий к ее правому крылу, Устрялов рассматривал революцию не как результат происков всякого рода «темных сил», (хотя именно такой упрощенный взгляд на произошедшее был характерен для большинства белоэмигрантов), и, разумеется, не как естественный результат конфликта между производительными силами и производственными отношениями (как уверяли марксистские ортодоксы). Для Устрялова большевизм был прямым наследником русских социальных движений предшествующих веков. Ленин для Устрялова был кем-то вроде победоносного Пугачева. Вообще личность вождя большевиков вызывала у маньчжурского публициста восхищение: «Он (Ленин) был великий исторический деятель и великий революционер. Он был кроме того глубочайшим выразителем русской стихии в ее основных чертах. Он был, несомненно, русским с головы до ног. И самый облик его – причудливая смесь Сократа с чуть косоватыми глазами и характерными скулами монгола – подлинно русский, «евразийский». Много таких лиц на Руси, в настоящем, именно «евразийском», русском народе: Ильич... А стиль его речей, статей, «словечек»? О, тут нет ни грана французского пафоса, столь «классически революционного». Тут русский дух, тут Русью пахнет... В нем, конечно, и Разин, и Болотников, и сам Великий Петр. В грядущих монографиях наши потомки разберутся во всей этой генеалогии... Пройдут годы,

* Ленин В. И. ПСС, т. 54, с. 157.

** Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М., 2003 с. 7.

сменится нынешнее поколение, и затихнут горькие обиды, страшные личные удары, которые наносил этот фатальный, в ореоле крови над Россией взошедший человек, миллионами страдающих и чувствующих русских людей. И умрет личная злоба, и «наступит история». И тогда уже все навсегда и окончательно поймут, что Ленин – наш, что Ленин – подлинный сын России, ее национальный гений – рядом с Дмитрием Донским, Петром Великим, Пушкиным и Толстым*.

Устрялов и сменовеховцы отнюдь не отрекались от своего участия в Белом движении. Однако они мужественно признавали свое поражение и высказывали готовность покориться воле народа, поддержавшего большевизм. При этом готовность подчиниться Советской власти не означала безоговорочную капитуляцию. Устрялов проводил весьма прозрачные аналогии с историей самого большевизма. В своих записных книжках он отмечал: «Если угодно, «Смена вех» была «белым Брестом» Или, пожалуй, еще лучше – «белым нэпом»**.

Сменовеховство существовало не только за рубежом, в эмиграции. Сменовеховство стало определяющей идеологией, скорее, даже, чувством тех старорежимных специалистов, что пребывали во внутренней эмиграции, отказываясь поддерживать как режим, так и контрреволюцию. В Москве сложилась группа, напоминающая сменовеховство, издававшая в 1922–26 гг. ежемесячный журнал «Россия». Среди видных представителей внутреннего сменовеховства можно назвать имена Исайя Лежнева и Владимира Тан-Богораза. В целом, многочисленные «спецы», служившие большевикам, в основном были по своим взглядам интуитивными сменовеховцами. Служилое сословие в России во все времена умело разделять Родину и ее власть предержажшую.

В белой эмиграции в основном сменовеховство проявилось в «возвращенчестве» – репатриации на Родину десятков тысяч русских людей, причем не только беженцев, но и активных идейных борцов с красными. В 1935 году вернулся на Родину и сам Устрялов. Вероятно, процесс репатриации был бы гораздо масштабнее, если бы Советская власть проявила больше доверия к возвращенцам, многие из которых были на Родине репрессированы органами госбезопасности ОГПУ–НКВД, что не было тайной за рубежом.

Впоследствии погиб в результате репрессий сам Н. Устрялов, «сменовеховец № 1».

Но, как признавал зарубежный исследователь национал-большевизма М. Агурский, как никто другой Н. В. Устрялов угадал тенденции исторического развития России. Он ошибся лишь во времени. Его идеи

* Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М., 2003, с. 373.

** Там же, с. 555.

были подхвачены советским руководством, хотя официально они были осуждены*.

Устрялов действительно слишком опережал время, считая Советскую власть переросшей в национальную, НЭП – не тактическим маневром, а отказом правящей партии от марксизма и началом эволюции к капитализму. Воспитанные на опыте Французской революции, сменовеховцы сравнивали период военного коммунизма с якобинской диктатурой, а НЭПовские изменения уподобляли термидору. Подобные взгляды, кстати, были широко распространены и в большевистской партии, для лидеров которой опасения термидорианского переворота были постоянным кошмаром. Троцкий свое поражение в борьбе за власть со Сталиным считал «советским термидором». На VIII Пленуме Исполкома Коминтерна (ИККИ) в мае 1927 г. Троцкий говорил о «термидорианском перерождении ЦК», о «национально-консервативном курсе» и о «*кулацко-устряловской (!) линии*» партии. Никакой подобной «линии» в партии не существовало (к сожалению!), но сама терминология Троцкого наглядно показывает страхи большевистских вождей перед возможностью национального перерождения партии, в потворстве которому они обвиняют друг друга.

Наряду со сменовеховским теоретизированием, часть белоэмигрантов работала в национальных интересах страны, как это они считали, установив тесные связи с советскими «органами» ОГПУ–НКВД. Агентами чекистов оказались такие значительные люди, как министр Временного правительства и Колчака, один из лидеров Торгово-Промышленного Союза С. Н. Третьяков, один из руководителей Российского Общевоинского Союза (РОВСа) генерал Скоблин, его жена, знаменитая певица Надежда Плевицкая, генералы Монкевич и Штейфон, адмирал Крылов, дочь лидера октябристов Вера Гучкова, сын генерала Ф. Ф. Абрамова, возглавившего РОВС после похищения чекистами генерала Миллера, муж М. Цветаевой Сергей Эфрон, один из руководителей Братства Русской Правды Кольберг, и ряд др.

Накануне и особенно во время Второй мировой войны белая эмиграция оказалась расколотой на просоветских оборонцев и на сторонников фашистских агрессоров. Фактически все это привело к исчезновению Белой идеи как таковой, поскольку одни, вовсе не став «красными», превратились в сознательных союзников политического строя в России. Другие же, какими бы идеями ни руководствовались, вступив в соглашения с нацистами, утратили право считаться русскими патриотами и, следовательно, белыми, ведь патриотизм – фундамент Белой идеи.

* Агурский М. У истоков национал-большевизма //Минувшее. Исторический альманах. М., «Прогресс». 1991. С. 141.

* * *

Завершая разговор о белой традиции в современной русской правой, можно констатировать, что Белая идея, представляя собой не идеологическую систему, а скорее оскорбленное патриотическое чувство, в эмиграции вдохновляла многих теоретиков и практических политиков. Многие оказавшиеся глубоко верными предвидения мыслителей эмиграции о будущей постсоветской России стали частью идейного наследия современной правой. При этом национал-большевистские и другие пореволюционные признания Октябрьской революции и фактический их союз (или желание такового союза с большевистской партией или руководством СССР) ещё не нашли теоретического обоснования. Впрочем, современные российские «белые», пусть и без энтузиазма, в немалой своей части вступили в соглашение с современными «красными». Так что традиция национал-максимализма продолжает жить и в новых условиях.

***

Итак, русская правая идеология за первые полтора столетия существования значительно изменялась вместе со всей страной, расслоилась на ряд направлений и течений – от ультраконсервативных до ультра-радикальных, но тем не менее, оставаясь достаточно единой, стала составной частью русской политической традиции. По иронии истории, многие характерные черты русской правой идеологии России – этатизм, антибуржуазность, принципиальная антизападность, коллективистский корпоративизм, апелляция к «народу», экономический волюнтаризм, отеческий характер Верховной власти, почвенный характер национализма, наконец, вся та особенная политическая культура самодержавного государства, способствовали победе левых радикалов в 1917 г., поскольку последние, руководствуясь совершенно другими философско-экономическими концепциями, тем не менее имели немало общих черт в своих теориях, схожих или совершенно одинаковых с системой ценностей правых. Неудивительно, что правая традиция продолжала подспудно существовать и при Советской власти, проявляясь в самых разных формах.

И совершенно естественно, что по мере заката ортодоксальной коммунистической идеологии в России началось возрождение национально-патриотических партий и движений, вдохновляющихся модернизированными идеями традиционной правой. Рассмотрению этого возрождения и теоретическим новшествам правых 90-х гг. посвящена 2-я часть книги.

Часть вторая

Глава IV

ОТ «ПАРТИИ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ» К «ПАРТИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ»

Феномен национал-патриотизма 90-х гг. был бы совершенно непонятен без изучения того пути, по которому прошла победившая в октябре 1917 г. партия. Собственно говоря, более чем семь десятилетий крайне жесткого правления с массовой пропагандой марксистско-ленинской идеологии среди всех слоев советского общества не могли не оставить следа в лексике, менталитете, методах организационной работы у правых, среди которых абсолютно все родились при Советской власти.

Но на правых КПСС оказала также и идеологическое влияние. Как бы ни ругали патриоты семь десятилетий советской истории, какие бы страшные цифры жертв репрессий ни приводили, но любой достаточно честный патриот не может не признать, что Российская империя никогда не достигала такой политической, военной, экономической мощи, как Советский Союз. Другое дело (и здесь критика с позиций русского национализма справедлива) – цена успехов советского периода часто была неоправданно высока, и это надломило силы народа. И, что еще более существенно, государствообразующая русская нация оказалась донором как других братских советских народов, так и всего «социалистического содружества».

В результате русские жили едва ли не хуже всех в советской стране. Одновременно русские оказались самой денационализированной нацией в СССР, во многом забывшей свои корни, традиции, сам дух русскости. Все это не могло не проявляться на рубеже 80–90-х гг., когда широкие массы русских оказались особенно подвержены либерально-

западнической идеологии, поскольку советская система ценностей оказалась надолго дискредитированной, а национальные русские традиции были основательно забыты. Не случайно также, что после быстрого кризиса либерализма патриотическая оппозиция остается раздробленной, поскольку до сих пор патриоты спорят о том, на какой исторический образец России им ориентироваться. Если в странах Восточной Европы и некоторых бывших республиках СССР после крушения власти компартий большинство нации склонялось к восстановлению докоммунистического традиционного порядка вещей, то в России эпоха правления коммунистов сама является самой глубокой традицией и восстановление дореволюционной России выглядит совершенной утопией. Отсюда же проистекает та своеобразная любовь-ненависть белой оппозиции к советскому периоду русской истории и конкретно к наследнице СССР – компартии РФ (КПРФ). Национал-патриоты не могли обойтись без антикоммунистической риторики, чтобы подчеркнуть свое отличие от коммунистов, но с другой стороны, как советские люди, национал-патриоты не могли не признать хотя бы некоторые достижения СССР и поэтому сочетание портретов Николая II и Сталина на одном митинге в руках активистов одной партии давно не вызывает удивления. КПРФ, отягощенная воспоминаниями о прошлом величии КПСС, усваивая часть партийного багажа русских правых прошлого и современности, не может отказаться от многих идейных положений раннего большевизма в пользу национализма. В какой-то степени современные коммунисты оказались в положении правых начала XX века, также не могущих отказаться от монархизма, который был краеугольным камнем идеологии. Поэтому между коммунистами и национал-патриотами, при всех взаимных антипатиях, не мог не возникнуть определенный союз в борьбе против общего врага. В основу союза лег принцип «враг моего врага – мой друг», но и определенную идейную близость также нельзя отрицать.

Две партии в одной

Социал-демократическая партия, из радикального крыла которой родился большевизм, возникла как ультралевая и ультразападническая партия, ориентированная на мировую революцию, центром которой должны стать передовые страны Запада. Относительно собственной страны у первых русских марксистов преобладал национальный нигилизм. В теоретических произведениях левых радикалов просто не-

возможно встретить словосочетание типа «национальные интересы России», зато постоянно напоминалось об отсутствии у пролетариата Отечества. Хотя подобные настроения вообще были характерны для всего социал-демократического движения XIX века, но русские революционеры-марксисты, кажется, собирались превзойти всех в своем гиперинтернационализме.

Однако по мере того, как марксистские кружки начинали приобретать определенное влияние на трудящихся и превращаться в организованную партию, в ней начало постепенно складываться особое течение, или партия внутри партии. Речь здесь идет не о различиях между большевиками и меньшевиками, расхившихся по причине разной интерпретации марксизма. Просто в рядах партии с момента ее основания наряду с интернационалистской ортодоксально-марксистской частью сложилась еще и партия внутри партии, которая, борясь за победу социалистической революции, не собиралась уничтожать Россию. Скорее напротив, ликвидация социальных язв и пороков царской России должна была придать обновленной стране новый взлет.

Несколько упрощая, можно сказать, что от возникновения и до второй половины 30-х гг. партия большевиков состояла из двух партий – партии мировой революции и партии борьбы за социальную справедливость. Первую из них составляли «литераторы», в основном евреи (но отнюдь не только они) – блестящие ораторы, знатоки марксизма, крупные теоретики. Символом и лидером этой партии был Л. Д. Троцкий, для которого Россия была «вязанкой хвороста для костра мировой революции». Активное участие «литераторов» в революционном движении сводилось к теоретическим дискуссиям в кафе на берегу Женевского озера, участию в конгрессах II Интернационала и писанию теоретических статей. Впоследствии Сталин, беседуя с немецким писателем Эмилом Людвигом, не без яду говорил: «... я знаю многих товарищей, которые прожили по 20 лет за границей, жили где-нибудь в Шарлоттенбурге или Латинском квартале, сидели в кафе годами, пили пиво и все же не сумели изучить Европу и не поняли ее».

Но главную роль в победе большевизма сыграла вторая партия – партия борьбы за социальную справедливость, состоящая из «комитетчиков», т. е. работников подпольных партийных комитетов внутри Российской империи, профессиональных революционеров в буквальном смысле этого слова. Усвоив марксизм на уровне набора лозунгов, действуя в гуще народных масс, подпольщики-«комитетчики» знали заветные чаяния трудящихся и умели обращаться к ним, поскольку сама специфика подпольной работы требует этого. Кстати, это умение почти полностью отсутствовало у «литераторов», весь контакт которых с пролетарской средой сводился к связям с отдельными представителями

рабочей элиты, усвоившими марксизм. Именно «комитетчики» вынесли на себе всю тяжесть подполья, завоевания масс и в конечном итоге и осуществили революцию. Словом, без «комитетчиков» все «литераторы» так бы и остались сектой эмигрантов, как это было с группой Г. В. Плеханова.

В том, что именно Сталин одержал победу в борьбе за власть среди наследников Ленина, решающую роль сыграли не только его личные качества, но в первую очередь то, что Сталин опирался в своей борьбе именно на внутреннюю партию борьбы за социальную справедливость, ряды которой пополнили сотни тысяч человек, вступивших в партию в период Гражданской войны.

Разумеется, для всех борющихся между собой большевистских вождей на первом плане были чисто личные мотивы борьбы, но ведь за каждым из них шли толпы фанатиков, для которых именно чистота идеи была главным в поддержке своего кумира. Сталин сделал ставку на молодое пополнение партии, особенно на «ленинский призыв» и именно это обеспечило ему победу над старой ленинской гвардией, в которой он, происходивший из социальных низов (единственный из большевистских лидеров), подпольщик-комитетчик, плохо владевший теорией марксизма, скверный оратор, не владевший иностранными языками, всегда был чужаком. Зато старый подпольщик Коба был настоящим кумиром для громадной армии партийных и беспартийных «красных патриотов», тянувшихся к «единой и неделимой» России.

Сталин не был чужд подобным настроениям еще со времен революционной молодости. Так, в 1907 г., вернувшись с V Лондонского съезда партии, Сталин под псевдонимом Иванович, в большой статье в газете «Бакинский пролетариат» сделал любопытное суждение. Анализируя национальный состав делегации, он подчеркнул, что в то время как среди 85 меньшевистских делегатов большинство принадлежали евреям, за которыми следовали грузины и затем русские, то подавляющее большинство из 92 делегатов-большевиков были русскими. Сталин привел шуточные слова большевика Алексинского, заметившего, что меньшевики – «еврейская фракция», а большевики – «истинно русская» и что не мешало бы большевикам «устроить в партии погром». Летом 1917 года, выступая на VI Съезде партии, полемизируя с марксистскими ортодоксами, говорившими о необходимости дожидаться пролетарской революции на Западе, Сталин говорил прямо по-славянофильски: «Надо откинуть отжившее представление, что только Европа может указать путь»^{*}.

На Седьмой Апрельской конференции 1917 г. Сталин говорил: «Я могу признать за нацией право отделиться, но это еще не значит, что я

^{*} Сталин И. В. ПСС, т. 3, с. 186–187.

обязан это сделать... Я лично высказался бы, например, против отделения Закавказья, принимая во внимание общее развитие в Закавказье и России, известные условия борьбы пролетариата и пр.»*.

Будучи наркомом по делам национальностей в Советском правительстве, Сталин не проявлял никакого рвения в реализации лозунга о праве наций на самоопределение, хотя положение обязывало его повторять этот лозунг, но и в таких случаях наркомнац давал ему своеобразную трактовку. Так, уже в январе 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов Сталин указывал на необходимость «толкования принципа самоопределения как права на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс данной нации. Принцип самоопределения должен быть средством для борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма»**. Три года спустя, когда исход Гражданской войны не вызывал сомнений, Сталин в статье, помещенной в «Правде» 10 октября 1920 года, повторил со всей определенностью: «Требования отделения окраин от России как форма отношений между центром и окраинами должно быть исключено не только потому, что оно противоречит самой постановке вопроса об установлении союза между центром и окраинами, но прежде всего потому, что оно противоречит в корне интересам народных масс как в центре, так и окраин. Достаточно взглянуть на отделившиеся от России Грузию, Армению, Польшу, Финляндию и т.д., сохраняющие лишь видимость независимости, а на деле превратившихся в безусловных вассалов Антанты... либо вместе с Россией, и тогда – освобождение трудовых масс окраин; либо – вместе с Антантой, и тогда – неминуемое империалистическое ярмо. Третьего выхода нет»***.

В своей статье «К военному положению на юге», опубликованной в разгар Гражданской войны, Сталин открыто писал о национальном характере войны с белыми: «Победа Деникина – Колчака есть потеря самостоятельности России, превращение России в дойную корову англо-французских денежных мешков. В этом смысле правительство Деникина – Колчака есть самое антинародное, антинациональное правительство. В этом смысле Советское правительство есть единственно народное и единственно национальное в лучшем смысле этого слова правительство, ибо оно несет с собой не только освобождение трудящихся от капитала, но и освобождение всей России из колонии в самостоятельную свободную страну»****.

* Сталин И. В. ПСС., т. 3 //Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность. М., 1991. С. 159.

** Там же. Т.4. С. 31–32.

*** Там же. Т. 4. С. 352–353.

**** Там же. С. 284–285.

Говоря в этой же статье о противоположности контролируемых белыми регионов и красной внутренней России, Сталин отмечал, что она «во-первых, едина и спаяна, ибо девять десятых ее населения состоит из великороссов»*, и лишь на второе место поставил влияние петроградско-московского пролетариата. Подобное объяснение крепости красного тыла как-то не соответствует марксизму.

Впрочем, Сталин признавал национальный характер и ряда антибольшевистских движений. Так, во время советско-польской войны 1920 года, будучи членом Военного совета Юго-Западного фронта, говоря о противоборствующей стороне, Сталин отмечал: «... Тыл польских войск является народным и национально спаянным. Отсюда его единство и стойкость. Его преобладающее настроение – «чувство отчизны», передается по многочисленным нитям польскому фронту, создавая в частях национальную спайку, твердость. Отсюда стойкость польских войск. Конечно, тыл Польши не однороден... в классовом отношении, но классовые конфликты еще не достигли такой силы, чтобы прорвать чувство национального единства»**. Во время польской кампании 1920 года Сталин, явно не надеясь прорваться в «Европу» и разжечь там революцию, как стремилось кремлевское руководство и комзакфронта М. Н. Тухачевский. Сталин упорно отстаивал идею наступления на Львовском направлении. Если бы его мнение восторжествовало, и главный удар Красной Армии летом 1920 года был бы нанесен на Львов, а не на Варшаву, то в результате Советская Россия присоединила бы к себе Галицию, а Польша осталась бы независимой страной в этнографических границах прежней «конгрессовки». Это означало бы конец идее мировой революции, но одновременно привело бы к торжеству русского национализма, наконец-то закончившего собирание русских земель вокруг Москвы, начатого еще Иваном Калитой.

Борьбой за «единую и неделимую» Россию были продиктованы многие поступки Сталина, в первую очередь в Гражданскую войну. Стремление наркомнаца, а затем также и генсека к созданию на месте прежней Российской империи унитарного советского государства, к чему сводился сталинский проект «автономизации», предусматривающий поглощение союзных республик РСФСР, привел его к конфликту с Лениным. Ознакомившись с этим проектом, Ленин 26 сентября 1922 г. написал письмо к членам Политбюро ЦК РКП (б), в котором подверг резкой критике идею «автономизации», ведущей к умалению прав национальных республик, и настойчиво повторил выдвинутую ранее мысль создания СССР, «федерации равноправных республик».

---

* Там же. С. 287.

** Там же, т. 4, с. 323–324.

С позиций сегодняшнего дня приходится признать, что в этом споре прав был Сталин, поскольку его план был несравненно реалистичнее и жизнеспособнее, в отличие от полного утопической романтики ленинского прожекта. Провозглашение республик СССР суверенными государствами с правом выхода из СССР породило массу проблем, осложнявших жизнь самого государства (в частности, рождение огромной паразитической массы национал-бюрократии в республиках, невозможность изменения границ республик и т.д.) и, в конечном счете, сделало возможным Беловежские соглашения 1991 г. Не случайно не только среди национал-патриотов, но и в республиках СССР всякого рода «центристов», «хозяйственников» широкой популярностью пользуются идеи «губернизации» России, подразумевающие ликвидацию национальных автономий.

Как видим, у Сталина были данные для того, чтобы стать лидером второй, внутренней партии, а затем, опираясь на ее поддержку, устранить антинациональную правящую клику. Отказ от лозунга мировой революции на стремление построить социализм в одной стране (в сущности, старый славянофильский лозунг особого, собственного пути России), означал окончательную победу национального крыла в большевизме во главе со Сталиным.

Национал-большевизм и экономическая модернизация России

Основная задача, стоявшая перед советской Россией была проста – выстоять. В XX веке о военной мощи страны судят не по численности ее армии, а по промышленному и научному потенциалу.

В 20-е гг. положение России в этом плане было далеко не блестяще. Хотя к 1914 г. Россия занимала 5-е место среди промышленно развитых стран мира и имела невиданные темпы промышленного роста, однако ее промышленный уровень явно не соответствовал потенциальным возможностям.

Затем, после революции ситуация еще более ухудшилась. Напомним, что наиболее промышленно развитые регионы России – Польша и Финляндия, – отделились, временно отпали Прибалтика, Западная Белоруссия, Западная Украина и Бессарабия. Две войны – Первая мировая и Гражданская, нанесли стране огромный ущерб. Как всегда, в войнах лучшие гибнут первыми, и поэтому нет критерия, по которому мы могли бы оценить, что значит гибель 27 млн. человек за 1914–1923 годы.

Материальный ущерб также был колоссален – страна потеряла 40% своего национального богатства.

В начале и середине 20-х гг. Россия (под псевдонимом СССР) была слаба, как три века до этого. Практически все соседи выдвигали территориальные претензии к нашей стране. На Западе тогда на СССР смотрели без опаски (что вообще редко бывало в нашей истории). Страх перед распространением большевизма на Запад исчез, новая, «красная» Россия была слаба, и западные деятели могли высказывать ей свои чувства без всякой «политкорректности». Если для военно-полицейских диктатур соседних аграрных лимитрофов не говорить ничего доброго в адрес России было само собой разумеющимся (а как же еще развивать «национальное самосознание» маленьким, но очень гордым нациям, как не плевок на прежнего хозяина?), если маргинальные в тот момент фашистские движения просто заявляли, что должны захватить земли неполноценных рас, к которым автоматически относили Россию, то не следует думать, что западные либералы отличались от них. Возьмем, к примеру, книгу американца Людвиг фон Мизеса, известного экономиста, убежденного либерала, которого впоследствии очень восхвалял Р. Рейган. В вышедшей в 1927 году своей самой знаменитой книге столп западной либеральной мысли высказал все, что думает либеральный Запад о России. По мнению Мизеса, «сегодня есть только одна великая нация, которая твердо придерживается милитаристского идеала, а именно русские... С того момента, когда Россия начала влиять на европейскую политику, она постоянно ведет себя как разбойник, поджидаящий в засаде момента, когда он сможет напасть на свою жертву и ограбить ее. Никогда русские цари не признавали никаких других ограничений для расширения своей империи, кроме продиктованных силой обстоятельств. Позиция большевиков в отношении территориального господства не отличается ни на йоту... Счастливым обстоятельством, спасшим цивилизацию от уничтожения русскими, было то, что народы Европы оказались достаточно сильны, чтобы успешно отразить нападение орд русских варваров»*. Разумеется, Мизес так и не привел ни одного доказательства, когда это народы Европы отражали нападения орд русских варваров, по понятной причине: никто из людей, мало-мальски знающих историю, не сможет привести ни одного подобного примера по причине отсутствия таковых. Обратных примеров вторжения Европы в Россию в истории было предостаточно, но либерал-экономист высокомерно проигнорировал их.

Гораздо больше чернил в своей книге (и, похоже, желчи в своем организме) Мизес потратил на доказательство варварства русских, не способных на создание западной демократии, и поэтому достойных

* Мизес Людвиг фон. Либерализм. М., 2001, с. 145–146.

стать колонией Запада. Он писал: «... вопрос о том, являются ли русские менее достойными или нет, лежит за пределами нашего обсуждения... Мы говорим только о том, что они *не желают* (выделено Мизесом – *Авт.*) входить в систему общественного сотрудничества. В отношении человеческого общества и сообщества наций их позиция – это позиция народа, стремящегося к потреблению того, что накоплено другими. Люди, жизненными силами которых являются идеи Достоевского, Толстого и Ленина, не могут создать прочную социальную организацию. Они должны скатиться к условиям полного варварства»*. Как видим, русские не способны создать «прочную социальную организацию», стало быть, завоевать их просто, и сделать это надо ради спасения самих русских от варварства.

Далее либерал излагает свой взгляд на то, каким должен быть «руководящий принцип политики цивилизованных наций в отношении России. Пусть русские остаются русскими (спасибо уже за это! – *Авт.*). Пусть в собственной стране они делают что хотят. Но им нельзя позволить выходить за пределы своей территории, чтобы они не разрушили европейскую цивилизацию (какая, право, нежная эта цивилизация, что ее так просто разрушить – *Авт.*). Разумеется, это не означает, что ввоз и перевод русской литературы следует запретить. Невротики могут наслаждаться ею сколько пожелают, здоровые люди в любом случае будут ее сторониться»**. Мизес в 1927 году был полон оптимизма относительно будущего России: «Страна кнута и лагерей сегодня уже не представляет угрозы миру. Со всем их стремлением к войне и разрушению русские уже не способны серьезно угрожать миру в Европе. Поэтому их вполне спокойно можно предоставить самим себе»***.

Эти рассуждения маститого либерала я привел только для того, чтобы читатель не думал, что только какие-нибудь последователи бесноватого немецкого ефрейтора могли говорить об угрозе вторжения русских варваров и необходимости приобщения их к высшей западной цивилизации посредством завоевания. Заметим, что для Мизеса не было никакой принципиальной разницы между Россией царской и Россией большевистской. Вторая, пожалуй, даже больше устраивала Мизеса, поскольку в первое десятилетия Советской власти Россия действительно была очень слаба. Впрочем, Мизес не говорил о завоевании России военными средствами, но не забудьте, что это было время неустойчивого равновесия международных сил. Страны Антанты пока еще осваивали захваченные германские колонии и территории, маленькие

---

* Там же, с. 146.

** Там же, с. 147.

*** Там же.

государства-лимитрофы были заняты внутренними конфликтами. В конкретных условиях 1927 года, несмотря на призыв папы римского к крестовому походу против большевизма и разрыв дипломатических отношений СССР с Британской империей, желающих начинать большую войну против России в Европе не было много. Для подобного похода необходимы наполеоновские условия, то есть объединение промышленной и военной мощи Европы. Подобное, как известно, вскоре, уже через 14 лет после опубликования книги Мизеса, и произошло.

Советским лидером, точнее, тем из них, кто был на самом деле озабочен сохранением государства и народа, было понятно, что необходимо озаботиться в первую очередь, обороноспособностью страны. В условиях XX века это означало не мобилизацию огромных масс солдат, а создание мощной промышленности. Перед большевистскими лидерами (и тем более перед сменовеховскими спецами, поддержавшими новый режим) стоял в памяти пример Первой мировой войны, когда 19 миллионов мобилизованных, не имевших ни оружия, ни осознания цели войны, просто не захотели сражаться.

Итак, надо было заниматься делом – форсированной индустриализацией, в противном случае Россия как государство было обречено на гибель. И решающую роль в индустриализации играл фактор времени. Общеизвестны слова Сталина, сказанные им в речи от 4 февраля 1931 г.: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»*. Сталин сделал вывод, отталкиваясь от этого факта, что России надо было ускоренно пройти стадию промышленной модернизации, которую она не успела осуществить к 1914 г., от уровня которой она к тому же была отброшена на десятилетия назад войнами и революциями. И решающую роль в индустриализации должно было сыграть государство.

Роль государства была ведущей, как мы уже отмечали выше, и при Витте, и при Столыпине. Даже если предположить, что в Гражданской войне победили бы белые, то им бы все равно пришлось решать те же задачи, что и Сталину, и при этом весьма схожими методами. Наша страна пережила бы весьма длительный период диктатуры, наподобие режима Франко в Испании или Пиночета в Чили. «Белой» русской власти по-большевистски пришлось бы аннулировать долги царского правительства, без чего не могло быть и речи об экономической независимости России. Российская буржуазия, не способная осуществить индустриализацию и до революции, даже в случае сохранения своей собственности, в «белой» России все равно занимала бы подчиненное государству место в экономической жизни страны. Вероятно также, что

* Сталин И. В. ПСС, т. 13. С. 38–39.

режим белых оказался бы в международной изоляции и все «передовое общественное мнение» отвергло бы Россию за ее «реакционность» и «удушение прав и свобод русского народа». И без сомнения, наши ближайшие соседи попытались бы смять Россию: белую или красную.

Сталин и его партия имели то неоспоримое преимущество, что идея социализма, отрицающая частную собственность, давала возможность государству сконцентрировать в одном кулаке все людские и материальные ресурсы и позволяла бросать их на создание новых отраслей промышленности, заводов, шахт, стратегических дорог, не считаясь с границами. Уровень развития производительных сил к рубежу 20–30-х гг. позволял достаточно эффективно планировать подъем наиболее важных для страны производств. В условиях, когда стране требуется создание новых предприятий, способных выпускать нужную государству продукцию, и не обязательно способных давать прибыль, вряд ли что-нибудь может быть эффективней плановой системы. С помощью плана выбирались из Великой депрессии практически все западные страны. Экономическая централизация, которая вполне могла игнорировать и священную частную собственность, была осуществлена еще в годы Первой мировой войны почти во всех воюющих странах и особенно широко в Германии, что во многом помогло ей выдержать четыре года войны в условиях морской блокады и ограниченности собственных ресурсов.

Вывод напрашивался сам собой: России жизненно необходимо было осуществить экономический взлет, опираясь на собственные силы, за минимальный срок. Реальной альтернативой индустриализации посталински не существовало. Другие лидеры могли привнести в экономическую модернизацию те или иные оттенки, меньшую или большую волю, жестокость и последовательность, но в целом индустриализация состоялась бы именно так, как она и состоялась.

Проводилась она под лозунгами победы социализма в одной отдельно взятой стране, но в сущности речь шла о преодолении отсталости страны экстраординарными методами национальным лидером, напомиавшим деятельность Петра Великого. О царе-реформаторе Сталин вспомнил, выступая 19 ноября 1928 г. на Пленуме ЦК ВКП (б): «Она, эта отсталость, чувствовалась как зло и раньше, в период дореволюционный, когда Петр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить за рамки отсталости».

Да, действительно, многое роднит Сталина с Петром. И тот и другой делали великое дело хозяйственной модернизации, не считаясь ни с чем. И тот и другой подняли Россию на уровень одной из ведущих

держав мира. И тот и другой отразили чужеземные вторжения. И тот и другой были антихристами для очень многих собственных подданных. И Петр и Сталин достигли феноменальных успехов за счет крестьянства. Напомним, что эпоха Петра – апофеоз крепостного права, а время Сталина – его фактическое возрождение. Когда крестьяне стали «крепки» к своим колхозам. Петр закрепостил все сословия, включая дворянство, заставив его служить, Сталин также подчинил и заставил служить собственное дворянство – партию.

Так что не будем обманываться насчет трескучих лозунгов и «измов» сталинского времени. Через 200 лет после Петра перед Россией встали похожие задачи. Решать их пришлось Сталину с применением, конечно, технических решений XX века. Эти же задачи пришлось бы решать, лучше или хуже, любому другому национально мыслящему лидеру и партии в России. Идеи социализма сыграли такую же роль в мобилизации масс при Сталине, как ссылки на «правду воли монаршей» при Петре I. Многие противники Сталина по сию пору обвиняют его в цинично-прагматичном отношении к марксизму-ленинизму, совершенно служебному отношению к официальной идеологии. В действительности обвинять Сталина в нарушении марксизма так же нелепо, как обвинять Петра I в откровенно утилитарном подходе к официальной церкви.

Помимо Петра Великого, очень многое роднило Сталина с другим знаменитым и противоречивым персонажем русской истории – Иваном Грозным, знаменитым не только террором по отношению к «изменникам-боярам», но и взятием Казани.

После этого вряд ли будет удивительным то, что именно романы и кинофильмы об этих правителях стали одними из выдающихся произведений культуры сталинской эпохи.

Как бы то ни было, сочетание искреннего энтузиазма масс с мощным репрессивным аппаратом НКВД привело к экономическому чуду. Период 1929–39 гг. оказался временем феноменального экономического подъема, осуществленного в напряженной мировой обстановке, без всякого внешнего финансирования. Сталин, выступая с докладом об итогах выполнения первой пятилетки, не стал оглушать слушателей обилием цифр, как это любили делать последующие генсеки. Сталин просто констатировал факты: «У нас не было тракторной промышленности. У нас она теперь есть. У нас не было автомобильной промышленности. У нас она теперь есть. У нас не было станкостроения. Теперь оно у нас есть»*. Социализм же так и остался техническим способом пропаганды и мобилизации масс. Он сохранял свою эффективность почти 40 лет после Сталина.

* Сталин И. В. ПСС. Т.13. с. 178

Собирание земель, или Русская реконкиста

Нигде, пожалуй, так ярко не проявилось чувство исторической преемственности Сталина, как в его внешней политике. И нигде Сталин не мог похвастаться такими успехами. А ведь действовать приходилось в сложнейших условиях. Напомним, что результатом политических потрясений времен революции было не только отпадение обширных территорий, но и крайняя уязвимость основных земель, оставшихся в составе СССР. Финская граница проходила в 32 км от Ленинграда, польская – в 10 км от Минска и немногим более 100 км от Киева, румынская – рядом с Одессой. Более неприятного геополитического положения у нашей страны не было с XVII века. (Впрочем, в наши дни Российская Федерация отличается еще большей уязвимостью со всех сторон.)

В этих условиях Сталин проводит внешнюю политику, руководствуясь пословицей: «С волками жить – по-волчьи выть». Быть в таких условиях, в таком окружении идеалистом, пытающимся стать святое папы римского, значило быть политическим самоубийцей. Но Сталин был реалистом. В течение всего первого десятилетия пребывания у власти он ведет внешнюю политику, направленную на укрепление международного мира и безопасности. Сталин понимал, что пока не доведена до конца индустриализация и перевооружение армии, для страны губительная любая локальная война даже со своими ближайшими соседями типа Польши или Румынии, тем более, что такая война быстро перейдет в большую войну с ведущими западными странами. Поэтому можно считать борьбу за мир и коллективную безопасность совершенно искренней, честной его политикой.

Между тем тучи над Европой сгущаются, в Германии к власти приходит Гитлер. Всего за несколько лет, без единого выстрела, Гитлер переигрывает Первую мировую войну, разорвав в клочья всю Версальскую систему послевоенных международных соглашений, а затем, не переводя духу, приступает к перекройке европейских территорий, далеко выходя за линии границ 1914 года. Западные демократии играют с Германией в поддавки, почти так, как недавно играл с Западом Горбачев, сдавая одну позицию за другой. Осенью 1938 г. английские и французские лидеры сдают Гитлеру Чехословакию, единственную страну Восточной Европы, где существовала демократическая парламентарная форма правления, и к тому же самую промышленно развитую страну региона. Запад умывает руки, а чехи без всякого сопротивления дают себя разделить Германии, Венгрии и Польше (год спустя и саму Польшу поделят!).

Закономерен вопрос: нужно ли было и дальше добиваться союза с такими «демократиями», или переориентировать внешнеполитический курс, зная, что война с Гитлером неизбежна и что демократические страны, если они уцелеют, сами будут набиваться нам в друзья. То, что сделал Сталин 23 августа 1939 года, есть образец гениальности (не боюсь этого слова!) во внешней политике.

Подписание поздней ночью 23 августа 1939 г. советско-германского Договора о ненападении, который называют пактом Молотова – Риббентропа, разом изменило положение в Европе. Дело заключалось не в том, что Вторая мировая война стала неизбежной (она все равно началась бы, причем именно в 1939 году), а в изменении условий вступления СССР и Германии в войну. Западные демократии, делая постоянные уступки (причем исключительно за чужой счет, сдавая Гитлеру австрийцев, чехов, поляков), рассчитывая натравить Германию на нашу страну, когда поняли, что договориться можно и за их счет тоже и что теперь воевать с немцами придется им одним, были просто в ярости. Не случайно именно пакт Молотова – Риббентропа ставится Сталину в вину как его величайшее преступление, которое затмевает его прочие грехи. Запад оказался в положении карточного шулера, рассчитывавшего обчистить своего партнера – Россию и вдруг увидевшего, что Сталин еще более ловкий игрок, у которого к тому же сильные козыри.

Для Сталина советско-германский пакт мог служить своеобразным реваншем за другой советско-германский договор – Брестский мир. Тогда, в 1918 г., по пакту Ленина – Гинденбурга Россия пережила величайшее унижение. От нее отторгли Прибалтику (где немцы создали марионеточные «государства», отмечающие день присоединения к Германии как день независимости), Белоруссию, Украину, Крым, Бессарабию (захваченную недавним союзником по Антанте – Румынией), Закавказье.

21 год спустя старые враги вновь заключали договор, но Россия выступала уже в новой весовой категории, способная отстаивать собственные интересы, в том числе и окончательную ликвидацию последствий пакта Ленина – Гинденбурга. Гитлер, которому не терпелось развязать себе руки на Востоке, чтобы ударить на Западе, был готов пойти на уступки СССР, в частности, не препятствовать нам в расширении своих пределов. Видимо, именно об этом говорилось в столь «прославленных» в наши дни комиссией А. Н. Яковлева секретных приложениях к договору. Хотя подлинность этих «протоколов», тексты которых печатали во многих изданиях, весьма подозрительна. Сталин и Гитлер были слишком опытными политиками, чтобы предварительно не оговаривать детали совместных действий, равно как и не стали бы слишком доверять изложение этих деталей бумаге.

Как бы то ни было, 1 сентября Германия нападает на Польшу, 3 сентября войну Германии объявляют (но не ведут!) Англия и Франция, а на 17-й день польской кампании судьба Польши предрешена. 17 сентября Красная Армия переходит западную границу и, почти не встречая сопротивления деморализованной польской армии, потеряв 1 тыс. 138 чел. убитыми и 2 тыс. 383 ранеными, занимает территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, площадью свыше 200 тыс. кв. км с населением в 13 млн. человек. Произошло воссоединение в рамках единого восточнославянского государства белорусского и украинского народов. Особенное значение имело присоединение Галиции, оторванной от Руси 600 (!) лет назад. Забегая вперед, напомним, что вскоре, в 1940 году была присоединена украинская Буковина, а в 1945-м – Закарпатье. Сталин, таким образом, как отмечалось ранее, может считаться завершителем собирания русских земель вокруг Москвы, начатого ещё Иваном Калитой.

Присоединение исторической Галицкой Руси, не входившей в состав Московского царства и Российской империи, было одной из главных целей России в Первой мировой войне. Четверть века спустя Сталин это сделал почти без выстрела.

Вскоре СССР обезопасил свои северо-западные рубежи. Правда, здесь не все получалось гладко. Началась советско-финская зимняя война 1939–1940 гг. Ко всеобщему удивлению, финны оказались достойными противниками. Особых лавров советскому командованию война не принесла, продемонстрировав всему миру и самому Сталину многие слабые места в боевой подготовке и управлении войсками, но показала также и невиданную стойкость и упорство русского солдата. В конечном счете цели войны были достигнуты – Выборг и Кексгольм (Приозерск) стали нашими, восстановлена историческая граница времен Петра Великого.

Летом 1940 года Сталин возвратил другую часть наследия Петра – Прибалтику. Для самих прибалтийских республик период 1920–40 гг. можно обозначить одним словом – стагнация. В упадке была промышленность, так и не достигшая уровня 1913 года. Закрылись сотни передовых промышленных предприятий, происходила аграризация экономики и отток населения в село. Население Риги уменьшилось с 518 тысяч в 1913 году до 348 тысяч в 1939 году, Двинска (Даугавпилса) – со 113 тыс. до 45 тыс., Лиепай – с 95 тысяч до 57 тыс., в Нарве, Резекне и в ряде других городов население уменьшилось в 2 раза. Впрочем, уменьшалось и все население республик. В Латвии население уменьшилось с 2,5 млн. в 1913 году до 1,9 млн. в 1939 году. В Эстонии численность населения сократилась с 1126 тыс. в 1913 году, до 1052 тыс. в 1939 году, причем убыль обеспечивали именно эстонцы (с 1011 тысяч человек

в 1913 году численность коренной нации сократилась до 965 тысяч в 1939 году). Причина была проста: в годы «свободы» в Латвии и Эстонии умирало больше, чем рождалось, и происходила убыль населения. В католической Литве население росло, но нищета и безработица привели к массовой эмиграции за океан. Всего в 20–30 гг. из 2, 2 млн жителей Литвы эмигрировало свыше 100 тыс. Нужны ли еще доказательства государственной несостоятельности Прибалтики?

Ликвидация прибалтийских лимитрофов произошло в 1940 году. Как и при возникновении, так и при исчезновении этих республик роль местного населения в происходящем была минимальна. Все было решено соглашением великих держав при безмолвии местных народов. После того, как было закрыто Балтийское море в связи с началом Второй мировой войны и все немецкое население выехало на историческую родину (а ведь из немцев состояла почти вся местная буржуазия, рабочий класс и техническая интеллигенция), то это добило и без того призрачную независимость Прибалтики. Всеобщий восторг при встрече Красной Армии, о котором свидетельствовали практически все иностранные наблюдатели, и отсутствие вооруженного сопротивления – все это доказательство того, что воссоединение Прибалтики с Россией в 1940-м году было неизбежным явлением. Всякие ссылки на оккупацию Красной Армией неубедительны, ведь сам по себе факт численного превосходства противника – еще не повод к капитуляции. Маленькая Черногория, по территории и населению вдвое уступающая Эстонии, никогда не покорялась многочисленным завоевателям. Нет, определенно, прибалты, став «независимыми» против собственной воли, эту независимость не ценили. С этим согласны и многие зарубежные исследователи.

Вот что писал о причинах неожиданного возникновения, а затем исчезновения Прибалтийских республик Стенли У. Пейдж: «История ясно показывает, что Литве, Латвии, Эстонии из-за их стратегического расположения невозможно оставаться независимыми рядом с мощным соседом. Они возникли в 1919–20 гг., когда и Германия, и Россия были изнурены... Стоило России и Германии вновь обрести силы – и деликатное равновесие не смогло больше сохраниться и также не смогли сохраниться балтийские государства». В 1939–40 гг. стоящий перед прибалтами вопрос заключается лишь в том, кто их заберет – русские или немцы. Их забрал Сталин.

Тогда же, летом 1940 г., вернулась в состав страны Бессарабия, оккупированная в начале 1918 г. союзной Румынией и уже в силу этого удерживаемая ею незаконно.

Как видим, с сентября 1939 г. по август 1940 г. Сталин не только покончил с последствиями Брестского мира, но еще больше расширил пределы страны.

Пакт Молотова – Риббентропа дал нам следующее:

- два года мирной передышки, что очень немаловажно для перестройки народного хозяйства на военный лад;

- избавил нас от фронта на Дальнем Востоке против Японии. Напомним, что на момент подписания пакта приходится пик боев на Халхин-Голе. Как раз к 24 августа Г. К. Жуков завершил окружение японских войск западнее реки Халхин-Гол и начал добивать их. Известия о договоре Германии с СССР стали холодным душем для токийских политиков, что привело к смене внешнеполитического курса Японии в сторону южных морей, а не сибирских просторов;

- западным демократическим странам не удалось отсидеться за линией Мажино, а пришлось воевать с Германией и Японией;

- удалось предотвратить единый антисоветский фронт фашистских диктаторов и западных демократий, а это была не гипотетическая ситуация, если уже после пакта, в период советско-финской войны, англичане и французы всерьез готовили военную помощь Финляндии, предусматривая высадку своих войск в Норвегии и бомбардировку в Баку;

- все территориальные приобретения, о которых уже говорилось выше.

В пассив же пакту можно вписать потерю бдительности в отношениях с Гитлером. Главная ошибка Сталина в тот момент заключалась лишь в переоценке военной мощи и способности сражаться западных демократических стран. Вероятно, Сталин рассчитывал сделать за счет демократий то, что сами демократии рассчитывали сделать за счет России, т. е. обескровить обе дерущиеся стороны, а затем самому во всеоружии появиться в нужный момент. Когда 10 мая 1940 г. Германия обрушилась на Западный фронт, Сталин ожидал, что там начнутся кровопролитные бои, наподобие Марны, Соммы или Вердена времен Первой мировой. Тогда мы выступаем на стороне англичан и французов, как и 1914 г., и будем иметь перед собой лишь половину германских сил. Но кто же мог предвидеть, что 5 млн французских, 1 млн британских и 1 млн голландских и бельгийских солдат, да еще при поддержке британского флота, будут смяты за 45 дней, почти без сопротивления? Как теперь известно, не ожидали этого и сами германские генералы, которые не могли понять, что случилось со славными «пуалю» и «томми», так хорошо зарекомендовавшими себя в прежней войне.

Итак, результатом побед немцев на Западе летом 1940 г. стало невероятное усиление военной и экономической мощи Германии при исчезновении Западного фронта вместо взаимного истощения англо-французов и гитлеровцев. Вот от этого неприятного факта и надо исходить, упоминая о негативных последствиях пакта Молотова – Риббентропа для нашей страны. 22 июня 1941 г. мы встретили немецких фашистов и

их сателлитов один на один и сражались в одиночку, до открытия второго (и по значению тоже) фронта. Но не будь этого пакта, мы также в одиночку сражались бы с Гитлером, только на два года раньше.

Великая Отечественная война и русификация большевизма

Вторая половина 30-х гг. была ознаменована не только обострением международной обстановки в связи с приближающейся мировой войной, но и интересными идейно-политическими изменениями в СССР. Ликвидация ленинской «старой гвардии» в ходе чисток, чем бы ни руководствовался в ходе их проведения Сталин, привела на высвобождающиеся должности новое поколение руководителей страны. Это были совсем молодые по возрасту люди, ставшие в 30 с небольшим лет наркомками (А. Н. Косыгин, Д. Ф. Устинов, Н. А. Вознесенский и др.), или первыми секретарями обкомов, «красными губернаторами» (Л. И. Брежнев, и др.).

Среди них преобладали русские, в меньшей степени представители других коренных национальностей и почти не было евреев, почти все были рабочего или крестьянского происхождения (не случайно современный французский историк М. Ферро, описывая обновление правящей советской элиты в 30-е гг., говорил о «плебеизации» власти)*. В принципе, если не брать в расчет именно пролетарское происхождение, второе поколение советских руководителей можно считать классическими представителями служилого сословия Московской Руси.

Сама партия с 30-х гг. и до потери власти в 1991 г. превратилась в своеобразное сочетание дворянства и духовенства новой эпохи, став правящим классом советского общества. Но это был не тот «новый класс», о котором писал М. Джилас, а достаточно традиционный для России слой «государевых людей».

Выдвижение нового поколения руководителей было не только результатом окончательной победы Сталина, отказа от идеи мировой революции с заменой ее идеей построения социализма в одной стране и серьезным поражением внутренней партии интернационалистов-троцкистов. Можно сказать, что и все эти кадровые изменения стали возможны в результате все усиливавшегося со времен Гражданской войны преобладания в ВКП (б) внутренней партии, которую в новых условиях можно считать национально-государственной партией. Вто-

* Ferro M. Les origines de la Perestroika. Paris. 1990. P. 60.

рая половина 30-х гг. стала временем победы государственников и лично Сталина.

Победа новых сил означала и определенное изменение государственной идеологии, что привело к активизации пропаганды патриотизма, правда, с прилагательным «советский». В январе 1936 г. были опубликованы сделанные еще в августе 1934 г. «Замечания т. т. Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспекта учебника по Истории СССР», фактически реабилитировавшие само понятие русской истории, которое «историки» школы М. Н. Покровского называли «контрреволюционным понятием». В вышедшем в 1937 г. «Кратком курсе истории ВКП (б)» СССР рассматривался как достойный преемник Российской империи, расширение которой было благом для ее народов. В том же году торжественно отмечалось 125-я годовщина Бородинского сражения (хотя всего лишь в 1932 г. была уничтожена могила П. И. Багратиона). И с особенно значительным размахом отмечалось 100-летие смерти А. С. Пушкина. Это означало полное официальное признание преемственности русской культуры, которую признал полностью своей и советский послереволюционный режим. Означало это также и окончательный отказ от «сбрасывания Пушкина с парохода современности» и отречение от «проклятого прошлого».

В 1937–40 гг. на кириллицу были переведены алфавиты почти всех нерусских народов СССР (кроме армян и грузин). А ведь еще недавно «левые» пытались (из соображения интернационализма, конечно) ввести латинский алфавит и в русский язык. В ноябре 1929 г. с целью латинизации русского алфавита была создана специальная комиссия под председательством Н. Ф. Яковлева, которой полную поддержку оказывал нарком А. В. Луначарский! Уже в 1932 году вышла в свет книга некоего Хасунварова под истинно советским названием «Латинизация — орудие ленинской национальной политики». Но с середины 30-х гг. проповедь латинизации была прекращена.

В предвоенные годы на экраны страны вышли такие фильмы, как «Александр Невский», «Петр Первый», «Суворов», «Минин и Пожарский».

Наконец, покончено было с «левацкими перегибами» в области семейно-брачных отношений и общественной морали. Были запрещены аборт, усложнен развод, введены пособия многодетным матерям, запрещена порнография, гомосексуализм стал считаться преступлением, и т. д. Пуританские нравы и добродетели стали обязательны для строителей социализма.

Патриотические чувства советских людей любого этнического и социального происхождения вдохновляли также достижения отечественной науки и техники. Спасение челюскинцев, перелеты Чкалова,

полярные подвиги папанинцев – все это действительно порождало законный советский патриотизм, гордость не только своим великим прошлым, но и не менее великим настоящим.

Подъем советско-русского патриотизма стал важнейшим фактором консолидации русского общества, включая и те социальные слои, у которых были причины для недовольства властью.

Великая Отечественная война стала торжеством советского патриотизма. Уже в первые дни войны окончательно под гусеницами немецких танков погибла идея мировой революции. Но зато свою крепость показал советский патриотизм. «Русификация» официальной идеологии сделала не меньше (если не большее!) для обороны страны, чем вся предвоенная индустриализация. Дух единения народа и правительства не подорвали и тяжелейшие поражения начала войны. То, что эта война была Великой Отечественной и то, что Верховный Главнокомандующий 7 ноября 1941 г., в годовщину Революции, в своей речи перед войсками и народом не упомянул имен Маркса и Энгельса и не упоминал о теории марксизма, зато обратился к национальной гордости великороссов, способствовало этому. «И эти люди... – сказал Сталин о нацистах, – имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова». Обращаясь к армии с трибуны Мавзолея, лидер коммунистической партии говорил: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит нас победоносное знамя великого Ленина!»

Показателем преемственности СССР по отношению к прежней исторической России стали и такие символические меры, как появление гвардейских частей, восстановление в армии погон и ордена Славы на георгиевской ленте, открытие суворовских и нахимовских училищ по образцу дореволюционных кадетских корпусов и т. п. Государство пошло на примирение с Русской православной Церковью, закрыв антирелигиозные газеты, распустив «Союз воинствующих безбожников». Сталин встретился в сентябре 1943 г. с высшими церковными иерархами, фактически согласился с их пожеланиями, выпустив находящихся в заключении священников, разрешив избрать патриарха на вакантную с 1925 г. должность и разрешив Церкви приобретать здания, открывать храмы и религиозные учебные заведения. Впрочем, еще почти годом раньше, в партийной газете «Правда» была помещена поздравительная

телеграмма местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (будущего патриарха), в которой к Сталину обращались в «старорежимных» выражениях, как к царю: «Я приветствую в Вашем лице богоизбранного вождя...»*, а вооруженные силы страны, ведомые атеистами-политруками, названы «христолюбивым воинством». Тысячелетний политический опыт не подвел служителей Церкви – начиналась полоса сотрудничества боговой и кесаревой властей, продолжавшаяся до хрущевских гонений начала 60-х гг.

И, наконец, как уже говорилось выше, особенно ярко проявилось чувство исторической преемственности Сталина во внешней политике. Вот такая беседа произошла между Сталиным и Черчиллем на Тегеранской конференции, когда Сталин выдвинул условием мира с Финляндией границу 1940 г., установленную после зимней войны, по мемуарам самого Черчилля: «Я добавил, что «у меня в ушах все еще звучит знаменитый лозунг: «Никаких аннексий и контрибуций». Может быть, маршалу Сталину не понравится, что говорю это». Сталин с широкой улыбкой ответил: «Я же сказал Вам, что становлюсь консерватором».**

Вероятно, оба собеседника недооценили всей той глубокой истины, которая содержалась в этом шуточном ответе.

На встречах «Большой тройки» советские дипломаты оказались вровень с победоносной армией, одержав достойные дипломатические победы, закрепив за Россией (так Сталин все чаще называл СССР в дипломатической переписке) территориальные изменения 1939–45 гг. Заметим, что окончательное собрание русских (восточнославянских) земель, присоединение части бывшей Восточной Пруссии с Кенигсбергом превзошли самые смелые проекты русских правых, напр., националистов или правых кадетов перед Первой мировой войной. После августовской советско-японской 1945 г. войны и капитуляции Японии Сталин в обращении к народу 2 сентября 1945 г. сказал: «... Поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня»***. Объявив о реванше за поражение 1905 г., Сталин не стал вспоминать об отношении собственной партии к той войне в те годы. Возвращение России Южного Сахалина, Курил и Порт-Артура обозначало силу новой России, способной сделать то, что оказалось не по плечу России дореволюционной.

* Правда. 9 ноября 1942 г.

** Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т.5. М., 1991. С. 228.

*** Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 205.

Наконец, Сталин проявил преемственность и в стремлении решить многовековой «восточный вопрос». На Потсдамской конференции «Большой тройки» Сталин высказал претензии по району Черноморских проливов. Поскольку Турция в годы Второй мировой войны, хотя и объявила нейтралитет, проводила политику сотрудничества с Германией, то со стороны СССР было вполне логичным потребовать создания советской военно-морской базы в Дарданеллах. Кроме того, в Потсдаме Сталин поставил вопрос об исправлении советско-турецкой границы, которая должна соответствовать границе 1914 года. Это означало, что города Карс, Ардаган и Артвин, отошедшие к туркам в 1921 году, должны быть возвращены СССР. Впрочем, решить восточный вопрос в славянофильском духе (присоединив Царьград) Сталину не удалось. Западные лидеры опасались выхода СССР к Средиземному морю, и в соответствии с «доктриной Трумэна» 1947 года были готовы оказать Турции помощь. Создавать лишний повод в конфронтации с Западом, и втягивать страну еще в одну войну, на сей раз с турками, Сталин не стал.

Своего рода гимном русскому патриотизму стали слова И. В. Сталина, произнесенные им на торжественном приеме в Кремле 24 июня 1945 года перед командующими войсками Советской армии в недавней войне: «Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа.

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–42 гг., когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила

историческую победу над врагом человечества – над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа!»

Эти слова часто цитируются на патриотических митингах и в патриотической прессе, особенно в годовщину Победы. Писатель Олег Волков, многие годы проведший на Соловках и иных «островах» Гуклага, тем не менее говорил, что готов простить Сталину все за эти слова.

Послевоенный национал-коммунизм

В период 1945–53 гг. русско-советский патриотизм окончательно стал государственной идеологией, отведя марксизму-ленинизму чисто вспомогательную роль. Более того, само по себе появление ленинизма именно в России и осуществление в ней первой в мире социалистической революции стало для официальной идеологии предметом первой патриотической гордости. В официальной пропаганде проходила широкая популяризация великих деятелей истории и культуры прошлого. Разумеется, выявление героев прошлого было избирательно. Многие цари, политики, полководцы, поэты и даже революционеры из меньшевистских партий, если и упоминались, то исключительно с негативными прилагательными. Русской идеалистической философии рубежа XIX–XX вв., творчества крестьянских поэтов 20-х гг., авангардистского искусства того же времени, не говоря уже о многих виднейших деятелях большевистской партии, выступавших против Сталина, как бы не существовало. Но ведь подобное переписывание прошлого, имевшее место и при Иване Грозном, и при Павле I, также является одной из русских исторических традиций.

Возможно, по недосмотру цензоров иногда издавались даже книги открыто правого содержания. Так, в 1945 году вышла в свет книга В. В. Виноградова «Великий русский язык». Интересно, что сам автор ранее был неблагоденственным, подвергался репрессиям по «делу славистов» в 1934 году. Если бы не несколько ссылок на роль партии и Сталина, книга Виноградова вполне могла считаться образцом творчества черносотенцев или националистов образца 1910-х гг. Виноградов в числе классиков русской литературы подробно говорил о полузапрещенном Достоевском и «реакционере» А. Фете, не побоялся упомянуть эмигранта И. Бунина. Зато из советской литературы, кроме Горького, у Виноградова не нашлось достойных имен. Он подробно излагал воззрения

славянофилов, уважительно упоминал о панславизме и закончил книгу цитатой из Ивана Аксакова.

Среди советской элиты, выдвинувшейся в годы войны, высказывались, правда, только среди своих, мысли о необходимости дальнейшей русификации режима. Так, директор Дипломатической академии С. К. Бушуев выступал перед будущими дипломатами с призывом: «Добить национальный нигилизм!» Он говорил о необходимости реабилитации таких деятелей Российской империи, как А. А. Аракчеев, М. Н. Катков, К. П. Победоносцев*. Если подобное говорилось в стенах учреждения, готовящего дипломатов, которым язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли, то в других партийных и государственных учреждениях подобные взгляды, видимо, преобладали.

Результатами победы в Великой Отечественной войне стали не только территориальные изменения в Европе, в частности, почти полное соби́рание русских земель, но и окончательное решение некоторых болезненных вопросов. Сталин фактически закрыл столь болезненный польский вопрос. Присоединив в сентябре 1939 года Западную Украину и Белоруссию, руководство СССР сделало все, чтобы эти земли поляки больше никогда не считали «забренным краем», больше никогда не претендовали на них, и при этом не чувствовали себя ущемленными. Как известно, Польша получила компенсацию в виде бывших германских земель, составивших треть территории современной Польши. Но одновременно была проведена своеобразная этническая чистка западных земель СССР. На основании соглашений советского и польского коммунистического правительств полякам, проживавшим на землях, отошедших к СССР, было предоставлено право переселиться в Польшу. Особо подчеркнем, что говорилось именно о праве на выезд, а не приказе уехать. Впрочем, в основном советские власти приветствовали выезд поляков. По подсчетам этнографов, за 1944–55 гг. всего примерно 2,5 миллиона поляков уехали в Польшу**. (В данном случае неважно, что большинство поляков на Западной Украине были по своему этническому происхождению ополяченными, принявшими католичество восточными славянами). 482 тысячи украинцев из земель к западу от Буга, оставшихся в составе Польши, выехали в советскую Украину. В СССР осталось примерно 1,3 миллиона поляков. Остались большинство поляков Белоруссии (впрочем, большинство из них были католиками-белорусами, языком и бытом практически не отличавшимися от православных белорусов), и примерно половина поляков Литвы. (Замечательно, что в отличие от прежних веков оставшиеся восточнее Буга

* Платонов О. А. Терновый венец России. История русского народа в XX веке. Т. 2. М., 1996, с. 94.

** Народы России. Энциклопедия. М., 1994, с. 61.

поляки сохраняют общероссийское государственное сознание. Не случайно из их числа вышли будущие борцы за сохранение единого государства, такие, как Чеслав Млынник, Болеслав Макутынович, Чеслав Высоцкий, и ряд других). Зато в Галиции, где над поляками расправлялись и немцы, и бандеровцы и где местная советская власть, восстановленная в 1944 году, также принимала меры по очищению края от поляков, практически не осталось польского населения. В результате Галиция, в которой поляки перед войной составляли до 40% населения, стала почти чисто украинской. Город Львов, в котором, согласно польской переписи 1931 года, из 312 тысяч жителей лишь 24 тысячи (7,8% всего населения) назвали себя украинцами, и 11 тысяч (3,5%) – русинами, из польско-еврейского города превратился в нынешнее украинское «мисто».

Подобную этническую эволюцию проделал еще один город – Вильно, ставший литовским Вильнюсом. Если до войны, согласно той же польской переписи 1931 года, литовцы составляли лишь 1,6 тысячи человек, или 0,8% (!) из 195 тысяч виленцев, то после войны благодаря хлынувшим в город литовскоязычным мигрантам (если пользоваться прибалтийской терминологией) население города радикально изменилось. Ныне литовскоязычные мигранты и их потомки составляют уже 50% вильнюсцев.

Интересно, что именно такое решение польской проблемы предлагал в 1863 году, в период польского восстания, консервативный историк, один из столпов «теории официальной народности», М. П. Погодин. Он считал, что собственно Польше надо предоставить независимость, но польское население из западных губерний необходимо удалить, даже, если понадобится, силой.

Сами поляки, однако, должны быть вполне удовлетворены территориальными и этническими изменениями в своей стране. Польша превратилась практически в однонациональную страну. И что может быть более смешным и нелепым, чем русофобские демонстрации поляков в бывшем немецком Данциге, а также украинских самостийников во Львове и литовских националистов в Вильно.

Но то, что Сталин воссоединил восточнославянские земли, совершенно не означало, что он окончательно перешел на позиции русского национал-патриота. В украинском вопросе, например, он остался на позициях большевистской партии образца 1918 года. Хотя «украинизация» в Украинской ССР продолжалась скорее по инерции, и изобретение новых, «чисто украинских» слов практически прекратилось, но сохранилась и сама союзная республика Украина, и ее изобретенная еще Грушевским «история», правда, разбавленная марксистскими терминами. Жители Галиции, из которых, напомним, еще в 30-е годы при-

мерно половина считала себя русскими (русинами), а другая половина уже твердо усвоила, что они совершенно отдельный украинский народ, были все поголовно объявлены украинцами. Героическая борьба русского движения в Галиции, таким образом, именно с присоединением к России закончилась полным поражением и тотальной украинизацией. Товарищ Сталин сделал то, что за полтора века не смогли сделать австро-венгерские и польские власти вместе с униатской церковью. Аналогичным образом Закарпатская Русь была присоединена к Украине в качестве области и также объявлена частью Украины. Справедливости ради надо заметить, что Сталин старался не торопиться и фактически лишь хотел предоставить украинство собственной участи. Перестав получать государственную поддержку, украинская мова стала умирать своей смертью. Возможно, через поколение украинцы снова бы стали русскими.

В воссоединенной с исторической Россией Галиции украинское движение перешло к вооруженному сопротивлению русскому единству. Во многом, впрочем, это объяснялось не «национальными», а социальными обстоятельствами. В самом деле, хотя Галиция была нищей окраиной Австро-Венгрии, а в 1919–39 гг. также и Польши, но в 40-х гг. XX века для уроженцев средней России Западная Украина могла показаться краем изобилия и процветания. После ликвидации польского помещичьего землевладения в 1939 году, а также исчезновения еврейского ростовщичества (вместе с евреями, которых уничтожили украинские части СС в 1941–44 гг.) Галиция могла чувствовать себя освобожденной страной, которую вдруг заняли «москали». Вместе с советской властью в 1944 году на запад Украины вернулась коллективизация и прочие прелести «социалистического строительства». Это не могло понравиться местному зажиточному крестьянству (кулачеству, по советской терминологии), численно увеличившемуся в 40-е гг. В результате началась вооруженная борьба. Как видим, война с бандеровщиной в западных областях Украинской ССР была продолжением российской Гражданской войны 1918–22 гг. Никакого «национально-освободительного» компонента здесь не найти.

Несколько иной характер приняло бандеровское движение в тех землях, что и после 1945 года остались в Польше. Напомним, что старинные русские города Перемышль, Холм, Ярослав, Замостье и другие, вместе с округой, остались в составе Польши. (Кроме того, Пряшевская Русь осталась в составе Чехословакии). Местным русинам (или украинцам, как их официально стали считать) приходилось выбирать между выездом в СССР или возможностью остаться гражданами Польши, но при этом все равно бросить родные места и переселяться на новые польские земли в Силезию и Поморье. Понятно, что многие русины с

Бескидких гор и Холмщины, в том числе и те, кто до войны упорно отстаивал свою русскость в борьбе с «украинством», предпочли взять в руки оружие. Трагическим курьезом бандеровщины в юго-восточных регионах Польши в 1944–53 гг. является то, что основную массу бойцов «украинской» повстанческой армии (УПА) здесь составили лемки (этнографическая группа карпатских русин, сохранивших к середине XX века русское самосознание и православие). Таким образом, в Польше после 1945 года бандеровское движение действительно носило во многом национально-освободительный (но не украинский!) характер. В партизанские отряды ушли почти все взрослые русины, среди которых многие еще недавно сражались с гитлеровцами. Позиция СССР, поддерживавшего польские коммунистические власти, в том числе и непосредственным участием советских вооруженных сил в подавлении партизан, а также призывавшего русин уезжать в советскую Украину, оказывала деморализующее воздействие на вооруженную оппозицию в восточной части Польши. Тем не менее умиротворение самых окраинных земель восточного славянства для Польши оказалось нелегким делом. Лишь весной – летом 1947 года, в ходе операции «Висла» польским войскам удалось нанести серьезное поражение УПА. Но только еще через несколько лет с сопротивлением УПА было покончено. В результате русинское население было частью депортировано в СССР, частью переселено на запад Польши и постепенно ассимилировано, частью бежало на Запад. Впрочем, эта победа стоила немалых потерь. Погибло не менее 12 тысяч польских солдат, 10 тысяч активистов польской компартии, и 1 тысяча советских солдат*. Был убит вице-министр обороны Польши маршал Кароль Сверчевский, в годы войны в Испании – легендарный «генерал Вальтер».

Война с самостийниками и на советской Украине была долгой и ожесточенной. Достаточно сказать, что только войска Министерства внутренних дел и Советской армии потеряли 6223 человека, в том числе 5635 убитыми**. Самостийники-бандеровцы потеряли 56 тысяч человек. Но главную роль в разгроме бандеровщины сыграли «истребительные батальоны», состоящие из местных жителей. На них же и пришлось большая часть потерь.

Как во всей истории украинского национализма, не может не удивлять большой процент иностранцев, сражавшихся в рядах самостийников. (Правда, большинству из них некуда было деваться после поражения Третьего рейха, вот и пришлось с горя заделаться «свидо-

* Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней. М., 1993, с. 378–379.

** Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. М., 2001, с. 548.

мыми украинцами»). Бывшие москали-власовцы, немецкие вервольфы, польские «збройники», румынские «железнодорожники», словацкие «глинковцы», венгерские нилашисты и пр. составляли значительную, если не большую часть борцов «за вильну Украину».

Как бы то ни было, бандеровщина была ликвидирована к началу 60-х гг., и Западная Украина впервые за 600 лет стала частью единого восточного славянства.

В 1944–45 гг. в состав СССР вошло Закарпатье (Карпатская Русь). 29 июня 1945 года был подписан договор между СССР и только что освобожденной нами Чехословакией, по которому к нашей стране переходила Карпатская Русь. Собственно, переход Карпатской Руси в состав исторической России (носившей тогда название СССР) начался еще осенью 1944 года, сразу после освобождения края Советской армией. Самое замечательное заключается в том, что Карпатская Русь присоединилась к СССР действительно добровольно, в результате поистине всенародного выбора. И особенно восхищает тот факт, что главной движущей силой борьбы за воссоединение была Православная Церковь. 18 ноября в Мукачеве состоялся Православный съезд, принявший обращение к Сталину о желании православного карпато-русского народа навсегда связать свою судьбу с судьбой соотечественников в СССР.

Вот как звучал текст обращения к Сталину: «Мы, нижеподписавшиеся представители православных общин Карпатской Руси, выражая волю всего православного русского народа, просим включить Карпатскую Украину (Карпатскую Русь) в состав СССР в форме: Карпаторусская Советская Республика.

Желания и мечты наших предков были всегда, чтобы наша область за Карпатами, заселенная русинами, т. е. Руси сынами, возвратилась в лоно Великой Руси. Но наши поработители всегда тому препятствовали. Таким образом, мы целые столетия оставались в германо-венгерском рабстве вплоть до 1919 года.

В 1919 году на мирной конференции наша область, именуемая Карпатская Русь, согласно Сен-Жерменскому договору, на автономных правах была присоединена к Чехословацкой Республике. Уже тогда нашу область признали Карпатской Русью, ибо здесь живет искони русское племя. Сам народ именует себя «карпаторуссы», «русин», т. е. Русин, вера «русская», жена «русская», мама «русская» и т. д. С названием «Украина» наш народ был познакомлен только под чешским владычеством, после Первой мировой войны, и то интеллигенцией, пришедшей из Галичины. Этих галичан само чешское правительство призвало в Карпатскую Русь и их идеологию, за все время существования Чешской Республики, серьезно финансировало...

Очень интересно, что галицкие шовинисты избивали карпато-русское население и его интеллигенцию и говорили: «Кацапы, маски, вам мисто у Москвы, у вашего Сталина». Мадыры при избиении нас тоже говорили: «Муско, комуништо, иди в Москву к твоему Сталину».

Карпато-русский народ с великим терпением и болью сердца переносил все это, ожидая своего спасения именно от Москвы...

Наш народ-русин – Руси-сын. Наша русскость не моложе Карпат...

Только тем и можно объяснить эту несказанную радость при встрече русской Красной армии...

Наученные горьким опытом, мы решительно заявляем, что политическая, экономическая, культурная и социальная жизнь нашего народа может успешно развиваться только в пределах великого, родного нам Советского Союза, и ни в коем случае не в каком-либо чужом государстве.

ВОЛЯ КАРПАТО-РУССКОГО НАШЕГО НАРОДА: ХОТИМ РАЗ И НАВСЕГДА СВЯЗАТЬ СВОЮ СУДЬБУ С СУДЬБОЮ НАШИХ СОПЛЕМЕННОКОВ В СССР и то определить нам Карпато-русскую Советскую Республику от Ясиня до Попрала и от Ужка до Добровича (Дебрецена). Выражая великую радость и глубокую благодарность по поводу освобождения Великому вождю и освободителю всего славянства и Европы товарищу Маршалу Сталину и Красной Армии, мы просим принять Карпатскую Русь в состав Советского Союза.

В Мукачеве дня 18 ноября 1944 года»*.

Тот факт, что инициатива воссоединения принадлежала Православной Церкви, сильно озадачил коммунистическую администрацию Закарпатья. Пришлось в пожарном порядке, на другой день, проводить съезд местных коммунистов там же, в Мукачеве, который единогласно принял резолюцию о присоединении к Советскому Союзу. Впрочем, почти все местные коммунисты были недавними партизанами, не разбирающимися в тонкостях партийных программ и вступившими в партию лишь потому, что ее лидером был Сталин, с которым связывалась надежда на воссоединение.

Итак, летом 1945 года правительство Чехословакии вынуждено было уступить нам Карпатскую Русь. К сентябрю были ликвидированы чехословацкие органы власти. 22 января 1946 года была образована Закарпатская область в составе Украинской ССР.

Увы, не все получилось так, как мечтали многие поколения борцов за единство Руси. Дело было, разумеется, не в том, что Закарпатье составило не союзную республику, а стало лишь обычной областью.

---

* Разгулов В. Подвиг архимандрита Алексия Кабалюка // Карпатская панорама, 18.08.1996.

Самым трагичным было то, что Закарпатье было отдано Украине. Все русины были переименованы в украинцев, во всех школах «мова» стала обязательным предметом. Тысячелетняя героическая борьба за сохранение русской идентичности закончилась, как и в Галиции, поражением и украинизацией именно с воссоединением. Таков парадокс политики Сталина – воссоединилась историческая Россия, но попутно было сделано то, что за многие века не смогли сделать венгерские феодалы, австро-венгерские власти и униатская церковь.

При Сталине частично был решен еще один болезненный внутрироссийский вопрос – немецкий. В принципе, большинство российских немцев были совершенно лояльны советской власти, как, впрочем, они были бы лояльны любой власти в стране. В этом смысле ликвидация немецкой автономии в Поволжье была ничем не оправданным произволом. В результате двухмиллионная масса работающих и законопослушных людей оказалась на положении парий. Несколько иначе стоит решение немецкой проблемы в Прибалтике. В этих республиках, существовавших в 1920–40 гг., немцы составляли значительную часть городского населения, практически всю буржуазию, рабочий класс и техническую интеллигенцию. После того, как с осени 1939 года немцы по призыву Гитлера и под давлением СССР стали выезжать на историческую родину, Прибалтика упала в руки Сталина как перезревший плод. После войны, в условиях низкой рождаемости среди коренных прибалтов, для обеспечения промышленного производства в республике Прибалтики, в основном Латвию и Эстонию (католическая Литва в советские годы имела достаточно высокую рождаемость, и сама обеспечивала себя трудовыми ресурсами), начался приток рабочей силы из России и Белоруссии. Исчезновение традиционно лояльного России остзейского немецкого населения в исторической перспективе ослабило российскую власть в регионе.

Наконец, Сталин определенно собирался решить и еврейский вопрос теми же способами, что и польский. Иначе говоря, переместить значительную часть советских евреев в Израиль, превратив его в государство-сателлит типа Польской Народной Республики или ГДР. Не случайно СССР стоял у истоков создания государства Израиль при голосовании в ООН. Напомним, что при голосовании в ООН 29 ноября 1947 года по палестинскому вопросу, за создание отдельных еврейского и арабского государств проголосовали СССР, Украинская и Белорусская ССР, Чехословакия и Польша. Именно позиция СССР обеспечило требуемое большинство в 2/3 голосов для мандата ООН. Через два дня после провозглашения независимости Израиля СССР признал его юридически (на год раньше, чем США). Кроме того, СССР поддержал Израиль оружием в войне с арабами 1948–49 гг. Советские офицеры, среди которых почти не

было евреев, участвовали в боевых и диверсионных акциях в Палестине, начиная с 1946 года*. Постоянный представитель Украинской ССР в ООН Д. З. Мануильский предложил решить проблему палестинских арабов простым способом – переселить 500 тысяч палестинцев в советскую Среднюю Азию, создав там Арабскую советскую республику.

По видимому, Сталин полагал, что мировое еврейство, спасенное от физического истребления нацистами в результате победы в войне, будет поддерживать СССР. На эту мысль наводила и вооруженная борьба евреев в Палестине против британских войск в 1946–47 гг., изрядно ослабившая Британскую империю. Однако, после крушения гитлеровской Германии именно СССР стал главным препятствием для господства сионизма. Понятно, что мировой сионизм и правительство Израиля предпочло ориентироваться на США. В результате именно сионизм, международный и внутренний, отныне стал главной антирусской силой. Сталин достаточно быстро понял это и начал предпринимать определенные меры. Был распущен Еврейский Антифашистский Комитет (ЕАК), репрессированы некоторые его члены, негласно евреев стали задвигать с руководящих постов. Были прекращены всякие возможности для реализации выдвигавшихся еще в конце войны проектов создания еврейской автономии в Крыму. Впрочем, никаких широких репрессий не было. Современные сионисты пытаются всячески раздуть масштабы «государственного антисемитизма» в сталинском СССР, но любой объективный исследователь может отметить, что по сравнению с советским довоенным террором и политическими преследованиями в США времен маккартизма, жертвами которых стали многие американские евреи (например, супруги Розенберг), последние годы правления Сталина были временем гуманизма и толерантности. В вышедшей еще в 1952 году в США книге некоего С. Шварца «Антисемитизм в Советском Союзе» едва ли основным доказательством наличия этого самого антисемитизма в сталинские годы служит тот факт, что Государственная Комиссия по расследованию нацистских преступлений из 7 опубликованных сообщений о зверствах оккупантов на территории СССР в 1943 году лишь в одном упоминала о евреях как жертвах**.

Главным доводом существования государственного антисемитизма в сталинском СССР после войны служат гибель в автомобильной катастрофе актера С. Михоэлса и «дело врачей». Однако единственным доказательством того, что Михоэлса убрали по приказу Сталина, являются протоколы допросов Л. Берии и В. Абакумова, подлинность которых сомнительна. Кроме того, о приказе Сталина убрать Михоэлса писала

---

* Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996, с. 349.

** Шварц С. Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1952, с. 175.

дочь Сталина Аллилуева, но и она была весьма тенденциозным автором, особенно учитывая тот факт, что ее любовниками и мужьями были в основном евреи. Да и вообще, в те времена запросто могли расстрелять члена Политбюро, министра или маршала, и в этом смысле убирать Михоэлса, вероятно, талантливого актера, но все же менее значимого в истории театрального искусства, чем В. Мейерхольд, инсценируя автокатастрофу, для «органов» было бы нелепой и нерациональной тратой сил. Что касается «дела врачей», то далеко не все из осужденных по этому делу были евреями. (По подсчетам израильского автора Ш. Маркиша, евреи составляли лишь треть из числа всех арестованных по «делу врачей», которое вообще считается чисто антисемитским). По «делу врачей» было расстреляно 13 человек, и также 13 было казнено по «делу ЕАК», в то же время в ходе проходившего одновременно «ленинградского дела» было казнено 2 тысячи человек. Кстати, главным обвинением для «ленинградцев» был именно русский национализм. Впрочем, всегда, когда речь идет о преследовании евреев, то «мировое общественное мнение», находящееся под сионистским влиянием, всегда считает это ужасающим преступлением. Зато казни гоев вообще почти не заслуживают внимания. Так и при описании послевоенного СССР западными и западническими учеными «дело врачей» раздуто почти до масштабов нового холокоста.

Справедливости ради надо отметить, что в конце правления Сталина действительно происходило значительное снижение доли евреев во всех сферах жизни государства. Однако в этом необходимо видеть лишь смену властвующей элиты. В конце концов, представительство латышей или поляков в составе советской властвующей элиты изменилось еще значительнее, ведь в отличие от 20–30-х гг. их остались единицы. По мнению А. Воронеля, в первые годы советской власти евреи играли исключительную роль в жизни страны, но объяснялось это просто: «Советская власть нуждалась, как в свое время царская власть, в некоем квалифицированном меньшинстве, которое по отношению к основному населению было бы несколько чужим»*. Вообще-то, несмотря на господствующие в наши дни представления, которые одинаково разделяют сионисты и антисемиты, даже в начале 20-х гг., когда евреи имели наибольшее влияние в партии, их было не так много. В 1922 году евреи составляли 5,2% членов партии. Но чем выше был уровень властной вертикали, тем больше там встречались евреи. Так, на XI съезде РКП (б) (март-апрель, 1922 год) евреи составляли 14, 6% делегатов с правом решающего голоса и 18, 3% – с правом совещательного голоса. Зато из 27 членов ЦК партии было 7 евреев**.

* Вдовин А. И. Русские в XX веке. М., 2004, с. 173.

** Одиннадцатый съезд РКП (б). М., 1961, с. 520, 716.

Но уже со второй половины 30-х гг. Сталин начал избавляться от прежней элиты. Это, естественно, означало, что теперь власть подбирает кадры не по национальной и даже не по социальной принадлежности, а по деловым качествам. В результате часть евреев стали «вычищать» из советского правительственного аппарата. Однако это было чисткой старых кадров, а не проявлением антисемитизма. Вплоть до 1953 года немало евреев, имевших определенные способности, помимо «пятого пункта», входили в руководящую элиту СССР.

Доводы о том, что Сталин собирался уничтожить советских евреев или выселить их в Биробиджан, да помешала смерть, являются бездоказательными, а точнее, лживыми. Приведем в качестве доказательства мнение Жореса Медведева, известного советского диссидента, сына репрессированного при Сталине красного командира, ныне проживающего в Лондоне, то есть уже по определению не сталиниста и не русского националиста. В своем исследовании «Сталин и еврейская проблема. Новый анализ», Медведев отмечает: «Анализ еврейской проблемы в послевоенный период сталинской диктатуры был бы неполным без ответа на вопрос о достоверности часто упоминаемого в литературе плана массовой депортации советских евреев в Сибирь и на Дальний Восток, привязанный к «делу врачей». Утверждения о существовании плана такой депортации были до недавнего времени настолько частыми и категоричными, что они стали переходить из одной работы в другую без ссылок на какие-либо документы, как нечто давно доказанное... Существование такого плана тотальной депортации советских евреев упоминается не только во многих биографиях Сталина, но и в книгах по истории еврейского народа, по истории Израиля, в еврейской и других энциклопедиях, в книгах по истории СССР»*.

Действительно, болезненная фантазия современных «знатоков» работает очень живо. Так, некогда известный обозреватель «Литературной газеты» А. Ваксберг утверждал, что сначала должна была состояться публичная казнь через повешенье «врачей-убийц» на Красной площади (!), а затем должна последовать высылка евреев из Европейской России. Я. Этингер (отец которого умер в 1951 году в заключении) утверждал, что на Дальнем Востоке уже были сооружены лагеря для миллионов евреев. Я. Айзенштадт в изданной в Иерусалиме книге также утверждал, что только смерть помешала Сталину устроить второй холокост. Разумеется, о причинах готовящегося уничтожения евреев эти, да и большинство других авторов, пишущих на данную тему, ничего не сообщают. В основном эти писаксы следуют псевдосиллогизму:

---

* Медведев Ж. А. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М., 2003, с. 273–274

Сталин был кровавым тираном. Все кровавые тираны хотят уничтожить евреев. Следовательно, Сталин хотел уничтожить евреев.

Но как обстояло на самом деле? Предоставим вновь слово Жоресу Медведеву: «... утверждения о плане депортации евреев никогда не опирались на какие-либо документы. Таких документов в архивах никто никогда не находил. Массовая депортация евреев даже только из Москвы была невозможна по чисто практическим причинам. В Москве в 1953 году проживало около 400 тысяч евреев, большинство из которых было полностью ассимилировано в советском обществе... Массовая депортация евреев, будь она осуществлена, вызвала бы сильное разрушительное действие на большое число важных сфер жизни общества, прежде всего на систему здравоохранения, просвещения и образования, на науку, культуру, книгоиздательство, прессу и множество других. В 1953 году не был готов к осуществлению столь массовой карательной операции и аппарат МГБ. После репатриаций 1945–1946 годов и широких депортаций из Прибалтики и Западной Украины в 1946–1948 годах система МГБ подверглась сокращениям. МВД СССР в начале 1953 года вообще было лишено почти всех оперативных подразделений и являлось, по существу, строительно-производственным министерством, специализированным на строительстве секретных объектов с применением в качестве главной рабочей силы заключенных, бывших военнопленных и спецпереселенцев. Для осуществления массовой депортации евреев в МГБ и МВД было необходимо создание новых специализированных отделов. Однако никаких реорганизаций в МГБ и МВД не проводилось. Устных директив для подобного рода проектов было недостаточно, так как для них нужны финансы, строительные материалы и множество форм снабжения и планирования»^{*}.

Кстати, современный российский автор Г. В. Костырченко, книга которого посвящена взаимоотношениям Сталина и евреев, носящая название «В плену у красного фараона» (из чего сразу можно уяснить позицию автора, уподобляющего положение евреев в сталинском СССР египетскому пленению), пересказав все душераздирающие сказки современного сионизма о страшной участи советских евреев, тем не менее, после основательной работы в архивах, вынужден признать, что никакой массовой депортации евреев Сталин не планировал^{**}.

Общий вывод Ж. Медведева: «Слухи о возможной депортации евреев, подхваченные и явно модифицированные в западной прессе, постепенно трансформировались в легенду или миф, который оказался весьма устойчивым. Множество самых невероятных и фантастических

^{*} Медведев Ж. А. Указ. соч., с. 275–276.

^{**} Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. М., 1994, с. 346.

мифов существует, как известно, в течение столетий и даже тысячелетий. Спорить с мифами и легендами бесполезно, они все равно останутся в сознании какой-либо группы людей, так как выполняют психологическую или социальную функцию или просто политическую задачу»*. Думается, что прибавить к этим словам нечего.

При Сталине в последние годы правления происходили и другие явления, свидетельствовавшие о значительной (хотя и не окончательной) русификации советского режима. Весьма показательны процессы, происходящие во взаимоотношениях государства и Церкви. Сотрудничество государства с Церковью продолжалось и после войны. Развернулось восстановление ранее разрушенных храмов. Если перед войной действующих храмов оставалось несколько сотен, то уже к концу 40-х гг. их число возросло до 14,5 тысячи. Возобновили свою деятельность 75 монастырей, в том числе Троице-Сергиева Лавра. Начали функционировать 8 духовных семинарий и 2 академии. Возродилась издательская деятельность патриархии.

Церковь смогла расширить влияние на некоторые земли, где православие считалось исчезнувшим. Так, в 1946 гг. на Соборе во Львове была отменена уния 1596 года с Ватиканом. Верующие Западной Украины в большинстве своем воссоединились с православием. Разумеется, это вызвало ярость Ватикана и украинских самостийников. В энциклике «Ориенталис омнес», опубликованной 23 декабря 1945 года, при первом известии о появлении среди униатского духовенства инициативной группы по ликвидации унии, папа Пий XII объявил призывы к возвращению галичан к вере предков как «еретические и богопротивные». В 1949 году уния была ликвидирована и в Закарпатье. После Львовского собора самостийники развернули форменную охоту на священников, вернувшихся в православие. От рук бандеровцев погиб инициатор отмены унии протопресвитер Гавриил Костельник, застреленный прямо на ступенях своего храма. Вообще православных священников на Западной Украине погибло едва ли не больше, чем членов компартии. Следует заметить, что советские власти на западе Украины практически не помогали православным, делая упор на атеистическую пропаганду. Православное движение на Западной Украине остается героическим, но практически неизвестным историческим фактом.

Конечно, Сталин совершенно не собирался возвращать Церкви привилегированное положение. В 1946 году, когда монашество Троице-Сергиевой Лавры попыталось проявить самостоятельность и вести черносотенную пропаганду среди верующих, то светские власти приняли соответствующие меры. Но, в отличие от довоенных времен, дело не дошло до репрессий. Все было сделано просто: архимандрит Гурий по-

* Там же, с. 276–277.

лучил повышение по церковной линии и из лавры был отправлен епископом далеко от Москвы.

Вообще многие православные верующие весьма положительно оценивали религиозную жизнь России в 1943–60 гг., то есть до хрущевских гонений. В самом деле, в храм ходили именно верующие, партийные и комсомольские карьеристы, естественно, обходили церкви стороной, мода на демонстрирование внешней религиозности еще не появилась. Власти боролись с сектантством, исчезло «обновленчество».

Оценивая деятельность Сталина в военные и послевоенные годы, нельзя не признать, что во многом именно тогда были реализованы многие мечты русских национал-патриотов прошлого. И неслучайно Сталин остается одним из кумиров национально-патриотического движения, в том числе и самой антикоммунистически настроенной его части. Портреты вождя гораздо чаще можно встретить на митингах «белых» национал-патриотов, чем «настоящих» левых типа ортодоксальных коммунистов или антиглобалистов. Сталина в современной России чтят как великого государственника, а не марксиста.

Вплоть до конца 90-х гг. XX века продолжалась с переменным успехом борьба национал-большевистского и интернационально-марксистского течений. После смерти Сталина борьба этих течений стала определять всю внутреннюю жизнь страны.

Глава V

«РУСОФИЛЫ», ИЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОЙ

После смерти И. В. Сталина и особенно в период после хрущевской «оттепели» 1960-х гг. русский национал-патриотизм, казалось, частью уничтоженный, частью интегрированный в идеологию КПСС, переживает второе рождение. В отличие от сталинской эпохи он носит вновь явно выраженный *правый* характере (хотя, конечно, национальное течение в КПСС и национал-большевизм в широком смысле этого слова сохранился, хотя уже и не имел прежнего влияния).

Возрождение правой не было единым процессом. Его проявлением были и традиционная, вновь развернувшаяся литературная и публицистическая полемика в «толстых» журналах, среди которых некоторые занимают открыто русско-национальную позицию, конфронтируя и с марксистами-ортодоксами, и с либералами-«шестидесятниками». Появляются русские националистические группы среди диссидентов. Появляются новые литературные жанры, например, заметным событием в истории русской словесности становится творчество писателей-«деревенщиков», имевших и в 60-е и в 90-е гг. гораздо больший читательский успех, чем все разрекламированные богемные авангардисты. Художники, среди которых первым надо назвать Илью Глазунова, возрождают традицию русской реалистической живописи. Сам Глазунов уже вошел в историю как художник, имевший наибольшее количество прижизненных выставок.

О психологической атмосфере, царившей среди интеллектуалов 60–70-х гг., интересно рассказал А. Л. Янов, свидетельство которого особенно ценно, учитывая как его личный опыт, так и резко негативное отношение ко всему русскому возрождению: «... история словно бы оживала перед нашими глазами. Из-под глыб замшелой идеологии вдруг стали пробиваться свежие удивительные голоса, толковавшие о необходимости национального возрождения, о возвращении к национальным корням и спасении России. Новое настроение, как вихрь,

закружило Москву. Оно возникло стихийно, снизу, не только не по указанию властей, но порою было направлено прямо против них. В домах интеллигентов, в клубах и университетах появлялись люди самого разного возраста – и старики, и юноши, – призывавшие вернуться «домой», к «святыням национального духа», торжественно декламировавшие о «земле» и «почве», – словно ожили славянофилы 1830-х гг. Один из самых популярных журналов «Молодая гвардия» присоединился к этому хору, опубликовав серию громовых статей. Модной темой дискуссии стало вдруг вымирание русской деревни, ужасающее запустение колыбели нации – северо-восточной Руси... Интеллигенция вдруг устремилаась проводить отпуска в деревнях, у могил далеких предков – вместо модных еще недавно Крыма, Кавказа и Прибалтики. Молодежь бродила по вымирающим деревням, собирая иконы, и очень скоро не осталось почти ни одного интеллигентного дома в Москве, не украшенного символами православия. Писатель Владимир Солоухин появился в Доме литераторов с перстнем, на котором был изображен расстрелянный император Николай Второй. На черном рынке возник бешеный спрос на книги «контрреволюционеров» и «белогвардейцев», умерших в эмиграции»*.

Но в чем же причины такого своеобразного возрождения русского духа и почему же он теперь уже не полностью отождествлялся с Советской властью? Почему же появление нового идеологического и политического направления в советском общественном сознании приходится на 60–70-е гг., т. е. время упадка хрущевской «оттепели» и периода брежневского застоя?

Причин всего этого множество, и мы ограничимся лишь кратким перечислением важнейших из них. Во-первых, происходила дальнейшая рутинизация режима, лишившегося после ухода со сцены поколения основателей СССР и естественной замены «строителей Советской империи» безликими бюрократами всякого внутреннего динамизма и существовавшего в значительной степени как бы по инерции. Теряющая свою сакральность власть не может не привести к тому, что положительный идеал молодые творческие люди стали искать в прошлом, не связывая его с существующей системой. Конфликт с Китаем наглядно показал, что при общей коммунистической идеологии национализм подспудно продолжал определять политику обеих стран. Характерно, что китайская сторона, при всех своих претензиях на мировое значение «идей председателя Мао» и интернационалистскую риторику, проводила в жизнь великодержавную экспансионистскую политику. Целое поколение советских людей прожило под тенью китайской угрозы и ожидания казавшегося неизбежным вторжения огромных полчищ не-

* Янов А. А. Русская Идея и 2000 год // Ж-л «Нева». 1990. № 9. С. 156.

приятеля на богатые и почти незаселенные просторы Сибири. В этих условиях не официальная пропаганда, беззубо обвинявшая тогдашних руководителей Китая в «измене» марксизму, а именно патриотическая озабоченность широких слоев русского народа, возникшая во многом вопреки усилиям идеологических служб КПСС, играла мобилизующую роль в советском обществе. Роль конфликта с Китаем для возрождения русского национализма огромна. Русофобы всех мастей не скрывали удовлетворения от грядущей и неизбежной, как им казалось, войны СССР с Китаем. Диссидент А. Амальрик в статье «Просуществует ли СССР до 1984 года?» предвкусывал гибель Советского Союза в результате войны с Китаем. Солженицын в своем «письме вождям Советского Союза» писал, что война с Китаем неизбежна, что она обойдется СССР в «шестьдесят миллионов голов» и после нее «русский народ перестанет существовать на планете»*. Избежать этого можно было только путем отказа от коммунистической идеологии, а заменить ее Солженицын советовал своими идеями. Другой диссидент, относящийся, однако, к русскому патриотическому направлению, академик Игорь Шафаревич, о котором еще мы будем говорить, приводил выдержку из канадского еврейского русскоязычного журнала: «Не премолчи, Господи, вступись за избранных твоих, не ради нас, ради клятвы твоей отцам нашим – Аврааму, Исааку и Якову. Напусти на них Китайца, чтобы славили они Мао и работали на него, как мы на них. Господи, да разрушит Китаец все русские школы и разграбит их, да будут русские насильно китаизированы, да забудут они свой язык и письменность. Да организует он им в Гималаях Русский национальный округ»**.

Понятно, что в тех конкретных политических условиях патриотическая тревога приобрела во многом оппозиционный КПСС характер, при этом прозападно настроенные либералы считались если не явными агентами Запада, то уж точно невольными пособниками китайских экспансионистов, ослабляющими оборонную мощь страны.

Во-вторых, десятилетие «оттепели» не прошло бесследно, оставив после себя не только позитивные перемены (общее смягчение режима, реабилитация многих невинно пострадавших), но и многие печальные последствия. По словам лидера КПРФ Г. А. Зюганова, «под аккомпанемент речей о необходимости реабилитации жертв политических репрессий, что само по себе было крайне необходимо, духовные потомки всех ненавистников России сумели свернуть, заморозить едва начавшийся процесс национального российского возрождения»***.

* Солженицын А. Письма вождям Советского Союза. Paris, 1974, с. 14.

** Шафаревич И. Р. Русофобия. Л., 1990, с. 100.

*** Зюганов Г. А. Держава. М., 1994. С. 21.

В самом деле, при Хрущеве были реабилитированы не только часть репрессированных в 30–50-е гг. людей, но и восстановлена в правах идеология большевизма 20-х гг. с ее гиперинтернационализмом, отрицанием «проклятого прошлого» (которое включало в себя и сталинскую эпоху) во имя скорого светлого будущего. Во внутренней политике это привело к бесчисленным экспериментам, хаотическим «реформам» в области управления сельским хозяйством, которые нанесли русской деревне удар, сравнимый лишь с последствиями коллективизации и Великой Отечественной войны.

В промышленности не только был осуществлен непродуманный переход к территориально-отраслевой системе управления (что только дискредитировало хорошую идею децентрализации управления народным хозяйством), но и в порыве очередного левацкого уклона была огосударствлена промышленная кооперация. А ведь в одном Ленинграде еще в 1956 г. кооперативная промышленность была представлена 1750 предприятиями, где работало 65 тыс. человек и которые давали 4,1% промышленного производства города*.

Ликвидация артелей и мастерских промкооперации в начале 60-х гг. означала ликвидацию последнего негосударственного сектора экономики, поскольку колхозная собственность на деле давно уже не отличалась от государственной. В этом свете все попытки изобразить Хрущева реформатором, которому «не дали» осуществить экономическую модернизацию СССР, совершенно несостоятельны. Учитывая, что многие традиционные народные промыслы, насчитывающие многовековую историю, существовали именно в виде промышленных артелей, то неудивительным было то, что для русской культуры огосударствление кооперации было тяжелейшим ударом.

При Хрущеве на Украине вновь началась уже третья за полвека украинизация. (Напомним, что первая украинизация происходила в 20–30-е гг., и была связана с деятельностью Э. Квирина и Л. Кагановича. Вторая украинизация – время гитлеровской оккупации территории республики, в ходе которой немцы навязывали населению украинский язык.) Преподавание русского языка в школах и вузах республики теперь из обязательного стало факультативным, Крым был передан Украине. Правивший на Украине в 1963–72 гг. П. Шелест вообще начал проводить в жизнь политику экономической автаркии республики, саботируя общесоюзные экономические проекты. Подобные меры начали проводиться в Белоруссии и во всех остальных союзных республиках.

Наконец, при Н. С. Хрущеве возобновилось гонение на Церковь. За 1959–64 гг. были закрыты пять из восьми духовных семинарий, бо-

* Коловангин П. М., Рыбаков Ф. Ф. Экономическое реформирование в России в XX веке. СПб., 1996. С. 22.

лее 50 из 89 монастырей, количество приходов сократилось с 22 тыс. до 8 тыс. Только за 1961–64 гг. по религиозным мотивам было осуждено 1234 чел.*. Возобновилось варварское уничтожение храмов и исторических памятников. Так, в Ленинграде был снесен Спас на Сенной, на месте которого было сооружено уродливое стеклянное здание метро, уничтожены многие храмы в Москве. Была закрыта Киево-Печерская Лавра. Был взорван королевский дворец в Калининграде (бывшем Кёнигсберге), на руинах которого более двух десятилетий сооружалось здание горкома.

Итак, за годы «оттепели» был нанесен значительный ущерб русскому национальному самосознанию и русской традиционной культуре. Сменивший Н. С. Хрущева новый лидер Л. И. Брежнев, хотя и остановил некоторые слишком уж одиозные мероприятия своего предшественника типа посева кукурузы от Белого до Черного моря, но в целом продолжал все тот же курс. Слово «русский» по-прежнему почти отсутствовало в официальной пропаганде, народы СССР оплачивали деньгами, потом и кровью «интернациональный долг» множеству народов, забывая о себе, шло массированное уничтожение «неперспективных» деревень и т. д. Бытующее среди западных исследователей и среди либералов-«шестидесятников» противопоставление «хорошего» реформатора Хрущева «плохому» консерватору Брежневу не вполне корректно, поскольку весь брежневский застой был, в сущности, продолжением «хрущевизма» без волонтаристских шараханий. Если можно так выразиться, «брежневизм» был спокойным «хрущевизмом». Все, что считается присущим брежневскому стилю правления (создание своего комического культа, выдвижение своих родственников на важные государственные посты, любовь к орденам и званиям), – все это начиналось при Хрущеве. Поэтому-то для русского оскорбленного самосознания замена Хрущева Брежневым была поистине сменой шила на мыло. В таких условиях не могло не появиться вновь русское национально-патриотическое движение.

И, наконец, была и третья причина возрождения русского движения, придавшая ему особые черты. За жизнь одного поколения русские из традиционно крестьянской нации превратились в нацию горожан. Так, если в 1926 г. доля городских жителей у русских составляла 21,3%, то в 1979–74,4%, т. е. увеличилась в 3,5 раза. При этом особенно быстро росли крупные мегаполисы, и только за 60-е гг. число городов – «миллионеров» возросло с 3 до 10, а за 70-е гг. их число дошло до 22. Заметим, что во всех мегаполисах, в т. ч. и в столицах союзных республик, русские составляли значительную, а порой и большую часть населения.

* Митрополит Иоанн. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1994. С. 326.

Урбанизация нации привела к определенной урбанизации ее сознания. Учитывая всеобщую грамотность и то, что работники умственного труда составляли четверть всех занятых у русских, нетрудно догадаться, что русское возрождение носило своеобразный характер. Помимо естественной реакции на стандартизацию культуры, вкусов и условий жизни большого города, что привело к повышенному вниманию к своим родовым корням и вызвало глубокий интерес к традиционному искусству, фольклору, реальной истории (а не ее пропагандистской трактовке), значительное место заняли теперь проблемы, порожденные XX веком. Экологическое состояние Волги, Оби, Днепра, Байкала, Ара-ла, угроза переброски северных рек, что могло бы привести ко всемирной экологической катастрофе, гибель многих памятников истории, вымирание деревни, демографический кризис нации, рост пьянства, увеличение числа разводов, падение нравов и т. п. вопросы стали теперь главными для патриотической интеллигенции.

Итак, по этим вышеперечисленным обстоятельствам с 1960-х гг. в культурно-идеологической жизни СССР появляется довольно влия-тельное течение русских патриотов. В историю русской общественной жизни они вошли под именем *русофилов*, хотя многие идейные деятели не употребляли этого термина. (Для самоназвания активные участники движения использовали слова «русисты», «неославянофилы», «почвенники» или даже «Русская партия»). По истории русофильства существует немного источников. Можно сослаться на книгу Н. А. Митрохина «Русская партия», вышедшую в 2003 году, дневники и мемуары русофилов, которые опубликованы в журналах «Наш современник» и «Молодая гвардия». Западные исследователи Дж. Данлоп и Дарел Хаммер в своих трудах весьма объективно оценивали деятельность русского диссидентства и самиздата. И все же история русофильского движения еще не написана. Этому мешает как политическая ангажированность многих зарубежных и отечественных исследователей, так и многие причины субъективного характера самих представителей этого довольно разнородного идейного движения. Тем не менее в данной книге нельзя хотя бы кратко не остановиться на русофильстве хотя бы потому, что его можно с полным основанием считать предшественником национал-патриотизма. В отличие от прерванной традиции дореволюционной правой русофилы являются прямыми создателями большинства патриотических воззрений 90-х гг., тем более, что в числе активных деятелей последних можно увидеть прежних столпов русофильства.

Разумеется, русофилы испытывали двойственное чувство к власти КПСС (тем более, что многие из них состояли в этой партии по идейным причинам) и к системе социализма. В подавляющем большинстве русофилы были вполне лояльны советской власти, выступая против не-

которых ошибок, извращений или отдельных недостатков ее. В определенном смысле русофилов можно назвать по отношению к власти оппозицией ее величества, но не ее величеству. Русофилы вполне оставляли силу власти КПСС, а сами пытались довольствоваться силой мнения, не претендуя на возможность «поручить» страной. Нежелание КПСС сотрудничать с русофильской общественностью, тем более, что идеологией в партии ведали марксистские догматики типа И. А. Суслова или агенты влияния Запада типа А. Н. Яковлева, привели эту партию, так и не ставшую до конца национальной, к потере власти в августе 1991 г., при равнодушном молчании русского народа.

Закат великой старой партии

Причины, по которым компартия не смогла вновь, как в 40-е годы, стать национальной партией, (и что привело к рождению русофильства), весьма многообразны. Самой главной из этих причин можно считать превращение партии из идеологической организации служилого сословия в формальное объединение лиц, облеченных властью, или стремящихся примкнуть к этим лицам. По мере того, как из партии уходили по естественным причинам идеалисты, КПСС превращалась в совокупность государственных служащих, разбавленных некоторым количеством ничего не значащих рядовых членов. После полувека великих потрясений в стране, в том числе и в правящем сословии, восторжествовали настроения успокоения и расслабленности. Такое всегда бывает в обществе, и тем более в его ведущей части, испытывавшем сверхнапряжение всех сил.

Не менее существенным обстоятельством было и то, что чисто физически постарели несменяемые партийные и хозяйственные руководители страны. Если в 1917 году большевики были самой «молодой» по возрастному составу членов партией страны, когда среднему рядовому активисту был 21 год, делегатам VI съезда РСДРП (б), принявшего решение о вооруженном восстании, было в среднем 26 лет, а из партийных вождей больше 40 лет было только Ленину, то шесть десятилетий спустя картина была прямо противоположной. К началу 80-х гг. советское правительство было самым старым в мире. 13 членам Политбюро ЦК КПСС, «выбранного» на XXVI съезде в 1981 году, при среднем возрасте 76 лет вместе было 989 лет! Только два члена Политбюро (Г. В. Романов и М. С. Горбачев), и один из секретарей ЦК еще не достигли пенсионного возраста. Большинство секретарей ЦК КПСС, министров, генералов, региональных руководителей сидели в своих креслах по 20–30 лет, чаще

всего покидая их только уходя в мир иной. Понятно, что для молодых и образованных людей, особенно не имевших родственной связи с вельможными старцами, был закрыт всякий доступ наверх. Это поневоле приводило молодежь к оппозиционным настроениям.

Впрочем, опасность воцарившейся в СССР геронтократии (власти стариков) заключалась даже не в том, что засидевшиеся на своих постах старцы уже не были способны понимать сущность новых проблем, вставших перед обществом, поскольку продолжали мыслить категориями довоенных и военных лет, в которых сформировались как личности, и в которых выдвинулись на руководящие должности. На различные командные посты начали продвигаться дети, племянники или свояки, а также земляки и друзья детства дряхлеющих лидеров. Если представители старшего поколения советской элиты имели, по крайней мере, богатый жизненный опыт, то ничего подобного не было у их отпрысков, на которых природа отдохнула. Но для занятия различных вакансий теперь требовались не знания и опыт, а совсем другие качества. Если при Сталине дети партийных начальников (и его собственные) должны были вместе со всеми участвовать в Великой Отечественной войне, то более младшие дети столпов СССР теперь походили на «наследных принцев». Если Сталин отказался обменять попавшего в плен сына Якова Джугашвили, зная, что этим подписывает ему смертный приговор (поступок в духе древних римлян!), то Хрущев настаивал на том, чтобы его сын Сергей изучал английский язык. Вполне логично, что Хрущев-младший в конце концов эмигрировал в США. Правнучка Хрущева Нина (отцом которой был знаменитый публицист времен «перестройки» Николай Шмелев) в Америке громкогласно рассуждает о «имитационном» характере русской культуры. Уехала в Америку и племянница Брежнева, да и вообще многие отпрыски столпов советской системы. Но, впрочем, гораздо больше «принцев» унаследовали посты влиятельных родителей. По иронии истории, советское социалистическое общество к началу «перестройки» стало несравненно более закрытым и кастовым, чем общество предреволюционной Российской империи.

Все это самым негативным образом отразилось и на правящей партии. Насчитывая почти 20 миллионов членов, КПСС все больше утрачивала характер партии в изначальном значении этого термина, то есть политически организованных единомышленников. Впрочем, официальная идеология все меньше могла привлечь в партию идейных людей. Стоит ли удивляться примитивности пропаганды, если ее целенаправленно доводили до абсурда те, кто должен был ее вносить в массы. «Архитектор перестройки» А. Яковлев, став на старости лет болтливым, признавался в своих мемуарах о тех временах, когда именно от него зависела партийная пропаганда. «Я смекнул тогда, что не

следует препятствовать развитию потешной пропаганды, вызывающей насмешки. Доведенное до абсурда какое-либо дело становится вовсе не абсурдом. Оно перевоплощается в другую жизнь, в жизнь сомнений и протестов... Надо хорошо знать слабости Системы, чтобы выдавать их за достоинства, знать ее очевидные поражения, чтобы изобразить их как победы, знать ее развалины, чтобы преподносить их как технологические достижения». Как видим, поразительный примитивизм советской официальной пропаганды объяснялся не только примитивизмом самих пропагандистов.

В КПСС вступали в основном из карьерных соображений. Более того, в новых условиях советской системе требовались тупые исполнители, а не верные доктрине партии фанатики. Скорее, именно идейные коммунисты своими требованиями восстановления «ленинских норм партийной жизни» и достижения социальной справедливости более всего пугали коррумпированную партийную верхушку. Большинство рядовых партийцев были честными советскими гражданами, патриотами Родины, исправными работягами, но мало разбирающимися в тонкостях идеологии, и не испытывающими уважения к партийным лидерам. Такими же «рабочими лошадками» были и средние руководители всех уровней, честно работавшие на благо страны и имеющие самое приблизительное представление о марксистско-ленинской теории. Мнения рядовых членов партии и руководителей среднего ранга не могли оказывать никакого воздействия на партийные верхи. Партийная дисциплина приводила к тому, что критически настроенные коммунисты не могли ни гласно выдвигать свои требования, ни, тем более, создавать организованную группу или фракцию для достижения этих требований. Отсюда и тот парадокс, что идейную и политическую активность члены КПСС смогли проявлять вне рядов своей партии.

Правящая верхушка же деградировала окончательно, и на смену ей стали приходиться измучившиеся долголетним пребыванием на второстепенных должностях провинциальные секретари обкомов, нацеленные на карьеру. Перефразируя Ленина, можно сказать, что партбилет заменял им ум, честь и совесть. Разумеется, ни коммунистических, ни патриотических, ни демократических, ни вообще каких-либо политических взглядов у них не было.

Стоящая у руля партии и государства верхушка, не веря в какие-либо идеалы марксизма-ленинизма, определенно стала тяготиться социалистической системой. Распоряжаясь гигантским потенциалом сверхдержавы, коррумпированная партийно-хозяйственная номенклатура не могла иметь ее в своей собственности. Современный публицист, издатель газеты «Дуэль» Юрий Мухин грубовато, но справедливо под-

* Яковлев А. Н. Омут памяти. М., 2001, с. 465.

метил, что у властвующей элиты СССР господствовал комплекс евнуха в гареме – всем командуешь, но ничего не можешь! Но для того, чтобы превратить политическую власть в финансовый капитал, необходимо сокрушить не только социалистическую систему, но и саму советскую государственность. СССР был жестко идеологизированным государством, само существование которого основывалось на коммунистической идее. Большинство населения страны, хотя и имело немало поводов для недовольства, было лояльно режиму и социально-экономической системе. Изменение общественного строя, разумеется, могло произойти и без всяких потрясений с сохранением государства в неизблемых границах и сверхдержавным статусом в результате постепенной эволюции при опоре на национальную традицию. Именно этот путь отстаивали русофилы. Но верхушке партийной номенклатуры не хотелось ждать. Они предпочитали развалить государство, чтоб по-мародерски прихватить все, что плохо лежит. В этом союзником партократии стала мафия, давно уже тесно связанная с нею. Привыкшие колебаться вместе с линией партии творческая интеллигенция была готова поддержать и «обосновать» все новые колебания высшего руководства. И, разумеется, Запад не мог упустить шанс разгрома вечного геополитического соперника руками прозападных сил, пусть даже и состоящих из продажных политиканов и обычных воров. Как боярство в начале XVII века в своих интересах вместе с иноземцами разожгло Смуту, так и советская партократия в конце XX века стала разжигать новую Смуту.

Правоверные марксисты в полном единстве с правоверными либералами рассуждают о том, что в конце советской эпохи происходило «обуржуазивание» партийной номенклатуры. На этом основании и марксисты и либералы видят в событиях горбачевской перестройки и ельцинских «реформ» переход к «капитализму». Но, как справедливо отметил современный российский исследователь Ю. Коргинюк, из того, что номенклатура постепенно превратила государственную службу в инструмент извлечения личных доходов, никаких буржуазных отношений не возникало и возникнуть не могло. С тем же успехом можно утверждать, что в XVI – XVII веках царь, отправляя воеводу на кормление, опосредованно вводил его в класс предпринимателей*. Нет, коррумпированный чиновник и капиталист – явления совершенно разного порядка.

Не менее роковой для единства СССР оказалось именно то, что традиционно считалось одним из величайших достижений советского строя – создание мощного слоя национальных кадров всех уровней во всех автономиях страны. Еще с 20-х гг. на национальных окраинах проводилась политика «коренизации», когда административный, хозяйс-

* Ж-л «Полис», 2001, № 1.

твенный аппарат республики (союзной или автономной) заполнялся представителями коренной национальности. В принципе, для первых лет советской власти это было правильной мерой, привлекающей на службу общему для всех государству наиболее дельных и способных людей, вышедших из инертных масс национальных окраин. Однако подобная коренизация продолжалась и после того, как была ликвидирована неграмотность и культура коренного населения республик поднялась на среднесоюзный уровень, а нередко и превосходя его. В результате во всех союзных республиках, и большинстве автономий РСФСР сложился громадный слой национал-бюрократии, занимавшей свои посты лишь благодаря принадлежности к коренной национальности. В ряде республик ситуацию усиливало преобладание клановых и племенных отношений в условиях еще не сложившейся республиканской нации. В результате такой республикой правили даже не просто представители коренной национальности, а выходцы из определенного племени. Заметим, что нередко в «своей» республике сама коренная национальность оставалась национальным меньшинством или незначительно превосходило русское население.

Деловые качества республиканской национал-бюрократии были невысоки. Отчасти это объяснялось тем, что наиболее способные из национальных кадров делали карьеру в Москве во всесоюзном масштабе, входя в высший круг советской элиты. Остававшиеся на воеводстве в автономиях национал-бюрократы всегда могли опираться на присланных из союзного центра своих русских заместителей. Разумеется, за успехи слава и повышения доставались национальным кадрам, за неудачи виновными «стрелочниками» оказывались русские вторые партийные секретари.

Коренизация привела также к росту громадной массы национал-интеллигенции. Каждая союзная республика должна была иметь Академию наук, симфонический оркестр, театр, каждая автономная — университет. Понятно, что обслуживать все эти «культурные очаги» непременно должны были лишь «коренные». И это привело к тому, что коренные жители республик в значительной степени шли в управление и в «культуру». Прозаическая работа на заводах, шахтах, транспорте и строительстве стала уделом русских жителей республик. Хотя русские (вместе с обрусевшими представителями других этносов) составляли значительную, а нередко и большую часть населения республики, к тому же зачастую русские были, если можно так выразиться, более коренными жителями этих земель, чем основной народ республики, но фактически русские были людьми второго сорта в значительной части СССР. Получить нормальное образование, удовлетворять культурные запросы на родном языке, продвигаться по службе в соответствии со

способностями и заслугами для русских в большинстве союзных республик и во многих автономиях РСФСР стало затруднительно. Таким образом, для русских на значительной части СССР существовала дискриминация по национальному признаку.

У властвующей в союзных и автономных республиках политической элиты складывался, с одной стороны, комплекс неполноценности по отношению к Москве, а с другой стороны, чувство высокомерия по отношению к занятым на материальном производстве русским «трудягам». Не приходится удивляться после этого тому, что именно республиканские партийные органы к концу советской эпохи были насквозь пропитаны антирусским шовинизмом, и их руководители возглавляли «парад суверенитетов», разделив сверхдержаву на удельные княжества.

Среди партийно-государственной верхушки в РСФСР русские националистические взгляды, напротив, не получили распространения. Отчасти это объяснялось тем, что в РСФСР не сложилась своя национал-бюрократия. Российские партийные и хозяйственные органы были почти всегда одновременно и союзными. Их сознание было «общесоветским», а не национально-русским, даже если они были кондовыми русаками. Преобладали в гос- и партаппарате РСФСР лица нерусских национальностей. Современные патриоты склонны чрезмерно акцентировать на этом внимание, хотя большинство работников союзно-российских органов всех национальностей были обычными советскими патриотами. Но поскольку из всех республик СССР Россия была наиболее промышленно развитая и обладала гигантскими ресурсами, именно в ней к середине 80-х гг. XX века сложился блок наиболее коррумпированной партократии, мафии, продажной интеллигенции и агентов влияния Запада, став социальной базой горбачевской «перестройки» и ельцинских «реформ». Русский патриотизм, соединенный с советским патриотизмом, мог воспрепятствовать захвату общенародной собственности. Соответственно, необходимо было сделать все, чтобы никакое патриотическое движение в России не сложилось и не помешало бы установлению нового социального порядка. Преобладание среди партократов и мафии, не говоря уже о творческой интеллигенции, представителей некоренных для России этносов значительно упрощало задачу по денационализации русских. Таким образом, накануне перестройки именно в Российской Федерации сложилась уникальная ситуация, когда большинство рядовых партийцев и руководителей среднего звена отличались патриотическими взглядами, но ничего не могли сделать в рамках партийной дисциплины против антинационального курса руководства партии.

«Молодая гвардия» русофильства

Общественную жизнь СССР 60–80-х гг. в послесоветскую эпоху обычно сводят к деятельности диссидентов, что вряд ли справедливо. Само число диссидентов не превышало нескольких сотен человек, причем среди них хватало и агентов различных спецслужб, включая и советских, и определенно больных людей или просто имевших личные, порой корыстные, мотивы для оппозиционной деятельности.

Нельзя сводить историю советского общества до перестройки к истории КПСС, учитывая, во-первых, идейную разнородность партии, во-вторых, сама правящая партия не была способна охватить и тем более возглавить все проявления общественной инициативы. А ведь именно русофилы всех оттенков и задавали тон этой инициативе.

Два десятилетия полуоппозиционной-полупросоветской деятельности русофилов дали немалые результаты. Пока правозащитники писали обращения в ООН, жалуясь на то, что евреев из СССР не выпускают на «историческую родину» и запрещают издавать порнографическую литературу, русофилы, действуя в гораздо более сложных условиях (поскольку никакие радиоголоса или хельсинкские комитеты им не помогали, да русофилы и не стали бы к ним обращаться), сумели не допустить переброски северных рек, спасти Байкал, не дали погибнуть многим памятникам истории и культуры, породили массовое движение в защиту природы и т. п. Вероятно, умолчание этого, а порой и бесстыдное приписывание себе заслуг русофилов со стороны либеральной космополитической интеллигенции, красноречиво само по себе.

Определенная трудность в исследовании и оценке деятельности русофилов все-таки действительно существует. Это обусловлено принципиально неполитическим характером самого русофильства, которое если и поднимало политические вопросы, то исключительно постольку, поскольку политика касалась некоторых сторон их деятельности. Русофилы не ставили перед собой задач по изменению политического строя и не писали политических трактатов. Даже в самиздате (напр., в журнале «Вече») русофилы подчеркивали свою лояльность Советской власти и лишь по-дружески обращали внимание на некоторые ошибочные, с их точки зрения, шаги и решения этой власти.

Такая позиция русофилов нередко способствовала тому, что сама их оппозиционность ставилась под сомнение, причем русофилов зарубежные авторы, сидящие в своем далеке, даже обвиняли в оппортунизме. Вот что писал У. Лакер, один из самых тенденциозных и неос-

ведомленных западных исследователей русской правоты: «То, что националисты не пошли на открытое противостояние своим идеологическим противникам в партийном руководстве, объяснимо – они боялись потерять литературную трибуну. Даже при коммунистической цензуре они могли, в конечном счете, принести пользу своему делу... Когда власти требовали, националисты нападали на Пастернака и Твардовского, но очень редко трогали Сталина и никогда – Ленина. Соккрытие своих чувств стало для них второй натурой. Они были не из того материала, из которого делаются герои и мученики»*. Увы, реальная действительность была, мягко говоря, противоположной.

Подобное легковесное суждение маститого американского историка и политолога, вероятно, объясняется тем, что практически всю информацию для своей книги он почерпнул от московско-ленинградской либеральной интеллигенции, которая судит о других в меру собственной испорченности. Пока будущие «герои» перестройки и «реформ» А. Н. Яковлев, М. С. Горбачев, Б. Н. Ельцин, Э. А. Шеварднадзе делали партийную карьеру в КПСС, пока неустанно разоблачали империализм и получали за это ученые степени и звания будущие певцы рынка и демократии Ю. Афанасьев, Г. Х. Попов, О. Р. Лацис или А. В. Кива, «сидели на хозяйстве» Л. Д. Кучма, В. С. Черномырдин, Ю. М. Лужков, творили официозные «мастера культуры», щедро за это обласканные властью Е. А. Евтушенко, А. Вознесенский, М. Захаров и Э. Рязанов и пр., имя которым легион, русофилы были заняты своим «малым делом».

В самом деле, протест против строительства автостоянки на месте старинных торговых рядов или против переброски сибирских рек не выглядел как жалобы в ООН или открытые письма «к мировому сообществу», а носил форму публицистических статей, писем в ЦК КПСС и использования русофилами неформальных связей с отдельными, но влиятельными деятелями Соввласти. Так, большую поддержку русофилам в начале возникновения этого течения оказал возглавлявший в 1959–68 гг. комсомол Сергей Павлов. Оказывал помощь русофилам министр культуры РСФСР Юрий Мелентьев. Вплоть до своей кончины в 1984 гг. поддерживал русофилов и писатель Михаил Шолохов.

Русофилы не искали себе союзников на Западе, хотя по отдельным частным вопросам могли выступать заодно с космополитическими (т. е. в сущности, с неотроцкистскими) кругами среди столичной интеллигенции, с некоторыми фракциями в КПСС и даже соглашаться с отдельными взглядами, распространенными среди диссидентуры. И все же русофильство оставалось совершенно самостоятельным идеологическим течением. При всей нелюбви русофилов к публичному изложению своих взглядов (поскольку критика Советской системы немед-

* Лакер У. Черная Сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994. С. 147.

ленно была бы использована западными службами, чего бы русофилы никак не желали), в своей деятельности они не могли не вдохновляться определенной системой идейных воззрений. Поэтому-то было вполне закономерным появление определенных органов печати, в той или иной степени отражавших взгляды русофилов.

Для любого исследователя русского национального движения в СССР в 60–80-е гг. невозможно пройти мимо изучения литературно-публицистического направления, которое было представлено журналами «Молодая гвардия», «Наш современник» и рядом других, более мелких по тиражу и значению, ведомственных и провинциальных изданий. То, что мы называли русофильством, и было представлено на страницах этих изданий в виде романов, повестей, очерков, критики. Заметим, что многие идеи, высказываемые на страницах солидных литературно-художественных журналов, хотя нередко и в замаскированном виде, изложенном эзоповым языком, через три десятилетия стали чем-то само собой разумеющимся для национал-патриотов. Поэтому изучение идейного наследства русофильства не может не включать в первую очередь изучение литературного наследства журналов, в котором первейшее место занимал журнал «Молодая гвардия».

Этот журнал стал идеологическим центром русского возрождения во второй половине 60-х гг. Большую роль в превращении журнала в такой центр сыграл его главный редактор в 1963–70 гг. Анатолий Никонов. Свою русско-патриотическую линию журнал вел очень осторожно, делая ставку на патриотически настроенную интеллигенцию, среднее звено партийного аппарата, офицерский корпус, рассчитывая на мирную постепенную эволюцию Советской системы, акцентируя внимание не столько на национальных чувствах, сколько на отечественном патриотизме.

В журнале печатались романы, повести, очерки о русской деревне, исторических памятниках, особенностях исторического пути развития России, об отечественных ученых, художниках, полководцах, святых и бунтарях. Многие из литературных произведений содержали и политический смысл, задевая серьезные социально-нравственные основы жизни общества. Решение выдвигаемых этими произведениями проблем было невозможно без оздоровления общественной жизни, демократизации политической и экономической сфер, человеческой деятельности. Вероятно, именно этим, а не только ностальгией новых горожан по своей оставленной деревне можно объяснить феномен успеха прозы писателей-«деревенщиков».

Однако не только литература, пусть даже и имеющая глубокую патриотическую направленность, определила лицо «Молодой гвардии» и других изданий русской ориентации. Особое место в русофильских

изданиях заняли боевые полемические статьи, ставшие своеобразными манифестами всего направления.

Первым таким манифестом стало опубликование в «Молодой гвардии» «Писем из Русского музея» В. А. Солоухина, вскоре вышедших отдельным изданием. «Письма» стали важным общественным событием, поскольку Солоухин открыто заговорил об уничтожении старинной архитектуры Москвы, о нелепых советских переименованиях городов и улиц. Солоухин продемонстрировал большую смелость, ведь «реконструкция» Москвы шла полным ходом, и еще в 60-е гг. было уничтожено знаменитое Зарядье, а в самом Кремле сооружен Дворец Съездов, (который Солоухин мимоходом окрестил Аквариумом). Подобную же смелость В. Солоухин продемонстрировал в прямой телевизионной программе на Ленинградском ТВ, когда прямо в эфире писатель высказался за возвращение исконных названий городов Поволжья. Это вызвало немедленный гнев на высшем уровне, и возглавлявший Ленинградское телевидение Б. М. Фирсов был отстранен от деятельности, крепко досталось и председателю Госкомитета по телевидению и радиовещанию Н. Н. Месяцеву*.

Двадцать лет спустя, во время горбачевской гласности, поднятые русофилами эти вопросы вновь стали обсуждаться на страницах, причем как демократических, так и патриотических изданий. (Это было, пожалуй, единственный раз.) Впрочем, в демократических изданиях никто не только не вспоминал о В. Солоухине как первом человеке, открыто заговорившем об уничтожении исторических памятников, а только требовали «покаяния» за критику им Пастернака, которого когда-то Солоухин открыто поругал.

Однако настоящая программа русофилов появилась в 1968 г. в апрельском номере «Молодой гвардии» в статье М. П. Лобанова «Просвещенное мещанство». Этими словами автор окрестил либеральную интеллигенцию, т. е. «шестидесятников», совершенно оторванную от национальной почвы, т. е. внутренних врагов России. Михаил Лобанов – и в этом его заслуга, – обратил в числе первых внимание на возникновение в советском обществе численно значительного социального слоя, скорее даже, субэтнуса, составлявшего немалую часть населения столиц и крупных мегаполисов.

Духовно этот субэтнос был ближе к Нью-Йорку, Парижу или Лондону, чем к той стране, что начиналась за пределами Московской Кольцевой дороги. Позднее А. И. Солженицын назвал эту группу людей «образованщиной», а И. Р. Шафаревич – «малым народом», хотя сами «просвещенные мещане» предпочитали называть себя интеллигенцией, спекулируя на заслугах русской интеллигенции XIX века. Впрочем, с

* Журналист. 1989. № 1. С. 36–39.

последней ее роднила только беспочвенность, а вот героизма, подвижничества и служения народу, что так было характерно для настоящих интеллигентов прошлого (и что признавали даже такие критики, как авторы «Вех») у их самозванных наследников не было.

Понятно, что статья Лобанова была воспринята «просвещенным мещанством», не привыкшим к критике, очень болезненно. Можно привести опять свидетельство А. Л. Янова, которого самого можно отнести к этому «мещанству», добившегося «голубой мечты» любого представителя этого слоя и перебравшегося на ПМЖ в США: «Сказать, что появление статьи Лобанова в легальной прессе, да еще во влиятельной и популярной «Молодой гвардии», было явлением удивительным, значит сказать очень мало. Оно было явлением потрясающим... объективные выводы, которые следовали из его статьи, были тем не менее настолько откровенно социально-политическими, что ошеломленное общество буквально оцепенело. Выводы эти до такой степени противоречили всем основным установкам режима и интересам значительной части истеблишмента, что практически дискуссия по ним в легальной печати была невозможна. Даже на кухнях говорили об этой статье в основном шепотом»*.

Думается, что два десятилетия спустя статья Лобанова стала бы еще более актуальна, ведь указанный им социальный слой стал массовой базой и идеологической обслугой горбачевской перестройки и (вместе с мафией и партократией) ельцинизма. В конце 60-х гг. даже для многих русофилов опасения «молодогвардейцев» по поводу распространения в России американизации и «буржуазного духа», носителем которого и было «просвещенное мещанство», казалось абстрактной гипотезой. Особенно многозначительно и актуально звучит такое представление: «Рано или поздно смертельно столкнутся между собой две непримиримые силы – нравственная самобытность и американизм духа». Увы, пророчество М. Лобанова хотя и не осталось незамеченным, но все же разделило судьбу пророчеств Кассандры.

Вслед за статьей Лобанова, в № 9 журнала за тот же 1968 г. появилась еще одна программная статья «Неизбежность». Автором ее был Виктор Чалмаев, и содержала эта статья, в дополнение к лобановской, где указывался внутренний враг, позитивную программу русофилов. «Неизбежность» означала неизбежность возрождения традиций народного прошлого.

Разумеется, ничего антикоммунистического и антисоветского эти, да и другие «молодогвардейские» статьи не содержали. Напротив, для русофилов успехи и достижения СССР в науке, исследовании космоса, спорте и т. д. были непререкаемым доказательством превосходства

* Янов А. Л. Русская Идея и 2000 год // Ж-л «Нева». 1990. № 10. С. 151, 152.

социалистической системы. Октябрьская революция была «русской революцией», закономерным итогом предшествующего развития России. Однако уже это звучало ересью для коммунистических ортодоксов, тем более, что ни о коммунизме как перспективе всего человечества, ни о месте рабочего класса у русофилов ничего не говорилось.

В каком-то смысле русофилы рассуждали в стиле западных советологов об исключительно русском характере большевизма. Неудивительно, что на «молодогвардейцев» обрушился поток критических статей со стороны ортодоксов, причем не только официальный партийный журнал «Коммунист» резко разругал «идеологически невыдержанные» статьи М. Лобанова и В. Чалмаева, но и «толстые» литературные журналы не остались в стороне. Воинственно марксистский «Октябрь», редактируемый Вс. Кочетовым, в декабре 1968 г. начал поход против «молодогвардейцев». Однако к этому походу примкнули не только марксисты.

В середине 60-х гг. общественная жизнь страны во многом определялась противоборством двух журналов – «Нового мира» во главе с А. Т. Твардовским, считавшегося «прогрессивным», и полемизировавшего с ним по всем вопросам правомерно-советского «Октября». Но в 1968 г. на страницах «Молодой гвардии» в полный голос заговорила и «третья сила» – русофильство, одинаково чуждая и «прогрессистам» и ортодоксам. В результате сложилась уникальная ситуация, когда «новомирцы» и «октябристы» совместно выступили против «молодогвардейцев».

Сначала, в декабре 1968 г. зам. главного редактора «Октября» П. Строков поместил весьма резкую статью, а в апреле 1969 г. в «Новом мире» историк литературы и критик А. Дементьев поместил ударную статью «О традициях и народности». Статья в «прогрессивном» «Новом мире» была выдержана в лучших традициях доносительской критики 20–30-х гг., напоминающей травлю, когда преобладают обвинения и все это под обилие марксистских цитат. Дементьев говорил об опасности «извращений марксизма-ленинизма», обвинял «молодогвардейцев» в том, что в их понятиях «Россия» и «Запад» носят внеисторический характер, иронизировал над «любовью к истокам и земле, к памятникам и святыням старины», противоречащим пролетарскому интернационализму.

Среди обвинений, выдвинутых А. Дементьевым и другими критиками, были такие зловеще звучащие слова, как «патриархальность», «славянофильство», «игнорирование роли революционных демократов» и, наконец, обвинение «Молодой гвардии» в том, что на страницах ее публикуются «*мужиковствующие*» поэты (слово, заимствованное из словаря троцкистов 20-х гг.). В целом же линия журнала была заклеена как «славянофильское мессианство».

Подобные обвинения не остались без ответа. В «Огоньке» (чуть ли единственном из изданий, поддержавших «Молодую гвардию») в № 30 за 1969 г. появилось ставшее знаменитым «письмо одиннадцати», озаглавленное «Против чего выступает «Новый мир». В письме одиннадцать писателей, среди которых были М. Алексеев, С. Видулов, В. Закруткин, А. Иванов, П. Проскурин, С. Смирнов, В. Чивилихин и другие, подвергли Дементьева справедливой и вполне обоснованной критике.

Журнальная война за 1968–69 гг. получила широкий резонанс в обществе, наглядно показав, что его «морально-политическое единство» – не более чем пропагандистское преувеличение. Не менее показательным было то, что за каждым из журналов стояла определенная фракция в КПСС. Это было особенно пугающим для партийного руководства, которое при все своих подковерных раздорах старалось не афишировать свои идейные разногласия. Журнальная дискуссия грозила не только вынести на свет внутрипартийные разногласия, но и чуть ли не довести саму партию до раскола. И поэтому руководство КПСС поспешило сделать оргвыводы.

Л. И. Брежнев и его группа, возглавлявшие в те годы партию и государство, во всей своей деятельности руководствовались принципом: «Ничего слишком!», стараясь не проводить ни реформы, ни контрреформы. В развернувшейся войне журналов Л. И. Брежнев выбрал самый неподходящий образ действий из всех возможных, обрушившись на все журналы. В феврале 1970 г. А. Т. Твардовского вынудили уйти с поста главного редактора «Нового мира», подвергнут «проработке» и ортодоксальный «Октябрь» (а его благонамеренный редактор Вс. Кочетов даже покончил самоубийством). Но это была отнюдь не победа русофилов, которым пришлось также испить свою чашу горестей. В декабре 1970 г. на заседании Секретариата ЦК КПСС, на котором лично присутствовал Л. И. Брежнев, специально для такого случая прервавший свой отпуск, обсуждался вопрос о «Молодой гвардии». Закончилось все в брежневском духе – А. В. Никонова сняли с редакторства «Молодой гвардии», однако не отправили на пенсию, а перевели в журнал «Вокруг света», – место, по злорадному замечанию А. Янова, несколько не подходящее для проповеди «Русской идеи».

В начале 70-х годов из руководства КПСС были выведены деятели, близкие по духу к русофилам – предсовмина РСФСР Г. И. Воронов, Полянский и группа А. Н. Шелепина, которые, впрочем, никакого покровительства «русской партии» не оказывали. Активный русофил, крупный историк, своеобразный Нестор-летописец русофильства, продолжающий плодотворно работать и в наши дни, Сергей Семанов категорически отрицает помощь русофилам со стороны членов руководства

КПСС. Семанову можно верить, учитывая его научную объективность, которую он неоднократно показывал в своих трудах.

Кроме комсомольского лидера Сергея Павлова из верхов КПСС некоторую симпатию к русофилам не боялся демонстрировать только руководитель Белоруссии Петр Машеров. Не случайно только в Белоруссии Кочетов смог издать свой роман «Чего же ты хочешь?», лишенный литературных достоинств, но критикующий диссидентствующую интеллигенцию. В целом, однако, русофилы не имели поддержки и в «верхах», и этим объясняется, что вполне лояльные системе русофилы подверглись серьезным преследованиям со стороны властей.

Впрочем, брежневское руководство продолжало воевать на всех фронтах, в т. ч. и с космополитически-либеральными кругами. Когда первый зам. заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС, будущий «архитектор перестройки» А. Н. Яковлев опубликовал в ноябре 1972 г. в «Литературной газете» критикующую русофилов статью «Против антиисторизма», то за это был отправлен послом в Канаду, что по номенклатурным меркам могло считаться серьезным понижением. Мотивы опубликования статьи Яковлевым были просты – будущий «архитектор перестройки» был вполне заурядным карьеристом. В конце 60-х гг. он относился к возглавляемой А. Н. Шелепиным группировке в партийной верхушке. Шелепин симпатизировал Сталину и по этой причине относился к русофилам несколько лучше, чем партийные ортодоксы. Яковлев среди шелепинцев был самым ярким антисемитом*. По признанию бывшего составителя речей трех генсеков В. Печенева, когда в 1964–69 гг. внутри руководящей верхушки КПСС шла дискуссия о том, проводить ли реабилитацию Сталина, то Яковлев был также одним из самых активных сталинистов в аппарате**. После падения группы Шелепина Яковлев решил отмежеваться от своих прежних друзей, приняв активное участие в кампании против русофилов. Но карьерист явно просчитался, поскольку его чрезмерная активность не понравилась осторожному Брежневу, да и одержавшая победу над шелепинцами фракция в ЦК КПСС холодно отнеслась к перебежчику из повергнутого лагеря. В результате Яковлев отправился в Канаду.

Таким образом, верхушка КПСС не пожелала опереться ни на одно из общественно-идеологических течений, что в конечном счете оказалось роковым для партии во времена Горбачева, поскольку от нее отвернулись все политические силы. Когда же из-под КПСС в резуль-

---

* Митрохин Н. А. Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953–1985. М., 2003, с. 132–133.

** Печенев В. А. «Смутное время» в новейшей истории России. 1985–2003 гг. М., 2004, С. 43.

тате «суверенизаций» выбрали государственные структуры, крушение партии стало неизбежным.

Русофилы не сложили оружия и не стали осторожнее в своих высказываниях. «Молодая гвардия» после смещения Никонова возглавлялась А. С. Ивановым, продолжавшим прежнее патриотическое направление. К тому же «Молодая гвардия» приобрела союзника – журнал «Наш современник», редактор которого с 1968 года поэт С. В. Викулов был «старым молодогвардейцем» и «никонианцем» (как называли сподвижников и единомышленников опального А. В. Никонова). Заместителем главного редактора стал литературовед и критик, талантливый публицист, создавший своими статьями «лицо» журнала, Юрий Селезнев. За несколько лет под редакцией С. Викулова тираж «Нашего современника» увеличился более чем в 5 раз.

Все семидесятые и первую половину 80-х годов, вплоть до перестройки, русофилы имели своей трибуной эти два журнала плюс некоторые провинциальные журналы или даже специализированные научные издания.

Хотя русофилы не выпускали политических манифестов и широко использовали эзопов язык для изложения своих взглядов, периодически они подвергались ударам со стороны все более деградирующей КПСС. Напомним лишь некоторые эпизоды взаимоотношений русофилов с властью. В 1979–80 гг. были сняты директор и главный редактор издательства «Современник» Л. Прокушев и В. Сорокин, выпустившие боевые патриотические книги и переиздания русской классики. Журнал «Человек и закон», редактируемый старым «молодогвардейцем» С. Семановым (под руководством которого достиг 5-миллионного тиража), осмелился критиковать Первого секретаря Краснодарского крайкома, личного друга Л. И. Брежнева С. Ф. Медунова, приведя массу разоблачительных фактов. Результатом было не только изгнание С. Семанова из журнала, но и фактический запрет на профессию для него как для литератора.

Терпение советских властей стало иссякать. В марте 1981 года председатель Комитета государственной безопасности (КГБ) Ю. В. Андропов направил в Политбюро ЦК КПСС записку, в которой отмечал факт быстрого роста влияния «русистов». Андропов поставил вопрос о скорейшей ликвидации этого движения, угрожавшего основам советского строя больше, чем прозападные диссиденты. «Оргвыводы» последовали очень быстро. Начались увольнения деятелей русской культуры. Разгрому стали подвергаться печатные органы «русистов» (точнее, русофилов). Семанов был уволен с поста главного редактора «Человек и закон», арестован публицист А. М. Иванов, активно печатавшийся в нелегальной русофильской прессе под псевдонимом Скуратов.

В конце 1981 г. подвергся «проработке» «Наш современник». Были уволены два заместителя главного редактора. В 1982 г. в провинциальном журнале «Волга» появилась статья знакомого нам Михаила Лобанова «Освобождение», в котором он поставил под сомнение литературные достоинства «Поднятой целины», иронически отзывался о питерских пролетариях, посланных «поднимать деревню», и даже усомнился в правильности насильственной коллективизации. В результате был снят с должности главный редактор «Волги» Н. Палькин, а неукротимый Лобанов на несколько лет оказался вне журналистики.

При кратковременном правлении Ю. В. Андропова в качестве генерального секретаря (ноябрь 1982 – февраль 1984 гг.) преследования русофилов усилились. Серьезному разгрому подверглось издательство «Молодая гвардия». По некоторым данным, Ю. В. Андропов планировал провести показательный процесс против русофилов, на котором в качестве обвиняемых должны были быть также и сочувствовавшие русофилам деятели верхушки КПСС*. Кстати, если в советском народе Андропов оставил о себе добрую память, и до сих пор он находится в списке самых популярных правителей государства, то среди ветеранов русофильского движения его деятельность как председателя КГБ и Генерального секретаря оценивается весьма отрицательно. Андропова считают предтечей Горбачева, (которого Андропов активно продвигал «по партийной линии»), постоянно вспоминают о его подозрительном этническом происхождении.

После всего этого надо быть очень наивными людьми, чтобы говорить об альянсе русских национал-патриотов с коммунистами. Но именно так уверяют нас У. Лакер, А. Янов и ряд других, менее известных, но не менее знающих авторов. Другое дело, что русофилы стремились к этому союзу и мечтали об окончательной русификации партии. Мечта эта в советские годы осталась нереализованной.

Завершая разговор об идеологии русофилов, можно отметить то общее, что было присуще всем оттенкам русофильства. Без сомнения, при всей своей подчеркнутой лояльности власти, русофилы были все же, если пользоваться большевистской терминологией, правым уклоном. Даже наиболее марксистски настроенные среди них были по своим воззрениям ближе к социал-демократии, чем к ортодоксальному марксизму.

Впрочем, для русофилов главным были национальные проблемы, поэтому все экономические вопросы занимали второстепенное (если не десятистепенное) место в их взглядах. В общем и в целом русофилы стояли за социализм с национальной спецификой, делая упор именно на русскую специфику, против растрат сил страны на поддержку просоветских режимов в «третьем мире». Но, вместе с тем, русофилы считали

* Плеханов С. Жириновский: кто он? М., 1994, с. 69–70.

необходимым сохранение буферных соцстран в Восточной Европе по геополитическим соображениям, именно поэтому они приветствовали ввод советских войск в Чехословакию. (Интересно, что писатель и публицист Сергей Семанов, неоднократно упомянутый выше, по собственному признанию, стал русофилом именно в августе 1968 года, увидев антирусскую позицию всяких диссидентов в чехословацком вопросе). Наконец, русофилы выступали против продажи на Запад нефти, газа и другого сырья, хотя и не были сторонниками полной изоляции от внешнего мира.

Из краткого очерка деятельности русофилов нетрудно заметить, что они выступали за настоящую гласность, требуя возвращения в литературу и философию запрещенных авторов и их произведений (ведь именно к этому сводились рассуждения о «едином потоке» всей русской культуры, без различия на культуру «эксплуататорских классов» и «трудящихся» и без противопоставления дореволюционной и советской культур). А ведь добиваться такой гласности без политической либерализации было невозможно! В экономической сфере русофилы, как можно судить из иносказаний и намеков в русофильской публицистике, были сторонниками многоукладной экономики при сохранении ведущей роли государства. Все это напоминает китайский путь реформ 80–90-х гг., связанный с именем Дэн Сяопина. Но в России реформы приняли совершенно иной характер.

И, наконец, как уже говорилось, чисто политические вопросы были для русофилов неинтересны в сравнении с экологическими или историческими проблемами жизни нации.

Вот с таким идейным багажом русское национально-патриотическое движение подошло к середине 1980-х годов, к началу одного из самых драматических периодов истории России.

Политические организации русофилов

При всей подчеркнутой лояльности власти русофилы не могли ограничиться только литературной и публицистической деятельностью. Логика обстоятельств приводила русофилов к политической деятельностью, разумеется, в тех рамках, в которых можно было заниматься легальной деятельностью в СССР. Это означало широкое использование общественных организаций с целью пропаганды своих взглядов, развития национального самосознания и «малых дел» по возрождению памятников истории и культуры.

Не случайно легальными организациями русофилов 50-х – начала 80-х гг. были культурно-исторические и просветительские общества. Первым таким обществом, возникшим совершенно самостоятельно (удивительный случай в СССР!) стал клуб «Родина». Инициатором создания клуба стал Петр Дмитриевич Барановский (1892–1984 гг.). Человек удивительной судьбы, сделавший для русской культуры, особенно для сохранения исторического облика Москвы и русских городов больше, чем все модные архитекторы и скульпторы вместе взятые, Барановский остается почти неизвестным современным русским людям. В биографии Барановского отразился весь путь национально мыслящей русской интеллигенции большей части XX века. Специалист-реставратор с дореволюционным стажем, один из создателей отечественной школы реставрации архитектурных памятников истории, участник Первой мировой войны, Барановский прославился в 1933 году спасением собора Василия Блаженного, отказавшись подготовить храм к сносу, и не побоявшись заявить открытый протест по поводу готовящегося акта вандализма. За такую дерзость Барановский был осужден по знаменитой статье 58 (антисоветская деятельность) и отправлен в лагерь. Однако храм был спасен. Сам же Барановский продолжал, даже будучи репрессированным, работать по восстановлению памятников истории. Созданный им музей деревянной скульптуры (первый в мире) в Дорогобужском Болдинском монастыре под Смоленском сгорел в годы Великой Отечественной войны. Позднее Барановский создал Музей деревянной архитектуры под открытым небом в Коломенском. В конце 40-х гг. Барановский сумел добиться объявления Спасо-Андронникова монастыря в Москве музеем-заповедником. Всего за 70 лет своей творческой деятельности Барановский восстановил или подготовил проект реставрации более 100 памятников архитектуры, включая строения Троице-Сергиевой Лавры, Казанского собора на Красной площади в Москве, и многих других.

Однако не менее важна роль Петра Дмитриевича и в возрождении русского движения в СССР. Несмотря на свой преклонный возраст, Петр Дмитриевич оставался энергичным и боевым патриотом. Все, помнившие Барановского, отмечали его поразительный дар привлекать к себе, становиться духовным лидером для людей всех возрастов, взглядов и уровня образования. За свою упорную деятельность по защите исторического прошлого России, несгибаемость при всех невзгодах, Барановского его многочисленные последователи называли протопопом Аввакумом XX века.

8 мая 1964 года в большой аудитории Московского химико-технологического института имени Д. И. Менделеева (МХТИ) на студенческом вечере, посвященной древнерусской культуре, перед слушателями

выступила группа общественных деятелей. Среди них были П. Д. Барановский, художник И. С. Глазунов, поэт В. Солоухин и ряд других деятелей культуры русофильского направления. Под влиянием пламенных речей гостей студенты спонтанно приняли решение создать Клуб любителей древнерусского искусства, несколько позднее получивший имя «Родина». На вопрос, чем конкретно студенты могут помочь делу спасения гибнущих памятников национальной культуры, Барановский предложил приходить на Крутицкое подворье, где под его руководством полным ходом шла реставрация. Патриотическая озабоченность и энтузиазм студенчества вместе с даром убеждения Барановского сделали свое дело: сотни молодых людей, среди которых студентов МХТИ было не так уж и много, действительно пришли в Крутицы. Известный журналист В. Песков поместил в массовой «Комсомольской правде» статью, посвященную мероприятию в МХТИ, благодаря чему об этом узнала вся страна. Вслед за Москвой подобные клубы, как правило, с названием «Родина», стали возникать по всей стране. Художник И. С. Глазунов, пользуясь своими связями, сумел добиться легализации клуба, хотя и под контролем комсомола. Впрочем, возглавлявший в то время комсомол С. Павлов помогал русофилам, в том числе и в деле создания клуба «Родина». Поддержку клубу оказывали ректор МГУ И. Г. Петровский, авиаконструктор О. К. Антонов (создатель знаменитых АНТов), космонавт А. А. Леонов и многие деятели культуры. Благодаря этим влиятельным заступникам клуб «Родина» стал приобретать черты самостоятельной партии, параллельной КПСС, хотя и не акцентирующей свою политическую позицию. В этих условиях советское руководство под руководством Брежнева поступило в свойственном ему духе: летом 1965 года было создано Всероссийское Общество Охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) с теми же задачами, что и «Родина», но под жестким контролем партийных и комсомольских органов. Молодые энтузиасты рассматривались бюрократами ВООПИК как дармовая рабсила на реставрационных работах. Никакой инициативы от них не требовалось. Сама «Родина» состояла в структуре ВООПИК.

Впрочем, «Родина» по-прежнему действовала во многом самостоятельно. Особенно значительна роль клуба в борьбе против изменения архитектурного облика Москвы. Могущественное лобби архитекторов из ГЛАВАПУ (Главное планировочно-строительное управление в структуре Моссовета) продолжало варварский снос исторического центра города. Обилие в руководстве ГЛАВАПУ евреев волей-неволей придавало противостоянию молодых защитников исторических памятников из «Родины» политический характер. В ноябре 1972 года, после того, как активисты клуба воспрепятствовали дальнейшей «реконструкции» Москвы, клуб был закрыт.

Члены клуба не только занимались реставрацией памятников истории, но вели идеологическую работу. Разумеется, речь шла о патриотическом воспитании молодежи в национально-большевистском духе. Но именно это было неприемлемо для ортодоксальных марксистов и тем более для формирующейся в недрах КПСС социальной базы грядущих «реформ». По этой причине, как только «Родина» начала проявлять вполне верноподданную, но самостоятельную политическую инициативу, участь клуба была решена.

Однако в какой-то мере дело клуба «Родина» продолжала созданная под непосредственным идеологическим влиянием клуба массовая добровольная общественная организация с бюрократическим названием ВООПИК. В отличие от «Родины» при создании ВООПИК не было никакой инициативы «снизу». П. Д. Барановский даже не был допущен для участия в «выборах» в руководство общества. Впрочем, виднейшие русофилы – П. Д. Барановский, художники П. Д. Корин и И. С. Глазунов, ученые-историки академик Б. А. Рыбаков, литературный критик П. Палиевский, писатели Л. М. Леонов, В. А. Солоухин и ряд других деятелей фактически возглавляли общество. В рядах ВООПИК к середине 80-х гг. числилось свыше 10 миллионов членов. Разумеется, как и в большинстве общественных организаций времен Брежнева, большинство членов состояли в обществе лишь формально, выплачивая незначительный членский взнос, чем и ограничивалась их роль в защите памятников истории и культуры. Но это обстоятельство не меняет того факта, что ВООПИК сыграло огромную роль в воспитании русского национального самосознания в советской России. В определенном смысле, именно благодаря членам ВООПИК была отчасти восстановлена историческая традиция русской правой мысли.

«Утопить» русофилов в гигантском бюрократическом образовании ВООПИК не удалось. Внутри ВООПИК была образована секция по комплексному изучению русской истории и культуры, получившая неофициальное название Русский Клуб. Возглавлял Русский Клуб писатель Дмитрий Жуков, его заместителями были историк и писатель С. Семанов и литературовед П. Палиевский. Видную роль играли в Русском Клубе «молодогвардейские» литераторы. Помимо уже перечисленных выше деятелей, в Русском Клубе активно действовали и будущие национал-патриотические интеллектуалы послесоветского времени. Среди них можно будет выделить Вадима Кожина и Станислава Куняева.

Русский Клуб, в отличие от «Родины» был более элитарен. Он был создан гуманитарной интеллигенцией для гуманитарной интеллигенции. Впрочем, для членства в Клубе требовались не дипломы о высшем образовании, а патриотические взгляды. Собиравшиеся в московском Высокопетровском монастыре (Петровка, 28) члены Клуба за-

нимались обсуждением проблем национальной жизни и старались найти пути преодоления этих проблем. Речи на собраниях были настолько оппозиционны, что даже вхожие в важные правительственные кабинеты русофилы не решились опубликовать в «молодогвардейской» печати материалы хотя бы одной из конференций Русского Клуба.

В истории Русского Клуба очень показательна эволюция русского национально-патриотического движения советской эпохи. Если русофильские издания и клуб «Родина» были вполне верны коммунистической идее, считая необходимым лишь более учитывать национальную специфику России, то в Русском Клубе произошла определенная «реабилитация» православно-монархической идеологии. Большинство членов Клуба остались (и многие до сих пор остаются) на национал-большевистских позициях, но постепенно в интеллектуальной русофильской среде стало все более усиливаться крыло национальных традиционалистов. Возможно, если бы перед перестройкой история подарила России еще несколько лет спокойствия, то Клуб окончательно распался бы минимум на два крыла. Но в 1985 году национальная интеллигенция еще созревала для усвоения, казалось бы, давно выброшенных на свалку истории идей русской правой. Это привело к тому, что при всех интеллектуальных озарениях русофильства оно оказалось неготовым к крушению коммунизма и страны ни идеологически, ни политически.

Русское национальное подполье

Русофильское движение действовало не только в легальных условиях. Некоторая его часть, причем меньшая, действовала вне официальных рамок, составив русское националистическое крыло в советском диссидентстве. Но при всей малочисленности это крыло тем интересно, что национал-патриоты, не будучи связаны цензурными ограничениями, могли писать, что называется, открытым текстом о том, что думали.

Уже говорилось, что историю СССР 60–80 – х гг. сводить к диссидентству совершенно неправомерно. Всех этих диссидентов было не более нескольких сотен, причем большинство из них были осведомителями спецслужб разных стран, и в первую очередь, отечественных «органов». Известный национал-патриот, бывший генерал КГБ А. Н. Стерлигов, выступая в Балтийском Государственном Техническом Университете (знаменитый «Военмех») в Петербурге, вообще утверждал, что диссидентские организации были созданы самим КГБ по образцу «Треста» 20-х годов и в этом смысле были подставными организациями, призван-

ными нейтрализовать реальную и потенциальную антисоветскую оппозицию. Возможно, Стерлигов несколько преувеличивал возможности своего прежнего ведомства. Однако случайно ли, что в перестроечные, и особенно в послеперестроечные годы практически никто из борцов за права человека не стал крупным политиком? Подтверждением слов Стерлигова могут служить результаты люстрации («просвечивания») и предания гласности о работе осведомителей карательных органов в странах Восточной Европы после «бархатных революций» 1989 года. В упоении победой пришедшие к власти прозападные силы в бывших странах соцлагеря действительно начали публиковать данные из архивов спецслужб. Выяснилось, что осведомителями были едва ли не подавляющее большинство диссидентов. В Чехословакии на местную тайную полицию работал диссидент № 2 Ян Каван (Вацлав Гавел, которого можно считать за № 1, был связан с западными спецслужбами). Из-за подделки люстрационного свидетельства ушел в отставку председатель чешского Национального Фонда Собственности, чешский Чубайс Михал Грубы. Аналогичная история произошла в Болгарии, в которой все более или менее значительные фигуры правозащитного движения оказались «стукачами». В Польше до сих пор не опровергнута версия о том, что знаменитый электрик, лидер «Солидарности» Лех Валенса был сотрудником соответствующей службы под кличкой Болек. Впрочем, два легендарных деятеля «Солидарности», вице-премьер Я. Томашевский и мэр Щецина, сенатор М. Юрчек, вынуждены были со скандалом покинуть свои посты после разоблачений своих прежних связей с органами. Сотрудничал со знаменитой восточногерманской разведкой «Штази» и последний премьер-министр ГДР Лотар де Мезьер, возглавлявший демократически избранное правительство после «Октябрьской революции» 1989 года и падения Берлинской стены. На «Штази» работала знаменитая писательница Криста Вольф. После объединения Германии из-за люстрационных скандалов покончил самоубийством депутат бундестага Герхард Риге, ушел в отставку премьер-министр Тюрингии. В Венгрии конституционный суд вообще запретил проводить люстрацию. Заметим, что в Восточной Европе были преданы гласности сведения только о сотрудниках отечественных спецслужб. О тех, кто среди восточноевропейских диссидентов «работал» на советский КГБ, никакой информации до сих пор нет. (Многие из тех, кто отрабатывал задания американского ЦРУ, западногерманского БНД или израильского Моссада, в наши дни только гордятся этим обстоятельством.)

После этого правомерен вопрос: но почему эти агенты спецслужб все же сыграли некоторую роль в свержении коммунизма в ходе «бархатных революций»? Ответ будет прост: именно благодаря тому, что они были агентами соответствующих служб, эти диссиденты действи-

тельно могли сыграть роль в переходе государственной собственности в руки восточноевропейской партноменклатуры. И по этой же причине диссидентура быстро потеряла власть в восточноевропейских странах.

В самом деле, в Восточной Европе у местной партноменклатуры было такое же чувство евнуха в гареме, как у старшего брата – аналогичной советской номенклатуры. При этом в странах-сателлитах все попытки «рыночных реформ» под лозунгами «исправления социализма» от наследия сталинизма вызывали нервную реакцию советского хозяина. Тем не менее партноменклатура Восточной Европы, у которой за плечами не было коммунистической революционной традиции, как в СССР, быстрее была готова «поступиться принципами», благо в них никто не верил, кроме нескольких ветеранов-коминтерновцев, и перейти к «капитализму». Когда летом 1989 года стало ясно, что горбачевское руководство СССР теперь не только не будет возражать против переориентации своих союзников на Запад и «рыночным реформам», под которыми понималась элементарная расташиловка общенародной собственности, но и само подталкивает Восточную Европу на этот путь, то диссиденты сразу понадобились. Летом 1989 года польская «Солидарность», практически исчезнувшая после введения военного положения в 1981 году как самостоятельная сила, вдруг возродилась, и с ней как с равноправным партнером начало договариваться коммунистическое руководство. Затем на демократических выборах «Солидарность» одерживает победу, после чего начинаются «реформы». В Чехословакии в ноябре происходит «бархатная революция», когда студентов пражских вузов просто вынуждают участвовать в митингах, сообщив ложные сведения о гибели одного из их товарищей. Коммунистическое руководство почему-то без всякой борьбы уступает власть непонятно откуда взявшемуся Гражданскому Форуму. В Румынии, где коммунистический лидер Н. Чаушеску, не отличавшийся особым умом, но не склонный к компромиссу с Западом, пытался сопротивляться, его просто устранили после очень подозрительного восстания в Бухаресте.

Все это было сделано только для того, чтобы партноменклатура могла после «народных антитоталитарных революций» перейти к приватизации. Было необходимо по пропагандистским причинам свернуть власть коммунистов, не затрагивая коммунистический партийный и государственный аппарат. Сыграв роль «полезных идиотов», диссиденты оказались не нужны и практически сразу сошли с политической сцены. Некоторые диссидентские деятели типа Леха Валенсы или Вацлава Гавела еще некоторое время выполняли роль «свадебных генералов», то есть символов «сопротивления», но реального значения не имели. Валенса проиграл выборы, баллотировавшись на второй срок, набрав 1% (!) голосов и, получив свои тридцать серебряников, ушел в частную жизнь. Гавел

довольно долго был президентом парламентарной Чешской республики, не имея реальной власти. Он занимался лишь реституцией, вернув себе собственность своей семьи, национализированную коммунистами за сотрудничество с германскими оккупантами. Также Гавел на посту президента занимался «культурой», заставив школьников свободной Чехии изучать содержание своих пьес, за которые ему, однако, при всей безупречной диссидентской репутации так и не дали Нобелевской премии. Уже это означает, что в литературном плане его «произведения» не стоят ничего даже в сравнении с рифмоплетством Бродского. Наконец, занятия Гавела «политикой» сводились к тому, чтобы на различных международных форумах с умным видом говорить о том, что тоталитаризм – это плохо, а демократия – наоборот, это очень хорошо.

Что касается рядовых диссидентов, то они оказались не нужны, а к рынку они вообще были не приспособлены. Знаменитая судоверфь в Гданьске, где родилась «Солидарность», при рыночных условиях быстро обанкротилась и была закрыта. В здании судоверфи была открыта дискотека, в которой «оттягивались» дети бывших партийных чиновников. Бывшие стачечники 1980 года оказались на улице. Большинству из них было уже за 40 лет. До пенсии им еще далеко, а вот переквалифицироваться в бизнесмены уже поздно. Что ж, революция подобно Сатурну пожирает своих детей. «Бархатная революция» не составляет исключения. Бывшие активисты «Солидарности» могут утешить себя тем, что даже если они умрут с голоду, то умрут они как свободные люди в свободной стране. Их сыновья, погибая в Ираке, будут умирать за ценности Запада.

В Советском Союзе диссиденты так и не сделали ничего подобного восточноевропейским собратьям, хотя КГБ и партноменклатурой КПСС явно готовили их к роли таких же «полезных идиотов». Впрочем, о масштабах сотрудничества диссидентов с КГБ мы пока мало что знаем.

В некоторых бывших советских республиках, например, в Прибалтике, тоже попытались провести люстрацию, но кампания сразу затихла. В число лиц, сотрудничавших с КГБ, попали президент Эстонии Леннарт Мери, первый премьер-министр Литвы после провозглашения независимости Казимира Прунскене, лидер литовского Саюдиса Витаутас Ландсбергис, и ряд других столпов прибалтийского истеблишмента.

Но в Восточной Европе оппозиционная коммунистической власти движение могло рассчитывать на массовую поддержку. В СССР этого не было. Проблемы, поднимаемые советскими диссидентами, о праве евреев на эмиграцию, свободу абстракционизма или печатание литературных произведений за рубежом вряд ли были интересны более

1% населения СССР. Откровенно антинациональный характер диссидентской деятельности был хорошо очевиден массам, и не случайно за диссидентами закрепилась кличка «диссидентура». Только спекуляция на реальных трудностях советской жизни (например, притеснение верующих, социальная несправедливость и т. п.), примитивность советской официальной пропаганды (умалчивающей о многих сюжетах отечественного прошлого) и особенно роль западных служб психологической войны придавали всей этой диссидентуре определенную общественную значимость.

При всей незначительности диссидентства все-таки оно существовало и при этом сыграло некоторую роль во второй национальной катастрофе России в XX веке.

Советская диссидентура состояла из нескольких течений. Существовало официальное советское диссидентство, включавшее в себя ряд деятелей культуры, которым власти позволяли, свободно путешествуя по миру, мягко критиковать советскую систему, что в глазах западных интеллектуалов служило доказательством существования в СССР свободы творчества и демократии. Такими официальными диссидентами были поэты Е. Евтушенко и А. Дементьев, певец и актер В. Высоцкий, режиссер Ю. Любимов, кинорежиссер А. Тарковский, и ряд других. Впрочем, некоторые из официальных диссидентов иногда «заигрывались» и подвергались мягким отеческим внушениям соответствующих служб или даже вынуждены были эмигрировать.

Существовало и прозападное направление диссидентства, занимавшееся подрывной деятельностью против государства в качестве «пятой колонны» Запада в холодной войне. Именно этому направлению посвящено 99% всех материалов, посвященных диссидентству. И в советские времена, и в наши дни слово «диссидент» ассоциируется с взлохмаченными правозащитниками, пишущими воззвания «К мировой общественности», против чего-то протестующими, создающими какую-то «культуру андерграунда», и уезжающих на Запад по израильскому каналу. Разумеется, западные радиоголоса делали все, чтобы создать прозападной диссидентуре рекламу.

Но в диссидентстве было немало и патриотически мыслящих людей, в том числе и в его демократическом крыле. Мы еще встретимся с именами экс-диссидентов, ставших активными национал-патриотами, — И. Р. Шафаревича, И. В. Константинова, В. Аксютинца и др.

Самой первой из русских оппозиционных групп внутри СССР был Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа (ВСХСОН), разгромленный властями в начале 1967 г. Значение ВСХСОН в истории оппозиции заключается в том, что это была *единственная* из всех политических организаций внутри СССР, существовавших после

1945 г., которая ставила своей целью взятие власти насильственным путем, и при этом без всякой связи с Западом.

ВСХСОН сложился в 1963 году в Ленинграде как кружок молодых интеллектуалов, разочарованных официальной идеологией. Лидером кружка стал студент восточного факультета Игорь Вячеславович Огурцов (1937 г. р.). Несомненно, Огурцов был харизматической личностью, производящий впечатление на всех, кто с ним встречался. В конце 1963 года он набросал «10 тезисов социал-христианства». 2 февраля 1964 года Огурцов создал из нескольких человек, студентов-гуманитариев, военно-политическую организацию, которая и получила название Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа» (ВСХСОН). К началу 1967 года в организации было уже 28 членов и 30 кандидатов. Эта численность не может считаться незначительной для подпольной группы. Возникшие на Западе буквально вскоре после ВСХСОН итальянские «Красные бригады» или германская РАФ первоначально были еще малочисленнее.

ВСХСОН действовал как подпольная группа со строгой дисциплиной. Члены организации были разбиты на «тройки», составлявшие «взводы», организованы отделы идеологический, безопасности, кадров и технический. Были созданы три боевые группы, приобреталось оружие, фотоаппаратура и копировальная техника, составлялись списки потенциальных «объектов» терактов. Впрочем, к террору ВСХСОН так и не перешел, ограничиваясь распространением нелегальной литературы, в частности, произведений югославского «ревизиониста» М. Джиласа и русского философа Н. А. Бердяева. ВСХСОН установил связь с заграницей, но с Запада приобретались лишь произведения эмигрантской политической литературы. Финансировалась организация за счет членских взносов в 10% доходов членов. Благодаря советской системе распределения выпускников вузов сотрудники ВСХСОН, помимо Ленинграда, проживали также в Иркутске, Томске, Шяуляе.

Члены организации были молоды, в основном двадцати с небольшим лет, с высшим образованием. Если создатели ВСХСОН были гуманитариями, то вскоре в рядах «социал-христиан» оказались и «технари». В социальном происхождении члены организации представляли собой срез советского общества. Сам Игорь Огурцов был сыном генерала, в годы войны командовавшего 124-й Мгинско-Хинганской ордена Суворова стрелковой дивизией. Огурцов-старший был представлен к званию Героя Советского Союза, но из-за демонстративного отказа вступить в Коммунистическую партию оказался недостоин Золотой Звезды Героя. Зато Леонид Бородин был сыном расстрелянного «врага народа».

Идеология для ВСХСОН была самым уязвимым местом. Не случайно впоследствии ни один из членов ВСХСОН не остался пос-

ледователем «социал-христианства». Впрочем, о христианстве членов ВСХСОН вообще трудно говорить, учитывая, что большинство из них в то время не были крещены. Принятая организацией программа и «Народная хартия» из 36 пунктов представляли собой наивную смесь из положений Джиласа и особенно Бердяева. Пункты программы критиковали советский строй, но весьма туманно говорили о будущем. Большинство «социал-христиан» считало, что в стране вспыхнет стихийная национальная революция, в которой они примут участие, но не возглавят ее. Стратегическая задача ВСХСОН предусматривала «свержение коммунистической диктатуры и создание теократического, социального, представительного, народного государства, построенного на моральной основе и обязанного в своей деятельности руководствоваться принципами, общими для всех христианских народов». Под теократией члены ВСХСОН понимали государственное устройство на принципах естественного права и симфонии светской и духовной власти. Западную модель политической демократии и полной свободы рынка социал-христиане отвергали. Капитализм и «его болезненное порождение – коммунизм» одинаково неприемлемы как проявление антихристианского духа. О «социал-христианстве» как идеологии программа ВСХСОН говорила: «... хотя христианская религия не связана ни с какой временной социальной структурой, ее этические принципы могут и должны быть воплощены в экономической и политической практике... Социал-христианская доктрина рассматривает как безусловное зло такую организацию власти, при которой она является призом соперничающих партий»*.

В будущей России, по мысли теоретиков ВСХСОН, помимо трех ветвей власти, должен существовать институт «блюстителей власти» – Верховный Собор. 1/3 членов Собора должны составить иерархи Церкви, 2/3 – пожизненно избираемые «выдающиеся представители народа». Верховный Собор не имел законодательных и властных функций, но мог наложить вето на все решения властей. Законодательная власть должна представлять собой корпоративный парламент, представляющий собой все социальные слои (а не отдельных избирателей или партии). Об исполнительной власти конкретно не говорилось, хотя подразумевалось, что именно она будет иметь приоритет. Глава государства должен избираться Верховным Собором и быть подотчетен Народному Собранию.

Экономическое устройство будущей России, по мнению ВСХСОН, выглядело как многоукладная экономика с сильной ролью государства. Предусматривались три формы собственности – государс-

* Программа ВСХСОН. Архив Института гуманитарно-политических исследований (ИГПИ). Москва.

твенная, общинная и «персоналистическая» (последний термин, заимствованный из философии Н. А. Бердяева, означал, в сущности, частную собственность, распоряжение которой должно ограничиваться в общественных интересах). Земля должна находиться в наследственном владении (но не собственности), без права продажи. Государство должно быть социальным – всеобщее образование, здравоохранение, социальное обеспечение, и т. п., должно находиться в руках государства. Частные заведения в социальной сфере рассматривались лишь как полезные дополнения. Всем традиционным религиям страны предусматривалась полная свобода религиозной жизни. Программные документы ВСХСОН предусматривали территориальную целостность страны в границах СССР. Зато в документах ВСХСОН совершенно не говорилось о «национальном вопросе», что является удивительным для националистической организации.

В феврале 1967 года, в результате доноса, организация была раскрыта. Судебный процесс над активистами ВСХСОН в 1967 г. был самым крупным политическим процессом в СССР после «дела врачей». Обвиняли социал-христианских заговорщиков по ст. 64 УК РСФСР – «Измена Родине в форме заговора с целью захвата власти». Последним, кого обвиняли с такой формулировкой, был Б. В. Савинков! Огурцову и большинству членов организации грозил расстрел. Однако власти не хотели большого процесса, особенно в 50-ю годовщину Великого Октября, да еще в городе – «колыбели революции». К тому же сами органы госбезопасности не хотели расписываться в собственной некомпетентности, три года не замечавшие нелегальную организацию. А вот уж что точно не беспокоило власти, так это реакция «мирового общественного мнения». На Западе к тому же вообще узнали о ВСХСОН только в начале 70-х гг., когда были опубликованы материалы суда. Приговоры, впрочем, все равно были суровы: Огурцов получил 15 лет заключения, после которого должны были последовать еще 5 лет ссылки; Михаил Садо – 13 лет, Евгений Вагин – 8 лет, Леонид Бородин – 6 лет, другие члены также получили многолетние сроки.

На суде большинство «социал-христиан» вело себя достойно. Особенно мужественно показал себя сам Огурцов. Он, как и все остальные члены организации, отмотал весь 20-летний срок тюрьмы, лагеря и ссылки, «от звонка до звонка», выйдя на свободу инвалидом. В Ленинграде у Огурцова не было жилья, он не мог найти работу, и в результате, в 1987 году вынужден был на время эмигрировать в Германию. Впрочем, русское национальное диссидентство тем и отличалось от либерального, что выезд на Запад никогда не был целью для националистов. В Германии Огурцов принципиально не поддерживал отношений с советской

эмиграцией, кроме небольшого числа русских патриотов, оказавшихся, как и он, за рубежом не по своей воле. В 1992 году И. В. Огурцов вернулся на Родину. Показательно, что если Солженицыну по возвращении немедленно вернули его прежнюю московскую квартиру, выселив в спальные районы проживавших там 20 лет, (после высылки Солженицына) жильцов, то Огурцову пришлось более трех лет судиться с «демократическим» мэром Петербурга Собчаком за право вернуть себе законную жилплощадь.

В политической жизни постсоветской России Огурцов почти не участвовал. Он входил в небольшую партию В. Н. Осипова «Союз христианского возрождения», участвовал в конгрессе патриотических сил 8 февраля 1992 года, но в них играл роль «свадебного генерала». Хотя И. В. Огурцов не производил впечатления сломленного человека, напротив, его дар привлекать сердца сохранился, но все же 20 лет заключения, возраст, инвалидность, долгая бытовая неустроенность сделали свое дело. Приходится признать, что Огурцов и вообще история ВСХСОН остаются практически неизвестными современным патриотам.

Не менее показательны судьбы других членов ВСХСОН. Практически все они отошли от идеологии «социал-христианства», но остались русскими национал-патриотами. Евгений Вагин эмигрировал на Запад, где стал издавать журнал «Вече». Леонид Бородин стал одним из виднейших публицистов национального крыла диссидентского движения, (о чем ниже), а с 1992 года является редактором журнала «Москва» – одного из ведущих «толстых» журналов страны.

Об истории ВСХСОН существует книга западного исследователя Джона Дэнлопа*, не скрывавшего своего восхищения мужеством и дерзновенностью «социал-христианских» подпольщиков, но в силу, видимо, антизападных настроений этой организации ее реальная история – дело будущего. Современные исследователи советского диссидентства почти не обращают внимание на ВСХСОН, поскольку сам факт существования этой организации противоречит стереотипу диссидента как прозападного либерала. Парадоксально, что из-за того, что сами бывшие члены ВСХСОН критически оценивают идеологию «социал-христианства», они еще сами не создали объективной истории своей организации. Пока только постоянная экспозиция по истории ВСХСОН, открытая в Академии гражданской авиации в Петербурге с согласия ректора, остается единственным мемориальным свидетельством о последней подпольной группе в СССР.

---

* Dunlop J. B. The new-Russian nationalism. New York. 1988. Dunlop J. B. Faces of contemporary Russian Nationalism. N. Y. 1983.

Нелегальная публицистика русских патриотов

Социал-христианские бланкисты ВСХСОНа все же были исключением среди всего диссидентства, занимавшегося мирной оппозиционной деятельностью. Русские националисты среди них были менее заметны, поскольку о них не говорили радиоголоса и не принимались резолюции поддержки западных парламентов. Тем не менее националисты все равно старались дистанцироваться от западных либералов в диссидентстве.

Уже упомянутый выше экс-генерал КГБ Стерлигов, впрочем, лично диссидентурой не занимавшийся, говорил о принципиальных отличиях либералов и патриотов. По его словам, среди либералов, ориентированных на западные ценности, преобладали евреи или, еще чаще, «полтинники», т. е. лица от смешанных браков, этнические маргиналы, в основном с неоконченным высшим гуманитарным образованием, гомосексуалисты (вообще, «голубизна» была отличительной чертой либералов-западников), и, наконец, считающие себя людьми искусства. Почти все из либералов-диссидентов пытались писать стихи и романы, рисовали (правильнее сказать, малевали) картины и т. п. Удивляться этому не стоит – первое в XX веке не воевавшее поколение, пресловутые «шестидесятники», не способные ни заниматься политической борьбой, ни воевать против внешнего врага, могли самовыражаться только через «культуру». Поскольку советская система деградировала, и вместе с ней деградировала и официальная культура, то это не могло не породить своеобразную контркультуру. Благо, для того, чтобы считаться «передовым» «деятелем культуры», не надо было вообще отличаться способностью чего-либо уметь. Для того, чтобы считаться художником, не нужно было уметь рисовать. Для того, чтобы стать авангардным поэтом, не нужно было владеть знаками препинания. В наши дни окончательно стало ясно, что «творчество» наших диссидентов в искусстве есть величина, стремящаяся к нулю. Просто была холодная война, и у Запада была потребность в создании в СССР некоей «культурной оппозиции режиму». Теперь, когда дело сделано, от этой «культуры» не осталось ничего, кроме ноющих спивающихся последних диссидентов-полуинтеллигентов неопределенного этнического происхождения и непонятной сексуальной ориентации.

Впрочем, именно благодаря преобладанию среди прозападных диссидентов индивидуалистов с культурными претензиями, совершенно не поддающихся дисциплине, так и не могли сложиться более или

менее структурированные политические диссидентские организации. В самом деле, попробуйте представить политическую партию, состоящую из одних непризнанных гениев? В годы перестройки советские диссиденты оказались, в отличие от восточноевропейских, просто бесполезными идиотами.

Впрочем, какие идеи могли нести в «массы» диссиденты-западники, рассуждая о «свободе»? В 2001 году, побывав на бывшей Родине, высланный за два десятилетия до этого диссидент Александр Гинзбург объявил: «Я все перевожу на твердую валюту своего времени – на бутылку. Нищий пенсионер сегодня может купить больше бутылок, чем 20 лет назад, а значит, мера свободы увеличилась»*. Вот, оказывается, в чем диссидентское понимание свободы.

Низкий моральный облик диссидентов–западников был настолько очевиден, что в наши дни это с неохотой признают сами прежние диссиденты. Так, историк Рой Медведев, один из патриархов диссидентства, брат упоминаемого выше Жореса Медведева, отмечал: «Я не хочу идеализировать диссидентов, изображая их рыцарями без страха и упрека. Принимая участие в этом движении около двадцати лет, я могу подтвердить, что среди его участников можно было встретить морально опустившихся неудачников, людей, искавших в первую очередь любое «паблисити», людей, готовых принимать отнюдь не «щедрые» подачки за свое «диссидентство», а также психически неустойчивых лиц. Но разве среди ответственных партийных деятелей не только во времена Сталина, но и во время Брежнева не было различного рода моральных уродов, взяточников и вымогателей? Разве не было в составе советской «элиты» людей, злоупотребляющих властью, очковтирателей, бюрократов, карьеристов, алкоголиков или психически неуравновешенных людей? Разве не было случаев, когда даже работники КГБ продавали за доллары Родину и переходили на службу в западные разведки?»**. Ну что ж, если в споре оппонент кричит «сам дурак», то это признание своего поражения. Во всяком случае, не диссидентам–западникам обвинять советский режим в разложении.

В противоположность им диссиденты-националисты обычно были русскими (восточные украинцы и белорусы также относили себя к русским), немало было представителей народов Поволжья, молдаван, армян, много было и обрусевших евреев. Националисты имели, как правило, техническое образование, хотя были хорошо начитаны в русской идеалистической философии и отличались хорошими знаниями в области отечественной истории. В искусстве националисты обычно не

* Алик Гинзбург – дедушка русского диссидентства // Время МН, 3.02. 2001.

** Медведев Р. А. Неизвестный Андропов. М., 1999, с. 132.

демонстрировали претензий на открытие чего-то нового. Обычно напротив, к авангардистскому искусству и новым стилям в литературе и архитектуре инакомыслящие патриоты относились отрицательно, оценивая все это еще более сурово, чем официальная цензура.

Наконец, среди русских националистов большинство были православными верующими, но и атеисты среди них признавали необходимым в будущей России превратить Православие в государственную религию. Следует заметить, что даже наиболее религиозные среди диссидентов русского направления критически оценивали деятельность Патриархии и всех официальных структур Церкви, обвиняя последнюю в сотрудничестве с безбожной властью и забвении пастырских обязанностей.

Собственно же служителей Церкви в диссидентстве было сравнительно мало. Церковная дисциплина, еще более строгая, чем в армии, не позволяла священникам выступать против власти, с которой нашло способ сосуществования священноначалие. Не случайно среди священников-диссидентов преобладали лица, в значительной степени выступавшие против основ православия в пользу экуменического «сближения» с западными конфессиями. Именно такими можно считать Г. Якунина, впоследствии отторгнутого Церковью, Н. Эшлимана, А. Меня и некоторых других.

Но были среди инакомыслящих священников и патриоты. Некоторые из них по своим личным качествам могут считаться праведниками XX столетия. Среди диссидентов-священников русского направления можно выделить яркую фигуру Дмитрия Сергеевича Дудко (1922–2004). Участник Великой Отечественной войны, после демобилизации в 1945 году Дудко поступил в Богословский институт (вскоре ставший Московской духовной академией). Но уже с первого курса за сочинение антисоветских стихов он был арестован по статье 58. Лишь в 1956 году Дмитрий Сергеевич был освобожден и смог восстановиться в Духовной Академии. В 1960 году он был рукоположен в священники. Два десятилетия продолжалась активная пастырская деятельность отца Дмитрия. Славу снискали проповеди священника, который не боялся прямых вопросов и полемики с верующими. Особенной популярностью пользовались проповеди Дудко у городской интеллигенции, пытающейся вернуться к национальным корням. Скрамная церковь в подмосковном селе Гребнево, где служил отец Дмитрий, по воскресеньям переполнялась приезжими за десятки верст из Москвы, желающими прослушать проповеди знаменитого священника. Дудко был одним из видных авторов национального русского самиздата, занимая там традиционалистские позиции. В 1980 году Дмитрий Дудко вновь был арестован. Он выступил с покаянием по телевидению, текст его покаянной речи был опублико-

ван в «Известиях» и других советских газетах, но это не было малодушием или капитуляцией. Священник Дудко всего лишь сказал то, что и так знали все слушатели его проповедей — как сын Церкви и народа он ведет проповедническую деятельность, чуждаясь политики. И в самом деле, в проповедях и книгах о. Дмитрия не было никакого «антисоветизма», да и его покаяние было, в сущности, актом личного смирения.

Характерной особенностью русского диссидентства был его своеобразный подход к Советской власти, по отношению к которой декларировалась лояльность при неприятии отдельных сторон марксизма-ленинизма как идеологии. Гораздо более существенным было то, что развитие России по западным рецептам патриоты считали значительно худшим вариантом развития событий, чем сохранение Советской системы, которая уже тем оправдана, что обеспечивает стране независимость от господства мирового финансового (проще говоря, еврейского) капитала.

Вот как впоследствии объяснял свою национал-большевистскую позицию верующий православный христианин, неоднократно подвергавшийся репрессиям, публицист русской неподцензурной литературы Геннадий Шиманов: «Ну, хорошо, думал я, рухну завтра Советская власть, и кто же станет хозяином России? При том подавляющем превосходстве антирусских сил даже в самой России, не говоря уже о всей мощи Запада, которая будет брошена на помощь своим ставленникам и союзникам в нашей стране, на что же надеяться русским патриотам? Только на чудо. Потому что придут к власти силы, неизмеримо худшие по сравнению с теперешним режимом... Значит, нам надо твердо и недвусмысленно встать на сторону этого режима, как бы он ни был плох, и поддерживать его против западников. Тем самым мы будем не только помогать сохранению этого меньшего для нас зла, но и окажемся в более выгодном по сравнению с западниками положении. И сможем, пока сохраняется этот режим, наращивать свои силы гораздо быстрее их. Кроме того, этот дряхлеющий режим окажется в конце концов перед выбором: либо опираться на русско-православные силы и оказываться во все большей зависимости от них, либо попросту рухнуть, так как Запад не заинтересован в сильной структуре власти в России»*.

Мысль была, как видим, вполне здравая и справедливая. В принципе, окончательная русификация режима могла бы не только сохранить территориальную целостность страны, не допустить никаких этнических конфликтов, но и обеспечить политическую демократию и экономическое процветание. Увы, из всех возможных вариантов развития Россия всегда выбирает самый худший. Так случилось и в СССР рубежа 80 – 90-х гг. XX века. Но еще раньше верхушка КПСС, у руля которой стояли старые маразматики и агенты влияния Запада, мечтающие

* Наш современник, 1992, № 5, с. 160.

стать владельцами заводов, газет, пароходов, развернула борьбу против русского движения. Возможная русификация режима пугала грядущих «приватизаторов», поскольку национальная власть не допустила бы разграбления богатств страны. И все силы карательного аппарата СССР были брошены против тех, кто мог бы стать опорой власти.

В богатом событиями 1968 г. КГБ была разгромлена так называемая «группа Фетисова», или, по самоназванию, «общество изучения «теории систем». Лидером группы был Александр Александрович Фетисов (1912–1991). Бывший военный моряк, участник освобождения Сахалина и Курильских островов, Фетисов оставил морскую службу в звании капитана II ранга, заместителя начальника тыла Тихоокеанского флота. Фетисов в свое время демонстративно вышел из КПСС в знак протеста против критики Сталина на XX съезде. Открытые выступления с национал-большевистских позиций привели к тому, что Фетисов был помещен в психушку. Выйдя на волю, Фетисов организовал из нескольких человек «общество по изучению теории систем». Данное «общество» было чем-то средним между подпольной организацией, легальным клубом по интересам и литературным кружком. Фетисов опубликовал в самиздате ряд статей. В них А. Фетисов критиковал советский режим с крайне правых позиций, причудливо сочетая элементы национал-большевизма, фашизма и традиционализма. С его точки зрения, всемирная история представляла собой борьбу порядка (воплощенного в арийском начале) с вносимым еврейством хаосом и разложением, пока тоталитарные режимы Сталина и Гитлера не положили этому конец (что подразумевало историческое оправдание этих режимов). Советская власть обвинялась в том, что была недостаточно советской и идет на поводу у агентов влияния Запада. После ареста Фетисов был вновь помещен в психушку, из которой вышел совсем сломленным, прекратив политическую деятельность*. Так деградирующая система расправилась с патриотом и коммунистом.

Интересно, что Марк Дейч в книге «Коричневые», по своей тенденциозной неосведомленности способной конкурировать с творениями Лакера, ничтоже сумняшеся, пишет: «Членов этого общества КГБ не тронул – то ли чекисты о них ничего не знали, то ли не посчитали первых национал-большевиков опасными для советского строя»**. Все было с точностью до наоборот.

Группа Фетисова была последней подпольной политической организацией русских националистов. В 70-х гг. XX века нелегальная деятельность русских национал-патриотов носила характер издания неподцензурных самиздатовских журналов или отдельных статей.

---

* Русский патриотизм. С. 823.

** Дейч М. Коричневые. М., 2003, с. 8.

В 1969-70 гг. среди интеллигентских кругов с диссидентским духом начала распространяться анонимная статья «Слово нации», подписанная «Русские патриоты». (Составителем «Слова» был известный публицист русского национального диссидентства Анатолий Иванов, он же Скуратов). Появление «Слова» до сих пор вызывает ярость западных и доморощенных либералов. Уже цитированный А. Янов в своей «Русской идее и 2000 году» главу о «Слове нации» назвал «Фашизм. Явление первое». Но был ли в этом «Слове» фашизм? Давайте рассмотрим статью.

Начало ее было ясное, без всяких экивоков: «Какими бы взаимными упреками ни обменивались противостоящие ныне системы, сколько бы ни считали они те или иные пороки исключительно достоянием противной стороны, главная угроза, мало кем еще понятая, остается общей: вырождение, вызванное причинами биологического порядка, действующими с тем большей силой, чем меньше на них обращают внимание, упорно жуя истасканную псевдоистину о главенстве так называемых «социальных» факторов над биологическими. Признаками этого вырождения являются: падение рождаемости, рост общественной инертности, как в так называемых «свободных», так и в так называемых «тоталитарных» странах, уход людей в личную жизнь, в построение собственного благополучия, их взаимное отчуждение, атомизация общества, исчезновение духовных интересов, образование вакуума в душах людей и, как результат этого, — бессмысленные чудовищные преступления, пьянство, наркомания. Вырождающееся общество – это Янус, два лица которого – обыватель и преступник. Первый не может без второго, недаром такой популярностью пользуются детективные романы. Если бы преступников не было, обыватели бы их выдумали»*.

Как видим, в отличие от коммунистической идеологии, сводившей все мировое развитие к борьбе капитализма с социализмом, с чем, как ни парадоксально, были полностью согласны и прозападные либералы, заранее вставшие на сторону Запада, автор (или авторы) «Слова» отмечали и реальный кризис прогрессистской модели развития, от которой и отталкивались обе противоположные системы. Западная демократия не вызывала в «Слове» симпатий, поскольку существовала другая альтернатива: «Демократия в ее эгалитарном варианте есть одно из следствий вырождения и одновременно его стимул. Демократы исходят из абсолютной ценности каждой личности, независимо от того, идет ли речь о святом или об убийце-садисте... Противостоять этому вырождению способно только сильное правительство, опирающееся на национальные традиции».**

* www.antology.igrunov.ru/70-s//periodicals//nations.html

** Там же.

В статье недаром говорилось от имени нации. «Национальный вопрос» и его решение выглядели так: «Сегодня нам ставится в вину, что русские, составляя 57% населения страны, играют непропорционально большую роль. Мы бы сказали наоборот – непропорционально малую... Наш лозунг – Единая Неделимая Россия. Неделимость означает в нашем понимании территориальную целостность государства при полной свободе развития культуры всех народов, населяющих нашу страну, но без огромных затрат на роскошные атрибуты несуществующих культур, безразличных для тех народов, которым они якобы принадлежат. Ни один представитель какой-либо другой нации или расы никогда не будет трактоваться в России как существо второго сорта, если только он сам не даст повода к подобному отношению. Народы России – равноправные хозяева в своем общем доме»*.

Не могло не затронуть «Слово Нации» и проблемы засилья в СССР в силу коренизации представителей некоторых этнических групп: «Много шумят об антисемитизме в России. Евреи также претендуют на роль угнетенного русскими меньшинства, а между тем, проводя политику национального кумовства, они чуть ли не монополизировали область науки и культуры. Русская земля не утратила способность рождать своих Ломоносовых, но на их пути сегодня стоят очередные немцы, а бедные «привилегированные» русские робко жмутся в сторонке. И упаси Бог задеть!»**

В «Слове нации» высказывались оригинальные мысли о радикальном изменении внешней политики страны. В частности, предлагался одновременный роспуск обеих военных блоков – НАТО и Варшавского Договора. Германия должна быть объединена. Советские и американские войска должны оставить Европу. ООН предлагалось распустить, и вместо этой бессильной организации создать союз стран во главе с СССР и США.

В итоге «Слово нации» констатировало: «Демократические институты не несут с собой исцеление. Скорее напротив, усугубляют болезнь. Поэтому для нас не столько важна победа демократии над диктатурой, сколько идейная переориентация диктатуры, своего рода идеологическая революция... Национальная революция начинается с личности, кончиться она должна появлением мощного национального государства, служащего центром притяжения для здоровых элементов всех братских стран. В этом государстве русский народ на самом деле, а не по ложному обвинению, должен стать господствующей нацией, не в смысле угнетения других народов, а хотя бы в том, чтобы сами русские

---

* Там же.

** Там же.

не становились жертвами дискриминации и даже террора в отдельных частях собственной страны»*.

Как видим, надо быть Яновым, чтобы увидеть в этом фашизм. Но в целом в «Слове нации» содержалась серьезная программа. Она сводилась, как видно, к ликвидации системы союзных и автономных республик и областей, созданию централизованного национального государства с широкой культурной автономией для всех этносов страны. Такая централизация приведет, как ни парадоксально, к общей демократизации режима, покончив с дискриминацией русских и других этносов в автономных образованиях. Западный путь отвергался как бесперспективный, и ставка делалась на мирную идеологическую революцию, которая осуществит переориентацию советского режима на национальный путь. Подобные надежды на русификацию советской системы разделяли другие публицисты национально-патриотического самиздата.

В январе 1971 года в России стал издаваться самиздатовский журнал «Вече» (в наши дни одноименный журнал схожей ориентации издается в Мюнхене). Редактором первого «русского» «Веча» был Владимир Николаевич Осипов. Он был человеком нелегкого жизненного пути, подобно большинству русских диссидентов-патриотов. Еще в 1959 году двадцатилетним студентом исторического факультета он был исключен из Московского университета за то, что публично заступился за арестованного накануне однокурсника Анатолия Иванова, будущего историка, писавшего в самиздате под псевдонимом «Скуратов» и впоследствии ставшего одним из основателей неоязычества. Осипов получил высшее образование, заочно закончив Московский пединститут. По его окончании работал директором клуба и учителем. В 1960 году он принял участие в создании одного из самых первых самиздатовских журналов «Бумеранг». Осипов был одним из инициаторов поэтических выступлений возле памятника Маяковскому в Москве. Его несколько раз задерживали, и, наконец, в 1961 году он получил по статье 70 УК РСФСР (антисоветская пропаганда) 7 лет лагеря за издание нелегального журнала «Феникс» и за... попытку убить Хрущева?! Этот нелепый пункт обвинения, видимо, был предназначен для того, чтобы дать Осипову максимально строгое наказание. В заключении Осипов встречался с бывшими членами ВСХСОН. По словам самого Владимира Николаевича, он «вошел в зону полунищанцем, полусиндикалистом, вышел православным христианином и монархистом». С этого времени Осипов связал свою жизнь с национально-патриотическим движением, заняв в нем православно-монархические позиции.

Журнал «Вече» был первым «толстым» журналом в самиздате, объемом в 300 страниц, выходившим 3 раза в год. Журнал печатался на

* Там же.

машинке тиражом до 100 экземпляров. Осипов пытался создать что-то вроде национально-патриотической «Искры», печатая авторов разных течений. Среди постоянных авторов были священник Д. Дудко, бывший член ВСХСОН Л. Бородин, бывший член «группы Фетисова» М. Антонов, историк А. Иванов (Скуратов), публицист Г. Шиманов, и другие. Сам редактор больше склонялся к религиозному национализму*.

Стараясь не касаться злободневных политических вопросов, «Вече» занималось в основном историческим просвещением своих читателей, помещая на своих страницах тексты философов-славянофилов, рассказывая о покорении Туркестана генералом М. Д. Скобелевым, обсуждая уродливую архитектуру новых городских районов, вопросы экологии и пр. В сущности, все эти темы так или иначе рассматривались в легальных русофильских изданиях. Отличие «Веча» было лишь в большей свободе определений и характеристик. Впрочем, в конкретных условиях СССР даже одно упоминание имен Константина Леонтьева, Николая Бердяева, или лишь одно свидетельство о роли Кагановича в уничтожении почти 500 памятников истории в Москве за время его руководства столицей, уже само по себе носило политический характер.

К существующей власти журнал относился вполне лояльно, фактически с национал-большевистских позиций оправдывая и Октябрьскую революцию, и дальнейшее развитие СССР.

Так, одной из самых заметных публикаций в «Вече» стала большая статья бывшего члена «группы Фетисова», Михаила Антонова с характерным названием «Учение славянофилов – высший взлет народного самосознания в России в доленинский период». (Уже из названия видно, что ленинский период народного самосознания оказался еще более высшим, чем славянофильство.) Весь пафос статьи сводился к необходимости соединения Православия и ленинизма, причем это приведет к творческому синтезу русской традиционной культуры, религии и социализма, что будет способствовать новому взлету русской цивилизации.

Эти идеи в России 90-х гг. для многих национал-патриотов звучат кощунственно за уважение к советскому социализму и отсутствие всякого антикоммунизма. В связи с этим автору этих строк вспоминается один случай, очевидцем которого ему пришлось стать.

В феврале 1997 г. в Петербурге в Доме дружбы с народами зарубежных стран на Фонтанке проходил «круглый стол» на тему: «Русская идея на грани тысячелетий». В этом мероприятии приняли участие политики, историки, педагоги, ученые, военные, журналисты и др. цвет петербургской патриотической элиты и московские гости. Когда М. Антонов произнес речь о том, что в годы советской власти был высший расцвет русского христианства, что большевизм был ложно рели-

* Русский патриотизм. С. 132, 524.

гиозным движением, но все же отражал духовные чаяния народа, и что, наконец, сама Октябрьская революция носила религиозный характер, то это вызвало бурную реакцию немалой части собравшихся. На Антонова посыпались обвинения в том, что он коммунист, не разбирается в истории, высказывались даже подозрения в том, крещен ли сам Антонов. Пикантность ситуации заключалась в том, что с ультраправославных позиций Антонова критиковали люди, в советские времена занимавшие важные должности, и естественно, бывшие членами КПСС. А ведь обвиняемый в большевизме М. Ф. Антонов с 1968 по 1971 г. был в заключении за защиту Православия и духовным отцом его был схииеромонах Самсон (в миру граф Э. Сиверс).

«Вече» издавался до 1974 года. Из-за конфликтов в редакции последний, 10-й номер выпускал уже не Осипов, а Светлана Мельникова и бывший политзаключенный Иван Овчинников. В ноябре 1974 года Осипов был арестован и отправлен в лагерь на 8 лет. После полного отбытия срока Осипов вплоть до 1985 года был под административным надзором.

Русский национальный самиздат не ограничивался «Вечем». Леонид Бородин, давно уже отошедший от «социал-христианства» ВСХСОН, с 1975 года стал выпускать альманах «Московский сборник». Уже название, намеренно повторяющее подобный сборник Победоносцева, говорило о «почвенническом», национально-консервативном направлении альманаха. В «Московском сборнике» печатались прежние авторы национального самиздата – Иванов (Скуратов), Г. Шиманов, печатались статьи о философах-идеалистах. Бородин успел выпустить только три номера. Когда начались андроповские репрессии против «русистов», Бородин был вновь арестован, получив еще 10 лет лагерей и 5 лет административной ссылки. Правда, провел Бородин во втором заключении «только» 5 лет. Наступила «перестройка», и в 1987 году Бородин был освобожден.

Таковы судьбы только некоторых деятелей русского движения. 20 лет заключения Игоря Огурцова, 9 лет – Дмитрия Дудко, 15 лет в два захода – Владимира Осипова, 11 лет, также в два захода, Леонида Бородин, 7 лет в сумме за три ареста – Анатолия Иванова (Скуратова), сломанные жизни Александра Фетисова и множества других патриотов, имена которых остались неизвестными (впору ставить памятник неизвестному национал-патриоту 1955–1985 гг.), – после этого говорить о каком-то союзе «русской партии» с аппаратом ЦК КПСС можно только в порядке бреда.

Разумеется, основная масса рядовых русофилов занималась своим «малым делом», не создавая подпольные группы или самиздатовские журналы. Но не надо думать, что их власть не трогала. Жизнь русского

патриота в хрущевско-брежневские времена была переполнена политическими невзгодами. Приведу в качестве примера судьбу двух ленинградских русофилов. Ровесники (оба 1932 года рождения), ученые, писатели, старые гвардейцы русофильства, никогда не состоявшие в КПСС, они и в наши дни продолжают активно заниматься научной, творческой и (правда, в меньшей степени) политической деятельностью. В определенном смысле их судьба типична для советских русофилов.

Юрий Константинович Бегунов родился в семье, до революции относящейся к купеческому сословию. Его отец участвовал в Первой мировой и Гражданской войне на стороне белых. После поражения белого движения Бегунов-старший отказался эмигрировать и работал бухгалтером. Впрочем, советская власть оказалась злопамятной и отца Юрия Константиновича впоследствии все же расстреляли. Мать ученого происходила из дворян и была родственницей философа Карсавина. Такое соцпроисхождение очень затрудняло жизнь и научную карьеру в СССР. И все же Бегунов сумел в таких неблагоприятных условиях внести вклад в науку. Он стал признанным специалистом по славянской филологии. Занимаясь древнерусскими летописями и литературными памятниками, Бегунов открыл много ранее неизвестных сочинений. Ученый не только перебирал архивы, но и участвовал в археографических экспедициях, в ходе которых было обнаружено свыше тысячи древних книг и рукописей! Об одной из таких экспедиций, в которых кроме Бегунова участвовал писатель Дмитрий Балашов, был даже снят документальный фильм «Путешествие за древними книгами», получивший 1-е место на конкурсе географических фильмов. Но поскольку в своих научных исследованиях Бегунов критиковал официальную историю России, то это не могло не вызвать последствий. Так как Бегунов никогда не допускал в своих работах не подтвержденных фактами гипотез, то «научно разоблачить» его было затруднительно. В результате Бегунов, один из ведущих в стране ученых в сфере изучения древних текстов, в своем Институте русской литературы (Пушкинский дом) почти 30 лет, даже после защиты докторской диссертации, занимал скромнейшую должность младшего научного сотрудника. Это был своего рода рекорд для советской науки. Но вот что показательно: летом 1990 года Бегунов неожиданно получил приглашение на 4-й Всемирный антикоммунистический конгресс в английском городе Харгейте. На конгрессе Бегунов выступил, однако, совсем не так, как стоило бы ожидать от диссидента. Ученый прямо предостерег Запад от вмешательства в русские дела.

Другой ленинградский русофил, Марк Николаевич Любомудров, также родился в семье, которая пострадала при советской власти. Дед Любомудрова, Николай, был священником, погибшим в годы красного террора. В 2000 году Архиерейским Собором Русской Церкви

он был причислен к лику святых новомучеников. Отец Марка Николаевича также был репрессирован. Сам Марк связал свою жизнь с театром, работая в театральных вузах. Еще со студенческой скамьи он стал печататься и в дальнейшем опубликовал ряд книг, посвященных истории русского театрального искусства, а также ряд публицистических статей. Жизнь патриота в культурной среде северной столицы менее всего могла проходить в башне из слоновой кости. В театре и высшей школе особенно мощным было засилье «общечеловеков» по крови и духу, изгонявших из театра все русское. В годы хрущевской «оттепели» из театра началось изгнание русского духа под лозунгами «осовременивания», «приближения к мировым образцам» и пр. В таких условиях надо было обладать незаурядным мужеством, чтобы защищать национально-русское направление в театральном искусстве. Уже в 60-е гг. Любомудров стал известен как один из виднейших публицистов-русофилов и деятельный член Русского Клуба. Любомудров принципиально отказывался сотрудничать с западными СМИ, наотрез отказывался от предложений эмигрировать.

Русофильское движение в основном и состояло из таких скромных тружеников, как Бегунов и Любомудров.

К 1985 году в рядах нелегальных русофилов достаточно определенно выделился ряд направлений, которые будут характерны для национал-патриотов рубежа XX – XXI вв. Возродилось традиционалистское православно-монархическое движение, практически уничтоженное в Гражданскую войну. Значительно ослабили позиции национал-большевизма, хотя он все равно оставался ведущим направлением как в легальном, так и в нелегальном русофильстве, не говоря о «широких массах» советских граждан. Появляется ранее почти не свойственный русскому самосознанию этнический национализм. Наконец, зарождается экзотическое направление славянского язычества (видным теоретиком которого стал А. Иванов – Скуратов).

Солженицын и Шафаревич

Среди антикоммунистически и, что еще более существенно, антисоветски настроенных, (т. е. полностью отрицающих советский режим) диссидентов-националистов были деятели, оказавшие определенное влияние на формирование идеологии современной правой. Речь идет о А. И. Солженицыне и И. Р. Шафаревиче. В одном ряду эти во многом противоположные по взглядам (и по отношению к ним как к

личностям и идеологам правых 90-х гг.) люди оказались лишь по их резкой критике не только преступлений, осуществленных в Советскую эпоху, но и вообще по критике самой идеи социализма. Справедливости ради надо сказать, что Солженицын был известен гораздо больше всех других диссидентов (если только не считать А. Д. Сахарова) по «раскручиванию» его западными радиоголосами, и это не могло не отразиться на двойственном отношении национал-патриотов к нему, да и их противников тоже.

А. И. Солженицын прославился своими произведениями, опубликованными первоначально в «Новом мире», а затем и за рубежом. Не будем разбирать литературные достоинства его книг, предоставив это специалистам-литературоведам, обратим внимание на общественную значимость его литературных и публицистических произведений.

Уже героическая биография Солженицына («непролетарское» соцпроисхождение, что весьма затрудняло жизнь в СССР 20–30-х гг., участие в Великой Отечественной войне, несправедливое осуждение и пребывание в лагере и т. д.) придавали особый вес любым словам писателя. Сам Солженицын, вероятно, считал себя превосходящим Достоевского (который только «сидел»), и Толстого, (который только «воевал»). Обращенность Солженицына к запретной лагерной теме окончательно сделала Солженицына героем в глазах не только диссидентов, но и вполне благонамеренных граждан, не скрывающих ворчливого восхищения смелостью опального автора. Традиционное уважение на Руси к мученикам, пострадавшим за убеждения, сделало критику Солженицына официальными СМИ его рекламной кампанией.

Присуждение Солженицыну в 1970 г. Нобелевской премии по литературе (политический аспект этого присуждения очевиден, учитывая, что к этому времени Солженицын еще не успел создать ничего значительного) сделало писателя всемирно известным, но вызвало настороженное отношение к нему среди русских патриотов. В 1974 году появился первый том «Архипелага ГУЛаг». Этим трудом Солженицын коснулся запретной в СССР после Хрущева лагерной темы. Эта запретность обрекла труд Солженицына на успех, тем более, что открыто полемизировать с автором, не признавая сам факт репрессий и системы ГУЛага, было сложно. В СССР нельзя было даже использовать слово ГУЛАГ, так что все официальные критики, обрушившиеся на Солженицына, не могли даже сказать, что сия аббревиатура означает лишь Главное управление лагерей. Благодаря этому Солженицын широко использовал гигантские цифры жертв репрессий, прекрасно понимая, что в СССР их не смогут опровергнуть. На Западе «Архипелаг ГУЛаг» неоднократно переиздавался на всех европейских языках общим тиражом в 18 миллионов экземпляров. Для западных студентов, изучающих

историю и культуру России, «Архипелаг» стал обязательным учебным пособием.

Будучи высланным из СССР в том же 1974 г. Солженицын на Западе, однако, повел себя совсем не так, как можно было бы ожидать от прозападного либерала, а выступил с позиций русского национализма против разлагающегося Запада и особенно против «образованщины». Т. е. как раз против либеральной прозападной интеллигенции, причем именно против ее политически ангажированного диссидентского крыла. Весьма ядовито и метко Солженицын охарактеризовал тот слой, который был социальной базой диссидентства и который через полтора десятилетия после высылки Солженицына стал еще и главной движущей силой демократического движения.

В определенном смысле Солженицын действительно оказался пророком, как подобострастно величали его поклонники, но не в смысле будущего крушения коммунизма, а в характеристике тех, кто будет его сокрушать. Трусость и алчность «образованщины» писатель заклеил в таких выражениях:

«Если обвиняют нынешний рабочий класс, что он чрезмерно законопослушен, безразличен к духовной жизни, утонул в мещанской идеологии, весь ушел в материальные заботы, получение квартир, покупку безвкусной мебели (уж какую продают), в карты, домино, телевизоры и пьянку, – то на много ли выше поднялась образованщина, даже и столичная? Более дорогая мебель, концерты более высокого уровня и коньяк вместо водки? А хоккей по телевизору – тот же самый. Если на периферии образованщины колотьба о заработках есть средство выжить, то в сияющем центре ее (шестнадцать столиц и несколько закрытых городков) выглядит отвратительно подчинение любых идей и убеждений корыстной погоне за лучшими и большими ставками, званиями, должностями, квартирами, дачами, автомобилями (Померанц: «сервис – это компенсация за потерянные нервы») а еще более – заграничными командировками! (Вот поразила бы дореволюционная интеллигенция! Это же надо объяснить, красивая жизнь, валютная оплата, покупка цветных тряпок... Думаю, самый захудалый дореволюционный интеллигент по этой причине не подал бы руку самому блестящему образованцу). Но более всего характеризуется интеллект центральной образованщины ее жаждой наград, премий и званий, несравнимых с рабочим классом и провинциальной образованщиной – и суммы премий выше, и какая-то звучность: «народный художник (артист и т. д.)... заслуженный деятель... лауреат...»! Для всего того не стыдно вытянуться в струнчайшую безукоризненность, прервать все порицательные знакомства, выполнять все пожелания начальства, осудить письменно или с трибуны или неподатием руки любого коллегу по указанию парткома.

Если это все – *интеллигенция* (выделено Солженицыным. – *Авт.*), то что же тогда мещанство?! Люди, чье имя мы недавно прочитывали с киноэкранов и которые уж конечно ходили в интеллигентах, недавно, уезжая из этой страны навсегда, не стеснялись разбирать екатерининские секретеры по доскам (вывоз древностей запрещен), вперемешку с простыми досками сколачивали их в нелепую «мебель» и вывозили так. И язык поворачивается выговаривать это слово – «интеллигенция»? Только таможенный запрет еще удерживает в стране иконы древнее XVII века. А из более новых целые выставки устраиваются ныне в Европе – и не только государство продавало их туда...»*

Такая характеристика, высказанная еще в 1974 г., естественно, вызвала нервную реакцию «образованцев» внутри и вне СССР. На Солженицына посыпались обвинения во всех смертных грехах, его стали называть «фашистом», «русским аятоллой» и пр. Западные исследователи русской правой уже упомянутые неоднократно А. Янов и У. Лакер осторожно, но все же весьма критически оценили публицистику и исторические сочинения Солженицына. Известный диссидент, уже упомянутый ранее Рой Медведев, выступая в 1988 г. (в разгар гласности) в Ленинградском госуниверситете, назвав «Архипелаг ГУЛАГ» бессмертным произведением, обо всем остальном творчестве своего старого знакомого Солженицына отозвался как о претенциозной графомании, назвал Александра Исаевича «непрочитанным классиком», которого невозможно читать из-за тяжеловесного стиля.

Вероятно, помимо политической позиции Солженицына, не приходящего ни к одной из диссидентских и эмигрантских группировок, в таких суровых оценках сыграли свою роль и черты характера писателя, которого редактор журнала «Континент» Вл. Максимов назвал «космическим эгоцентриком». В самом деле, Солженицын явно уверовал в свое избранничество, на полном серьезе объявив себя «Мечом Божиим», благодаря чему не мог стать «просто» лидером определенного идеологического направления и разругался со всеми самостоятельно мыслящими людьми.

Зато у национал-патриотов Солженицын, оставаясь, в сущности «непрочитанным классиком», поначалу вызвал прилив добрых чувств. С конца перестройки на какое-то время внутри России Солженицын стал «Национальным Пророком». По справедливому замечанию В. А. Ачкасова, «любая критика Солженицына оппонентами из демократического лагеря расценивалась как святотатство. В то же время различные течения в национал-патриотическом стане, расхватывающие по кусочкам мысли Солженицына, позволяли себе и замечания в адрес «патриарха»,

* Солженицын А. И. Образованщина // Из под глыб. Сборник статей. Paris: YMCA-PRESS, 1974. С. 231–233.

и замалчивания его «неудобных» политических идей. Национал-большевики упрекали Солженицына за последовательный антикоммунизм, правые экстремисты – за недостаточный радикализм политической программы*.

В 1991 г. одна из первых национал-патриотических партий в Ленинграде, Республиканская Народная Партия России (РНПР, ныне Национально-Республиканская) во главе с Николаем Лысенко даже объявила себя «партией идей Солженицына». Правда, даже в то время автор, беседуя с активистами партии, не без удивления увидел, что практически никто из республиканцев не имеет представления об «идеях Солженицына». В лучшем случае партийцы были знакомы с «Архипелагом ГУЛАГ» и некоторыми публицистическими статьями. Само обращение республиканцев к идеям Солженицына, было, видимо, следствием «года Солженицына» (1990-го), когда его стали печатать на родине, и особенно впечатлением от статьи «Как нам обустроить Россию». Неудивительно, что вскоре РНПР практически отказалась от всяких ссылок на Солженицына в своей пропаганде. Впрочем, скорее дело заключалось в том, что при всем антикоммунизме республиканцев они все равно оставались советскими по воспитанию и духу людьми и Солженицын оставался для них «антисоветчиком». (Не могу не привести личного впечатления. В 1992 году один из ревностных православных монархистов резко выступил против упоминания имени Солженицына в одном из программных заявлений Русского Национального Собора. На вопрос, чем не нравится православному патриоту Солженицын, постоянно упоминающий имя Господне, этот патриот с праведным гневом ответил: «Он, Солженицын, антисоветчик!» Этот довод оказался убедительным, и Солженицына ни в каких соборных декларациях не упоминали).

После того, как Солженицын одобрил расстрел Верховного Совета в октябре 1993 г., для большинства патриотов он стал неудобной фигурой. Возвращение Солженицына на Родину в 1994 году ведущая газета оппозиции «Завтра» (бывший «День») отметила двусмысленным заголовком статьи «В Россию Ельцина приехал Солженицын». Вскоре после возвращения в Россию, 28 октября 1994 года, Солженицын выступил с речью в Государственной Думе. Не лишено пикантности то обстоятельство, что сама возможность выступления с парламентской трибуны стала возможной благодаря фракции КПрФ! Во время выступления писателя демонстративно отсутствовали многие депутаты либеральных фракций. Так же бойкотировали выступление Солженицына все министры. Впрочем, как выступление в Думе, так и последующие выступления по телевидению были разочаровывающими. Солженицын тоном проро-

---

* Ачкасов В. А. «Взрывающаяся архаичность»: традиционализм в политической жизни России. СПб., 1997. С. 119.

ка произносил набор банальностей, ругал коммунистический режим, но так и не высказал какой-либо ясной альтернативы существующему порядку. Как ядовито заметил известный левый публицист В. Бушин, «С бородой под Достоевского, во френче под Керенского, резвой походкой марксиста-футболиста Бурбулиса взбежал Солженицын на трибуну и, то заглядывая в бумажку, то, обуреваемый скорбью и гневом, заглядывая в глаза и ударяя себя ладонью по лбу, произнес долгожданную передсмотрящими коммунистами речь»*. Но в этой речи даже наиболее просолженицынски настроенные патриоты так ничего и не смогли найти. Такое же впечатление осталось и от других выступлений кандидата в национальные пророки. В конечном счете, единственное, что можно найти в солженицынских очень длинных, почти как все его романские «узлы», рассуждениях, это мысль о том, что не все «новобогаты» – с волчьими сердцами и, стало быть, найдутся и среди них хорошие люди. (Прямо-таки надежда зека встретить доброго надзирателя). Помимо этого, Солженицын многословно говорил о значении земского самоуправления в жизни Российской империи, прямо указывая на необходимость развития земства в РФ. Но как земство сможет противостоять алчным интересам олигархов, Солженицын не сказал, да и не мог сказать. Многих патриотов, даже антикоммунистически настроенных, смущало откровенное прославление Солженицыным власовского «движения» и прочих предателей в годы Великой Отечественной войны.

К этому надо добавить особенности литературного стиля Солженицына. Написанные тяжеловесным языком, невероятно объемные романы, особенно из серии «Красное колесо», в которых все персонажи лишены какой-либо индивидуальности, а лишь демонстрируют авторскую концепцию, явно не могут считаться художественной литературой. В. Максимов говорил, что после всего своего пути «Меч Божий» Солженицын может лишь «оставить потомкам многотомную гору слов, состоящую, главным образом, из компиляций думских стенограмм и плохо переваренного Дос Пассоса»**. В результате из «непрочитанного классика» Солженицын стал превращаться в забытого литератора, «мертвого при жизни». В наши дни национал-патриоты вспоминают Солженицына только для того, чтобы процитировать из него какой-нибудь пассаж против либералов. Коммунистические издания с удовольствием критикуют многочисленные исторические ошибки и примеры безграмотности в его трудах.

Правда, когда Солженицын отказался принять в честь своего 80-летия орден Андрея Первозванного от Ельцина, тон национал-пат-

* Бушин В. С. Александр Солженицын. Гений первого плевка. М., 2005, с. 434.

** Правда. 1994, 28 декабря.

риотических газет смягчился. В газете «Правда» профессор Юдин даже поместил статью «Александр Солженицын: наш или не наш?», в которой попытался определить, можно ли считать Солженицына патриотом или он все же «антисоветчик»*. Впрочем, хотя Юдин считал, что Солженицын «наш», большинство патриотов придерживались противоположной точки зрения.

На сегодняшний день отношение патриотов к Солженицыну весьма прохладное. В томе «Русский патриотизм Большой энциклопедии русского народа», вышедшей под редакцией О. А. Платонова, целиком посвященном патриотическому движению, о Солженицыне не было помещено статьи, хотя в энциклопедии представлены даже второстепенные публицисты и лидеры микропартий патриотического направления. В самом деле, ругать Солженицына не хочется, а хвалить не за что. Среди патриотов достаточно распространена точка зрения, что никогда не было великого диссидента, и тем более не существовало какого-то мыслителя Солженицына, а был просто графоман со вздорным характером и ярко выраженной манией величия, который бы «сел» при любом режиме и которого «раскрутили» западные СМИ в годы холодной войны. Видные публицисты и общественные деятели национально-патриотического направления в большинстве своем резко критикуют Солженицына. Живущий на Западе публицист Владимир Нилов напоминал, что А. Зиновьев называл Солженицына «интеллектуальное ничтожество, раздутое американской пропагандой до размеров гения». Православный диссидент, священник Дмитрий Дудко призывал Солженицына стать на колени и покаяться перед русским народом**. Издатель журнала «Континент» Владимир Максимов посвятил Солженицыну статью, красноречиво названную «История одной капитуляции».

Зато совсем иное отношение у патриотов в советскую и постсоветскую эпоху было к академику И. Р. Шафаревичу. Хотя академик также был диссидентом, многие годы связанный с Солженицыным (и даже получил прозвище «солженицынского Санчо Пансы»), входил вместе с Сахаровым в Комитет прав человека, подписывал заявление и воззвание в защиту осужденных по политическим мотивам в СССР, но все это в глазах патриотов искупается его активной национально-православной позицией. В середине 70 – начале 80-х гг. Шафаревич пишет свои основные политические труды: «Есть ли у России будущее?», «Обособление и сближение», «Русофобия» и др. У западнического большинства диссидентства эти статьи вызвали негодующую критику. Зато почвенни-

* Правда, № 72–73, 1998, 6 июня.

** Нилов В. Отряхните их прах... // День литературы. № 6 (70), 14.06.2002.

ческие (или русофильские) круги в СССР сразу увидели в Шафаревиче своего идеолога.

Сам академик никогда не скрывал своих взглядов, которые он еще в 1968 г. в интервью западногерманской газете «Франкфуртер альгемайне» охарактеризовал как почвеннические*. Шафаревич действительно много писал о роли христианства, возмущался советским церковным законодательством, в период начавшейся горбачевской гласности говорил о необходимости переиздания книг Н. Я. Данилевского, Л. А. Тихомирова, классиков русской литературы в полном объеме, без купюр. Но настоящую славу Шафаревичу принесла маленькая работа «Русофобия». В 1989 г. ее опубликовал в открытой печати «Наш современник» (членом редколлегии которого Игорь Ростиславович долгое время был, но затем вышел), но еще раньше тексты «Русофобии» в виде скрепленных канцелярскими скрепками листов или в виде сделанных в домашних условиях брошюр, отпечатанных на машинке, продавались в Ленинграде у Гостиного Двора. Что же такого великого написал академик, математик-алгебраист, И. Р. Шафаревич? Поэтесса Татьяна Глушкова, с национал-большевистских позиций часто критикующая многих столпов патриотического движения, резонно заметила, что «если бы «Русофобии» Шафаревича написал не И. Р. Шафаревич, а, так сказать, обычный русский патриот, без «пурпурово-серого» ореола недавнего диссидентства, то никто бы из русских не испытывал к автору подчеркнутой благодарности»**.

Справедливости ради заметим, что далеко не каждый обычный патриот может разбираться во всех тонкостях самиздатской публицистики, как это с блеском продемонстрировал Шафаревич, но все же в «Русофобии» главное заключалось в том, *кто* сказал, а не в том, что принципиально нового было им внесено. Шафаревич с четкостью математика исследовал наиболее активную часть советской «образованщины», т. е. ее либерально-диссидентское крыло. Как человек, сам многие годы вращавшийся среди диссидентов, Шафаревич обратил внимание на присущую многим из них ненависть к России и русской нации, вплоть до утверждения, что народ в России – это свинарник, что русской истории вообще не было и пр. Для обозначения этого крыла людей Шафаревич использовал понятие «малый народ», впервые использованное исследователем Великой Французской революции Огюстом Кошеном. «малый народ» может быть и религиозной, и социальной и этнической группой, манипулирующей «большим народом», т. е. основной частью нации, в своих узкоклановых интересах. Изложив теорию Кошена, Шафаревич указал на характерные черты «малого народа» в СССР. При

* Шафаревич И. Р. Путь из-под глыб. М., 1991. С. 268.

** Глушкова Т. Труден путь к большому народу // Молодая гвардия. № 9, 1993. С. 124.

этом Шафаревич не побоялся указать на то, что не могли откровенно высказать «молодогвардейцы», не решился (или не захотел) отметить Солженицын, – роль еврейства в «малом народе». Хотя Шафаревич постоянно подчеркивал, что «малый народ» состоит из космополитов самого разного происхождения, но участие евреев в этих космополитических кругах было непропорционально значительнее.

Здесь мы вновь возвращаемся к постоянно возникающему в истории русской правой «еврейскому вопросу». В последние два десятилетия советской эпохи этот вопрос приобрел большое значение из-за пресловутой проблемы эмиграции евреев на «историческую Родину», что стало наиболее острым вопросом в истории советско-американских отношений.

Поскольку легально эмигрировать из СССР можно было только по «израильскому каналу», то пользовались этим люди весьма разного происхождения, получившие прозвище «евреев по профессии». В те же годы не случайно родился анекдот, что жена-еврейка, это – не роскошь, а средство передвижения. Характерно, что большая часть эмигрантов, составивших т. н. «третью волну» эмиграции, предпочли ехать не в Израиль, а в западные страны. Среди эмигрантов оказалось много родственников представителей советской элиты, что не могло не вызвать реакцию типа – «все в России развалили, а теперь сваливаете за бугор». Арест какого-нибудь еврея (чаще еврея по профессии, а не по происхождению), немедленно вызывал мировые скандалы, за арестованного сразу же вступались международные организации, правительства стран Запада, не говоря уже о радиоголосах.

Постоянно муссировалась тема вины русских перед евреями за «антисемитизм», «погромы» и пр., зато никакой вины евреев перед Россией за все бедствия XX века не было, виноват был «коммунизм», «сталинизм» и пр. абстракции.

Шафаревич справедливо обращал внимание на то, что акцентирование Западом и внутренним прозападным диссидентством права на эмиграцию (естественно, еврейскую) вызвало в советском обществе соответствующую реакцию. В другой своей статье, написанной уже в 1989 г. и опубликованной открыто на Родине, «феномен эмиграции», Шафаревич писал: «Поскольку власть ей (эмиграции. – *Авт.*) препятствовала, то за эмиграцию надо было бороться. И вот как-то получилось так, что борьба за право эмиграции оказалась сверхважной, первейшей задачей и заслонила собой все остальные проблемы страны. Был даже сформулирован тезис, что среди всех «прав человека» право на эмиграцию – «первое среди равных». Можно себе представить, какое впечатление это произвело на подавляющее большинство народа, для которого вопрос об эмиграции не стоял и не мог стоять, на тех, кто о та-

кой возможности даже не задумывался! Какой нелепо-оскорбительный взгляд на жизнь страны: в ней важнее всего то, как из нее уехать! И ведь начиналось все это, еще когда колхозники не имели паспортов, не могли уехать не только в Америку или Израиль, а и в соседний район. Когда бесправное положение колхозников, поездки на автобусах в Москву за продуктами, полное отсутствие врачебной помощи в деревне – все это признавалось второстепенным по сравнению с правом отъезда тонкого слоя людей, то здесь было не только пренебрежение интересами народа в целом, здесь чувствовалось отношение к народу как к чему-то мало значительному, почти не существующему. Какой же широкой поддержки или хотя бы понимания можно было ожидать? Полная изоляция, даже внутри интеллигенции, была неизбежна*.

Эта изоляция выглядела как холодное презрение к космополитам по духу и по крови. И не случайно еще в застойные годы вновь вошло в словарь русского языка забытое, казалось, слово «жид», обозначающее именно дельца-космополита. Среди русских националистов-диссидентов бытовала следующая градация: иудей – это вероисповедание, еврей – это народ, жид – это образ жизни (или, как вариант, профессия). Поэтому в целом антисемитизм в конце советской эпохи был скорее «антижидизмом», а не юдофобией. Отношение к диссидентам как к исключительным евреям долго господствовало на бытовом уровне. Не случайно еще в 70–80-х гг. у многих советских граждан существовало твердое убеждение в еврейском происхождении всех видных правозащитников. Даже Сахарова считали Цукерманом, а Солженицына – Солженицером.

Итак, «малый народ» представляет собой достаточно узкий слой внутренних эмигрантов, с преобладанием этнических маргиналов, презирающих «большой народ», но умеющих манипулировать им, навязывать ему свои вкусы, представления, героев и злодеев по своему выбору. Нетрудно заметить, что именно об этом писали и «молодогвардейцы», и националисты-диссиденты, и Солженицын. Шафаревич лишь добавил роль еврейства как главного фермента брожения в советском обществе, порождающего диссидентуру.

Но это все была, если можно выразиться, негативная часть программы националистов-диссидентов. Что же касается позитива, то громкая критика сменялась общими рассуждениями. Солженицын говорил о необходимости «раскаяния и самоограничения», заключавшихся в том, что «по отношению ко всем окраинным и заокраинным народам, насильно втянутым в нашу орбиту, только тогда чисто окажется наше раскаяние, если мы дадим им подлинную волю самим решать свою судьбу»**.

* Шафаревич И. Р. Путь из-под глыб. М., 1991. С. 175–176.

** Шафаревич И. Р. Из-под глыб. Сборник статей. Paris: YMCA-PRESS. 1974. С. 143.

Это, конечно, звучит красиво в публицистике, но совершенно не похоже на политическую программу. «Подлинную волю», вопреки воле большинства советских наций, дали им беловежским соглашением и обрекли их на экономический коллапс, войны, террор, дискриминацию и полную свободу работать задаром на бывших советских партocrats. «Самоограничение», проповедуемое Солженицыным, означало отказ от активной внешней политики и сосредоточение над проблемами освоения северо-востока России, т. е. зоны вечной мерзлоты. В принципе, это – здравая идея, тем более, что СССР действительно надорвался экономически, проводя внешнюю политику, руководствуясь сугубо идеологическими побуждениями, без учета хозяйственных возможностей страны. Но Солженицын фактически призывал повторить освоение целины, только теперь не в казахстанских степях, а в вечной мерзлоте, бросив на это все ресурсы страны. Солженицын совершенно проигнорировал тот факт, что сверхдержава, каким был в 70-е гг. СССР, просто не может целиком замкнуться на собственных проблемах. Особенно наивным выглядит рассуждение Солженицына о том, что и Запад пойдет на такое же самоограничение. С энтузиазмом Солженицын мечтал: «Нелегко будет такой поворот западной свободной экономики, эта революционная ломка, полная перестройка всех представлений и целей: от непрерывного прогресса перейти к стабильной экономике, не имеющей никакого развития в территории, объемах и темпах (а лишь – в технологии, и то успехи ее отсеиваются весьма придирчиво). Значит, отказаться от заразы внешней экспансии, от риска за новыми и новыми рынками сырья и сбыта, от роста производственных площадей, количества продукции, от всей безумной гонки наживы, рекламы и перемен. Стимул к самоограничению еще никогда не существовал в буржуазной экономике, но как легко и как давно он мог быть сформулирован из нравственных соображений!»*

Используя данные доклада «Римского Клуба» «Пределы роста», вызвавшего сенсацию в начале 70-х гг. своими предсказаниями глобальной экономической катастрофы, Солженицын, видимо, искренне считал, что не только в России могут существовать сторонники самоликвидации страны как великой Державы. Понятно, что мысль о том, что Запад будет решать свои проблемы за счет эксплуатации ресурсов свободной России, не пришла в голову Солженицыну.

Шафаревич, не испытывавший постоянных колебаний в разные стороны, тем не менее также весьма неопределенно говорил о будущем России. В упомянутом интервью «Франкфуртер альгемайне» Шафаревич мог сказать лишь: «Нужен возврат к Богу и своему Народу, ощущение общенациональных целей и чувство ответственности перед историей и будущем своей страны. Мне кажется, общественный строй есть нечто

* Шафаревич И. Р. Указ. соч. С. 145.

производное от духовного состояния народа. И он должен не логически конструироваться – это опасный путь «утопий», – а органически вырастать из истории»*.

Как видим, и вполне лояльные власти русофилы, и оппозиционные диссиденты-националисты оказались сходны в том, что трудности СССР вызваны не экономическими или политическими, а в первую очередь причинами морального порядка. В свою очередь, моральный кризис, проявлявшийся в росте антиобщественных поступков, снижении патриотизма, нездоровом увлечении западной масс-культурой и т. п., вызван тем, что ослаблены или потеряли прежнее значение в жизни нации хранители традиций – Церковь и деревня. Часто в «молодогвардейских» публикациях и в творчестве самиздатских авторов национальной ориентации различие заключалось лишь в том, с большой или маленькой буквы написано слово «Бог». Более существенное различие заключалось в том, как оценивать Октябрьскую революцию и эпоху Сталина, но и тут, как мы видели, сходства в основных принципах у легальных и неподцензурных авторов больше, чем различия. Главным внутренним врагом была «американизация» духа, которой оказалась особенно подвержена космополитизированная интеллигенция, среди которой значительную часть составляли евреи по происхождению или по профессии.

Выход из кризиса с точки зрения обеих частей русофильства выглядел как приход к власти в рамках существующего режима национально мыслящего руководства, которое осуществит необходимые реформы, в частности, экономическую и политическую либерализацию. Впрочем, главными реформами были бы возвращение в народное сознание всей полноты русской истории и культуры, обращение к национальным традициям.

Именно этим объясняется и определенная политическая пассивность русофилов, и двойственное отношение к соввласти. Официальный марксизм-ленинизм давно превратился в набор канонических фраз и имел весьма мало искренних сторонников. (Собственно, уже появление русофилов означало потерю влияния государственной идеологии.) Но подавляющее большинство русофилов не хотело смены режима, тем более распада СССР. В этом смысле они не хотели ни революции (антикоммунистической), ни реакции (коммунистической).

В середине 80-х гг. новая русская правая, некоммунистическая, но не антикоммунистическая, как умонастроение, а не доктрина, могла считаться сформулированной. Как и все советские люди, русские правые ждали перемен и надеялись на будущее. Но будущее оказалось ужаснее самого страшного сна.

---

* Шафаревич И. Р. Указ. соч. С. 269.

Часть третья

Глава VI

ОТ «ПЕРЕСТРОЙКИ» К РАЗВАЛУ

Вводные замечания

К середине 80-х гг. XX века Советская система, казалось, была крепка как никогда. Отношение народа к системе можно охарактеризовать как ворчливое удовлетворение. Сверхдержавный статус страны вызывал чувство законной патриотической гордости у всех народов страны. Политический режим в брежневские времена был мягким, чего бы там ни вопили по западным радиоголосам. Никакой серьезной политической оппозиции в стране не было, и это объяснялось не только эффективной работой КГБ. Жизненный уровень рос неуклонно, хотя и медленно. Возникавшие новые социальные и экономические проблемы были вполне разрешимы в рамках системы.

И одновременно с этим, как это ни парадоксально, в обществе сложилось осознание необходимости перемен. Правление марзмати-ческих генсеков, кадровый застой, когда политические и хозяйственные должности всех уровней десятилетиями занимали одни и те же люди, примитивизм официальной пропаганды, бюрократизм и коррупция в партийно-государственном аппарате, всеобщая безответственность — все это вызывало чуть ли не у всех советских людей чувство отвращения к правителям страны. И когда в марте 1985 года Генеральным секретарем ЦК КПСС стал молодой и энергичный Горбачев, провозгласивший лозунг Перестройки системы (но не ее уничтожение!), то это вызвало всеобщий энтузиазм. Увы, перестройка привела к крушению советской государственности.

Два десятилетия спустя перестройка вспоминается экс-советскими народами как нечто постыдное. Мало кто одобрительно относится к тем переменам, что стали результатом «перестроечных процессов». Интересны результаты опроса, проведенного ВЦИОМ 5–6 марта 2005 года, к 20-летию вступления в должность Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева. Поддерживают перестройку лишь 2% (!) опрошенных, считают, что в ней было больше плюсов, чем минусов – 12%, зато считают, что минусов больше – 33%, относятся резко отрицательно – 28%. Еще 6% объявили, что ничего не помнят о том времени, 13% сказали, что их не интересует перестройка, и еще 6% затруднились с ответом*. Перестройка привела к развалу, и понятно, что у большинства нормальных людей падение сверхдержавы не может вызывать приятных чувств.

Сегодня модно рассуждать о том, что советский строй рухнул потому, что был «неправильным» и проиграл конкурентную борьбу западной либеральной демократии. Но с тем же успехом можно сказать, что покорение Гитлером Франции в 1940 году при активном участии французских коллаборационистов свидетельствовало о «неправильности» демократии в сравнении с национал-социализмом. Нет, поражение определенной цивилизации далеко не всегда объясняется только объективными обстоятельствами. Крушение СССР стало возможным в результате поражения в холодной войне из-за предательства советской правящей верхушки.

К середине 80-х гг. давняя цель Запада – найти в России «пятую колонну» оказалась реализована. Советская партийная и хозяйственная номенклатура, давно уже не верившая ни в какие идеалы коммунизма, стремилась завладеть той государственной собственностью, которой руководила. Эти же цели преследовала возникшая в послесталинские годы мафия, тесно связанная с коррумпированным аппаратом. Но для смены такой идеологизированной системы, как советская, недостаточно было просто принять решения Политбюро. Необходима была «народная» антикоммунистическая революция, причем такая, которая оставила бы у власти прежнюю партократию, сделав бы ее при этом владельцем собственности. Однако если в некоторых странах Восточной Европы оппозиция режиму имела определенную поддержку масс, то в СССР несколько десятков диссидентов, занятых исключительно писанием «воззваний» на Запад и доносов друг на друга в КГБ, вряд ли могли обрести хоть какое-то влияние. «Бархатную революцию» в Советском Союзе организовать было весьма проблематично. Стало быть, необходимо было, при помощи СМИ, провести массированное промывание мозгов населению СССР и убедить его в том, что «так жить нельзя», а затем провести «реформы» по изменению системы.

* Политический журнал, № 9 (60), 14.03.2005, с. 12.

Для Запада такое желание советской номенклатуры означало появление исторического шанса разрушения России. Ликвидация коммунизма, конечно, была для западной элиты весьма желанным результатом, но все же именно расчленение и эксплуатация России были стратегической целью Запада на протяжении веков, задолго до появления коммунистической идеологии. Но, пожалуй, впервые со времен Смуты XVII века Запад мог рассчитывать на столь значительную поддержку «бояр» в самой России.

Итак, с приходом к власти Горбачева началась практическая деятельность по разгрому российской сверхдержавы под названием СССР. Словом, «процесс пошел».

Разумеется, большинство представителей советской элиты вовсе не были вульгарно завербованными шпионами. Но в их материальных (в буквальном смысле) интересах была ликвидация советского социализма. Более того, даже сам Горбачев, несмотря на то, что, утратив власть, он пытался доказывать, что в своей деятельности изначально стремился уничтожить советский тоталитаризм, все же вряд ли собирался превратиться из вождя сверхдержавы в рекламщика пиццы (что, разумеется, не освобождает его от ответственности). Горбачев предал страну даже не за тридцать серебряников, а за медный ломаный грош. Просто ему теперь выгоднее изображать из себя романтического злодея, чем признать, что он оказался просто болваном, неспособным управлять страной. Зато в его окружении действительно хватало настоящих агентов влияния Запада, прямых шпионов типа Яковлева (бывший руководитель КГБ СССР В. Крючков обладал данными, что Яковлев работал на ЦРУ и что Горбачев это знал*), воров и интеллигентов, подобно самому Горбачеву, органически не способных к созидательной деятельности. И они принялись сокрушать собственное государство.

Этому очень благоприятствовала партийная дисциплина, связывавшая всякую самостоятельную активность членов КПСС. Не случайно многочисленные выступления идейных коммунистов против предательского курса собственного генсека Горбачева носили характер бунта на коленах.

Так же показательна эволюция грозного Комитета государственной безопасности (КГБ). Далеко не всегда КГБ обеспечивал именно государственную безопасность, ведь главной его функцией была защита интересов партии (точнее, ее руководства). И не случайно, что впоследствии один из руководителей КГБ, генерал Ф. Бобков, ранее занимавшийся борьбой с диссидентурой, в дальнейшем возглавил службу безопасности олигарха Гусинского. Впрочем, у большинства олигархов (например, Ходорковского), также охраной ведали бывшие генералы

* «Газета», 19.12.2003.

КГБ. Руководители КГБ прекрасно понимали, чего жаждет высшая советская номенклатура, ведь они сами входили в ее состав. Понятно, что эта «контора» активно противодействовала попыткам рядовых патриотов вне и внутри КПСС бороться против курса Горбачева, а в дальнейшем стала одной из опор режима Ельцина. Впрочем, при Путине КГБ фактически получит основную долю власти. Итак, несмотря на всю истеричную кампанию против «органов» в эпоху гласности, КГБ был активным соучастником антигосударственных сил, рвущихся к власти в СССР.

Подтверждение этого, как ни странно, содержится в многочисленных интервью известного перебежчика из КГБ, генерала О. Калугина. По его интервью, которое он дал редактору русской версии журнала «Форбс», американцу русского происхождения Полу Хлебникову, во время выборов на Съезд народных депутатов России в марте 1990 года, КГБ оказывал поддержку кандидатам демократической ориентации. По уверению Калугина, под «крышей» его родной «конторы» были также ЛДПР Жириновского, «Память» и прочие оппозиционные власти КПСС группы. Заметим, что КГБ должен был не нейтрализовать антикоммунистическую оппозицию, а напротив, привести ее к власти.

Конечно, к словам перебежчика надо всегда относиться скептически. Однако надо признать, что Калугину в данном случае нет смысла преувеличивать роль своего ведомства в произошедших событиях. В самом деле, большинство перебежчиков из КГБ обычно говорят о том, что они «вдруг» поняли, что КГБ – преступная организация, и поэтому они «выбрали свободу» на Западе. Калугин же (явно не будучи дураком), доказывая полную зависимость деятелей российского режима, установленного в августе 1991 года, от своей прежней «конторы», а также с энтузиазмом описывая свое участие в ликвидации болгарского диссидента Г. Маркова, не преследуя сиюминутные меркантильные интересы, похоже, говорит правду.

Подобные процессы были характерны и для командования Советской армии. Генералитет (за исключением нескольких старцев, ветеранов Великой Отечественной) испытывал те же чувства, что и вся партноменклатура. Не случайно военная верхушка в годы «реформ» была коррумпирована не менее, чем администрация президента. Быстрота, с которой были распроданы на сторону громадные материальные ресурсы вооруженных сил СССР, которыми можно было вести пару мировых войн, не может не впечатлить. Это была самая скорая операция в истории Советской армии. Многие военачальники ельцинской РФ, такие, как К. Кобец, Е. Шапошников, П. Грачев, командующий Западной группой войск (в Германии) Бурлаков, вошли в число наиболее коррумпированных деятелей режима. (Хотя в эпоху ельцинизма коррупцией

было трудно удивить). Как всегда, смутное время стало раздольем для многочисленных авантюристов, в том числе и носящих погоны. Не случайно такие неразборчивые политики, как Руцкой или Лебедь, также вышли из армии. Правда, в армии сохранялся слой средних командиров, настроенных патриотично. Но в советской, как ранее и в русской царской армии, полковники, майоры и капитаны никогда не выдвигали собственных корпоративных требований и никогда не устраивали переворотов. Следовательно, с ними можно было не считаться так же, как и с рядовыми членами КПСС.

Зато настоящую опасность для «перестройщиков» могло представлять некоммунистическое патриотическое движение. И именно поэтому вся идеологическая и политическая сила трансформирующего режима была брошена против патриотов. Если в восточноевропейских странах именно национализм оказался тем средством, которым удалось поднять массы против коммунистических правительств под предлогом борьбы за национальное самоопределение, то в СССР все было по-другому. Грандиозные достижения советской эпохи привели к тому, что в обыденном представлении русских людей советский социализм, державный патриотизм и русский национализм стали почти неотделимы друг от друга. Именно поэтому русский национал-патриотизм мог стать основной силой, препятствующей развалу страны. Таким образом, для сокрушения социалистической системы «перестройщикам» и их западным суфлерам было необходимо также не допустить подъема русского национал-патриотизма.

И после того, как задача по расчленению исторической России была достигнута, именно национал-патриотизм мог стать той силой, которая восстановит державу. Понятно, что Запад и прозападная постсоветская элита (из бывшей советской элиты) продолжали борьбу с русскими патриотами и в постсоветскую эпоху.

Надо признать, как бы печально это ни звучало, что за два роковых десятилетия 1985–2005 года политический национал-патриотизм так и не состоялся.

Русского патриотизма на Западе боялись всегда и, ведя борьбу против коммунизма, опасались возрождения русского национального самосознания. Известный американский биржевой спекулянт, осуществляющий идеологическую обработку россиян через выпущенные своим фондом учебники, учебные курсы и семинары, гранты и стипендии для вузовских интеллигентов, Д. Сорос довольно откровенно выразил свои опасения: «Русский национализм может стать большей угрозой миру (т. е. западной гегемонии в мире – *Авт.*), чем был коммунизм»*. Соответствующие меры на Западе начали предпринимать заранее, еще

* Газета «Сегодня». 15 марта 1994 г.

в начале перестройки. К таким мерам можно отнести и беспрецедентную информационно-культурную агрессию через купленные на корню российские СМИ, пропагандируя «общечеловеческие» (западные) ценности, в которых не находится место русским традиционным ценностям и культуре. Наплыв западных миссионеров и фактическое поощрение горбачевскими и особенно ельцинскими властями деятельности доморощенных религиозных сектантов есть просто подрыв Русской Православной Церкви, потенциально способной стать не только духовной, но и политической силой. Наконец, самым изощренным способом борьбы западных спецслужб и прозападных властей России против национально-патриотического движения является создание «ложных маяков», полностью подконтрольных псевдооппозиционным организациям (или установление своего контроля над самостоятельно образовавшимися партиями), увлекающих потенциальных оппозиционеров. Затем с помощью СМИ создается крайне отталкивающий облик этой партии в глазах массы населения, при отсутствии всякой объективной информации о других, настоящих патриотических организациях, что сразу отталкивает от правых множество потенциальных сторонников. После того, когда откровенно провокаторский характер псевдопатриотической организации становится ясным и массам, и честным активистам этой организации, она разваливается, но на смену ей готовят уже новые ложные маяки. «Память», ЛДПР, РНЕ, «Медведь», «Единая Россия», – все эти организации привлекали на свою сторону сотни тысяч искренних патриотов, но все оказались пустоцветом.

Разумеется, старые как мир способы нейтрализации политического противника с помощью подкупа, шантажа, политического убийства, диффамации, клеветы и пр. широко применяются западными спецслужбами и властями РФ против национальной оппозиции. Максимально используются непомерные амбиции патриотических партийных наполеончиков. (Увы, не случайно среди патриотов бытует горькая шутка, что среди них каждый ефрейтор считает себя фюрером).

И все же только работа спецслужб, как бы она ни была эффективна, сама по себе не способна остановить процесс создания политической партии, когда значительная часть нации согласна с идейными установками такой партии. Значит, есть и другие причины объективного характера, порожденные особенностями состояния российского общества времен перестройки и ельцинизма. А это состояние приводит к тому, что настоящих кадровых (а не диванных) партий любого идейного направления у нас долго не будет (кроме КПРФ, но это – особый разговор).

Главная черта постсоветского общества на всей территории СССР, это – полная его маргинализация. Напомним, что маргиналом (от лат. *marginalis* – находящийся на краю) называют людей, утративших

или теряющих свой прежний социальный статус и не нашедших новый. Классическими типами маргиналов являются безработный рабочий, предприниматель-банкрот, обезземеленный крестьянин, интеллигент, оказавшийся не у дел, т. к. его науку «закрыли», и т. п. Маргинал – это не люмпен, который не желает трудиться, а человек, могущий и желающий работать, но лишенный в силу обстоятельств работы (или постоянно живущий в страхе ее потери и перебивающийся случайными заработками).

Но ведь *все* постсоветское общество и состоит из маргиналов или потенциальных маргиналов. И даже те, кто вроде бы преуспел в последние годы вроде «новых русских», в сущности, те же маргиналы, имеющие больше денег, чем другие маргиналы. Нельзя забывать, что российские «предприниматели» – совсем не буржуазия, т. к. «новые русские» не создают новый общественный продукт, деля его несправедливо, как капиталисты, а расхищают созданное в годы социализма общественное богатство. Ко всему прочему, российский криминальный люмпен-капитализм породил и соответствующую люмпен-буржуазию с присущим ей криминальным менталитетом. Не случайно говорят, что профессиональная болезнь «нового русского» – пуля в печени. Количество банкиров, директоров акционерных обществ, владельцев заводов, газет, пароходов, застреленных в своем доме или взорвавшихся в своих машинах, исчисляется сотнями.

По степени риска бизнесмен стал самой опасной профессией наряду с журналистом, обгоняя бойцов спецназа и военнослужащих в «горячих точках». Наконец, отношение народа к «новым русским», мягко говоря, не очень лестное, о чем свидетельствуют рожденный в последние годы жанр анекдота про «нового русского». После этого будет явной натяжкой считать российских бизнесменов восходящим классом, имеющим будущее.

Маргинализация привела к тому, что в России отсутствуют четко выраженные социальные слои, осознающие свои долговременные политические интересы и готовые отстаивать их политическими методами через опирающиеся на них партии. Значит, и возможности для возникновения общенациональной организованной партии любого идеологического оттенка невелики.

Политическая жизнь в стране, охваченной многолетним социально-экономическим кризисом и полностью маргинализированной, носит особый характер. Такое рассыпавшееся общество обычно мало способно к организованности, ведь состоит оно из совокупности индивидов, каждый из которых пытается выплыть в одиночку. Отсюда и то непонятное явление, что несмотря на все бедствия, «народ безмолвствует». В лучшем случае происходят стихийные вспышки типа блокады железных

дорог, голодовок или случаев насилия, но не происходит политического структурирования в масштабах всей страны. Впрочем, В. В. Шульгин как-то цинично заметил, что революцию не делает голодный народ, а делают сытые люди, не поевшие два дня. Народ, пытающийся элементарно физически выжить в условиях долгого кризиса, способен на разовые взрывы ярости, но не к самоорганизации.

Для постсоветского общества характерно также наличие не только социальных, но и этнических маргиналов, что затрудняет создание партии националистического типа. Под этническими маргиналами мы подразумеваем, во-первых, огромное количество людей смешанного этнического происхождения, которых на территории СССР десятки миллионов. (Напомним, что в СССР каждый 9-й брак был этнически смешанный, причем некоторые советские народы, например, немцев, (среди которых было смешанными 67% семей, и большинство из которых не владело вообще или почти не пользовалось немецким языком) можно считать метисным этносом.) А ведь этническая самоидентификация у этномаргиналов носит очень сложный характер. Обычно они относят себя к своему этническому окружению, причем склонны особенно подчеркивать свой национализм. Неудивительно, что вождями националистических движений в СССР были литовцы с фамилией Ландсбергис (т.е. Ландсберг) и Озолас (латышский Озолс), латыши Анатолий Горбунов и Одиссей Костанда, эстонцы – Игорь Грязин. На этом фоне совершенно естественным выглядит наличие «сына юриста» в русском движении. Впрочем, этномаргиналы могут в любой момент изменить свое этническое сознание, когда это станет им более выгодным. Поэтому многие активные сепаратисты в СССР еще станут активными проимперскими реставраторами.

Во-вторых, к этномаргиналам по происхождению можно отнести также и мелкие рассеянные этнические группы диаспоры, многие из которых в силу разных обстоятельств могут поддерживать самые различные политические силы, отдавая все же предпочтение космополитическим «общечеловеческим» идеологиям. В какой-то степени сюда же можно отнести различные территориальные субэтноты (например, казаков среди русских), менталитет и политические предпочтения которых могут отличаться от умонастроения нации в целом, и которые порой могут проявлять сепаратистские настроения.

И, наконец, еще одной причиной, препятствующей созданию общероссийской национальной правой партии, является то, что большой нации гораздо труднее объединиться на почве национализма, чем мелким этносам.

Все эти факторы и необходимо учитывать, изучая историю русского национал-патриотизма в период от Горбачева до Путина.

Выход на сцену

Провозглашенная М. С. Горбачевым перестройка вызвала к жизни разнообразные общественные явления и инициативы, действовавшие вне рамок забюрократизированных общественных структур, и поэтому вошли в историю под именем «неформальных общественных объединений» или сокращенно – «неформалов». Для всех идеологических и политических сил России, включая национал-патриотов, период 1985–88 годов можно считать «неформальным временем». Хотя среди неформалов большинство не занимались политикой, с головой уйдя в сферу своих интересов, будь то рок-музыка, филателия или молодежная контркультура, а среди политизированных неформалов преобладали сторонники демократии западного образца (в РСФСР) или сепаратисты (в ряде советских республик) но и русские националистические группы также не могли не появиться.

Классификация неформалов, число организаций которых в 1985–90 гг. колебалось от 60 тыс. до 120 тыс.(!)*, вообще затруднительна, да и вряд ли является необходимой, учитывая невероятно стремительную их эволюцию и смешанный по своим политическим убеждениям состав. Во многих неформальных организациях одновременно состояли демократы и антигорбачевски настроенные коммунисты, сторонники «новых левых» вместе с поклонниками «новых правых», православные фундаменталисты вместе с сектантами. Объединяла их вместе лишь оппозиция к всевластию КПСС. Чаще всего в неформальной политизированной организации каждый участник сам по себе представлял собой фракцию или платформу.

Ко всему прочему, некоторые молодежные политизированные группировки типа ославленных прессой «Люберов» из Люберец, «болшевики» из Болшево, «русских витязей» из Химок, «фураг» из Куйбышева, ОАД (отряд активного действия) из Ленинграда и т. п., занимавшихся борьбой с помощью кулаков против тех, от кого нашу жизнь, как они считали, надо оздоровить, – панков, хиппи, металлистов, а также и кавказских спекулянтов, цыган, иностранцев из стран «третьего мира» и пр. вообще затруднительно отнести в какую-нибудь политологическую графу.

В самом деле, в деятельности этих борцов с негативными явлениями можно видеть то ли тимуровцев особого рода (многие из них но-

---

* Громов А. В., Кузин О. С. Неформалы: кто есть кто. М., 1990. С. 16; Журнал «Общественные науки и современность». 1997, № 3. С. 59.

сили значки с Лениным или наклеивали портреты Сталина к стеклам машин спекулянтов), то ли нацистов, учитывая широкое использование нацистской символики и расистское отношение к «черным», то ли спортивное общество, то ли просто эпатажно-агрессивные группы подростков, в сущности, не отличающихся от избиваемых ими панков. Тем не менее многие из школьников-люберов конца 80-х действительно прошли в таких неформальных объединениях своеобразную политическую подготовку и стали заметными фигурами в патриотическом движении спустя десятилетие.

Для патриотов «неформального времени» была характерна не столько организационная деятельность по созданию партии, а просветительно-агитационная работа по возвращению в национальное сознание имен запрещенных в СССР политиков, философов, полководцев, религиозных деятелей. Они также требовали вернуть исторические названия старинным городам. Патриоты занимались восстановлением храмов, памятников истории и культуры. ВООПИК переживал период нового короткого расцвета. Московское отделение ВООПИК начинает движение за восстановление храма Христа Спасителя, уничтоженного в 1931 году. Газета «Литературная Россия» регулярно помещает перечень пожертвований на восстановление Храма.

Помимо ВООПИК (кстати, эту организацию как раз и можно считать «формальной») появляются совершенно независимые группы неформалов. Во многих городах неформальное движение начинается именно с проведения митингов в защиту уничтожаемых памятников культуры. В Москве активисты ВООПИК вместе с примкнувшими к ним неформалами сумели отстоять Щербаковские палаты (памятник архитектуры XVII века), которые едва не снесли при строительстве транспортной развязки. Началом неформального движения в Ленинграде можно считать демонстрацию 19 марта 1987 года у исторической гостиницы «Англетер», памятной гибелью Есенина, с протестом против проекта сноса гостиницы. Тогда же в Ленинграде появилось общество «Невская битва», восстановившее храм на месте победы Александра Невского над шведами. Активный участник русофильского движения Марк Любомудров возглавил общественный комитет «Нева – Ладога – Онега», боровшийся с попытками «поворота» северных рек.

Заметим, что такие же или похожие требования выдвигали сторонники других идеологических направлений среди неформалов. Поэтому не стоит удивляться тому, что многие патриоты, никогда не «менявшие вехи», начинали политическую деятельность в рядах дедвижения или ряда фракций в КПСС. По отношению к советской системе в 1985–88 гг. национал-патриоты были в целом лояльны. Первые шаги Горбачева, такие, как отказ от «переброски» северных рек в Сред-

нюю Азию, антиалкогольный указ, начало вывода войск из Афганистана, новый курс во взаимоотношении государства и Церкви, вызывали одобрение патриотов.

В 1988 году в России торжественно, на высшем официальном уровне, отмечалось Тысячелетие Крещения Руси. Несмотря на начинавшееся оплевывание всего русского со стороны «перестроившейся» прессы, русские люди с гордостью вспоминали тысячелетие православной культуры. Массовый приток в церковь даже назвали вторым Крещением Руси.

Но «архитекторы» и «прорабы» перестройки использовали православие лишь в качестве средства по подрыву коммунистической идеологии. Развитие русского национализма, составной частью которого является православие, совершенно не входило в их планы. Поэтому уже с середины 1988 года Кремль и Запад резко активизируют подрывную деятельность против тех, кто способен бороться за русские интересы.

«Память»

Обычно русское национальное движение последних лет СССР связывается в обществе «Память» (такое объединяющее название дают примерно десятку весьма разнородных групп, упорно претендующих на это имя). В 1987–91 гг. до августовских событий о «Памяти» были опубликованы сотни статей в самых многотиражных и популярных советских изданиях – «Комсомольской правде», «Московских новостях», «Известиях», «Огоньке», «Собеседнике», «Советской культуре» и многих др., причем все это было в самый пик гласности и тиражи советской прессы были самыми большими в ее истории. Слава «Памяти» перешагнула границы страны, и о ней заговорили и западные СМИ, в израильском кнессете и в Европейском парламенте.

Но что же это было за общество и заслужило ли оно такое всемирное паблисити? Вокруг «Памяти» образовано столько легенд, что подлинную историю сего общества еще предстоит изучить. По тем сведениям, что могут считаться на сегодняшний день более или менее объективными, «Память» появилась на рубеже 70–80-х гг. как общественное движение сторонников охраны и восстановления памятников истории и культуры на базе Общества книголюбов и общества любителей истории при ВООПИК «Витязи». Последнее общество ставило своей целью торжественно отметить 600-ю годовщину Куликовской битвы, которую «интернационалисты» в советском руководстве предпочли не заметить. С 1982 года «Память» постоянно заседала в Москве

в Доме культуры Метростроя. Лидером этой первой «Памяти» был инженер Геннадий Фрыгин, а после его болезни – Елена Бехтерева, переводчица с иностранных языков. В первой половине 80-х гг. «Память» занималась борьбой за трезвость, восстанавливала могилы известных деятелей национальной истории (так, было восстановлено захоронение В. Н. Татищева). Однако до перестройки «Память» не занималась никакой политикой. Вообще само отсутствие точной даты и места рождения организации уже само наводит на подозрение.

Первым политическим выступлением «Памяти» (и вообще первым самостоятельным политическим выступлением неформалов) стал состоявшийся 4 октября 1985 года доклад Елены Бехтеревой о нерусском происхождении главных чиновников ГЛАВАПУ, от которых зависел архитектурный облик Москвы. Буквально сразу после доклада на Бехтереву было совершено покушение. Она выжила, но надолго вышла из строя как лидер. Впоследствии Бехтерева стала заниматься переводческой деятельностью, отойдя от политики. Формально «Память» возглавил Ким Андреев. Однако реальным «вождем» ее стал фотохудожник Дмитрий Васильев. Ранее Васильев был помощником художника Ильи Глазунова, впрочем, больше занимаясь фотокопированием «Протоколов Сионских мудрецов» и запрещенной в СССР черносотенной литературы. Примкнув к «Памяти», Васильев довольно быстро оттеснил на задний план всех остальных лидеров организации. Впрочем, прежние лидеры «Памяти» со своими прежними сторонниками продолжали существовать, хотя вся их политическая деятельность сводилась теперь исключительно к борьбе с другими «памятными» группами.

В конце 1985 и особенно в 1986 году в васьильевской «Памяти» состояло несколько сот человек во многих городах России, коллективными членами «Памяти» объявили себя многие региональные организации неформалов. По всей стране широко распространяются магнитофонные кассеты с речами Дмитрия Васильева, появляется радиостанция «Память». Под Ярославлем члены «Памяти» завели свою ферму, приносящую неплохой доход, что позволило организации получить определенную финансовую независимость.

6 мая 1987 года, в день Георгия Победоносца («Вешнего Егория») члены «Памяти» провели в центре Москвы, на Манежной площади, митинг и демонстрацию. Это, кстати, была первая в СССР антисоветская демонстрация, которая не была разогнана милицией. Поводом к демонстрации стала борьба против строительства помпезного монумента на Поклонной горе. Под транспарантами «Память народа священна!» и с советским красным флагом, сотни людей прошли по Тверской (тогда еще ул. Горького). Милиция не препятствовала демонстрации. Тогда же представителей «Памяти» принял тогдашний 1-й секретарь Московско-

го горкома КПСС Борис Ельцин. Возможно, убедившись в силе русского национального некоммунистического движения, «архитекторы» перестройки начали закулисную борьбу против «Памяти», максимально используя амбиции, продажность, неустойчивость лидеров организации. Примечательно, что в отличие традиционных методов запрета и репрессий в перестроечных условиях против «Памяти» использовали методы удушения в объятиях*.

С весны 1987 г. перестроечные газеты начинают бурную кампанию критики «Памяти», причем эта критика фактически создает обществу всемирную рекламу. Эффект газетной шумихи был невероятный: конгломерат микроскопических групп превратился под пером журналистов в какую-то зловещую и всемогущую организацию, что-то вроде сочетания масонства, мафии и КГБ в одном лице. Либеральные журналисты, часто справедливо высмеивавшие тягу многих патриотов во всем видеть происки жидо-масонов, сами не заметили, что в их писаниях «Память» приобретает черты тех же жидо-масонов, только с обратным знаком. После нескольких лет массированной пропаганды у столичной и питерской интеллигенции страх перед «Памятью» принял черты паранойи. В 1990 и 1991 гг. многие вполне образованные люди и отнюдь не только евреи со страхом ждали погромов, ходили слухи об уже произошедших погромах, «памятников» обвиняли в товарном дефиците, убийстве священника А. Меня и во всех прочих смертных грехах. Но самое удивительное заключалось в том, что никто эту «Память» в действительности и не видел. А ведь по всему СССР шли конфликты якобы на этнической почве, происходили погромы армян в Сумгаите и Баку, русских в Душанбе, были изгнаны из Средней Азии турки-месхетинцы, «поющая революция» в Прибалтике уже перешла к практическому созданию апартеида для русского населения. Но перестроечная пресса предпочитала этого в упор не видеть, постоянно пугая своих читателей загадочной «Памятью». Если реально посмотреть, что же все-таки сделали «памятники», то выясняется, что не сделали *ничего!* Конкретно в Ленинграде с 9 июня по 4 августа 1988 г. в Румянцевском сквере было проведено 8 (восемь) митингов, на которых присутствовало 300–500 человек, в основном журналистов и празднующей публички. На этих митингах произносились речи о сионистской оккупации России, назывались подлинные фамилии большевистских лидеров (хотя это было не бог весть какое открытие, ведь чтоб узнать это, достаточно было раскрыть любой том сочинений Ленина и посмотреть указатель имен), принимались «обращения» к русскому народу, читались стихи С. Есенина и т. п. В сущности, все это мало чем отличалось от традиционных митингов неформалов любой политической ориентации, причем

* Русский патриотизм. С. 434.

в те же дни в претендующей на европейскость Прибалтике на гораздо более многочисленных митингах произносились куда более шовинистические речи. Но благожелательное отношение демократических СМИ к «национальному пробуждению» прибалтов резко контрастировало с истерикой вокруг «памятников».

Осенью 1988 г. вокруг «Памяти» возник скандал, связанный с «делом Норинского», быстро, впрочем, приглушенный. Некий Аркадий Норинский, еврей по происхождению, посылал письменные угрозы многим известным людям (административным лицам, академику Д. С. Лихачеву, редактору журналу «Знамя» Г. Я. Бакланову и др.) с обещаниями расправы от имени «Памяти». В октябрьском номере «Знамени» Г. Бакланов поместил факсимиле этих угроз со своим комментарием. Закончилось все конфузом. Норинский был быстро «вычислен» и арестован (что свидетельствовало о высоком профессионализме органов правопорядка, способных быстро пресечь любую противозаконную деятельность). Осужден Норинский был по статье 206 ч.2 УК РСФСР – злостное хулиганство. Но даже из этого конфуза перестройщики-журналисты сумели извлечь выигрыш – вот, мол, до чего довели порядочных людей эти антисемиты! Именно в такой подаче были выдержаны телерепортажи в знаменитой тогда передаче Ленинградского телевидения «Пятое колесо» и статья в «Огоньке», главными героями которых были не провокатор Норинский, а странные типы в рубашках с надписями типа «Даешь десионизацию» и, еще круче, «Если пьешь вино и пиво, ты пособник Тель-Авива». На таком фоне Норинский выглядел невинной овечкой.

Наконец, еще одной знаменитой акцией «Памяти» стал скандал в Центральном Доме литераторов (ЦДЛ) 18 января 1990 г., когда человек тридцать-сорок членов «Памяти» во главе со Смирновым-Осташвили пришли на заседание писательской группы «Апрель». Осташвили обличал собравшихся писателей и весь мировой сионизм в русофобии, кому-то из литераторов разбили очки, после чего нападавшие удалились. Это и был единственный «погром», который и смогла устроить эта якобы всемогущая организация.

Судебный процесс над Смирновым-Осташвили широко освещался и в советской и в зарубежной печати, хотя ничего, кроме примитивных антисемитских лозунгов и обвинения всех других лидеров «Памяти» в «жидовском» происхождении со стороны подсудимого не последовало. Приговоренный к двум годам заключения Осташвили в апреле 1991 г. был найден повешенным*.

Между тем инцидент в Доме литераторов был использован демократами из только что созданного блока «Демократическая Россия»

* «Русский патриотизм». С. 728.

для проведения демонстрации 4 февраля. Больше 100 тысяч человек прошли по улицам Москвы, используя провокационные лозунги. Лидеры демократов на транспарантах, которые несли демонстранты, цинично соединили членов «Памяти» Осташвили с бакинскими погромщиками. Напомним, что в январе 1990 года в Баку произошли армянские погромы, в ходе которых были убиты сотни человек. Конечно, разбитые очки у еврея несравнимы с гибелью сотен гоев, но все же было время демократии, приходилось подлаживаться под большинство. В принятой на митинге резолюции патетически говорилось: «Никогда со времен Великой Отечественной войны не была так велика угроза самому существованию нашей страны». (Это было правдой, но главной угрозой и были участники прозападного демдвижения). Главной угрозой стране были, оказывается, «вылазки фашистских групп» (имелись в виду «памятники»). Да, не кровавые, разжигаемые извне конфликты в Закавказье и не апартеид в Прибалтике, а действия нескольких десятков психов и провокаторов – вот что было угрозой стране! Несколько лет зомбирования, наконец, дали результаты – сию резолюцию толпа одобрила восторженным ревом. Явно не ожидавший этого Юрий Афанасьев, один из лидеров демократов, в восторге назвал февральский митинг «февральской революцией». Этот, а затем еще ряд других митингов в феврале создали особый эмоциональный настрой, способствующий определенным успехам прозападных сил на выборах 4 марта 1990-го года на Съезд народных депутатов России.

После августа 1991 г. о «Памяти» совершенно забыли в постсоветской России, хотя еще в 1992 г. самый известный из лидеров «Памяти» Д. Васильев нелегально пробрался на Съезд гражданских и патриотических организаций, на котором выступил с речью, спровоцировав в зале потасовку, после чего Васильева и других членов «Памяти» силой выставили вон. Во время событий сентября-октября 1993 года Васильев объявил действия Верховного совета «Коммуно-нацистским беспределом» и призвал власти «беспощадно покарать Хасбулатова и Руцкого».* После этого «Память» вообще исчезла с политической сцены, лишь в 1996 г. все тот же Д. Васильев призвал избирателей голосовать на президентских выборах за... Ельцина.

Лидер самой крупной и самой известной из всех групп «Памяти» Д. Васильев был определенно больным человеком. В эпоху всемирной славы «Памяти» он часто появлялся на различного рода научных конференциях, предвыборных собраниях и прочих собраниях в парике и гриме, мотивируя это опасениями перед расправой со стороны сионистов, что явно свидетельствовало о сложностях в его психике. Десять

* Березенкин О. Ю. История русского национально-патриотического движения современной России. М., 1999, с. 63.

лет спустя забытый всеми Д. Васильев ничуть не изменился. Появившись на «круглом столе» в редакции газеты «Завтра» в конце 1998 г. Д. Васильев опять жаловался на враждебные проiski, на сей раз КГБ: «... коммунисты в лице КГБ открыли беспощадную войну с «Памятью». Было внедрено такое количество провокаторов, что как мне удалось там выжить – только одному Богу известно. И мне пришлось бороться не с сионистами, пришлось бороться с провокаторами внутри организации*». Кажется, уже этого достаточно, чтобы судить и о лидерах, и о самой организации.

Какой же вывод можно сделать из всего вышеизложенного? «Память» была организована с провокационными целями как ложный маяк для отвода в сторону русского национального движения, поскольку оно могло перехватить власть у дряхлеющей и распадавшейся КПСС, не допустить распада СССР и осуществить социальные и экономические реформы, способствующие укреплению мощи России. Эта перспектива не устраивала ни геополитических соперников СССР в мире, ни внутреннюю коррумпированную партократию, желающую присвоить госсобственность, ни космополитизированную интеллигенцию, поднявшуюся на волне гласности.

Русское национальное движение, дезориентированное деятельностью «Памяти», потеряло для самоорганизации по меньшей мере два года, и в августе 1991 г. на политической сцене действовали антигосударственные демократы в Москве с сепаратистами в республиках и играющие с ними в поддавки горбачевские партократы при безмолвствующем народе. (Попутно была решена еще одна задача – ассимилированное и полностью интегрированное в советскую жизнь еврейское население СССР, запуганное грядущими погромами, массами рвануло на «историческую родину», отчаянно нуждавшуюся в пушечном мясе из-за происходившей в то время «интифады» – палестинского восстания на оккупированных арабских территориях. Заодно были легализованы и сионистские организации в СССР.) Помимо этого «Память» создала на редкость отрицательный образ русских патриотов в глазах именно тех социальных слоев и национальных групп (например, русских в ряде советских республик), которые могли бы стать главной социальной опорой национал-патриотизма. Как раз в те годы, когда действовала (т. е. бездействовала) в некоторых российских городах «Память», в ряде союзных республик местными коммунистами спешно организовывались «Народные фронты» со своими военизированными формированиями, республиканские СМИ под лозунгом гласности вели массированное промывание мозгов «коренного населения», навязывая ему неприязнь к «инородцам», в первую очередь к русским, антиком-

* Завтра. 1998. № 50 (263).

мунизм и сепаратистские настроения. В России же напротив, СМИ навязывали космополитизм, «белые пятна» национальной истории превращались в «черные», назывались жуткие цифры жертв сталинских репрессий, постоянно звучали призывы к покаянию, национальное самоплевание приняло невиданные размеры. «Оказывается, мы жили в концлагере!» – восклицала при мне одна почтенная дама с высшим образованием и вполне благополучной советской карьерой, размахивая журналом «Огонек». На какое-то время в устах «просвещенной публики» слово «патриот» стало ругательством, а западные ценности, пропагандируемые во всех СМИ, включая официальные, получили определенное распространение.

Большинство же русских и представителей других советских народов не желали развала страны (а ведь на Всесоюзном референдуме 17 марта 1991 г. за Союз высказались 76,4% принявших участие в голосовании), но не видели реальной политической альтернативы как Горбачеву, так и Ельцину. «Третья сила» в виде русского национального движения же ассоциировалась в общественном сознании исключительно с «Памятью», демонизированной СМИ. И результатом этого было самоустранение молчаливого большинства советского общества от всякой политической активности в те роковые годы.

Итак, историю «Памяти» можно изучать как пример удачной пропагандистской кампании по созданию ложной альтернативы, которая вместе с другой одновременной кампанией по организации имиджа борца с привилегиями партноменклатуры известному только вздорностью характера партократа Ельцину, привели к крушению сверхдержавы в мирное время. При этом не надо думать, что члены «Памяти» были агентами спецслужб в вульгарном понимании этих слов. Просто для любого аналитика соответствующих ведомств легко было рассчитать, что организация с откровенно бредовыми даже для перестроечного времени лозунгами и возглавляемая лидерами с явно выраженными параноидальными чертами, постоянно раздражаемые дрызгами и склоками, не может завоевать массовую поддержку, но в состоянии на какое-то время нейтрализовать социальную базу потенциального национального движения.

Справедливости ради надо сказать, что в рядах «Памяти» начали свою политическую карьеру, быстро, впрочем покинувшие ее ряды, А. Баркашов, Н. Н. Лысенко и некоторые другие лидеры правых партий и групп 90-х гг., но это – слабое утешение.

Патриоты среди неформалов

Хотя главным «героем» СМИ 1988–91 гг. оставалась «Память», национально-патриотическое движение, пусть и медленно, начало самостоятельно развиваться. Собственно, единое движение до августа 1991 г. еще не организовалось и представляло несколько политико-идеологических направлений:

1) часть творческой и научно-технической интеллигенции, придерживающаяся патриотических взглядов, в первую очередь писатели-«почвенники», Союз писателей России, трибуной которых оставались «Наш современник», «Молодая гвардия» и ряд местных изданий (в частности, Ленинградская областная организация Союза писателей РСФСР издавала газету «Возрождение России»);

2) государственночески настроенная часть членов компартии РСФСР-КПСС, своего рода наследники «сменовеховства»;

3) парламентская группа народных депутатов СССР «Союз» во главе с В. И. Алкснисом, Е. Коганом и возникавшие на ее базе в 1990–1991 гг. структуры Всесоюзного патриотического движения «Союз». К ним же можно отнести Интердвижение Прибалтики и Молдавии и национально-освободительное движение народов против формирующихся этнократических режимов в ряде советских республик (в частности, абхазское во главе с В. Ардзинбой).

4) «демпатриоты», т. е. демократические по идеологии партии, перешедшие на патриотические позиции. Впрочем, этот процесс только начинался и по-настоящему демпатриотизм проявит себя уже после августа 1991 г.;

5) собственно, национал-патриоты, именно так и называющие себя, представленные рядом мелких, но активных партий – а также православно-монархическими, национал-большевистскими и языческими группами;

6) Буквально в мае-июне 1991 г., во время президентской избирательной кампании, появился В. Жириновский и тоже стал самостоятельным блоком в патриотическом движении, которого нельзя не учитывать;

7) И наконец, самостоятельным, седьмым направлением национал-патриотизма можно считать с некоторыми оговорками великое множество культурно-фольклорных, военно-исторических, спортивных, экологических групп, ассоциаций и клубов, считавших себя принципиально неполитическими. Сюда же можно отнести и возрождающееся казачество.

Как видим, национальное движение в последние годы СССР было на редкость неоднородным. Единственное, что объединяло всю эту массу квазипартий и клубов, и еще более огромное множество граждан, не примыкавших ни к одной из политических организаций, но разделяющих их патриотическую тревогу, это – отрицание курса Горбачева вместе с неприятием идей раздачи суверенитетов и «рыночных реформ». Иначе говоря, это была правая оппозиция и к КПСС, и к демдвижению, парадоксальным образом выступавшая в союзе с марксистскими ортодоксами. Но при этом большинство патриотов были сторонниками многоукладной экономики, признавая необходимость рыночных отношений, что сразу приводило их на антикоммунистические позиции. В довершение всего появились еще и сторонники «республики Русь», своеобразного русского бантустана за вычетом автономий РСФСР любого уровня.

Понятное дело, что политическое объединение даже одних только правых и в масштабах одного большого города (напр., Ленинграда) было маловероятным. Как ни странно, в провинции сближение патриотов происходило гораздо быстрее. На Дону и Кубани на удивление быстро возродилось казачество, уже в силу своей исторической традиции отличавшееся государственным мышлением. В Прибалтике и Молдавии, особенно в Приднестровье, патриотические силы (здесь уместно говорить о своеобразном советском патриотизме) объединились в интродвижение. В русской глубинке происходило не столько формирование правых организаций, сколько усвоение правой идеологии существующими структурами, в первую очередь местными комитетами КПСС, творческими союзами интеллигенции и неформалами.

При этом провинциальные правые, не отличаясь особой любовью к теоретизированию, оказались более организованными, чем столичные, но в политическом отношении они были более пассивными. Впрочем, это было всегда характерно для России – принятие важнейших политических решений провинция всегда уступала столицам, присоединяясь к доминировавшим именно в центре политическим силам.

Объединение части провинциальных патриотических организаций, несмотря на трудность даже координации действий между мелкими организациями обширной страны в условиях полного господства в СМИ противников, все же состоялось. 25 июня 1988 года в Челябинске возник Союз Патриотических Организаций Урала и Сибири (СПОУС), действительно объединивший большинство провинциальных патриотов. В СПОУС вошли новосибирская «Память», челябинская «Родина», и ряд других организаций. Однако в России необходимо иметь влияние в столицах, чтобы стать реальной политической силой. Попыткой расширить влияние стало проведение СПОУС 16–17 марта 1989 года

учредительной конференции Союза Духовного Возрождения Отечества (СДВО). В создании нового Союза участие принимали газета «Советская Россия», окончательно занявшая патриотические позиции, старый почвеннический журнал «Молодая гвардия», а также МосВООПИК. Лидером СДВО стал бывший участник «группы Фетисова» Михаил Антонов. Он же редактировал газету СДВО «Русский путь». Впрочем, СДВО был не политической, а культурно-просветительской организацией национально-большевистского толка*.

Но в обеих столицах, а также в крупных мегаполисах патриотам приходилось действовать в более сложных условиях. В мегаполисах была сосредоточена основная социальная база формирующегося ельцинизма: коррумпированное чиновничество, люмпен-интеллигенция (та самая «образованщина»), мафия, ларечный мелкий бизнес, деклассированные элементы, инациональные диаспоры и пр. Кроме того, психологи и социологи во всех странах мира отмечают, что поведение, в том числе и политическое, жителей мегаполиса всегда отличается от поведения провинциалов. В частности, для жителей мегаполисов присущи определенные индивидуалистические настроения, беспочвенная мечтательность, оторванность от национальных традиций и пр. При этом они оказываются наиболее подверженными воздействию СМИ. Все это сказалось в деятельности национал-патриотов. Большие города и столицы были теми «кухнями», где рождались идеологии, проводились организационные предприятия патриотов, проходили митинги и демонстрации, издавались основные газеты, и вообще протекала почти вся ее заметная деятельность, но именно в столицах патриоты долго не могли завоевать массы.

Все это хорошо можно продемонстрировать на примере Ленинграда-Петербурга. Город, основанный как окно в Европу и бывший 200 лет столицей Российской империи, по мироощущению своих жителей был особенно восприимчив к западным идеям от теорий «просвещенного абсолютизма» до марксизма. После 1918 г., став отставной столицей, «Питер» (именно в таком кратком наименовании) отличался отнюдь не провинциальным уровнем культуры, науки и образования. Сами ленинградцы относились к москвичам как жителям «большой деревни» с чувством презрительного снисхождения. Ленинградские интеллигенты славились также фрондой по отношению ко всему, исходящему из Москвы. После смерти Жданова и «ленинградского дела» Ленинград не играл значительной политической роли в жизни страны. У ленинградцев фига в кармане была единственным видом оппозиционности.

Понятно, что Ленинград конца 80-х гг. стал одним из центров движения, причем многие радикальные демократы всероссийского масштаба* «Русский патриотизм». С. 53, 740.

штаба (А. Б. Чубайс, А. А. Собчак, Г. В. Старовойтова и пр.) пришли в большую политику с берегов Невы. Ленинградская демпресса и многие передачи городского телевидения типа «Пятого колеса» (патриоты окрестили ее «пятой колонной») имели отнюдь не региональное значение.

Несколько необычным для бывшей имперской столицы был поразительный антипатриотизм питерских демократов. Отчасти это объяснялось материальной и политической зависимостью от прибалтийских сепаратистских «Народных фронтов», но эта зависимость не была слишком долгой. Возможно, менталитет питерского интеллигента, склонного поддаваться красивым фразам о «национальном пробуждении» или о «тюрьме народов», сыграл злую роль с «общечеловеками» – демократами.

В довершении всего Ленинград – город трех революций, сохранил свое значение бастиона большевистского фундаментализма. Парторганизация Ленинграда была хранительницей чистоты марксизма-ленинизма и в перестроечные годы. Такое явление, как массовый переход партийных бонз в «демократы», для ленинградской парторганизации КПСС не был характерен. Последние вожди обкома и горкома КПСС заслужили много упреков, но перебежчиков в другой лагерь среди них не было. Зато первым критиком курса Горбачева стала именно ленинградка, преподаватель вуза Нина Андреева, поместившая прославившее ее письмо в «Советскую Россию» еще 13 марта 1988 года.

Также не случайно, что именно в Ленинграде в июле 1989 г. был образован Объединенный Фронт Трудящихся (ОФТ), идеологическими ценностями которого были соединение ортодоксального марксизма-ленинизма с советским патриотизмом и российской державностью. Впрочем, учитывая, что в большинстве союзных республик основная часть рабочего класса состояла из русских и русскоязычных представителей других народов СССР, русских по языку, культуре и менталитету, ОФТ быстро эволюционировал к национал-патриотизму.

Наконец, именно в Ленинграде 22 ноября 1989 года на Дворцовой площади, состоялся митинг оппозиционных курсу Горбачева коммунистов. Среди лозунгов митинга были такие: «Политбюро – к ответу», «Партия и Горбачев – не близнецы-братья». В устных высказываниях митингующие коммунисты не стеснялись. Самым вежливым обозначением своего Генерального секретаря было слово «Горбатый». Интересно, что по проведенному сразу после митинга социологическому опросу, одна треть полностью поддержала митингующих, и еще треть заняла нейтральные позиции. Думается, что именно такие позиции и имели в Ленинграде большевики-фундаменталисты.

Таким образом, северная столица была весьма трудным участком работы для патриотов, значительно уступавшим по влиянию и демокра-

там, и коммунистам-ортодоксам. Все это продемонстрировали выборы 1989 и 1990 гг., когда патриотические кандидаты (обычно идущие без поддержки команд) потерпели сокрушительное поражение. Впрочем, в конкретных условиях тех лет, да еще в Ленинграде, другого и быть не могло. Один из потерпевших тогда фиаско на выборах в Ленсовет, М. Н. Любомудров, известный русофил еще 60-х гг., говорил, что в Ленинграде 1990 года выбрали бы в любой орган власти и собаку, если ее украсить лозунгами «Демократия», «Рынок», «Долой Горбачева!»).

На выборах 1989 г. на Съезд народных депутатов от ленинградских патриотов не прошел никто. На выборах в Ленсовет, назначенных на 4 марта 1990 г., вместе с выборами на Съезд народных депутатов РСФСР, патриоты шли с зародышем организованности. 25–26 марта 1989 г. в городе возникло Ленинградское русское патриотическое движение «Отечество», (ЛРПДО). В движение вошли: Национально-патриотический фронт «Память» (Н. Жербин, Н. Ширяев, Ю. Риверов), культурно-просветительное общество «Витязь» (Е. Щекатихин), организация «Патриот» (во главе с А. Романенко, отставным офицером, воевавшим в Корее, автором книги «О классовой сущности сионизма»), Казачий центр (Н. Смирнов), ряд клубов и неформальных объединений. В целом ЛРПД «Отечество» занимало прокоммунистическую позицию, поддерживая на выборах кандидатов КПСС. Председателем РПД «Отечество» стал доктор философии В. Ф. Рябов. Однако единства патриотов даже в масштабах Ленинграда добиться не удалось. Уже на второй день учредительного съезда по созданию ЛРПДО часть патриотических деятелей, среди которых были весьма известные Виктор Антонов и Николай Лысенко, создавшие впоследствии Национально-республиканскую партию, недовольных преобладанием среди делегатов «красных» коммун-патриотов, покинули его и отказались вступать в ЛРПДО.

Тем не менее первоначальный успех с объединением части патриотов ленинградцы пытались повторить и в Первопрестольной. 25 мая 1989 года подобное «Отечество» появилось в Москве. В московском «Отечестве» видную роль играл старый диссидент Владимир Осипов. Лидером «Отечества» стал известный историк, профессор МГУ Аполлон Кузьмин, его заместителем был ветеран Афганистана, летчик, полковник Александр Руцкой. Однако в Москве «Отечество» практически осталось незамеченным, будучи «задавлено» местными национал-патриотическими организациями, предпочитавшими оставаться независимыми, оставаясь вне блоков. Подобно СДВО, московское «Отечество» было более культурно-просветительным, а не политической организацией. В условиях резкой политизации российского общества такая форма организации стремительно устаревала.

Впрочем, большинство мелких правых группировок Ленинграда проявляло антикоммунизм и не собиралось сотрудничать с «Отечеством», так что реального сплочения патриотов не получилось. Многие патриотически настроенные ленинградские избиратели голосовали или за КПСС или, еще чаще, за демократов. Антикоммунизм демократов 1989 года внешне пока еще не выглядел антирусским.

Нечто подобное произошло в масштабах всей России с созданным осенью 1989 года блоком общественно-патриотических организаций России (БОПОР). На учредительном съезде БОПОР, состоявшемся 9 сентября 1989 года, в блок вошли Ассоциация «Объединенный Совет России», Объединенный фронт трудящихся РСФСР, Интердвижение прибалтийских республик, Союз духовного возрождения Отечества и еще свыше десятка организаций. БОПОР стал первым общероссийским патриотическим движением, выдвинувшим своих кандидатов на Съезд народных депутатов РСФСР, проходивший 4 и 18 марта 1990 года. Но организационно-технические, финансовые и пропагандистские возможности блока уступали соперникам. Автору приходилось встречать в 1990-м г. активных, интересующихся политикой граждан, которые и слыхом не слыхали про патриотический избирательный блок, искренне считая, что вся предвыборная борьба проходит между КПСС и «Демократической Россией». В идеологическом плане блок, выдвигавший лозунг «Нам не нужны великие потрясения. Нам нужна *Великая Советская Россия!*», «За интересы людей труда!» и т. п., создавая впечатление «красного» для одних избирателей и «демократического» для других, не смог привлечь на свою сторону колеблющийся в своих предпочтениях электорат. Всего БОПОР выдвинул 61 кандидата, из которых 16 вышли во второй тур выборов, но не победил никто. В провинции, однако, местные патриоты выступили несколько успешнее, получив ряд мест в Советах разных уровней и проведя ряд представителей на Союзный и Российский Съезды депутатов. Среди патриотов, победивших на выборах в провинции, можно выделить тюменского биолога, лидера местного «Отечества», Николая Павлова, впоследствии ставшего одним из виднейших российских парламентариев. Интересно, что на выборах Павлов победил первого секретаря Тюменского обкома.

При Московском городском отделении ВООПИК создается Клуб избирателей (сопредседатели С. В. Королев и О. А. Платонов), поставивший своей целью выдвижение в кандидаты в депутаты истинных русских патриотов, способных отстаивать национальные интересы России. За короткий срок сотни активистов ВООПИК организовали через районные отделения Общества выдвижение более 30 кандидатов в депутаты, обеспечив их законную регистрацию на избирательных участках. Кандидатский корпус русских патриотов, выдвинутых Клубом избирателей

МГО ВООПИК, объединил имена таких выдающихся деятелей русской культуры, как Ю. Бондарев, В. Бондаренко, В. Брюсова, Л. Баранова-Гонченко, Э. Володин, Н. Дорошенко, А. Казинцев, В. Калугин, В. Клыков, С. Куняев, Г. Литвинова, С. Лыкошин, Э. Сафонов, А. Сергеев и др. В течение нескольких месяцев им была предоставлена трибуна для пропаганды взглядов, отражающих национальные интересы Русского народа. С кандидатами в депутаты и командами кандидатов проводилась инструктивная учеба, в нескольких десятках экз. выходил специальный бюллетень, информировавший кандидатов и руководителей их команд о главных событиях и действующих лицах выборной кампании*.

На выборах 4 и 18 марта 1990 г. на Съезд народных депутатов РСФСР победителем считался блок «Демократическая Россия», свою принадлежность к которому зафиксировали 189 депутатов (из их общего числа в 1068 чел.), к которому примыкал еще ряд депутатов, так что до трети депутатского корпуса относили к «демороссам». Однако в действительности многие депутаты демократической ориентации отнюдь не были безусловными сторонниками разрушения Союза и требования суверенитета России означали просто перезаключение Союзного договора и прекращение ненормального положения России в Союзе в качестве донора других, весьма богатых республик. Так что говорить о поражении патриотов и победе демократов на Съезде народных депутатов России было бы явной натяжкой, ведь иначе не объяснить факт превращения «прогрессивного» Верховного Совета 1990 года в «красно-коричневый» три года спустя при том же депутатском составе.

На местах, в частности в Ленинграде, положение было более сложным, учитывая уже упомянутую специфику города. В Ленсовете демократы получил около 70% голосов**, из 400 депутатов Ленсовета лишь около 50 объединенных во фракцию «Возрождение Ленинграда» могли считаться коммуно-патриотами. Впрочем, большинство депутатов Ленсовета были совершенно случайными людьми. В условиях истерики в СМИ по поводу советского прошлого, при отсутствии всякого опыта проведения избирательных кампаний, любой кандидат, громко проклиная «тоталитаризм», особенно ссылаясь на собственный опыт заключения в психушке, автоматически привлекал симпатии избирателей. И неслучайно Ленсовет 1990 г. получил весьма дурную известность на всю Россию.

* Русский патриотизм. С. 328.

** Гельман В. Я. Выборы 1990 г. в Ленинграде: пиррова победа демократии // Социология общественных движений: эмпирические наблюдения и исследования. М. – Л., 1993. С. 182–214.

Телерепортер А. Г. Невзоров в своих «600 секундах» с удовольствием демонстрировал зрителям вдрызг пьяного председателя комитета *по культуре*, подсчитывал количество депутатов, сидевших в сумасшедшем доме или известных гомосексуальными наклонностями. Постоянные конфликты Ленсовета с им же приглашенным на председательство А. А. Собчаком тем более не способствовали авторитету как самого городского парламента, так и демократических сил в Ленинграде вообще. Политическое лицо Ленсовета проявилось наглядно в резолюции «О политической ситуации в стране», обращении к президенту СССР Горбачеву и Верховному Совету РСФСР по поводу событий в Литве 13 января 1991 г., в которой демократическое большинство Ленсовета фактически солидаризировалось с литовскими сепаратистами.

Таким образом, победа демократов в России и в ее северной столице отнюдь не была такой бесспорной, как казалось сразу после выборов. Но это не меняло факта тяжелого поражения патриотов. И главная причина этого заключалась в том, что патриоты не смогли предложить избирателям приемлемую программу вместо набора расплывчатых лозунгов о величии России и необходимости ее возрождения. Ведь и коммунисты, и демократы тоже говорили о великом возрождении страны, которое начнется под их руководством. При этом коммунисты напоминали о великих достижениях советской эпохи, демократы ссылались на опыт западных стран, патриоты же могли в ответ лишь рассуждать о необходимости борьбы с мировым сионизмом.

В идеологическом плане 1988–1990 гг. были годами открытия и усвоения русской правой традиции, резко оборванной в 1917 г. и почти забытой русскими людьми. Неудивительным было широчайшее обращение к именам мыслителей и политиков прошлого. Практически все печатные издания патриотического направления – от солидных «толстых» литературных журналов до уличных листовок, более напоминающих листовки, значительную часть своей площади тратили на рассказы о том или ином политике, белом генерале, святом, царе и т. п. персонажах истории. Так, например, журнал «Москва» старательно перепечатывал многотомную «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина, газета «Домострой» помещала статьи о К. П. Победоносцеве, К. Н. Леонтьеве, князе Андрее Боголюбском, газета «Отчизна» (орган ленинградского РПД «Отечество») отводила по целой полосе статьям о генерале Скобелеве, П. А. Столыпине. Мелкие листки, делавшиеся не профессиональными журналистами, а дилетантами и в политике, и в журналистике, вообще почти без собственных комментариев перепечатывали «Протоколы Сионских мудрецов» и тому подобную литературу классиков антисемитизма, проповеди Иоанна Кронштадского и т. д. Таким образом, национал-патриоты пока еще сами для себя открывали

наследие русской правой и во многом поэтому были еще так неуклюжи в агитации.

Не обошлись патриоты и без импорта идей западной правой мысли. На страницах национал-патриотических газет русский читатель впервые мог, хотя и фрагментарно, ознакомиться с запрещенными в СССР наукой геополитикой, теоретическими концепциями немецких младоконсерваторов (теоретиков «консервативной революции») 20-х гг., французских «новых правых» 70–90-х гг. Излишне отрицать, что и идеи германского национал-социализма с их вкусом запрещенного плода вызывали интерес у читающей публики, и национал-патриоты, в меру возможности, пытались удовлетворить этот интерес, распространяя отрывки из «Майн кампф», «Миф XX столетия» А. Розенберга, хвалебные или выдержанные в нейтральном духе статьи и книги о вождях и военачальниках Третьего рейха, испанском каудильо Франко и т. д. Но все же роль идеологического импорта не стоит преувеличивать, поскольку и сам импорт был призван подтвердить правоту отечественной традиции. То, что многие догадки и озарения славянофилов и почвенников, черносотенцев и евразийцев опережали подобные открытия западных мыслителей, придавало гордость и уверенность в своих силах для возрождающейся правой России.

Но, разумеется, заниматься только идеологическими раскопками в условиях, когда страна катилась в пропасть, правые не могли, даже если бы захотели. Потребность в создании коллективного агитатора и организатора и во всероссийском масштабе, и на местном уровне встала перед патриотами очень остро.

Первым шагом к объединению и размежеванию неформалов всех оттенков стало появление стихийно возникших мест, где «тусовались» представители всех групп, квазипартий, кружков и фронтов, распространяя свои издания и набирая будущих членов. В Ленинграде, например, именно таким местом в конце 80-х гг. стала «стена демократии» (она же «стена плача») возле Гостиного Двора. Точнее, это был участок Невского проспекта возле Гостиного Двора, который из-за многолетнего ремонта был закрыт длинным деревянным забором, на котором неформалы и вывешивали свои плакаты, листовки, а также вели с лотков торговлю своими газетами и брошюрами.

В конце 1980-х гг. «стена плача» имела живописный вид, ведь здесь собирались и анархисты, и демократы, и антигорбачевски настроенные коммунисты, и торговцы порнографией, и проповедники разнообразных сект и мистических кружков. Национал-патриоты постепенно стали самыми заметными среди агитаторов у «стены плача», поскольку демократы после своих успехов на выборах уже не нуждались в таком виде пропаганды. После 1991 г. у «стены» остались только анархисты,

коммунисты анпиловского типа и национал-патриоты, поскольку к услугам демократов теперь была большая часть многотиражной прессы и электронные СМИ.

Но в местах подобных «стен» собирались и присматривались друг к другу политически активные граждане конкретного города или даже части его. В масштабах всей страны или крупных регионов роль «стен» брали на себя газеты. Они могли быть как старыми советскими изданиями, в новых условиях занявшие патриотические позиции (как «Советская Россия»), или совершенно новыми изданиями, сумевшими подняться по своим интеллектуальным и полиграфическим качествам над массой неформальных листов (напр., «Политика» или «Русский вестник»). В начале 1991 г. вышел первый номер газеты «День» (с 1993 г. – «Завтра»). Вероятно, то, что отцами-основателями «Дня» были профессиональные литераторы, и при этом газета не была отягощена десятилетиями традиции советской партийной журналистики наподобие «Советской России», сделало «День» совершенно особым явлением во всей российской прессе. Большая заслуга в этом принадлежала бесценному редактору «Дня» – «Завтра» Александру Проханову, отличавшемуся сочетанием литературных способностей, умения объединять всех государственников, не становясь на узкопартийные позиции, и дара организатора. Справочник «Кто есть кто в России», не упускающий случая лягнуть патриотических деятелей, о Проханове сообщает следующее: «Талант А. Проханова – журналиста-международника был замечен с момента публикации в «Литературной газете» репортажа с острова Даманский (1969 г.). Как корреспондент «Литературной газеты» он объездил многие горячие точки планеты. Человек рискованный, он мог участвовать в партизанском рейде в Анголе, переправляться по рекам Латинской Америки с оружием в руках, идти вместе с ликвидаторами по туннелям под реактором Чернобыльской атомной, едва оправившись от малярии, подхваченной в Никарагуа»*. За серию своих романов о советских людях за рубежом Проханов заработал прозвище «соловей Генштаба», которое сам Проханов, вероятно, считал комплиментом.

Как бы то ни было, «День» стал не только газетой, сообщающей и комментирующей новости, но и центром собирания сил антиельцинской оппозиции, интегрирующим идеи, нередко воплощающиеся в жизнь. На страницах газеты выступали практически все более или менее известные деятели государственнического направления, включая враждующих друг с другом. Правда, оппоненты из своего же национал-патриотического лагеря обвиняли «День» – «Завтра» во всеядности.

Другим центром собирания сил русских патриотов стала газета «Русский вестник». Она продолжила традиции, как было заявлено в

* Кто есть кто в России. 1997. М., 1997. С. 526.

первом номере, журналов «Русский вестник» XIX в., особенно издававшегося выдающимся русским публицистом М. Н. Катковым. Пробный номер вышел в дек. 1990-го, с янв. 1991-го выпускается регулярно.

С первых номеров газета занимает твердую православно-монархическую позицию, выступает против засилья русофобии и расизма. Авторами газеты выступают лучшие русские общественные деятели, представители науки и культуры, писатели и публицисты – В. М. Клыков, В. И. Белов, В. Г. Распутин, И. Р. Шафаревич, М. Ф. Антонов, М. Я. Лемешев, О. А. Платонов, А. П. Солуянов, А. Н. Стрижев, Н. В. Карташева, В. В. Наумов, А. М. Иванов и др. видные участники новейшей истории России.

Цель газеты – содействовать возрождению национального самосознания Русского Народа как государствообразующего народа России на основе возрождения роли в обществе Русской Православной Церкви. Эту особенность отметил в одном из своих обращений на имя гл. редактора Патриарх Московский и всея Руси Алексей II: «"Русский вестник" – одно из немногих российских изданий, которое занимает последовательно православную позицию в отображении и анализе происходящих перемен как в нашей стране, так и в мире в целом»*.

На страницах «Дня» и «Русского вестника» появляются контуры новой русской идеологии: некоммунистической, но не антикоммунистической, консервативной в области культуры и модернизаторской в экономике, имперской, но не узконационалистической, критически оценивающей западную демократию.

В целом эту возникающую идеологию можно считать синтезом традиционных русских ценностей и социалистической идеи. В основе – государственный патриотизм, единая и неделимая Россия в границах СССР, социальная справедливость и сильная власть.

Все это, как видим, не партийная программа, а лишь приблизительные черты той политики, которую должно проводить национальное правительство.

Из других средств массовой информации, оказывавших не только идеологическое, но и организационное влияние, можно назвать программу «600 секунд» на Ленинградском телевидении, зрителями которой были 70 млн. человек на всем Северо-Западе России. Родившись как 10-минутная сводка последних известий в декабре 1987 г., передача благодаря своему ведущему, «неистовому репортеру» Александру Невзорову, быстро стала феноменом политическим. Демонстрируя «чернуху», т.е. социальные язвы северной столицы последних лет СССР, показывая трупы в уголовной хронике, разоблачая махинации на мясокомбинате, сравнивая жизнь ветеранов Второй мировой войны в СССР и Германии

* Русский патриотизм. С. 659.

(не в пользу победителей), Невзоров первое время отличался от основной массы журналистов времени гласности лишь своим талантом и смелостью. При этом он не боялся предоставить в своей программе слово опальному следователю Иванову (сподвижнику знаменитого Т. Гдляна). Едко критикуя депутатов демократического Ленсовета, Невзоров оказал большую помощь Собчаку, ведущему собственную борьбу с депутатским корпусом.

Но сам Невзоров даже и в тот период не был для демократов «своим», поскольку открыто высказывался как монархист, сторонник моноструктурной власти и сильного государства. Уже в конце 1990 г. в своем репортаже «Мятежники» Невзоров, пожалуй, первым в СССР сообщает об особенностях начавшегося конфликта в Приднестровье. Наконец, окончательно все точки над «і» Невзоров поставил в своих прибалтийских репортажах, составивших цикл «Наши», в которых он поддержал борьбу сторонников единого Советского Союза и русского населения республик Прибалтики с местными сепаратистами.

С этого времени репортер стал одним из главных врагов «демократических сил» Ленинграда и настоящим героем для патриотов. Слово «НАШИ», которое, по выражению Невзорова, обозначало «всех нормальных людей», приобрело значение политического термина.

В течение полугода после репортажей из Прибалтики Невзоров при подчеркивании своего монархизма и называя власти СССР «правительством трусов», призывал голосовать на референдуме 17-го марта 1991 г. за единый Союз и отказался от антикоммунистических выпадов. В сущности, Невзоров занял позицию *государственника*, считавшего неуместным вести дискуссии о цвете государственного флага или экономическом укладе в распадающейся стране. В интервью, которое Невзоров взял у полковника В. Алксниса, лидера депутатской группы «Союз» в Верховном Совете СССР, последний сказал (и Невзоров с этим согласился): «Давайте спасем государство, а потом будем решать, что мы хотим».

Наконец, еще одним центром, объединяющим и координирующим деятельность патриотов, были депутатские группы «Союз» в Верховном Совете СССР и «Россия» в Российской Верховном Совете. Как ни странно, парламентские фракции в конкретных условиях 1989–91 гг. по своему реальному значению для русского движения были менее важными, чем ведущие правые газеты. Объяснялось это тем, что по способу своего формирования оба парламента, и союзный, и российский, не представляли собой реального волеизъявления народа. Помимо того, что на Съезде народных депутатов СССР (исполнительным органом которого был Верховный Совет СССР) одна треть депутатов была выдвинута по определенной разнарядке формализованными общественными

организациями, выборы на оба съезда проходили не по партийной принадлежности, при полном отсутствии всякого опыта подобных выборов, при огромном влиянии политически ангажированных СМИ (частью горбачевских, частью – западнически-либеральных, в ряде союзных и автономных республик – сепаратистских) и т. п. причин. В силу этого и сложился состав депутатского корпуса обоих Верховных Советов с преобладанием «болота». Но это «болото» вели за собой прозападные силы, объединившиеся в «Межрегиональную депутатскую группу» на союзном Съезде и в блок «Демократическая Россия» – на Съезде российскийском.

Поскольку депутаты представляли не партии, а избирателей определенного округа, настроение которых быстро менялось по мере углубления кризиса, то формирование депутатских групп носило достаточно стихийный характер. Для патриотов в советском парламенте особенное затруднение составляло то, что, в отличие от коммунистов и демократов, чьи депутатские группы могли иметь связь с массами через структуры КПСС у одних, и неформальные демократические организации у вторых, правым приходилось сначала из тех независимых депутатов, которые поддерживали их устремления, создавать парламентскую группу, а уже потом, сверху, создавать себе низовые структуры и прессу.

Возможно, им бы и удалось создать политическую организацию, возглавляемую парламентариями, но сказалась нехватка времени в условиях стремительных перемен. С августа по декабрь 1991 г., когда шел процесс раздела Советского Союза на удельные республики, союзный Верховный Совет представлял собой «болото», неспособное даже обратиться к народу, который еще в марте 1991 г. большинством голосов проголосовал за сохранение единого государства.

Не надо, однако, считать Съезд народных депутатов СССР и Верховный Совет совершенно бесхребетными или демократовскими. В 1990 г. На союзном Съезде сложилась депутатская группа «Союз», к которой примыкало до 500 депутатов Съезда (из 2250 чел. состава Съезда). В силу того, что русские в самой России были в значительной степени дезориентированы СМИ, к «Союзу» примкнули в основном депутаты из тех республик СССР, где повсюду полыхали или готовились вспыхнуть межэтнические конфликты и где особенно наглядно выглядело «новое мышление» в действии. Не случайно лидерами «Союза» стали полковник Виктор Алкснис из Латвии, Юрий Блохин из Молдавии, Евгений Коган из Эстонии и полковник Николай Петрушенко из Казахстана. Видными деятелями «Союза» были также руководители национальных автономий, справедливо опасавшиеся начала новых межэтнических войн в случае распада СССР, такие, как лидер Абхазии Владислав Ардзинба и Анатолий Чехоев, возглавлявший Южную Осетию.

Парламентская деятельность «Союза» протекала весьма активно. Так, уже в первый день работы Съезда народных депутатов СССР 25 мая 1989 г. В. Алкснис высказал тревогу по поводу грубых нарушений закона о выборах, которое было допущено в Латвии. Поскольку национально-территориальные округа республики очень сильно отличались друг от друга по численности и национальному составу избирателей, стало возможным обеспечить значительный перевес голосов латышей над русскими при выборах всех уровней в Латвии и депутатов на Съезд. (Все эти факты, которые так и не были опровергнуты, делают сомнительными все утверждения прибалтийских политиков о демократическом и легитимном характере провозглашения независимости этих республик.).

Характерно, что именно в момент выступления В. Алксниса была прервана прямая трансляция работы съезда по телевидению. Никакой реакции на речь своего коллеги у народных депутатов не последовало. Видимо, слишком многие из них прошли на съезд по «удобным округам».

В дальнейшем полковник Алкснис стал одним из виднейших деятелей Верховного Совета СССР. Демократическая пресса обзывала его «черным полковником», видимо, не помня, что так называли диктаторскую хунту в рыночной Греции, к тому же члена НАТО. Возглавив по праву группу «Союз», Алкснис также безуспешно пытался потребовать отчета у министра иностранных дел Э. А. Шеварднадзе за проведенную его ведомством деятельность, в частности, о невыгодном СССР разграблении Берингова моря.

Шеварднадзе вместо отчета выступил с речью, где пугал депутатов возможностью установления в СССР диктатуры неких неназванных сил, и объявил о своей отставке.

В целом парламентская деятельность «Союза» оказалась малоудачна из-за парада суверенитетов, когда реальные властные полномочия союзного Центра сокращались как шагренева кожа, при том, что союзный президент Горбачев упорно держался за остатки своей власти, фактически отобрав ее у Верховного Совета.

На российском Съезде народных депутатов подобные «Союзу» идеи отстаивала депутатская группа во главе с Сергеем Бабуриным, 30-летним деканом юрфака Омского университета, ветераном Афганистана и кандидатом философских наук. Бабурин впоследствии получил известность как автор открытого письма на пленум ЦК КПСС в июне 1991 г., в котором предлагал партии отказаться от марксизма-ленинизма и принять на вооружение национально-патриотическую идею. Другим видным деятелем национал-патриотов на российском Съезде народных депутатов был Николай Павлов. Впоследствии Павлов был членом руководства ряда патриотических партий.

На российском Съезде народных депутатов, в мае 1990 года, блоку «Демократическая Россия» вместе с группами депутатов от автономий, в частности, от Чечено-Ингушетии, удалось с большим трудом, после нескольких туров голосования, большинством в 4 голоса (535 голосов при требуемом минимуме в 531 голос) протащить на пост председателя Верховного Совета Ельцина. 12 июня 1990 года Верховный Совет РСФСР принял восхитительную по своему идиотизму Декларацию о государственном суверенитете той половины исторической России, которая именовалась Российской Федерацией. За декларацию проголосовали 907 депутатов, против – лишь 13, воздержалось – 9. Вообще-то подобные декларации, начиная с 1988 года уже понапринимали различные союзные республики, но теперь стержень державы сам разрывал страну на удельные княжества. Это стало первым шагом к распаду исторической России. Патриоты на Съезде в Верховном Совете не смогли противостоять этому.

Впрочем, по-настоящему патриоты действовали не на съездах, а на улицах городов, в прокуренных штаб-квартирах новых политических партий. В последний год СССР патриоты окончательно стали самостоятельной политической силой. Другое дело, что остановить распад страны они не смогли.

Последний год сверхдержавы

14 марта 1990 года была отменена статья 6 советской конституции (о «руководящей и направляющей» роли КПСС), что означало фактическую легализацию многопартийности в СССР. Немедленно начался бурный процесс рождения новых партий и легализации партий, существовавших ранее как неформальные объединения. В течение нескольких месяцев весны 1990 года родились несколько патриотических партий, сыгравших определенную роль в политической жизни страны. Правда, учитывая духовную атмосферу 1990 года, когда слово «демократ» было синонимом понятия «оппозиционер», большинство патриотических партий первоначально широко использовали демократические или социалистические лозунги, пытались претендовать на роль наследников дореволюционных партий или же, наконец, пытались создавать русские филиалы западных политических партий. Собственно, «чисто» патриотических партий было пока еще мало, в основном, как и в недавних неформальных объединениях, в рядах партий состояли люди весьма различных взглядов, поэтому не должно

удивлять то обстоятельство, что некоторые партии демократов очень скоро займут патриотические позиции.

7–8 апреля 1990 года было создано Российское Христианско-Демократическое Движение (РХДД) во главе с бывшим диссидентом Виктором Аксютинцем, в те же дни родилась Партия Возрождения России (ПВР), затем – Союз Возрождения Отечества (СВР). В мае появился Русский Собор, Православно-Монархическое Соглашение (ПМС) во главе с бывшим «памятником» Н. Ширяевым. Также бывший член «Памяти» Николай Лысенко в апреле 1990 года создал Республиканскую Народную партию России, в октябре переименованную в Национально-Республиканскую (НРПР). В первой половине 90-х гг. НРПР была весьма заметной политической силой. 16 мая 1990 года (в день начала работы 1 Съезда народных депутатов РСФСР) создается Конституционно-Демократическая партия (Партия Народной Свободы), считающая себя наследником дореволюционных кадетов. Лидером новых кадетов был сотрудник института химической физики из Зеленограда, Михаил Астафьев. В июне появляется экзотичный Союз Венедов, нечто среднее между партией и языческой религиозной общиной, официально считавший себя историко-культурным обществом. Во главе венедов стоял кандидат философских наук В. Безверхий. Процесс создания патриотических партий продолжился и осенью. Так, в октябре 1990 года Александром Баркашевым создается Русское Национальное Единство (РНЕ), которое на протяжении всего последнего десятилетия XX века станет одной из самых известных и значительных праворадикальных организаций России. В самом конце 1990-го образуется Российский Общенациональный Союз (РОНС) во главе с И. В. Артемовым.

Одновременно в самой Коммунистической партии усиливается патриотическая озабоченность курсом собственного генсека. В июне была учреждена Компартия РСФСР, в которой сильные позиции имели коммуно-патриоты. Не случайно на учредительном съезде КП РСФСР с резкой критикой Горбачева выступил генерал А. М. Макашов, за что был немедленно отправлен в отставку. Генерал Альберт Михайлович Макашов быстро выдвинулся в качестве лидера «красных» патриотов.

Родился он в 1938 году в селе Левая Россось Воронежской области в семье военного. Окончил Воронежское Суворовское училище, Ташкентское высшее общевойсковое командное училище, в дальнейшем окончил Военную Академию им. М. В. Фрунзе и Академию Генерального Штаба. За три десятилетия действительной службы Макашов прошел все ступени служебного роста от лейтенанта, командира взвода, до генерал-полковника, командующего войсками Приволжско-Уральского военного округа. Репутация Макашова как командира была безупречна, знания и опыт были обширны и дальнейшая военная карьера

генерала, казалось, была предreshена. Однако Макашов, хотя и не был лишен здорового честолюбия, необходимого каждому военному, был в первую очередь патриотом и интересы Отечества всегда были для него выше «руководящих указаний» начальства. Эта черта характера особенно проявилась, когда на состоявшейся летом 1988 г. XIX конференции КПСС из уст Макашова прозвучала крайне жесткая, принципиальная и доселе никогда не звучащая критика М. С. Горбачева. Еще никто не смел из высокопоставленных военачальников критиковать генсека. Для Горбачева это вообще была первая критика его действий (знаменитое выступление Ельцина в октябре 1987 г. было бессвязной бранью по адресу Е. Лигачева, лидера коммунистов-ортодоксов и не могло не быть предварительно согласовано с генсеком Горбачевым). Это выступление против пока еще популярного генсека сделало Макашова знаменитым. В 1988–90 гг. Макашову часто приходилось со своими войсками бывать в «горячих точках» СССР. Его солдаты помогали подниматься из руин Армении после страшного землетрясения 1988 г., причем главную опасность представляли не последствия стихийного бедствия, а банды мародеров. Макашов быстро, четко и грамотно организовал спасательные работы вместе с борьбой с бандитизмом. Вероятно, очень жалел тогда генерал, что не имел полномочий ставить мародеров к стенке (правда, наиболее крупных воров «при попытке к бегству» все же ликвидировали). Впрочем, в Закавказье главной проблемой было наличие множества военизированных формирований, воюющих друг с другом, причем в районе Карабаха шла уже настоящая война. Союзная власть во главе с Горбачевым своим намеренным бездействием только подливала масла в огонь. Макашов, став комендантом Еревана, быстро навел порядок, разогнал «Комитет Карабах», одну из первых сепаратистских организаций в СССР. Особое место в боевом послужном списке Макашова стоит взятие Ереванского аэропорта Звартноц. Переполненный боевиками Звартноц взять было, пожалуй, сложнее, чем кабульский дворец Амина, т. к. Макашов старался не допустить потерь и надо было не позволить боевикам вывести из строя аэродромное оборудование. Операция была проведена молниеносно и успешно. В целом Макашов к началу 90-х гг. стал весьма известной фигурой в советской политике. Перестроечная «пресса» обрушилась на генерала. Интересно, что журнал «Огонек» задался целью найти что-нибудь компрометирующее Макашова. Однако в его войсках не было неуставных отношений, в «горячих точках» Макашов не потерял ни одного солдата убитым, он не строил себе дач, войска его округа были сыты, обмундированы и отлично подготовлены. Но ищущий – обрящет! «Огоньковцы» отыскивали приказ Макашова об особенностях устройства солдатских нужников и подняли радостный гвалт. Воистину, каждый находит то, что ищет! И так, уволенный из ар-

мии Альберт Макашов превратился в 1990-м году в самостоятельного политика.

В ноябре 1990 года было создано Интердвижение СССР, объединившее интердвижения Прибалтики и Молдавии. Наконец, как уже говорилось, на союзном и российском Съездах народных депутатов создаются патриотические фракции.

Кризис СССР в начале 1991 г. принял острые формы, когда сторонники сохранения единого государства попытались свергнуть националистическое правительство Литовской ССР. Хотя первоначально просоветские силы имели успех, взяв власть в республике, причем сразу два литовских премьера (Прунскене и Шименас), а также все правительство, трусливо бежали, но очередное предательство союзного центра во главе с Горбачевым привело к поражению.

В патриотическом движении усилились разногласия по отношению к советской системе. Некоторые патриоты считали, что само по себе отстранение от власти КПСС приведет к восстановлению исторической России. По этой причине ряд патриотических лидеров и организаций стали союзниками демократов и даже сепаратистов прибалтийских республик. Другие, по-своему логично считая, что СССР есть форма российского государства, заняли позицию поддержки союзного правительства. Но в условиях, когда во главе СССР и его правящей партии находился Горбачев, такая позиция объективно была также недальновидной.

В 1991 году, продолжали возникать новые патриотические партии. 20–21 января 1991 г. на Учредительном съезде в Ленинграде был создан Славянский Собор. В состав его учредителей входили: трезвенническое движение (академик Ф. Г. Углов), РНЕ (А. П. Баркашев), Славянская партия (Ф. Москаленко), Российская Народная Академия, (Ю. Гусев), ЛРПДО (Ю. Беляев), вологодская группа «Вятичи» (В. Попов), Союз Христианского Возрождения (прежний диссидент В. Осипов), Славянский Союз (русские патриоты из Киева), «Белая Россия» (Белоруссия) и др. Был учрежден Международный Славянский Собор.

«Красные» патриоты и сторонники сохранения СССР 27 февраля 1991 г. вместе с Компартией РСФСР провели конференцию «За Великую Россию, за единый Союз!», на которой был создан Координационный Совет Патриотического Движения (КСПД), виднейшую роль в котором играл известный публицист Э. Володин. Однако и на этот раз не удалось патриотам объединиться. Ряд организаций покинул съезд Славянского Собора, отказался участвовать в КСПД и в мае 1991 г. провел свой съезд, создав Славянскую Думу во главе с Баркашевым. Помимо славянского движения продолжали возникать новые патриотические партии. В мае 1991 г. была создана Русская партия (В. Корчагин), ставшая заметной силой в ряде российских регионов. В коммунистическом движении уси-

лились патриоты, для которых сохранение единого государства было более важным, чем следование марксистским догмам.

Тем временем кризис в стране обострялся. Прибалтийские республики провозгласили независимость, по всему Советскому Союзу шли межэтнические конфликты, причем союзный центр своей двусмысленной политикой только провоцировал их. Можно вспомнить развитие политических событий в Прибалтике, в которой в 1988–91 гг. именно структуры КПСС создавали националистические Народные фронты. Никакого стихийного «национального возрождения» в этих республиках не наблюдалось. Зато было организованное правящей коммунистической (и интернационалистической по идеологии) партией антикоммунистическое националистическое (в сущности, даже шовинистическое) движение. Член Политбюро ЦК КПСС А. Яковлев, совершая поездки по Прибалтике, требовал от местных партийных и советских органов к определенному сроку, по определенной разнарядке, создать структуры Народных фронтов. Не справлявшиеся с этим партийным поручением функционеры вызывались «на ковер» и нередко должны были класть свой партбилет на стол. Вообще, изучая историю националистических сепаратистских движений в СССР, нетрудно заметить, что все эти движения были инспирированы именно «сверху». Все делалось в строгой последовательности – вначале возникали некие неформальные группы поддержки перестройки, затем они организовывались во всякие «фронты», затем эти «фронты», во главе которых стояли высшие деятели республиканского партийного руководства, как бы «отстраняли» от власти саму местную компартию и провозглашали независимость. Затем, уже в новых условиях, националистические «фронты» разваливались и исчезали так же стремительно, как появлялись на свет, а у власти в «независимом государстве» оказывались прежние коммунистические лидеры. Рядовые активисты оказывались никому не нужными жертвами «рыночных реформ», утешающих себя лишь мыслью о принадлежности к «коренной национальности». Как справедливо заметил публицист Ю. Мухин, «... если мы рассмотрим развитие событий в СССР и России, то они всегда развиваются только «как надо». Все делалось в четкой последовательности. В стране с четырьмя сотнями диссидентов, из которых две трети были агентами КГБ, «вдруг» образуются какие-то «национальные фронты» с сотнями тысяч членов, причем членов КПСС»*.

В Закавказье и Средней Азии горбачевское руководство также провоцировало межэтнические конфликты, причем намеренно озлобляло против союзного центра все конфликтующие стороны. Так, в конфликте вокруг Нагорного Карабаха Москва вела себя так, чтобы и армяне и азербайджанцы считали, что союзный центр стоит за их врагов. В

* Газета «Дуэль», 2001, № 5–9, с. 1.

январе 1990 года в Баку начались кровавые армянские погромы, причем советские войска, имея приказ свыше, несколько дней ничего не предпринимали по защите армян. Затем, когда армян уничтожили или изгнали, Советская армия начала, наконец, боевые действия против азербайджанских боевиков, осуществив фактически войсковую операцию по взятию Баку. В результате и армяне и азербайджанцы были возмущены действиями Кремля. Но страна, которая позволяет безнаказанно убивать своих граждан, обречена.

К концу 1990-го и началу 1991 г. закулисные кукловоды могли удовлетворенно потирать руки – почти по всему Советскому Союзу шли конфликты, на Кавказе даже принявшие вооруженную форму, а в России население было достаточно зомбировано «общечеловеческими ценностями». Ликвидация СССР вступила в завершающую фазу.

Впрочем, осенью 1990 года рождается Приднестровская республика – первая освобожденная территория в стране. Тем не менее, нельзя не признать, что русское патриотическое движение по своему влиянию и организованности уступало национал-сепаратистам в союзных республиках, демократам – в РСФСР, а национальное крыло в коммунистической партии в силу оргструктуры КПСС не имело возможности сместить предателей в руководстве и возглавить партию. Но это не означало, что патриоты в самое ближайшее время не смогут повести за собой массы. Это обстоятельство учитывали теневые кукловоды.

Для того чтобы еще сильнее разжечь антигосударственные (антисоветские, по тогдашней терминологии) настроения среди народов СССР и подтолкнуть их к принятию рынка, был искусственно организован дефицит. Были введены карточки почти на все потребительские товары, в том числе на мыло, табак, водку. По многим городам страны прокатились волны «табачных бунтов», когда толпы озлобленных курильщиков, столкнувшись с полным отсутствием табачных изделий, перекрывали центральные улицы городов. Рекордный за всю историю урожай 1990 г. был частью оставлен на полях, частью сгноен на складах. Почти одновременно московские и ленинградские хлебопекарни остановлены «на ремонт», и многотысячные очереди, словно в военные годы, выросли у булочных.

Дефицит товаров широкого потребления в годы перестройки действительно принял огромные масштабы. Достаточно сказать, что в 1988 году в свободной торговле имелось 1200 наименований товаров, но уже в августе 1988-го осталось 200 наименований, в декабре 1988 года – только 100! Вообще 1989–91 гг. были голодными годами (причем в самом буквальном смысле). До сих пор «демократы» любят вспоминать пустые прилавки советских магазинов конца советской эпохи в качестве доказательства «исторической неэффективности» плановой экономики.

Разумеется, о том, что товарный голод был создан именно ими, рвущимися к власти прозападными силами, они скромно умалчивают.

О том, что кризис был создан искусственно, свидетельствовали огромные запасы, припрятанные работниками торговли в ожидании наступления «рыночных цен» и обнаруженные сотрудниками ОБХСС. Телевидение, в частности, передача «600 секунд» А. Г. Невзорова демонстрировало картины выброшенных на свалку многих тонн мяса, колбас, хлеба. По данным статистики, в 1990 г. в СССР «сгнило» более 1 млн. тонн мяса, порвано 40 млн. шкур скота, «пропало» 50% овощей и фруктов, «сгорели» табачные склады, «испорчено» фуражное зерно и т. д. По данным народного депутата РСФСР экономиста Т. И. Корягиной, известной «рыночницы», в разного рода закрытых накопителях удерживалась продукция общей стоимостью в 50 млрд. тогдашних рублей*.

Впрочем, громадное количество произведенных в СССР потребительских товаров было вывезено за рубеж, благо еще в 1987 году была отменена монополия внешней торговли. В 1990 году была вывезена 1/3 произведенных в стране потребительских товаров. В ряде стран произошло «затоваривание» советским нелегальным экспортом. Интересный пример приводится в книге С. И. Валянского и Д. В. Калюжного «Русские горки»: «Зимой 1991 года к премьер-министру В. С. Павлову обратилось правительство Турции с просьбой организовать по всей ее территории сеть станций технического обслуживания советских цветных телевизоров, которых имелось уже более миллиона. А по официальным данным, из СССР в Турцию не было продано ни одного телевизора. (Вот вам сразу и конкурентоспособность, и качество советского товара)»**. Не надо быть экономистом, чтобы догадаться, что в подобных условиях могут произойти грандиозные хищения государственной собственности.

Совершенно непостижимым было почти полное исчезновение советского золотого запаса, который еще в 1985 году насчитывал 2200 тонн (при том, что СССР добывал золота больше всех в мире).

Искусственно созданный товарный кризис (то, что при Сталине называлось вредительством) откровенно рассматривался рвущимися к власти прозападными силами как способ спровоцировать народное недовольство против власти. Так, на секретной конференции Московского объединения клубов избирателей и Московской ассоциации избирателей (своего рода «мозговых центров» демократов-западников) в сентябре 1989 года один из столпов демдвижения, сопредседатель Меж-

* История современной России. 1985–1994 гг. М.: Терра. 1995. С. 83–84.

** Валянский С. И., Калюжный Д. В. Русские горки: конец Российского государства. М., 2004, с. 283.

региональной депутатской группы Г. Х. Попов откровенно говорил: «... у нас есть шанс для победы. Нужно ставить на учет каждого депутата РСФСР. Он должен понять, что если он будет голосовать не так, как скажет Межрегиональная группа, то жить ему в этой стране будет невозможно». Ставка делалась на «всеобщее народное возмущение», для чего предполагалось «довести систему торговли до такого состояния, чтобы ничего невозможно было приобрести». «Таким образом, – излагал тактику действий Попов, – можно добиться всеобщих забастовок в Москве. Затем ввести полностью карточную систему. Оставшиеся товары (от карточек) продавать по произвольным ценам»*.

После своих относительных побед, получив определенное большинство на российском Съезде народных депутатов и в советах Москвы, Ленинграда и ряда крупных мегаполисов, демократы широко использовали такой способ завоевания популярности и одновременно обострения дефицита, как значительные, порой в разы, повышения зарплат и льготных выплат. Разумеется, повышение зарплаты – всегда приятное событие, но легко догадаться, что не обеспеченные товарами и услугами деньги будут быстро «съедены» инфляцией. Однако виновной в ней становился союзный Центр.

Когда последний премьер-министр СССР В. Павлов попытался сбить инфляцию, проведя в январе 1991 года изъятие крупных банкнот, то этим он только добился взрыва недовольства всех слоев населения. Инфляция и товарный дефицит не исчезли.

С Запада в страну пошла гуманитарная помощь, имеющая исключительно пропагандистское значение, а не насыщение внутреннего рынка СССР.

Все эти факторы способствовали определенному временному кризису русского национального самосознания и готовности к восприятию идей западного либерализма многими честными русскими людьми. «Перестроившиеся» СМИ и ставшая теперь доступной западная реклама взахлеб расписывали западное общество потребления. В СССР реклама западных потребительских товаров должна была сыграть (и сыграла) ту же роль, что и в Восточной Европе. Известный французский политтехнолог Жак Сегела цинично, но справедливо отметил, что «первыми на улицы городов восточноевропейских стран вышли не избиратели, а покупатели. Детонатором этих народных выступлений стала реклама, которая ежедневно мелькает на наших экранах. Именно реклама, являющаяся самым олицетворением счастливой жизни и наслаждения, породила чувство зависти у жителей Восточной

---

* Власть и оппозиция. Российский политический процесс в XX веке. М., 1995, с. 309.

Европы. Как можно сопротивляться соблазнам этого райского сада, который вот тут, совсем рядом, только протяни руку?»*

Советские СМИ к этому времени перешли к откровенному прославлению западной системы. Вообще даже поверхностный взгляд на советскую прессу 1985–91 гг. не может не создать впечатление, что вся «гласность» была хорошо управляемой А. Н. Яковлевым кампанией по подрыву не столько советского социализма, сколько способом оболванивания русского народа. Так, в 1985–86 гг. в прессе шло прославление хрущевской «оттепели». В 1987–88 гг. «выяснялось», что на самом деле идеальным строем является НЭП, который, оказывается, и есть ленинское наследие. 1988 год стал для страны «годом Бухарина», которого прославляли как настоящего вождя, равного Ленину, и к тому же борца со сталинизмом. Официальный диссидент при всех режимах Евтушенко даже написал поэму о жене Бухарина. С 1989 года, особенно после «бархатных революций» в Восточной Европе, маски были сброшены, и теперь именно западная система рассматривалась как идеал. Для того чтобы и граждане СССР могли жить в условиях демократии и рынка, открыто объясняли СМИ, необходимо будет разрушить советскую империю.

По телеканалам проводились гипнотические сеансы Кашпировского и Чумака, постоянными участниками передач на «голубом экране» стали астрологи, колдуны, экстрасенсы. Даже в детских передачах показывали мультфильмы сплошь о привидениях и охотниках за привидениями. Подрывалась психика целого народа. Огромные массы советских людей теряли способность мыслить логически. Для манипуляторов сознанием открылись благоприятные возможности.

К этому времени для советских демократов и их западных хозяев Горбачев стал отработанным материалом. Его ближайшее окружение стало перебегать к Ельцину. Пресса яростно поливала грязью инициатора гласности. У подавляющего большинства советских людей Горбачев вызывал чувство презрения. Разумеется, Горбачев пытался удержать власть, введя должность президента и требуя себе дополнительных полномочий. Но было уже поздно. Союзников у Горби не осталось. Как цинично заметил в мемуарах ближайший сподвижник генсека, пресловутый «архитектор перестройки», уже неоднократно упоминаемый А. Яковлев: «Так получилось, что к концу 1990 года Горбачев уже ни при каких обстоятельствах – даже откажись он публично от перестройки и выступи с покаянием по этому поводу – он не был бы принят в стан реставраторов: не то что там не было к нему доверия, там уже концентрировалась жгучая неприязнь, если не ненависть»**.

* Сегела Ж. Национальные особенности охоты за голосами. М., 1999, с. 130-131.

** Яковлев А. Н. Омут памяти. М., 2001, с. 497.

Для дальнейшего развала СССР был подобран новый деятель – Ельцин. Демагог, не способный при этом связно сказать и трех фраз, строитель по образованию и разрушитель по натуре, демократ, стремившийся к личной диктатуре, страдавший алкоголизмом и множеством других болезней, Ельцин был идеальной марионеткой. Он мог многократно менять свое окружение и допускать самые нелепые высказывания, но распоряжения Политбюро (только теперь уже не Политбюро ЦК КПСС) выполнял беспрекословно. Демократическая пресса, столь любившая ругать культ личности Сталина, фактически создала культ личности Ельцина. «Прогрессивные» издания прославляли некую борьбу Ельцина с партаппаратом. В книге «Исповедь на заданную тему», подписанной Ельциным (и написанной журналистом Юмашевым), биография Ельцина описывалась, подобно, кстати, воспоминаниям Гитлера в «Майн кампф», как становление сверхчеловека. Никаких конкретных программных установок в ельцинской «Исповеди» не было.

Для роста популярности Ельцина «демократы» не постеснялись пойти на откровенный подлог. Так, широко распространялся среди населения фальшивый текст речи, которую Ельцин якобы произнес на октябрьском (1987 года) пленуме ЦК КПСС. Результат пропаганды оказался замечательным: Ельцин стал воистину непотопляемым. Репутация любого политика на Западе осталась бы на дне той речки, в которую был некогда сброшен Ельцин. Неявку Ельцина на телевизионные дебаты с другими претендентами на пост президента в любой другой стране сочли бы за неуважение к избирателям. В условиях России середины 1991 года оглушенный электорат не обратил на эти дебаты никакого внимания. При этом у Ельцина не было никакой программы, кроме демагогических рассуждений о своей борьбе с привилегиями партноменклатуры и намеренно расплывчатых лозунгов о суверенитете России.

Убедившись, что Ельцин полностью подконтролен, его бросили на сокрушение исторической России под лозунгом суверенитета России. 11 сентября 1990 года Верховный Совет РСФСР, председателем которого был Ельцин, принял программу экономических реформ в РСФСР, разработанную командой экономистов под руководством С. Шаталина, авторство которой, впрочем, приписывается Г. Явлинскому, известную как программа «500 дней». Именно за такой срок Россия (то есть одна из 15 союзных республик) должна будет перейти к рыночной экономике. Разумеется, эта программа имела исключительно пропагандистское значение, облегчающее расчленение страны на удельные княжества и приход к власти в РСФСР прозападного правительства. Самым главным в программе было вычленение России из всего народно-хозяйственного комплекса СССР. Рыночную экономику, разумеется, создать за полтора года никогда никому не удавалось. Союзный премьер-ми-

нистр Н. И. Рыжков в октябре 1990 года, выступая на сессии союзного Верховного Совета, говорил, что для перехода к рынку необходимо 6–8 лет стабильного развития. Это подтвердили и разработки американских экономистов. Но как раз создание конкурентоспособной экономики и не входило в планы создателей различных «экономических программ». Расчленение исторической России и создание на ее территории ряда сырьевых республик – вот именно это и составляло суть «рыночных реформ». Программа Шаталина, как и ожидалось, была отвергнута союзным Верховным Советом. Это обстоятельство стало козырем в пропаганде демократов, громко кричавших, что союзный Центр находится в руках реакционеров. Ельцин и российское руководство начали «войну законов» против союзных органов власти. В этой «войне законов» союзное правительство отменяло российские постановления, а парламентом России (как, впрочем, и Верховными Советами почти всех союзных республик) постановления и решения союзных ведомств, указы президента СССР объявлялись на территории РСФСР недействительными. Чтобы еще больше завоевать себе популярность, республиканские власти повышали зарплаты и социальные выплаты, прекрасно понимая, что платить должен союзный Центр, у которого средств на это нет. Так в стране сложилось многовластие, повторяющее многовластие 1917 года.

«Руководящая и направляющая» Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС) переживала период распада, вызванного предательством собственных вождей. Если в начале 1989 года в КПСС состояло 19 миллионов членов, то за один 1990 год из партии вышли 4 миллиона человек, за первые полгода 1991 года – еще 4 миллиона. Среди оставшихся верным партии шла ожесточенная борьба между фракциями и платформами. К лету 1991 года внутри КПСС существовали остатки Демократической, Марксистской, Большевицкой платформ, Движения Демократических Реформ. Большинство членов партии, ничего не понимая в происходящем, просто плыли по течению, не проявляя никакой самостоятельности. К лету 1991 года партия была уже фактически недееспособна.

Однако союзный референдум 17 марта 1991 года показал, что большинство граждан СССР все равно желает жить в едином государстве. Более того, к весне 1991 года стало ясно, что появившись всего несколько лет назад, при всех трудностях, вызванных информационным прессингом либеральных СМИ, оставаясь организационно раздробленными, патриоты явно завоевывали массы.

Это наглядно показали выборы президента РСФСР 12 июня 1991 года. Российская предвыборная кампания продолжалась всего 15 дней! Это был рекорд краткости для кампаний такого рода. Удивляться

не приходится – предвыборный штаб Ельцина намеренно предпочел провести избирательную кампанию в предельно сжатые сроки, пока национальная оппозиция не успеет объединиться и выдвинуть популярного кандидата. К тому же ельцинской команде надо было учитывать болезни, глупость и вздорный нрав своего хозяина. В долгой кампании ему приходилось бы поневоле говорить самостоятельно, а не озвучивать написанные для него другими тексты. Искусственно созданную с помощью СМИ популярность Ельцин мог быстро потерять. Чтобы не рисковать, предвыборная кампания должна была носить характер блицкрига. Учитывая, что в руках у Ельцина при опоре на «болото» Верховного Совета России были громадные властные ресурсы, провести подобную кампанию не составило труда.

На этих фактически безальтернативных выборах Ельцин получил 45 552 041 голосов из 106 484 518 избирателей. Главной сенсацией президентских выборов стала не победа Ельцина, которую и так все ожидали, а появление Жириновского. В самом деле, в отличие от Ельцина, которого «раскручивали» либеральные и сепаратистские СМИ уже минимум 3 года, совершенно неизвестный Жириновский, всего два раза появившийся на телеэкране страны в предвыборной кампании (причем второй раз со скандалом: «Я вашу газету закрою, и вашу, и вашу!»), получил свыше 6 млн. голосов! Главное, что привлекло к Жириновскому симпатии 7,8% электората, была его одна фраза: «Я буду защищать русских!» При этом многие патриоты голосовали за Ельцина как сторонника весьма разнообразно толкуемого «суверенитета России», часть – за генерала А. М. Макашова, видя в нем будущего Пиночета, часть патриотов – за бывшего советского премьер-министра Н. И. Рыжкова, выглядевшего меньшим злом в сравнении с прозападными силами, рвущимися к власти.

Дабы привлечь на свою сторону часть патриотического электората, предвыборный штаб Ельцина выдвинул в качестве кандидата в вице-президенты Героя Советского Союза, боевого летчика-«афганца», полковника А. В. Руцкого. Каких-либо определенных политических взглядов у Руцкого никогда не было, но в тот момент кандидат в вице-президенты пользовался широкой популярностью у патриотов и части коммунистов. Руцкой был заместителем председателя Московского общества русской культуры «Отечество» (председателем которого был известный русский ученый Ап. Кузьмин). Помимо этого, с 1990 года Руцкой был членом ЦК Компартии РСФСР. Наконец, Руцкой привлекал к Ельцину голоса многих женщин, поскольку занимал устойчивое первое место в различных рейтингах на предмет популярности политиков у представительниц прекрасного пола. Зато о «демократах» Руцкой высказывался весьма презрительно. Так, о смерти Сахарова он отозвался

грубо: «Еще один демократ отбросил копыта». Но для команды Ельцина такой кандидат в вице-президенты был вполне приемлем. Несомненно, Руцкой привлек голоса многих патриотов к Ельцину.

В выборах президента РСФСР не участвовали 25 млн. русских, проживающих в других республиках СССР, а они были настроены резко против Ельцина, обвиняя его в предательстве соотечественников, отдавших их на съедение сепаратистам. Например, по опросу Центра Русской Культуры в газете «Советская Молдавия» среди русскоязычного населения республики за Ельцина проголосовало бы 4% избирателей Молдавии (за Рыжкова отдали бы голоса 38%, за Жириновского – 19%)*.

Помимо поста президента РСФСР, прозападные лидеры возглавили и обе столицы России – Москву, мэром которой стал Г. Х. Попов, и Ленинград, который возглавил А. Собчак. Г. Попов, экономист из МГУ, (в свое время замешанный во взяточничестве), был одним из сопредседателей Межрегиональной депутатской группы на союзном Съезде народных депутатов, и председателем Моссовета. Ленинградский юрист Собчак, прославившийся на союзном Съезде лживым обвинением армии в применении саперных лопаток во время разгона демонстрации в Тбилиси 9 апреля 1989 года, также председательствовал в Ленсовете. Таким образом, столичные города, где находились основные источники информации и огромные финансовые средства, перешли под контроль антинациональных сил. Все это, понятно, значительно осложнило национал-патриотам политическую деятельность.

После провозглашения Ельцина президентом России патриотические силы не сложили рук. Борьба продолжалась. 23 июля 1991 г. в коммуно-патриотической газете «Советская Россия», а также в «Дне», было помещено «Слово народу». В пламенном обращении содержался призыв к нации свернуть с гибельного пути. Характерно, что в «Слове...» отсутствовала коммунистическая риторика, не было ссылок на роль КПСС и социалистическую систему. Подписали «Слово народу»: секретарь ЦК КП РСФСР Г. А. Зюганов, председатель КСПД Э. Володин, бывший командующий советскими войсками в Афганистане генерал Б. В. Громов, знаменосец Парада Победы генерал В. Варенников, писатели А. Проханов (редактор «Дня»), Ю. Бондарев, В. Распутин, скульптор В. Клыков, президент Ассоциации государственных предприятий и объединений А. Тизяков, лидер Крестьянского Союза В. Стародубцев, один из лидеров депутатской группы «Союз» Ю. Блохин. Увы, призыв «Слова...» остался не услышанным.

Однако, хоть и медленно, патриоты все же приступили к практической задаче по созданию единой национально-патриотической пар-

* Михайлов В. А. Субъективные основы национального движения. Саратов, 1993, С. 59.

тии. 3 августа 1991 г. в «Советской России» было объявлено о создании инициативной группы Народно-патриотического движения. Планировалось в конце августа сформировать оргкомитет Движения и в начале осени провести учредительный съезд. Речь шла о создании партии, способной объединить «красных» и «белых» патриотов, заменив окончательно деградировавшую КПСС.

Все это свидетельствовало о громадном потенциале русского патриотического движения. Вероятно, именно это тревожило Запад и прозападные силы в России, и поэтому они поспешили перейти в наступление, пока патриоты оставались организационно разобщенными. Поскольку на 20 августа 1991 года было назначено подписание нового Союзного договора.

Падение сверхдержавы и триумф ельцинизма

События 19–21 августа 1991 г. открыли новый этап в развитии России, стали также новым этапом в развитии русского правого движения, приобретшего черты национально-освободительного. В августовских событиях слишком много неясного, загадочного, и все обстоятельства происшедшего, если и будут известны, то не скоро. Пока с определенностью можно сказать лишь, что выдвинутая августовскими победителями-демократами версия о народной демократической революции, свергнувшей тоталитарную диктатуру, полностью несостоятельна. Народ безмолвствовал по всему Советскому Союзу, так и не поддержав призыв правительства РСФСР о всеобщей забастовке. Интересно, что заместитель московского мэра, а в дальнейшем – мэр столицы, Ю. Лужков, в своей книге «72 часа агонии», написанной сразу после «путча», вскользь признавал, что москвичи симпатизировали ГКЧП. Лишь в Москве и Ленинграде и нескольких крупных городах происходили митинги, а у «Белого Дома» (здания российского парламента, как его стали называть на американский манер) были сооружены бутафорские баррикады, вряд ли способные больше, чем на одну минуту, задержать бронетехнику.

Интересно, что в Латвии, где еще в мае 1990 года было провозглашено «восстановление независимости» и спешно создавались военизированные структуры, 140 бойцов рижского ОМОНа под командованием Чеслава Млынника спокойно восстановили на три дня советскую власть. Омоновцы без единого выстрела взяли все административные учреждения Риги, разоружили не оказавшие никакого сопротивления

полицейские части Латвии и организовали патрулирование улиц латвийской столицы. Их патрулирование оказалось весьма эффективным – в эти три августовских дня в Риге не было ни одного особо тяжкого преступления. Сами латыши спокойно ходили по улицами Риги, ели мороженное и были подчеркнуто вежливы в разговорах с русскими, моментально забыв свой акцент (говорю это как очевидец, пребывавший в Латвии в августе 1991 года).

Точно так же нельзя считать события 19–21 августа путчем, провалившимся из-за бездарности организаторов, поскольку советские спецслужбы имели прекрасный опыт установления военного положения в Польше в декабре 1981 года. Кстати, техническую помощь установлению военного положения в Польше оказывала группа специалистов из КГБ СССР во главе с В. Крючковым. Десять лет спустя Крючков был одним из восьми членов ГКЧП.

Судя по всему, сами августовские события были грандиозной мистификацией, в которой определенные, заранее расписанные роли, играли как «путчисты», составившие Государственный Комитет по Чрезвычайному Положению (ГКЧП), так и «защитники Белого Дома». Для сокрушения сверхдержавы и расхищения государственной собственности необходима была «народная революция», но при этом такая, при которой народ, за исключением массовки возле Белого Дома, участия не должен был принимать. Именно этим объясняются многочисленные странности «переворота».

В самом деле, члены ГКЧП имели огромные полномочия и достаточный личный опыт для того, чтобы в одну ночь силами подразделений спецназа арестовать лидеров демократов в Москве и сепаратистов в республиках. Вместо этого в Москву вводятся танки, которые медленно, несколько часов, делая остановки на красный свет, ползут к Белому Дому. Военное командование неоднократно делает заявления, что у солдат нет боевых патронов, словно подстрекая не очень смелых демократов идти на баррикады возле здания российского парламента. Продолжали работать все средства массовой информации, не отключался телефон, региональные и республиканские телестанции спокойно передают информацию «демократов» и сепаратистов. Даже в главной информационной программе центрального ТВ «Время» показан сюжет с Ельциным на танке перед Белым домом, зачитывающим документы, осуждающие ГКЧП. Члены ГКЧП, выступая по центральному ТВ, с трясущимися руками, заявляют, что союзный президент Горбачев болен, и они действуют с его согласия. С учетом того, что Горбачев вызывал почти всеобщую ненависть у советских людей, гораздо больший пропагандистский эффект дало бы заявление о низложении его за государственную измену.

Наконец, «путчисты» не сделали ни малейшей попытки обратиться к своим сторонникам (а их могло оказаться много), с призывом выйти на демонстрацию поддержки.

В те три августовских дня почти никто ничего не понимал. Наконец, солдаты, которым надоело непонятно зачем торчать возле Белого Дома, то ли охраняя, то ли блокируя его, начали постепенно отходить в пункты постоянной дислокации. Но для «народной революции» требовалась кровь и павшие герои. И неслучайно именно при *отходе* бронетехники в подземном переходе произошло нападение «белодомовских защитников» на боевую машину десанта. В результате ДТП погибло три человека – В. Усов, Н. Комарь, И. Кричевский. Поразительно, но погибших словно специально подобрали по анкете. Погибшие символизируют национальный и социальный состав свергнутой империи – русский, украинец, еврей, бизнесмен, рабочий, студент.

Патриоты в эти три дня выполняли распоряжения ГКЧП о запрете митингов и шествий, не вывешивали лозунги, не выставляли пикетов. В первые часы «путча» многие патриоты могли искренне считать, что события развиваются в том направлении, которое они ожидали. Еще в 1990 г. В. Алкснис предложил ввести чрезвычайное положение, если не во всей стране, то в районах межэтнических конфликтов. На митингах патриотов в первой половине 1991 г. все чаще звучали призывы: «Армию к власти». То, что демократическая пресса запугивала читателей угрозами переворота, казалось, подтверждало надежду патриотов на грядущее выступлении армии и здоровой части КПСС с целью наведения порядка.

Но странное бездействие «путчистов» вызвало недоумение патриотов. Уже на второй день «переворота» А. Невзоров в своей телепередаче назвал происходящее инсценировкой переворота. Недоуменное молчание патриоты хранили не только на третий, заключительный день «путча», но и еще некоторое время спустя, благодаря чему окончательно захватившие власть силы делят страну на удельные княжества и «приватизируют» созданную трудом многих поколений собственность.

Вскоре после поражения «путча» была запрещена КПСС, что означало сокрушение огромного социального организма. С его уходом резко изменилась не только расстановка политических сил, но и изменилась жизнедеятельность всего общества. Катастрофа партии стала катастрофой государства.

Последовали загадочные смерти министра внутренних дел Б. Пуго, маршала С. Ахромеева. Несколько деятелей аппарата ЦК КПСС, слишком много знавших о тайной стороне деятельности партии, подозрительно вовремя покончили самоубийством.

В октябре 1991 года, после того, как Ельцин вернулся из своего очередного длительного отпуска, на 5-м российском Съезде народ-

ных депутатов он провозгласил начало перехода к рыночной экономике. Ельцин давал заведомо несбыточные обещания: «Хуже будет всем примерно полгода, затем – снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами. А к осени 1992 года... – стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей»*. Главным проводником реформ стал 35-летний публицист, писавший на экономические темы, Егор Гайдар. Другой, не менее одиозный и гораздо более «знаменитый» Чубайс, возглавил Госкомитет по управлению государственным имуществом. Тогда же Ельцин получил от Съезда чрезвычайные полномочия до 1 декабря 1992 года. Так же без проблем спикером Верховного Совета стал Руслан Хасбулатов. При голосовании за его кандидатуру проголосовало 559 депутатов. Уступивший ему С. Бабурин, тем не менее, получил в свою поддержку 274 голоса.

Дорога к ликвидации сверхдержавы была расчищена. Сразу после провала «путча» союзные республики начали провозглашать независимость, которую немедленно признавала Россия, а затем и Запад. Все было закончено 8 декабря 1991 года, когда в Беловежской Пуще, тайно собрались президенты трех республик – Ельцин (Российская Федерация), Кравчук (Украина), Шушкевич (Белоруссия). Они подписали соглашение, по которому СССР как «субъект международного права» объявлялся «прекратившим свое существование». Первым, кто узнал об этом событии, был, естественно, американский президент Дж. Буш-старший.

12 декабря 1991 Беловежское соглашение было ратифицировано Верховным Советом РФ. Только 6 депутатов, (С. Бабурин, В. Исаков, П. Лысов, Н. Павлов, С. Полозков, И. Константинов) проголосовали против.

Впрочем, беловежские «пущисты» серьезно опасались народного движения за сохранение СССР. По этой причине «ропуск» государства состоялся не в Большом Кремлевском Дворце под пение фанфар, а в виде тайной сходки трех президентов. Вместе с провозглашением ликвидации СССР было объявлено о создании некоего Содружества Независимых Государств (СНГ) с намеренно неясным правовым статусом. Многие советские граждане по этой причине продолжали считать, что единая страна существует, только под другим названием. Еще в 1995 году многие жители РФ и Украины продолжали считать себя гражданами не своих республик, а СНГ (хотя такого гражданства не было предусмотрено).

Капитуляция сверхдержавы стала фактом. Бывший директор ЦРУ Роберт Гейтс, перед возвращением в США после визита в «демократическую» Россию, «прошел парадным шагом по Красной площади

* Российская газета, 29.10.1991.

перед камерами западных корреспондентов. При этом он заявил: Здесь, на площади, возле Кремля и Мавзолея, совершаю я одиночный парад победы»*. Он более, чем кто на Западе, заслужил право на этот парад. Но все же сокрушила сверхдержаву не ЦРУ, а советская номенклатура. Все пресловутая перестройка была революцией бюрократии, для бюрократии и во имя бюрократии. Правящим коммунистам давно хотелось стать капиталистами, но «идеология» партии этому мешала. Теперь, с 1991 года, можно было наслаждаться жизнью. Интересно, что на одном из демократических митингов 1989 года академик Сахаров, страдающий дефектами речи и не произносящий нескольких букв, закончил свою речь лозунгом, звучащим, как «Мы поедим»! Вот теперь партократы могли вдоволь поесть. Никакие то там ноющие диссиденты, ни тем более «либеральная интеллигенция», не заслужили на это право.

В том обломке исторической России, который стал называться РФ, сложился особый политический режим, который можно назвать ельцинизмом, по имени его главы и символа. Именно против ельцинизма национал-патриоты вели упорную, порой даже героическую борьбу. Но что же такое ельцинизм?

Историческая Россия (под названием СССР) в силу многих объективных и субъективных причин потерпела поражение в «холодной войне» с Западом. На войне как на войне, пусть даже и на холодной – победители расчленили Россию на два десятка псевдогосударств и установили власть прозападных коллаборационистов. «Холодная война» завершилась для России «холодной оккупацией». Как в «холодной войне» не гремели взрывы, так и при «холодной оккупации» главную роль играют не марширующие по улицам чужеземные солдаты, а собственные, доморощенные коллаборационисты. Главная задача коллаборационистов – сохранение status quo и ликвидация научного и промышленного потенциала России как геополитического конкурента.

Как ортодоксальные коммунисты, так и ортодоксальные либералы почему-то считают, что в России после СССР строят капитализм. В действительности происходит уничтожение России и русских как страны и нации. Верными пособниками в этом деле являются для Запада пришедшая к власти «пятая колонна», деятели которой, забывая о судьбе Льва Троцкого, почему-то думают прожить безбедно в «цивилизованных странах». В действительности судьба предателей проста – их ликвидируют или хозяева, перестав в них нуждаться, или победившие патриоты.

Ближайшим аналогом России Ельцина могут быть оккупированные Германией в 1940 г. Норвегия Квислинга или Франция Ф. Петена. Русские читатели невольно переносят гитлеровскую политику истреб-

* Медведев Р. А. Капитализм в России? М., 1998, с. 113.

ления, осуществляемую на оккупированных землях России, на политику сотрудничества (collaboration) в оккупированных немцами странах Западной Европы. А ведь в оккупированной Дании продолжали функционировать парламент и политические партии (кроме коммунистов), и даже в 1943 г. прошли всеобщие выборы. В Норвегии гитлеровцы привели к власти бывшего министра обороны Видкуна Квислинга, чье имя стало нарицательным для предателя. Во Франции немцы аннексировали часть территории, часть оккупировали, а на оставшейся управляло правительство законно избранного парламентом Петена (за чрезвычайные полномочия маршалу проголосовало 569 депутатов против 80).

Режим Петена даже в мелочах напоминал режим Ельцина. В петеновской Франции действовало несколько партий, официальная пропаганда называла поражение Франции «национальной революцией» и вступлением страны в «единую Европу, возглавляемую Германским рейхом». Виднейшие петеновцы были сплошь из числа деятелей демократической Третьей Республики, зато активисты французских праворадикальных и фашистских партий остались не у дел, а некоторые из них даже примкнули к Сопротивлению.

Население Франции гитлеровцы и коллаборационисты уничтожали не столько прямым террором, сколько организацией голода, ликвидацией медицинской службы, подрывом национальной системы просвещения. За 1939–45 гг. население Франции уменьшилось на 3 млн. чел., хотя в боевых действиях погибло лишь 115 тыс. французов.

Геноцид русского, да и всех народов исторической России изначально входил в планы западных хозяев правителей РФ. Это даже особо не скрывалось. Так, в 1996 году заместитель госсекретаря США С. Тэлботт, выступая в американском Колумбийском университете, готовящем будущую элиту западного мира, открытым текстом говорил: «Чтобы завершить процесс, идущий сейчас в России, люди, привыкшие работать по-советски (вернее, не работать), должны уйти со сцены. Необходимо, чтобы ушли те, кто полон горечи по поводу того, что, по их мнению, потеряла Россия в период между 1989–1991 гг. политическую и экономическую систему, четверть территории и половину населения государства, центром которого была Россия»*.

---

* НГ, 17.10.1996.

Глава VII

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ 1991–1993 гг.

Антинациональный характер режима Ельцина подтолкнул оппозиционные ему силы к консолидации и активизации действий. Начался процесс складывания «красно-белой» (или лево-правой) оппозиции ельцинизму, немыслимый еще весной 1991 г. На сторону оппозиции стали переходить многие лидеры в Верховном Совете России. Одновременно пришли в движение и массы рядовых граждан, вовлеченные в политику величайшим национальным движением России. 1992–93 гг. вошли в историю многотысячными митингами и демонстрациями, нередко сопровождающимися уличными столкновениями, активным участием русских добровольцев в войне по всему пространству СССР и в Югославии.

Свержение ельцинизма революционным путем было в то время вполне реальной возможностью, и не менее реальной была возможность смены режима парламентским путем через Съезд народных депутатов. Чтобы понять, почему этого не произошло, несмотря на бурную политическую активность оппозиции, необходимо рассмотреть хронологию послевавгустовского двухлетия.

Сложность политической борьбы того периода заключалась в том, что против режима выступали одновременно три политические силы, относящиеся друг к другу с враждебностью – ортодоксальные коммунисты, вождем которых стал Виктор Анпилов, парламентская оппозиция из бывших демократов, виднейшими деятелями которой были Михаил Астафьев и Виктор Аксютин, и собственно национал-патриоты. Каждая из этих сил в борьбе имела свою политическую нишу. Так, анпиловцам принадлежали городские улицы, демпатриоты вели работу среди депутатского «болота», а правые переживали период бурного роста своих рядов и превращения из разношерстной массы кружков и клубов в ряд партий, претендующих на власть. Впрочем, необходимость единства оппозиционных сил остро ощущалась и вождями и рядовыми

активистами, и не случайно наряду с созданием новых организаций весь этот период был отмечен попытками создать объединенный «красно-белый» антиельцинский блок.

Национальная оппозиция стремилась привлечь на свою сторону армию. В конце 1991 года возник Союз офицеров во главе с С. Тереховым. 17 января 1992 года в Большом Кремлевском Дворце состоялось Всеармейское офицерское собрание, на котором в лицо Ельцину и особенно командующему Объединенных Вооруженных сил СНГ Е. Шапошникову были выдвинуты обвинения в предательстве. В большинстве армий мира такая критика завершается взятием власти военными. Но в России, где армия всегда подчинялась государственной власти, и где военные никогда не выдвигали своих корпоративных требований, все закончилось лишь выпуском пара. При том отвращении и презрении, которые вызывал у большинства офицеров Верховный главнокомандующий и высшее военное руководство, вся яростная критика Всеармейского офицерского собрания также осталась бунтом на коленях. Армия в силу русской специфики не могла превратиться в самостоятельную политическую силу и тем более организовать военный переворот. Национальное сопротивление оставалось делом гражданских национал-патриотов, разделенных на множество мелких партий. Однако мелкие партии не могли мобилизовать массы. Поэтому политическая история России 1992–93 гг. во многом есть история национально-патриотических коалиций, парламентских и «уличных».

В каждом городе и регионе России деятельность оппозиции протекала по-разному. Так, в Петербурге, где еще до августовского «путча» действовали мелкие патриотические партии, такие, как Гражданское объединение «Россы», Национально-демократическая партия (Е. Крылов), Народно-социальная партия (Ю. Беляев), Национально-республиканская партия (Н. Лысенко), осколки «Памяти» (Ю. Ривиров), где так же активны были ортодоксальные коммунисты, создавшие Российскую коммунистическую рабочую партию (РКРП), в которой видную роль играли ленинградцы В. Тюлькин и Ю. Терентьев, была предпринята попытка слияния всех оппозиционеров в единую сверхпартию. Ведущая роль в этом принадлежала телерепортеру А. Невзорову, почитаемому всеми противниками режима.

23 ноября 1991 г. Невзоров организовал митинг во дворе дома на улице Комсомола недалеко от Финляндского вокзала, на котором присутствовали полковник В. Алкснис и легендарный командир рижского ОМОНа Чеслав Млынник. На митинге присутствовало до трех-пяти тысяч человек. Было провозглашено создание освободительного движения «Наши» (это слово после прибалтийских репортажей Невзорова стало нарицательным). Неделью спустя прошло учредительное собрание новой

организации. В своем манифесте «Наши» недвусмысленно объявили о своих целях:

«1) Восстановление государства, известного как СССР, ранее как Российская Империя... 3) После выхода из кризиса – созыв Учредительного собрания (или Земского собора) которое должно решить вопросы государственного устройства страны, учитывая интересы и волеизъявление всех ее жителей, но с учетом основной воли большинства и интересов большинства населения».

Как видим, основное кредо «Наших» – спасение государства в его исторических границах и непредрежденчество его грядущего социально-экономического и политического строя, напоминающего программу Белого движения даже в деталях, действительно могло стать объединяющей идеей не только «белых» патриотов, но и, благодаря всякому отсутствию антикоммунизма вполне приемлемой и для «красных».

«Наши» заявили о себе проведением массовых митингов, собиравших самое большое число участников в сравнении с другими патриотическими мероприятиями, а влияние невзоровцев вышло за пределы Петербурга.

Однако деятельность «Наших» оказалась недолгой и неэффективной. Невзоров и не пытался стать политическим лидером, оставаясь телерепортером, а своего лидера движение не выдвинуло. Оставаясь механическим соединением ряда мелких партий, преследующих свои цели, «Наши» не смогли стать самостоятельной партией. Неудивительно, что уже в 1992 г. «Наши» раскололись надвое, а еще через год и вовсе сошли со сцены.

При этом даже в период существования «Наших» в Петербурге продолжалось возникновение все новых партий патриотической ориентации, и продолжалось восстановление организаций коммунистов.

Подобные попытки создания единой «красно-белой» сверхпартии были предприняты и в масштабах всей страны и, как оказалось, с такими же результатами. Сложилась даже определенная схема возникновения и распада такой сверхпартии: сначала происходит объединение части национально-патриотических сил вокруг известного патриотического деятеля, затем возникает проблема взаимоотношений с коммунистами, которые лучше организованы, и при этом часть политического актива продолжала состоять в коммунистических низовых организациях, уже в силу чего их не могут игнорировать и самые антикоммунистически настроенные правые.

Возникают недолговечные альянсы и союзы правых и левых, причем затем следует возвращение в компартию части патриотов, благодаря которым сами «левые» довольно определенно начинают «праветь», среди оставшихся правых усиливаются расхождения между государс-

твенниками, делающими упор в защите интересов державы, и русскими националистами, подчиняющими державность сохранению жизненных сил нации. Происходят дальнейшие расколы, и блок окончательно распадается с тем, чтобы его актив начал тут же пытаться создать новый.

Первой их правых общероссийских организаций стал Российский общенародный союз (РОС), возникший в октябре 1991 г. на базе депутатской группы «Россия» в Верховном Совете РСФСР и структур «Союза». Лидером РОСа стал С. Н. Бабурин. В начальный период существования в РОС входили В. Алкснис, спикер Верховного Совета СССР Анатолий Лукьянов, лидер «Союза офицеров» Станислав Терехов, известный депутат парламента Николай Павлов. В своих программных документах РОС, не являясь ни коммунистической или социалистической партией, отстаивая демократические ценности и будучи в этом смысле умеренно-правой партией, не противопоставлял себя коммунистам и напротив, призывал к единению «красных» и «белых» противников режима.

Советский период русской истории рассматривался как закономерный этап развития российской государственности. Именно это в идеологии РОСа было неприемлемо как для радикальных русских националистов, так и для жестких «белых» государственников монархического традиционалистского толка. Кроме того, для рвущихся к «делу» экстремистов неприемлемым была чисто парламентская деятельность РОСа.

Однако признание РОСом демократии и прав человека вызвало симпатии у переходящих в оппозицию к антинациональному курсу правительства Ельцина некоторых мелких партий и групп, входящих в блок «Демократическая Россия» и депутатов Верховного Совета, в том числе и от этого же блока. Конкретно речь идет о партии конституционных демократов (кадетов), объявивших себя правопреемниками дореволюционных кадетов, во главе с Михаилом Астафьевым, и в Российском христианско-демократическом движении (РХДД) во главе с Виктором Аксючицем. Впрочем, союз с патриотами этих двух правых партий был в какой-то степени логичным, ведь и дореволюционные кадеты были сторонниками Единой и Неделимой России, а РХДД по своей программе была православно-монархической, а не христианско-демократической в западном понимании партий.

Правда, учитывая малочисленность актива и отсутствие дееспособных организаций за пределами Московской Кольцевой дороги, главное значение имел депутатский статус и обстоятельства биографии обоих лидеров. Михаил Георгиевич Астафьев (1946 г. р.) происходил из старинного дворянского рода, но его родители работали на производстве, так что он с гордостью говорил, что он одновременно является

и дворянином, и выходцем из рабочего класса. Впрочем, сам Михаил Астафьев был не пролетарием, а достаточно типичным советским интеллигентом-«шестидесятником». Астафьев был доктором наук из подмосковного Зеленограда, автором десятков работ по электрохимии и коррозии металла, никогда не состоял в КПСС. Он играл видную роль в демократическом движении конца 80-х гг. и стал одним из создателей блока «Демократическая Россия», причем ему принадлежало и это название.

Виктор Владимирович Аксютин (1949 г. р.) философ по образованию, в 70–80-е гг. был диссидентом и подвергался преследованиям советских властей и также стоял у истоков «Демократической России». То, что эти деятели примкнули к правой оппозиции, опровергало утверждения демократической прессы о том, что против «курса реформ» выступают только бывшие партократы, люмпены и тоскующие по прошлому пенсионеры. Они стали одними из первых демократов, перешедших на сторону патриотов.

Попыткой консолидации умеренно-правых и демпатриотов стал состоявшийся 8–9 февраля 1992 г. в кинотеатре «Россия» Конгресс гражданских и патриотических организаций, результатом которого стало создание Российского Народного Собрания (РоНС). На съезде присутствовали представители двух десятков организаций самого разного толка – представители казачьих войск, монархисты, «Дворянское собрание», представители Республиканского движения Крыма (русской крымской ирредентистской организации), рижской Русской общины, но ведущую роль играли все же РОС, К-Д, и РХДД. На Конгрессе выступил вице-президент России Александр Руцкой, уже с конца 1991 г. начавший критиковать реформы Е. Гайдара, команду которого окрестил «мальчишками в розовых штанишках», фактически примкнувший таким образом к оппозиции. В момент выступления А. Руцкого присутствовавшие на Конгрессе члены «Памяти» начали топать, свистеть, кричать и хотя их после этого силой выставили вон, эффект от речи вице-президента страны оказался скомканным.

Впрочем, недостатка в патриотических речах на Конгрессе не было. М. Астафьев, оправдывая свое демократическое прошлое, откровенно сказал: «Демократия для нас – средство, а цель – Великая Россия». Родившееся на Конгрессе Российское Народное Собрание (РоНС) в своей программе предусматривало провозглашение РСФСР правопреемницей Российской Империи и СССР, под юрисдикцию РСФСР должны были перейти советские вооруженные силы, должны были быть аннулированы передача Крыма Украине, ельцинское правительство, как проводящее антинациональную политику должно быть заменено подлинно патриотическим правительством.

Российское Народное Собрание (заметим, не Русское, а именно Российское, что подчеркивало державный, не этнический характер идеологии организации) стало объединением демпатриотов, то есть бывших демократов, перешедших в стан патриотов. Впрочем, именно это не способствовало популярности Собрания среди основных масс национал-патриотов. Хотя Собрание и попыталось создать структуры, присущие партии, но все же оно так и осталось Собранием демпатриотических деятелей. Сопредседателями Собрания были Михаил Астафьев, депутат Верховного Совета Николай Павлов, скульптур Вячеслав Клыков. Председателем Собрания стал В. Аксютин (в июне его заменил Илья Константинов). Заместителем председателя был Дмитрий Рогозин, впоследствии ставший одним из видных лидеров патриотов. Руководящие органы Собрания – Центральный Совет из 70 человек и Президиум Собрания из 25 членов состояли из известных и уважаемых (причем не только в патриотических кругах) людей, но практически не было создано никаких первичек Собрания. Впрочем, процесс создания массовой партии всегда требует много времени. Но в горячие 1992 и 1993 годы именно времени для основательного партстроительства у патриотов, да и у всех остальных политических сил, не было. К тому же главным для руководителей Собрания оставалась парламентская деятельность. Главное значение Российского Народного Собрания заключается в том, что представленные в Верховном Совете депутаты-патриоты стали привлекать (подобно группе «Союз» на союзном Съезде) на свою сторону массы.

Умеренность формулировок и упор на чисто конституционную парламентскую деятельность вызвал недовольство многих патриотов, особенно ее непарламентский актив.

Значение умеренных патриотов в парламенте не стоит преуменьшать. Именно они сумели сорвать готовящуюся передачу Южных Курил Японии тогдашним министром иностранных дел Козыревым, вели активную критику экономического курса Гайдара. Постепенно на сторону парламентской оппозиции перешла значительная часть депутатского «болота», включая спикера Руслана Хасбулатова. Не случайно вся вторая половина 1992 г. и десять месяцев 1993 г. вплоть до кровавых событий 3–4 октября в политической жизни России прошли под знаком конфронтации президента Ельцина и Съезда народных депутатов. Тот самый «демократический» Съезд, выбранный в 1990 году, под влиянием национальной катастрофы в своем большинстве стал три года спустя одной из главных опор оппозиции ельцинизму. Однако патриоты действовали не только и не столько в парламенте.

Более воинственно настроенная часть правых, представленная не депутатами, а именно массами рядовых граждан, не могла удовлет-

вориться мягкой программой РОСа и демпатриотов, считая нужным не просто замену правительства и корректировку «курса реформ», а свержение режима. В этом с правыми были солидарны сторонники запрещенной КПСС.

В ноябре 1991 г. возникли сразу две партии из числа коммунистов, сохранивших не только верность коммунистическим взглядам, но и сторонников своеобразного советского патриотизма. Сначала 8 ноября возникла партия большевиков (ВКПБ) во главе с Ниной Андреевой, уже 23–24 ноября в Екатеринбурге прошел учредительный съезд Российской Коммунистической Рабочей Партии (РКРП). Значительную роль в РКРП, особенно на первом этапе существования партии, играли генерал Альберт Макашов, и особенно лидер Московской организации РКРП и председатель Исполкома действующего в связи с партией движения «Трудовая Россия» Виктор Анпилов. Герой массовых митингов, яркий организатор, имевший облик народного вождя, Анпилов стал самым известным на тот момент коммунистом-политиком, заслонившим собой официального лидера РКРП Виктора Тюлькина.

Анпиловцы первыми из оппозиции стали проводить массовые манифестации с десятками тысяч участников. Такие манифестации, проведенные 7 ноября и 22 декабря 1991 г., 12 января, 9 февраля 1992 г., привлекли многих активистов правых организаций, несмотря на запрещение на совместные действия с «красными» ряда лидеров национал-патриотов. Правда, имперские черно-золото-белые знамена правых действительно тонули в массе красных флагов, и примкнувшие к анпиловцам патриоты были в явном меньшинстве среди манифестантов. Тем не менее, шаг к единству «красных» и «белых» был сделан.

Еще одна коалиция, на этот раз с преобладанием «белых» патриотов, возникла 15 февраля 1992 года. В этот день в Нижнем Новгороде состоялся учредительный съезд Русского Национального Собора (РНС), на какое-то время ставшего ведущей силой оппозиции. В состав РНС вошли питерские НАШИ, национально – республиканская партия Н. Н. Лысенко, Русское Национальное Единство А. П. Баркашева, Русская партия В. Милосердова и еще ряд региональных партий. Лидером РНС стал отставной генерал-майор КГБ, Александр Николаевич Стерлигов. Элегантный, со стальным взглядом великого инквизитора, 49-летний генерал работал не только в КГБ, где он дослужился до заместителя начальника службы контрразведки, но и был также начальником Управления по борьбе с хищениями социалистической собственности (УБХСС) в Москве, Хозяйственного управления Совета Министров СССР, был помощником вице-президента А. Руцкого. Сопредседателями РНС были объявлены генерал А. Н. Стерлигов, писатель В. Распутин и губернатор Сахалина, получивший широкую известность своей борь-

бой против идеи передачи Южных Курил Японии, В. Федоров (последний, правда, сразу дезавуировал свое участие в РНС). Впрочем, фактически РНС был создан в июне.

Неделю спустя свой съезд провели «красные» патриоты. В Москве состоялся съезд возникшей в мае 1991-го на базе депутатской группы «Коммунисты России» Всероссийского Патриотического движения «Отчизна» (ВПДО). В числе 245 делегатов было 70 народных депутатов. В руководство «Отчизны» вошли А. Макашов, В. Анпилов, С. Терехов, председателем стал генерал-лейтенант Б. Тарасов. Т. о., в феврале 1992 г. существовало 3 коалиции патриотов разных направлений: РоНС (демпатриоты), РНС («белые» национал-патриоты), ВПДО («красные»). На деле жестких различий между всеми тремя блоками не было, актив отдельных партий участвовал в мероприятиях всех блоков. Сближение национальных оппозиционных сил было неизбежным.

Между тем 23 февраля 1992 г. демонстрация оппозиции в Москве была разогнана ОМОНОм по распоряжению столичного мэра Г. Х. Попова самым жестоким образом, причем десятки человек были избиты, а ветеран Великой Отечественной войны, генерал в отставке Николай Песков скончался. Это событие подхлестнуло создание красно-белого союза. Официально не участвовавшие в демонстрации правые солидаризировались с ее участниками и вместе выступили против проявления новых форм диктатуры. 1 марта 1992 г. возникла Объединенная Оппозиция (ОО). Декларация ОО «Справедливость. Народность. Государственность. Патриотизм» была опубликована в «Советской России» десять дней спустя. Подписи под Декларацией поставили РНС, Российское Народное Собрание, РКРП, ВПДО, «Союз казаков» и ряд др. организаций.

17 марта 1992 г., в первую годовщину Всесоюзного референдума о сохранении СССР, итоги которого были грубо перечеркнуты тремя президентами в Беловежской Пуще, объединенная оппозиция организовала совместную акцию – Всероссийское Вече. В Москве была проведена самая крупная по числу участников демонстрация, в которой участвовало уже свыше ста тысяч человек, восторженно встретивших генерала Макашова, главного оратора на митинге, а в подмосковном Воронове собрались депутаты прежнего Съезда народных депутатов СССР, среди которых выделялись Виктор Алкснис и Сажи Умалатова. Правда, восстановить Союзный Съезд не удалось из-за отсутствия кворума, а митинг не закончился захватом Кремля. И, тем не менее, оппозиция показала свой потенциал и возможность складывания единого лево-правого блока.

В апреле 1992 года в Верховном Совете сложился депутатский блок «Российское единство», включавший в себя до 350 депутатов Съезда народных депутатов, из которых около 50 были членами Верховного

Совета. Этот блок смог повести за собой часть колеблющегося депутатского «болота». Таким образом, ельцинисты уже не располагали большинством в парламенте.

26 мая 1992 года начался давно обещанный демократами судебный процесс по «делу КПСС». Однако достаточно быстро суд превратился в обличение самих членов КПСС, переметнувшихся в другой лагерь. Умелая защита КПСС беспартийным адвокатом Юрием Ивановым весьма контрастировала с громогласными обвинениями со стороны бывшего члена Политбюро ЦК КПСС А. Яковлева и представителя президентской стороны, бывшего преподавателя научного коммунизма, Г. Бурбулиса. Судебный процесс явно принял не то направление, к которому его готовили. Кончилось все тем, что обстоятельства суда практически перестали освещать в СМИ. Закончился суд лишь 30 ноября 1992 года фактическим оправданием КПСС.

Рождение Русского Национального Собора как объединения почти всей оппозиции (с преобладанием, правда, «белой» ее части) состоялось 12 июня 1992 года. Дата проведения была выбрана не случайно – была первая годовщина избрания Ельцина президентом. К этому времени РНС имел 46 региональных организаций общей численностью в несколько десятков тысяч человек. Таким образом, в противоположность РоНС, новая организация могла претендовать на массовую поддержку «снизу». Съезд проходил в Колонном зале Дома союзов в центре Москвы, присутствовало 1250 делегатов из 117 городов и республик СССР, представлявших 69 политических организаций. Весь цвет оппозиции принял участие в создании РНС. Сопредседателями Думы РНС были избраны писатель В. Распутин, Геннадий Зюганов и А. Стерлигов, хотя ни для кого не было секретом, что ведущая роль в Соборе принадлежит именно А. Стерлигову.

Преобладание «белых» на Съезде РНС чувствовалось уже в символике, украшавшей Колонный зал. Иконы, имперский черно-золото-белый флаг, силуэты Минина и Пожарского – все это для 1992 г. было еще чем-то новым. Собор не считал себя продолжателем дела какой-либо дореволюционной партии и не был настроен на восстановление советского социализма. РНС в речах Стерлигова и в программных документах выступал против интернационального коммунизма и против космополитического либерализма за «третий путь». В частности, Стерлигов сказал: «... ни вчерашние партийно-бюрократические силы, ни нынешние радикалы западного толка не имеют будущего в России. Одно из условий возрождения России – поставить заслон оголтелому и бездумному переносу на нашу «почву» западных моделей социального, политического, экономического и идейно-нравственного развития. Они чужды нам по природе. Возрождение России должно идти под зна-

менем национально-государственной идеи... Воссоздание российской государственности в ее апробированных историей формах и традициях – одно из главных условий возрождения России. Ради этой цели требуется отказ от всяких групповых и партийных лозунгов, которые не объединяют, а наоборот, разъединяют»*.

Отвечая на обвинения депрессии об отсутствии у оппозиции позитивных идей, в частности, экономической программы, Стерлигов напомнил, что в условиях жесточайшего экономического кризиса схоластические рассуждения об экономических моделях неуместны, но, тем не менее, программа экономической стабилизации у Русского Национального Собора есть. Он решительно заявил: «Сегодня мы можем сказать, что впервые национально-патриотическое движение разработало программу подлинного возрождения России. Критически важное значение в ней имеет первый этап процесса экономических реформ – этап осуществления экстренных антикризисных мер. Мы не предотвратим разрухи и голода, и невозможны будут реформы без жестких мер по наведению порядка в стране.

Чтобы предотвратить дальнейший спад производства и падения в пропасть, нужен порядок и понимание того, что общество, которое вместо созидательного труда занято переброской и торговлей импортных товаров ширпотреба, обречено. Мы должны положить этому конец. Закон о борьбе со спекуляцией должен вновь заработать.

Что касается нормальных частных предприятий, мелкого и среднего бизнеса, то они будут поддержаны новым правительством национального доверия. Мы считаем, что должна быть разработана приоритетная программа бизнеса, имеющая цель насыщения рынка товарной массой. Однако в целом сниженные налоги должны быть дифференцированы таким образом, чтобы стимулировать в первую очередь производство и обеспечить социальную справедливость в обществе.

Сегодня возникла обстановка, когда страна оказалась перед опасностью оказаться в руках мафии. Поэтому мы говорим... что у нашего правительства не будет времени и возможности прибегать к присяжным заседателям. Перед лицом смертельной опасности для России мы поступим так, как поступили ваши прародители-организаторы перестройки в 30-х годах. Мы за считанные дни очистим Россию от мафии и от гастролеров, любящих суверенитеты, но продолжающих грабить Россию и проматывать ее деньги в ресторанах здесь, в российских городах в то время, когда нашим пенсионерам и ветеранам уже трудно покупать даже хлеб.

Прежде чем проводить реформы, мы прекратим позор нищенского существования ветеранов, отдавших силы вначале – на создание

* Газета «Народная правда». Июнь-июль 1992 г.

промышленности, потом – на защиту отечества, а затем – на восстановление страны из руин.

Мы заморозим цены и снизим их на самое необходимое. Остановим ограбление народа путем так называемой приватизации. В создавшейся в стране обстановке и при антирусской власти всякая приватизация невозможна и вредна. Вначале мы подумаем, как сделать, чтобы собственность попала в руки не пришельцев из так называемого «ближнего» и «дальнего» зарубежья, а тем, чьи предки строили Россию, чьим потом и кровью она создавалась.

Мы проведем денежную реформу и осуществим декларирование доходов и состояний, наделив налоговую инспекцию правами органов дознания.

В сложившейся ситуации голода и холода можно избежать, только восстановив связи между предприятиями-поставщиками и определив государственный заказ, подлежащий безусловному выполнению и обеспечению его соответствующими материальными фондами.

Нам совершенно нет никакой нужды делать большие скачки в фермеризацию страны. Все должно протекать естественным путем. В сельском хозяйстве должны на равных конкурировать разные формы собственности. Для быстрого упорядочения будет проводиться такая ценовая политика, которая положит конец ограблению крестьян, а также подготовлены меры материального обеспечения и кредитования*.

Как видим, перед нами вполне конкретные предложения по программе действий национального правительства, признающего частную собственность, но выступающего против тотального приватизирования, особенно иностранцами, советской госсобственности, и готового к проведению истинно рыночных реформ после реализации чрезвычайных антикризисных мер. В программе РНС «Преображение России» достаточно четко были указаны этапы будущих реформ: 1) осуществление экстренных антикризисных мер. Цель этого этапа – спасти население от голода, остановить процессы разрушения экономики и государственности. 2) Восстановление экономики путем последовательного естественного и организованного вставания рыночных структур в народное хозяйство и их гармоничного сочетания с оправдавшими себя государственными формами хозяйствования. 3) Обеспечение развития воспроизводственных процессов интенсивного типа**.

Развитие отношений собственности мыслилось Собором путем создания акционерных, коллективных народных предприятий, развития аренды и арендного подряда. Приватизация допустима лишь при согла-

* Газета «Народная правда». Июнь-июль 1992 г.

** Преображение России. Программа действий РНС по спасению Отечества. С. 4.

сии трудового коллектива. «Третьему пути» России в промышленности в наибольшей степени отвечают смешанные государственно-акционерные формы собственности с участием в акционерном капитале трудовых коллективов, государства в лице соответствующих органов управления, а также отдельных юридических и физических лиц. Государство должно остаться собственником всех природных ресурсов, земля может передаваться в пожизненное владение и пользование физическим лицам с правом наследования только для целей непосредственного сельскохозяйственного производства».*

На завершающем этапе экономического преобразования России государственная политика должна поощрять развитие передовых наукоемких производств, создав такую «экономическую среду», которая будет благоприятна для естественного внедрения инноваций, укрепления научного потенциала страны.

Русский Национальный Собор предпочитал не спорить о восстановлении монархии, парламентской или президентской республике в национальной России, что занимало умы многих оппозиционеров, говоря о «полновластном главе государства» без конкретизации его статуса.

В июне 1992 г. правая оппозиция (вместе с частью левой) сумела объединиться в достаточно сильный, но, как оказалось, недолговечный блок, а А. Н. Стерлигов стал заметной фигурой в российской политической жизни. Многим казалось, что в лице Стерлигова правая оппозиция ельцинизму нашла своего лидера. Однако левые «красные» оппозиционеры, тяготея к единству действий с правыми, не склонны были занимать подчиненное положение в единстве РНС.

Значение создания РНС заключалось еще в том, что одновременно со съездом в Колонном зале Дома союзов у Останкина начался многотысячный митинг анпиловских «трудороссов» и национал-патриотов, требующих предоставления оппозиции *одного часа (!)* эфирного времени на Центральном телевидении, которым безраздельно владели западники-демократы. То, что комментатором последних известий был бывший диктор с радио «Свобода», созданного с подрывной целью ЦРУ, или то, что с «голубых экранов» шла массированная кампания очернения всего исторического прошлого страны и безудержное восхваление «цивилизованных» (т. е. западных) стран, было наглядным свидетельством антинационального характера послеавгустовского режима. В телепередачах 1992–93 гг. оппозиционеров показывали исключительно как беззубых старух, с истерическими воплями размахивающих портретами Сталина и красными знаменами. Телекомментатор называл стотысячную демонстрацию 17 марта 1992 года, заполнившую Манежную площадь Москвы, «жалкой кучкой красно-коричневых». Руководителей

* Преобразование России. Программа действий РНС по спасению Отечества. С. 12–13.

оппозиции показывали на экране в искаженном виде. Если посмотреть архивные записи останкинских телепередач времен политической конфронтации Ельцина с Верховным Советом, то нетрудно заметить, что решительно все деятели оппозиции на телеэкране выглядели уродами. Слова из речей деятелей оппозиции вырывали из контекста, в результате чего складывалось впечатление, что невменяемые оппозиционеры просто несут какую-то околесицу.

После августа 1991 года в России установилась «независимость» СМИ, то есть полная зависимость от того, кто платит. Платили же в демократической России только власти и люди, разбогатевшие в результате близости к власти. Понятно, что на исходе XX века патриоты в области средств информации больше напоминали революционеров предшествующего века, выпуская малотиражные газеты на ротاپринте, а нередко, особенно в 1992 году, печатая свои пропагандистские материалы на пишущих машинках. У питерской «стены плача» листовки и плакаты рисовали плакатными перьями и акварельными красками. Правда, ведущие газеты оппозиции – «День» и «Советская Россия» отличались приличным полиграфическим оформлением. Однако это было исключением из правил. Практически каждый митинг патриотов завершался сбором средств на издание оппозиционных газет. Как правило, сбор средств с одного митинга позволял осуществить выпуск одного номера 4-полосной газеты тиражом около 500 экземпляров. Мне приходилось быть свидетелем того, как люди вносили в фонд патриотической прессы обручальные кольца. В результате более или менее регулярно патриотические газеты, распространяемые бесплатно или за совершенно символическую цену, все же выходили. Лишь позднее, с 1993–94 гг., по мере того, как появились предприниматели, готовые спонсировать национально-патриотические издания, национальная оппозиция смогла противопоставить власти прессу не только определенного идейного, но и хорошего полиграфического уровня. Однако в период конфронтации с ельцинизмом можно выделить лишь одну новую газету, появившуюся после августа 1991 года, отличающуюся от прочих самиздатовских листков, высоким качеством – «Аль-Кодс» (арабское название Иерусалима), которую финансировал проживающий в России палестинец доктор Шаабан.

Но газеты мало что значили по сравнению с электронными СМИ. Впрочем, ельцинский министр печати М. Полторанин вообще стремился подчинить все СМИ своего рода министерству пропаганды под своим руководством. Правда, амбиции Полторанина вызвали недовольство ряда его коллег по кабинету министров, каждый из которых хотел иметь «свою» газету, и особенно парламентской оппозиции. Созданный Полтораниным Федеральный Информационный Центр (ФИЦ) был упразднен по решению 9-го Съезда народных депутатов.

Угроза подчинения всех газет правительству отпала. Впрочем, электронные СМИ все равно жестко контролировались режимом. Именно поэтому борьба за получение доступа к телевидению приняла такой яростный оборот. Группа Ельцина была готова до конца держать в руках телевидение, прекрасно понимая, что ее власть основана на телеманипулировании.

В 1991–1993 гг. по российскому телевидению мнения оппозиции могли высказать лишь региональная петербургская телепередача «600 секунд» А. Невзорова, а также еженедельная передача «Парламентский час» по РТ, освещающая жизнь Верховного Совета. Поскольку на Съезде народных депутатов (напомним, что Верховный Совет был исполнительным органом Съезда) сильные позиции занимали оппозиционеры, то иногда на телеэкране могли появиться деятели парламентской оппозиции. Понятно, что ельцинский режим стремился сделать все, чтобы закрыть независимые источники информации. И «секунды» и «час» на протяжении 1992–93 гг. закрывались по несколько раз. Однако в результате упорной борьбы национальной оппозиции все же удалось отстоять свои передачи. Впрочем, 10 минут в передаче Невзорова и отдельные появления деятелей парламентской оппозиции в часовой парламентской программе раз в неделю, разумеется, находились слишком в разных «весовых категориях» в сравнении с ельцинистским господством на голубом экране. Отсюда понятным становится то упорство, которое проявили в июне 1992 года обе противоборствующие стороны возле Останкина.

Митинг у телецентра, к которому присоединились и депутаты съезда РНС, вылился в десятидневную осаду, закончившуюся штурмом ОМОНОм палаточного городка на рассвете 22 июня. Обратим внимание на дату и время милицейской акции. Разогнать «трудороссов» в их палаточном лагере власти могли и на пару дней раньше или позже. Вероятно, именно к дате нападения гитлеровской Германии на СССР и была приурочена операция, так же как и несколько ранее избиение демонстрантов, состоявшееся именно 23 февраля, в день Защитников отечества. Откровенно вызывающий характер поведения властей, где в тот момент ведущую роль играли госсекретарь Г. Бурбулис и премьер-министр Е. Гайдар, вызвал массовые возмущения. Складывалось впечатление, что правительство России намеренно провоцировало оппозицию на преждевременное вооруженное выступление, чтобы подавить ее силой и, воспользовавшись случаем, разогнать Съезд народных депутатов и покончить с демократическими институтами.

К этому времени провал гайдаровских «реформ» стал очевиден даже ультрарыночным экономистам, сохранившим здравый смысл. «Отпущенные» цены за 1992 год выросли в целом в 26 раз, многие товары

вздорожали в 150 раз, реальные доходы населения уменьшились в 44 раза! «Сгорели» свыше 100 миллиардов рублей вкладов населения. Экономика продолжала стремительно падать, и никаких проблесков улучшения ситуации не наблюдалось.

Между тем в декабре 1992 г. истекал срок чрезвычайных полномочий, предоставленных Съездом президенту Ельцину для проведения реформ и было ясно, что парламентское большинство вместе со спикером Р. Хасбулатовым не намеренно было их продлевать. Ельцин, и без того тяготившийся тем, что вынужден делить власть со Съездом народных депутатов, уже в мае 1992 г. заявил, выступая в Череповце, о том, что «этот съезд надо разогнать к чертовой матери», и со своим окружением начал подготовку государственного переворота. В этих условиях выступление оппозиции, которое нетрудно было спровоцировать, было бы чрезвычайно удобным предлогом для установления в стране диктатуры.

Между тем в стане оппозиции росли воинственные настроения. Особенное влияние на умонастроения оппозиционеров оказала война в Приднестровье. Эта «русскоязычная» республика, отделившаяся от Молдавии, подверглась нападению вооруженных сил кишиневского правительства. Уже с декабря 1991 г. начались отдельные боевые столкновения, а в июне 1992 г. дело дошло до короткой, но весьма ожесточенной войны. На стороне приднестровцев воевали добровольцы со всего Советского Союза, которые обычно называли себя казаками. Исход войны решил переход на сторону Приднестровья частей расквартированной здесь 14-й Советской армии, к которой присоединился и новый ее командующий генерал А. Лебедь, начавший свое восхождение в большую политику.

Впечатление от приднестровской войны было огромным. Летом 1992 г. две трети всех людей, приходивших в штаб-квартиру петербургского отделения Русского Национального Собора (а их приходило до 100 человек в день), интересовались в первую очередь тем, может ли их РНС переправить в Приднестровье. Победа в войне означала первую победу русского патриотического движения после нескольких лет сплошных неудач. Приднестровье патриоты откровенно называли «освобожденной территорией». Тирасполь 1992 г. уподобляли Новочеркасску 1918 года. Некоторые горячие головы даже ожидали марша из Приднестровья на Москву 14-й армии и приднестровских ополчений.

Не меньшее значение имел тот факт, что в Приднестровье тесно взаимодействовали коммунисты и патриоты, местные уроженцы всех национальностей и добровольцы со всего «постсоветского пространства», а государственным флагом Приднестровской Молдавской республики (ПМР) был красный с зеленой полосой флаг Молдавской ССР. Сло-

вом, Приднестровье представляло пример успешного союза правых и левых, что не могло не подхлестнуть к усилению единства антиельцинской оппозиции в Российской Федерации.

Русский Национальный Собор, несмотря на хороший старт, так и не стал объединением всех патриотических сил. Возникли трения между Стерлиговым и руководителями других патриотических организаций, которых беспокоило недостаточное представительство левых в Соборе и отсутствие связей с парламентской оппозицией. Из РНС вышла Национально-Республиканская партия (Н. Н. Лысенко), затем РНЕ и еще ряд организаций. Стало ясно, что РНС не может объединить всю национальную оппозицию.

В результате на свет появилась еще одна красно-белая коалиция.

1 октября 1992 года в «Советской России» было напечатано Обращение к гражданам России с призывом создания общенационального фронта в борьбе с режимом. Обращение подписали 38 известных деятелей оппозиции, включая В. Алксниса, М. Астафьева, С. Бабурина, Г. Зюганова, И. Константинова, Н. Лысенко, А. Макашова, А. Невзорова, А. Проханова, А. Стерлигова, А. Тулеева, И. Шафаревича и др. Призыв не остался не услышанным. Стремление к единству охватило рядовой состав национал-патриотов, несмотря на амбиции лидеров. Создание Фронта пошло быстрыми темпами.

24 октября 1992 г. в большом конференц-зале Парламентского центра РФ состоялся Конгресс Фронта национального спасения (ФНС), в котором приняли участие делегаты из 103 городов России и республик прежнего Советского Союза. Среди участников Конгресса было 1428 делегатов и 675 гостей. Было аккредитовано более 270 журналистов (в том числе 117 — от иностранных агентств и газет)*.

Конгресс ФНС принял ряд документов и организационных решений. Конгресс провозгласил окончание Гражданской войны и полное примирение красных и белых. Об этом примирении должна была говорить и украшавшая зал символика в виде переплетенных полотнищ красного советского и имперского черно-золото-белого флагов.

Политсовет ФНС утвердил состав сопредседателей ФНС, которыми стали М. Г. Астафьев, С. Н. Бабурин, Г. А. Зюганов, В. А. Иванов (председатель Русской партии национального Возрождения), В. Б. Исаков (народный депутат, координатор блока депутатских фракций «Российское единство»), генерал А. М. Макашов, Н. А. Павлов (народный депутат), Г. В. Саенко (депутат, координатор фракции коммунистов). Кроме того, в политсовет ФНС вошли также такие известные люди, как В. И. Алкснис, писатель В. И. Белов, публицист Э. Ф. Володин, де-

* Вестник ФНС // Спецвыпуск газеты «Наша Россия». 1992. № 21.

путат С. П. Горячева, прокурор В. И. Илюхин, писатель С. Ю. Куняев, депутат М. И. Лапшин (председатель Аграрного Союза (затем партии)), Н. Н. Лысенко (лидер Национально-Республиканской партии), репортер А. Г. Невзоров, редактор «Дня» А. Г. Проханов, писатель В. Г. Распутин, депутат А. М. Тулеев (кандидат в президенты в 1991 году), С. З. Умалатова, академик И. Р. Шафаревич и др. деятели. Словом, в руководстве ФНС был собран почти весь «генералитет» оппозиции.

Руководителем Исполкома ФНС был утвержден гораздо менее известный рядовым патриотам народный депутат Илья Владиславович Константинов. Сравнительно молодой человек 36 лет, окончивший экономический факультет Ленинградского университета, диссидентствующий интеллигент, работавший истопником котельной (так как не мог работать по специальности), Константинов в 1988 году, в период неформального движения, стал одним из основателей политклуба «Альтернатива». Ленинградцам он был известен как один из активистов демократического Ленинградского Народного Фронта 1989 г., выступивший с транспарантом на станции метро «Ломоносовская» (что было тогда в новинку), затем один из основателей Свободной Демократической партии (более радикально-демократической, чем многие партии в «Дем-России»). В 1990-ом году, на выборах на российский Съезд народных депутатов Константинов с разгромным счетом победил в своем округе секретаря Ленинградской парторганизации КПСС по идеологии! В августе 1991 года, во время пресловутого «путча», Илья Константинов находился в Белом Доме. Однако в дальнейшем Константинов, подобно еще некоторым известным демократам, перешел на сторону патриотической оппозиции. На заседании Верховного Совета РФ, посвященного ратификации Беловежских соглашений, И. Константинов оказался в числе тех 6 депутатов, что осмелились голосовать «против». Еще летом 1991 года Константинов заявлял, что при выборе между демократией и СССР он выбирает СССР. Константинов примкнул к РХДД Аксютинца, где быстро выдвинулся в ответственные секретари движения. Уже в феврале 1992 года он участвовал в организации Российского Народного собрания, во Всенародном Вече 17 марта того же года. Константинов стал во всеуслышание заявлять о необходимости блока между коммунистами, националистами и истинными демократами. Такие высказывания вызвали конфликт Константинова с В. Аксютинцем, что привело к уходу Константинова из РХДД.

Причины взлета Константинова и вообще создания ФНС во многом неясны. Русский Национальный Собор был слишком правой, национально-радикальной и к тому же ориентированной лично на Стерлигова организацией. ФНС же был коалицией большинства известных на тот момент оппозиционных партий (на первой сессии Национального Сове-

та ФНС 30–31 января 1993 г. было представлено 65 партий, организаций и движений), а И. Константинов, не возглавлявший ни одну из партий, но при этом достаточно хорошо известный деятель, был явно компромиссной фигурой. В составе ФНС были представлены демократы, но в отличие от Российского Народного Собрания новый Фронт мог опираться и на низовые организации компартии.

В своем манифесте, составленном в весьма жестких выражениях, ФНС указал, что «страна стоит на пороге всеобщей гражданской войны, хаоса и анархии». Виновны в этом бывшее руководство КПСС во главе с Горбачевым», национал-сепаратисты в республиках и регионах и «антинародная группировка во главе с Ельциным, на волне общественного недовольства овладевшая рычагами власти в российской Федерации, сделавшая разрушение государства орудием своей борьбы за политическое господство... Политика Ельцина и его команды – это политика национальной измены»*. Однако свержение режима ФНС предусматривалось исключительно конституционным путем через Съезд Народных Депутатов и Советы всех уровней. ФНС предложил создать инициативную группу по организации референдума об упразднении поста президента РФ.

В Манифесте ФНС говорилось также о восстановлении единого государства: «Мы не признаем никакого предательского сговора «бело-вежских пущистов». Однако, учитывая сложившуюся реальность, мы не намерены действовать силовыми методами. У России достаточно рычагов – чтобы проводить эффективную линию на объединение страны. Поэтому вся наша политика в отношении бывших республик СССР будет направлена на поэтапное восстановление единого государства».

Итак, возникший Фронт был достаточно открыто ориентирован на взятие власти и смену режима. Можно заметить, как в течении года все более резким становился язык оппозиции. Российской Народное Собрание в феврале говорило о «смене курса», Русский Национальный Собор в июне – о «свержении временного оккупационного правительства», а Фронт Национального Спасения – о борьбе с «временным оккупационным режимом». Радикализация оппозиции увеличивалась по мере разрастания кризиса и усиления конфронтации в обществе. Демократическая пресса вела разнузданную травлю «красно-коричневых», и также Съезда народных депутатов, а многие известные демократы прямо призывали к расправе над инакомыслящими (как это сделали на страницах «Аргументов и Фактов» интеллигенты-шестидесятники А. Адамович, Б. Окуджава, О. Басилашвили, Е. Боннер и ряд других)**.

* Вестник ФНС // Спецвыпуск газеты «Наша Россия». 1992. № 21.

** См. «Аргументы и факты». 1992. № 42.

Оппозиционная пресса не оставалась в долгу, именуя в газете «День» российские власти «Временным оккупационным режимом» («В. О. Р.»), а Б. Н. Ельцина называла Е. Б. Н.

Конфронтация шла не только на страницах газет. Многие стены в российских городах были разрисованы лозунгами с призывами бить противников, пожеланием им смерти и прославлением своих лидеров, а также символикой своих партий. Так, лишь вдоль одного железнодорожного пути следования пригородных электричек из Петербурга пассажир мог прочитать такие призывы, как «Добро пожаловать в собачий Ссань-Педербург», «Демократы! Магадан вас ждет!», «Программу ГКЧП – в жизнь!», «Борьку – на рельсы», «Народ обьегорен, народ обгайдарен», «Вставайте, люди русские!», «Армия, спаси страну», «Боже, помоги Сербии», «Ешь ананасы, жуй виноград – час твой последний пришел, демократ», «Сионизм не пройдет!» и т. п. Ельцинисты обычно, пользуясь своей властью, просто закрашивали подобные лозунги, но иногда и сами пытались вести настенную полемику, рисуя лозунги типа «Красные! Вас ждет Нюрнберг», «Народ и Ельцин едины», «Ельцину – да!» и пр. Впрочем, демократы особенно не нуждались в настенных призывах, ведь у них в безраздельном владении было телевидение, датируемые властями газеты и пр.

В такой накаленной обстановке создание ФНС как организации почти всей оппозиции, завоевавшее массовую базу на фоне упадка и распада западников-демократов, вызвало панику в Кремле. Не прошло и трех дней с момента создания Фронта, как Ельцин издал указ о его роспуске на том основании, что ФНС – «антиконституционная организация». Впрочем, все документы Фронта находились в строгом соответствии с конституцией, да и в ФНС состояло много квалифицированных юристов, которым не составило труда доказать неконституционность не ФНС, а самого президентского указа. В результате ФНС только получил дополнительную рекламу.

Патриотические силы были явно на подъеме, и даже Фонд Горбачева считал, что в случае проведения всеобщих выборов в парламент осенью 1992 г. патриоты получают 25% голосов, причем в отдельных областях – абсолютное большинство*. Во всяком случае, при проведении действительно демократических выборов представительство правой и левой оппозиции в новом парламенте резко бы увеличилось. Но и при прежнем составе Съезда народных депутатов путем слияния правого депутатского блока «Российское единство» и фракции «Коммунисты России» сложилась Объединенная оппозиция. В практическом плане Объединенная оппозиция добивалась созыва внеочередного Съезда народных депутатов, смещения президента и формирования коалици-

* Комсомольская правда. 1992. 23 октября.

онного правительства национального доверия, ответственного перед представительной властью*.

К началу 1993 года пришел в упадок Гражданский Союз (ГС) – партия, претендующая на центристские позиции. Возглавляемый Аркадием Вольским, лидером Российского Союза промышленников и предпринимателей, ГС первоначально представлял собой весьма богатую и влиятельную партию. Но в поляризованном обществе центристы не имели успеха. В 1992 году многие серьезные политологи предсказывали ГС большое будущее. Однако российский центризм не состоялся. Деньги и связи лидеров ГС не могли приостановить кризис и распад партии.

Мощный подъем национально-патриотических организаций ярко контрастировал с упадком и разложением демократического движения. Блок «Демократическая Россия», став летом 1991 года чуть ли не новой правящей партией, уже к осени потерял значительную часть входящих в него партий и рядовых членов, а в 1992 году остатки «демороссов» превратились в «диванную партию». Значительная часть идейных демократов восприняла реалии послеавгустовской России с ужасом и отвращением. Демократы, не утратившие национальное чувство, примкнули к патриотам, составив там демпатриотическое направление. Наиболее циничная часть демократов занялась «бизнесом», а рядовые участники демократических митингов 1989 года занимались теперь элементарным физическим выживанием. Всего через год после начала «реформ» ельцинизм утратил массовую поддержку.

В этих условиях правящий режим сделал окончательную ставку на переворот, поскольку сохранить и упрочить свою власть законным способом он не мог, а новые выборы принесли бы полную победу оппозиции, и даже полное господство в СМИ не намного увеличивало шансы ельцинизма.

Но для успешного совершения переворота и установления прочной диктатуры необходимы три вещи: 1) инструмент (т. е. армия и силовые структуры), 2) идея (т. е. то, что оправдывает диктатуру в глазах народных масс), 3) задачи (которые решает диктатура). В конкретных условиях России 1992–93 гг. армия не вызвала доверия у властей. По подсчетам либерального прогайдаровского еженедельника «Новое время», 70% всех военнослужащих поддерживали национально-патриотические силы, 2/3 выступали за «твердую руку», 30% поддерживало Ельцина и только 19% – правительство Гайдара**.

Это, правда, не означало, что армия способна выступить против режима под патриотическими лозунгами. В отличие от многих стран

---

* Советская Россия. 1992. 19 сентября.

** «Новое время». 1993. № 13.

мира, где военные перевороты совершают капитаны и полковники, в российской армии без приказа генералов ротные и батальонные командиры не предпримут никаких самостоятельных действий. А генералитет демократической России был повязан режимом через ускоренное производство в высшие чины (генералов в армии РФ стало больше, чем в Вооруженных Силах СССР, гораздо более крупных по численности), и, самое главное, возможности безнаказанного обогащения через махинации и присвоения казенного армейского имущества. Ведь предоставление возможности грабежа в обмен на лояльность и составляет ельцинский стиль руководства.

Поэтому, не будучи уверенным в армии, режим спешно создавал параллельные вооруженные силы в виде войск МВД, всякого рода частей специального назначения, ОМОНЫ, СОБРы и др., в сущности, карательные части. Так, во внутренних войсках (которые при царе именовались жандармерией), оперативно разделенных на 9 округов, было 29 дивизий и 15 бригад*, и спешно формировались новые. По своей численности внутренние войска превосходили сухопутные войска вооруженных сил. Финансирование внутренних войск шло несравненно лучше, чем армейских частей. В состав внутренних войск включали танковые подразделения и даже авиацию. Практически каждое министерство создавало свои ОМОНЫ, во время тренировок которых «ментов» натаскивали на разгон демонстрантов под красным знаменем. Однако и в их лояльности режим не был до конца уверен (и, как показали события октября 1993 г., не зря). Создавались также военизированные структуры из числа политически благонадежных людей типа «Живого кольца», «Бейтара», но их боевые качества в настоящих боевых условиях вызывали сомнения.

По причине этого Ельцин и «реформаторское» правительство, не рискуя применить военную силу против Съезда народных депутатов и оппозиции, и пытались спровоцировать вооруженные выступления патриотов, благо горячих голов у них хватало.

Первая попытка государственного переворота была предпринята Ельциным на VII Съезде народных депутатов, на котором президент лишился чрезвычайных полномочий. 10 декабря 1992 г. Ельцин с трибуны Съезда обратился к гражданам России, обвинив спикера Хасбулатова в том, что тот стал проводником курса на восстановление «советского тоталитаризма». После этого Ельцин покинул зал заседаний, призвав своих сторонников последовать за ним. Расчет делался на то, что большинство депутатов покинет Съезд и тот, лишившись кворума, перестанет быть законным органом власти. Но этого не случилось, большинство депутатов осталось на своих местах, и Съезд продолжил

* Московские новости, № 6, 11–18.02.1996.

работу. При посредничестве председателя конституционного суда В. Д. Зорькина между Съездом и президентом был достигнут компромисс.

Ельцину пришлось пожертвовать Е. Гайдаром (что вызвало нескрываемую радость у оппозиции). Новым премьер-министром стал В. С. Черномырдин, совершенно неизвестный за пределами газовой отрасли, в тех конкретных условиях – настоящая «темная лошадка», вполне устраивавшая и патриотов с коммунистами, и демократов и хозяйственников-прагматиков. Впрочем, больше всего Черномырдин устраивал Запад, где резонно считали, что «сырьевой» премьер всю страну превратит в сырьевой карьер.

Вторая попытка отстранить непокорную законодательную власть была предпринята президентом 20 марта 1993 г., когда в своем телеобращении Ельцин объявил о роспуске Съезда и введении особого порядка управления страной (ОПУС). Однако и на сей раз съезд, к которому присоединился и вице-президент А. Руцкой, не подчинился. Ельцин едва не был смещен в результате импичмента (не хватило лишь 72 голосов). ОПУС закончился очередным компромиссом.

Также ничего не решил референдум 25 апреля 1993 года, когда избирателям было предложено ответить на 4 вопроса: 1) Доверяете Вы президенту Ельцину; 2) Одобряете ли Вы социальную политику президента и правительства; 3) Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов президента; и 4) Досрочных выборов народных депутатов.

Учитывая, что, первым двум вопросам для их одобрения необходимо было получить более половины голосов, *принявших участие* в референдуме, а по двум вторым – более половины голосов граждан, *имеющих право* участвовать, то более половины россиян сказало «нет» ельцинизму. По первому вопросу в поддержку Ельцина высказались, по официальным данным, около 40 миллионов из 106 миллионов избирателей. И это несмотря на массивную обработку умов всей пропагандистской машины страны, постоянно заклинявшей «да, да, нет, да». Однако в целом референдум нельзя было называть победой ни одной из противоборствующих сил.

Психологическая гражданская война вот-вот должна была перейти в войну настоящую. Репетиция такой войны прошла 1 мая 1993 г., когда при разгоне оппозиционной демонстрации произошло самое настоящее сражение в центре Москвы прямо под транспарантом «С праздником, дорогие россияне!». Пострадало, по официальным данным 487 человек, из них 282 демонстранта и 205 сотрудников МВД, причем погиб боец ОМОНа Владимир Толокнов. Было также сожжено 2 автомобиля ЗИЛ-130, 11 автомобилей ОМОНа и 31 грузовик автохозяев.

Милиция и ОМОН потеряли 139 защитных щитов, 78 бронежилетов, 66 касок, 42 шлема, 11 раций*.

Обращает на себя внимание тот факт, что потери милиции были почти одинаковы в сравнении с потерями демонстрантов. Учитывая масштаб побоища, можно констатировать, что количество жертв, в том числе и погибших, лишь по счастливым случайностям не было большим. Московские власти, похоже, стали жертвой собственной пропаганды – слишком много и часто показывая по ТВ на патриотических митингах пенсионеров, они явно не ожидали способности демонстрантов дать отпор. Результат этого сражения был не в пользу властей, убедившихся в силе оппозиции.

Еще более свою силу оппозиция показала митингами и шествиями 9 мая. Демонстрации прошли по всей стране, почти во всех республиках СССР и произвели впечатление своей организованностью и массовостью. В колоннах демонстрантов прошли несколько миллионов человек. Это была самая массовая демонстрация за все годы перестройки и реформ и, видимо, в истории России, оставив по числу участников позади демократические митинги 1990 года. При этом повторим, митинги и демонстрации состоялись практически во всех российских городах.

Весной 1993 года в стане оппозиции произошли некоторые изменения. В марте была легализована Компартия РФ (КПРФ). Это обстоятельство привело, как ни парадоксально, к определенному упадку как радикальных «красных», так и части «белых». Идеологической основой КПРФ выдвинула «государственный патриотизм», что звучало весьма привлекательно для большинства патриотов-державников. Поскольку большинство активных советских граждан состояли в КПСС, то после легализации партии бывшие рядовые партийцы начали возвращаться в партию, оставаясь при своих взглядах. Произошло «обескровливание» красно-белых блоков типа РНС и ФНС. Впрочем, в КПРФ перешла значительная часть актива анпиловцев и других радикальных левых. Геннадий Зюганов, входивший в руководство как РНС, так и ФНС, помимо лидерства в КПРФ, превратился в главного лидера оппозиции.

Для белой части национальной оппозиции возрождение КПРФ оказалось сильным ударом. В июле 1993 года состоялся 2-й Конгресс ФНС, на котором была усилена централизация и предпринята попытка превращения Фронта из аморфной коалиции в дисциплинированную партию. Однако это только усилило конфликт руководства ФНС с лидерами входящих в него партий. Впрочем, и Илья Константинов также не проявил качеств лидера. К осени 1993 года ФНС перестал объединять оппозицию. В Русском Национальном Собрании, большинство членов ко-

* «Коммерсант». 1993. 4 мая. С. 14.

торого в прошлом были членами КПСС (в петербургской организации РНС из 50 членов местной соборной Думы, возглавлявшей питерский Собор, лишь один автор этих строк не был в прошлом членом КПСС) также большинство «соборян» были готовы поддержать коммунистов, а не собственное руководство. Ряд партий, такие, как РНЕ и НРПР, фактически перестали входить в красно-белые блоки. В отличие от КПРФ, белые патриоты обычно не имели местных парторганизаций за пределами крупных мегаполисов. В стране после нескольких лет сплошных потрясений накапливалась политическая апатия. СМИ всячески разжигали неприязнь к «красно-коричневым» и депутатам Верховного Совета, на которых сваливали все экономические и социальные провалы режима. В самом деле, уличные демонстрации и столкновения, парализующие на много часов жизнь громадных городов, стали вызывать раздражение у тех граждан, что в принципе симпатизировали лозунгам и требованиям оппозиции. Парламентская оппозиция изначально не вызывала симпатий у многих политически активных людей, ведь тот самый Съезд народных депутатов, что привел Ельцина, а теперь противостоял ему, для них был образцом политической бесхребетности.

К осени 1993 г. в стране сложилась предгрозовая обстановка. 19 сентября в Минске был проведен Всесоюзный съезд республиканских организаций Союза офицеров. 456 делегатов из 7 республик выдвинули требование денонсации Беловежского сговора. 20 сентября 1993 г. был проведен Конгресс Народов СССР. В нем приняли участие более 1500 делегатов со всех прежних советских республик. Видную роль на Конгрессе играл Президиум Съезда народных депутатов СССР. На конгрессе присутствовали столь влиятельные в России деятели, такие, как Ю. Скоков (бывший секретарь Совета Безопасности, отказавшийся завизировать указ Ельцина о введении ОПУСа) и лидер Гражданского Союза А. Вольский. Было зачитано обращение к Конгрессу Р. Хасбулатова, в котором спикер говорил о необходимости начать процесс воссоединения народов СССР. На 25 сентября был запланирован съезд Движения в поддержку парламентаризма, в этот же день РНС планировал созвать Съезд Русского Народа, который должен был избрать подлинно национальное правительство. Но режим Ельцина нанес упреждающий удар, совершив 22 сентября 1993 г. государственный переворот, который привел к кровопролитию 3–4 октября.

Национальная оппозиция, парламентская и непарламентская, оказалась не в состоянии предотвратить переворот, но, тем не менее президентское окружение сделало вывод о невозможности установления в России полноценной диктатуры латиноамериканского типа. Однако президентская сторона рассудила, что непосредственный разгон Съезда и принятие конституции, авторитарной по существу, но сохра-

няющей некоторые демократические права и свободы, может вполне осуществиться.

22 сентября 1993 г. третья попытка переворота, подготовленная несравненно лучше предыдущих, была предпринята. Непокорный парламент отказался подчиниться перевороту и засел в Доме Советов (хотя речь идет об одном здании, но все же можно сказать, что в августе 1991 года шла защита Белого Дома, а осенью 1993 года защищался Дом Советов). Командующий обороной Дома Советов генерал В. Ачалов по-военному четко констатировал: «Команда Ельцина к перевороту подготовилась давно. Грамотно нейтрализовали армию. За год-полтора «испекли» более 500 новых генералов и тут же с потрохами их купили. Параллельно разоружали среднее офицерское звено, с зимы вывозя даже табельное оружие из московских частей... Переворот приурочили ко дням высылки военнослужащих из Москвы на картошку, видимо, отчетливо понимая, что нельзя положиться ни на курсантов, ни на младших офицеров... В противовес армии создали люмпенизированную полицию и обкатали ее на демонстрациях. Здесь не надо учиться пять лет, достаточно подписать контракт и... ты уже вооруженный до зубов офицер в таком же звании, что и армейский, только с зарплатой в 1,5–2 раза выше...»*.

После двухнедельного противостояния все закончилось кровавыми столкновениями 3 и 4 октября и расстрелом Дома Советов. Ельцин торжествовал победу над Россией, а оппозиция, так до конца и не составившая единого фронта, вновь потерпела поражение.

---

* Современная политическая история России. М., 1999, Т. 1, с. 260.

Глава VIII

ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ-93: АСИММЕТРИЧНАЯ КОАЛИЦИЯ «СИСТЕМНОЙ ОППОЗИЦИИ»

Диктатура, смягченная маразмом

В победе президентской стороны в ходе октябрьских событий есть немалая доля вины и лидеров российского парламента. Спикер Р. И. Хасбулатов и вице-президент А. В. Руцкой отказались принять поддержку заявивших о верности конституции воинских частей и вообще вели себя так, словно не читали ленинские труды о восстании, плыли по течению и, вероятно, рассчитывали на очередной компромисс. 22 сентября власть валялась на улице, но парламентские вожди не желали запачкаться в грязи и подобрать ее.

И все же народное восстание осени 1993 года, потерпевшее поражение, не позволило установить режим открытой диктатуры, оставив некоторые демократические институты, что обеспечило оппозиции возможность относительно легальной деятельности, включая участие в выборах. По-настоящему проиграли в октябре идейные демократы и весь российский либерализм. Осознание этого привело к ряду человеческих трагедий. Так, депутат Ленсовета, активный демократ Адушев покончил самоубийством после октябрьских событий. Это был, несомненно, поступок раскаявшегося честного человека.

Удивляться этому не приходится. В те осенние дни окончательно стало ясно, что представляет собой западная демократия, а также наши доморощенные «властители дум» из числа западнической интеллигенции. Ведущие западные демократии одобрили переворот и расстрел парламента. Так, американский президент Б. Клинтон решительно поддержал Ельцина «в его усилиях обеспечить развитие страны по пути демократии и экономической реформы. Я считаю, что в конечном

итоге он (Ельцин) добьется успеха, поскольку его поддерживает народ (какой? – *Авт.*), и я считаю, что Соединенные Штаты должны поддерживать Ельцина до тех пор, пока он является личностью, воплощающей обязательства идти по пути демократии и стремления российского народа определять свое будущее... Я желаю ему успеха*». Клинтону вторил британский премьер Мейджор, выразивший «полную и безоговорочную поддержку» Ельцину**.

Пушечными залпами у Дома Советов была убита вера наивных россиян в величие и справедливость западной демократии.

«Передовые» интеллигенты-«шестидесятники» показали свое лицо, опубликовав в газете «Известия» обращение, в котором были такие знаменательные слова: «... Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу. Так не пора ли ее продемонстрировать нашей юной, но уже... достаточно окрепшей демократии?». Мы должны на этот раз жестко потребовать от правительства и президента то, что они должны были (вместе с нами) сделать давно, но не сделали***. Далее следовали конкретные предложения – запретить оппозиционные партии, отстранять от работы судей и работников правосудия, не возбуждающих судебных преследований оппозиционеров, закрыть оппозиционные органы печати («День», «Правду», «Советскую Россию», а также телепередачу «600 секунд»), приостановить деятельность органов советской власти и пр. Подписал это обращение весь цвет либеральной интеллигенции – Белла Ахмадулина, Булат Окуджава, Роберт Рождественский, Юрий Нагибин, академик Лихачев, и др. Сам Окуджава уверял, что вид горящего Дома Советов доставляет ему наслаждение: «Для меня это был конец детектива. Я наслаждался этим. Я терпеть не мог этих людей, и даже в таком положении никакой жалости у меня к ним совершенно не было»****. Одобрил расстрел парламента и знаменитый правозащитник Сергей Ковалев, многолетний сподвижник Сахарова, успешно пытающийся отобрать у академика Лихачева титул «совести народа». Из Америки свое одобрение перевороту выразил и «Меч Божий» Солженицын.

После 4 октября 1993 года в стране сложился режим диктатуры Ельцина. И все же это не была «полноценная» диктатура. Октябрьские события показали, что на армию режим надеяться не может. Чисто полицейские части также не могли стать исключительной опорой власти, как показали те же события. Даже при анемичности Руцко-

* Москва. Осень-93. Хроника противостояния. М., 1995, с. 485.

** Там же.

*** Известия, 5.10.1993.

**** Подмосковные известия, 11.12.1993.

го с Хасбулатовым президентской стороне удалось применить военную силу против сторонников Верховного Совета только после ряда провокаций (странные действия возле Останкино, загадочная гибель бойца спецназа Ситникова, после которой отряд «Витязь» и открыл огонь). Софринская бригада также отказалась выступить на стороне президента. Знаменитый отряд спецназа «Альфа», имея прямое указание пристрелить Руцкого и Хасбулатова, фактически спас их и многих других участников событий. Итак, ни армия, ни даже карательные части не оправдали надежд Кремля. Только электронные СМИ и массовые (в сущности, бульварные) газеты, подчинялись ельцинистам. Весьма показательно, что огонь открыт был именно тогда, когда сторонники Верховного Совета могли захватить телевизионный центр Останкино. Кстати, также показательно, что руководство телецентра заранее подготовило «картинку» со словами «Вещание по первому и четвертому каналам нарушено ворвавшейся в здание вооруженной толпой». Показ этой «картинки» должен был создать определенный психологический настрой у зрителей, готовых поддержать применение военной силы против повстанцев – сторонников Верховного Совета. Именно эта «картинка» и была показана (хотя телецентр оставался в руках ельцинских сил) после выступления Гайдара, в котором экс-премьер говорил о том, что возле Останкино повстанцы применяют гранатометы. Господство в СМИ помогало морочить голову граждан, но этого было явно недостаточно.

Наконец, нельзя упускать еще одного обстоятельства. Ельцин по своим субъективным данным не был способен стать «настоящим» диктатором, хозяином своей страны. Великие диктаторы разных эпох – Цезарь, Наполеон, Сталин, Гитлер, Мао, Фидель Кастро, Хомейни, Саддам Хусейн и др. были незаурядными людьми, неутомимыми тружениками, строившими в своей стране тот образ жизни, который соответствовал их представлениям о будущем. Ельцин же был способен только ломать, во власти же его привлекала лишь мишура власти – возможность вкусно есть, сладко спать, крепко выпивать, встречаться «без галстуков» с зарубежными лидерами, обеспечить благосостояние своим родственникам и знакомым. Словом, Ельцин мог быть лишь диктатором-марионеткой, но создать нечто позитивное, в том числе собственную диктатуру, он был не способен. В общем, в России сложился режим диктатуры, смягченной маразмом. Другое дело, что проявления этого маразма в виде элементов демократии (периодические выборы, независимая пресса, многопартийность) часто воспринимали за наличие в России демократии. Но какая тут демократия, если выборы в РФ заканчиваются победой «партии власти», массовая пресса полностью зависима от хозяев, а большинство партий живет лишь один сезон?

Впрочем, из факта примитивности Ельцина как человека не надо делать вывод, что сам он был лишь номинальным правителем. Из своего солидного (более чем 30-летнего) опыта партийной работы Ельцин сделал практический вывод, позволивший ему почти десятилетие просидеть на президентском троне. Вывод этот касался «кадровой политики» Ельцина. Она была проста: во-первых, назначать на все важные посты достаточно случайных людей, не имеющих никаких связей во властвующей элите и уже поэтому во всем связанных с Ельциным. При этом Ельцин не только в силу вздорности характера, но и по причине своей искушенности в вопросах удержания власти, периодически производил кадровые «рокировочки» и «загогулины», обновляя свое окружение. Слишком долго сидевшие на своих местах вельможи могли создать собственные фракции и клиентелу и, следовательно, стать опасными. Понятно, что перманентные обновления среди кремлевских должностных лиц (за время президентства Ельцина сменилось 8 премьер-министров, 5 министров внутренних дел, 3 министра обороны, 11 министров финансов, 8 директоров ФСБ, 7 глав администрации президента, а министрами у Ельцина побывали более 300 человек) также обеспечивали самосохранение ельцинской власти.

Во-вторых, Ельцин предоставлял полную свободу воровства в обмен на лояльность. В своей деятельности он руководствовался правилом: «Подкупай и властвуй!» Однажды у Ельцина вырвалась знаменательная фраза: «Денег мало, а любить людей нужно много»*. Ельцин прекрасно знал, что все его окружение состоит из воров, но именно это и облегчало ему возможность управление своим окружением. На каждого из своих поделльников у Ельцина было досье, и любого ельцинского министра всегда можно было отправить в тюрьму. Понятно, что все, находящиеся на властном Олимпе, волей-неволей были лояльны президенту. За 90-е годы лишь в трех случаях Ельцин ошибся, сделав министрами честных людей, ничего не укравших. Речь идет о министре внешнеэкономических связей Сергее Глазьеве, руководителе Госкомимущества Владимире Полеванове, а также о министре Госкомпечати Б. Миронове. Понятно, что Глазьев пробыл министром 9 месяцев (да и то это был 1993 год, когда все внимание Кремля было поглощено борьбой с Верховным Советом), а Полеванов «рулил» бывшим ведомством Чубайса лишь 70 дней!

Весьма показательным фактом может считаться судьба приватизации. Собственно, именно приватизация и была главной причиной всех «перестроек» и «реформ», ради которых советская партийная и хозяйственная номенклатура и пошла на сокрушение сверхдержавы. По логике вещей, именно закон о приватизации должен быть самым важным за-

* Литературная газета, 1998, № 39.

коном посткоммунистической власти в России. Однако, с юридической точки зрения, ваучерная приватизация была совершенно незаконной, поскольку была предпринята указом президента в обход парламента и в нарушение действующего законодательства. Даже после свержения Верховного Совета и установления президентского единодержавия после октября 1993 года ничто не мешало Ельцину провести соответствующий закон через Государственную Думу. Но ничего подобного не предпринималось. В самом деле, основные «сливки» от приватизации сняли приближенные к президенту олигархи, менее всего заинтересованные в том, чтобы вообще существовала какая-нибудь законодательная база под приватизацию, позволяющая захватывать советскую государственную собственность «посторонним», не связанным с Кремлем и ельцинской семьей бизнесменам. Главным же оружием вечно больного и нетрезвого президента и было отсутствие законности итогов приватизации. Каждый урвавший часть госсобственности должен был понимать, что его право собственника обусловлено именно лояльностью ельцинизму. Любая новая власть после Ельцина могла совершенно законно национализировать частные предприятия и посадить в тюрьму любого приватизатора. Осознание этого волей-неволей сплывало вокруг Кремля «бизнес-элиту». Таким образом, Ельцин мог спокойно уходить в запой, зная, что его власть надежно защитят воры, превратившиеся в олигархов.

Выбор России

Патриоты, несмотря на поражение осени, стали увеличивать свое влияние. Это наглядно показали выборы 12 декабря 1993 года в новый орган представительной власти (правда, с весьма ограниченными полномочиями) – Государственную Думу. Президентское окружение решило повторить опыт избирательной кампании лета 1991 г. и апрельского референдума 1993 г., т. е. провести массированную пропагандистскую кампанию в исключительно сжатые сроки, в результате чего оппозиция не успеет подготовиться к проведению собственной кампании. К тому же, полагали в Кремле, почти не имея доступа к СМИ, оппоненты правительственных кандидатов останутся неизвестными избирателям и не смогут рассчитывать на победу.

В качестве «партии власти» планировался специально под выборы созданный либеральный блок, самонадеянно назвавший себя «Выбор России» во главе с Е. Гайдаром. Кроме того, для улавливания голосов избирателей, отрицательно относящихся к радикальным «реформам», но также не разделяющих взгляды национал-патриотов, пра-

вительственными политтехнологами были созданы Партия Российского Единства и Согласия, или ПРЕС (с названием, напоминающим оппозиционный блок «Российское единство» в разогнанном Верховном Совете) во главе с С. Шахраем, вице-премьером в гайдаровском кабинете, одним из авторов беловежских соглашений. Для привлечения западной интеллигенции «горбачевского» направления деятели перестройки Г. Попов, А. Собчак создали Российское Движение Демократических Реформ (РДДР). Правда, значительная часть идейных демократов предпочла поддержать блок «Яблоко», критикующий ельцинизм, но с либеральных позиций. Придворные социологи сузили Кремлю получение 2/3 депутатских мест проправительственным кандидатам.

Для недопущения в Думу мелких патриотических партий регионального значения были введены жесткие условия допуска к выборам – сбор 100 тыс. подписей, из которых 15 тыс. разрешалось собрать в Москве, остальные – малыми порциями в других регионах страны, и все это – за две недели! Подписи были действительными лишь с полными паспортными данными, а ведь после расстрела парламента у людей вновь появился страх перед репрессиями властей, и сбор подписей был непростым делом. Когда я занимался сбором подписей в поддержку одной из патриотических партий, то нередко слышал от людей слова – мы всей душой за вас, но подписывать ничего не будем, ведь у нас дети.

Власти оказывали давление на оппозиционные партии. Так, в штаб-квартире РХДД В. Аксючица постоянно отключались телефоны, отменялись под нелепыми предлогами запланированные встречи с избирателями, уничтожались собранные подписные листы, сборщики подписей задерживались милицией*.

Подвергся ограблению со взломом предвыборный штаб РОСа С. Н. Бабурина, при этом исчезли многие уже собранные подписные листы. В целом лишь очень немногие партии оппозиции, имеющие разветвленный аппарат и большие деньги, могли успеть собрать подписи по всей России. Для создания же всероссийского блока из соединения мелких локальных партий во всероссийском масштабе и проведения предвыборной кампании требовалось время, которого-то в предвыборном блицкриге на условиях октябрьских победителей и не было.

Еще большие трудности поджидали допущенных к избирательной кампании партии и кандидатов непосредственно в ходе самой кампании.

Для партии, для того чтобы получить места в Думе, необходимо было получить 5% и выше голосов избирателей *во всей России*. Этот барьер надежно отсекал мелкие партии от возможности попасть в общероссийский парламент. Правда, половина депутатских мест предостав-

* «Путь». 10–11/30. 1993.

лялась депутатам, выбранным по одномандатным округам. Но и здесь оппозиционным кандидатам приходилось бороться в неравных весовых категориях со своими конкурентами, учитывая финансовую и информационную бедность оппозиции.

Не могло быть и речи об объективности телевидения, руководитель которого поначалу сам был в предвыборном списке гайдаровского «Выбора России». Совершенно несоизмеримы были расходы оппозиции в сравнении с демократами. Один только гайдаровский «Выбор» израсходовал, по официальным данным, столько же, сколько все остальные избирательные объединения, вместе взятые, – около двух миллиардов рублей в ценах того времени.

В этих условиях лишь легализованные в феврале-марте 1993 г. коммунисты, Аграрная партия (в сущности, это был сельский филиал КПРФ) и партия Жириновского могли считаться реально оппозиционными силами. При этом коммунисты были заняты восстановлением своих организаций, к тому же такие известные их лидеры, как Анпилов и Макашов, находились после октября в тюрьме, а многие радикально настроенные коммунисты намеревались бойкотировать выборы, считая участие в них признанием законности переворота 22 сентября – 4 октября. К бойкоту выборов примкнули также РНС, ФНС и ряд других правых национально-патриотических партий.

Фактически единственной допущенной к таким «свободным» выборам некоммунистической партией, выступающей с антиельциновских позиций, оказалась ЛДПР Жириновского. Судя по всему, команда Ельцина надеялась выставить патриотическую оппозицию в карикатурном виде, дискредитировать ее и запугать общественное мнение России и мира неким «русским фашизмом», единственным спасением от которого является Ельцин. Не случайно в ходе кампании невероятная шумиха была поднята вокруг книги Жириновского «Последний бросок на юг», которую подавляющее большинство россиян не видело (автор этих строк тогда очень долго и безуспешно пытался приобрести экземпляр этой книги у активистов ЛДПР). Но под пером газетчиков и в устах телекомментаторов эта книга стала чем-то вроде «Майн кампф». Действительно, если бы Жириновского не было, осенью 1993 г. его надо было бы создавать специально.

Отсюда неудивительны те финансовые и пропагандистские возможности, которые показала ЛДПР.

Однако команда Ельцина не ожидала такого успеха ЛДПР, вышедшей на первое место по результатам голосования за партийные списки и набравшей 23% голосов. Впрочем, большинство избирателей голосовали не за ЛДПР, а против Ельцина. Зато проправительственный «Выбор России», которому официозные СМИ прочили победу (сам Гайдар

скромно рассчитывал на 38% голосов, а фонд «Общественное мнение», Институт социальных технологий, давали гайдаровцам 35%), получил лишь 14,5% голосов. Ядовитая кличка «Выброс», которой окрестили блок патриоты, оказалась очень точной. Не менее показателен был полный провал партии «демократов первой волны» конца 80-х гг. Г. Х. Попова и А. А. Собчака – РДДР, не сумевшей перешагнуть 5-процентный барьер, подобная неудача «центристов» из Гражданского Союза», а также незначительный успех партии ПРЕС. (А ведь социологи обещали ГС 20%, а ПРЕС – 15% голосов!).

Таким образом, при всех вышеперечисленных трудностях национал-патриотическая оппозиция, включавшая ЛДПР, КПРФ, Аграрную партию (хотя АПР скорее можно считать лоббистской партией, чем идеологической), а также Демократическую партию, перешедшую на патриотические позиции, получили свыше половины голосов избирателей. Если брать сухую официальную статистику полученных голосов по партийным спискам, то выбор России 12 декабря был таким: за ЛДПР было отдано 12 318 562 голоса (22,92%, что дало ЛДПР 59 мест в Думе), КПРФ – 6 666 402 (12,4% и 32 места). Всего за списки оппозиционных партий проголосовало, если верить официальной статистике, 18 984 964 человека (35,32%). С учетом прошедших по одномандатным округам деятелей национал-патриотической оппозиции – 66,86% голосов*. Вот таков был реальный выбор России. Это не считая того обстоятельства, что многие оппозиционеры ельцинизму слева (РКРП, ВКПБ) и справа (РНС, ФНС) бойкотировали выборы. Таким образом, национальная оппозиция в таких сложных условиях победила на выборах, но в российских условиях это ничего не значило.

Победа национал-патриотической оппозиции вызвала форменную панику у политической «элиты», собравшейся поздно вечером 12 декабря в телестудии на встречу «нового политического года». Планировался «пир победителей», перед которыми будут плакать побежденные патриоты. Утром следующего дня, 13 декабря, в Москву с визитом должен был приехать вице-президент США А. Гор, дабы увидеть капитуляцию русской оппозиции и принять уверения в совершенной к нему почтительности от кремлевских властей. Но получилось все совсем не так. Предвкушавшие победу демократы, глядя на цифры Центризбиркома, в ужасе повскакали с мест, крича, что компьютеры ошиблись. Критик Ю. Карякин воскликнул: «Россия, ты ополоумела!» Но Россия как раз выздоравливала. Поэт-«шестидесятник» Андрей Вознесенский, пребывая в состоянии депрессии после выборов, накропал стихотворение «Ночь 12/13» (имея в виду ту самую ночь перед встречей нового политического года), где были такие строки:

* Ж-л «Полис», 1994. № 4, С. 103.

«Какая мука там толпится
Когда ослепшая страна
От боли, как самоубийца
Готова прыгнуть из окна.»

Но это была рефлексия либерала-интеллигента, почувствовавшего неумолимость возмездия за все, что сотворили со страной во имя своих мелких интеллигентских страстишек. Страна начинала отходить от суицидных настроений.

Возможно, оппозиционные партии получили гораздо больше голосов, чем было официально объявлено, ведь нельзя скидывать со счетов фальсификацию результатов выборов. О том, что она могла быть, свидетельствуют итоги проводившегося вместе с выборами референдума по новой конституции.

По официальным данным, «да» конституции сказало 58,4% от участвующих в голосовании, или 32,3% от общего числа избирателей страны. Однако уже вскоре после голосования такие официозные газеты, как «Россия», «Известия», «Московский комсомолец», сообщили, что реально участвовало в выборах лишь 47% избирателей, что мало для одобрения этой конституции*. 20 миллионов человек, имеющих российское гражданство, но проживающих в «ближнем зарубежье», не были внесены в избирательные списки. Добавим сюда, что одобрить конституцию открыто призывал «нейтральный» председатель Центральной избирательной комиссии, а всякая критика проекта конституции в эфире фактически была запрещена.

О том, что конституцию объявили бы принятой при любом исходе референдума, свидетельствует тот факт, что Ельцин поздравил народ с ее принятием вечером 12 декабря 1993 г., еще до окончания голосования и без подсчета голосов.

Физик А. А. Собянин, проанализировав результаты выборов методами математической статистики, показал, что они сфальсифицированы. И главный его вывод состоял в том, что были выброшены «лишние» бюллетени**.

Наконец, вся документация по итогам голосования «пропала». Напомним, что окончательные данные были опубликованы очень неполными и с огромными опозданиями. Известный итальянский журналист Джульетто Кьеза рассказал про интервью, которое он брал у председателя Центризбиркома Рябова: «... я спросил Николая Рябова,

---

* Газ. «Россия». 4–10 мая 1994 г.; «Известия», 4 мая 1994 г.; «Независимая газета», 19 июля 1994 г.; «МК», 7 июня 1996 г.

** Валянский С. И., Калужный Д. В. Русские горки: конец Российского государства. М., 2004, с. 383.

почему так и не были опубликованы данные по регионам. После выборов прошло уже 8 месяцев, и, честно говоря, я ожидал, что Рябов опровергнет меня. Это было бы бессмысленно, поскольку бюллетень ЦИКа был у меня перед глазами, но, по крайней мере, его заявление поселило бы сомнение во многих слушателях. Однако Рябов не стал ничего отрицать. Он ответил с совершенно невозмутимым видом что-то вроде того, что данные были утрачены*.

После всего этого всякие рассуждения о легитимности конституции 1993 г. неуместны. И если учесть, что поддержать конституция призывал и Жириновский, и большинство избирателей его партии последовали призыву вождя ЛДПР, то трудно опровергать предположение о том, что выборы 1993 г. дали бы полную победу оппозиции, если бы проходили честным образом.

Важным следствием государственного переворота был кризис прежних методов борьбы и организационных форм деятельности оппозиции. Политическое влияние некоторых прежних известных лидеров и их партий полностью исчезло. На самую периферию политического процесса были оттеснены национальные республиканцы, распался на три части, а затем развалился ФНС (когда в 1998 г. состоялся съезд ФНС, многие активные «фронтовики 93-го года» искренне удивились, что ФНС еще существует), многие мелкие партии и движения типа Петербургских «Наших» вовсе распались.

Наконец, новые условия деятельности сказались и на тех организациях, которые сохранили свой дееспособный актив, но оказались неспособны проводить избирательные кампании, а лидеры не смогли найти ни новый имидж партии, ни заключить работающие союзы. В результате чего начался медленный распад организации, откатывающейся на уровень диванной партии.

Попытки воссоздания коалиции всех патриотических сил предпринимались в мае 1994 года, когда в Москве было принято воззвание «Согласие во имя России», подписанное большинством патриотических сил. В сентябре в Калининграде состоялся еще один форум оппозиции «Русский рубеж». Впрочем, оба этих мероприятия привели исключительно к подписанию совместных документов. Какой-либо новой стратегии и тактики не было выдвинуто. Новые лица и новые имена среди национал-патриотов не появились.

Серьезное влияние на позиции национал-патриотов оказала начавшаяся в конце 1994 года война в Чечне. При всей ненависти к режиму и самому Ельцину, большинство патриотов поддержало действия Кремля по наведению «конституционного порядка в Чеченской республике». Безоговорочно поддержали войну РОС Бабурина, РНЕ Баркаше-

* Дж. Къеза. Прощай, Россия! М., 1998. С. 26.

ва, Всероссийский Национальный Правый Центр (как стали называться кадеты М. Астафьева), и др. Против войны выступили – РКРП (называя чеченский конфликт «империалистической войной»), Конгресс Народов СССР и ряд других левых организаций. Правда, на деле не все было так однозначно. Большинство национал-патриотов рассматривали войну как разжигание конфликта между русскими и мусульманским миром и средство укрепления режима путем маленькой победоносной войны. Поэтому первоначально такие влиятельные силы, как КПрФ, РНС, редакции газеты «Завтра», выступали против войны. Но после ее начала, оставаясь оппозиционно настроенными против режима, все же стали выступать за войну до победного конца.

Главным итогом деятельности национал-патриотической оппозиции 1991–1993 годов было то, что она не допустила утверждения в России диктатуры латиноамериканского типа. Не менее важно также и то, что ограниченная возможность легальной оппозиционной деятельности позволили остановить гражданскую войну в центре России. Но созданные для фронтального штурма режима коалиции разнородных партий, в основном ориентирующихся на Съезд народных депутатов, теперь уже не могли «работать». Более того, поскольку победа откладывалась на неопределенный срок, усиливались разногласия внутри прежних союзов и коалиций на почве идейных разногласий, которые были приглушены ранее.

Все это сделало маловероятным слияние всех патриотических партий в одну или даже возникновение долговременной коалиции на паритетных началах в общероссийском масштабе.

На роль главной осадной силы выдвинулась Компартия РФ, поскольку могла опираться на свои низовые комитеты, с советских времен действующие по всей территории страны. В какой-то степени популярности КПрФ способствовало запрещение партии после августа 1991 г. до февраля 1993 г., что придало коммунистам ореол мучеников. То, что главными гонителями коммунизма стали прежние вожди КПСС, привело только к тому, что ненависть и презрение к партократам советской эпохи распространились теперь на этих же партократов, ставших демократами. Жесточайший социальный кризис, массовое обнищание, отсутствие уверенности в завтрашнем дне привели к тому, что даже молодые люди, знающие советскую эпоху только по воспоминаниям пионерского детства, воспринимают недавнее прошлое как потерянный рай и невольно ностальгируют по нему. КПрФ стала структурообразующим стержнем антиельциновских сил, превратив остальные оппозиционные некоммунистические организации в своих союзников (в том числе союзников поневоле), только в локальных случаях способных иметь самостоятельный политический успех. Результатом осознания этого стало

появление нового блока оппозиционных сил – Народно-Патриотического Союза России (НПСР). Отличием этого блока от Российского Народного Собрания, РНС и ФНС является четко выраженное доминирование коммунистов, на фоне которого остальные партии выглядят совсем не впечатляюще.

Первоначально все шансы стать не просто ведущей партией национально-патриотической оппозиции, но и партией – ядром блока оппозиционных сил, были у ЛДПР после ее неожиданного успеха в декабре 1993 г. Однако этого не произошло в первую очередь по вине самой ЛДПР (т. е. ее вождя В. В. Жириновского), поскольку, при всей своей антиправительственной риторике, в Думе эта партия почти всегда и во всем поддерживала правительство (например, в прениях о бюджете и пр.). Единственным значительным поступком ЛДПР в Думе была амнистия участникам октябрьских событий. Впрочем, в результате амнистии не только вышли на свободу Руцкой, Хасбулатов, Макашов, Анпилов и другие защитники Дома Советов, но и было приостановлено следствие по делу тех событий.

ЛДПР в Думе 1994–96 гг. в целом избегала конфронтации с Ельциным, сосредоточившись на критике наиболее одиозных фигур его окружения типа Чубайса или министра иностранных дел А. Козырева, а также видных «демократов» типа С. А. Ковалева, «совести народа» № 2, печально известного «правозащитника» чеченских террористов. Во всем этом было много шума, но правые обращали внимание на отсутствие значимых политических результатов деятельности В. В. Жириновского.

Страх, охвативший либеральную интеллигенцию после успеха ЛДПР на выборах 1993 года, быстро исчез. Стало ясно, что партия Жириновского – вовсе не оппозиция. И у Ельцина в 1994 году даже вырвалась фраза: «Я доволен положением в России». «Реформы» продолжались. Российские войска были выведены из Германии, а пьяный Верховный Главнокомандующий дирижировал оркестром.

ЛДПР принципиально не шла на союзы с коммунистами и национал-патриотами, предлагая им полное подчинение себе. Жесткий авторитарный характер партии, лидер которой стоит выше решений съездов собственной партии, его культ, неприемлемый для всех других партий оппозиции. Отношение к Жириновскому как к провокатору, повсеместно распространенное в патриотических кругах с 1991 г., только усилилось после итогов двухлетней парламентской деятельности ЛДПР в Думе первого созыва.

Все это не могло не вызвать отток избирателей от ЛДПР и уже на думских выборах 1995 г. партия получила вдвое меньше голосов – 11,8%, чем за два года до этого. Наконец, на президентских вы-

борах 1996 г. Жириновский занял пятое место, получив 5,78% голосов, т. е. меньше, чем при своем старте в 1991 г. Некоторым утешением для ЛДПР стала победа члена партии Евгения Михайлова на выборах псковского губернатора осенью 1996 г. Однако Псков остался единственным регионом России, где ЛДПР сумела возглавить местную администрацию. Это показало, что у нее нет на местах ни авторитетных кадров, ни эффективного аппарата. Сам Михайлов, став губернатором, недолго хранил верность ЛДПР. Впоследствии он вошел в пропутинские блоки «Медведь» и «Единая Россия».

В 1994 г. возникла еще одна организация, претендующая на соби- рание под свои знамена всей национал-патриотической оппозиции. Ею стало Социал-Патриотическое Движение «Держава» (СПДД), во главе с экс-вице-президентом А. В. Руцким. Вышедший по амнистии из Лефор- товской тюрьмы, где он находился с октябрьских событий 1993 г., Руц- кой, выпустивший к этому времени нескольких книг, сумел привлечь на свою сторону ряд влиятельных бизнесменов, оказавших рождающемуся СПДД спонсорскую поддержку. К Руцкому примкнули его старые зна- комые, недавние деятели разогнанного Верховного Совета – М. Аста- фьев, В. Аксютин, И. Константинов, Н. Павлов. Новая партия заявила о себе весьма активной пропагандисткой деятельностью, придерживаясь православно-монархической идеологии. Во главу угла своих идей руц- кисты поставили возрождение традиционной российской государствен- ности в границах исторической России, т. е. СССР. Ближайшей своей задачей СПДД считало свержение антинационального режима и созыв Всероссийского Земского Собора, который и сформирует ответствен- ную власть (сами руцкисты при этом отдавали предпочтение монархии). Учитывая, что к СПДД примкнули некоторые видные публицисты пра- вославного и традиционалистского направления (как, например, Кон- стантин Душенов, пресс-секретарь митрополита Иоанна), программа новой партии была составлена весьма толково и умело, хотя не очень отличалась от программных установок РНС и других партий.

На учредительном съезде СПДД в апреле 1995 года присутс- твовали 886 делегатов из 62 регионов России. Среди них были такие «звезды» национал-патриотизма, как В. Алкснис, режиссер С. Говору- хин, деятели прежнего Верховного Совета, иерархи Церкви. Заявка на объединение всей «белой» части оппозиции была сделана всерьез.

Руцкой с присущим ему апломбом заявлял о неизбежной побе- де СПДД. На думских выборах 1995 г. руцкисты выступали самосто- ятельным предвыборным блоком, но получили лишь 2,57% голосов (1781 тыс.), заняв десятое место. Хотя Руцкой и уверял, что его партия победила и лишь фальсификация властей не дала ей провести своих представителей в Думу, поражение СПДД было достаточно явным.

Решающую роль в этом сыграла личная непопулярность Руцкого у патриотического электората. Ему припоминали поведение в 1990 г., когда народный депутат Руцкой поддержал Ельцина, когда в июле 1991 г. он раскалывал КПСС, создавая альтернативную Демократическую партию коммунистов, и то, что он, Руцкой, руководил обороной Белого Дома в августе 1991 г. Роль Руцкого в октябрьских событиях 1993 г. у патриотов также не вызывала симпатии.

Ко всему прочему Руцкой отличался конфликтностью, рассорившись со всеми своими союзниками. СПДД покинули большинство известных политиков, в том числе 4 из 5 заместителей Руцкого. Словом, он не был тем политиком, который мог бы объединить национал-патриотов.

После поражения на парламентских выборах антикоммунистическая риторика в документах СПДД исчезает. Руцкой признает лидерство Зюганова и КПРФ в оппозиционном движении. После президентской избирательной кампании 1996 г. СПДД вошла коллективным членом в Народно-Патриотический Союз, в котором Руцкой стал одним из сопредседателей.

Победой Руцкого стало избрание его губернатором Курской области. Из-за придинок избиркома вся его предвыборная кампания продолжалась два дня, но победа была триумфальной. Но и здесь главную роль сыграла не СПДД, а поддержка очень влиятельной в этой «красной» области КПРФ.

После этого Руцкой перестал нуждаться в партии и СПДД, лишившись лидера, скатилась до уровня очередной «диванной» партии.

В дальнейшем курский губернатор вновь рассорился с КПРФ, а его родственники и окружение оказались замешанными в скандальных историях. Руцкой как губернатор оказался такой же амбициозной бездарностью, каким был в качестве вице-президента. Хозяйство Курской области оказалось полностью развалено. Объем сельхозпроизводства в аграрной Курской области упал на 39%. Долги области за время губернаторства Руцкого возросли в 58 раз! В 2000 году Руцкой потерял губернаторский пост.

В мае – июне 1995 года, перед думскими выборами, сложился блок «красных» патриотов «Власть – народу». Лидером его стал бывший премьер-министр СССР Н. Рыжков.

Еще одной организацией, претендующей на объединение всех патриотических сил, причем под лозунгами «просвещенного патриотизма», громко заявил о себе Конгресс Русских Общин (КРО), Возникший в марте 1993 г. как структура, занимающаяся защитой прав русских в новоявленных постсоветских государствах, КРО в скором времени начал формировать свои низовые организации и в РФ.

Отстаиваемая КРО идея этнической самоорганизации русских и других этносов в России, верных общему для всех государству, через территориальные общины в разных формах – казачий круг, домовый комитет, земство и пр., которые способны покончить с атомизацией общества, представляется весьма интересной. Действительно, самоорганизация «снизу» всегда была присуща русским, но в современных условиях урбанизации, социального и культурного расслоения, огромного влияния СМИ, в немалой степени оказалась утраченной. Определенный коллективизм в экономической сфере, пропагандируемый КРО, вызывал симпатии у сторонников социалистического пути развития. Вместе с тем самоуправление и народовластие, не сводимое лишь к голосованию, и «разделению» властей, а дающее реальные возможности сделать государство ответственным перед гражданами, не могли не понравиться искренним демократам. И, наконец, теоретики КРО, в первую очередь председатель Национального Совета партии Дмитрий Rogozin, справедливо подчеркивали, что «национализм великих наций не совместим с межплеменной ненавистью, опирающейся на идею чистокровности племенной «породы»... Сила русского национализма заключена не в подавлении и эксплуатации других наций, не в господстве над ними, а в служении собственной миссии, в труде работника и творца»*.

Уважительное отношение ко всем народам исторической России позволило заключить соглашение КРО с Ассоциацией угро-финских народов, Всемирным курултаем башкир и рядом других национальных политических организаций. В июне 1995 г. в Москве состоялся Конгресс Народов России, проходивший под эгидой КРО, результатом которого стало появление ориентированной на КРО организации Союз Народов России (СНР). Это было серьезной заявкой перед предстоящими выборами.

Русские этнонационалисты с подозрением относились к КРО из-за их связей с инациональными организациями. «Национальная Газета» ядовито писала, что в КРО всегда пахло «великодержавным космополитизмом и безродным патриотизмом»**.

В преддверии думских выборов 1995 г. КРО заключил коалицию с частью некогда влиятельной Демократической Партии России (ДПР) во главе с Сергеем Глазьевым, крупным экономистом, занимавшим несколько месяцев пост министра внешнеэкономических связей, пытавшимся противостоять приватизации по Чубайсу и покинувшему свой пост в знак несогласия с переворотом октября 1993 года (впрочем, формально Глазьев в КРО вступил раньше, чем в ДПР).

* Манифест Возрождения России. – в кн. Д. О. Rogozin. Русский Ответ. СПб., 1996. С. 175, 179.

** Национальная газета, 2000, № 10 (38).

Лидеры новой коалиции были достаточно молодыми людьми (Рогозин – 1963 г. р., Глазьев – 1961 г. р.), и, несмотря на определенный опыт политической деятельности, явно нуждались в союзе с известными и авторитетными деятелями. Таким деятелем стал Юрий Скоков, в прошлом – директор «оборонки», какое-то время работавший секретарем Совета безопасности, покинувший этот пост из-за расхождений с президентом Ельциным, и затем возглавивший Федерацию Товаропроизводителей России (ФТР). Скоков сразу был выбран лидером КРО (Рогозин стал по должности его замом). Обладая огромными связями, Скоков привлек к КРО многих спонсоров и политиков. К коалиции КРО, помимо глазьевской ДПР и СНР, примкнули федерация товаропроизводителей, которую Скоков и возглавлял до прихода в КРО, Социалистическая партия трудящихся (СПТ), ряд профсоюзов, землячеств, казачьих объединений и пр. Получилась весьма впечатляющая коалиция, способная привлечь избирателей не только сугубо патриотической, но также демократической и левой ориентацией и многих представителей национальных меньшинств. Как показал опыт избирательной кампании 1995 г., КРО не испытывал и материальных затруднений.

Главные свои надежды лидеры КРО возлагали на присоединившегося к ним генерала А. И. Лебеда. Бывший командарм 14-й армии в Приднестровье, считавшийся человеком, остановившим эту войну (что не вполне справедливо), публично назвавший «глупостью» ввод войск в Чечню, весьма нелицеприятно отзывавшийся о ближайшем окружении президента и при этом критикующий коммунистов, мастер хлестких афоризмов, генерал был одним из самых популярных политиков страны. При этом Лебедь был человеком вне партий, политиком-одиночкой, что учли лидеры КРО.

В 1995 г. создавалось впечатление, что КРО поведет за собой актив и электорат патриотов и станет одной из ведущих политических сил страны.

Однако этого не произошло, и на выборах в Думу КРО получил чуть менее 3 миллионов голосов, что составило 4,31% от всех голосов. Это составляло почетное седьмое место из 43 избирательных блоков, но заградительный 5%-ный барьер КРО не преодолел, несмотря на прогнозы большинства социологов.

Причин несостоятельности КРО оказалось несколько. Во-первых, руководящий триумvirат Лебедь – Скоков – Рогозин был воплощением басни о лебеде, раке и щуке. Генерала Лебеда не устраивал КРО уже тем, что не являлся полностью «его» партией. Рассматривая думские выборы как репетицию президентских, Лебедь вел свою собственную кампанию, не заботясь об интересах КРО.

Скоков также, будучи номинально лидером партии, при всех своих связях и административных способностях, оставался чужаком для убежденных национал-патриотов в рядах самого КРО. Но зато был «своим» для различных предпринимательских групп, связанных с Западом, и региональных элит, включая и этнократические администрации в ряде республик РФ. Фактический глава КРО Рогозин оказался в полной зависимости от Лебеда, Скокова и их сторонников и был не способен отстаивать изначальную программу КРО. По мнению многих деятелей национально-патриотического движения, КРО сгубили амбиции и самоуверенность Скокова. Посетив незадолго до думских выборов 1995 года США, Скоков вызывающе вел себя как будущий президент России. Разумеется, это стало известно Ельцину, который мстительно приказал внести в компьютеры Центризбиркома цифру 4% голосов, вместо 7%, реально полученных КРО.

Во-вторых, парадоксальным образом именно обилие финансовых средств у КРО стало для многих патриотов свидетельством того, что КРО – «подстава», призванная заменить теряющую популярность ЛДПР. Обилие в КРО бывших демократов, деятелей сепаратистских движений из республик РФ, казалось, подтверждало это. Среди патриотического актива было распространено мнение, что КРО курируется «сильным человеком» из окружения президента, начальником его охраны А. В. Коржаковым и призвано нейтрализовать правую оппозицию.

И, в-третьих, стремительно поднявшаяся в 1995 г. коалиция КРО почти не располагала собственным партийным аппаратом и действующими первичками за пределами Москвы, положившись всецело на оргструктуры партий-союзниц, многие из которых идеологически были вполне чужды КРО и рассматривали альянс с ним как средство завоевания депутатских мандатов. Это делало малоэффективной агитацию КРО в ряде регионов накануне выборов и стало смертельным после поражения, когда партнеры по коалиции хладнокровно оставили неудачников.

Видимо, чувствуя эти слабости КРО, несмотря на предвыборный оптимизм («пробил час КРО!» – гласил предвыборный лозунг) А. И. Лебедь решил подстраховаться, выставив свою кандидатуру по одномандатному округу, по которому и прошел в Думу. Позднее также получил депутатское кресло и Д. Рогозин.

Сам КРО после поражения переживал серьезный кризис. Ю. Скоков ушел с поста лидера, и возглавил КРО вновь Дмитрий Рогозин. На президентских выборах 1996 г. КРО поддерживал Лебедя даже после перехода последнего к Ельцину. В результате, когда Лебедь был уволен с поста секретаря Совета безопасности, КРО оказался ни с чем. От него отвернулась основная масса патриотов, в его услугах не нуждался пра-

вляющий режим, а Лебедь предпочел создать партию целиком под себя. Таким образом, КРОлики, как окрестили их оппоненты, ушли на положение третьеразрядной партии, которую бросили за ненадобностью собственные лидеры.

Остается также рассмотреть причины, по которым не смогли стать ведущей силой правой оппозиции «старые» патриотические партии, известные до осеннего кризиса 1993 г. Неоднократно упоминавшиеся РХДД и кадеты и ранее не были партиями в истинном значении этого слова. Определенное влияние на Съезде народных депутатов и Верховном Совете РФ имели их лидеры, соответственно, В. Аксютин и М. Астафьев, но именно как депутаты, а не партийные лидеры. Оказавшись вне парламента, они ушли в политическое забвение.

На базе прежней кадетской партии в 1994 году М. Астафьев создал Всероссийский Национальный Правый Центр (ВНПЦ). Это переименование должно было покончить с наименованием «кадеты», ставшем в новых условиях слишком одиозным. Во-первых, благодаря работе ученых стала известна неблагоприятная роль исторических кадетов начала XX века в жизни России того времени. Во-вторых, само слово «демократ» стало уже настолько отрицательным, что дискредитировало любую политическую силу, использующую в названии это слово. ВНПЦ привлек к себе ряд известных деятелей демпатриотической ориентации – бывшего диссидента Владимира Осипова, прежнего члена ВСХСОН, редактора журнала «Москва» Леонида Бородина, известных публицистов Ксению Мяло и Александра Казинцева, академика и бывшего диссидента Игоря Шафаревича. Однако новая партия страдала всеми пороками организации, состоящей из интеллигентов, то есть неорганизованностью, внутренними конфликтами, нежеланием делать рутинную партийную работу.

РХДД Аксютинца также переживало кризис. В феврале 1995 года, на очередном съезде партии, было внесено изменение в название. Отныне партия называлась Российское Христианско-Державное Движение (аббревиатура РХДД, как видим, сохранялась). Впрочем, переименование не очень помогло. В 1995 году РХДД входило в «Державу» Руцкого, но быстро вошло в конфликт с бывшим вице-президентом. В дальнейшем, став совершенно микроскопическим по численности, РХДД поддерживало на президентских выборах 1996 года С. Говорухина.

Патриотическое крыло Демократической партии (ДПР) во главе с С. Глазьевым, как уже говорилось, вступило в коалицию с КРО и разделило его судьбу. Но и в целом демпатриоты, как будет показано ниже, теряли свое значение в патриотическом движении.

Серьезные шансы возглавить правых имел Русский Национальный Собор. Лидер РНС А. Стерлигов в 1994–95 гг. оставался заметным

политиком, на его встречах с патриотическим активом в Петербурге присутствовали сотни людей, сохранились и продолжали активно действовать низовые организации РНС во многих городах.

Однако этот значительный потенциал оказался не реализован по причинам объективного и особенно субъективного характера. Соборяне не смогли найти новую линию поведения, соответствующую новым условиям, а Стерлигов, игнорируя мнения местных организаций РНС и рядовых соборян, заключил ряд тактических союзов с неприемлемыми для патриотов деятелями. В целом политика РНС в 1993–96 гг. на редкость противоречива и отмечена немалым числом промахов.

РНС бойкотировал выборы в Думу в декабре 1993 года (впрочем, большинство петербургских соборян голосовали за ЛДПР или КПРФ), что не дало Собору развернуть агитацию. Однако один из лидеров РНС, директор химического комбината «Енисей» из Красноярского края Петр Романов не только стал депутатом Совета Федерации, но и едва не возглавил его. Лишь двух голосов не хватило Романову для того, чтобы стать председателем верхней палаты.

К выборам 1995 г. РНС начал готовиться со всей серьезностью. 8 сентября на съезде в Москве был создан избирательный блок «Союз Патриотов». В состав блока, помимо РНС, вошли еще несколько организаций: Всероссийское офицерское собрание (лидер – генерал-полковник, в прошлом главком воздушно-десантных войск Владислав Ачалов), Ассоциация промышленников и предпринимателей (во главе – А. И. Тизяков, бывший член ГКЧП), Всероссийский Союз ветеранов вооруженных сил, Московское дворянское собрание, Профсоюз военнослужащих запаса и ветеранов локальных войн, ряд казачьих войск (Семиреченское, Хабаровское Амурское, и др.) и ряд общественных объединений.

Однако Союз Патриотов так и не принял участие в выборах, сойдя с дистанции еще при сборе подписей в поддержку кандидатов. Это вызвало недоумение у рядового актива и у руководства местных комитетов РНС, которые честно собрали требуемые по закону 100 тысяч подписей. Тем не менее Стерлигов отказался от регистрации «Союза», хотя на думских выборах у РНС с союзниками не было особых шансов пройти 5-процентный барьер, но все же заявить о себе, провести агитацию, заключить новые коалиционные соглашения соборяне могли. Отказ от борьбы посеял в рядах сторонников РНС сомнения в правильности методов деятельности Собора и в способностях Стерлигова быть лидером.

Авторитет Стерлигова был долгое время непрерываем, но отсутствие каких-либо позитивных достижений, многолетнее противостояние власти без перспектив близкой победы не могли не оказать деморализующее влияние на соборян. В таких условиях конфликт Стерлигова с рядом лидеров региональных организаций и назначение им новых ру-

ководителей вызвали раскол отделений РНС на местах. Когда же Стерлигов, вступив в соглашение с всесильным в тот момент начальником президентской охраны А. В. Коржаковым, пытался склонить соборян голосовать в первом туре президентских выборов за Ельцина, точнее, по терминологии Стерлигова, за русское окружение президента, то этим шагом он нанес смертельный удар РНС. Так, например, очень сильная петербургская организация РНС сначала распалась надвое, а затем и вовсе съехала до уровня неформального клуба с несколькими десятками членов. Большинство активистов перешло в КПРФ (включая и тех, кто ранее не состоял в компартии), молодежь Собора ушла к баркашовцам. Некоторое количество соборян, разочаровавшись в политической борьбе, ушло целиком в частную жизнь.

Таким образом, ни ЛДПР, ни СПДД, ни КРО, ни РНС не смогли стать ведущими партиями оппозиции. Зато на эту роль все больше начинали претендовать коммунисты.

Если взять итог парламентских выборов 1995 г., к которым патриоты и коммунисты подготовились значительно лучше, чем за два года до этого, то можно констатировать огромный успех оппозиционных блоков, вместе взятых. Если считать голоса, отданные не только за прошедших по партийным по партийным спискам в Думу, и сформировавшие там свои депутатские фракции блоки, но и приплюсовать к ним «пропавшие» голоса, отданные за оппозиционные избирательные объединения, не получившие пять процентов голосов, то получится впечатляющий результат. Так, КПРФ получила 15 млн. 433 тыс. голосов (22,3%), ЛДПР – 7 млн. 737 тыс. (11,18%), КРО – 2 млн. 890 тыс. (4,31%), СПДД – 1 млн. 781 тыс. (2,57%), %, Партия Самоуправления Трудящихся – 3 млн. 137 тыс. (4,5%), блок С. Говорухина – 688 тыс. (1%), «Власть народу» – 1 млн. 113 тыс. (1,61%), Аграрная партия 2 млн. 613 тыс. (3,78%), Национально-Республиканская партия – 331 700, «За Родину» Вл. Полеванова – 194 тыс.

Всего за патриотические (и псевдопатриотические) партии проголосовало свыше 40 миллионов человек, то есть почти половина избирателей. Если быть точным, 44, 34% избирателей.

Эти же выборы продемонстрировали упадок либерально-западнических идей в общественном сознании. Партия Е. Гайдара не преодолела 5%-ный барьер, другая ельцинистская партия – ПРЕС Шахрая получила в 20 раз (!) меньше голосов, чем в 1993 году и осталась вне Государственной Думы, в парламент прошло лишь «Яблоко», подчеркивающее свой характер партии демократической оппозиции.

Понимая, что исход выборов будет неблагоприятным для демократов, окружение Ельцина, окончательно доказав отсутствие каких-либо демократических убеждений, сделало ставку на создание «партии

власти» с обязывающим названием «Наш Дом – Россия» (НДР) во главе с премьер-министром В. С. Черномырдиным, в программных документах которой отсутствовали упоминания о «цивилизованных странах», в семью которых должны войти Россия, зато хватало риторики об интересах России. Собственно, НДР была не партией, а своего рода профсоюзом высших государственных чиновников. Для привлечения части патриотического электората в партийный список НДР под № 3 был внесен генерал Лев Рохлин, герой чеченской войны. В идеологическом плане создание НДР означало оттеснение идейных демократов от власти на политическую периферию. Многие наиболее беспринципные из демократов перебежали в НДР. Один из таких перебежчиков, Владимир Рыжков (однофамилец «плачущего большевика» Николая Рыжкова), ставший зампреда думской фракции НДР, прославился афоризмом – «Вовремя предать означает предвидеть!». Впрочем, НДР получила на выборах 7 млн. голосов (10%), заняв третье место.

Другим ухищрением правительственных организаторов выборов было допущение чрезмерно большого числа избирательных объединений. В отличие от 1993 г., когда в ожидании победы «Выбора России» Е. Гайдара власти старались не допустить участия в выборах мелких партий, теперь ставка была сделана на распыление голосов избирателей между мелкими блоками. На избирательных участках растерянному избирателю вручали настоящую «простыню» с перечислением 43 блоков. Как известно, голоса 53% избирателей действительно пропали, будучи отданными за не прошедшие 5-процентный барьер 39 блоков.

В российском обществе после десятилетия потрясений усиливались чувство разочарования во всех политических партиях и лидерах. В декабре 1995 года, по официальным данным, 37 881 431 избирателей предпочли не пойти на избирательные участки или проголосовали «против всех». Они тоже по-своему сказали «нет» ельцинизму.

В новой Думе оказались лишь 4 блока, причем 3 из них считались оппозиционными ельцинизму (КПРФ, ЛДПР, «Яблоко»), один представлял безыдейную «партию власти». Как видим, парламентские выборы 1995 года показали, что большинство избирателей отвергает ельцинизм.

Полным победителем парламентских выборов 1995 года могла считаться КПРФ, которая, вместе с прошедшими по одномандатным округам партиям, имела в Государственной Думе 158 депутатов. Если к коммунистам добавить 50 жириновцев и еще 15 патриотических деятелей, прошедших по одномандатным округам (из КРО, «Власть – Народу» и независимых), то всего в Государственной Думе было 225 депутатов, за которых голосовал патриотический электорат. Если учесть, что всего в Думе было 450 депутатов, то оппозиция имела ровно половину

депутатских мандатов. Если бы в России существовала демократия, то КПРФ возглавила бы правительство. Но в самодержавной республике победа на выборах ничего не значит.

Итак, с конца 1993 г. стала формироваться асимметричная коалиция партий и организаций «красно-белых» по идеологии, при доминировании КПРФ, занявшей позицию легальной системной оппозиции. На роль партии № 1 оппозиции выдвинулась КПРФ. И на президентских выборах летом 1996 г. лидер КПРФ Геннадий Зюганов был бесспорным кандидатом оппозиции, выступая уже не только от имени своей партии, но и от имени значительной части патриотических сил.

Странное лето 1996 года

В 1996 году должны были состояться президентские выборы. Собственно, еще в период борьбы с Верховным Советом Ельцин, не уверенный в своей победе над парламентом, предлагал «нулевой вариант» – перевыборы президента и парламента. На декабрь 1993 года планировались выборы в Государственную Думу, через полгода, в июне 1994 года – выборы президента. Однако, после переворота октября 1993 года, Ельцин моментально забыл о «нулевом варианте». К 1996 году, особенно после победы оппозиции на выборах во вторую Думу, переносить до бесконечности президентские выборы стало невозможно. Между тем именно в начале года Ельцин имел фактически отрицательный рейтинг, от него отошли почти все политические силы и организации, которые обеспечивали ему победу в 1991 году и поддерживали в противостоянии с Верховным Советом. Честная победа на выборах была невозможна.

Первоначально Ельцин собирался осуществить новый государственный переворот, арестовать патриотических и коммунистических лидеров и отменить выборы. 23 марта на закрытом совещании Ельцина с премьером Черномырдиным и силовыми министрами обсуждался вопрос о запрещении КПРФ, роспуске Государственной Думы и отмене выборов. Но Черномырдин, министр внутренних дел А. Куликов и Чубайс выступили против. Даже если верить «мемуарам» Ельцина, министр внутренних дел Куликов, когда-то решительно поддерживавший Ельцина в период октябрьского восстания в Москве, предупредил президента: «Компартия в половине регионов России контролирует местную законодательную власть. Она выведет народ на улицы. За всех своих подчиненных в этой ситуации поручиться не могу. Что будем делать, если часть милиции будет за президента, другая – против? Воевать? Это

же гражданская война»*. Куликова поддержал Чубайс: «Это безумная идея – таким образом расправиться с коммунистами. Коммунистическая идеология – она же в головах людей. Указом президента новые головы не приставишь... Отменять выборы нельзя»**. Было решено все же провести выборы, запугав избирателя, и объявить Ельцина победителем, невзирая на реальное число поданных за него голосов.

Бывший помощник трех генсеков ЦК КПСС, а в 1996 году – руководитель Главного программно-аналитического управления президента Вадим Печенев в своих воспоминаниях с милым цинизмом пишет: «Со всей ответственностью могу заявить, что... руководящим ядром «партии власти» было принято решение: *Зюганову президентом России не бывать, эту роль продолжать исполнять Ельцину*»*** (курсив Печенева. – *Авт.*).

В первой половине 1996 года Ельцин ездил по всей России, делая широковещательные заявления о скором наступлении экономического процветания. Правительство периодически объявляло о повышении минимальных зарплат, пенсий и пособий. 2 апреля 1996 года был подписан договор с Белоруссией о создании союзного государства. По негласной договоренности с чеченскими боевиками, к лету 1996 года в Чечне затихли боевые действия. Джохар Дудаев, слишком много знавший и слишком много болтавший, был уничтожен ракетой в момент разговора по сотовому телефону с Москвой. Ликвидация Дудаева могла выглядеть как окончательное разрешение чеченской проблемы. Ельцин в мае совершил поездку на территорию мятежной республики (впрочем, побывав лишь в лояльном федеральном центре Надтеречном районе), и торжественно объявил солдатам: «Война закончена. Вы победили». На броне БТРа Ельцин подписал указ об отмене с 2000 года обязательного призыва граждан на военную службу и переходе к контрактной армии. В начале 1996 года были уволены со своего поста одиозный министр иностранных дел А. Козырев, прославившийся своими уступками Западу, за что удостоился клички «мистер «Да!». Одновременно был официально уволен с должности первый вице-премьер правительства Чубайс. (На деле именно рыжий приватизатор возглавлял предвыборный штаб Ельцина). Такие примитивные методы предвыборной агитации, как ни странно, все же действовали на некоторых россиян.

В мае Кремль решил провести в Петербурге нечто вроде эксперимента по рассмотрению эффективности выборов технологий. 19 мая, на месяц раньше положенного по закону срока, в городе прошли выбо-

* Ельцин Б. Н. Президентский марафон. М., 2000, с. 32.

** Там же, с. 33.

*** Печенев В. А. «Смутное время» в новейшей истории России. 1985–2003. М., 2004, с. 144.

ры губернатора. В выборах участвовал мэр города Собчак, некогда одна из самых популярных фигур среди политиков страны. Впрочем, даже после резкого падения его рейтинга Собчак оставался гораздо популярнее Ельцина. Его поддерживала часть питерской интеллигенции. Собчак обладал значительным административным ресурсом и был уверен в успехе. Против него выступал целый ряд кандидатов, в большинстве своем мало известных и в самом городе. Тем не менее первый тур не дал Собчаку победы. Во второй тур, назначенный на 2 июня, вместе с Собчаком вышел его прежний заместитель Владимир Яковлев. Интересно, что в самом Петербурге большинство избирателей ничего не знали про Яковлева. Более того, его даже путали с его тезкой, еще одним из замов Собчака по культуре. Однако Собчак был настолько ненавистен патриотам, что перед вторым туром практически все оппозиционные партии, сошлись в едином лозунге «Все на борьбу с Собчаком!». Поддержанный всеми антиельцинистскими силами Петербурга почти неизвестный Яковлев стал губернатором северной столицы. Собчак на полном серьезе заявлял, что причиной его поражения было использование командой Яковлева некоего экстрасенса, который и не дал Собчаку продемонстрировать свои несравненные ораторские способности!

В Кремле сделали из поражения Собчака выводы. Главным было стремление не допустить создания единого фронта всех противников ельцинизма. Для того, чтобы асимметричная коалиция коммунистов с белыми национал-патриотами раскололась и для того, чтобы некоммунистические патриоты не поддерживали Зюганова, Кремль ввел в игру амбициозного генерала Александра Лебеда. Герой войны в Афганистане, Лебедь получил всероссийскую славу во время боев в Приднестровье. Когда расквартированная в Приднестровье 14-я армия присоединилась к мятежной «русскоязычной» республике, ее новый главком Лебедь поддержал столь вызывающее нарушение приказов Верховного Главнокомандующего Ельцина и солидаризировался с армией, приказав открыть огонь по молдавским подразделениям. Этот поступок сделал генерала героем национал-патриотов. О нем хвалебные телепередачи делал Невзоров и восторженно писала патриотическая пресса. Для многих патриотов Лебедь стал русским де Голлем. В принципе, у генерала были неплохие шансы выдвинуться в число национально-патриотических лидеров. Не случайно именно благодаря Лебедю малоизвестный прежде КРО на кое-то время стал одной из самых крупных национально-патриотических партий. Но сам Лебедь отнюдь не стремился конфликтовать с Кремлем.

Выдвинутый КРО кандидатом в президенты, Лебедь получал спонсорскую помощь от «крестного отца Кремля», как его называл убитый впоследствии американский журналист Пол Хлебников, Березовско-

го. Неудивительно, что Лебедь не испытывал недостатка в финансах. Он собрал эффективную команду имиджмейкеров и политтехнологов. Его рекламный слоган «Правда и порядок» может считаться образцовым.

Чтобы еще больше привлечь внимание к Лебедю (и тем самым, отобрать их от Зюганова), кремлевские политтехнологи стремились воздействовать на подсознание избирателей. В дни выборов по телевидению крутили комедию «Особенности национальной охоты», один из главных героев которой, Генерал, даже голосом был похож на Лебеда.

Президентские выборы состоялись летом 1996 года. Первый тур, состоявшийся 16 июня, в котором состязались 10 кандидатов, согласно официальным данным, дал такие результаты: Зюганов получил 24 211 686 голосов (32,04%), Лебедь – 10 974 736 (14, 52%), Жириновский – 4 311 479 (5,7%), Ю. Власов – 151 282 (0,2%). В сумме оппозиционные кандидаты набрали 40 миллионов голосов (около 53%).

Между тем Ельцин 26 июня, накануне второго тура, пережил очередной инфаркт. В результате весь предвыборный график был отменен под тем предлогом, что президент настолько уверен в успехе, что не считает нужным выступать перед избирателем. Хотя Кремль предпринял беспрецедентные меры по предотвращению утечки информации, болезнь Ельцина не была секретом. В те дни я, рядовой активист, прекрасно был осведомлен о болезни и полной недееспособности Ельцина. Один из преподавателей Военно-Медицинской Академии даже выступал перед членами РНС с лекцией о характере болезни президента. Именно тогда я и другие соборяне слышали слова «коронарное шунтирование», которые осенью узнала вся страна. Более подходящего момента для смены власти трудно было придумать. Но Зюганов предпочел идти на второй тур 3 июля. При этом факт болезни своего противника он ни разу не использовал.

По официальным данным, Зюганов проиграл во втором туре Ельцину, получив 40% голосов, против 53%, отданных за действующего президента. Как обстояло на самом деле, трудно судить. Напомним, что трудно ожидать объективности от Центральной Избирательной Комиссии, председатель которой, тот самый Н. Рябов, что занимался выборами в 1993 г. и «потерял» результаты референдума по конституции, был назначен на эту должность президентом. И. В. Сталину приписывают изречение, что не важно, как голосуют, важно, как считают. Понятно, что в условиях России приходится принимать на веру сообщения компьютеров Центризбиркома о цифрах и характере голосования, поскольку невозможно проверить, как голосовали те или иные регионы Сибири, армия, сельская местность.

Дж. Кьеца, цитируемый выше, привел любопытные примеры фальсификации президентских выборов в Татарстане, когда Ельцину

приписали 20% голосов, у Зюганова отрезали 13%, у Явлинского – 21%, у Лебеда, ставшего союзником Ельцина, и то отрезали 27%.*

Помимо этого, в России в 1996 г. голосовали заключенные (естественно, за Ельцина, по официальным данным), обитатели сумасшедших домов. Перед вторым туром голосования усилия всех СМИ были направлены на то, чтобы избиратели вообще пришли на избирательные участки. Расчет был прост – как показывает вековой опыт выборов на Западе, алкоголики, бомжи, безработные и т. п. публика, если она вообще ходит голосовать, голосует всегда за существующую власть, за действующего президента. Миллионы пьяниц, воров и прочих люмпенов видели в Ельцине родственную натуру, и не приходится сомневаться в искренности их ельцинских симпатий.

Добавим сюда массированную пропагандистскую кампанию, которую с полным основанием можно назвать промыванием мозгов. Так, Чубайс пугал избирателей: «Зюганов – это уничтожение частной собственности, тоталитаризм, уничтожение свободы, лагеря и убийство миллионов»**. Как и в годы перестройки, началась истеричная антикоммунистическая кампания, причем коммунистов 90-х гг. уподобляли троцкистам 1918 года. По телевидению крутили ролики, в которых карикатурно изображенный Зюганов отбирал у граждан еду. Запугивание избирателей дало определенный эффект. Не случайно говорили, что выборы 1996 года, это победа страха над совестью.

Курьезно, что никаких демократических лозунгов ельцинская команда в ходе выборов не выдвигала, прекрасно понимая, что последние российские демократы все равно вынуждены будут голосовать за Ельцина. «Куда они денутся?» – с ухмылкой говорил Ельцин о демократах во время встречи с президентом Белоруссии Лукашенко.

Впрочем, главную роль в том, что немалая часть россиян поверила в победу Ельцина, сыграл фактор генерала Лебеда, набравшего в 1-м туре 14,5% голосов, отобрав их у Зюганова и примкнувшего к Ельцину перед вторым. Значительная часть дезориентированных избирателей генерала во втором туре отдала свои голоса Ельцину. Между тем избиратели Лебеда, несмотря на его ультралиберальную экономическую программу, которую мало кто из его сторонников читал, в основной своей массе были настроены весьма радикально-националистически и тяготели к «сильной руке». Сам Лебедь не скрывал своих авторитарных наклонностей. Не случайно он прославился своим афоризмом, что «генерал-демократ, это все равно, что еврей-олeneuve».

---

* Кьеца Дж. Прощая, Россия! М., 1998. С. 187–189.

** Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Россия под властью плутократии. М., 2003, с. 246.

Через день после первого тура выборов, 18 июня, Лебедь был назначен секретарем Совета безопасности с особыми полномочиями (без конкретизации, в чем состоят эти особые полномочия). Разумеется, за один день и даже за неделю такие вопросы не решаются, и, следовательно, предварительная договоренность Лебеда с Ельциным состоялась еще задолго до выборов.

Перед вторым туром к Ельцину фактически присоединился Жириновский. Впрочем, вождь ЛДПР откровенно продался за деньги. По сообщению газеты «Известия» от 27 июня 1996 г., Государственный комитет по управлению имуществом (знаменитая контора Чубайса) подписал договор с Жириновским о передаче ему Юсуповского дворца в Москве*.

Региональные руководители, выполняя распоряжение Кремля, обеспечили нужный процент проголосовавших за Ельцина. Даже по официальным данным, в Татарии в 1-м туре за Ельцина проголосовало 38%, а во 2-м – 64%. В Дагестане Ельцин сначала получил 26%, во 2-м туре – 51% (!), в Северной Осетии, соответственно, 19 и 43%. Особенно восхищают официальные итоги голосования в Чечне, где Ельцин получил 68%. Поверить, что за две недели между турами голосования количество сторонников Ельцина удвоилось, мягко говоря, невозможно.

Только после окончательного заката эпохи Ельцина стало возможным выяснить некоторые сведения о реальном выборе России в 1996 году. Так, буквально перед самой отставкой Ельцина, 22 ноября 1999 г. бывший начальник охраны Ельцина генерал Коржаков, выступая в телепередаче «Совершенно секретно», признал, что Ельцин не выиграл выборы. По словам Коржакова, зам. Председателя Центризбиркома Иваненко уничтожил бюллетени, объявив Ельцина победителем. Зюганов знал об этом, но признал себя побежденным, поздравив Ельцина победой. О победе Зюганова в 1996 году говорил и телеобозреватель А. Караулов. Факт фальсификации выборов осторожно признал и руководивший тогда Главным программно-аналитическим управлением при президенте В. Печенев**. Впрочем, раз Ельцин был объявлен победителем и Зюганов признал это, то выборы можно считать победой Ельцина.

Следует заметить, что среди патриотов, активно работающих на Зюганова, бытовало мнение, что при любом исходе голосования Ельцина все равно объявят победителем, потому что слишком влиятельные зарубежные и внутрироссийские силы были заинтересованы не столько в победе больного старика Ельцина, сколько в недопущении прихода к власти национальных сил. Сам факт отсутствия, между тем, ярких и сильных деятелей либерально-западнического лагеря, невольно делали

* Известия. 27.06.1996.

** Печенев В. А. «Смутное время» в новейшей истории России. 1985–2003. М., 2004, с. 131.

режим временным, зависимым от состояния здоровья президента. Сам же режим утратил ореол демократического и реформаторского, превратившись в господство клики олигархов, приближенных к телу Ельцина, лишенных всяких идей. Единственным доказательством законности режима являются ссылки на результат выборов 1996 г.

После того, как Ельцин был объявлен победителем выборов, с электоратом перестали церемониться. Сразу после выборов было приостановлено действие 4 федеральных законов, 24 президентских указов, 15 постановлений правительства. Договор с Белоруссией быстро был забыт, а прокремлевские и либеральные СМИ вдруг выяснили, что белорусский президент Лукашенко страшный диктатор.

Особенно циничный характер носила сделка с чеченскими боевиками. Во исполнение договоренностей, Кремль обеспечил чеченцам победу в проигранной ими войне. В августе чеченские боевики захватили Грозный. О том, что это стало возможным не в результате их военной победы, а вследствие предательства, свидетельствуют факты. О готовящемся захвате боевиками Грозного знали чуть ли не все в Чечне. В местной газете «Грозненский рабочий» от 1 августа прямо писали, что боевики планируют штурм города*. Несколько позднее генеральный прокурор пророссийского правительства Чечни В. Абубакаров отметил, что на состоявшемся 5 августа совещании чеченских командиров в Ханкале прямо говорилось, что федеральные силы не будут оказывать сопротивления чеченцам при их проникновении в город. Была названа сумма – два миллиарда тогдашних рублей, за «невмешательство» федералов**. О готовящемся нападении на Грозный сообщали все разведслужбы. Но командование вывело практически все войска из Грозного «на учения». Были отправлены «в отпуск» почти все крупные военачальники. Именно в этот день, 6 августа, и началось вторжение боевиков в Грозный. Характерно, что продвижение в город им значительно облегчило то, что на их пути были сняты блокпосты. Лишь в центре города боевики неожиданно натолкнулись на упорное сопротивление небольших групп федералов, вооруженных стрелковым оружием, общей численностью около 300 человек. Целых пять дней окруженные бойцы вели бой с многократно превосходящими силами боевиков, но никакой помощи от своих они не дождались. В Грозном плечом к плечу с русскими солдатами храбро сражалась чеченская милиция пророссийского правительства республики.

Когда, наконец, войска начали продвигаться в центр Грозного, они опять, как в новогоднюю ночь 1995 года, попали в засаду и понесли

---

* НГ, 2.08.1996.

** Рабочая трибуна, 06.09. 1996.

огромные потери. Одновременно чеченцы захватили почти все населенные пункты республики. Вторым по значению город Чечни – Гудермес был захвачен боевиками почти без боя. В городе Аргун лишь закрепившиеся в здании комендатуры солдаты вели бой с боевиками, как и в Грозном, не получая никакой помощи от федеральных войск.

Между тем «победителям» летних выборов было не до каких-то там умирающих в Чечне. 9 августа состоялась вторая инаугурация Ельцина в качестве президента РФ. Однако из-за своей болезни Ельцин почти не мог стоять на ногах, хотя ему постоянно делали обезболивающие уколы. В результате вся процедура инаугурации заняла 20 минут, а планируемые торжества были значительно сокращены. Толстомясые жены и длинноногие любовницы банкиров и прочих «бизнесменов», собиравшиеся блеснуть своими нарядами на кремлевских торжествах, были очень разочарованы. Портить новостями из Чечни настроение развлекающемуся в Кремле бомонду, разумеется, после этого было некрасиво.

В Чечне вскоре генерал Пуликовский, наконец, блокировал Грозный. Он объявил о создании гуманитарного коридора, по которому Грозный могли покинуть мирные жители, и приготовился к масштабному штурму. 250 тысяч мирных жителей действительно в течение двух дней покинули Грозный. В Грозном оказались в ловушке почти все силы чеченцев, включая главнокомандующего Масхадова. Федеральные войска могли уничтожить огнем в обезлюдевшем городе почти все чеченские силы, не теряя людей при штурме. Это напугало Кремль – не дай Бог, ретивый генерал сорвет все договоренности по организации сдачи Чечни. Телекомментатор Е. Киселев буквально захлебывался яростью, критикуя «преступных генералов». В Чечню немедленно прилетел секретарь Совета безопасности Лебедь, который, ссылаясь на свои чрезвычайные полномочия, приказал подписать перемирие. Вскоре, 30 августа, в дагестанском городе Хасавьюрте, Лебедь и Масхадов, в присутствии представителя ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе) Тима Гульдимана, подписали мирный договор, который можно расценить как капитуляцию России. Русская армия, не побежденная на поле боя, была выведена с территории Чечни. 5042 погибших, 510 пропавших без вести военнослужащих были забыты.

Генерал Лебедь, сделав всю грязную работу по организации успеха Ельцина в предвыборных манипуляциях и сдав Чечню, был выброшен вон из властных структур. Всего он пробыл ровно 4 месяца секретарем Совета Безопасности, причем присутствовал только на одном заседании Совета – при своем представлении. На его место секретарем Совбеза был назначен Иван Рыбкин – один из самых бесцветных политиков даже для той эпохи, отнюдь не богатой политическими талантами. Впрочем, главную роль в Совбезе стал играть зам. Рыбкина, банкир

семьи Ельцина, олигарх Борис Березовский. Форменной пощечиной стране было то обстоятельство, что человек, занимавшийся вопросами национальной безопасности России, имел израильское гражданство.

Далее, Ельцин расплатился с олигархами, которые деньгами помогли ему вести избирательную кампанию. Заплатили им почти буквально – состоялись «залоговые аукционы», на которых государство за бесценок передало в частные руки самые прибыльные производства.

Итак, если называть вещи своими именами, летом 1996 года в результате фальсификации результатов выборов, режим Ельцина удержался у власти и даже получил в глазах общественности что-то вроде легитимности.

Оппозиция в лице Зюганова, однако, признала законность исхода выборов. Является это соглашательством или политической тактикой – сложный вопрос. Принимая участие в выборах всех уровней, КПРФ и ее союзники по НПСР оказались «встроены в систему», по словам самого Зюганова и превратились из непримиримой в «системную» оппозицию, признающую правила игры. Термин «временный оккупационный режим» (ВОР) периода конфронтации 1992–93 гг. исчез, т. к. стал неуместен в новых условиях. Фракция КПРФ в Государственной Думе с первого же захода одобрила вновь предложенную Ельциным кандидатуру Черномырдина на пост премьера. Возможно, во исполнение тайных соглашений КПРФ с режимом, видный деятель левой оппозиции А. Тулеев (кстати, один из кандидатов в президенты в 1996 году, за неделю до выборов снявший свою кандидатуру в пользу Зюганова), стал министром по делам СНГ. Кроме того, Кремль сильно не препятствовал проведению региональных выборов, полоса которых началась с осени 1996 года и в которых громадные преимущества были у местных структур КПРФ.

Политическая жизнь вступила в недолгий период апатии и скуки.

Август 1996 — август 1998: два года политической летаргии

Не надо думать, что русские люди покорно ждали результат голосования и забыли о борьбе за свои права. Во всероссийской акции протеста 5 ноября 1996 года приняло участие более двух миллионов человек. 27 марта 1997 года прошла новая Всероссийская акция протеста, в которой участвовало, по данным профсоюзов, уже 21 миллион человек. Наряду с требованиями экономического характера, все громче звуча-

ли призывы к отставке правительства и президента. Кстати, репильные российские профсоюзы, объединенные в Федерацию Независимых профсоюзов России (ФНПР), вопреки названию, полностью зависимые от правительства, менее всего склонны преувеличивать численность участников антиправительственных акций. Следующая, еще более масштабная, акция прошла в апреле 1998 года. Демонстрации, пикеты, забастовки, марши протеста стали частью российской повседневности «спокойных» 1996–98 гг. Частым явлением стали голодовки, известны случаи самосожжения, демонстративного отказа от российского гражданства. Впрочем, были и не только пассивные методы борьбы. Так, нередкими стали захват представителей администрации в качестве заложников и блокада дорог. В мае 1998 года бастующими шахтерами перекрывался Транссиб, Северо-Кавказская, Воркутинская и некоторые другие железные дороги. Вновь появился термин «рельсовая война» для обозначения специфики классовой борьбы по-русски.

В борьбу включилось студенчество. В России, в противоположность большинству стран мира, наиболее политически активными гражданами были пенсионеры, а студенты, напротив, считались едва ли не самыми большими «пофигистами». На самом деле именно студенты составляли большую часть радикальных патриотических партий. Но долгое время студенты действительно не выдвигали самостоятельных политических требований. Однако «реформа образования», предусматривающая ликвидацию бесплатного образования, привела студенчество в движение. Еще в 1994 году организация «Студенческая самозащита» проводила масштабные демонстрации в Петербурге. В Москве 12 апреля 1994 года происходили столкновения студентов с ОМОНОм. Студенты оттеснили омоновцев и двинулись к Кремлю по Новому Арбату. По пути юные бунтари разгромили несколько дорогих супермаркетов для «новых русских» и выломали пуленепробиваемую витрину «Олби-банка». В следующем году демонстрация была жестоко избита омоновцами. Однако пока эти беспорядки ограничивались отдельными вузами отдельных городов. Но в 1998 году студенческие демонстрации, митинги и даже насильственные действия прокатились по всей стране. В Екатеринбурге в апреле 1998 года дело дошло до столкновений студентов с ОМОНОм. Закончилось все избиением студентов прямо возле здания политехнического института, ворота которого украшала памятная доска, извещавшая, что именно здесь учился Ельцин.

Главные события этого спокойного двухлетия решались избирательными бюллетенями. В 1996–97 гг. по РФ прошла полоса региональных выборов. Почти все они сопровождались триумфальными победами коммунистов и блокирующихся с ними национал-патриотов. Асимметричная коалиция «вписанной в систему» оппозиции в про-

винции имела значительный успех. Впрочем, во многом он объяснялся тем, что в областях, краях и республиках не было столь значительной фальсификации, как во всероссийских выборах. К концу 1997 года в 39 регионах победили представители левой оппозиции. Некоторые кандидаты набирали огромное количество голосов. Так, А. Тулеев, после 11 месяцев пребывания в должности ничего не решающего министра по делам СНГ, приняв участие в выборах губернатора Кемеровской области, получил 95% голосов! Можно напомнить о триумфальном избрании курским губернатором Руцкого. Огромный фурор вызвали победы на губернаторских выборах столь знаковых фигур, как бывший член ГКЧП Василий Стародубцев, ставший тульским губернатором, и Николай Кондратенко, вернувшийся к руководству Краснодарским краем, которым он правил ранее до своего смещения за поддержку ГКЧП. Представитель ЛДПР Евгений Михайлов стал псковским губернатором. Помимо губернаторских постов, представители оппозиции, в основном красной, получали большинство в законодательных собраниях ряда регионов. В Орле дошло до курьеза – только один из депутатов областной Думы не состоял в КПРФ! В Северной Осетии членами КПРФ были президент, премьер-министр и спикер республиканского парламента. На различных довыборах в Государственную Думу парламентский мандат получали оппозиционные Кремлю деятели. Так, место в Госдуме от тульской области завоевал бывший начальник охраны Ельцина, разжалованный им А. Коржаков.

Появился термин «красный пояс» для обозначения тех регионов, где правили губернаторы, поддерживаемые КПРФ. Любимым занятием для политологов стало рисование на карте красным цветом одних регионов, где побеждала КПРФ, и синим – где торжествовали другие партии. Социологи начали рисовать графики и таблицы, объясняющие, почему в одних краях голосуют за красных, а в других – за их противников, выводя все из уровня экономического развития или размера безработицы.

На деле все было не так просто. Избиратели чаще всего голосовали за хорошо известных им местных хозяйственников и общественных деятелей местного разлива. Как правило, местный хозяйственный руководитель с советских времен, условный гр-н NN, по должности ранее бывший членом КПСС, будучи порядочным человеком, оставался в партии, пусть даже сменившей название (что совершенно не означало, что этот NN разделяет тонкости официальной доктрины). На выборах его обычно поддерживала КПРФ (не только как товарища по партии, но просто как сильного, «проходимого» кандидата). После победы на выборах новый губернатор волей или неволей вынужден был сотрудничать с Кремлем, и в его губернаторском положении это было более важно, чем выполнение партийных поручений. Неудивительно, что многие

«красные» губернаторы быстро перестали отличаться от губернаторов другого «цвета». С другой стороны, целый ряд региональных лидеров, выступая с позиций антикоммунизма, фактически представляли собой национально-патриотическую власть местного уровня. Так, скандально известный губернатор Приморского края Евгений Наздратенко завоевал безграничную поддержку местных жителей тем, что вел активную борьбу против нелегальной китайской иммиграции, устраивая массовые облавы на нелегалов, которых без всяких сантиментов депортировали в Китай. Одновременно Наздратенко резко выступал против всяких попыток Кремля уступить Китаю в территориальных спорах. Таким образом, конфликтуя с местными организациями КПРФ и не участвуя ни в каких патриотических тусовках, Наздратенко проводил в жизнь патриотический курс в доверившемся ему крае. Не случайно Кремль долго и безуспешно пытался свалить губернатора, устроив в Приморье энергетический кризис.

Тем не менее «красный пояс» действительно существовал. Он охватывает области Черноземья, Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и степных областей Сибири. Но если мы посмотрим на регионы «пояса», то нельзя не удивиться тому обстоятельству, что к «красным» относятся именно те регионы, которые были «черными» (то есть черносотенными) в 1906–1917 гг., а затем – «белыми» в годы Гражданской войны. Похоже, не коммунистическая идеология и даже не харизма региональных деятелей, а государственный инстинкт потомков однодворцев «Засечной черты» и казаков приводили к электоральным победам кандидатов КПРФ. Многие «красные» губернаторы открыто высказывали взгляды и, что более существенно, осуществляли вполне праворадикальную политику.

Среди таких «красных» губернаторов, которых можно считать на самом деле «белыми», можно вспомнить краснодарского губернатора Николая Кондратенко. Выходец из казачьей семьи, «казак по роду и племени», отец которого погиб на фронте, Кондратенко более 20 лет находился на различных хозяйственных должностях Краснодарского края. В 1987 году он стал председателем Краснодарского крайисполкома, а в 1990 году – председателем краевого Совета народных депутатов. За время руководства краем он получил известность как один из самых решительных и дельных руководителей. Кондратенко пользовался на Кубани всеобщим уважением, что было редкостью для коммунистических лидеров во времена перестройки. В народе его прозвали «батька Кондрат». Во время «августовского путча» 1991 года Кондратенко был одним из немногих региональных руководителей, открыто поддержавших действия ГКЧП. После поражения «путча» Кондратенко указом Ельцина был смещен со своего поста. В отношении его было возбуждено уголовное дело «за измену Родине». Правда, после прекращения

«дела ГКЧП» было прекращено и дело против Кондратенко. «Батька Кондрат» продолжал трудиться на благо Кубани директором стекольного завода. В 1993 году им было создано региональное патриотическое движение «Отечество», представляющее собой блок практически всех национально-патриотических организаций края, включая казаков, коммунистов и русских этнонационалистов, и насчитывавшее свыше 100 тысяч человек.

Тем временем «демократические» власти развалили и разворовали хозяйство этой житницы России. Неудивительно, что на выборах губернатора края в 1996 году за Кондратенко было подано 82% голосов!

«Батька Кондрат» возглавил край в тот момент, когда к экономическому кризису, коррупции и ряду стихийных бедствий добавилась демографическая экспансия кавказцев, принесших на Кубань свои специфические представления в области морали, бизнеса и лояльности государству. Кроме того, край оказался «прифронтовой» зоной (Чечня и другие «горячие точки» рядом). И в таких условиях Кондратенко сумел во многом выправить положение.

Оставаясь верным «солдатом партии» коммунистов и искренне считая себя красным, «батька Кондрат» и в своих речах, и в своей политике проводил вполне «белый» курс. Став Краснодарским губернатором, Кондратенко яростно критиковал сионизм. Меры, предпринимаемые губернатором против кавказских спекулянтов, вызвали полное одобрение казаков. При этом «настоящие» левые были резко настроены против Кондратенко. Так, в ноябре 1998 года в Краснодаре были арестованы трое анархистов, готовивших покушение на «батьку Кондрата». Парадоксально, но Кондратенко оказался единственным губернатором, на которого готовилось покушение по политическим мотивам. Кстати, и я сам однажды столкнулся с отношением истинных левых к «красному» краснодарскому губернатору. На одной конференции коммунистов и патриотов ко мне подошел один из коммунистов-ортодоксов, приняв меня за своего (я старательно читал газету ортодоксов) и начал жаловаться на то, что Кондратенко настоящий черносотенец. Я полностью согласился с этим.

«Красные» (или считающиеся такими) губернаторы много сделали для подъема региональной экономики после разрухи начала 90-х гг. Но в области политики они в основном предпочитали соглашаться с Кремлем. В конечном счете, области и края «красного пояса» отнюдь не выглядели «освобожденными территориями». Разумеется, региональные патриотические руководители вовсе не были прокремлевской псевдооппозицией типа ЛДПР, но предпочитали заниматься своим «малым» делом, «выбивая» из Кремля средства на зарплаты и пенсии, а не ставить задачи по смене режима.

Для политических партий и лидеров короткий период стабильности стал серьезным испытанием на прочность. Монотонная текучка повседневности оказывается для политической организации не менее рискованной, чем время героической борьбы. И это испытание выдерживают не все.

Во второй половине 90-х гг. с политической сцены ушли в небытие М. Астафьев со своими кадетами. Виктор Аксютин сделал шаг, серьезно дискредитировавший его в глазах патриотов, став советником вице-премьера Немцова, на ряд лет пропал со сцены Илья Константинов (уже в новом веке превратившись в секретаря социал-демократической партии во главе с М. Горбачевым!). Продался Березовскому журналист А. Невзоров.

Газета «Завтра» растеряла прежнюю остроту и многих талантливых авторов и членов редколлегии. «Советская Россия» утратила прежний боевой дух, занимаясь в основном рассуждениями на тему, как хорошо было раньше, при СССР, и как стало плохо теперь. Впрочем, в 1996 году произошло пополнение рядов патриотической прессы – появляется газета «Дуэль», ставшая одной из самых известных национально-патриотических газет страны. Редактор «Дуэли», уже не раз упоминаемый Юрий Мухин, благодаря своему умению не обходить неудобные вопросы и полемическому дару, стал одним из наиболее ярких публицистов национально-патриотического направления.

Между тем, именно в это время возникла еще одна организация, едва не превратившаяся в ведущую силу национал-патриотизма. Летом 1997 года генерал Лев Яковлевич Рохлин создал организацию с длинным названием «Движение в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» (обычно называемой просто ДПА). Несмотря на свою подчеркнутую корпоративность, доказывающую, что оно действует исключительно как организация армии и ВПК, фактически ДПА приобрело черты национального фронта, противодействующего эльцинизму. В 1997–98 гг. Рохлин, ранее мало известный, превратился в одного из ведущих политиков России.

Лев Рохлин действительно был незаурядной личностью. Он родился в 1947 году в Аральске в Казахстане. Через несколько месяцев после рождения сына его отец, еврей по происхождению, оставил семью, и Лев воспитывался матерью. Он выбрал военную карьеру и окончил Ташкентское общевойсковое командное училище в 1970 г. с золотой медалью. После этого служил в Советской армии, в 1982–84 гг. воевал в Афганистане. Уже возвращаясь домой из афганской командировки, Рохлин чудом остался в живых – вертолет, на котором он летел, был сбит. Рохлин получил множественные ранения и сломал позвоночник. Однако упорный подполковник не только не чувствовал себя инвалидом, но

и остался на службе. В 1994 г., будучи уже генералом, Рохлин командовал 8-м гвардейским корпусом, расквартированным в Волгограде. Этот корпус, преемник знаменитой 62-й армии, сражавшейся в Сталинграде, до назначения туда Рохлина, был в состоянии развала, удивительного даже для армии «демократической» России. Новый комкор сумел навести порядок, пресечь воровство, повысить боевую подготовку. Это было очень своевременно, т. к. вскоре корпус (по численности, впрочем, уступавший дивизии) был направлен в числе первых частей в Чечню. В отличие от большинства командиров Рохлин готовил своих подчиненных к боевым действиям. Во время новогоднего штурма Грозного в ночь на 1 января 1995 г. войска Рохлина действовали наиболее эффективно, понесли наименьшие потери, и именно они сумели переломить ход почти провалившегося наступления русской армии. Январский штурм Грозного сделал имя Рохлина известным всей России. Он был представлен к званию Героя России, но отказался принимать ее, заявив, что на гражданской войне быть героем нельзя. В развертывавшейся в 1995-м г. думской избирательной кампании почти все блоки пытались привлечь в свой партийный список военных деятелей и, естественно, герой продолжавшейся войны казался подходящей кандидатурой для всех партий. Проправительственный блок «Наш Дом – Россия» (НДР) во главе с одним из главных виновников чеченской войны премьером Черномырдиным постарался привлечь Рохлина на свою сторону. Кремлевские заправила учли еврейское (по отцу) происхождение генерала и его аполитичность. Рохлин согласился войти в состав НДР, но потребовал от Черномырдина обязательства помочь в перевооружении своего корпуса и обеспечении военнослужащих жильем. Выступая на предвыборных митингах, генерал никогда не агитировал за НДР, а говорил о проблемах армии и страны в целом.

Став депутатом Думы, он возглавил думский комитет по обороне. Вскоре выдвинувшие Рохлина в НДР пожалели о своем выборе. Генерал с парламентской трибуны выступал с обвинением высшего генералитета в коррупции, приведя конкретные факты. Рохлин публично обвинил Ельцина в развале армии и государственной измене.

В июле 1997 г., как уже говорилось, Рохлин создал ДПА и перешел в открытую оппозицию режиму Ельцина. Впрочем, он тут же вступил в конфликт и с руководством КПРФ, занявшим удобную соглашательскую позицию. В мае 1998 г. с участием фракции КПРФ Рохлин был смещен с должности председателя думского комитета по обороне.

Разумеется, этим трудно было запугать генерала, который во время чеченской войны в генеральском мундире по-ворошиловски лихо ходил под пулями боевиков. Рохлин за год после июля 1997 года посетил 50 областей и республик России, повсюду торжественно встречаемый

не только патриотическим активом, но и ветеранами различных войн, директорами оборонных заводов, а также, нередко, и представителями администрации на уровне вице-губернаторов. Региональные отделения ДПА к лету 1998 года существовали в 63 субъектах Федерации. В составе ДПА были не только военные или деятели военно-промышленного комплекса, но также и видные ученые, лидеры шахтерских забастовок, казаки, и даже «Мисс Петербург – 98» студентка Елена Лукьяненко. К ДПА начали переходить организации и отдельные граждане, разочарованные соглашательской политикой КПРФ. Правда, среди интеллектуалов и молодежи ДПА особой популярности не имела. Армия была серьезно дискредитирована чеченской войной и коррупцией генералитета. Однако это не означало, что они в дальнейшем не поддержат ДПА. В скором времени ДПА стал основной силой некоммунистической оппозиции. Силу ДПА придало большое количество офицеров и чекистов, которые, отнюдь не устраивая постоянные дискуссии по самым разным вопросам, что было характерной чертой национал-патриотических партий, были организованы и имели связи в силовых структурах. Если в России кто-то и мог организовать военный переворот, то это только Рохлин, за которым были готовы идти многие офицеры, особенно из его 8-го корпуса. Убедившись на собственном опыте в невозможности свержения режима парламентским путем, Рохлин определенно стал готовить военное выступление.

Реакция Кремля была понятна. «Мы сметем Рохлина» – угрожающе заявил Ельцин. 3 июля 1998 г. Рохлин был застрелен на своей даче. Вскоре был расформирован 8-й гвардейский корпус. ДПА не было закрыто (это ведь могло только способствовать популярности движения), но, оставшись без Рохлина, захирело.

Правящая клика, получившая название «семья» (поскольку членами ее были члены семьи Ельцина, а также потому, что поразительно напоминала сицилийские «семьи») могла чувствовать себя спокойно. В Кремле обсуждали технические возможности превращения Ельцина в пожизненного правителя страны. Придворные юристы и журналисты начали осторожную кампанию в поддержку третьего президентского срока Ельцина. Так, пресс-секретарь Ельцина С. В. Ястржембский осенью 1997 года заявлял, что сам Ельцин избран президентом на основании конституции 1993 года только один раз, так что третье его переизбрание полностью законно. На случай, если в Государственной Думе вдруг начнут возражать, планировались также изменения конституции под предлогом создания нового российско-белорусского государства. Наконец, самому Ельцину больше всего нравилась идея «реставрации» в России монархии под своим регентством. Не случайно в июле 1998 года Ельцин самолично прибыл на церемонию торжественного

перезахоронения останков Николая II и его семьи в Петропавловской крепости. Впрочем, любители исторической мистики не могли не обратить внимание на то, что именно в часы этой церемонии в Москве был ураган, выломавший зубец из стен Кремля, а сам Ельцин был настолько плох, что не мог стоять во время церемонии. Казалось, что сама природа говорила: не по Сеньке шапка, не бывать тебе царем. Но протестовала только природа.

Итак, ельцинизм продолжал уничтожать страну, а национал-патриоты, как «старые» партии, так и новые движения, не смогли свергнуть его. Казалось, что национал-патриотизм выдохся и Россия смирилась с ельцинизмом. Но тут ельцинизм сам себе нанес смертельный удар.

Глава IX

РУБЕЖ ВЕКОВ – РУБЕЖ ЭПОХ

Агония ельцинизма

Весной 1998 года сонное течение политической жизни было нарушено очередной кадровой «загогулиной» Ельцина. Многолетний подельник Ельцина, премьер с декабря 1992 года, известный своим косноязычием, Виктор Черномырдин 23 марта был без всяких объяснений отправлен в отставку. Все годы пребывания в премьерской должности Черномырдин был вполне лоялен Ельцину и поддерживал его осенью 1993 и летом 1996 года. Однако Ельцин не терпел слишком долго сидевших рядом с ним деятелей. Черномырдин, обладавший значительным личным состоянием, исчисляемым миллиардами долларов, возглавлявший крупную фракцию НДР в Государственной Думе, привык считать себя наследником Ельцина. В самом начале года Черномырдин побывал в США, где его встречали подчеркнуто торжественно, а сам премьер вел себя, как будущий президент. Понятно, что Ельцин, испытывая к своему премьеру ревнивые чувства, и, наградив Черномырдина орденом к 60-летию, предпочел избавиться от него.

На роль нового председателя правительства Ельцин предложил совершенно неизвестного замминистра топлива и энергетики Сергея Кириенко. Выдвигая этого «киндер-сюрприза» (как окрестил Кириенко управляющий делами президента РФ Бородин), Ельцин, по своему обыкновению, выдвигал неизвестного и уже по этой причине послушного ему и всей «семье» человека. Помимо этого, Ельцин с удовольствием демонстрировал свое презрение Думе, в течение месяца вновь и вновь навязывая псевдопарламенту, каким была Дума, Кириенко, угрожая роспуском Думы в случае неутверждения своего ставленника. Фракция КПРФ, громогласно осуждая «антинародный режим», все равно голосовала за кремлевских ставленников.

Кириенко может считаться классическим примером деградации советской властвующей элиты. Его дед, старый большевик Яков Израи-

тель, член партии с 1917 года, лично знавший Ленина, в последние годы жизни был членом Сухумского горкома партии. Отец, носивший чисто советское имя Владилен (то есть Владимир Ленин) был, естественно, профессором кафедры марксистско-ленинской философии Горьковского института водного транспорта. Сам киндер до 7 лет носил фамилию Израитель, но после развода родителей остался с фамилией матери Кириенко. Сам Кириенко сделал комсомольскую карьеру, став секретарем Горьковского обкома комсомола. Он прославился изобретением прибора для моментальной лотереи, прозванной в народе лохотроном. В эпоху ельцинских «рыночных реформ» Кириенко стал банкиром. В годы банковской деятельности Кириенко имел израильское гражданство, а также состоял в секте сайентологов. Как видим, внук революционера и сын советского чиновника стал капиталистом-банкиром. Таков был финал династической карьеры. Впрочем, все предки киндера, да и он сам, не имели никаких государственных способностей (национализация, а затем приватизация в свою пользу не требует особых интеллектуальных усилий).

Кириенко стал премьер-министром, а уже в августе «россияне» узнали о чисто экономическом термине «дефолт». 17 августа правительство объявило о внутреннем дефолте, то есть о моратории на оплату обязательств на 90 дней. В результате курс рубля по отношению к доллару к осени упал в 4 раза. Сразу лопнули многие коммерческие банки, и сотни тысяч мелких бизнесменов и простых людей были разорены. В результате финансового краха в одночасье обанкротились те социальные слои и группы, что получили некоторую долю национального богатства при разграблении России и были социальной опорой режима. Словно в 1990 году, опустели полки магазинов, а ведь именно заполненные прилавки были чуть ли не главным доводом демократов в оправдание своего экономического курса. Особенно любопытно то обстоятельство, что дефолт был словно специально приурочен к 7-й годовщине победы демократии. В результате в современной России вопрос об «августовских событиях» у россиян вызывает ассоциации не с августом 1991 года, а с дефолтом. Ни один национал-патриот не смог бы догадаться так эффективно подорвать демократическую пропаганду.

Перед самым дефолтом МВФ предоставил России кредит почти в 5 миллиардов долларов для стабилизации валюты. Те, кто знал о готовящемся дефолте, тут же скупили эту валюту по цене 6 рублей за доллар. Когда произошел обвал рубля, то доллар тут же подскочил более, чем в 3 раза, а стоимость предприятий на фондовом рынке – в 10 раз*.

Для деятелей прозападного режима было бы непростительной наглостью «кинуть» и своих американских хозяев. Естественно, что за

* Санкт-Петербургские ведомости, 2000, 25 марта.

два месяца до финансового краха А. Чубайс через американские финансовые институты осуществил конвертацию части ГКО (государственных краткосрочных обязательств) в долларовые обязательства на 7 миллиардов долларов. Понятно, что те, кто получил эти обязательства, в первую очередь, американские компании, успели выйти из-под обвала. Но большинство российских предпринимателей оказались ни с чем.

Дефолт вызвал совсем не ту реакцию, которую ждали младореформаторы. На протяжении десятилетия все экономические и политические потрясения в России сопровождались безмолвием народа. Пропаганда демократов эффективно эксплуатировала самые низменные чувства «электората» – алчность, трусость, глупость. Многие «россияне» зрелого и юного возраста не обратили внимания на уничтожение в результате гайдаровских реформ банковских сбережений, надеясь на то, что уж они-то, такие умные и хитрые, сумеют разбогатеть. Хотя годы шли в напряженной борьбе за выживание, но у многих «россиян» сохранялась надежда на то, что наступит, наконец, время их приобщения к западному стилю потребления. В августе 1998 года наступило прозревание.

Ельцин отправил в отставку кабинет Кириенко вместе с другими «молодыми реформаторами». Однако попытка вновь назначить премьером Черномырдина вызвала в Государственной Думе дружный отпор. Президент уже не мог распустить парламент (и тем более расстрелять его из танков), не имея никакой массовой опоры. И он вынужден был назначить премьером Евгения Примакова, которого огромным большинством утвердила Государственная Дума. Примаков в условиях кризиса сумел получить право самостоятельно формировать кабинет министров. На должность своего первого заместителя премьер-министр выдвинул члена думской фракции КПрФ Юрия Маслюкова, бывшего председателя Госплана СССР и члена Политбюро КПСС последних лет существования партии.

Выдвигая кандидатуру 69-летнего ученого и разведчика Примакова, не вмешиваясь в персональный состав членов нового кабинета, Ельцин рассчитывал, что «красное» правительство не сможет быстро преодолеть последствие дефолта и станет, таким образом, виновато во всех бедах. Примаков и его команда были назначены на роль грядущих «козлов отпущения».

Однако хитрый и лукавый Примаков, уроженец Грузии, много лет проработавший на Востоке, внешне демонстрируя лояльность президенту, начал плавный демонтаж ельцинизма. Руководивший экономикой Маслюков сумел в короткий срок вывести промышленность из кризиса. Без опозданий стали выплачиваться зарплаты и пенсии. Уже в 1999 году начался рост российской экономики (после десятилетия сплошного па-

дения!). Конечно, во многом это объяснялось и таким фактором, как повышение мировых цен на нефть – главный экспортный товар страны. Но все же именно эффективный экономический курс кабинета Примакова обеспечил саму возможность подъема экономики страны.

Быстрые успехи «красного» кабинета настолько контрастировали с итогами многолетней деятельности «реформаторов» (которые постоянно говорили, что реформы «не идут» из-за того, что им, «реформаторам», не дают времени осуществить задуманное), что рейтинг Примакова поднялся невероятно высоко. Когда осенью 1998 года Примаков появился на футболе на столичном стадионе «Лужники», то все 50 тысяч болельщиков устроили восторженную овацию премьеру. Кстати, всего лишь несколькими днями ранее там же, в Лужниках, толпа болельщиков освистала попытку одного из ельцинских министров зачитать приветствие президента по случаю юбилея одного из российских футболистов.

Главным для Примакова, как и для всех российских политиков того времени, была борьба за власть во властвующей элите. Чтобы расколоть ельцинистов, Примаков сумел рассорить «семью» Ельцина с «серым кардиналом» Кремля, олигархом Б. Березовским, предав гласности факт прослушивания Березовским через свою охранную фирму «Атолл» частных бесед президента. Ельцин вспылил на наглый поступок того, кого считал своим лакеем, и отстранил банкира «семьи» с должности исполнительного секретаря СНГ. Одновременно Генеральный прокурор Юрий Скуратов (в полном согласии с премьером) начал судебные действия против компаний «Голден-Ада», «Сибнефть» (контролируемой Березовским), «Аэрофлот» (где работал зять Ельцина В. Окулов), «Мабетекс» (реставрировавшей кремлевские апартаменты), банка СБС-Агро, и ряда других. В сущности, это было сокрушение несущих опор режима. Примаков готовил и более основательную «зачистку» финансовой верхушки. Весной 1999 года, во время доклада министра юстиции о готовящейся амнистии, по которой освобождалось из мест заключения около 100 тысяч человек, премьер неожиданно заявил, что это необходимо сделать для того, что бы освободить места заключения для тех, кого будут сажать за экономические преступления. Узнав об этой фразе традиционно осторожного и скрытного премьера, многие бизнесмены стали паковать чемоданы. Ельцин и его «семья» запаниковали.

Между тем в марте 1999 года страны НАТО совершили агрессию против Югославии. Это событие вызвало в России взрыв негодования. Антизападные настроения вырвались наружу. Американское посольство и консульства оказались в настоящей осаде в кольце демонстрантов. Несколько сотрудников натовских дипломатических миссий были избиты. В Петербурге американское консульство было заминировано неиз-

вестными. В Екатеринбурге в консульстве произошел взрыв. В Москве продолжалась осада американского посольства.

Примаков в разразившемся югославском конфликте сумел продемонстрировать высший класс дипломата и пиарщика сразу, когда продемонстрировал «петлю Примакова». Такое название (по аналогии с «петлей Нестерова») получил поступок премьер-министра, направлявшегося в США с официальным визитом 24 марта 1999 года. Узнав, что, несмотря на протесты России, НАТО начало бомбардировки Югославии, Примаков приказал развернуть свой самолет над Атлантикой, и возвращаться в Россию. Действительно, именно эта «петля» стала на время мировой сенсацией. Если бы Примаков прилетел в США и выступил с заявлением, что российское правительство против агрессии, то его бы вежливо выслушали и продолжали свое дело. Если бы Примаков отказался лететь в США в знак протеста, то это вообще не стало бы чем-то большим, чем пара газетных строк. Но «петля» заставила весь мир говорить о позиции России в югославском конфликте.

Интересно, что практически вся российская пресса (кроме газеты «Коммерсант-daily»), поддержала позицию Примакова. Похоже, что антизападные настроения в России достигли такого накала, что «свободная» пресса из чувства самосохранения выступила солидарно с большинством читателей.

Однако, как ни парадоксально на первый взгляд, актив патриотических партий относился к кабинету Примакова и к нему самому достаточно подозрительно. Отчасти патриотов смущал тот факт, что Примаков вышел из той же обоймы горбачевских кадров, что стали разрушителями страны. Примаков, будучи министром иностранных дел в 1996–98 гг., не смог предотвратить расширение НАТО. Многие патриоты считали Примакова евреем по фамилии Киршблат. Впрочем, сам Примаков, всю жизнь витавший в высших кругах, сначала академических, а затем — политических, привык действовать кулуарно, не желая обращаться к массам «снизу».

Перепуганная реальной угрозой потери не только власти, но и свободы, «семья» Ельцина перешла в наступление. Был уволен генпрокурор Скуратов. Примаков не защитил его, что, разумеется, не способствовало его авторитету.

Тем временем, видя патриотический подъем в настроениях масс, осмелела думская коммунистическая фракция. Еще за несколько лет до этого прокурор В. Илюхин, знаменитый тем, что в свое время возбуждал уголовное дело против Горбачева по статье «измена Родине», а также возглавивший после убийства генерала Рохлина ДПА, начал в Государственной Думе кампанию за импичмент Ельцину. После августовского дефолта даже многие депутаты из либералов были настроены

резко антипрезидентски, и идея импичмента получила поддержку в парламенте. Необходимые для начала процедуры импичмента 300 депутатских голосов были получены.

12 мая Ельцин отправил кабинет Примакова в отставку. А 15 мая 1999 г. в Государственной Думе состоялось голосование по началу процедуры отстранения президента от должности (импичмента). Хотя, учитывая полномочия президента по навязанной им конституции, сама эта процедура была почти невозможна даже при единогласном осуждении президента Думой, но все же само начало обсуждения было свидетельством кризиса режима. Были выдвинуты 5 пунктов обвинения: развал СССР, переворот осени 1993 года, чеченская война, подрыв обороноспособности страны, геноцид русского народа. Ни по одному из 5 пунктов обвинения при голосовании не было набрано достаточно голосов для осуждения Ельцина, но значение для патриотического движения было в другом. В этот день окончательно стало ясно, что представляют собой многие псевдопатриотические партии и депутаты. Так, против импичмента голосовала фракция ЛДПР (благодаря голосам которой и был сорван импичмент), ряд «независимых» депутатов. Многие из «независимых» депутатов просто не явились в Думу в день импичмента. После 15 мая не могло быть и речи о перевороте с целью сохранения пожизненной власти Ельцина под видом «переизбрания» на третий срок или «реставрации» монархии под его регентством. Режим отчаянно пытался сохранить если не самого Ельцина, то хотя бы ельцинизм.

«Чекисты» приходят на место воров

К лету 1999 года главным в политической жизни страны была борьба за ельцинское наследство. Рычаги власти все больше выходили из-под контроля Ельцина. Назначенный им спецпредставителем по урегулированию ситуации в Югославии экс-премьер Черномырдин сумел принудить сербского президента Милошевича принять условия НАТО. Таким образом, в очередной раз ельцинский режим позволил Западу победить. Впрочем, в данном случае Черномырдин во многом действовал самостоятельно, игнорируя инструкции Ельцина. Рассчитывая стать преемником Ельцина, Черномырдин начал выслуживаться перед американцами.

Но даже и в таких условиях триумф НАТО оказался испорченным, а Россия, после 10 лет политических унижений, вдруг одержала победу (пусть и короткую) над Западом. В момент, когда натовские сухопутные части готовились вступить на территорию Косова, 12 июня российские

десантники заняли косовской аэродром Слатина, возле столицы края Косово, Приштины. Это было не только щелчок по носу Западу, но и очередной подрыв мифа о технологическом превосходстве НАТО. Все разведывательные спутники блока не заметили марш-бросок русских протяженностью в 650 км из Боснии через всю Сербию. С тем же успехом русские могли внезапно оказаться в центре Европы.

Но не меньшее значение бросок на Приштину имел для внутренней жизни России. Сам факт броска стал свидетельством деградации режима. Решение об этой операции принял начальник Главного управления международного сотрудничества МО РФ генерал-полковник Леонид Ивашов. Образцовый военный интеллигент, поэт и ученый, генерал с искусством флорентийского дипломата воспользовался неразберихой в политических верхах и отдал приказ о захвате аэродрома. Самым трудным в этой операции, по словам генерала-патриота, было убедить Ельцина, что все действуют по его приказу. Как видим, и капитулянт Черномырдин, и решительный Ивашов действовали самостоятельно, ставя Ельцина перед свершившимся фактом.

После броска на Приштину Ельцин вдруг проснулся «патриотом». Он наградил генерала-лейтенанта Заварзина, непосредственно осуществившим бросок. Что ему еще оставалось делать?

После отставки Примакова новый премьер Степашин, известный по прозвищу «пожарник» (за то, что защитил диссертацию о партийном руководстве пожарных частей Ленинграда в годы блокады), всеми рассматривался как временная фигура. В верхах шла ожесточенная борьба за власть. Перипетии этой борьбы раскололи (в очередной раз) и патриотов. Несколько упрощая, можно говорить о развернувшейся борьбе тех околоправительственных кланов, что уже наворовали и были готовы в любой момент «свалить» за рубеж, и тех, что еще не наворовали. Одновременно усилились раздоры и среди тех закулисных сил, что были готовы окончательно ликвидировать Россию как единое государство и разделить ее на удельные княжества по примеру СССР, и теми, что собирались сохранить страну в границах РФ и использовать ее как плацдарм и пушечное мясо против исламского мира и Китая.

Группировка «ликвидаторов» имела полную поддержку ряда сепаратистски настроенных региональных руководителей, которые к концу правления Ельцина по своим полномочиям (и по своим личным качествам) напоминали восточных сатрапов. К их числу относились президенты «суверенных» Татарстана и Башкирии (соответственно М. Шаймиев и М. Рахимов), а также губернаторы и городничие ряда богатых регионов и городов (в первую очередь Москвы и Петербурга). Политической организацией ликвидаторов, претендующей на роль новой партии власти, стало движение губернаторов «Вся Россия» и блок мос-

ковского мэра Лужкова «Отечество». Во главе объединившихся «Отечества – Всей России» (ОВР) номинально стоял популярный экс-премьер Примаков. «Горбачевизм» бывшего члена Политбюро Е. М. Примакова сказался в том, что в момент выбора между борьбой за власть и борьбой за единство оставшейся части России Примаков по-византийски предпочел власть. Блок ОВР имел поддержку со стороны нефтяной компании ЛУКойл, информационной империи Гусинского «Медиа-Мост» и ряда других олигархических образований. К ОВР примкнули и многие патриоты. В составе руководства блока был и ректор МГУ Садовничий, генерал Борис Громов, в прошлом – командарм-40 в Афганистане, и кандидат в вице-президенты летом 1991 года, один из подписавших «Слово народу», 1-й секретарь ЦК комсомола Мишин, ряд профсоюзных лидеров. К ОВР примкнул и бывший лидер КРО Д. Rogozin, вскоре выброшенный Лужковым из блока. Но еще больше в блоке было перебежчиков из ельцинского стана, не желавших идти на дно вместе с боссом. Не случайно такие влиятельные деятели ельцинского режима, как бывший министр внутренних дел Куликов, зам. министра обороны А. Кокошин и даже бывший пресс-секретарь Ельцина Ястржембский оказались в ОВР. Летом 1999 года казалось очевидным, что Примаков станет новым лидером России.

Другая группировка, связанная с недоворовавшими олигархами и «семьей» Ельцина, пыталась сохранить ельцинизм после Ельцина. Но в тех конкретных условиях это означало, по крайней мере, сохранение территориальной целостности РФ. К этой группировке примкнули весьма усилившиеся к этому времени «силовики» – деятели карательных органов. Впрочем, о «силовиках» скажем чуть далее.

Данная группировка, во главе которой стоял возглавлявший в тот момент администрацию президента А. Волошин и которую консультировал и финансировал Б. А. Березовский, отчаянно пыталась удержать власть. Парадоксальным образом, в полную противоположность 1991 году, для «семейной» группы сохранение территориального единства России было необходимым для удержания власти. Поскольку сам Ельцин к этому времени был политическим трупом (и физическим полутрупом), то для данной группы самым главным для самосохранения было найти преемника президенту, готового гарантировать неприкосновенность ему и его «семье». Но для «раскрутки» преемника необходимы были некоторые рекламные действия. В условиях полной нехватки времени самым лучшим пиаром могла быть маленькая победоносная война.

Первоначально кремлевская группа пыталась спровоцировать межэтнический конфликт в Карачаево-Черкесии, маленькой республике на Северном Кавказе. Вероятно, межэтнический конфликт рассматри-

вался как прекрасный повод отложить выборы на неопределенный срок. Весной 1999 года здесь вдруг состоялись президентские выборы. В условиях, когда между двумя титульными нациями республики наличествовала вражда, избрание президентом представителя любого этноса привело бы к взрыву. Понятно, что Кремль именно этого и добивался, устроив выборы вопреки протестам чуть ли не всех политиков региона и всех экспертов в данном вопросе. Кстати, сам Березовский и его трубадур, видный телекомментатор на 1-м канале ТВ, Сергей Доренко, также баллотировались в Государственную Думу от Карачаево-Черкесии.

Однако вскоре в Кремле поняли, что для «раскачки» этнического конфликта требуется слишком много времени, да и в стране вряд ли установление чрезвычайного положения в одном из регионов Федерации будет способствовать росту популярности ставленника «семьи». Но тут подвернулась удача – летом началось вторжение чеченских боевиков в Дагестан.

Новая война совпала с появлением нового премьера. 16 августа В. В. Путин был утвержден в этой должности Государственной Думой. Начались крупномасштабные боевые действия в Дагестане, откуда вскоре боевики были выбиты, а затем и в самой Чечне.

Задачи, которые в новой войне теперь решал Кремль, были прямо противоположны задачам первой войны. И не случайно армии особо не мешали бить чеченцев, а сам новый премьер моментально получил широчайшую популярность благодаря фразе «мочить в сортире». Так называемых правозащитников просто не подпускали к районам боевых действий, а «свободная» пресса, демонстрируя свою «независимость», вдруг бурно поддержала федеральную армию. Зато чеченские сайты в Интернете были полны обидой: «Мы так не договаривались!»

Наряду с началом новой чеченской войны произошли другие кровавые события, сразу изменившие позицию многих россиян. В начале осени 1999 года произошли террористические акты в Москве и других городах страны. Сначала, 31 августа, взорвался ряд игровых автоматов в подземном торговом центре «Охотный ряд» в Москве (один погибший). Но это не произвело впечатления на москвичей, привыкших к разборкам «деловых людей». Для того, чтобы народ стремительно возжаждал «твердой руки», понадобились более масштабные действия. 4 сентября был взорван жилой дом в дагестанском Буйнакске (64 погибших, 146 раненых). Поскольку проживали в нем в основном семьи военнослужащих, да и административная граница с Чечней была рядом, то виновными сразу были объявлены чеченские боевики. Наконец, грянул взрыв в Москве, на Каширском шоссе (121 человек погиб). После этого в стране и особенно в столице был введен «особый режим». Милиция и армия прочесывали все чердаки и подвалы, жильцы многоквартирных домов

организовывали патрулирование вокруг своих жилищ в ночное время. Массмедиа раздували страхи, сообщая о тысячах террористов, и даже обещая ядерный взрыв в Москве. Кремль мог быть доволен: запуганные обыватели ждали «крепкой руки», которая наведет порядок. Уже никто не сомневался в правильности второй чеченской войны – надо покарать убийц мирных жителей!

То, что за этими взрывами стояли «отмороженные» чеченцы, было очевидно обывателю, но многие обстоятельства этих терактов вызывали сомнения у оставшихся в стране разумных людей, среди которых некоторые даже работали в СМИ. Так, в газете «Московский комсомолец» «МК» появилась запись разговора Березовского с одним из чеченских главарей Удуговым. («МК» – газета вообще-то бульварная, но она имела доступ ко многим источникам информации. «МК» была единственной газетой, которую постоянно читал Ельцин. В политических баталиях осени 1999 года «МК» поддерживала московского мэра Лужкова и блок ОВР.). Взбешенный Березовский 16 сентября провел пресс-конференцию, в которой разругал газету «МК», телеканал НТВ и радиостанцию «Эхо Москвы», заявив, что все они – «группа, которая отработывает заказ». Во взрывах в Москве Березовский обвинил московского мэра. Березовский весьма многозначительно заметил, что все силы правопорядка стянуты в Москву, а регионы остаются оголены. На другой день, словно в подтверждение слов Березовского, прогремел взрыв в жилом доме в Волгодонске (18 погибших, 40 раненых).

То, что взрывы жилых домов устраивают чеченцы, для СМИ и обывателя было аксиомой. Но в «МК» 24 сентября появилась статья «Операция "Взорванный мир"». Авторы прямо обвинили «семью» Ельцина в организации взрывов и так указали на роль свежее испеченного премьера Путина: «По сути, «семья» назначила не премьера, а ответственного за проведение операции... С назначением Путина и. о. премьера операция перешла в заключительную стадию»*.

Интересно, что последовало дальше. Никакой сенсации не последовало. Никто не стал полемизировать с «МК», только на 1-м канале ТВ, подконтрольном Березовскому, комментатор М. Леонтьев назвал публикацию в «МК» «бредом, который не стоит и обсуждать». В основной реакции всех СМИ, которые хоть как-то откликнулись на статью в «МК», сводились к одному: этого не может быть, потому что не может быть никогда. Как положено «независимой» газете, на другой день «МК» стал помещать статьи прямо противоположенного содержания. Так группа Лужкова и Примакова утратила одно из главных средств политической борьбы.

* Кочергин Ю., Крутаков Л. Операция «Взорванный мир» // «МК», № 183, 24.09.1999.

Одновременно телекомментатор С. Доренко, прозванный «теле-киллером», начал на 1-м канале ТВ травлю столпов ОВР Примакова и Лужкова. В результате за несколько месяцев казавшиеся победителями Примаков и Лужков быстро потеряли популярность. «Семья» Ельцина могла быть довольной.

Для того, чтобы еще сильнее ударить по группе Лужкова и поддерживающего его медиа-магната Гусинского, проплаченные Березовским пропагандисты миллионными тиражами издали фотографию, на которой московский мэр сидел рядом с председателем Российского Еврейского Конгресса (РЕК) Гусинским в еврейской шапочке кипе. Надпись под фотографией вопрошала: «Вот загадка для детей, кто из этих двух еврей».

Прозападные либералы, не имея популярности в массах, но обладая большими деньгами и связями, также попытались собрать свою партию, хотя уже даже в самых смелых своих мечтах не претендующую на роль правящей. В начале 1999 года путем слияния разных мелких партий «демократов» был собран блок Союз Правых Сил (СПС). Кстати, сам факт того, что организаторы нового блока боялись использовать названия типа «либерал» или «демократ», зато предпочли назвать себя «правыми», (как до 1999 года обычно называли «белых» национал-патриотов!), весьма показателен. Ни одна партия, не желающая совершить политическое самоубийство, теперь не может назвать себя «демократической». Слово «демократ» стало таким же одиозным, как «коммунист» в 1991 году.

Партия Жириновского, полностью послушная Кремлю, теряя авторитет, все же вполне устраивала кремлевскую группировку. Чтобы избиратель не забыл о Жириновском, в ходе парламентской избирательной кампании его партию то снимали с участия в выборах, то вновь выдвигали, создавая ей рекламу.

Разумеется, новой партией власти могла стать полностью новая партия, еще не успевшая себя дискредитировать. Кремлевские политтехнологи быстро создали предвыборный блок «Межрегиональное движение «Единство»» («Медведь»). Показательно, что создали блок 39 губернаторов (38 попугаев и примкнувший к ним Руцкой, как их прозвали), дотируемых федеральным центром регионов. Никакой программы, кроме поддержки премьера Путина, у «медведей» не было, но в условиях популярности Путина этого и не требовалось.

Мощный патриотический подъем 1999 года не привел к подъему национально-патриотических партий. Они продолжали тихо угасать, как и в предшествующие годы. Единственным заметным мероприятием патриотов в то время (если не считать отправки добровольцев в Сербию и деятельность антинатовских хакеров) был марш активистов Русского Национального Единства (РНЕ) Баркашова по улицам Москвы. Но в тех

конкретных условиях это все носило характер откровенной провокации. Прокремлевские СМИ подняли вой, обвиняя московского мэра Лужкова в пособничестве «фашизму».

Патриотические силы к декабрьским выборам 1999 года в Думу вышли расколотыми. Часть патриотов, особенно из партий, входивших в НПСР, были готовы вновь поддержать КПРФ. Некоторые (например, часть аграрников), помня о действиях Примакова во время премьерства, по инерции были готовы отдать голос в пользу блока ОВР. Но большинство патриотов симпатизировали только что появившемуся пропутинскому «Медведю».

На состоявшихся в декабре 1999 года парламентских выборах результаты были таковы: КПРФ – 24,29% голосов, «Единство» – 23,32%, ОВР – 13,33%, СПС – 8,52%, Блок Жириновского – 5,98%, «Яблоко» – 5,93%. С учетом прошедших по одномандатным округам КПРФ имела в Государственной Думе 114 депутатов, «Единство» – 73, ОВР – 64, СПС – 29, блок Жириновского – 17, «Яблоко» – 20, и 132 депутата объявили себя независимыми. Если учесть, что большинство независимых депутатов во всем поддерживали Кремль, жириновцы, естественно, тоже, а ОВР получил такой сильный удар на выборах, несмотря на третье место в общем итоге, что быстро стал тяготеть к компромиссу с Кремлем, да и КПРФ вряд ли могла стать более оппозиционной, чем в прежней Думе, то парламентские выборы можно считать крупнейшим успехом прокремлевской группировки.

Собственно, голосование показало, что национал-патриоты выступили не так уж и плохо. Если суммировать голоса, отданные за КПРФ, ЛДПР, КРО (выступивший в блоке с одним из создателей «Яблока» Ю. Болдыревым), ДПА, РОС и еще за ряд мелких блоков, то всего за национал-патриотов проголосовали 21 млн. 400 тысяч избирателей, что составляло 32,17% всех голосов. По сравнению с 1995 годом, национал-патриоты потеряли 9 миллионов голосов. Но надо иметь в виду, что многие патриоты голосовали за путинских «медведей».

Успех партии «медведей» вполне объясним не только и не столько деятельностью кремлевских политтехнологов. В принципе, за «медведей» проголосовали те неорганизованные беспартийные патриоты из «молчаливого большинства», кто голосовал за Жириновского в 1993 году и за Лебеда в 1996. То есть, новая партия, своим названием показывающая, что стоит за территориальное единство России, и которую призвал поддержать популярный премьер Путин, смогла привлечь к себе симпатии тех беспартийных национал-патриотов, что неоднократно разочаровывались в прежних партиях и лидерах. В определенном смысле, именно неизвестность Путина, не успевшего дискредитировать себя каким-либо поступком, как практически все публичные полити-

ки, стала главным фактором привлечения внимания народа к Путину и пропутинской партии. Таким образом, в очередной раз в России своим голосованием патриоты обеспечили победу другим силам.

31 декабря 1999 года Ельцин преподнес «дорогим россиянам» подарок, подав в отставку, передав власть Путину. На март 2000 года были назначены президентские выборы. Впрочем, избирательная кампания-2000 была на редкость скучной. И. о. президента Путин не сделал каких-либо ошибок, в экономике продолжался рост, в Чечне шли успешные боевые действия, был взят Грозный. В немногих своих публичных заявлениях Путин говорил прямо как державник, фактически критикуя ельцинизм. Понятно, что многие патриотические партии были готовы поддержать Путина. Такие давние деятели национально-патриотического движения, как Бабурин, призывали голосовать за Путина. Итог президентских выборов был понятен: В. Путин получил 52,94% голосов (39 млн. 740 тыс. человек), Зюганов – 29,21% (21 млн. 928 тыс.), Г. Явлинский – 5,8% (4 млн. 351 тыс.), А. Тулеев – 2,95% (2,2 млн.), Жириновский – 2,7% (2 млн.), К. Титов – 1,47%, Э. Памфилова – 1%, С. Говорухин – 0,44%, Ю. Скуратов – 0,43%, У. Джабраилов – 0,1%. Единственной слабой сенсацией выборов были поразительно малый успех демократов, таких, как самарский губернатор К. Титов, и экс-министр социальной защиты Э. Памфилова. Также стал ясен провал Жириновского.

Результаты выборов показали, что на рубеже тысячелетия в стране произошел «бархатный» государственный переворот. Власть перешла к «силовикам», то есть представителям карательных структур. На место финансовой олигархии пришла олигархия силовая.

Этот факт не может считаться удивительным. В самом деле, уже в 90-е годы Россия производила впечатление страны, в которой половина жителей занята в охране. Практически каждый магазин, каждая школа, не говоря уже о банках, редакциях газет, штаб-квартирах партий, обзавелись своей охраной. Каждый уважающий себя «бизнесмен» располагал собственной охранной структурой. В различных ЧОПах (частных охранных предприятиях) состояло свыше 800 тысяч человек. Некоторые частные охранные структуры, типа «Атолла» Березовского, по своему техническому оснащению превосходили соответствующие государственные структуры. Многие отставные сотрудники КГБ, в том числе и бывшие генералы, продолжали работать по специальности в ЧОПах. Но и те, кто остался в родной «конторе», тоже не чувствовали себя брошенными. Во внутренних войсках, милиции, Федеральной Службе Безопасности служили сотни тысяч человек. Но, конечно, со временем должно было случиться то, что было банальным сюжетом у писателей XIX века. А именно, – наворовавшие нувориши оказались в полной зависимости от собственных телохранителей.

Приход к руководству силовиков был достаточно незаметен, хотя началось это давно. Уже Коржаков, начальник личной охраны Ельцина, пытался определять политику страны. Летом 1996 года его отстранили, но у правящей верхушки страх перед народом не исчезал, и стремление укрыться за спиной охранников сохранялось. Между тем охранники, пользуясь страхом своих хозяев, стали превращаться в решающую силу. После дефолта августа 1998 года, когда выяснилась несостоятельность «молодых реформаторов», «охранники» приобрели огромное влияние. Уже Примаков, более 30 лет работавший в структурах КГБ и возглавлявший контрразведку в первой половине 90-х гг., фактически ввел во власть многих представителей своей родной «конторы». Даже после смещения Примакова, «семья» Ельцина, стремясь сохранить если не власть, то свободу, поневоле стала выдвигать представителя «органов» Путина к рычагам власти. В результате приход «силовиков» на место «финансистов», то есть государственный переворот, принял черты затянувшегося на несколько месяцев, постепенного прихода к власти новых людей. Строго говоря, этот переворот не был «разовым» действием, когда власть берут заговорщики. Происходила медленная, но неуклонная замена лиц, стоящих на самом верху.

За время первого президентского срока В. Путин заполнил выходами из КГБ, а также своими прежними земляками из Петербурга, почти все значительные государственные посты. В начале 2005 года бывшие «кагебэшники», особенно из той его части, которая занималась внутренним сыском и которая составила основу ФСБ, составили теперь уже основу нового режима. По данным французской газеты «Монд» со ссылкой на данные социолога Ольги Крыштановской, выходцы из ФСБ составляют 58% окружения президента, 34% в правительстве, 20% в Совете Федерации, 18% в Думе*. В дальнейшем чекисты подчинили себе российский бизнес.

В конце 1999 года, в обмен на гарантии личной безопасности, Ельцин уступил власть представителю «органов» В. В. Путину. Интересно, что если в 1991 году необходимо было разыгрывать комедию «народной революции», то теперь внешне все должно было выглядеть конституционно. Собственно, вся легитимность власти Путина и заключается в его роли «наследника» Ельцина. Но произошла не просто смена первого лица страны, сменился и весь политический режим. Если при Ельцине существовала диктатура, смягченная маразмом, то теперь утвердилась полноценная, «нормальная» диктатура.

Но – и это было главным для патриотов – «силовики» стремились сохранить территориальную целостность РФ. И жесткая политика Путина в отношении Чечни, создание федеральных округов для обуздания

* Власть, 2005, № 7, с. 34.

губернаторской вольницы, – все это получило поддержку патриотов. То, что сыгравший столь большую роль в приходе Путина к власти олигарх Березовский буквально сразу же оказался в опале и бежал за рубеж, только понравилось патриотам, решившим, что президент – «наш человек». Усмирение оппозиционного канала НТВ, занимавшегося пропагандой американизма, также не могло не порадовать патриотов. Но «сдача» геополитических позиций России (утопление космической станции «Мир», оставление баз на Кубе и во Вьетнаме, допуск американских войск в Среднюю Азию), сразу испортили отношение к президенту со стороны национал-патриотов.

Политические партии национал-патриотов при Путине раскололись на два лагеря: большинство, которое его поддержало, и меньшинство, которое считало, что «Путин в других формах продолжает политику Ельцина, «цементируя» деформации, созданные первым президентом.

В новом тысячелетии

В конце 1990-х гг. складывалось впечатление, что национал-патриоты превратились в секты, а организованное движение исчезло совсем. Только нацболы Лимонова проводили «прямое действие». Однако в действительности происходила «национал-патриотизация» общественного сознания русских людей. Патриотические настроения овладели «молчаливым большинством», т. е. теми гражданами, которые не ходят на митинги, мало интересуются политикой, политическую активность проявляют только голосуя на выборах, но составляют подавляющее большинство нации. «Молчаливое большинство» никогда не разделяло западных либеральных ценностей, но было дезориентировано массированным промыванием мозгов со стороны СМИ и не видело в патриотических партиях и лидерах реальной альтернативы существующему порядку. За десятилетие русские люди успели разочароваться во многих лидерах и организациях. Горбачев, Ельцин, Жириновский, Лебедь, – все они вызывали первоначально большие надежды, пользовались искренней симпатией у значительной части нации, но затем следовало горькое разочарование. Немудрено, что у русских стало складываться предубеждение против профессиональных политиков, вышедших из одной КПСС. Поэтому о происходящих в России глубинных процессах трудно судить методами политологии или социологии. Ни правящая «элита», ни «системная» оппозиция одинаково не могли теперь увлечь за собой массы, а новым лидерам и организациям в условиях тотального господства олигархов и государства в электронных

СМИ, трудно было выдвинуться в общероссийском масштабе. Именно поэтому «народ безмолвствовал» и результаты выборов всех уровней (даже не фальсифицированных), а также социологические опросы не могли дать реальную картину изменений в сознании русских людей. Но совершенно доказанным можно считать возрастание патриотических настроений, не связанных с симпатией к конкретным партиям. Во второй половине 90-х гг. социологи заговорили о «консервативной культурной революции» в России. Невероятно возрос интерес к отечественной истории, традициям, обычаям.

Успех Путина во многом успех национально-патриотических сил. Впрочем, патриоты также осторожно критиковали политику путинского кабинета в экономической сфере, где продолжались «реформы» вице-премьера Г. Грефа в гайдаровском духе. Но все же большинство национал-патриотов впервые за полтора десятилетия не находятся в оппозиции Кремлю. Это, конечно, не означает, что такое положение продлится слишком долго. Пока правительство Путина вынужденно опираться на «силовиков», по самой своей природе патриотичных, оно может надеяться на поддержку патриотически настроенных масс.

Разумеется, немалая часть национал-патриотов осталась в оппозиции новому режиму. По мере того, как Путин своими действиями вызывал разочарования у патриотического актива, ряды оппозиции стали пополняться. Но КПРФ, все так же соглашательская, не могла увлечь на свою сторону. Национал-патриоты, с преобладанием, правда, этнических националистов, вновь попытались объединиться в единую партию. 18 марта 2001 года был подписан меморандум о создании оргкомитета единой державной партии. Подписали меморандум Ю. Беляев (Партия Свободы), А. Севастьянов («Национальная газета»), Дм. Демушкин (Славянский союз), А. Иванов-Сухаревский (Народная Национальная партия), и ряд других лидеров патриотических организаций.

В феврале 2002 г. на съезде в Подмоскovie была создана Национально-державная партия России (НДПР). В создании НДПР участвовали такие организации, как «Союз офицеров» С. Н. Терехова, Всероссийская партия Монархического Центра, Имперский Союз, ряд издательств, общественных организаций и газет. Однако личные амбиции лидеров привели к тому, что далеко не все подписавшие меморандум вошли в состав партии. История НДПР практически ничем не отличается от истории подобных партий 90-х гг. Уже попытка партии получить официальную регистрацию ни к чему не привела. Разумеется, это не может считаться серьезным препятствием для оппозиционной партии, но обыкновенную жизнь партии затрудняет.

Создатели НДПР старались не допустить бонапартовских амбиций лидеров, столь губительных для русских партий. Во главе партии

стоял триумvirат в составе сопредседателей Бориса Миронова (бывшего министра печати, активно издававшего патриотическую литературу), Станислава Терехова (лидера «Союза офицеров»), и Александра Севастьянова (публициста, редактора «Национальной газеты»). В принципе, идея сопредседательства была неплоха, да и сам триумvirат был отражением направлений национал-патриотизма. Так, Миронов воплощал собой национально мыслящую правящую элиту, Терехов мог считаться «красным» патриотом, а Севастьянов – этнонационалистически настроенным интеллектуалом.

Тем не менее НДПР так и не стала крупной партией, повторив судьбу ФНС.

«Старая» партия Российский Общенародный Союз (РОС) Бабурина, очень плохо выступившая на выборах 1999 года, набрав 0,67% голосов, причем вне парламента оказался сам Бабурин, была реорганизована, превратившись в Партию Национального Возрождения «Народная воля». К обновленной партии присоединились ряд мелких патриотических партий, но в целом «народовольцы» в основном являются прежними «росовцами».

В судьбе патриотических объединений первых лет XXI века повторились все проблемы «красно-белых» блоков 90-х гг. Единственным отличием можно считать только то, что новые блоки совершенно не рассчитывали на взятие власти, в отличие от ФНС. Большинство патриотов, особенно не состоящих в партиях, оставались путинистами.

Новая национально-патриотическая партия, полупутинистская, полуоппозиционная, вскоре не замедлила появиться. Еще в 1998 году среди бесчисленных российских партий появилась (сначала в виде общественной организации) Партия Российских регионов, вскоре переименованная в партию «Родина». Первоначально «родинцы» не рвались участвовать в выборах, понимая слабость партии. Главной своей целью лидеры «Родины» считали «формирование требуемого общественного мнения». Ведущую роль в «Родине» играл неоднократно упоминаемый ранее Юрий Скоков.

В 2003 году сопредседателями партии стали известные политические деятели, прежние лидеры КРО Дмитрий Rogozin и Сергей Глазьев. Накануне парламентских выборов 2003 года «Родина» заключила предвыборный блок, в который вошли также партия Бабурина «Народная воля» и левая Социалистическая Единая партия России во главе с Героем Советского Союза А. И. Ватагиным. Новый блок сохранил название «Родина». Характерно, что в противоположность национал-патриотам 90-х гг., «Родина» намеренно широко использовала советскую символику и терминологию. Интернет-сайт «Родины» вызывающе назывался «Товарищ». Дизайн сайта был демонстративно сделан в красных

тонах. Нельзя не признать, что «Родина» привлекла на свою сторону как сторонников истинно-русских православно-монархических ценностей, так и «красных» националистов, советских патриотов. Всего, с учетом присоединившихся позднее мелких партий, «Родину» создали 16 политических организаций.

Первую тройку списка кандидатов блока составили Глазьев, Рогозин и генерал армии, Герой Советского Союза Валентин Варенников. Кроме них, в предвыборный список «Родины» входили известные политические деятели, такие, как экс-председатель Центрального Банка Виктор Геращенко, бывший командующий десантными войсками Георгий Шпак, известный публицист Андрей Савельев, лидер Российской ассоциации студенческих профсоюзов (РАПОС) Олег Денисов, доктор исторических наук Наталья Нарочницкая, и ряд других.

На парламентских выборах 7 декабря 2003 года «Родина» выступила хорошо, набрав более 9% голосов (за «Родину» проголосовало свыше 5,5 миллиона человек). В Государственной Думе появилась третья по величине фракция «Родина».

В целом, думские выборы 2003 года показали такой результат: «Единая Россия» (блок «медведей» с прежним ОВР) – 37,57%, КПРФ – 12,61%, ЛДПР – 11,45%, «Родина» – 9%. Интересно, что столь незначительный результат КПРФ объяснялся тем, что многие патриоты предпочли не голосовать за опостылевшую партию с прежними соглашательскими лидерами, а отдали голоса «Родине». ЛДПР, которую было уже похоронили многие политологи, особенно после поражений на думских выборах 1999 года и президентских 2000 года, неожиданно выступила очень удачно, напоминая результаты 1995 года. Впрочем, Кремль ничего не имел против столь продажной псевдооппозиции, да и поведение жириновцев в 1999 году, во время голосования по импичменту Ельцину, в глазах многих избирателей уже не было актуальным.

Самым приятным результатом выборов 2003 года был полный провал либералов. И «Яблоко», и СПС не смогли преодолеть 5%-ный – барьер и оказались вне Думы. Причина поражения либералов была проста – в отличие от ельцинского времени, им не помогал Кремль. Олигарх М. Ходорковский справедливо констатировал: «СПС и «Яблоко» проиграли выборы вовсе не потому, что их дискриминировал Кремль. А лишь потому, что администрация президента – впервые – им не помогла, а поставила в один ряд с другими оппозиционными силами»*.

Кремль, оказывавший определенную поддержку «родинцам», надеясь на то, что блок отберет несколько процентов у КПРФ, но сам на большее вряд ли способный, оказался в растерянности. «Родина» явно оказалась чем-то более существенным, чем просто парламентский блок.

* Ведомости, 2004, 29 марта.

В качестве самовыдвиженца на президентские выборах 2004 года участвовал один из лидеров «Родины» С. Глазьев. Разумеется, в условиях, когда большинство патриотов поддерживали Путина, ему ничто «не светило».

Президентские выборы 2004 года были едва ли не самыми скучными за всю историю постсоветской России. Фаворит был известен, и участие других кандидатов было всего лишь «раскруткой» собственного имени. Это, конечно, имело значение для малоизвестных начинающих политиков. Бороться с Путиным для маститых известных деятелей было опасно. Жириновский это понял одним из первых и не участвовал в выборах, выдвинув кандидатом от ЛДПР своего телохранителя Малышкина. Нечто подобное сделал «вечно второй» Зюганов, сам решивший на сей раз не выдвигаться. Вместо Зюганова от левой оппозиции в президенты баллотировался Николай Харитонов. Зато в качестве независимых кандидатов баллотировались Сергей Глазьев от патриотов и Ирина Хакамада от либералов.

Путин получил 71,2% голосов (49 млн. избирателей). Второе место занявший Харитонов удовольствовался только 13,7% (9,7 млн.) голосов. Неплохо выступил Глазьев, занявший третье место с 4,1% (2 млн. 826 тыс.) голосов. Зато жириновец Малышкин набрал лишь 1,4 млн. голосов. Итак, Путин сумел привлечь на свою сторону многих патриотов, и это оказалось основным в его избирательном успехе.

Но уже в новом году Путин начал быстро терять свою популярность. Словно специально к юбилею революции 1905 года, Россия вступила в 2005 год, охваченная народными выступлениями, поставившими режим в кризисное положение.

Итак, русский национал-патриотизм, при всей своей организационной раздробленности, различиях в теоретических постулатах, региональных особенностях, стал одним из доминирующих идейно-политических сил в России XXI века. При этом преобладает неосознанный и почти не связанный с конкретными партиями и лидерами «национал-патриотизм чувств». Русский патриотизм, казалось, уничтоженный в Гражданскую войну, вытравленный десятилетиями «пролетарского интернационализма», а затем пропагандой «общечеловеческих» ценностей, оказался живым и наступающим. Именно это вызывает осторожный оптимизм у русского человека при мысли о будущем своей страны.

Часть четвертая

Глава X

ОСНОВНЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКИХ СИЛ 90-х ГОДОВ

При всей многочисленности правых организаций и микропартий, при пестроте их официальных доктрин, при всей сложности и запутанности проводимой национал-патриотами политики коалиций и взаимоотношений друг с другом, все же есть нечто, присущее всем отрядам русской правой. Это:

1) *«Почвенничество»* (или славянофильство нового образца) – отрицание неких универсалистских, пригодных для всех стран и народов теорий, экономических и политических институтов, и признание самобытности пути России, которая сама по себе является уникальной цивилизацией, не лучшей и не худшей, чем западная, исламская, индийская и др.;

2) *«Русский национализм и российский (советский) патриотизм»*, т. е. борьба за выживание и высшие интересы русской нации вместе с защитой и укреплением Российского Государства в его исторических границах, признанных Хельсинкскими соглашениями 1975 г. в виде государственной границы СССР, общим домом для всех этносов, живущих в пределах исторической России;

3) *«Авторитарный демократизм»*, т. е. стремление к установлению в России сильной власти, обладающей достаточными полномочиями для проведения в жизнь преобразований в национальных интересах;

4) Отсюда же вытекает и *этатизм* (от франц. Etat – государство) – определяющая роль государства, которому подчиняется общество и которое играет ведущую роль в экономической жизни при признании

многоукладной экономики и частной собственности. Авторитет государства не должен зависеть от групповых интересов;

5) *Традиционализм* лежит в основе самосознания национал-патриотов (другое дело, что каждое направление национал-патриотов делает упор на одни традиционные ценности России, игнорируя другие). Среди наиболее выделяемых и защищаемых правыми национальных особенностей России – Православие (значение которого признают и закоренелые атеисты), общинность (соборность), служилый характер социально-классовых групп, отличающихся друг от друга не собственностью, а местом на государственной службе.

Остается также добавить, что идеология всех направлений национал-патриотизма носит отпечаток советского менталитета, как бы ни отрицала это антикоммунистически настроенная часть патриотов. Это находит отражение в языке, методах массовой работы и в организационном строении правых партий.

Однако национал-патриотизм «вообще», «в чистом виде» не существует. Социальная природа маргинализованного общества, многие внешние и внутренние факторы обуславливают эволюцию русской правой в самые разные направления.

Условно и грубо можно выделить следующие направления национал-патриотизма: 1) демпатриоты, 2) традиционалисты и монархисты, 3) русские националисты, 4) правые радикалы, 5) популисты (ЛДПР и др.), 6) государственники, 7) экзотические религиозно-политические группы, не вписывающиеся ни в какую политологическую графу, малочисленные и маргинальные, но имеющие тенденцию к росту. Также совершенно особое место занимают непартийные правые (казаки, добровольцы, профсоюзы, общественные организации). Они заслуживают отдельного рассмотрения в отдельной главе.

Данная классификация, конечно, весьма условна. Опять-таки «в чистом виде» ни одно из этих направлений существовать не может. Некоторые группы правых, например, неоязычников, вообще затруднительно отнести к любому из этих направлений. Но даже и в строго доктринальных партиях трудно добиваться «чистоты идеологии» и поэтому представители всех этих направлений вполне могут быть в ее рядах. И наконец, национал-патриоты, при всех раздорах, тяготеют к коалиционности и идейный плюрализм (в строгих национал-патриотических рамках) всегда был присущ современному правому движению.

Но если выделить наиболее существенное в идеологии, политике союзов и практической деятельности, то можно отметить определенные теоретические отличия в идеологических концепциях, лежащих в основе программ различных правых партий. Эти отличия и являются главным критерием данной классификации.

Демпатриоты

Иногда пишут их название как демопатриоты – это демократические партии, организации или отдельные авторитетные политики, перешедшие на позицию защиты национальных интересов России, по мере того, как стало ясно, что политический режим в России не имеет ничего общего с демократическими принципами. К демпатриотам можно отнести уже многократно упомянутых кадетов, РХДД, выступивших в числе самых первых политических организаций на стороне оппозиции.

Лидер кадетов М. Г. Астафьев уже вскоре после августовских событий 1991 г. так отзывался о недавних своих сподвижниках по демдвижению: «Я хорошо знаком с порядками, царящими в демократической среде, но никак бы не взялся утверждать, что там есть хоть какое-нибудь уважение к конституционному порядку. Хоть какое-нибудь – я подчеркиваю... Когда я баллотировался на выборах 1989 и особенно 1990 года, то смог познакомиться со многими лидерами демократов, со средой, их окружающей. И не скрою, пришел в тихий ужас: тогда я буквально своим нутром понял истоки трагедии 1917 года. Когда амбиции не знают предела, когда в движение вовлекаются огромные массы людей, по-бытовому обиженных, порой ущербных – это сначала казалось просто удивительным. Затем получилось так, что их голос стал слышен громче всех»*.

То, что демпатриоты первыми выступили против послеавгустовского режима, объяснялось, скорее всего, не разочарованием в моральных качествах своих недавних друзей, а определенным «головокружением от успехов» либеральной интеллигенции, переоценивавшей свою роль в свержении власти КПСС. В силу этого часть демократического движения, не утратившего патриотизма, с тем же энтузиазмом, как и против партократии, выступила против ельцинизма. Но поражения в лобовой конфронтации с режимом в 1993 г. привели демпатриотизм к серьезному кризису, в ходе которого канули в небытие «златоусты» Верховного Совета. Правда, демпатриотизм не исчез после 1993 года.

На патриотические позиции перешла Демократическая партия России (ДПР). Возникшая в мае 1990 г. на базе Ленинградского Народного Фронта (ЛНФ), Московского объединения избирателей (МОИ) и др. неформальных организаций романтического этапа демдвижения, ДПР одно время могла считаться одной из самых крупных, организо-

---

* Газета «Политика». 1991. № 15.

ванных и влиятельных партий в России. «Отец-основатель» ДПР Николай Травкин входил в число самых популярных политиков страны. В рядах ДПР 1990–91 гг. состояли такие известные деятели, как будущий госсекретарь Г. Э. Бурбулис, будущий лидер ФНС Илья Константинов, шахматист Гарри Каспаров, экономисты С. С. Шаталин и О. Т. Богомолов и др. Общая численность членов ДПР доходила до 70 тыс. (невиданная для всех некоммунистических партий России цифра), а ее партийные комитеты были созданы практически во всех субъектах РФ. Некоторые политологи даже прочили ДПР роль своеобразной «КПСС демократической ориентации» и даже говорили о возможности формирования двухпартийной системы КПСС – ДПР. Впрочем, величие ДПР было очень коротким, партия пережила множество расколов, почти каждый известный политик, состоявший в ДПР, начал создавать «свою» партию, откалывая своих сторонников. Многие же деятели просто использовали структуры ДПР для получения возможностей обогащения и власти.

Горечь многих искренних демократов, наблюдавших установление в России антинационального мафиозно-компрадорского режима, не могла не привести их на сторону оппозиции. ДПР начала все сильнее дистанцироваться от Ельцина и правительственного курса, проводимого бывшими товарищами по партии.

Осенние события 1993 г. окончательно привели к размежеванию ДПР с режимом. В знак протеста против президентского Указа № 1400 о роспуске Верховного Совета подал в отставку министр внешнеэкономических связей, будущий лидер ДПР (а в дальнейшем – партии «Родина») Сергей Глазьев. Ряд известных партийцев или близких к ДПР деятелей (напр., знаменитый кинорежиссер С. С. Говорухин) резко осуждали президентскую сторону за пролитую кровь. На выборах в Думу в декабре того же 1993 г. ДПР выступала с яростной критикой Ельцина, по жесткости формулировок не уступая коммунистам или жириновцам, получив 5,5% голосов. Когда же основатель партии и ее бессменный лидер Н. И. Травкин вошел в правительство Черномырдина, став министром без портфеля, то ему пришлось оставить партию. Новым лидером ДПР стал С. Глазьев.

В дальнейшем ДПР в очередной раз раскололась. Глазьев, которого поддержала лишь часть актива ДПР, заключил альянс с КРО и Лебедем (о судьбе этой коалиции мы говорили выше), другая часть во главе с С. С. Говорухиным начала сближаться с партией знаменитого врача-офтальмолога Святослава Федорова. Окончательный раскол произошел на президентских выборах 1996 г., когда С. Глазьев поддерживал Лебеда, в том числе и после перехода генерала к Ельцину, а С. С. Говорухин примкнул к Зюганову, став одним из сопредседателей НПСР.

Это был организационный раскол, вызванный амбициями лидеров и конфликтами в связи с тактическими союзами. Идеологически ДПР, особенно с 1993 г., определенно стала умеренной национально-патриотической партией, ориентированной на демократическую рыночную и при этом державную Россию.

Ко второй половине 90-х гг. демпатриоты окончательно утратили свое прежнее значение. «Чистых» демпатриотических партий в наше время фактически нет, но многие элементы их идеологии вошли составной частью в идейный багаж национал-патриотов. Кроме правых радикалов, все национал-патриоты, искренне или нет, признают принцип представительной демократии, защиты национального капитала (против восторжествовавшего в России мафиозно-компрадорского).

Многие известные демократы, в том числе и прежние лидеры демократического движения, продолжали и в дальнейшем переходить в патриотический лагерь. Так, Юрий Болдырев, один из основателей «Яблока» (давший букву «Б» в названии), в 1999 году, разочарованный коррупцией, против которой и не собирались бороться его товарищи по демдвижению, сами в коррупции погрязшие, примкнул к КРО.

В целом демпатриоты в национально-патриотическом движении невлиятельны, причем значение отдельных политиков демпатриотического толка несравненно больше значения их собственных партий, остающихся «диванными» и не проявляющих тенденции к росту.

Среди демпатриотов преобладают лица свободных профессий – деятели культуры, ученые, журналисты, ценящие демократические свободы, в меру индивидуалистичные и именно поэтому способные быть «генераторами идей», но не «солдатами партии». Демпатриоты ценят материальный достаток и отрицают грубокоммунистическую уравниловку, хотя и не склонны заниматься только деланьем денег. Русский патриотизм не носит у демпатриотов характера фобии, они также пытаются быть «выше» антиеврейских или антикавказских настроений.

К недостаткам демпатриотизма относятся интеллигентская расхлябанность, вера в незыблемые принципы демократии и возможности применения их на русской почве даже в период всеобщего кризиса. Демпатриоты до сих пор надеются «доказать», «убедить», «повлиять» на общественное мнение Запада. Определенное западничество присуще демпатриотам даже в начале нового века.

Для многих национал-патриотов деятели демпатриотического толка именно по этой причине неприемлемы. К тому же демпатриотам часто ставят в вину их прошлое участие в демократическом движении конца 80-х гг.

Таким образом, именно то, что дает влияние многим демпатриотическим деятелям – связи с политической, финансовой и культурной

элитой страны, широкая известность за рубежом, является отягчающим обстоятельством в глазах рядовых патриотов.

Но в целом сам факт появления демпатриотического направления весьма показателен, т. к. демонстрирует процесс перехода убежденных демократов на сторону национальных сил и свидетельствует, что ельцинизм, а также путинский пост-ельцинизм, являются антидемократическим явлением и что подлинная демократия возможна в России лишь при власти национального правительства.

Традиционалисты являются наиболее раздробленной в организационном смысле и самой последовательной по своей идеологии частью русских патриотов.

Сразу надо оговориться, что под традиционализмом в данный момент подразумевается не традиционализм культурный (который присущ всем течениям среди национал-патриотов тем более, что национализм вообще невозможен без обращения к традиционным ценностям нации). Речь идет о тех партиях и организациях, которые ставят своей целью восстановление *традиционных политических институтов* России, в первую очередь монархию, и *традиционной политической идеологии*, в первую очередь Православия.

Опять же можно добавить, что в 90-е гг. идею монархии широко использовали и руцкисты, и РХДД, и также такие враждебные патриотам деятели, как А. А. Собчак или Б. Е. Немцов, но они же, даже если считать их монархизм искренним, были монархисты «в принципе», да и само восстановление монархии для них не являлось центральным пунктом программы. Вообще монархический проект широко пропагандировался прокремлевскими СМИ в 1997–98 гг., когда среди окружения Ельцина появилась идея «реставрации» монархии, что фактически привело бы к пожизненной власти регента Ельцина. Но после августовского дефолта 1998 года «семье» стало ясно, что надо спасать ельцинизм, а не продлевать власть Ельцина. После 1998 года монархистами остались лишь патриоты-традиционалисты.

Политические традиционалисты, о которых идет речь, считают необходимым восстановление той исторической России, развитие которой было, по их словам, искусственно прервано в феврале 1917 г. Последующие восемь десятилетий, включая и период после августа 1991 г., Россия не имеет законной государственной власти. Восстановление традиционной формы правления будет означать возвращение России на свой национальный путь развития.

В интеллектуальном плане традиционалисты-монархисты опираются на идейное наследие русской правой всего дореволюционного времени и белой эмиграции. Переизданием трудов К. П. Победоносцева,

Л. А. Тихомирова, И. А. Ильина, И. Л. Солоневича традиционалисты начали свою деятельность. Первоначально, в конце 80-х гг., монархисты выглядели экзотичными чудаками, хотя о своих монархических убеждениях уже тогда заявили поэт В. А. Солоухин, художник Илья Глазунов, скульптор Вячеслав Клыков и другие уважаемые деятели культуры. Однако православно-монархическая идея сравнительно быстро обрела респектабельность.

Чисто монархические партии в России невелики, по количеству своих членов и не могут похвастаться широкой известностью и политическими успехами. При этом образование единой монархической партии маловероятно. Помимо того, что Россия уже больше 80-ти лет живет без царя и монархия представляется чем-то архаичным, после смерти Владимира Кирилловича еще и легитимность возможного восстановления монархии весьма спорна из-за отсутствия общепризнанного законного претендента на престол. Линия «Кирилловичей» в наши дни представлена Георгием Гогенцоллерном, имеющим больше законных прав на престол Пруссии, чем на русский трон. В этих условиях многие монархисты делают упор на восстановление монархии как института, а не возвращение прежней династии. Вопрос о личности монарха и его правовых полномочиях должен решить, как и в 1613 г. Земский Собор. Таким образом монархисты разделены на *легитимистов*, считающих необходимым восстановить монархию образца 1913 г. с прежней династией и на *соборническое* направление, по-своему еще более традиционалистское и при этом более реалистичное.

Из легитимистов наиболее интересен Всероссийский Монархический Центр (ВМЦ) во главе с Н. Н. Лукьяновым. Создан Центр летом 1992 года на съезде монархистов в Таганроге. На II Съезде ВМЦ, происходившим в Подмосковье, приветственные телеграммы пришли от Патриарха Алексия II, Марии Владимировны (дочери Великого Князя Владимира Кирилловича), режиссера и актера Н. С. Михалкова и ряда других деятелей.

Однако для любой монархической партии, тем более легитимистской, самым главным является вопрос о престолонаследии. Между тем, после смерти Владимира Кирилловича, потомство которого рождено в морганатическом браке, Кирилловичи утратили права на престол. ВМЦ после долгих размышлений пришел к несколько необычному решению: права на трон должны получить представители следующей ветви Романовых-Голштейн-Готторпских, а именно – герцоги Ольденбургские. Представители этого действительно старинного рода, связанные кровными узами с российским императорским домом (и еще с большинством царственных домов Европы), насчитывающие более 40 человек, Ольденбурги, однако, остаются чистыми иностранцами. Провозглаше-

ние императором неизвестного немца вряд ли найдет понимание у монархистов. Скорее, Земский Собор, выдвинувший на царство известного человека, пусть даже не родовитого, скорее более реально может восстановить монархию.

Соборническое направление представлено массовой организацией Всероссийское Соборное Движение (ВСД). Основано ВСД осенью 1994 года на Первом Всероссийском Монархическом совещании, состоявшемся в Колонном зале Дома союзов в Москве. Лидером ссоборного движения являлся известный скульптор Вячеслав Клыков. В составе Движения также много иерархов Церкви.

Движение выдвигает цель путем созыва Всероссийского Земского Собора «восстановить Государственный Закон, разрушенный в феврале 1917 г. международной кучкой террористов-заговорщиков» и в своем «Обращении к Русскому Народу» призывает в единой соборной воле... счищать с себя струпья жидовской, большевистской проказы, срывать с себя ярлыки расчленителей всех мастей (от заокеанских до доморощенных)».

В ноябре 1995 г. состоялось Второе Всероссийское монархическое совещание в Белгороде, где были приняты документы, констатирующие, что только Всероссийский Земский Собор вправе выразить народный глас о форме правления на Руси, и если такова будет воля Божья, восстановить на Руси Православную Самодержавную монархию и призвать на Царство родоначальника новой династии, из героев и защитников Отечества, доказавших свою верность Родине в тяжких испытаниях XX столетия.

После завершения работы белгородского совещания правящий архиерей, епископ Иоанн, отслужил у мощей свт. Иоасафа благодарственный молебен с водосвятием и благословил всех участников на ратный подвиг.

В следующем 1996 г. в Новочеркасске состоялся первый региональный Донской Земский Собор. Станичные, войсковые атаманы, советы стариков и рядовые казаки решения Донского Земского Собора и документы, принятые там, восприняли с большой надеждой.

Следующий Собор состоялся в Курске – Земский Собор Центральной России. Этот Собор, в отличие от Новочеркасского, проходил при полной поддержке Ювеналия, архиепископа Курского и Рыльского (митрополита с 1998) – одного из самых почитаемых в православном народе архиереев. Подготовка и проведение регионального Земского Собора в Курске показало всей России, что восстановить в России Православное Самодержавие можно еще быстрее, чем оно разрушилось, но – очевидно – борьба будет жестокая. Это стало ясно хотя бы потому, что тогдашний губернатор Курской обл. А. В. Руцкой, взявший на себя

покровительство по проведению Курского Земского Собора, вдруг за один день до начала запретил предоставление залов заседания и пропуск в Курск автобусов с делегатами. Только соборная молитва в Курской Коренной пустыни, мудрость и мужество архиепископа Ювеналия позволили найти компромисс.

**Основной документ Курского Земского Собора:
ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВЯТОГО ДУХА!**

Поставь над собой Царя, которого изберет Господь Бог твой; из среды братьев своих поставь над собою Царя; не можешь поставить над собою Царем иноземца, который не брат тебе.

Второзаконие (17, 15).

УТВЕРЖДЕННАЯ ГРАМОТА КУРСКОГО ЗЕМСКОГО СОБОРА

Мы, собравшиеся от городов и весей Центральной России, Курской, Белгородской, Воронежской, Тамбовской, Липецкой, Тульской, Орловской, Московской областей, в Богоспасаемом городе Курске (причастившись Святых Христовых Таин), перед Животворящим Крестом Господним, перед Образом Пречистой его Матери – Иконой Курской Коренной – Знамение в едином Соборном духе – заявляем:

Пришел предел беззаконию на Руси, начавшемуся в февр. 1917. Мы, русские православные люди, не можем далее мириться с усугубляющимся беззаконием, превращающим русских людей в рабов и слуг дьявола.

Мы никогда не смиримся с расчленением Великой России, никогда не согласимся с приближением границ НАТО к священной Российской земле.

Мы не допустим того, чтобы наше Отечество, заботливо созидаемое нашими предками в тысячелетиях, стало колонией иностранных государств, провозгласивших себя строителями нового мирового порядка.

В теперешней Российской Федерации нет законов, которые бы органично вписывались в иерархию нравственных ценностей, данных нам от Господа нашего Иисуса Христа. Нет национального Идеала, без которого жизнь и деятельность народа, творческие силы его иссякают под спудом и во тьме. Национальная идея подменяется ныне всеразрушающей и растлевающей идеей культа наживы, насилия, произвола, разврата и беззакония. Русский народ уходит в глухую защиту выживания.

Есть географическое, урезанное пространство, именуемое РФ. Нет многоцветия народов, а есть усредненные россияне.

Полностью осознавая вину за вероотступничество наших дедов и прадедов в 1917, за великий грех царетотступничества, принимая их грех, как свой, мы приносим Всенародное покаяние и просим Всемилоостивого Бога – Господи, прости нас, грешных...

Наш идеал во все времена – Православная Вера, Православный Государь, православный народ (Вера, Царь, Отечество). Следование этому идеалу позволило русскому народу создать Великую Православную Державу, в которой органично развивались и сохранялись все народы России со своими религиями и национальными традициями вплоть до 1917. Наши выстраданные в тысячелетиях права и обязанности – Восстановить Российскую государственность, уничтоженную в 1917, соединить разорванную связь времен для естественного хода бытия тысячелетнего Российского государства.

Руководствуясь Законами Господа нашего и его Святым Евангелием, которые неизмеримо выше мнения отдельно взятого человека или отдельно взятого народа, желая положить конец восьмидесятилетним разрушительным экспериментам коммунистических и демократических идей над русским народом и другими народами России и их государством, провозглашаем:

1. Восстановление Державы Российской – главная задача будущего Всероссийского Земского Собора, как акт исторической справедливости, как гарантия прекращения смуты, единства нации и прекращения беззакония.

2. Русская национальная Идея – Православие, Самодержавие, Народность. Это триединство, как подобие Святой Троицы, выстрадано и обретено русским народом в тысячелетиях.

3. Призвание на Российский Престол Государя является исключительным правом Всероссийского Земского Собора – как совета Всея Земли Русской. До соборного решения все лица, провозгласившие себя наследниками Русского Престола, объявляются самозванцами, из какого бы края света они ни происходили.

Да поможет нам Господь Бог!

Да поможет нам Его Пречистая Матерь Богородица!

Да помогут нам все святые, в Земле Российской просиявшие!

Да будет так. Аминь.

Клятвенно скрепляем своими подписями по поручению Курского Земского Собора.

Соборное представительство: подписи 650 человек – выборных от земель.

В том же 1997 12–14 дек. в Крыму, в городах Евпатории и Севастополе прошел «Крымский Земский Собор», где был принят такой документ:

ЗАЯВЛЕНИЕ

Всероссийского Соборного Движения по проблеме Крыма

«Всероссийское Соборное движение выступает за воссоздание исторической российской государственности и ее территориальной целостности. Только свободное народное волеизъявление – после преодоления всего произвола, обманов и ошибок нового смутного времени – может определить истинные границы нашего государства и воссоздать легитимную власть, служащую замыслу Божию. Наша цель – выявить эту народную волю во Всероссийском Земском Собрании.

Российское государство, с его огромными территориями и природными богатствами – общее достояние всех его народов и прежде всего трех ветвей русского народа: малороссов – русского исторического ядра; великороссов – могучего тела разросшегося государства; белорусов – той стойкой части русского народа, на долю которого выпало наиболее жертвенное противостояние натиску наших недругов с Запада. До 1917 все эти три ветви считали себя русскими.

Крым – неотъемлемая часть территории общерусского народа, от русского княжества в составе Киевской Руси до героического оплота нашего Черноморского флота. Поэтому споры о нынешней принадлежности русского Крыма бессмысленны: предатели-временщики приходят и уходят, как уже не раз бывало в прежние смутные времена, – но историческая правда остается нерушимым прочным стержнем для будущего.

То же мы заявляем и по поводу иностранных притязаний: никакие промежуточные оккупанты не имеют на крымскую землю больше прав, чем объединенный русский народ. Но мы никогда не отталкивали пришельцев, давая всем равные права и защиту в общей многонациональной империи – если они готовы служить ей наравне со всеми. К нерусскому населению Крыма мы всегда будем относиться так, как оно относится к России.

Наше дело правое – потому что основано на исторической правде. Нынешнее разделение исторической России по большевистским границам не отражает воли ни одного народа России. В разделении заинтересованы лишь враги России и перекрасившиеся «вожди» из бывшей партноменклатуры – только так, на антирусском националистическом фундаменте, они могут сохранить свою власть. Любой честный референдум выявил бы несомненную волю к воссоединению после всех катастрофических экспериментов.

Наше стремление к единству имеет прочную правовую основу. Ибо наше единое государство было разделено вопреки законам дореволюционной России, вопреки законам СССР, вопреки итогу Всесоюзного референдума 17 марта 1991, а в Крыму – вопреки неоднократно выражавшейся и позже воле населения.

На том фоне наглядно проявляется все лицемерие западной демократии в отношении к проблеме Крыма: с точки зрения Запада «легитимны» большевистские границы и все, что разрушает историческую Россию; а «нелегитимна» воля подавляющего большинства народа, стремящегося к общерусскому возрождению.

Но мы не собираемся мириться с такой трактовкой истории XX века и с уготовленной всем нам участью расчлененной колонии. Мы уверены, что в нашем объединенном народе есть силы для противодействия планам мировой закулисы и ее ставленников. Мы надеемся, что и многие украинские патриоты способны понять простую истину: Запад несет Украине не национальное возрождение, а денационализацию по американскому образцу.

Мы призываем вас: одумайтесь, украинские братья! Никому в мире ни вы, ни мы не нужны больше, чем друг другу, ибо нас навеки сроднила тысячелетняя история. Либо мы сможем ее достойно продолжить, совместно защищая доставшуюся нам от Бога шестую часть суши и возрождая на ней силу, удерживающую мир от антихриста, – либо его новый мировой порядок расправится с нами поодиночке.

Смысл общерусского единения, за которое ведет борьбу Всероссийское Соборное движение, состоит сегодня в объединении триединого русского народа и восстановлении законной государственности на основе Православия, Самодержавия, Народности.

Принято на Крымском Земском Соборе.

Невский Земский Собор планировался 8–9 ноября в С.-Петербурге.

От Святейшего Патриарха была получена телеграмма: «Канцелярия Московской Патриархии сообщает Вам резолюцию Его Святейшества, положенную на Вашем прошении о благословении на участие в работе Невского Земского Собора архипастырей и пастырей Русской Православной Церкви: «23. X.1998 г. Помощь Божия да сопутствует Вашим намерениям». Арсений, Архиепископ Истринский, викарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси».

Благословение Невскому Земскому Собору направили Троице-Сергиева, Киево-Печерская, Почаевская Лавры, Курская Коренная обитель, Свято-Данилов, Сретенский, Донской, Валаамский, Новоспасский и др. монастыри. Собор благословили старцы и духовники.

Накануне Собора вновь замироточила покровительница Всероссийского Соборного Движения – Державная икона Божией Матери. Чудо произошло 4 ноября в день Казанской иконы Божией Матери на утренней литургии в московском храме св. Николая в Пыжах. Впервые чудо наблюдалось 15 марта 1998, в день явления Державного образа, на многотысячном Крестном ходе.

Однако особенность Невского Земского Собора состояла в том, что буквально накануне Собора его проведение не благословил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир, который нередко действовал разрушительно в отношении всего того, что было создано в «Бозе почившим» митрополитом Иоанном. Неожиданное решение владыки Владимира привело к тому, что основные организаторы Собора – православная монархическая партия и ее лидер С. Ковалевский также отказались. Соборное Движение оказалось в трудном положении, но, по совету старцев, решили его не отменять. Благодаря представителю Соборного Движения в С.-Петербурге Ю. Антонову, удалось найти другое помещение и было сокращено время заседания Собора до одного дня.

8 ноября соборяне с хоругвями и иконами совершили краткий молебен у могилы митрополита Иоанна, затем, помолившись у мощей Св. блгв. князя Александра Невского, поехали на соборные заседания.

На Соборе были приняты Утвержденная грамота Невского Земского Собора, Послание Священному Синоду, архипастырям русской православной церкви, а также ряд важных документов, среди которых резолюция «О монархии и престолонаследии», которая заканчивается такими словами:

«Мы были бы рады, если бы в числе потомков Романовых нашелся человек, пригодный для столь ответственного служения – но не видим такого человека. Поэтому мы согласны с мнением главных монархических структур русской эмиграции, что в таком случае клятва 1613 года должна быть снята Церковью с нашего народа. В любом случае, после сокрушения монархической государственности, проблему престолонаследия вправе будет решить только **Всероссийский Земский Собор** – в уповании на то, что Господь пошлет нам очевидного и бесспорного Царя, помазанника Божия, когда мы сами будем готовы принять его»*.

Нельзя не признать, что популяризация монархии, какие бы цели не преследовали при этом различные политические силы, дает свои плоды. Количество приверженцев монархической формы правления в России растет.

Традиционализм не сводится только к монархии, и сильны традиционалисты не своими партиями. Традиционалистские позиции занимают многие казачьи организации, возрожденное Дворянское Собрание и многочисленные православные общественные организации, фольклорные и историко-культурные объединения.

Главную роль в традиционализме играет Русская Православная Церковь, точнее, те ее иерархи, которые считают себя последователями покойного Митрополита Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева) (1927–1995), и их многочисленные сторонники среди мирян. Многие

* Русский патриотизм. С. 168–170.

из простых советских людей перешли в Православие именно под влиянием гражданской и патриотической позиции Иоанна, а книги митрополита являются настольными для всех патриотов, включая атеистов.

Иоанн считал, что и в современных условиях не потеряло своего значения идейное наследие русской православно-монархической мысли и ее простые и вечные, как сама Россия, принципы: «Святая Русь», «Москва – Третий Рим», «Православие, Самодержавие, Народность».

О последней триаде Иоанн так говорил А. Проханову в газете «Завтра»: «Нужно иметь в виду, что этот лозунг не плод какого-то произвольного человеческого измышления, а констатация объективного факта того, что гармонично устроенное общество должно сочетать в своей основе три важнейших элемента: духовный, государственный, национальный. Элемент духовный – святое Православие. Элемент государственно организующий – самодержавность, причем самодержавие можно рассматривать на трех различных уровнях, и все три будут вполне справедливы.

Первый. Можно рассматривать его как определенный политический механизм, при котором верховная власть в государстве, ничем не ограниченная, принадлежит монарху. Это механическое рассмотрение, но правильное.

Второй. Можно рассматривать самодержавие как государственное устройство, при котором вся полнота власти, определяющей положение дел в стране, принадлежит ее внутренним государственным институтам.

С этой точки зрения сегодня Россия не самодержавная страна, потому что она наполовину управляется из-за рубежа. Россия же не была самодержавной страной, когда находилась под властью татаро-монгол... Сегодня вполне можно провести некую аналогию между двумя эпохами.

Есть третий уровень понимания самодержавия. Он в первую очередь свойствен русской душе, и это уровень церковный, духовный. Самодержавие в этом случае рассматривается как нравственно-религиозное состояние общества, соборной народной души. Когда народ признает, что он желает жить не под властью Ивана, Петра, Сидора, не под властью каких бы то ни было «правовых систем», созданных слабым и растленным человеческим разумением, но стремится устроить свою земную жизнь в соответствии с законом Божиим, тем высшим законом праведности, любви и милосердия, который дан человеку в Откровении.

И тогда народ, добровольно подклоняя выю свою «под иго и бремя» Христовых, евангельских заповедей, всю государственную структуру страны венчает фигурой помазанника Божия – русского православного царя...

Последний элемент уваровской триады – народность. Он предполагает наличие конкретного соборного носителя религиозно-нравственных идеалов. Итак, православный духовный фундамент, державная государственная форма и народ как соборный носитель нравственного идеала – такова универсальная форма гармоничного общественного устройства. И мы никуда от нее не уйдем»^{*}.

Свои взгляды Иоанн изложил в серии книг и статей, составивших восемь томов, где с присущим ему сочетанием научной эрудиции с блеском изложения доказал, что традиционное Православие обладает притягательной интеллектуальной силой. Книги Иоанна являются настольными у каждого патриота, даже неверующего. Правда, некоторые патриоты высказывают недовольство узкохристианской точкой зрения митрополита на историю России, недооценивающей времена древнерусского язычества или советскую эпоху. И тем не менее появление в печати первых статей Иоанна произвело ошеломляющее впечатление на атеизированную интеллигенцию Петербурга, а затем и всей России. Пресс-секретарь митрополита (впоследствии и председатель Союза Православных Братств), говорил, что уникальность пастырской судьбы Иоанна в том, что «он стал тем звеном, которое соединило современную Россию с ее многовековой исторической и религиозной традицией... сумел сформулировать целостную, подробную и исторически обоснованную идеологию русского национально-религиозного возрождения»^{**}. Идеология эта предельно проста и сводится к нескольким истинам, которые вкратце «таковы:

- «Русская идея» – это неутомимое стремление к святости, праведности и чистоте;

- «Русская демократия» – это соборность;

- «Русская идеология» – это Православие;

- «Русский порядок» – это державность;

- «Русское государство» – это Россия во всем многообразии исторических форм ее существования;

- Государственно-политический и одновременно нравственно-религиозный идеал России – Святая Русь;

- Патриотизм – религиозный долг каждого благочестивого христианина;

- Русская Православная Церковь – соборная совесть народа»^{***}.

---

^{*} «Завтра». 1994. № 10.

^{**} Газ. «Земля Русская». 1997. № 16–19.

^{***} Там же.

Это было именно тем, что ждали от Церкви многие россияне, пережившие и падение марксизма-ленинизма, и быстрое разочарование в либерально-западнических ценностях.

Следует заметить, что Православие не заменило собой коммунистическую идеологию и другие советские идеологии, как это могло показаться в конце 80-х гг., когда в свой тысячелетний юбилей Церковь переживала невероятный подъем. Россия «переживала» тогда «второе Крещение», как поспешили заявить некоторые публицисты, росло количество приходов и прихожан, священники стали постоянными гостями на телевидении, а сама Церковь, по подсчетам социологов, была самым уважаемым общественным учреждением. Но уже в скором времени Церковь оказалась так же идеологически и политически расколотой, как и все постсоветское общество. К счастью, благодаря строению Церкви и дисциплине ее служителей, политические конфликты внутри Церкви не привели к организационному расколу.

Однако имеет место фактический раскол среди клира и еще больше мирян на два значительных направления, резко противоположные по политическим и, в значительно меньшей степени, идеологическим соображениям. По именам бесспорных лидеров эти направления неофициально называют «иоанновцами» (по имени Иоанна Петербургского) и «кирилловцами» (по имени митрополита Смоленского и Калининградского, Кирилла, возглавляющего Отдел внешних церковных связей Московской Патриархии). «Иоанновцы», как уже говорилось, вдохновляются идеями Иоанна и составляют основу традиционалистской правой. Кирилл считается экуменистом, сторонником сближения с западными конфессиями даже путем догматических уступок со стороны Православия.

Экуменизм (от греч. *Oikumene* – вселенная) – движение за объединение всех христианских церквей, пытающийся выработать некую «общехристианскую социальную программу», в конкретных условиях современной России приобрел особенное значение. Большинство православных верующих считают, что экуменизм призван подчинить русскую Церковь западным религиозным центрам, лишив Россию духовной свободы. Такие факты из практики западных христианских конфессий, как отрицание Символа веры, принятого Вселенскими Соборами, женское священство, «венчание» гомосексуалистов и пр. не вызывают у верующих желание сотрудничать с западными церквями. Экуменистов внутри Русской православной Церкви рассматривают как западную «пятую колонну» и само слово «экуменист» стало ругательством.

Патриарх Алексей II занимает компромиссную позицию, пытается примирить оба направления, в результате чего подвергается критике со всех сторон. Если церковные иерархи, стараясь не выносить сор из избы, воздерживаются от резких высказываний, то рядовые миряне не

стесняются в выражениях, да и в действиях тоже. Союз Православных Братств, где тон задают «иоанновцы», именует екуменистов «жидовствующими» (иногда и Патриарха награждают таким эпитетом), а «кирилловцы» обвиняют своих противников в консерватизме, «обрядоверии» и даже в «церковном большевизме».

В каждом из этих направлений есть свои ультрарадикалы. Всяма характерна судьба двух священников, в советские времена подвергшихся преследованию за диссидентскую деятельность. Первый из них, Дмитрий Дудко, о котором уже говорилось, стал духовником газеты «День» и активным участником национал-патриотического движения. Второй, Глеб Якунин, стал радикальным демократом, одним из вождей «Демократической России», и за свою несовместимую с саном активную политическую деятельность и, еще более, за свои екуменистские симпатии, был лишен сана священника.

Раскол между «иоанновцами» и «кирилловцами» особенно заметен в Петербурге, где носит порой совершенно открытый характер. Епархия северной столицы считалась до Иоанна вотчиной екуменистов. Не случайно ряд лет, до своей смерти в 1978 г., митрополитом Ленинградским был Никодим, екуменист № 1 в Русской Церкви, как до сих пор называют его «иоанновцы». Учеником Никодима был Кирилл Смоленский, современный лидер екуменистов.

В этих условиях деятельность митрополита Петербургского и Ладожского Иоанна была свидетельством немалого гражданского мужества, тем более, что Иоанн смело высказывал свою позицию по тем вопросам, о которых высшая иерархия предпочитала не высказываться. Смелые выступления Иоанна по многим противоречили давней практики Православной Церкви не высказываться открыто по политическим вопросам. Унаследованная от Византии концепция цезарепапизма, т. е. верховенства светской власти перед церковной, приводила к тому, что за тысячу лет русская Церковь не претендовала на политическую роль. Единственным исключением, подтверждающим правило, была попытка патриарха Никона в XVII в. подняться выше царя, но и она закончилась поражением Никона. Видные иерархи Церкви, активные деятели черносотенного движения, не были политическими лидерами в буквальном понимании этого слова и, что самое главное, не претендовали на создание новой политической доктрины Церкви, вполне обходясь «святоотеческими преданиями».

Иоанн Петербургский не считал себя политическим идеологом, тем не менее именно им и был, выступая с православно-патриотических позиций против ельцинизма и екуменических шатаний части клира. То, что голос его прозвучал из космополитического Петербурга, придавало ему особенное значение. Постоянные встречи митрополита с жителя-

ми города и беседы с ними стали заметной особенностью политической жизни Петербурга, поскольку сугубо религиозные вопросы занимали значительное место в этих беседах.

Кончина митрополита Иоанна 2 ноября 1995 г. стала громадной утратой как для патриотического движения, так и всей Церкви, лишившейся самого популярного архипастыря. Похороны митрополита в Александро-Невской Лавре превратились в демонстрацию не только рядов оппозиции, но и, на один день, единства правых.

Новый петербургский митрополит Владимир (Котляров), словно желая восстановить славу петербургской епархии как экуменистической, начал решительно бороться с «иоанновцами». В результате конфликт двух течений в Петербурге принял скандальный характер.

Высказывания Владимира во время службы в иоанновском монастыре на Карповке о желании перехода на новый стиль в календаре вызвали бурное возмущение в церковной среде. Раздались возгласы «Анафема», многие прихожане демонстративно вышли из храма, а некоторые даже попытались наброситься на митрополита с кулаками. Подобные сцены стали с печальной регулярностью повторяться во время многих служб с участием митрополита. День 17 октября, именины нового митрополита, стал днем постоянных демонстраций у входа в Александро-Невскую Лавру «иоанновцев» с плакатами «Анафема еретику», «Лже-митрополит, уходи!» и листовками, призывающими митрополита покинуть город. Многие православные братства в своих изданиях порой многие страницы отводят отрывкам из сочинений или проповедей Иоанна, совершенно не упоминая Владимира, словно и нет митрополита в Петербурге. Впрочем, некоторые радикалы именуют Владимира не архиереем, а архиевреем. В свою очередь, Владимир участвует в совместных молебнах с католиками или протестантами, высказывается с осуждением некоторых традиционных православных обрядов, за что его пожурил даже склонный к компромиссу патриарх Алексий II.

С 1996 г. конфликт между «иоанновцами» и сторонниками «кирилловца» Владимира стал одним из характерных явлений в политической жизни Петербурга, несмотря на стремление обеих конфликтующих сторон избегать огласки конфликта. Значительная часть рядового духовенства и большинство простых верующих твердо стоит на иоанновских, традиционалистских позициях. Экуменистам же приходится сложно, несмотря на покровителей в высшей церковной иерархии и за пределами Церкви, поскольку многие из их сторонников в своей практике сближаются с иными конфессиями и ставят себя вне Православия.

В современном Петербурге как служители Церкви, так и активные миряне, защищая честь мундира, всячески отрицают факт раскола, но ни для кого не секрет, что в храме возле Варшавского вокзала служат

экуменисты, а в ряде других храмов – «иоанновцы». Когда в руки «кирилловцев» попал Преображенский Собор возле Литейного проспекта, большинство прихожан стали посещать службы в более скромной по размеру Пантелеймоновской церкви, причт которой сохранил преданность заветам Иоанна.

Заметим, что конфликт здесь чисто политический, в котором религиозные вопросы вообще почти не присутствуют. Вероятно, только благодаря патриарху Алексию II, умеющему находить компромисс и не доводить дело до организационного раскола, Церковь сохраняет единство. Завершая рассказ о традиционалистах, обратим внимание, что представлены они не партиями, а общественными организациями типа православных братств, ориентированных не на Церковь в целом, а на ее отдельных видных деятелей, имеющих собственное представление о происходящем в России.

По этой причине о влиянии традиционалистов нельзя судить по их представительству в выборных органах власти или по опросам общественного мнения. Потенциал у традиционалистов значителен и имеет тенденцию к росту. В идеологическом плане вполне возможно появление своеобразной «теологии национального освобождения», основы которой уже заложены в книгах Иоанна Петербургского. Его идеи развиваются в трудах его последователей и учеников. Поэтому традиционализм еще способен показать себя не просто как одно из направлений русской правой, но и как ведущая общественно-политическая сила России. Дело митр. Иоанна продолжают его последователи и ученики.

Самым известным последователем митр. Иоанна был известный русский скульптор В. М. Клыков (ск. 2006). Его работы выставлены в Третьяковской галерее в Москве, Русском музее в С.-Петербурге и др. картинных галереях и музеях страны. Созданные им памятники и скульптурные изображения украшают площади многих городов и поселений России и зарубежья, наиболее известны из них: св. равноап. вел. кн. Владимиру в Белгороде и Севастополе, прп. Илье Муромцу в Муроме, св. блгв. вел. кн. Александру Невскому в Курске, прпмц. вел. кн. Елизавете Федоровне в Марфо-Мариинской обители в Москве, свв. равноап. Кириллу и Мефодию в Москве, прп. Сергию Радонежскому в Радонеже, прп. Серафиму Саровскому в Сарове и в Курской Коренной пустыни, св. Николаю Чудотворцу в Бари (Италия), св. Савве Сербскому в Белграде, А. С. Пушкину в Тирасполе, русским воинам в Пирее (Греция), Г. К. Жукову в Москве, памятник Победы на Прохоровском поле и др. За свои труды Клыков удостоен многих наград и званий.

С 1990 Клыков являлся президентом Международного фонда Славянской письменности и культуры. Организация ставит основной

своей задачей пропаганду наследия свв. равноап. Кирилла и Мефодия. По словам самого Клыкова, фонд следует их заветам во всей своей деятельности – «будь то в вере, будь то в политике, будь то в отношении к русскому языку, к славянам, к славянскому миру». Фондом проведено множество симпозиумов и конференций. В 1992 г. был проведен международный конгресс славянских культур. Впервые через все славянские страны был пронесен благодатный огонь от Гроба Господня и установлен в нише цоколя памятника Кириллу и Мефодию, который был подарен скульптором Москве. По инициативе фонда площадь Ногина была переименована в Славянскую, а праздник славянской письменности и культуры стал государственным, и география его расширилась практически на всю Россию. Ныне 24 мая – День славянской письменности – празднуется во всех городах и весях. 1–2 июля 2001 г. по инициативе фонда в Москве в помещении Малого театра прошел съезд триединого Русского Народа, в работе которого приняли участие весьма представительные делегации России, Украины и Белоруссии, а также представители славянской общественности Приднестровья, Средней Азии и Югославии. Всего собралось более тысячи чел. Это был, по сути, первый съезд братских славянских народов после того, как они были искусственно разделены в 1991 г. предательским Беловежским соглашением. На съезде присутствовал ряд видных политиков, в его адрес пришли поздравления от Святейшего Патриарха Алексия II, президентов России и Белоруссии. Сам Клыков являлся рьяным поборником объединения триединого Русского Народа в единое государство, заявляя: «Наша задача – сделать все возможное, чтобы объединение свершилось как можно быстрее. Это важно для славян: и для украинцев, и для русских, и для белорусов. Мы не можем друг без друга жить. Наша история это доказывает. А процессы разъединения инспирируются врагами славян, врагами России».

Клыков был членом руководящих органов многих национально-патриотических организаций, но любимым его детищем было Всероссийское Соборное Движение*.

Другим крупнейшим последователем митр. Иоанна является В. Н. Осипов, крупный общественный деятель и публицист, отсидевший 7 лет за пропаганду «реакционного славянофильства» и издание православно-патриотического журнала «Вече».

В сентябре 1990 г. В. Н. Осипов – один из организаторов, а затем председатель Всесоюзной русской конференции, на которой был создан Общенациональный российский комитет с ним же во главе. Комитет проводил пикеты и др. общественно значимые мероприятия в защиту русских людей, гонимых этнократическими режимами Эстонии, Латвии,

* Русский патриотизм. С. 363.

Литвы, Казахстана, Молдовы, Украины и др. «суверенных государств». Комитет брал под свою защиту также гагаузов, абхазов, осетин.

Возглавляемый Осиповым Союз «Христианское возрождение» в течение 5 лет (1990–95) издавал православно-монархическую газету «Земщина» (редактор – В. К. Демин), собрал несколько десятков тысяч подписей за канонизацию Царя-Мученика Николая II, защищал Румянцевский музей от нашествия хасидов, противодействовал посредством непрерывных стояний т. н. «автокефалии» Украинской Церкви, содействовал решению Госдумы о недопущении вывоза из страны Особого архива КГБ СССР, провел два общероссийских (сент. 1990 – Москва и сент. 1993 – Н. Тагил) Совещания православно-монархических сил. Союз ХВ считает необходимым в перспективе (при воцерковленности русского народа не менее чем 10%) созыв Всероссийского Земского Собора и избрание самодержавного Царя из династии Романовых. Периодически созываемые Божьим Помазанником Земские Соборы должны помогать Государю, а не расшатывать устои, как это делала Дума начала XX в.

В 1992–93 Осипов – член политсовета Фронта Национального Спасения. В сентябре 1993 активно участвовал в митингах и демонстрациях вокруг Белого Дома в защиту распущенного Ельциным парламента.

19 сентября 1998 в Центральном Доме журналистов в Москве состоялся учредительный съезд Общероссийской политической общественной организации (ОПОО) «Союз Христианское Возрождение», избравший В. Н. Осипова главой Центрального Исполнительного Совета. С этого времени при едином руководстве и тождественной идеологии стали действовать две структуры: религиозная организация Союз «Христианское Возрождение» и ОПОО «Союз Христианское Возрождение». 20 ноября 1998 ОПОО СХВ зарегистрирована как политическая партия в Министерстве юстиции РФ*.

Среди других наиболее известных последователей и учеников митр. Иоанна следует назвать о. Кирилла (Сахарова), Константина Душенова и Олега Платонова.

Отец Кирилл Сахаров в 1992 был назначен настоятелем одного из красивейших древних храмов Москвы церкви свт. Николая на Берсеневке с оставлением в числе братии Свято-Данилова монастыря. Издает храмовую газету «Берсеневские страницы», в которой нередко публикуются его проповеди и поучения. С 1991 он возглавлял церковно-общественное движение Союз Православных Братств (СПБ), которое под его руководством превратилось в одну из самых активных и авторитетных православно-патриотических организаций России. Руководимый о. Ки-
* Русский патриотизм. С. 524.

риллом Союз выступал организатором Крестных ходов, инициатором многих важных для Церкви начинаний. Велика заслуга СПБ в деле борьбы за прославление Царя-Мученика Николая II.

Константин Душенов служил на Северном флоте на атомных подводных лодках в должности командира ракетно-торпедной группы и командира боевой части. Участвовал в шести дальних походах, награжден медалью «За боевые заслуги». В 1986 закончил адъюнктуру по специальности «История военно-морского искусства». В 1988 демобилизовался из ВМФ. Работал научным сотрудником Публичной библиотеки, охранником Эрмитажа, церковным сторожем, преподавал в школе «Закон Божий», вел спецкурс в ЛГПИ им. А. И. Герцена. Был организатором и председателем Союза Православных братств С.-Петербурга. В 1992–95 пресс-секретарь митрополита С.-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). В это время стал заметной фигурой среди патриотических политических деятелей. Принимал участие в выборах в Государственную Думу в 1995 в составе блока «Держава» А. В. Руцкого, блок не преодолел 5%-ный рубеж. С 1996 гл. редактор газеты «Русь Православная». Получил широкую известность среди православного народа как публицист благодаря своей активной борьбе против экуменизма*.

Писатель и ученый Олег Платонов много лет регулярно путешествовал по России, изучая страну по определенной программе. В результате этих исследований была создана книга «История Русского Народа в XX веке» (1996) и его главный труд «Святая Русь. Открытие русской цивилизации» (2001). В этой книге Платонов, развивая учение *Н. Я. Данилевского* о цивилизациях, доказывает, что Россия принадлежит к особому типу цивилизации, в основе которой заложены духовные параметры *Святой Руси*. «Святая Русь, русская цивилизация, – утверждает Платонов, – является высочайшей вершиной духовно-нравственных достижений человечества, апогеем христианской веры. В борьбе за нее Русский Народ претерпел тяжелейшие испытания и страдания. В войнах и революциях, навязанных нашему Отечеству, сталкивались не просто борющиеся стороны и армии, а две противоположные цивилизации – русская, духовная, христианская, основанная на евангельских принципах добра, правды, справедливости, нестяжательства, и западная, антихристианская, иудейско-масонская, потребительская, ориентированная на жадное стяжание материальных благ за счет эксплуатации большей части человечества, упоение животными радостями жизни, отрицание духовных начал *Православия*. Ценой огромных потерь воплощавший Святую Русь Русский Народ стал главной преградой на пути установления мирового господства иудейско-масонской цивилизации

* Русский патриотизм. С. 247.

Запада». В своих публикациях начала 1990-х Платонов впервые в отечественной науке вводит понятие «русская цивилизация» и подробно раскрывает его внутреннее содержание.

В конце 1980-х – начале 1990-х Платонов получил доступ в ранее секретные государственные архивы, и прежде всего Особый Архив КГБ СССР. Были разысканы сотни уникальных документов, позволивших по-новому оценить многие события русской истории. На основе изучения найденных документов Платоновым была издана серия историко-архивных исследований «Терновый венец России». Публикация книг этой серии была благословлена митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским *Иоанном (Снычевым)*, который дал и само название этой серии. За 1995–2001 в серии вышли 16 книг (включая переиздание), посвященных изучению тайной войны иудаизма и масонства против христианства. Центральное место в серии занимают три тома «Тайной истории масонства». Специальные исследования серии посвящены изучению тайной борьбы иудеев и масонов против христианских Монархий, а также православных святых и подвижников (особо исследовались убийства *Николая II* и Г. Распутина).

С 1990 Платонов совершил 16 поездок в разные страны мира, около 7 месяцев жил в США. Собранный за рубежом материал лег в основу исследований, посвященных изучению корней и истории развития западной цивилизации, ее разрушительного влияния на общечеловеческую культуру. В своих работах Платонов доказывает, что современная западная цивилизация основывается на ценностях иудейского Талмуда и является антиподом христианской цивилизации. Книга Платонова «Почему погибнет Америка» выдержала 10 изданий в России и за рубежом.

В 1995 г. митр. Иоанн благословил Платонова на издание энциклопедии «Святая Русь. Большая энциклопедия Русского Народа», в которой предполагается выпустить более 20 томов (пока выпущены 7 томов), каждый из которых посвящен определенной отрасли жизни Русского Народа. С 1989 у Платонова вышло более 50 книг с тиражом свыше 1 млн. экз. Только за 2004–2006 гг. у него вышло 20 книг тиражом около 200 тыс. экз., что свидетельствует о востребованности идей владыки Иоанна, учеником которого является Платонов*.

Русские этнонационалисты. Представлены достаточно большим количеством мелких группировок, претендующих на звание партий. У националистов нет ни общероссийской партии, ни общепризнанного лидера, ни даже признаваемых большинством националистов положений. Из всех течений национал-патриотизма национализм остался самым раздробленным.

* Платонов О. Русское сопротивление. Война с антихристом. М., 2006.

ным. Тем не менее русский национализм с его приоритетом интересов нации, культом «крови», заметно стал отличаться от взглядов патриотов, делающих упор на «почве», имперской государственности. Но упор на «кровь» вместо «почвы» – единственное общее у националистов.

Тот парадокс, что в условиях величайшего унижения русских как нации именно этнические националисты оказываются в политическом плане малозаметными, объясняется многими причинами. Первая и главная причина заключается в том, что национализм по крови исторически был чужд русским, всегда жившим в полиэтнической стране, никогда не терявшей государственность. В силу этого у русских просто не мог возникнуть племенной национализм, свойственный народам, находящимся под иностранным господством или всегда жившим в однопациональной стране. Лишь с 1991 г. русские оказались разделенной нацией, причем часть русских превратилась в угнетенное нацменьшинство. Кстати, отсутствие у русских этнической солидарности, т. е. поддержки соплеменников вне зависимости от их моральных и деловых качеств, значительно осложняет борьбу русских за свои права в новоявленных «государствах». Итак, русскому сознанию всегда была присуща державность, а не этнонационализм, и потому националистические организации, противопоставляющие себя патриотам, вряд ли могут рассчитывать в России на быстрый успех.

Другой серьезной трудностью для этнонационалистов является отсутствие общего на всех критерия, по которому можно относить к русской нации, и границ русского государства. В самом деле, относить ли к русским украинцев и белорусов или же считать их «отдельными народами» и под русскими считать только великороссов? Считать ли Россией только заселенные русскими территории, пределы Российской Федерации или всю территорию СССР? Учитывая чересполосность расселения этносов исторической России и отсутствие этнически «чистых» земель, – задача не простая.

Итак, национализм по крови есть нечто новое в русской политической мысли и практике, почти не опирающейся на отечественную традицию. Именно это приводит этнонационалистов то к истолкованию западных националистических концепций, то к совершенно экзотическому язычеству. Но в первом случае националисты теряют всякую оригинальность, превращаясь лишь в подражателей западных правых полувековой давности, а во втором случае превращаются в маргинальные секты, не имеющие никаких шансов на серьезное участие в исторических процессах.

Сам национализм у этнонационалистов выглядел несколько странно. В начале 1991 г. в печати появились проекты националистических групп, среди которых выделялось Гражданское объединение

«Россы» (в дальнейшем РОД – Русское Освободительное Движение), о создании «республики Русь» или «русской республики» как самостоятельной политической единицы внутри СССР и РСФСР путем вычленения всех территорий, где когда-то были образованы национально-территориальные образования разного уровня (от союзной республики до национального округа). Вся такая «республика Русь», таким образом, сводилась к Нечерноземью и узкой полосе в Сибири. Но уж если кто и заинтересован в превращении России в русский бантустан, в котором все равно будет проживать меньшинство великороссов и за пределами которого окажутся большинство сырьевых источников и промышленного потенциала страны, то это только ярые ненавистники русских и всех народов России. Всякие действия в пользу создания «республики Русь» однозначно сводятся к уничтожению исторической России руками русских – мечте русофобов всех времен и народов.

Не случайно прожект РОДовцев активно подхватили радикальные демократы, постоянно агитировавшие в пользу «суверенитета России» и ссылавшиеся на то, что Англия и Франция стали якобы жить еще лучше, как лишились своих имперских колоний. При этом как демократы, так и этнонационалисты лукаво умалчивали о том, что в России при всем желании невозможно выделить ни метрополию, ни колонии в западном понимании этих терминов.

Тем не менее, русский этнонационализм нельзя считать «подставой», инспирированной с провокационными целями. Среди многих русских действительно получили распространение мнения о том, что хватит русским помогать развитию всяким горным или пустынным «племенам», которые потом отплатят черной неблагодарностью, пусть они живут как хотят, а мы, русские, будем заботиться сами о себе.

Но даже в минуты крайнего раздражения вряд ли кто из нормальных русских людей будет выступать за «этнически чистое» русское государство. Поэтому кроме отдельных групп типа РОД, подавляющее большинство этнонационалистов признает полиэтнический характер России и требует лишь национально-пропорционального представительства во всех сферах деятельности (это автоматически закрепляет за великороссами как за самым многочисленным этносом преимущество).

К числу наиболее значительных и интересных националистических партий, действительно серьезно занимавшихся идеологическими вопросами относилась, *Национально-Республиканская Партия России (НРПР)* (первоначально называвшаяся Республиканской Народной), которую мы уже упоминали выше. Судьба НРПР интересна не только как судьба одной политической партии, но и как образец эволюции русского национализма.

Появившись в ноябре 1990 г. в результате отхода одной из групп «Памяти», национальные республиканцы во главе с Николаем Лысенко (1961 г. р.) на какое-то время стали заметной политической организацией в Петербурге и ряде других городов. Этому немало способствовала последовательная антикоммунистическая и антиельцинская позиция, а также ораторский и публицистический дар Лысенко. НРПР создала свое издательство «Хорс», выпускала журнал «Святая Русь», газеты «Наше время» и «Голос России». Сам Н. Н. Лысенко активно печатался в патриотической прессе, в том числе в «Молодой гвардии». В организационном плане НРПР с самого начала строилась как партия кадров с четкой иерархией и дисциплиной, с запретом двойного членства и внутренних фракций. При НРПР была создана военизированная структура – Русский Национальный легион, а также Служба безопасности. Многие «легионеры» НРПР участвовали в войне в Приднестровье (среди них и брат Н. Лысенко – Михаил), а также в других «горячих точках» страны. Республиканцы участвовали во всех митингах оппозиции, входили в состав Фронта Национального Спасения (откуда, впрочем, НРПР вышла в июле 1993 г. мотивируя свой шаг преобладанием коммунистов в структурах НРПР). Помимо заседаний в президиумах актив НРПР активно применял тактику прямого действия. В феврале 1993 г. под руководством Н. Н. Лысенко республиканцы провели манифестацию возле здания российского МИДа, протестуя против предательского курса министра Козырева на Балканах. Чуть позднее активисты НРПР разогнали т. н. «марш Христа», организованный сектантами. «Республиканцы» прославились на весь мир в схватке с ОМОНОм, когда московские власти пытались разогнать Первомайскую демонстрацию в 1993 г. Именно принадлежавший НРПР грузовик, украшенный партийной символикой, прорвал милицейское оцепление.

На выборах в Думу в октябре 1993 г. НРПР не участвовала, т. к. не успела собрать необходимо количество подписей, но сам Н. Лысенко был избран по одномандатному округу от Саратовской области. Как депутат Н. Лысенко получил известность тем, что сорвал крест с депутата Г. Якунина, бывшего священника и радикального демократа и разорвал «жовто-блокитный» прапор Украины.

В 1994 году НРПР была достаточно хорошо структурированной партией. Финансовую независимость, и одновременно подготовку кадров грядущей национальной революции обеспечивали принадлежавшие партии около 40 предприятий, в том числе охранных, имевших оборот около 300 миллионов рублей в месяц.

В области идеологии НРПР, особенно на первых порах, продемонстрировала все сложности, присущие этнонационализму в России. Первоначально республиканцы ничем не выделялись на фоне шумных,

но микроскопических по численности правых групп типа «Памяти» Васильева, ругавших «жидов», коммунистов и демократов, но ничего позитивного не предлагавших. Затем НРПР была «партией идей Солженицына», как уже отмечалось. Позднее в основу программы была положена концепция «социального кредита», правоконсервативная социальная программа одноименной партии Канады, правящих в ряде провинций этой страны, в идеологии которой сочетается культ свободного предпринимательства с неприязнью к большому бизнесу и антикоммунизм. Но кредитистская доктрина в конкретных условиях России 90-х гг. вряд ли могла увлечь даже мелких предпринимателей – главную опору западных социал-кредитистских партий.

Подобные идеологические метания, отражавшие отсутствие исторической традиции, были присущи многим, если не всем, русским националистическим партиям. НРПР все же сумела, отказавшись от западных идеологических заимствований, обрести собственное лицо. Лысенко изложил свое кредо в большой статье в партийной газете «Голос России» с программным названием «Наша цель – великая империя!». Лидер НРПР раскритиковал традиционалистов с их местами об обитании Святой Руси: «До самого последнего времени в качестве главных векторов идеологии российского национально-государственного возрождения нам предлагались традиционные основы: самодержавие, православие, народность... Патриотическая пресса сделала максимум возможного для популяризации этих ценностных ориентиров, но, как известно, ответной народной волны не вызвала. Это, впрочем, можно было предугадать заранее... Россия уже никогда не станет монархической страной со всеми замечательными, но отслужившими свое атрибутами этого строя. Она, возможно, будет авторитарной, но даже в этом случае ее авторитаризм станет уделом не конкретного, наследственно избранного лица, а авторитаризмом нового слоя – национальной управленческой элиты.

Православие в ее традиционной ипостаси вряд ли сохранит в будущем свою прежнюю роль фундаментальной идеологической основы: более 70 лет советского безрелигиозного общества не могли пройти бесследно. Сегодня русские – это народ почти исключительно секулярного, светского образа мысли... Религиозное христианское возрождение, конечно же, идет, но далеко не так быстро, как рассчитывали его современные адепты, а по многим объективным причинам носит скорее поверхностный, обрядовый, нежели глубоко духовный, характер. Во всяком случае, убежден, что Православие не может являться единственной основой будущей национально-государственной идеологии России – это было бы слишком безоговорочным и слишком бесперспективным повторением прошлого исторического опыта...

В отличие от двух предыдущих понятие «народность» обязательно сохранится как весьма важный компонент национальной идеологии будущего. Однако пока еще остается открытым вопрос о конкретном содержании, которое будет вкладываться в это понятие. Вполне ясно пока одно – народность не будет пониматься так буколистически примитивно, как понимали ее правящие и интеллигентские круги дореволюционной России.

Мне представляется, что в наши дни синонимом идеологического понятия «народность» может быть только понятие «общерусскость».*

Смысл этого синонима, означающего, в сущности, русский национализм, Лысенко разъяснял так: «Будущая национально-государственная идеология России должна непременно исходить из того, что у русских, украинцев и белорусов общего (общерусского) значительно больше, чем собственно русского (великорусского), белорусского, украинского, если исключить западных украинцев (галичан)»**.

Итак, Лысенко довольно решительно заявил, что при всех различиях трех ветвей восточных славян общего у них гораздо больше и они, в сущности, представляют собой единую русскую нацию. Но критика традиционализма и уточнение терминов сами по себе не были главными в статье. Лысенко в решительных выражениях указал на основную стратегическую цель партии: «Нашу идеологию (которую национал-республиканцы предлагали в качестве основы для разработки концепции будущей национальной идеологии России) мы называем в своей партийной среде «идеологией прорыва и натиска». Мы предлагаем всем народам России и прежде всего русскому народу начать борьбу за построение новой великой Империи – Империи технологического и интеллектуального превосходства над всем миром»***.

Империя такого рода, по мнению лидера НРПР, не означает войну и аннексию чужих территорий: «Земной шар есть и будет находиться в условиях жесточайшей интеллектуальной войны, войны за технологическое лидерство. Подлинно великими державами мира станут те, кто станет производить новые технологии. Все остальные, в зависимости от места на технологической лестнице, станут производить либо товары, либо материалы и сырье для их производства... Такое развитие мировой цивилизации по сути дела не оставляет России и русским свободы выбора: хотели бы мы того или нет, но, если мы рассчитываем обеспечить независимость своей страны, сохранить свободу и национальное достоинство своим детям, мы волей Истории будем принуждены с

---

* Газ. «Голос России». 1992. № 4/91.

** Там же.

*** Там же.

максимальной энергией вступить в тотальную борьбу с Западом и Востоком, прежде всего с США, за интеллектуальное и технологическое лидерство».

Лысенко и НРПР были уверены в поддержке народом этой имперской идеи: «Идея державного интеллектуального превосходства над всем миром, идея создания великой Русской Империи, которая заставит другие народы относиться к ней с должным уважением не числом ядерных боеголовок, а мощью и динамитом национального интеллекта; обретение мессианского статуса единственного в мире защитника национальных культур от космополитической «американоидной» экспансии, технотронного геноцида и потребительского вырождения не может оставить русский народ безучастным»*.

Как видим, перед нами вполне определенная и, что самое главное, вполне реалистическая программа. Но и в ней не содержалось чего-то принципиально отличного от программных установок демпатриотов, (напр., «программы Глазьева») и других государственных направлений правой мысли. Пожалуй, только резкостью формулировок статья Лысенко могла отличаться от более гладких по стилю статей других правых публицистов и политиков. Да и сам Лысенко говорил о *будущей* русской идеологии, которой еще предстоит возникнуть.

Пример Лысенко и НРПР интересен тем, что наглядно показывает невозможность возникновения полнокровного русского этнонационализма. В том или ином виде все этнонационалисты или превращаются в сторонников «республики Русь», этнически чистой, но политически и экономически ничтожной, или, как мы увидим далее, становятся поклонниками национал-социализма германского образца, или же приходят к государственничеству, подчиняющему идею нации идее государства.

Из идеологических новшеств национальных республиканцев можно обратить внимание на образы главного врага. В отличие от большинства правых, видящих главную угрозу стране и миру со стороны сионизма, НРПР не уделяла много места «еврейскому» вопросу, сосредоточив весь огонь на «лицах кавказской национальности». Лысенко в своих статьях критически отзывался о неоевразийских проектах или концепциях «славяно-тюркского союза», популярных в правой среде в середине 90-х гг., считая все это возрождением золотоордынского ига над русским народом. Напротив, необходимо полное размежевание со среднеазиатскими и кавказскими республиками.

Это все не оставалось словами. Активисты НРПР вместе с членами других национал-патриотических партий и казаками действительно пытались противодействовать кавказским торговцам и преступным группам, используя в том числе и насильственные методы. Кандидаты

* Там же.

от НРПР на выборах в местные органы власти, в частности в Петербурге, открыто выступали за депортацию кавказцев в их «независимые государства» из русских городов.

В принципе, учитывая действительно широкое распространение антикавказских настроений во всех слоях русского общества, в пропагандистском плане это был выигрышный ход. Теоретически можно было бы предположить, что национальные республиканцы повторят опыт Национального Фронта во главе с Ж. М. Ле Пенем во Франции, успех которому принесла антииммигрантская (особенно антиарабская) кампания. Но в России свой Ле Пен не появился, а сами национальные республиканцы, напротив, потеряли влияние. Но это произошло по причинам исключительно субъективного характера.

НРПР в конце 1994 г. раскололась. Петербургская организация признала своим лидером Юрия Беляева (родился в 1954 г.), возглавлявшего до этого небольшую Народно-Социальную партию, в прошлом майора милиции, участвовавшего во главе отряда добровольцев в боевых действиях в Боснии. Московская организация во главе с Н. Лысенко продолжала считать себя законным руководством партии. В результате происшедшего раскола НРПР оказалась на грани исчезновения.

К этому надо добавить, что обе группировки, на которых распалась партия, почти сразу временно лишились лидеров. На Ю. Беляева буквально сразу после избрания его председателем НРПР было совершено покушение (по мотивам, далеким от политики), в результате которого он был тяжело ранен и надолго выбыл из строя, при этом погибли два казака-телохранителя, а депутат Думы Лысенко был арестован в мае 1996 г. по обвинению в устройстве взрыва в собственном кабинете. Таким образом, расколовшаяся партия, лишившись, пусть и временно, лидеров, перестала быть значимой политической силой.

На выборах в Государственную Думу в декабре 1995 года НРПР (для большинства сторонников она еще оставалась единой) получила 331 700 голосов. Это был наибольший успех, когда-либо полученный русскими этническими националистами. Но раскол НРПР не дал развить этот успех. Напротив, после 1996 года обе НРПР исчезают с политической сцены.

Раскол НРПР был вызван чисто личными амбициями лидеров. В идеологическом плане партия Беляева ничем не отличалась от лысенковцев. Правда, Ю. Беляев был человеком действия, не склонным к теоретизированию, но и он пытался уточнить место националистов в политическом спектре России. Так, выступая на петербургской конференции ряда националистических партий в сентябре 1996 г. Беляев говорил, что «Русское мировоззрение, это – верность заветам предков. Так называемое христианство приспособилось к ведическому арийско-

му мировоззрению славян, хотя в целом христианство осталось глубоко чуждым народу. В 1917 г. он разорвал путы христианства, но большевики накиннули марксизм, извративший святы чувства социальной справедливости. Националисты не признают ни христианство, ни марксизм. Нам пытаются навязать фашизм, но фашизм был основан масонами. Русские националисты не признают фашизма».

О программе националистов Беляев говорил, что она заключается в том, что русские должны осуществлять руководство в своей стране. Петербург может стать цитаделью четвертой русской революции – революции национальной. Для победы необходимо активное участие в избирательных кампаниях, требуется вести активную просветительскую работу с молодежью, тем более, что демократически настроенная молодежь исчезает из-за наркотиков и СПИДа, а коммунисты разговаривать с подрастающим поколением не умеют. Значит, наше время приближается*.

Как видим, несмотря на оптимистический вывод, Ю. Беляев все же не стал конкретизировать ни идейную платформу этнонационализма, ни характер грядущей национальной революции. В практической же деятельности беляевцы занимались борьбой с кавказскими мафиозными группировками, к чему и сводилось все их «русское дело».

В дальнейшем Ю. Беляев переименовал свою часть НРПР в Партию Свободы (ПС), чтобы отличаться от партии Лысенко и подчеркнуть идейную близость с одноименной австрийской партией Йорга Хайдера. Правда, ПС остается чисто местной, петербургской, партией. Борьба ПС с кавказскими спекулянтами, извращенцами, торговцами наркотиков, пользуется определенной общественной поддержкой в северной столице. Но на росте партийных рядов это не отражается. Какой-либо идеологической новизны в программных установках ПС не найти. В целом ПС может считаться уже не этнонационалистической, а праворадикальной партией.

Итак, принцип национализма по крови и в 90-е гг. оставался чуждым основной массе русских правых, тяготевших к почвенному национализму. При всем своем словесном экстремизме, привлекательном для молодежи, националисты остаются аутсайдерами национал-патриотизма, не обладая массовой базой (и даже не стараясь обрести ее), пребывая в своеобразном политическом гетто, не оказывая почти никакого влияния на политическую жизнь страны.

Правые радикалы не обделены вниманием СМИ, нередко всех национал-патриотов намеренно смешивают с последователями Гитлера. В действительности самый крайний фланг национал-патриотов являет-

* Из архива автора.

ся наименее влиятельным в политическом плане и совершенно неоригинален (за исключением только нацболов Э. Лимонова) в плане идеологическом. Истеричная кампания против «русского фашизма», (затем, видя полную неэффективность кампании, этот термин заменили на более расплывчатый «экстремизм») велась не против реально существующих нацистских групп, а против всей оппозиции. Более того, складывалось впечатление, что режим заинтересован в наличии таких групп. Всякий раз, когда возникали сложные внутривнутриполитические проблемы, по телевидению начинали показывать марширующих членов РНЕ с повязками с видоизмененной свастикой на рукавах. Словом, ельцинизму просто необходима страшилка в виде пугающих, но на деле не представляющих никакой силы партий.

Тем не менее, радикальные правые в России – это реальность, причем, продолжая пока оставаться маргинальным течением среди правых, радикалы имеют тенденцию к росту своих рядов, их потенциал является весьма значительным. Чем дальше и глубже продолжается всеобъемлющий кризис российского общества, чем больше выявляется слабость демократических процедур в стране и дискредитирует себя сам принцип демократии, тем больше радикализуется политическая жизнь в России. Сразу оговоримся, что речь идет о готовности использовать крайние меры в политической борьбе, вдохновляясь соответствующими идеями, а не о фашизме как идеологии.

Под радикалами мы понимаем сторонников коренных (радикальных) изменений в социальной, политической и экономической жизни общества, и создания качественно нового общества, а не сохранения или восстановления старого. Фашизм в его исторических формах 20–40-х гг. и в его современных интерпретациях есть лишь правый радикализм, доведенный до его логического конца.

Идеология «чистоты крови», «высшей расы» и т. п. в России просто не может завоевать массы и поэтому нацисты в нашей стране обречены оставаться фан-клубом Гитлера, скорее полезным, чем опасным для властей. Несколько больший успех может ожидать поклонников западных радикалов, не связанных с фашизмом, но и они вряд ли станут заметным явлением. Главная беда правых радикалов в современной России – их подражательный характер. При всем своем патриотизме правые радикалы 90-х гг. остаются западниками в том смысле, что почти все основополагающие принципы свои заимствуют из западных источников, почти не опираясь на отечественную интеллектуальную традицию.

Другое дело, что радикализация общественного сознания способна породить серьезную и убедительную идеологическую концепцию, носящую воинственно-радикальный, национально-революционный ха-

рактер, и способную, овладев массами, стать материальной силой. Но в основе такой концепции должны лежать все же почвенные, опирающиеся на русские политические традиции, идеи и идеалы. На сегодняшний же день, при растущих в обществе радикальных настроениях, подчас совершенно экстремистских, русские правые радикалы в интеллектуальном плане все еще не избавились от импорта, что и делает их идеологически и политически ущербными.

К современным российским правым радикалам можно отнести шумные, микроскопические по численности группы, вся программа которых сводится к антиеврейским лозунгам, организации фашистского типа, среди которых заметно выделяется Русское Национальное Единство (РНЕ), Национал-Большевистская Партия (НБП) Э. Лимонова, ряд казачьих организаций, группы молодых интеллектуалов, собирающихся вокруг журналов, издательств, информационно-аналитических центров, обычно называющие себя «новыми правыми», а также весьма многочисленные «бритоголовые», футбольные болельщики, поклонники рок-групп, исполняющих музыку самых разных стилей, но с воинственным праворадикальным текстом.

Подавляющее большинство ультраправых очень молоды, в основном в возрасте около 20 лет, хотя довольно много среди них и несовершеннолетних. Идеологи и политические лидеры – несколько постарше, обычно уже за 30 лет. Сам факт «молодости» правого радикализма в России свидетельствует о его значительном потенциале. Кроме того, ультраправые в основном являются жителями крупных городов, студентами или людьми, уже имеющими образование, хорошо разбирающимися в вопросах международной политики, современной культуре, владеющими иностранными языками, широко использующими Интернет и пр., что придает праворадикальным движениям особую специфику и своеобразную субкультуру.

Первые ультраправые возникли, подобно всем национал-патриотам, на рубеже 80–90-х гг. на базе групп неформалов. В большинстве своем первые ультра ничем не отличались от «Памяти», из рядов которой вышли многие их лидеры и активисты.

О примерах действий радикалов можно судить по истории *Русской Партии (РП)*. Родившись в конце 1990 г., в феврале 1992 г. РП объявила о создании «общественного теневого правительства».

В ноябре 1991 г. филиал РП появился и Петербурге. В северной столице РП получила широкую известность своими митингами на Дворцовой площади и шествиями по Невскому проспекту, совершаемыми с завидным постоянством чуть ли не каждую неделю. Лозунги РП обычно были такие: «Долой сионистское правительство России!», «Национально-пропорциональное представительство», «Россию – русским!» и др.

Энергии РП проявляла много, но в плане идеологии ничего, кроме весьма примитивно понимаемых призывов к борьбе с сионизмом, партия предложить не могла. Вся позитивная программа РП сводилась к тому, что стоит только покончить с сионистским господством, как в России все сразу станет хорошо, экономическое положение коренного населения сразу улучшится в три раза. Другие патриотические партии РП считала слишком переполненными инородцами и потому не вполне национальными.

Понятное дело, что такая «программа» не могла обеспечить РП массовую базу и партия, несмотря на определенную известность своими митингами в Петербурге, по численности своего состава не намного превысила «диванный» уровень.

В 1994 г. РП вместе с петербургскими отделениями РНС и РОС составили предвыборный блок «Великая Россия» в ходе выборов в Законодательное Собрание Петербурга, однако этот блок не имел успеха, т. к. финансовые, информационные возможности «Великой России» были невелики. В довершение всего лидер петербургской РП Николай Бондарик (1965 г. р.) был арестован по обвинению в соучастии в убийстве, что сразу обезглавило партию в Петербурге.

Несколько результативнее действовала РП во Пскове, где в силу специфики региона, о чем мы говорили выше, представители Русской Партии получили места в псковских выборных органах власти.

О том, как на практике действовали псковские «русско-партийцы», свидетельствуют журналисты из враждебного патриотам лагеря. Так, в либеральной газете «Невское Время» обозреватель Адель Богатых жаловалась, что патриоты «входят в повседневность жителей города, в их жизненный мир... Не демократы, а националисты заботятся о подростках (фактически с 10–12 лет), открывая для них бесплатные спортивные залы, где физическая подготовка сопровождается специфическим духовным тренингом. Именно националисты не просто «думают», а предлагают вполне конкретные решения проблемы в конкретном городе обманутым вкладчикам, не на федеральном уровне, а здесь и сейчас... Именно они не «выражают озабоченность» возможными террористическими акциями чеченцев во Пскове, а предпринимают конкретные шаги и оповещают об этом жителей, заявляя, что город находится под защитой Русской Партии. Этот непрерывный цикл «маленьких добрых дел» (кавычки А. Богатых. – *Авт.*) можно продолжать до бесконечности»*.

Но в чем же опасность того, что деятели РП заботятся о подростках, открывая для них *бесплатные* спортзалы? А. Богатых с наивной откровенностью сообщает: «Каждая такая акция тянет за собой цепную реакцию: у детей, пришедших к ним (националистам) в спортзалы,

* Газ. «Невское время». 9 июля 1996 г.

есть родители, которые с симпатией и даже благодарностью начинают относиться к людям, прививающим их детям высокие нравственные ценности»*.

Воистину, удивительное саморазоблачение российских демократов! Вот если бы псковские власти вместо бесплатных спортзалов открывали бы ночные клубы и казино и продавали бы исторический центр города иностранцам или доморощенным спекулянтам, то депресса приветствовала бы такие «реформы». Впрочем, о псковских демократах «Невское Время» с сожалением пишет, что они «больше заняты государственным строительством, законотворчеством, карьерой, деньгами или же решением «социально-глобальных» проблем»**.

Как видим, псковская Русская Партия, не развивая «социально-глобальные» проблемы, все же своими «малыми добрыми делами» вносила свой посильный вклад в решение сложных проблем русской нации на местном уровне.

Из других праворадикальных партий России 90-х гг. и начала нового века особое место занимает *Национал-Большевистская Партия (НБП)* Эдуарда Лимонова. НБП можно с полным основанием считать самой экстравагантной и в идеологии, и в практических действиях партией современной России. Конечно, в стране и так хватает партий типа «Партии Любителей Пива», Движения «Тропическая Россия», или «КПСС-3 имени Брежнева», наконец, Орден Футуристических Мракобесов, но члены НБП – нацболы, все же не развлекаются, а действительно занимаются политической деятельностью. Своей же экстравагантностью, задором и энергией нацболы создают себе громкую рекламу, а скандальный имидж привлекает в партию молодежь.

НБП довольно активно заявляет о себе различными акциями, в том числе и такими, которые могут считаться хулиганскими. Сами нацболы называют это «прямым действием».

НБП активно занимается «настенной живописью», т. е. обильно рисует свои лозунги типа: «Пролетарий, возьми свое!», «Капитализм – дерьмо!», «Слава НБП!», «Ешь богатых!» «Red Power!». Флаг НБП представляет собой преднамеренную пародию на флаг гитлеровской НСДАП: красное полотнище с белым кругом посередине, в котором изображены черные серп и молот вместо свастики. Партийный штаб НБП в Москве назывался Бункер (намек на бункер Гитлера), а руководители местных организаций именуются гауляйтерами.

Эдуард Вениаминович Лимонов (литературный псевдоним, настоящая фамилия Савенко) родился в 1943 г. В прошлом – участ-

---

* Там же.

** Там же.

ник одной из первых неформальной литературной группы СМОГ, затем – эмигрант в США и во Франции, Лимонов стал одним из немногих русских писателей за рубежом, получивших известность у западного читателя за счет умелого рекламного эпатажа. Книги Лимонова переполнены ненормативной лексикой и натуралистическими описаниями сексуальной жизни героя, которым и был сам «Эдичка» Лимонов. Сам писатель, проявляя авантюристичность характера и постоянное стремление к эпатажу, превратился не только в воинственного публициста, но и в искателя приключений. Лимонов побывал на войнах в Югославии, Приднестровье и Абхазии в качестве репортера, активно участвовал во всех митингах и демонстрациях оппозиции.

Наконец, в июне 1994 г. Лимонов вместе с известным рок-музыкантом Егором Летовым и публицистом, редактором журналов «Элементы» и «Милый Ангел» Александром Дугиным создал Национал-Большевистскую Партию. С ноября того же года начала выходить газета «Лимонка» – орган НБП.

Идеология НБП действительно своеобразна, ее можно назвать эклектичной в квадрате. Практически все отрицающие западную систему, но западные же по сути радикальные левые и правые теории составили удивительный коктейль в программе НБП. На страницах «Лимонки» попеременно представлены статьи и о латиноамериканских левых партизанах и о террористах любой политической ориентации, но все же преобладают материалы, посвященные ультраправым теоретикам и политическим вождям. Несмотря на все стремление нацболов быть «по ту сторону правого и левого», НБП все равно остается партией радикалов справа. О радикализме нацболов свидетельствует их платформа, называвшая конечной целью партии – Национальную Революцию без всяких рассуждений о мирной смене власти. Для этого дела нужен особый тип сторонников – «люди прямого действия», каковыми нацболы себя и считают (и, видимо, не без оснований). Отсутствие антикоммунизма и напротив, восхищение любыми революционерами, своеобразный «красный национализм», как называл это сам Лимонов, закономерно привело лимоновцев к альянсу с левыми радикалами – «Трудовой Россией» Анпилова и «Союзом Офицеров» С. Терехова, составивших блок Фронт Трудового Народа. Сам вождь НБП так объяснял союз с ультралевыми: «Как и прежде, мы остаемся красными националистами. Как прежде, важнейшей целью НБП остается воссоединение всех русских в одном государстве, что включает в себя изменение границ РФ за счет земель, населенных русскими и незаконно присвоенных республиками. С Анпиловым нас сближает то обстоятельство, что мы против грабительского капитализма, мы за социализм, равно как и Анпилов. Мы всегда стремились к сближению равно с левыми и правыми радикалами... Однако

практика политической работы постепенно привела нас к выводу, что справа НБП не с кем союзничать – подавляющее большинство правых партий всего лишь секты с горсткой членов партии (обычно 3–7 человек). Когда-то крупная партия Национально-Республиканская претерпела несколько расколов. Что касается, без сомнения, самой крупной правой организации РНЕ, то последние пару лет Руководство РНЕ выбрало политическое одиночество и не идет ни на какие союзы. Вот почему мы заключили союз с Анпиловым и Тереховым. Мы считаем, что это разумное решение и дальновидное. «Союз Офицеров», «Трудовая Россия» и НБП выгодно дополняют друг друга и могут как союз народа, армии и молодежи быть крайне привлекательными для избирателя. Тем более, что у «Трудовой России» и «Союза Офицеров» легко просматриваются националистические тенденции. В известном смысле они не менее русские движения, чем РНЕ»*.

Как видим, при всем своем желании дать пощечину общественному вкусу нацболы все же представляют собой совершенно естественно возникшую идеологию. Исходной ее точкой является полное крушение традиционного советского мировоззрения вместе с несостоятельностью западно-либеральной системы ценностей, помноженной на экстремизм молодости. Стремление к переоценке прежней шкалы моральных ценностей носит пока довольно смутный, неясный характер, охватывая людей самых различных взглядов и социального положения, объединенных лишь общим неприятием действительности и осознанием кризиса всей мировой цивилизации. Пассивность и соглашательство «системной оппозиции» во главе с КПРФ не могло не привести к радикализации настроений, особенно характерной для молодежи.

Нацболы остаются объединением политизированной молодежи крупных мегаполисов, почти не известными в провинции. Стиль партийной «Лимонки» с обильным употреблением непечатных выражений, слов и целых фраз на английском весьма привлекателен для старшекласников и студентов – главной базы НБП. (Впрочем, «Лимонку» покупают и вполне взрослые люди, которых привлекают своим содержанием и своеобразной подачей материала статьи этой газеты.) «Лимонка», впрочем, после запрета газеты в 2002 году стала выходить под названием «Генеральная линия».

В разное время с НБП тесно сотрудничали геополитик А. Дугин, исламский деятель Г. Джемаль, а также известный музыкант С. Курехин, не менее известный рок-музыкант Егор Летов (группа «Гражданская Оборона»), участник рок-группы «Кино» Г. Гурьянов и пр. богема. Члены партии – «нацболы», провели в 1997–2005 гг. ряд шумных, но бескровных акций прямого действия. Они сорвали съезд партии извес-

* Газета «Лимонка». 1998. № 82.

тного «реформатора» Гайдара, испортили торжественную презентацию фильма Н. Михалкова в знак протеста против поддержки режиссером русофобского режима в Казахстане. Еще более значительные акции проделали члены НБП в т. н. «ближнем зарубежье». В «день независимости Украины» в августе 1999 г. они захватили Клуб моряков в Севастополе, вывесили партийные и советские флаги и транспарант «Севастополь – русский город». Клуб моряков был взят спецназом Украины и 16 нацболов, старшему из которых было 25 лет, были арестованы. Подобную акцию нацболы провели в Риге, захватив Домский собор и сорвав торжества по случаю «Дня независимости» Латвии. Характерно, что латвийские власти приговорили арестованных нацболов к многолетним срокам заключения. В Латвии, где притеснения русских носят вызывающий характер, а официальные власти РФ изредка реагируют мягкими дипломатическими нотами, именно действия нацболов определяют русское сопротивление.

В 2001 г. нацболка Алина Лебедева ударила по лицу букетом цветов приехавшего в Латвию с визитом британского наследного принца, а в феврале 2002 г. Ирина Пантюшенко испортила визит в Ригу генсека НАТО, надев на себя майку с антинатовскими лозунгами и приковав себя цепями напротив дома, где правительство Латвии беседовало с заморским гостем. Лимоновцы участвовали также в движении русских Казахстана за воссоединение с Россией. За свою деятельность нацболы многократно подвергались репрессиям властей РФ и «постсоветских государств».

8 апреля 2001г. в Барнауле был арестован Э. Лимонов. Его обвинили в незаконном приобретении оружия для организации русского восстания в Казахстане. Впрочем, сами обстоятельства ареста напоминают обычную полицейскую провокацию. Согласно Уголовному кодексу, Лимонову грозило до 14 лет тюрьмы.

Впрочем, это только подстегнуло нацболов к новым акциям. В отличие от многих национал-патриотических организаций, нацболы с самого начала относились негативно к Путину. После ареста Лимонова нацболы начали кампанию «яично-фруктового» террора. За один 2003 год ими был осуществлен ряд дерзких акций против влиятельных деятелей власти и псевдооппозиции. Так, яйцами были заброшены премьер Касьянов, председатель Центризбиркома Вешняков, спикер Грызлов, Чубайс, а также соглашатели Зюганов (2 раза) и Жириновский. В следующем году подобное «прямое действие» продолжалось. В августе нацболы захватили здание Министерства здравоохранения, протестуя против «реформ» в медицине, проводимых вице-премьером Зурабовым. Самой знаменитой акцией нацболов в 2004 году стало «восстание декабристов» 14 декабря, когда группа из 39 нацболов захватила

помещение администрации президента, требуя его отставки. Когда в начале 2005 года вступил в силу закон, фактически ликвидировавший систему льгот для значительной части населения страны, то нацболы были в первых рядах протестующих. Огромную роль сыграло то, что активное участие лимоновцев в выступлениях подорвало официальную пропаганду, что против отмены льгот выступают только выжившие из ума пенсионеры, не понимающие собственного счастья.

Кремль был явно озабочен деятельностью нацболов. В отличие от солидных парламентских партий нацболы были слишком энергичны и непредсказуемы. Замглавы администрации президента В. Сурков в интервью немецкому журналу «Шпигель» 20 июня 2005 года назвал НБП «опасностью, которую нельзя недооценивать». Понятно, что вся карательная мощь государства обрушилась на эту партию. Можно только поражаться жестокости судебных расправ над нацболами. 24-летний нацбол Андрей Сквородников, студент из Красноярска, создал в Интернете сайт, в котором нецензурно выражался в адрес президента. В день создания сайта квартиру Сквородникова посетили сотрудники спецслужб. Суд приговорил студента к 6 месяцам заключения. Группа нацболов, захватившая кабинет «социального» вице-премьера Зурабова, одного из главных инициаторов идеи «монетизации» льгот, получила по 5 лет заключения! На судебном процессе по делу «декабристов» судьи требовали многолетних сроков для обвиняемых нацболов. Первоначально их собирались судить по «расстрельной» статье 278 УК РФ – насильственный захват власти! Потом, правда, решили все же судить нацболов «всего лишь» по 212 статье – массовые беспорядки. Арестованные нацболы вели себя очень мужественно, что не могло не вызвать к ним симпатию.

Сам Лимонов после двух лет заключения (в тюрьме он успел написать еще несколько книг) был освобожден, но условно-досрочно. Это означало, что в лидер НБП в любой момент может быть арестован снова. Независимо от этого, нацболы продолжали акции, а власти реагировали на них в своем стиле – арестами и суровыми приговорами.

Наконец, 17 июня 2005 года спецназ захватил «Бункер», а юристы Кремля начали процедуру ликвидации НБП (при том, что формально эта партия так и не зарегистрирована).

Впрочем, если власти пытались создать мучеников, то они вполне преуспели. Из контркультурной богемной и эпатажной тусовки НБП в помощь Суркова и его команды превратилась в политическую партию, которую некоторые даже считают революционной партией, единственной в современной России.

«Феномен НБП» можно объяснить крушением старой советской системы ценностей вместе с отвержением молодым поколением русских

людей западнических либеральных идеалов. При этом надо учитывать, что подавляющая часть современной русской молодежи, особенно живущая в больших городах, нерелигиозна и испытывает влияние массовой культуры, имеет упрощенное представление о национальных традициях. Наконец, большое количество полностью обрусевших и интегрированных в русскую жизнь представителей нацменьшинств, которых по определению не принимают националистические русские партии, вступают в НБП. Не случайно в рядах нацболов есть татары, азербайджанцы, армяне и даже негры. В целом НБП может быть резервом национально-патриотического движения. Вся эпатажность нацболов, возможно, исчезнет с возрастом, а политический опыт останется.

Нацболы весьма немногочисленны, но это все с лихвой окупается их активностью. Хотя НБП, похоже, предстоит и впредь остаться экстравагантной группой, но в ее рядах проходят подготовку кадры будущих партий.

Самой крайней из всех крайних правых партий России, самой дисциплинированной и при этом самой неоригинальной по идеологии является *Русское Национальное Единство (РНЕ)* во главе с Александром Петровичем Баркашовым. РНЕ может считаться также и самой известной из всех правых партий, поскольку колонны марширующих баркашовцев являются весьма частыми на телеэкране.

В самом конце 90-х гг. РНЕ вполне могла считаться второй по численности после Компартии партией России. По данным газеты «Завтра», относящейся к баркашовцам весьма настороженно и не склонной преувеличивать их значение, в 1998 г. организации РНЕ действовали в 64 субъектах федерации РФ и имели свыше 1 тыс. городских и районных отделений. В 32 областях и краях структуры РНЕ зарегистрированы официально. Численность баркашовцев в России от 25 тыс. до 100 тыс. человек*. (Сами члены РНЕ определяют число своих сторонников в 500 тыс. человек, что явно преувеличено.) Организации РНЕ возникли и в ряде прежних советских республик, например, в Белоруссии и Латвии.

Герб РНЕ представляет собой свастику, вписанную в восьмиконечную звезду, члены РНЕ носят черные рубашки, приветствуют друг друга вскинутой рукой с возгласом «Слава России!». У РНЕ есть свой Вождь и иерархия вождей поменьше, свои штурмовики и даже свой мученик – погибший в 1994 г. один из помощников А. П. Баркашова, автор гимна РНЕ Вадим Сазонов.

Всемирную известность РНЕ завоевало в ходе осенних событий 1993 г. в Москве, когда его активисты принимали участие в обороне Дома Советов. Сам А. П. Баркашов после октябрьских событий какое-то вре-

* Газета «Завтра». 1 октября 1998 г., № 39 (252).

мя скрывался в подполье, затем был арестован, но освобожден в связи с амнистией, объявленной Государственной Думой. Благодаря участию в событиях кровавой осени 1993 г. РНЕ, до этого особенно не выделявшаяся среди массы мелких праворадикальных групп, стала в глазах многочисленных беспартийных радикалов именно той «партией действия», которой так не хватало национально-патриотическому движению.

В самом деле, в отличие от подавляющего большинства российских партий, с самого начала, с момента выхода из состава «Памяти» в 1990 г., РНЕ строилась как организация с воинской дисциплиной и жесткой иерархией.

Создавать свои военизированные структуры и боевые отряды стремились многие правые партии, но только РНЕ сумело стать полностью военизированной партией. В РНЕ существует несколько обособленных групп, полномочия, права и обязанности которых четко определены в соответствии с уставом. Во главе РНЕ находится «вождь» (А. П. Баркашов), последующими звеньями оргструктуры являются «главные соратники», «соратники», «сподвижники» и «сочувствующие».

О принципах руководства РНЕ откровенно сказано в брошюре «Что такое РНЕ»: «... РНЕ является политической организацией авторитарного типа. Она строит свою деятельность на принципах авторитарного руководства. Это означает, что любое лицо, обладающее в движении определенной компетенцией, обладает абсолютной властью в области принятия решений и несет абсолютную ответственность за принимаемые решения. За пределами своей компетенции это лицо руководствуется решениями Главного соратника и своего непосредственного руководителя. Такой тип политической организации основан на власти профессионалов – каждого в своей области. При этом искореняется практика бесплодных и никому не нужных голосований. Для помощи в принятии оптимального решения при каждом командире создается совет из его непосредственных подчиненных. Это совет в прямом смысле слова – он занимается не голосованием, а дачей советов. Советы могут давать все, но решения принимает командир – и он же несет за него всю полноту ответственности»*.

Все это нехарактерно даже для вождистских партий вроде ЛДПР Жириновского или «народных республиканцев» генерала Лебеда, в которых при безграничном авторитете лидера все же присутствуют определенные демократические процедуры в виде выборов, отчета руководства перед рядовыми партияцами, относительная свобода мнений и т. д. Но для раздраженных бесконечной болтовней оппозиционеров на своих бесчисленных съездах, решительно и непримиримо настроенные люди, в первую очередь молодежь, увидели в РНЕ боевую силу. Учитывая не-

* Что такое РНЕ? М., 1997. С. 6.

умение значительной части патриотов старшего возраста разговаривать с молодежью, а также то, что те политизированные молодые люди, которые при праворадикальных взглядах, не стремясь превращаться в рядовых «солдат партии», ушли к нацболам или прочим экстремистским группам, РНЕ стала притягательным для всех, тяготеющих к дисциплине и действию.

В структуре РНЕ создана сеть военно-спортивных клубов, выполняющих, в сущности, функции прекратившего свое существование ДОСААФ, т. е. занимающихся практической подготовкой молодежи к службе в армии. Занятия в этих клубах нередко проводят опытные инструкторы из числа бывших офицеров, ветеранов локальных войн или известных спортсменов. Проводятся занятия по строевой подготовке, стрельбе, рукопашному бою, восточным единоборствам (сам Баркашов, как любят сообщать все его биографы, имеет международную квалификацию: 3-й дан (черный пояс по карате).

Члены этих клубов, обычно являющиеся сочувствующими РНЕ, оказывают помощь работникам правоохранительных органов. Многие структуры РНЕ существуют в виде частных охранных агентств, особенно в тех регионах, где РНЕ запрещено.

Наконец, РНЕ активно проповедует здоровый образ жизни, борьбу с алкоголизмом, наркоманией, половыми извращениями, что приводит к поддержке РНЕ со стороны общественных организаций и местных органов власти, не разделяющих идеологию РНЕ. Спортивные секции и клубы вообще стали чуть ли не главным и наиболее успешным пропагандистским козырем РНЕ.

Во взаимоотношения с другими патриотическими организациями РНЕ, как правило, не вступает.

На первых порах РНЕ участвовало во всех антиельцинистских (красно-белых) блоках – Русском Национальном Соборе и пр. Но с 1993 г. РНЕ, завоевав всемирную славу и свой собственный неповторимый имидж, перестало сотрудничать со всеми другими из существующих партий, будь-то «красные», «белые» или такие же «коричневые», потому что «ни одна из них реально не отстаивает интересы России и Русской Нации,... не имеют четких критериев нации и национального государства и... лишь мешают объединению здоровых националистических сил в один кулак»*.

Отказ РНЕ от коалиций первоначально позволял этой организации сохранить и усилить свои ряды, поскольку РНЕ сумела избежать присущую многим национально-патриотическим партиям проблему перехода своего актива в другие союзные партии. «Текучесть» своего состава, перетекание кадров из одной организации в другую является

* Указ. соч. С.9.

бичом всех российских партий, чем, кстати, и объясняется довольно частая смена ведущих партий в политической жизни. РНЕ же, избегая каких-либо обязывающих соглашений, даже с близкими по духу организациями, медленно, но верно наращивали свою численность, тем более, что именно в РНЕ, овеянную славой октября 1993 г. шли молодые радикалы как беспартийные, так и из числа прежних членов малочисленных радикальных партий.

Не участвуя в предвыборных коалициях 1994–99 гг., РНЕ оказалось не затронуто всеми многочисленными скандалами, которые сопровождали всероссийские выборы и сгубили репутацию многих лидеров. В общем, РНЕ сумело сохранить образ незапятнанной партии, далекой от суетливого политиканства и соглашательства с режимом. (При этом как-то незамеченным прошло то обстоятельство, что в ходе президентских выборов 1996 г. А. П. Баркашов призывал избирателей голосовать за Ельцина.)

Но то, что дало РНЕ силу, теперь становится для партии источником слабости. Какой бы крупной по численности партия не стала, а потенциал для дальнейшего роста у РНЕ значителен, все равно в конкретных условиях современной России эта партия не сможет объединить даже правых радикалов. Политическое одиночество для политической организации, не занимающейся публичной политикой, приводит ее в положение секты, пусть даже и крупной, не имеющей большого политического значения.

Жесткая дисциплина, основанная на безоговорочном повиновении, как ни парадоксально, также способна ослабить партию, действующую во всероссийском масштабе. В условиях обширной страны, где в каждом регионе особенные социально-политические и этно-демографические условия, определенная децентрализация для любой всероссийской партии неизбежна, поскольку из одного центра невозможно учесть все местные условия. Расширение полномочий возглавляющих местные организации РНЕ «соратников» и «сподвижников» делает их полновластными вождями в пределах своих регионов, ведущих собственную политику.

Руководитель партии А. П. Баркашов, при своих бесспорных организаторских качествах, не обладает данными харизматического лидера. Он не оратор, плохо «подает» себя с телеэкрана (поэтому, вероятно, и не любит публичных выступлений в СМИ), нет у него той живости и той образности в языке, как у Жириновского. Баркашов не имеет за плечами героической биографии, ученых степеней, боевого опыта или опыта государственной службы (если не считать двухлетнюю действительную службу в армии). И даже сторонники Баркашова не считают его теоретиком, внесшим что-то свое новое в политическую теорию. Брошюра «Азбука русского националиста» представляет собой сборник

статей Баркашова, опубликованных в 1990–94 гг. Вождь РНЕ окружает себя ореолом романтической тайны, демонстрируя многозначительную скрытность «человека действия», контрастирующую как с болтливостью остальных патриотических партий, так и с истеричными акциями радикалов-коммунистов.

Идеологические и прочие проблемы, а также давление властей сделали свое дело – РНЕ пережило ряд расколов, и в 2000 году прекратило существование. В наше время существует несколько осколков прежнего РНЕ, но ни один не может иметь влияния РНЕ 90-х гг.

РНЕ весьма критически оценивает советский период русской истории, не видя в нем ничего позитивного. Подобно «Памяти», члены РНЕ любят подчеркивать еврейские и вообще инородческие фамилии советских лидеров, называя Ленина Бланком, Сталина – Джугашвили и пр. С 1917 г., по мнению РНЕ, Россия находится под властью инородцев.

Нация, говорил Баркашов, это – абсолютная ценность, имеющая биологические и духовные основы. Русский порядок, которого добивается РНЕ, противостоит Новому Мировому Порядку, который пытается установить США. Борьба между ними должна закончиться гибелью одного и торжеством другого (как поется в гимне РНЕ, «ведь в мире должен быть один порядок и он по праву Русским должен быть»). Принципиальные отличия между ними заключаются в том, что Российская Империя была сакральным духовным государством, в то время как западные государства основываются на эгоистических экономических основах.

В России никогда не сможет победить организация, использующая свастику в качестве своей символики. Понимая это, во всех пропагандистских материалах РНЕ довольно много места занимает информация о происхождении свастики как древнего солярного знака, широко представленного в орнаментах Древней Руси. Но в любом случае для русских всех поколений свастика навсегда останется знаком вторгшихся в Россию завоевателей.

В 1993 году появилась еще одна партия правых радикалов, завоевавшая некоторую популярность благодаря привлечению на свою сторону молодежных организаций. Речь идет о *Национальной Народной Партии России* (ННПР) во главе с Александром Кузьмичем Ивановым-Сухаревским. Он родился в Ростове-на-Дону в 1950 году, детство провел в Восточной Германии, где его отец был комендантом г. Фюрстенберг. Учился в военном училище и на философском факультете, но не закончил. Зато с успехом окончил режиссерское отделение ВГИКа в 1979 г. Был режиссером-постановщиком фильмов «Тайны Земли», «Зимняя вишня», «Очи черные». В 1987 г. снял фильм «Корабль», который

был запрещен к показу за «антисемитизм». С этого времени участвует в национально-патриотическом движении. Был активным деятелем Русского Национального Собора, Союза Христианского Возрождения и др. организаций. В октябре 1994 г. стал лидером «Движения народных националистов», переименованного в феврале 1995 г. в Народную Национальную партию. Подвергался арестам за «разжигание национальной розни». Его партия ННП занимает радикально-национальную позицию, требуя предоставления преимущественных прав для русской нации и применения в случае необходимости репрессивных мер против инородцев. ННП успешно работала среди скинов и других молодежных организаций и движений. Впрочем, успехи ННП были не столь значительны, как у РНЕ.

В 90-е гг. существовала еще одна праворадикальная организация, не стеснявшаяся назвать себя национал-революционной – *Русский Национальный Союз*. Во главе Союза стоял Константин Касимовский. Сравнительно молодой человек (1974 года рождения), он может считаться ветераном национально-патриотического движения. Он уже в 15 лет примкнул к «Памяти». Впрочем, подобно многим другим национал-патриотам, покинул «Память», разочарованный бездействием организации, создав Национальный Союз. Во время московского восстания 4 октября 1993 года Касимовский был арестован в Нижнем Новгороде, куда он прибыл с целью агитации местных патриотов. В 1997 году он снова был арестован, проведя еще два года за решеткой.

Сторонники Касимовского вели упорную уличную борьбу со спекулянтами, религиозными сектантами и кавказскими торговцами. Его Союз издавал газету, претенциозно названную «Штурмовик» (запрещена в 1998 году) и теоретический журнал «Нация».

Освободившись, Касимовский создал организацию Русское Действие (РД). В отличие от Союза, РД является скорее группой идеологов, в которую входили, помимо самого Касимовского, публицисты Александр Елисеев, Виктория Ванюшкина и ряд других. Свои идеи члены РД излагали через журнал «Правое сопротивление» и Интернет. «Правое сопротивление» довольно информативное издание.

Из других правых радикалов в России можно обратить внимание на достаточно многочисленные, хотя и организационно не связанные друг с другом группы бритоголовых (скинов) и схожих с ними поклонников различных политизированных рок-групп, футбольных болельщиков и другие организации молодежи, обычно эфемерные, но в своем роде неистребимые. О них мы еще будем говорить далее, пока же обратим внимание на то, что обычно такие молодежные группировки тяготеют именно к радикалам. Все это свидетельствует о том, что у крайних правых существует большая потенциальная база. Вероятно значительное

повышение роли и места радикалов в политической жизни России, особенно когда они откажутся от импортной и к тому же старой идеологии и смогут предложить нечто свое, истинно русское.

Развивать такую идеологию пытаются достаточно многочисленные «мозговые тресты» – группы интеллектуалов, издательства и общественно-политические издания. Большинство таких центров не ориентированы на конкретные политические партии. Более того, в основном вырабатываемые ими идеи призваны объединить крайности всех правых идеологических течений в России и, в идеале, привести к идеологическому единству всех русских правых.

Тем не менее можно выделить и праворадикальные идеологические течения, и их источники информации, резко противостоящие как русской правой традиции, так и остальным интеллектуальным национал-патриотическим штабам, ставящим державные государственные интересы выше племенных, этнических. К таким ультраправым изданиям можно отнести журнал «Наследие предков». (Уже в этом названии объявлено направление журнала, ведь именно так в переводе с немецкого называлось общество «Аненербе» (Ahnenerbe), занимающееся в годы Третьего рейха изучением духа, влияний и традиций арийской расы и подчиняющееся непосредственно Гимmlеру). Журнал издается с 1995 г. и имеет подзаголовок «журнал правой перспективы». Редакционной коллегии журнала удалось привлечь к сотрудничеству видных ученых, специалистов в области археологии, истории, этнографии, а также известных публицистов. Все это сделало «Наследие предков» журналом, выгодно отличающимся качеством и научностью своих публикаций от массы кустарных (и по полиграфии, и по содержанию) мелких праворадикальных листов.

Несмотря на название, издатели «Наследия предков» отвергают всякую связь с фашизмом и германским национал-социализмом и относят себя к «новым правым», считая себя частью идеологического и политико-культурного движения, получившего распространение в западноевропейских странах, начиная с середины 70-х гг. «Открытие» философии «новых правых» в России приходится на рубеж 80–90-х гг., когда читающая публика была ознакомлена с идейными поисками западных мыслителей, отрицающих как марксизм, так и либерализм.

Поскольку западнические либералы пропагандировали, что вполне понятно, исключительно либеральные доктрины, то ознакомление россиян с «новыми правыми» взяли на себя патриоты. Большую роль в пропаганде западных «новых правых» сыграла газета «День», а также такие авторы, руководители «мозговых трестов» русских правых, как А. Г. Дугин, С. Е. Кургинян. Следует заметить, что ни авторский коллектив «Дня», ни Дугин с Кургиняном не являлись «чистыми» «но-

выми правыми», да и само увлечение западными новомодными идеями продолжалось недолго и собственно «новые правые» в России стали интеллектуальным течением в русском правом радикализме, группирующимся вокруг международного журнала «Элементы».

Причина незначительности «новых правых» в России, несмотря на широкое увлечение их теориями в начале 90-х гг., кроется в том, что некоторые их концепции кажутся в охваченной всесторонним кризисом России слишком отвлеченными, далекими от российской жизни.

Однако «Наследие предков» все же в большей степени «старо-правый» журнал. Парадоксальным образом, для успеха в России на сегодняшний день необходимо быть больше «старым», чем «новым» правым, поскольку не проверенные опытом новые концепции воспринимаются правой общественностью как очередные прожекты, которых и так множество на Руси.

Итак, «Наследие предков» представляет собой журнал праворадикальной элиты, не сводящейся к реанимации на русской почве германского национал-социализма, а предлагающей свою правую перспективу. Помимо материалов, посвященных истории, этногенезу славян, переводам западных правых классиков (напр., Ю. Эвола,) в журнале есть и свои концепции грядущего мироустройства.

Так, в № 4 была помещена статья члена редколлегии В. Б. Авдеева «Генетический социализм». (Кстати, термин «социализм» ультраправые почти не употребляют, поскольку этот термин связывается исключительно с советской системой и марксизмом.) Эта статья очень интересна тем, что сводит воедино в одну концепцию многие ультраправые представления.

В. Авдеев в спорах между сторонниками национализма крови и национализма почвы решительно встает на сторону первых: «На долю нашего поколения выпала, наконец, великая миссия – создать Русскую расовую идею. Идея крови, наконец, возьмет реванш над идеей почвы. Русская идея впервые получит законченность и самодостаточность, обретя свое уникальное расовое измерение. Русское расовое мышление будет неповторимым и непохожим ни на одно расовое мышление, существовавшее до него... Вся идеология прежних патриотов сводилась к следующей квинтэссенции: "Ни пяди нашей земли!" Отныне же нашим лозунгом будет: "Ни капли нашей крови!"»*.

Русская расовая идея, которую Авдеев и называет генетическим социализмом, основывается на самых последних открытиях в области генетики, в частности, открытии клонирования. По словам Авдеева, «Суть генетического социализма сводится к тому, что государство берет на себя всеобщий контроль и управление демографической поли-

* Ж-л «Наследие предков». 1997. № 4. С. 10.

тикой. Клонирование, то есть репродуцирование наиболее полноценных в физическом, духовном и нравственном отношении людей дает возможность в краткие сроки укрепить генетическую мощь нации. Не формирование идеологических доктрин становится неотъемлемым правом государственной политики, а создание условия для максимального рождения расовочистых граждан. Вся генетическая информация обо всех гражданах государства берется на официальный учет и контроль, с целью выбора оптимального партнера для брака. Создаются евгенические суды, институт чистокровия, банки спермы и т. д. За счет клонирования люди, наиболее одаренные во всех отношениях от природы, воспроизводятся во все больших количествах, а наследственно отягощенные наркоманы, дебилы, гомосексуалисты стерилизуются. Таким образом, в условиях евгенического государства мнимая фикция естественного отбора устраняется и заменяется отбором искусственным. Право деторождения получают только здоровые люди, а люди одаренные получают исключительное право быть увековеченными в человеческом материале любое количество раз; напротив, все генетически нежелательные элементы, самим фактом своего существования негативно сказывающиеся на жизненных силах расы, лишаются права деторождения медицинским путем*.

Не следует считать эти слова В. Авдеева проповедью фашизма. В сущности, все его предложения и до открытия возможности клонирования в определенных масштабах применялись в западных демократических странах. Например, в США стерилизация рецидивистов широко применялась с 20-х гг., банки спермы нобелевских лауреатов также открыто создаются в этой же стране, а сама идея выведения породы сверхлюдей восходит еще к Платону.

Завершая разговор о радикалах справа России 90-х гг., отметим отличие между готовностью к самым радикальным, даже к экстремистским действиям, распространенным в массах национал-патриотов, и праворадикальными интеллектуальными течениями, распространенными среди достаточно узкого круга молодых интеллигентов, весьма слабо влияющих в идеологическом плане на правый актив. В этом смысле правый радикализм в идеологии явно запаздывает за радикализацией сознания. Однако это вовсе не означает, что праворадикальная идеология не может развиваться на чисто русской почве и не овладеть массами. Будущее покажет, смогут ли радикальные теоретики отказаться от импорта идей и развить истинно русские (во всех смыслах слова) теории.

---

* Ж-л «Наследие предков». 1997. № 4. С. 10.

Популизм

Совершенно самостоятельное и особое место в структуре русского патриотического движения занимают политические течения, вся программа которых сводится к поддержке харизматического лидера, который поведет страну к величию, счастью и процветанию. Такого рода лидер обычно апеллирует к народным массам, широко манипулирует пространенными среди русских духовными ценностями и ожиданиями, предпринимает политические действия, способствующие росту его популярности, хотя реально значение этих действия для страны сомнительно. Такой тип политических движений можно назвать *популистским*.

В России одной из самых главных особенностей национальной политической культуры всегда был ее патриархально-монархический характер, постоянная потребность в Державном Хозяине, Отце Народа, требовательном, но справедливом. Монархическое сознание народа – следствие российской географии и истории. Вряд ли в обширной континентальной стране, многоэтнической и редкозаселенной, могла возникнуть другая *эффективная* форма правления, кроме самодержавия. О том, что подразумевается под самодержавием и как большевистские вожди Ленин и особенно Сталин соответствовали народному традиционному представлению об Отце Народа, уже говорилось выше. Дополним это тем, что последующие за Сталиным генсеки не пользовались авторитетом, но уважение к их должности давало им возможность спокойно править страной, опасаясь ближних бояр из Политбюро, а вовсе не народного бунта.

Предрасположенность россиян к патриархальному авторитаризму, как видим, была только укреплена за годы Советской власти. И послесоветская эпоха не могла не привести к появлению массовых популистских движений.

Собственно, уже Ельцин на излете «перестройки» был первым популистским лидером. Большинство его поклонников в 1989–91 гг. совершенно не разбирались в сущности конфликта Ельцина с Горбачевым, достаточно было лишь противоположности двух лидеров. Избиратели Ельцина в июне 1991 г. шли за тем человеком, который выступал (не так уж важно, с чем и во имя чего) против Горбачева, а не с предвыборной программой кандидата в президенты Ельцина, представлявшей набор лозунгов и обещаний, к тому же противоречащих друг другу. Так что Ельцин даже в период широкого демократического движения был вполне популистским деятелем, далеким от всяких демократических взгля-

дов и лишь использующим демократические лозунги в предвыборной риторике. Характерно, что проельциновские пропагандисты, восхваляли своего вождя как сильную личность, решительного и волевого политика (и при этом никогда не указывали на наличие у Ельцина ума), но не как на человека, имеющего определенные взгляды.

В результате массовой пропагандистской обработки населения Ельцин стал воистину непотопляемым. Уже говорилось, что общественное мнение игнорировало многочисленные скандалы, связанные с Ельциным, например, его пьяные высказывания, невяку на теледебаты, «падение с моста».

Таким образом, победа Ельцина объяснялась в значительной степени умелым использованием его предвыборной командой популизма и разумеется, Ельцин не мог долго оставаться единственным популистом в России.

Уже отмечалось, что главной новостью президентских выборов 12 июня 1991 г. стало появление Жириновского. Подобно тому, как все не приемлющие горбачевскую «перестройку» были готовы отдать свои голоса Ельцину, не читая его программу, так и большинство тех граждан, для которых чувство патриотизма, даже в век торжества «рыночных отношений» не потеряло своего значения, были готовы поддержать любого, кто не боится слова «русский».

О В. В. Жириновском, его Либерально-Демократической Партии (ЛДПР) и их политическом поведении выше говорилось достаточно подробно. Скажем лишь, что весьма многочисленные биографы Жириновского обычно совершают ошибку, когда рисуют лидера ЛДПР то русским Гитлером, то видят в нем националиста-либерала, поскольку Жириновский отстаивает либеральные ценности и даже его экспансионистские планы в сущности представляют вульгаризированную форму «Нового Мирового Порядка» во главе с США, только вместо США названа Россия и «порядок» этот должен охватить не весь мир, а только Юг, т. е. Ближний Восток.

В действительности Жириновский и не фашист, и не либерал. Ошибки политологов заключаются в том, что они слишком серьезно относятся к программным заявлениям Жириновского, а ведь у вождя ЛДПР можно найти что угодно. В. В. Жириновский является тем политиком, который появляется в кризисный момент и привлекает к себе всех недовольных, голосующих не столько «за» этого политика, сколько «против» всех остальных политиков. При этом программа такого лидера отсутствует, их заменяют решительные лозунги, указывающие на врага и обещающие светлое будущее.

То, что Жириновский держится на политической сцене России уже несколько лет, свидетельствует о его политических способностях.

Популистские лидеры обычно быстро взлетают и так же быстро угасают. Полной аналогией Жириновского могут считаться Пьер Пужад, в середине 50-х гг. в период кризиса Четвертой Республики во Франции превратившийся на несколько лет во влиятельного лидера, собравшего 2,5 млн. (или 11,5%) всех голосов избирателей, Джордж Уоллес в США конца 60-х гг., отстаивавший превосходство белых, под лозунгом «Сегрегация навсегда»!, и получивший 10 млн. (13,5%) голосов, Сильвио Берлускони, итальянский телемагнат, создавший свою партию «Вперед, Италия!» и ставший в 1994 г. на 7 месяцев премьер-министром Италии, и вновь взявший руль правления Италией в 2001 году, и, наконец, Станислав Тыминьский в Польше, появившийся из ниоткуда и вышедший во второй тур президентских выборов. Заметим, что все эти лидеры появлялись в моменты общенациональных кризисов при дискредитации традиционных политических сил. Так что и Жириновский в России 90-х гг. был неизбежен. Другое дело, что долговечность В. В. Жириновского является действительно феноменом.

В. В. Жириновский вошел в историю России как первый политик после Гражданской войны, заявивший о защите прав русских. Впрочем, после Ельцина, использующего демократические лозунги, другой популистский лидер должны был для своего успеха провозглашать лозунги патриотические. Поэтому вождь партии ЛДПР, начинавший как активист общества еврейской культуры «Шалом», затем – активист демдвижения, возглавивший основанную в декабре 1989 г. партию, программа которой действительно была либерально-демократической и содержала традиционный набор требований демократов 1990 г. (Правовое государство, рынок и пр.), «вдруг» стал русским патриотом. В демократическом лагере места для демагогов уже были заняты. Зато в стане патриотов такого рода лидеры еще не выдвинулись.

Помимо этого, Жириновский первым из российских политиков сообразил, что не бывает дурной рекламы. Если твое имя постоянно полощут в СМИ, то это означает невольную агитацию за лидера, выступающего против теряющего авторитет правительства. Самое страшное для политика в современной России – заговор молчания, намеренное забвение имени.

По этой причине Жириновский и стремится постоянно привлекать к себе внимание любыми выходками, самыми нелепыми заявлениями, самыми несбыточными обещаниями, вызывая у своих сторонников и противников реакцию «Во дает!». Большинство российских политиков все еще сохраняют определенное политическое чистоплюйство и не могут так откровенно лгать, выпускать водку со своим портретом или писать пособие по сексу.

Что касается весьма многочисленных книг, написанных (или подписанных) Жириновским, то их нельзя расценивать как политическую программу хотя бы потому, что, если не считать его особого стиля, представляющего смесь автобиографии с публицистикой, содержащиеся в них установки вовсе не определяют реальную политическую деятельность ЛДПР. Активисты партии Жириновского, и электорат вождя ЛДПР лишь в небольшой степени руководствуется изложенными им программными целями. В 1993 г., году триумфа ЛДПР на думских выборах, ни рядовые избиратели, ни низшее и среднее руководство партии не воспринимали всерьез рассуждения о «последнем броске на Юг».

Одним из оплотов ЛДПР является Калининградская область, хотя когда-то, находясь с визитом в ФРГ, Жириновский пообещал вернуть бывшую Восточную Пруссию Германии. Но можно быть уверенным, что те из калининградцев, что захотели бы пойти «под немца», проголосовали бы за гайдаро-чубайсовский СПС, чем за ЛДПР.

Язык книг, статей и интервью Жириновского выгодно отличается как от казенно-партийного языка коммунистов, так и от американизированного сленга демократов. В результате газету ЛДПР легко по стилю отличить от прочих изданий. Получается, что для поклонников ЛДПР важно не то, *что* говорят, а *как* говорят.

Наконец, в самой ЛДПР отсутствует какое-либо цельное политическое мировоззрение, кроме верности вождю. Анализируя предвыборные программы кандидатов от ЛДПР, баллотирующихся по одномандатным округам в Думу, а также в Петербургское Законодательное Собрание, можно констатировать поразительные различия в основополагающих лозунгах представителей одной партии. Среди кандидатов ЛДПР были выступающие и под ультраправыми лозунгами, и почти не отличимые от гайдаровцев либералы, и представители экзотических религиозных сект, и, наконец, основную массу кандидатов-жириновцев составляли бизнесмены, внесшие определенные суммы в кассу ЛДПР, предвыборные программы которых представляли собой поразительную мешанину лозунгов. Во время одного из визитов Жириновского в Петербург мне довелось присутствовать на двух выступлениях вождя ЛДПР в один день перед разными аудиториями. Не скрою, меня восхитил талант Жириновского говорить с одинаковым блеском прямо противоположное, учитывая настрой публики, и в обоих случаях удостоиться овации.

Подобная всеядность невозможна для идеологических партий. Но для популистской партии ЛДПР программа является простой формальностью.

Еще одной причиной успехов и долговечности ЛДПР является адресность ее пропаганды, рассчитанной на самые разнообразные

слои населения – военных, женщин, пенсионеров, беженцев и т. п., вплоть до сексуальных меньшинств. Это действительно отличало ЛДПР от коммунистов или патриотов, обращающихся к абстрактным «трудящимся» или «русским людям». Таким образом, Жириновский и его команда не просто обогатили российскую политическую жизнь скандальностью и эпатажностью, но и мастерским использованием избирательных технологий.

Многие считают, что Жириновский определенно «выдыхается» как политик. В Думе ЛДПР занимается откровенным лоббированием за деньги, а ее законодательные инициативы типа предложения ввести в России многоженство вызывают недоумение даже у поклонников Жириновского. Вождь ЛДПР уже начинает надоедать публике, да и сам он уже утратил оригинальность, т. к. его методы пропаганды стали использовать другие деятели типа В. Брынцалова.

ЛДПР трудно рассчитывать на коалицию с другими партиями, причем не только по причине авторитарности Жириновского, но и тем, что он не является «своим» для всех политических сил России. В общем, Жириновский – «одинокий волк». Политическое одиночество партии ограничивает ее влияние на политические процессы.

Другой слабостью ЛДПР является то, что в ней есть вождь и толпа, но отсутствует серьезное среднее управленческое звено. Наполеон считал, что армия сильна сержантами, умеющими сделать из рекрутов солдат, способных победить при самых бездарных генералах. Партия также сильна своими «сержантами», т. е. функционерами, руководителями низовых комитетов партии. Сила КПРФ, например, заключается в большом количестве знающих свое дело «сержантов». Но в ЛДПР, как и положено в вождистской партии, просто не могут долго находиться самостоятельно мыслящие яркие люди, способные заслонить вождя. Не случайно в ЛДПР не удержались ни Э. Лимонов (входящий в теневой кабинет ЛДПР), ни знаменитый депутат Думы 1993–95 гг. В. Марычев, прославившийся своими переодеваниями и выступлениями в качестве артиста в парламенте.

ЛДПР вообще трудно считать политической партией в привычном значении этого слова. ЛДПР представляет собой смесь избирательного комитета В. В. Жириновского с коммерческим предприятием, превращающего политический капитал ЛДПР в финансовый капитал Жириновского.

Правда, в целом фирма «ЛДПР» выглядит внушительно. Вот что говорит о величии партии руководитель центрального аппарата ЛДПР В. Швед: в ЛДПР насчитывается 85 региональных организаций, 1520 районных и городских организаций, объединяющих 517 тыс. членов партии, ЛДПР располагает 1500 партийных квартир и помещений, в ней

имеется 4,5 тысячи партийных функционеров, 1 тыс. единиц оргтехники, 245 автомобилей. Партия издает 2 центральные газеты («ЛДПР» и «Сокол Жириновского») тиражом 1 млн экземпляров и 48 региональных газет тиражом 1,7 млн. экземпляров. В региональные организации центральный аппарат ЛДПР направляет ежемесячно 50 тонн печатной продукции*.

Действительно, цифры впечатляющие, несмотря на многие преувеличения. И все же повторим, что ЛДПР уже прошла свой зенит. Уже после выборов в Думу в декабре 1995 г., когда ЛДПР получила вдвое меньше голосов, чем за 2 года до этого, и особенно после провала Жириновского на президентских выборах 2000 г. и отказа от участия в выборах 2004 г., ЛДПР окончательно превращается в сугубо коммерческую фирму, потерявшую реальные шансы, несмотря на всю бравладу Жириновского, на победу.

Оценивая влияние ЛДПР на политические процессы в России и ее воздействие на национально-патриотическое движение, нетрудно прийти к выводу, что партия Жириновского сыграла исключительно негативную роль. В газете «Завтра», несколько раз неохотно предоставлявшей свои полосы Жириновскому, о нем, тем не менее, высказывались весьма критично. «Завтра» при этом ссылается на «мнение о В. Жириновском аналитиков Госдепартамента США, которые неоднократно указывали на «продуктивную функцию ЛДПР» в российской политической жизни. По их мнению, «ЛДПР является своеобразным фильтром, не допускающим проявления на политической арене России радикальных национал-патриотических организаций... Бессистемная агрессивность и провокационное содержание речей Жириновского позволяет, с одной стороны, наглядно продемонстрировать общественности западных стран опасность возрождения российского империализма, а с другой – частично нейтрализует угрозу коммунистического реванша, не позволяет в достаточной степени усилиться тем политикам, чьи действия представляют реальную опасность интересам США»**.

ЛДПР в Российской политике 90-х гг. сыграла роль, которую ранее отыграла «Память», нейтрализовав радикальные национальные устремления масс, создав при этом карикатурный облик патриота и став фактически одним из элементов правящего режима.

Несмотря на закат Жириновского, место националистического демагога не стало вакантным. 1996 год стал свидетелем взлета еще одного харизматического лидера – генерала А. И. Лебеда. Его славное боевое прошлое, истинно генеральский голос и казарменные остроты

---

* Ушакова И. К. ЛДПР. Летопись событий. М., 1998. С. 43.

** Газ. «Завтра». 1999. № 18 (283).

не могли не вызвать интерес в стране, где слово «беспредел», заимствованное из мест заключения, стало точной формулировкой политической жизни. При этом Лебедь сумел совместить несовместимое – лавры военного героя с лаврами миротворца, останавливающего войны.

В России, история которой есть в значительной мере история войн с внешними врагами, военный человек всегда пользовался уважением. В силу специфики своей профессии военный есть человек государства, готовый отдать за него жизнь и далекий от политиканских ухищрений. Отсюда – и надежда на военного лидера, способного навести порядок в стране и не допустить вражеского вмешательства из-за рубежа.

На парламентских выборах 1995 г. почти каждый из борющихся за голоса избирателей блоков пытался привлечь в свой список хотя бы одного генерала. Так, по списку НДР шел Л. Я. Рохлин, герой чеченской войны, в списке КПрФ находился легендарный Валентин Варенников, знаменосец на Параде Победы 1945 г. и не менее известный А. Макашов, у Демвыбора Гайдара и то был свой генерал – отказавшийся воевать в Чечне Воробьев. Как уже упоминалось, такие известные деятели, как Стерлигов, Руцкой и менее известные в политике Б. Громов и В. Ачалов, также были генералами.

Неудивительно, что в России возникла определенная потребность в популистском вожде, более «серьезном», чем «сын юриста», и непременно военном. Таким образом, психологически россияне уже были готовы к появлению Лебеда.

Взлет генерала начался с войны в Приднестровье, когда расквартированная там 14-я Советская армия, проигнорировав заявление Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами РФ президента Ельцина о нейтралитете в приднестровском конфликте, выступила на стороне мятежной «русскаяязычной» республики. Срочно отправленный туда Кремлем новый командарм-14 Лебедь сразу понял, что армию уже не удержать, и немедленно присоединился к ней. Поскольку после перехода 14-й армии на сторону приднестровцев правительство Молдавии прекратило войну, Лебедь сразу стал всемирно известным, а для национал-патриотов превратился в одного из главных героев.

В Приднестровье генерал стал публичным политиком популистского типа. Лебедь стал широко и умело использовать СМИ, выступая с многочисленными интервью, весьма критически отзываясь о властях и оппозиции и в Приднестровье, и в РФ. Характерно, что Лебедь создал при 14-й армии свое телевидение, подчинявшееся только ему. Командарм-14 неоднократно отказывался выполнять приказы министра обороны, своего прежнего покровителя Павла Грачева, причем через свои СМИ и сочувствующих ему журналистов эти нарушения воинской дис-

циплины становились широко известны. Лебедь резко критиковал ввод войск в Чечню, что только прибавило ему популярности.

Как уже говорилось, в 1995 г. на роль партии-объединителя патриотов серьезно претендовал КРО, руководство которого особые надежды возлагало на авторитет генерала Лебеда в глазах правого электората. Альянс генерала с КРО был недолгим и кончился для КРО сокрушительным разгромом, но на популярности генерала это не отразилось.

С лета 1993 г. и по лето 1996 г. генерал оставался одним из самых популярных политиков в России. Особенно любим был Лебедь в армии. Германский Фонд Фридриха Эберта, один из авторитетнейших в мире исследовательских социологических центров, провел в 1995 г. опрос 650 офицеров Российской армии. По данным фонда, 58% военной элиты России полностью доверяли Лебедю (и лишь 17% – министру обороны П. Грачеву)*. В июне 1995 г., не согласившись с приказом о расформировании 14-й армии, генерал ушел в отставку. Это не могло не вызвать рост симпатий к гонимому генералу, у которого сразу появились хорошие шансы стать одним из лидеров некоммунистической оппозиции.

При этом Лебедь был «ничьим», типичным харизматическим лидером. По его грубоватым афоризмам, однако, трудно было определить какую-либо программу, кроме явного желания стать президентом. Сам генерал какое-то время метался в поисках своей политической ниши, перейдя от КРО, оказавшись депутатом Думы от одномандатного округа, в депутатскую группу «Народовластие» Н. И. Рыжкова и С. Н. Бабурина, затем вступил в триумvirат Явлинский – Лебедь – Святослав Федоров, носивший название «Третья Сила». Впрочем, из-за отсутствия явного лидера «Третья Сила» так и не состоялась.

В президентской кампании 1996 г., которая тайно, но весьма щедро финансировалась влиятельными банкирами и которой так же тайно помогала администрация Ельцина, Лебедь выступал под чисто популистским лозунгом «Правда и Порядок». Экономическая программа кандидата Лебеда была полностью либеральной, под которой с удовольствием подписался бы и Е. Гайдар, но вряд ли кто из избирателей вообще обращал внимание на тонкости программ, да и на противоречащие друг другу заявления генерала. Словом, это все было классическим популизмом.

После того, как Лебедь открыто присоединился к Ельцину, сдав ему своих избирателей, имидж генерала как независимого и незапятнанного политика сильно потускнел. А затем последовали Хасавюртовские соглашения с чеченским руководством, оставившие двойственные чувства у патриотов. С одной стороны, закончилась бойня в Чечне,

* Баранец В. Н. Ельцин и его генерала. М., 1997. С. 419.

но с другой стороны, соглашения напоминали безоговорочную капитуляцию России. Чеченский президент Масхадов не только мог считать себя победителем в войне, но и получил, благодаря этим соглашениям, те территории Чечни, которые ранее не подчинялись правительству в Грозном. На расправу масхадовцам были отданы те чеченцы, что в период войны поддерживали федеральные войска, были забыты российские военнопленные и брошено на произвол судьбы русское население Чечни. Единственный успех этого «мира» для федеральной стороны заключался лишь в отсрочке конкретизации статуса Чечни.

О причинах такого поведения генерала трудно судить. Он действительно обещал прекратить эту войну, которую и раньше осуждал публично, но как военный не мог не понимать, что Хасавьюрт – это капитуляция и что это может поставить крест на его карьере. Конечно, плох солдат, не мечтающий стать генералом, и плох генерал, не мечтающий стать Бонапартом. Однако реальный генерал Бонапарт начал карьеру с побед, кандидат в русские бонапарты Лебедь начал с чужих побед (Приднестровье) и с поражений (Чечня).

Многие обозреватели намекали на финансирование избирательной кампании Лебеда чеченскими преступными группировками, а также и правительством Чечни. Так, руководитель пресс-службы пророссийского правительства Чечни в 1995–96 гг. Руслан Марсагов, выступая в телепрограмме «Зеркало» 17 октября 1999 года, признавал, что Лебедь подписал мир в Хасавьюрте «небескорыстно». Об этом также говорил, в частности, президент Чечни Аслан Масхадов 12 октября 1998 г., выступая по грозненскому телевидению. Масхадов сказал: «Мы не победили Россию. Мы купили победу! Мы не разгромили русских. Мы купили Лебеда!»*

Учитывая, что именно Масхадов командовал большинством чеченских вооруженных групп и таким образом реально может считаться главным в победе Чечни, отказ его от славы победителя в пользу чеченских денег говорит о многом.

В ноябре 1996 г., после того, как Лебедь сделал всю «грязную работу», его без церемоний отправили с поста Секретаря Совета Безопасности в отставку.

Правда, Лебедь отнюдь не считал себя отработанным материалом. В марте 1997 г. Лебедь создал свою партию – Российскую Народно-Республиканскую (РНРП уже третья по счету партия в России, носящая название республиканской). Правда, РНРП еще не стала «лебедистской ЛДПР» и в ее составе оказалось много совершенно случайных людей. Впрочем, преобладание в РНРП офицеров могло сделать эту партию если не массовой, то дисциплинированной.

* Газ. «Завтра». 1998. № 45 (258).

В 1998 г. Лебедь был избран губернатором Красноярского края, хотя против него выступали влиятельные в крае коммунисты. Впрочем, уже вскоре генерал убедился, что управлять краем размером в три Франции значительно сложнее, чем парашютной дивизией. Лебедь рассорился со всеми региональными деятелями, и вряд ли его губернаторство могло считаться стартом в большую политику. Погиб генерал в 2002 году очень символично, в вертолетной катастрофе, отправляясь на открытие трамплина. Поскольку Красноярский край должен был посетить президент Путин, проездом из Японии, губернатор решил подсуеиться и показать московскому гостю, ценившему спорт, новые спортивные сооружения, созданные под его чутким руководством. Такова была судьба неудавшегося русского Бонапарта.

Самым ярким популистом, сумевшим умело использовать патристические идеи русского народа, стал президент Владимир Владимирович Путин. Вот уже 7 лет он продолжает нравиться россиянам, и по старой русской привычке во всех проблемах большинство их винит «ближних бояр», а не самого царя. В целом, по данным ВЦИОМ, опрошившего в январе 2002 г. 1600 граждан РФ, по сравнению с предшествующими опросами, проведенными в мае 2000 г. и в апреле 2001 г., отношение к президенту мало изменилось. Россиян мало беспокоило чекистское прошлое Путина (лишь 20% беспокоилось этому обстоятельству), зато 72% надеялись, что президент сможет навести порядок в стране (в мае 2000 г. таких было 82%). Также несколько уменьшилось, хотя осталось значительным, количество тех, кто надеялся, что Путин сможет вывести Россию из экономического кризиса (64% в 2002 г. против 73% в мае 2000 г.). Только по проблеме Чечни количество пессимистов в отношении к способностям Путина увеличилось более значительно – в мае 2000 г. 25% не надеялись на решение кризиса, а в начале 2002 г. таких стало 38%*. Однако личная популярность президента – величина преходящая. Можно вспомнить, какую популярность имели в начале своего правления Горбачев и Ельцин. К достоинствам Путина как президента можно отнести то обстоятельство, что за время своего пребывания у власти с августа 1999 г. (начиная со своего премьерства), он сумел не растерять своей популярности.

Впрочем, помимо личных качеств президента, а также таких обстоятельств, как благоприятная экономическая конъюнктура, большую роль в сохранении авторитета власти при отсутствии уважения к государственным институтам и самой идее демократии в современной России, играют особенности команды Путина. Короля, как известно, играет свита. Путин вынужден опираться сразу на две противоположные по своим устремлениям силы. С одной стороны, это либералы-рыночники,

* «Время новостей», 6.02. 2002.

пытающиеся продолжить гайдаровский «курс реформ» образца начала 90-х гг. С другой стороны, это силовики, влияние и популярность которых в обществе значительно выросла за время чеченских войн. Уже по определению силовики являются государственниками. На сегодняшний день Путин устраивает и сторонников западных ценностей, которые видят в правительстве «греформаторов», и национал-патриотов, которым импонирует «контртеррористическая операция» в Чечне, и ностальгирующих по советской эпохе, которые каждое утро просыпаются под звуки советского гимна.

Завершая рассказ о русском патриотическом популизме, обратим внимание на то, что он всегда во всех странах является переходным типом общественного сознания, неизбежно возникающим в моменты общенационального кризиса. В России к этому надо добавить тысячелетнюю авторитарную традицию. Это обусловило достаточно долгое пребывание в Российской политической жизни массовых движений поддержки харизматических лидеров, верность которым заменяет всю программу.

Более того, в определенном смысле русский популизм еще не исчерпал себя, несмотря на разочарования в прежних вождах. Постоянные сетования патриотической прессы на отсутствие единого общенационального лидера свидетельствуют о том, что потребность в вожде у патриотов остается. И значит, остается возможность появления нового популистского лидера.

Государственники

Из всех направлений современного русского национал-патриотизма государственническое является самым мощным, структурированным, наиболее соответствующим как русской правой традиции, так и наследию советской эпохи.

На государственников ориентировано также русское ирредентистское движение (от лат. Terra Irredentia – невоссоединенные земли, политическое движение, ставящее своей целью воссоединение разделенного народа в одном государстве) в республиках прежнего СССР, а также национально-освободительное движение малых народов, оказавшихся под властью этнократических режимов после распада СССР. О силе русско-советского ирредентизма свидетельствуют события в Приднестровье, Гагаузии, Абхазии, государственная несостоятельность

Прибалтики (допускать возможность стабильного существования государств, не признающих прав за половиной населения, не приходится), и, наконец, «феномен Лукашенко», ставшего мотором реинтеграции единого союзного государства.

В целом к государственническому направлению можно отнести все те оппозиционные ельцинизму партии, организации и движения, которые руководствуются идеологией почвенного российско-советского национализма. Суть такого национал-патриотизма выразил художник И. Глазунов: «Русский – тот, кто любит Россию». Приоритет Державы по сравнению с типичными этническими интересами составляет главное отличие государственников от националистов. Иначе говоря, они больше патриоты, чем националисты. Кроме того, особенность грядущего политического режима в России для государственников не имеет принципиального значения в сравнении с восстановлением территориальной целостности страны, что отличает их от демпатриотов, традиционалистов и ультраправых. Поскольку большая часть данного исследования и посвящена государственным, в этом разделе мы затронем лишь некоторые характерные черты этого направления в национал-патриотизме.

Хотя с самого начала возникновения антиельциновской оппозиции государственники играют в ней ведущую роль, но чисто «белой» партии создать национал-патриотам так и не удалось. Вероятно, в силу длительности и державного величия советской эпохи возникновение сугубо некоммунистической патриотической партии, да еще в тотально маргинализированном обществе вообще было мало реально. Судьбы Российского Народного Собрания, Русского Национального Собора, Фронта Национального Спасения наглядно доказали, что к сотрудничеству надо привлекать и государственников-коммунистов.

В свою очередь, как уже неоднократно подчеркивалось, успехи коммунистов (точнее, КПРФ) объясняются усвоением организованными партийными массами идеологии правой («белой») оппозиции. Показателем фактического поправления КПРФ является то, что ее теоретические положения и практическая политика «красных» губернаторов являются вполне национал-патриотическими. Некоторые видные члены КПРФ, например, генерал А. М. Макашов, краснодарский губернатор Н. И. Кондратенко, более популярны среди антикоммунистических правых, чем среди своих товарищей по партии.

Социалистические идеи в современной России не исчезли и по-прежнему имеют миллионы сторонников. Несмотря на все катастрофические потрясения конца 80-х – нач. 90-х гг., приведшие компартии к потере власти в большинстве прежних соцстран и в СССР, говорить о смерти социализма как идеологии преждевременно. Напротив, сейчас

можно говорить о «красном бумеранге», возвращении коммунистов к власти и о новом приливе левых идеологических течений. Но это уже все – не тот коммунизм и не те коммунисты, что были раньше.

В России, где когда-то тысячи людей были готовы идти на муки и смерть ради крещения двумя перстами, идеи коммунизма, сами по себе прекрасные и убедительные, не могли не обрести героев и мучеников. Советская эпоха, которая может считаться самой великой в тысячелетней истории России, сделала русифицированный советский коммунизм частью русской национальной культуры. В силу этого коммунисты по убеждению в современной России чаще могут быть, сами не осознавая этого, национал-патриотами, и лишь в меньшей степени, в силу традиции, марксистами-ленинистами.

В современной России «красная» часть оппозиции крайне неоднородна, что является следствием неоднородности коммунистической, и в целом социалистической, идеологии.

К настоящим левым России 90-х гг. можно отнести множество малочисленных социал-демократических, социалистических, анархистских и т. п. партий. Лишь немногие из них, как, напр., Партия Самоуправления Трудящихся (ПСТ) Святослава Федорова, знаменитого врача-офтальмолога, до его гибели в 2000 году, имели некоторое влияние и известность. Поскольку все эти партии ориентируются на западных левых, игнорируя отечественный опыт, то и реальное значение в российской политике они вряд ли сумеют приобрести. К тому же маску социал-демократов пытаются надевать такие одиозные деятели, как экс-мэр Москвы Г. Х. Попов, бывший «архитектор перестройки» А. Н. Яковлев или мелкий перебежчик от оппозиции, бывший спикер Думы 1993–95 гг. созыва И. П. Рыбкин, что дискредитирует любые левые партии, отрицающие близость к большевизму.

Из коммунистов истинно левыми могут считаться Всероссийская коммунистическая партия большевиков (ВКПБ) во главе с непосредствующей принципами Ниной Андреевой, а также ряд мелких партий коммунистов-сталинистов типа Партии Пролетарской Диктатуры, Партии Советских Коммунистов и пр., ориентированных на второе издание социалистической революции и диктатуру пролетариата. Но вряд ли ВКПБ и подобные секты можно считать партийными. Скорее, это клубы фанатов Сталина.

Более серьезной политической силой является еще одна партия «жестких» коммунистов – Российская Коммунистическая Рабочая Партия (РКРП). В период запрета компартии действующая в связке с РКРП «Трудовая Россия» во главе с В. И. Анпиловым прославилась своими митингами, шествиями, кастрюльными маршами и уличными столкновениями. Характерно, что вместе с «трудороссами» в их акциях актив-

но участвовали и национал-патриоты, обычно не разделяющие левые взгляды. Правые лидеры, такие, как А. Н. Стерлигов, Н. Н. Лысенко прямо призывали своих сторонников учиться у «трудороссов» организованности и методике проведения уличных манифестаций. Впрочем, «белые» видимо, плохо учились, поскольку в период конфронтации 1992–93 гг. улица принадлежала анпиловцам и имперские черно-золото-белые флаги национал-патриотов, примкнувших к демонстрации «трудороссов», тонули в массе красных флагов.

Несмотря на марксистский догматизм анпиловцев, правые национал-патриоты испытывали к ним чувство уважения. Действительно, в период всеобъемлющего кризиса, когда основная масса населения испытывала состояние апатии и неверия во все партии и их вождей, анпиловцы демонстрировали завидную сплоченность, организованность и смелость, что служило хорошим примером для всех остальных отрядов оппозиции.

Однако когда конфронтация закончилась октябрьскими событиями 1993 г. и компромиссом между ельцинизмом и оппозицией, приведшем к определенному конституированию оппозиционных партий в рамках существующего режима, ультралевые анпиловцы, не очень приспособленные к парламентской деятельности, на какое-то время стали терять свое влияние.

Правда, в думских выборах 1995 г. РКРП и «Трудовая Россия» вместе с несколькими родственными ультралевыми партиями принимали участие в блоке «Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз», получив свыше 3 млн. голосов (4, 53%), вплотную приблизившись к 5%-му барьеру. Это наглядно показывает, что радикальные левые в России имеют определенную массовую базу.

И тем не менее у ультралевых в сегодняшней России есть и просчеты идеологического порядка, затрудняющие им увеличение своих рядов. Главной из них является отсутствие позитивной программы на будущее. Основные теоретические положения РКРП сводятся к умелой критике ельцинизма, борьбе за социальное равенство и как стратегическая цель, восстановление социально-экономической системы, существовавшей в СССР до 1985 г. с некоторыми незначительными коррективами.

Безусловно, для многих людей в стране идея реставрации светлого прошлого есть в высшей степени побудительный мотив для борьбы. Но мировой исторический опыт показывает, что в чистом виде идеология реставрации никогда не одерживает победу. Все реставрации были фарсом, и Бурбоны в 1815 г. не могли вернуть Францию в 1788 г., и Прибалтийские республики в 1991 г. вовсе не вернулись в 1940 год.

Довод, что «раньше было лучше», является неубедительным и недостаточным для большей части нации. Необходима еще и позитив-

ная программа, предлагающая еще что-то новое. Но вот ее ортодоксальные марксисты и не имеют. Кроме того, лидеры РКРП, именно в силу ориентации на ностальгирующие по прошлому слои населения, часто неумело ведут пропаганду, способную только отпугнуть новые социальные группы, например, предпринимателей.

Итак, «классические» ортодоксальные левые в постсоветской России, при своей самоотверженности и стойкости в борьбе, на сегодняшний день предлагают лишь идеи реставрации, но не могут достаточно ясно объяснить причины крушения КПСС, основные тенденции развития современного мира, в том числе и его социальные изменения.

Это не могут не осознавать лидеры левых радикалов. В. И. Анпилов, выступая 22 августа 1994 г. в Петербурге, хотя и говорил в ортодоксальном марксистском духе, называя октябрь 1993 г. буржуазной революцией, критиковал Зюганова за «уступки буржуазной идеологии», но все же признал, что говорить об авангардной роли рабочего класса не приходится. При этом Анпилов допустил ряд высказываний, обычно присущих правым политикам.

В 1996 г. в РКРП произошел раскол на московскую группировку (Анпилова, поддерживавшего кандидатуру Зюганова на президентских выборах) и ортодоксальную ленинградскую (истинные коммунисты не признают переименования города Ленина) во главе с В. А. Тюлькиным.

Хотя можно допускать дальнейшее усиление радикальных левых по мере усиления кризиса в России, но все же можно констатировать, что социальная база классических левых вряд ли увеличится. Но когда говорят о левых, или даже конкретно о коммунистах в современной России, обычно имеют в виду КПРФ. На сегодня КПРФ является не просто самой крупной, но и единственной настоящей партией в России.

Потенциал у КПРФ действительно велик именно благодаря тем качествам, которые отсутствуют у ортодоксальных ВКПБ и РКРП. Действительно, зюгановскую партию можно назвать коммунистической лишь в российских условиях. Если партия четко признает многоукладность экономики, что автоматически означает признание частной собственности как принципа, заявляет о своей поддержке национальному предпринимательству против мафиозно-компрадорской люмпен-буржуазии, выкидывает из своей программы всякий атеизм и на страницах своих изданий постоянно печатает выступления иерархов Церкви и всячески поддерживает великое историческое значение Православия – такая партия является национальной, но не пролетарской и интернационалистской. Когда лидер партии Г. А. Зюганов на страницах своей книги с многозначительным названием «Держава» умудряется ни одного раза не упомянуть имена не только К. Маркса и Ф. Энгельса, но и В. И. Ленина, а также не упоминает Г. В. Плеханова, Ю. О. Мартова или

Вилли Брандта, то эта партия не является и социал-демократической. Более того, на страницах «Державы» автор пишет: «Империя – исторически и геополитически обусловленная форма развития Российского государства»*. Под этим определением подпишутся и самые что ни на есть правые.

Нынешняя КПрФ, если судить по ее официальным документам, выступлениям лидеров и деятельности в Государственной Думе и местных органах власти, не может считаться классической левой партией, а относится скорее к партии *национально-консервативной*. Слово «консервативная» не имеет никакого негативного оттенка, обозначая лишь то, что партия предпочитает улучшать имеющееся, а не создавать новое. Национальной партией КПрФ может считаться потому, что отказавшись о роли классовой партии, КПрФ превратилась в партию защиты национальных интересов страны. Наконец, славянофильство КПрФ заключается в отрицании универсальности законов истории, в соответствии с которым все страны и народы проходят одну и ту же последовательность социальных форм и стадий (что было характерно для марксизма), и напротив, признает самобытность развития цивилизаций (в том числе и русской).левой КПрФ может считаться лишь по отношению к национал-патриотам.

Для массы рядовых патриотов КПрФ является не коммунистической, а *организованной* структурой оппозиции, способной действовать по всей обширной стране и имеющей низовые ячейки во всех населенных пунктах России. Для других политических партий России создать низовые комитеты на местах и создать работающий партийный аппарат, конечно, можно, но для этого требуется много времени. У членов же прежней КПСС за спиной десятки лет партийной выучки, связи и знакомства, что и сделало возможным быстрое восстановление партии.

Учитывая, что в Советскую эпоху большинство политически активных граждан состояли в КПСС, то и в момент бурного формирования новых национально-патриотических партий, даже самых антикоммунистических по взглядам, большинство их членов уже имели опыт пребывания в КПСС и тем более в комсомоле. Из 50 человек, составлявших Думу Петербургской организации РНС, 49 в свое время состояли в КПСС (хотя только один был когда-то освобожденным партработником). Только автор этих строк был единственным членом Думы РНС, никогда ранее не состоявшим в КПСС.

Когда же возникла КПрФ с почти неотличимой от «белых» государственников идеологией, то начался процесс возвращения в ее ряды не только бывших членов, но и оставшиеся в своих партиях национал-патриоты вынуждены были признать верховенство КПрФ как ведущей

* Зюганов Г. А. Держава. М., 1994. С. 14.

силы оппозиции. Этому особенно способствовало то, что наиболее беспринципные карьеристы из КПСС еще в горбачевские времена переметнулись в демлагерь или вовсе ушли в бизнес, а наиболее догматичные марксисты составили ВКПБ и РКРП.

(Впрочем, значительная часть марксистских ортодоксов осталась в КПРФ, причем их позиции только усилились по мере того, как КПРФ, несмотря на все победы на местных выборах, занимает соглашательскую позицию во взаимоотношениях с режимом, что приводит к «большевизации» настроений партийных масс). И все же, став ведущей партией оппозиции, КПРФ имеет ряд уязвимых мест, в силу чего ее успехи не стоит переоценивать. Первая и самая серьезная угроза для КПРФ – головокружение от успехов.

На местах избиратели голосуют не за политическую партию, а за конкретного, хорошо известного и уважаемого человека. Но победа на выборах кандидата, поддержанного КПРФ, не всегда есть победа партии. Победа Н. Кондратенко на Кубани, А. Тулеева в Кузбассе или В. Стародубцева в Туле была в первую очередь их собственной победой.

Отсюда же и такие парадоксы, как голосование одними же избирателями в одно время за «красного» губернатора на местных уровнях, список ЛДПР на Думских выборах и за Ельцина – на президентских.

Другой слабостью КПРФ является характер ее взаимоотношений с союзными партиями. С высоты своего величия лидеры КПРФ часто относились к партнерам по Народно-Патриотическому Союзу как к «попутчикам» (если пользоваться терминологией 20-х гг.) или сочувствующим, отказываясь считать их полноправными членами коалиции. Довольно часты были случаи, когда КПРФ выдвигала своих кандидатов в тех избирательных округах, где некоммунистические национал-патриоты имели хорошие шансы на успех, отбирая, в результате, у последних голоса коммунистов и приводя обоих оппозиционных кандидатов к поражению.

Итак, коалиционная культура КПРФ не на высоте, что не способствует более крепкому сплочению вокруг нее оппозиционных сил. Еще одной слабостью КПРФ является неумение вести пропагандистскую работу среди «трудных» для коммунистов социальных слоев – предпринимателей, творческой богемы, верующих, молодежи. При этом многие деятели КПРФ даже не хотят учитывать социальные и психологические изменения в российском обществе.

И, наконец, не является секретом наличие внутри КПСС наряду с зюгановским государственным патриотическим крылом ортодоксального марксистского. Позиции ортодоксов значительно усилились по мере того, как проводимая руководством КПРФ политика «системной оппозиции» и «встраивания в систему» не привела к победе, что вызва-

ло радикализацию настроений в партии. В 1999 г. наличие различных фракций в КПРФ стало скрывать уже невозможно и на выборах в Государственную Думу блок КПРФ – НПСР пошел «тремя колоннами», т. е. тремя самостоятельными списками. На следующих парламентских выборах, в 2003 году, нежелание КПРФ учитывать новые социальные и политические реалии во многом способствовали успеху блока «Родина».

В какой-то степени КПРФ оказалась перед сложной дилеммой: партия может потерять ортодоксов, которые перейдут к «жестким» ортодоксальным компартиям и уведут с собой немалую часть электората, (если КПРФ будет оставаться национальной партией), или, напротив, вновь став классовой марксистско-ленинской партией, партия утратит влияние на патриотический электорат и скатится до уровня политической секты. В этом случае на базе патриотической части КПРФ (а это наиболее активная и динамичная часть партии) может появиться уже чисто «белая» национально-патриотическая партия.

Кроме КПРФ к государственным-патриотам можно отнести ряд мелких национально-патриотических партий, многие из которых входили в Народно-Патриотический Союз России (НПСР), признавая лидерство КПРФ. В большинстве своем эти партии были незначительны по численности, хотя идеология державного патриотизма получила широкое распространение в массах российских граждан. Таким образом, государственничество как идеология и политическая практика в России имеют не только значительное влияние, но и значительный потенциал роста. Другое дело, что политически организованное государственничество может быть связано не обязательно с одной партией.

Маргиналы

Патриотическое движение не сводится к деятельности партий или политизированных организаций. Особую специфику придает патриотам наличие множества мозговых центров, сетевых и бумажных журналов, своеобразных мыслителей, а также множества квази- или псевдо-религиозных организаций. Вообще-то все ниже перечисленные остаются маргинальными, но имеют тенденцию к росту. Самое главное, многие термины, понятия, установки, введенные ими в политический язык современной России, становятся общеупотребительными. Отдельные элементы идеологических конструкций, разработанных этими мозговыми трестами и религиозными общинами, становятся частью воззрений патриотов, совершенно не связанных с ними. Рассмотрим в качестве примера интеллектуальную и политическую деятельность не-

которых из наиболее заметных групп и их теоретиков. Все они совершенно противоположны по взглядам, и объединяет их лишь своеобразие теоретических установок, не имеющих аналогов в русской правой мысли. Все они претендуют на то, что находятся «по ту сторону правого и левого». Впрочем, существуют они достаточно долго и уже утратили облик экзотичности, став вполне привычной частью русского патриотического движения.

Первыми из маргиналов отметим *язычников*. Под этим собирательным понятием объединяются самые разнообразнейшие историко-культурные, политические и лишь в последнюю очередь религиозные организации. Язычники (которые, впрочем, предпочитают называть себя родноверами, подчеркивая, что именно дохристианская религия Руси является исконной для русских), как легко заключить из названия, пытаются восстановить древнеславянское язычество.

Появились язычники еще в советскую эпоху как часть русофилов. Разочаровавшись в коммунистической идеологии даже в ее национально-большевистском варианте, и при этом отрицательно относясь к Православной Церкви как слишком лояльной к советской системе, возобновители язычества выбрали свой путь. Христианство они отвергли как еврейскую выдумку, призванную превратить всех гоев в рабов, и поэтому пришли, как это казалось им логичным, к исконному славянскому мировоззрению. Разумеется, подобное могло появиться лишь в полностью секуляризованном и почти полностью атеизированном обществе. Язычники почти ничего не знали про христианство и явно не читали Новый Завет, иначе бы не стали говорить о том, что христианство учит подчинению евреям. Правда, будущие язычники, по крайней мере, могли опираться на ряд, пусть сомнительных, но все же исторических документов.

Собственно, от древнеславянского язычества не осталось никаких письменных документов, содержащих основы веры. Скорее всего, их и не было, поскольку языческие волхвы принципиально не записывали свои религиозные представления. Крещение Руси сопровождалось уничтожением «богомерзких» языческих летописей и традиций, так что вероятность сохранения древних религиозных текстов ничтожно мала. Но в наше время мы видим, что на основании совершенно фантастических представлений украинский национализм сумел завоевать некоторую массовую базу, так что удивляться популярности языческих мифов в России не приходится.

Главным документом, на котором основано новое (как бы очень старое) языческое мировоззрение, своего рода «библией язычества», является «Влесова книга». Эта книга, происхождение которой не очень понятно (ее считают то ли действительно дошедшей до нашего времени

книгой языческих времен, то ли искусной подделкой XIX века) стала тем священным текстом, на котором и основано язычество.

Главным пропагандистом возрожденного язычества еще в 60-е годы стал Валерий Скурлатов (род. 1938), бывший комсомольский работник, всерьез воспринимавший идеологию комсомола и по этой причине выброшенный оттуда комсомольскими функционерами. Скурлатов сумел популяризовать среди русофильских кругов «Влесову книгу» и языческие представления.

В дальнейшем Скурлатов активно участвовал в патриотическом движении, не акцентируя языческие взгляды. В самом конце 1988 года он возглавил Российский Народный Фронт (РНФ). Подобно большинству тогдашних Фронтон, РНФ представлял собой разношерстную коалицию различных оппозиционных КПСС сил. Осенью 1991 года РНФ был переименован в Партию Возрождения. В дальнейшем Скурлатов был участником большинства патриотических коалиций. В августе 1991 года, несмотря на то, что по отношению к советской власти у него было много личных обид, он занял позицию поддержки ГКЧП, всерьез поверив в этот «комитет». В октябре 1993 года Скурлатов находился в Доме Советов. Он был арестован, зверски избит сторонниками «демократии». Активисты Партии Возрождения – В. Ермаков, Л. Ключников, Е. Краюшкин, погибли, защищая советскую конституцию. В дальнейшем Скурлатов продолжал заниматься политической деятельностью, но уже не играл заметной роли в движении.

Несколько позднее к советским язычникам примкнул известный публицист русского самиздата Анатолий Иванов (Скуратов), автор «Слова нации». Иванов (под псевдонимом Скуратов) в 70-х годах поместил ряд своих работ, таких, как «Тайна двух начал», «Христианская чума», пропагандирующих и развивающих доктрину язычества. Героическая биография Иванова (Скуратова), трижды арестованного властями, немало способствовала популярности язычества. Но сам Иванов (Скуратов), вставший на путь язычества, сам вывел себя из основного потока («мейнстрима», как модно выражаться сейчас) патриотической мысли.

В советские времена наибольшую популярность язычеству принес рано ушедший из жизни художник Константин Васильев (1942–1976). В реалистической манере, продолжая русскую традицию живописи, Васильев изображал эпоху языческой Руси. Собственно, Васильев не был язычником в буквальном смысле, и не случайно репродукции его картин широко используют православные патриоты. Однако в целом, творчество Васильева, продолжавшего творчество модерна и символизма, основанное на русском фольклоре, способствовало популярности язычества не менее, чем публицистика Иванова (Скуратова).

В последние два десятилетия советской эпохи главным теоретиком язычества стал Валерий Емельянов (1929–1999). Востоковед-арабист, проработавший несколько лет в Сирии, работавший в команде референтов Хрущева, работавших «по Ближнему Востоку», Емельянов приобрел широкую известность (правда, в узких диссидентских кругах) в ноябре 1971 года, когда поместил в самиздате письмо Солженицыну. Эту икону диссидентуры Емельянов обвинил в русофобии и германофильстве, а заодно и в сионизме. Понятно, что абсолютно доминировавшие в диссидентуре сионисты сделали все, чтобы письмо Емельянова осталось незамеченным. И в дальнейшем Емельянов продолжал воевать с прозападным кругом диссидентства в подпольной печати. В конце 70-х Емельянов нелегально опубликовал свою основную книгу «Десионизация». Емельянов глобальное внимание уделил сионизму. Все русское движение Емельянов свел исключительно к борьбе с еврейством. Понятно, что и русское Православие Емельянов рассматривал исключительно через призму своей борьбы. По доносу диссидентов-либералов, для которых «сигнал» в «органы» был самым распространенным оружием борьбы с неудобными, Емельянов был арестован и помещен в психушку. Выйдя на свободу в 1986 году, Емельянов стал лидером одной из группировок «Памяти» – Всемирный Антисионистский и Антимасонский Фронт «Память». В 1989 году Емельянов создал одну из первых в России языческих общин.

По-настоящему язычество конституируется в середине 80-х, когда Виктор Безверхий, кандидат философских наук, специалист по философии Канта, создал сначала нелегальную, а с 1990 года, и вполне законную организацию «Союз Венедов». Данный «Союз» считал себя не религиозной организацией и не политической партией, а лишь институтом русской культуры. Кстати, то, что «Венеды» считались научной организацией, способствовало участию в «союзе» многих деятелей, считавших себя атеистами или православными. Впрочем, несмотря на подчеркивание своей аполитичности, лидер «венедов» («Дед») В. Безверхий несколько раз привлекался к суду, но всякий раз был оправдан.

Политической деятельностью венеды занимались мало, уделяя почти все внимание разработке своей доктрины. Именно этой теме были посвящены почти все страницы теоретических изданий «венедов» – журнал «Волхв» и газета «Родные просторы». Программа «Союза Венедов» была достаточно расплывчата:

«1. Почитать и сохранять Природу, жить в соответствии с ее требованиями, познавать законы ее саморазвития, приумножать научное ведание.

Решительно отвергать всякую религию, всякую веру в сверхприродное.

2. Сохранять генофонд, соблюдать чистоту крови. Решительно отвергать любые концепции интернационализма (христианские, марксистско-ленинские, посткоммунистические – типа «Мертвая вода», и прочие).

3. Бороться за социальную справедливость в человеческом обществе – полноценных тружеников и необходимых материальных и духовных благ, за справедливое руководство всеми народами мира (на основе накопленного исторического опыта).

Решительно отвергать лживые концепции о равенстве всех людей, о неизбежности борьбы классов в пределах единокровного народа, о праве на господство одних народов над другими (христианство, марксизм-ленинизм, национализм)*.

В 90-е гг. XX века «Союз Вenedов» поддерживал на выборах Зюганова и КПРФ, несмотря на антикоммунистическую риторику в своих документах.

Кроме «Союза Вenedов», язычество проповедовали маловлиятельные и незначительные по численности Русская партия В. Корчагина, и ряд мелких патриотических изданий («За русское дело», «Русская правда», и др.). В начале нового века язычники освоили Интернет, и теперь большинство своих концепций пропагандируется именно в сети.

В основном современное язычество является феноменом культурным, а не политическим или религиозным. Языческие образы и сюжеты широко распространены в литературе жанра «фэнтези», заменившей на постсоветском пространстве научную фантастику. Понятно, что большинство составителей эпopeй типа Ника Перумова или Семеновой вовсе не являются язычниками ни в религиозном, ни в политическом смысле. Языческие темы звучат также в музыке группы «Ария», но все же талант «арийцев» сам по себе не создаст партийную программу или политическую доктрину.

Итак, искусственно реконструированное язычество заняло некоторое место в теоретических представлениях незначительной части патриотов. Но, не смотря на относительно длинную историю (три десятилетия в условиях современной России – длительный срок) язычества, пока нельзя говорить о какой-либо языческой теории государства, прихода к власти, экономических и социальных преобразований в стране, наконец, нет никаких ясных представлений о том будущем обществе, которое язычники хотели бы создать. Ни одна партия, вдохновляющаяся языческой программой, не имеет никаких шансов на победу. Боль-

---

* Ведическая концепция (основные принципы Союза Вenedов) //Родные просторы, № 1 (22), 1994 г.

шинство языческих организаций представляют собой секты и в прямом, и в переносном смысле.

При этом вряд ли вообще появится какая-нибудь «общезычская» церковь хотя бы по той причине, что все язычество представляет собой субъективную реконструкцию каждого, претендующего на роль теоретика сторонника язычества. В этом смысле, сколько язычников, столько и направлений в русском язычестве.

Среди маргинальных движений особого упоминания заслуживают так называемые неоевразийцы, деятельность которых связана с именем бывшего активиста «Памяти» и также одного из лидеров Национал-большевистской партии, философа и геополитика Александра Дугина (р. 1962). Прямой потомок старообрядческого священника Саввы Дугина, казненного за хулы в адрес царской фамилии в эпоху Анны Иоанновны, сын советского генерала, Александр Дугин, благодаря семейным связям и знанию 9 языков, еще в советские времена ознакомился с запретной в СССР литературой. Сложная философия Генона, Элиаде и Эволы, немецких теоретиков «консервативной революции» 20-х гг., труды русских евразийцев, наконец, геополитика, – все это Дугин стал пропагандировать едва ли не первым в СССР, как только началась гласность. Уже в 1988 году Дугин стал редактором издательского центра ЭОН. Одновременно Дугин стал видным деятелем «Памяти», впрочем, вскоре оставив ее. С 1990 года Дугин издавал альманах «Милый ангел», а год спустя стал редактором русской версии международного журнала «новых правых» «Элементы». Впрочем, Дугин является очень плодовитым автором-публицистом. Из-под его пера вышло множество статей, помещенных в его собственных изданиях и в патриотической прессе.

Главными своими заслугами сам Дугин считает основание современной русской школы геополитики (он издал еще в 1997 году солидный труд «Основы геополитики», ставший первым современным трудом по этой науке в России), и, что действительно сделало Дугина политическим деятелем, создателем *неоевразийства*.

Старое, «классическое» евразийство, о котором говорилось в главе 3, практически исчезло уже к концу 30-х гг. Правда, в СССР евразийские взгляды активно пропагандировал Лев Гумилев (1912–1992). Человек весьма сложной судьбы, сын Ахматовой и Николая Гумилева, прошедший лагерь и войну Гумилев открыто называл себя евразийцем. Во время одного из своих заключений в лагерь Гумилев познакомился с Петром Савицким, под влиянием которого усвоил евразийскую теорию. Однако Гумилев все же более знаменит своей теорией этногенеза, которую он с блеском излагал в своих книгах. В области евразийской теории

Гумилев вполне обходился теоретическими концепциями классиков. По-настоящему познакомил россиян с евразийством именно Дугин.

В политической жизни Дугин, как уже говорилось, одно время был одним из руководителей НБП, редактируя многие номера «Лимонки». Впрочем, вскоре Дугин и Лимонов разругались, что, конечно, не удивительно. Авангардистский писатель и ядовитый полемист Лимонов в любом случае не сошелся бы с философом, пишущим на сложном «философическом» языке о вопросах мироустройства. Радикальный национализм нацболов весьма контрастировал с геополитическими рассуждениями Дугина о континентальном мышлении.

Благодаря Дугину популярность евразийства на всем постсоветском пространстве невероятно выросла. О своих евразийских симпатиях объявлял президент Казахстана Назарбаев. Впрочем, здесь речь шла лишь о стремлении нейтрализовать русское движение в Казахстане рассуждениями об общей евразийской судьбе, ведь опираться только на казахский национализм, учитывая то, что сами казахи являются нацменьшинством в своей республике и разделены по племенному и клановому признаку, Назарбаеву было затруднительно.

Сам Дугин после ухода из НБП в 1998 году стал советником спикера Государственной Думы Г. Селезнева. Впрочем, вскоре Дугин решил отойти от чисто теоретической деятельности. В апреле 2001 года состоялся учредительный съезд движения «Евразия». Это был один из первых кремлевских проектов, направленных на создание рычагов влияния на общества, отвлечение его от традиционной русской идеологии. На съезде присутствовали верховный муфтий центрального духовного управления мусульман России, представители буддизма, ряд ученых, генералов, депутатов различных уровней. Программа «Евразии» была вполне умеренна. Бывший деятель революционной НБП отказывался от всякой оппозиционности по отношению к Путину. Но не будем строго судить Дугина.

Манифест «Евразия превыше всего!» объявлял: «В политическом спектре современной России движение «Евразия» будет занимать место радикального центра. Мы не левые и не правые, не раболопное «болото», и не «оппозиционеры любой ценой». Мы понимаем, что сегодняшняя российская власть, и в первую очередь Президент России Владимир Путин, нуждается в помощи и поддержке. Но вместе с тем, слепая покорность, некритичное отношение к власти сегодня не менее (если не более) губительны, чем прямой бунт.

Мы центристы в той мере, в какой Президент и власть действуют во благо Державы, во благо народа. Причем не сиюминутно, популистски, а в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Здесь мы будем за Президента истово, радикально, до конца. Не обращая внимания на пока

еще имеющиеся погрешности, с радостью принимая все трудности, которые неизбежно возникнут, коль скоро Россия всерьез задалась целью спасти себя и весь остальной мир от страшной угрозы, ползущей с Запада. Ничего более центристского, чем наша безоговорочная и тотальная поддержка патриотической державообразительной власти (даже в самых непопулярных ее действиях), просто не может быть».

В принятой тогда же программе «Евразии» говорилось об органической демократии, евразийском плюрализме (никакой идеократии и национальной диктатуры, как у «классических» евразийцев). Правда, сближала неоевразийцев с «классиками» экономическая часть программы: «Сочетание умеренно социалистических элементов в экономике и консервативных государственных традиционалистских тенденций в политике принято называть моделью «третьего пути», чтобы отличать как от обычного социализма (марксистского толка, где наличествует сочетание левой экономики с левой политикой), так и от правых диктаторских режимов (где политический консерватизм сочетается с рыночными механизмами и всевластием финансовой олигархии). «Третий путь» в той или иной его интерпретации наиболее точно соответствует политической истории России. Более того, внимательный анализ смены правых и левых режимов в российской истории обнаруживает, что эти революционные процессы протекали вокруг общей оси, то удаляясь от нее, то сближаясь с ней. Эта ось и представляет собой не проявленный до поры абсолютный политический Центр, чья политологическая конфигурация тождественна модели «третьего пути». Следовательно, выбор политической системы «третьего пути» как основополагающей будет осознанным и ответственным, судьбоносным шагом по окончательному принятию Россией своей мировоззренческой эстафеты в области политики в ее наиболее общем, универсальном и всеобъемлющем варианте. И если такой переход к теории «третьего пути» осуществится, будут ликвидированы основные предпосылки драматического, революционного противостояния, жестоких разрушительных переворотов и экстремистских пертурбаций, окрашивающих русскую политическую историю в кровавые тона. «Третий путь» является единственным гарантом от грядущих революций, гражданских войн и восстаний, которые снова могут разделить Россию на враждующие лагеря в том случае, если такого выбора не произойдет».

Как видим, «Евразия» по декларируемым целям – вполне умеренная партия. Многие из неоевразийских концепций широко используют в своих речах высокопоставленные кремлевские чиновники. Но рядовые евразийцы (точнее, неоевразийцы) отнюдь не проправительственные активисты. Во время «Правого марша» 4 ноября 2005 года именно молодые неоевразийцы были самыми активными демонстрантами. Похоже,

Кремль так и смог удержать под контролем движение. Таким образом, «второе издание» евразийства, чего бы ни задумал Кремль, служит только распространению патриотических идей в молодежной среде.

Глава XI

АКТИВНЫЕ, НО НЕ ПАРТИЙНЫЕ

В политических партиях состоит лишь меньшинство политически активных граждан России, в том числе и национал-патриотов по своим взглядам. Уже в силу этого ни один исследователь русского патриотического движения не может игнорировать многочисленные и массовые политически ангажированные непартийные организации. В отличие от малочисленных национал-патриотических партий, большинство из таких непартийных организаций могут оказывать серьезное воздействие на политические процессы в России, СНГ и даже ряда стран мира. Без участия казачества, например, не могут решаться никакие вопросы всего юга России.

Сразу скажем, что здесь речь идет не о движениях, ориентированных на конкретную партию, как, например, «Трудовая Россия», действующую строго в связи с РКРП. Речь идет об общественных организациях, которые считают себя «патриотами вообще», не связывая пока себя политическим союзом.

Симпатии большинства этих организаций сводятся к четко выраженному национал-патриотизму, но не ориентированному на конкретные партии или лидеров. (Точнее, симпатии к партиям и лидерам могут меняться при неизменности правых мировоззренческих и политических взглядов.) Непартийные, но политизированные организации, не только служат «школой кадрового резерва» для патриотических партий, но и сами являются, порой без осознания этого, субъектами политики.

Конечно, сама по себе политизация неполитических организаций является наглядным свидетельством политического кризиса в стране, а также плохой массовой работы партий. Тем не менее политизация в национально-патриотическом духе общественных организаций – это данность, которую следует изучить.

Казачи

Самой массовой и наиболее национально-патриотически ориентированной частью непартийной правой является возродившееся *казачество*. Возникновение казачьего движения во второй половине 80-х гг. было неожиданным и для искушенных политологов, и для большинства политических деятелей. За пределами традиционных казачьих территорий, например, в Петербурге, казаки в полной царской форме, да еще с орденами на груди и с нагайками в руках, первоначально вызвали смех.

Как политическую силу казачество первыми стали использовать не патриоты, а демократы в 1989–90-х гг. Всячески спекулируя тем, что казачество жестоко пострадало в годы Гражданской войны и красного террора (по некоторым подсчетам, в 1918–22 гг. из 4,5 млн. казаков 11 казачьих войск погибло не менее 1 млн.) и лишилось всякой внутренней автономии, демократы пытались играть на антикоммунистических настроениях населения казачьих территорий. Попутно в головы казаков «вбрасывалась» идея о том, что казаки являются отдельным народом, отличающимся от русских. Это было сделано, видимо, для того, чтобы казаки держались в стороне от общероссийских политических организаций.

Впрочем, несмотря на сотрудничество ряда казачьих атаманов с Ельциным и на обещание его дать казакам статус репрессированного народа, большинство казаков отнюдь не поддерживали демократов. Журнал «Кубань» был одним из тех «толстых» журналов, поддерживавших патриотов, чье значение вышло далеко за пределы Краснодарского края, органом писателей которого он является. Территории прежних казачьих войск входят в состав «красного пояса», т. е. тех регионов, где сильны позиции КПРФ, побеждающих на выборах. При этом здесь речь идет не столько о побеждающих здесь «красных», сколько о своеобразных «красно-белых», а еще точнее, «белых», называющих себя «красными».

Война в Приднестровье сразу избавила казаков от репутации ряженых, носящих чужие мундиры. В настоящих боевых действиях казаки вместе с присоединившимися к ним добровольцами, которые также называли себя казаками, показали себя достойными славы предков. Помимо этого, казаки сыграли большую роль в войне в Абхазии, сражаясь на стороне абхазского правительства, руководитель которого В. Н. Ардзинба входил когда-то в депутатскую группу «Союз» в Верховном Совете СССР. Активно участвовали казаки во всех войнах и конфликтах 90-х гг. по всему прежнему СССР и в Югославии. При этом

казаки сражались не только как отдельные отряды добровольцев, ведущие собственную войну.

В казачьих районах частично восстановлены традиции казачьей службы государству. Современные казаки теперь могут служить и в чисто казачьих частях Российских вооруженных сил, в частности, на пограничных заставах, некоторые из которых целиком охраняются казаками. Создано и управление по делам казачьих войск в штатах высшего военного руководства страны.

Во время первой войны в Чечне в составе федеральных войск сражался казачий батальон имени Ермолова (имя генерала, легендарного умиротворителя Кавказа, действовало на чеченцев особенно раздражительно). Созданный весной 1996 года в станице Прохладной, насчитывавший 530 бойцов, батальон участвовал во взятии Новогрозненской и во втором штурме Грозного. В боях батальон потерял 9 человек убитыми и 26 ранеными*. Казаки захватили знамя дудаевцев, и всего уничтожили около 150 боевиков.

Но главным для всех исследователей феномена возрождения казачества является все же не юридический статус казаков, а их политические симпатии. Наличие военизированных структур и оружия дает казачеству силу, несравнимую с их численностью (хотя и она немалая). Практически все политические организации России стремятся привлечь хотя бы часть казаков на свою сторону.

Следствием этого является крайняя раздробленность казачьего движения. Само число казачьих «войск», «полков», «станций» и особенно атаманов невозможно сосчитать. Часто практически любая партия на любом своем мероприятии может использовать своего рода «свадебных казаков», заявляющих от имени всего казачества (и не менее) о поддержке партии и лидера. И все же, несмотря на дискредитацию казачества многочисленными ряжеными «асфальтовыми казаками», казаческое движение остается союзником национал-патриотов, к которым изначально тяготело идеологически.

Конечно, для политолога иногда бывает трудно классифицировать идеологию казачьего большинства. В самом деле, очень часто один и тот же казак в одно и то же время может быть ярким русским националистом и считать казаков отдельным народом, быть одновременно монархистом и сталинистом, считать «жидов» главными врагами России и восхищаться «истинно казачьими» песнями А. Розенбаума, периодически посещать церковь и изучать гороскопы и т. д. Но преобладающая идейно-патриотическая направленность в казачьем движении – национал-патриотизм. Разумеется, у той части русского народа, которая всегда славилась вольнолюбием и службой государству, другое было трудно ожидать.

* Известия, 4.04.1996.

Добровольцы

Теснейшим образом связано с казачеством и часто смешивается с ним *добровольчество*, т. е. спонтанное, почти не связанное с партийными и особенно с государственными структурами участие отдельных граждан России и бывших республик СССР в войнах и конфликтах на идейной почве. Добровольчество не имело никакого центра, сами добровольцы зачастую не склонны были афишировать свое присутствие на театрах военных действий и поэтому их численность, вероятно, никогда не станет известной. Тем не менее во многих конфликтах в «постсоветском пространстве» добровольцы были основной военной силой, от которых зависели судьбы конфликта. Трагедия добровольцев заключалась в том, что очень часто они оказывались в прямом смысле этого слова по разные стороны фронта. (Это особенно было характерно для войны в Карабахе и гражданской войне в Таджикистане.)

Не учитывая наемников, готовых за деньги воевать где и с кем угодно, а также тех идейных боевиков, чьи взгляды носят враждебный русскому национал-патриотизму характер (например, исламистов или западноукраинских «самостийников»), подавляющее большинство добровольцев являются людьми правых взглядов. Разумеется, общее число добровольцев не превышало несколько тысяч человек, но ведь отправиться на войну, порой за сотни километров от дома, пересекая по несколько границ и практически в одиночку, без чьей-либо помощи и чаще всего нелегально могут далеко не все даже из числа очень храбрых людей. Из потенциальных добровольцев, записавшихся в нелегально формирующийся отряд и отправившихся на войну «своим ходом», лишь несколько процентов в самом лучшем случае смогут реально участвовать в боевых действиях. Таким образом, реальное значение добровольчества определяется его значительным потенциалом, а не конкретным вкладом в ход того или иного конфликта.

Первые добровольцы появились уже в 1991 г. в Приднестровье и Югославии. Большинство из них прибыли совершенно самостоятельно. Хотя бурно растущие в то время национально-патриотические партии обычно старались создавать свои военизированные формирования (типа Русского Национального Легиона при НРПР), но в целом эти партии не обладали финансовыми и техническими возможностями для переброски в Приднестровье сколько-нибудь крупных контингентов людей. Большинство добровольцев прибыло в Приднестровье через казачьи организации. В силу близости казачьих территорий к

Приднестровью, наличия крупных казачьих организаций, обладающих оружием, финансами и связями, а также того, что большинство добровольцев действительно были казаками, именно казаками и стали считаться добровольцы постсоветских войн. Справедливости ради надо заметить, что жители Приднестровья и Абхазии, сражавшиеся в своих республиканских армиях, в сущности также были добровольцами, поскольку в этих мятежных республиках в период войн не было воинской повинности.

Отсутствие единой организации добровольцев, особенности формирования добровольческих частей на месте привели к появлению боевых отрядов, подчиняющихся только своим полевым командирам. Так, в Приднестровье существовал целый батальон в 300 бойцов под командованием «батьки Махно Приднестровской войны» Костенко, уничтоженный спецслужбами республики.

Правда, для русских добровольческих частей феномен полевых командиров все же был нехарактерен. Добровольцы подчинялись властям мятежных республик. Вероятно, это отчасти объяснялось тем, что добровольцы, воюющие за Великую Россию, составляли отряды не на клановой или земляческой основе, а объединяли людей различного этнического происхождения и партийной принадлежности.

Можно привести пример Приднестровской войны. Участник войны, обозреватель газеты «Завтра» А. Бородай вспоминал: «... у нас в роте разведкой командовал украинский националист, на прикладе его автомата красовался трезубец, а одним из его подчиненных был некий русский православный ультрамонархист по кличке «Коля-император»*. Во взводе кубанского урядника В. Демченко, члена Русского Национального Собора из Петербурга, воевали комунисты-анпиловцы, член «Памяти», студент из Петербурга с финской фамилией, терский казак – осетин по происхождению, один бурят и один российский немец из Казахстана.

Слава добровольцев-казачков той войны привела даже к появлению большого числа самозванцев, из личного тщеславия выдававших себя за бойцов, вернувшихся из Приднестровья. Казак М. Горымов жаловался на страницах патриотической газеты: «Но враги умеют носить маски, этим искусством они владеют в совершенстве. Поэтому на вопрос: «Воевал ли ты?» провокатор ответит, не моргнув глазом: «Да, воевал!» и тут же назовет, где именно, номер батальона, фамилию командира. Поди проверь»**. Впрочем, само появление такого самозванчества свидетельствовало о распространении воинственно-патриотических

* Газ. «Завтра». 1999. № 5 (270).

** Газ. «Черная Сотня». 1997. № 10–11 (52–53).

взглядов (в буквальном смысле этого слова!) даже в разгар торжества рыночных настроений в стране.

Добровольчество также выражалось во вступлении российских граждан, не находящихся на действительной военной службе, в ряды Вооруженных Сил РФ, действующих в «горячих точках». Известно, что многие национально-патриотические партии всячески поощряют вступление своих активистов в армию. В частности, РНЕ Баркашова очень гордится большим количеством своих сочувствующих и сторонников, награжденных орденами и медалями в Чечне. Многие офицеры Вооруженных Сил действительно хорошо отзывались о добровольцах, пришедших из военно-спортивных клубов различных партий (естественно, патриотических, тем более, что демократические партии в России или исповедуют пацифизм, или считают военную службу бизнесом), учитывая основательную допризывную подготовку добровольцев.

В добровольчестве находит выражение беспартийный национал-патриотизм, рвущийся к действию. Сам факт его существования доказывает весьма низкую эффективность многолетней антиармейской пропаганды в СМИ, и напротив, оскорбленные национальные чувства русских приводят к определенной, пока еще малозаметной, милитаризации сознания огромной неорганизованной массы непартийных правых, завоевывающих на свою сторону «молчаливое большинство» нации.

Есть, конечно, огромная опасность для стабильности страны, заключающаяся в том, что «человек войны» становится массовым социальным типом. Сотни тысяч «афганцев», «чеченцев» и ветеранов других «горячих точек» потенциально готовы пополнить ряды множества экстремистских организаций. Но ведь «полноценная» диктатура Ельцина в России не была установлена осенью 1993 г. еще и потому, что наличие тысяч людей с опытом боевых действий и оружием, окруженных романтическим ореолом, означало существование готовых кадров для партизанских действий, что было неприемлемым для мафиозно-компрадорской люмпен-буржуазии, главной опоры ельцинизма.

Рабочее движение

Потенциально крупнейшим союзником правых может стать *рабочее и профсоюзное движение*. В настоящее время в рабочем движении России нет преобладающей идейно-политической направленности. В рабочем движении представлены все цвета политического спектра, причем преобладают неполитизированные, тред-юнионистские профсоюзы.

Авторитет профсоюзов невелик. Так, в 1994 г. лишь 8% работающего населения соглашались, что профсоюзы заслуживают доверия, еще 17% говорили, что не вполне доверяют им, остальные полностью не доверяли профсоюзам*. При этом многие граждане даже не могут твердо сказать, состоят ли они вообще в профсоюзе или нет. Так по материалам опроса городского населения России, проведенного ВЦИОМ весной 1994 г., ответило 30–40%**.

Все это объяснялось отношением к профсоюзам, устоявшимся еще с советских времен, когда профсоюзы ассоциировались с путевками в санаторий, пионерскими лагерями и т. п., но не с реальной защитой прав трудящихся. Средние профсоюзные функционеры обычно не имели авторитета у трудового коллектива. Считалось, что на профсоюзную работу идут карьеристы, при этом не способные сделать карьеру по партийной линии. В какой-то степени слабый кадровый состав и привычка всегда подчиняться администрации привели к тому, что профсоюзы оказались неспособны защищать трудящихся в критический период «реформ», что только сильнее дискредитировало профсоюзы в обыденном представлении. Переименование ВЦСПС в Федерацию Независимых Профсоюзов России (ФНПР) вряд ли смогло повысить авторитет профсоюзов, хотя они постепенно начали входить в политику, приобретая собственное лицо. Три другие всероссийские профсоюзные организации (Всероссийская конфедерация труда, Конфедерация труда России и Конгресс российских профсоюзов) мало чем отличаются от ФНПР по своим действиям.

На эффективности действий ФНПР сильно сказываются противоречия между профсоюзными боссами, заинтересованными в добром отношении к ним властей и стабильности, и низовыми профорганизациями, настроенными весьма «коммуно-патриотически». Все попытки создать профсоюзную Партию Труда не увенчались успехом. На думских выборах 1995 г. ФНПР выступала в блоке с Объединенной Промышленной Партией, составив предвыборное Объединение «Союз Труда», набрав чуть больше 1,5% голосов, причем основная масса членов профсоюзов, входящих в ФНПР, голосовала за КПРФ, ЛДПР и др. оппозиционные партии. Весной 1999 г. ФНПР вступило в коалицию с движением мэра Москвы Ю. И. Лужкова «Отечество». Но на митингах 1 мая профсоюзные активисты из отраслевых профсоюзов произносили, выступая на Дворцовой площади в Петербурге, такие антиправительственные

* Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Инф. Бюллетень. 1994. № 5. С. 68–69.

** Гордон Л. Надежда или угроза? Рабочее движение и профсоюзы в современной России. М.: Российско-американский фонд профсоюзных исследований и обучения. 1995. С. 52.

речи, которые не всегда можно услышать на «чисто патриотическом» митинге. Представляется, что дальнейшее направление основной части ФНПР будет усиливаться по мере обострения социально-экономического кризиса.

В 1989 г. в России июльской забастовкой шахтеров родилось независимое рабочее движение. В лозунгах и требованиях забастовщиков бурного трехлетия 1989–1991 гг. причудливо сочетались корпоративные интересы рабочих конкретных предприятий, социальные и общедемократические потребности общества и эгоистические интересы рвущейся к власти и богатству части советской партийно-хозяйственной и профсоюзной номенклатуры. Не случайно сразу после августа 1991 г. начинается спад влияния демократических прорыночных профсоюзных объединений. Не случайно также большинство рабочих вожаков из демократических профсоюзов ушло в бизнес, как почти все организаторы шахтерских стачек в Кузбассе в 1989 г. и 1991 г.

Для основной же массы шахтеров эти забастовки стали воистину «революцией несбывшихся надежд». Отсюда понятно то ожесточение, которое приняло движение шахтеров под уже антиельциновскими лозунгами, породив такие явления, как «рельсовые войны» (т. е. перекрытие железных дорог), а также захват в качестве заложников администрации предприятий и т. п. Наряду с естественным недовольством многомесячными невыплатами зарплаты и борьбой за свое человеческое достоинство в этом, вероятно, проявляется и осознание шахтерами своей вины за победу ельцинизма. Кузбасс во второй половине 90-х превратился в один из оплотов оппозиции. Неудивительно, что один из коммуно-патриотических лидеров, А. Тулеев, триумфально был избран кемеровским губернатором.

В начале XXI в. наблюдается ощутимый дрейф рабочего и профсоюзного движения в национально-патриотическую сторону. Потеря же влияния демократов не сопровождается переходом к партиям, отстаивающим идеи диктатуры пролетариата. Движение «Трудовая Россия» и близкие им по духу остаются движением интеллигенции и пенсионеров, мало связанных с реальным рабочим движением. Зато национально-патриотические идеи, особенно в государственнической форме, наиболее близки основной массе рабочих и служащих.

Справедливости ради нужно заметить, что политизация и организованность рабочего движения явно замедленны по сравнению с распространением взглядов стихийного национал-патриотизма в его среде. По сравнению с 1989–91 гг. рабочее движение переживает спад.

С учетом глубочайшего кризиса, невиданной в мире ситуации, когда миллионы работников лишаются законной заработной и численной зарплаты, забастовок в России чрезвычайно мало. С 1990 по

1994 г. число участников забастовок в РФ колебалось от 100 до 350 тыс. в год при 60–65 млн. чел., занятых наемным трудом. Во второй половине 90-х пришел некоторый подъем стачечного движения. Бастовало теперь уже до 900 тысяч человек в год, а стачками было охвачено свыше 17 тысяч предприятий. Впрочем, все равно по размаху трудовых конфликтов Россия весьма отстает от стабильных западных стран. Для сравнения: в США число стачечников около 1 млн. в год, в Англии, где число занятых в 3 раза меньше, чем в России, – от 900 тыс. до 2 млн., а в Италии – от 1,6 до 14 млн. в год*. По количеству потерянных в результате забастовок человеко-дней западные страны опережают Россию в 5–10 раз. И это при том, что в 90-е гг. количество забастовок на Западе в силу ряда причин резко уменьшилось по сравнению с предшествующими десятилетиями.

Но это обстоятельство, приводящее в отчаяние марксистских ортодоксов, вполне объяснимо. В условиях огромной скрытой безработицы, многомесячных простоев предприятий, забастовка просто теряет смысл. Вместо забастовок в виде организованного прекращения работы в условиях российского кризиса ту же роль играют силовые действия типа «рельсовых войн» или акций, имеющих пропагандистский эффект (манифестации, голодовки, угрозы применения насилия в адрес администрации).

Далее, при резком падении жизненного уровня трудящихся и постоянной угрозе банкротства своего предприятия само проведение забастовки, связанное с материальным ущербом для самих стачечников, забастовка становится редким явлением. Вспомним, что в годы Великой депрессии 1929–33 гг. в западных странах также наблюдался спад стачечного движения по сравнению с временами экономического процветания. Зато по мере ослабления кризиса испытывавшие бедствия рабочие стали активно и наступательно использовать в борьбе за свои права оружие забастовки. Возможно, что пик забастовочной борьбы придется в России на послекризисное время.

И, наконец, массовое деклассирование рабочих и служащих также препятствует как росту их сознательности, так и организованности в политической борьбе. Но, тем не менее, хотя часть рабочих и ИТР ушла в бизнес, часть окончательно люмпенизировалась, основной костяк трудовых коллективов сохранился. В связи с этим оживление рабочего и профсоюзного движения неизбежно. Объективно эти движения могут стать союзником и массовой социальной базой национал-патриотизма.

Пока еще примеры открытого сотрудничества профцентров с правыми партиями достаточно редки. Так, Национальное Объединение

* Гордон Л. Надежда или угроза? Рабочее движение и профсоюзы в переходной России. М., 1995. С. 79.

Российских Профсоюзов одно время находилось в официальном профсоюзе с РНЕ*. Однако гораздо больше характерна для профсоюзов идеология своеобразного национально-патриотического синдикализма.

О том, что может представлять этот синдикализм на деле, его сильные и слабые стороны, показала судьба Объединенных Советов Трудовых Коллективов (ОСТК), связанных с интердвижениями русских и русскоязычных рабочих в Молдавии (точнее, в Приднестровье) и Прибалтике в критические 1989–92 гг.

Когда в этих республиках в 1988–89 гг. у власти утвердились этносепаратистские силы в виде Народных Фронтов и моментально «перестроившихся» республиканских компартий, начавшие проводить курс на дискриминацию русскоязычных жителей, создающих большую часть материальных благ, то ответом было начало политического «про-советского» рабочего движения. В силу откровенного этносепаратизма вместо компартий интердвижения в Молдавии и Прибалтике приняли характер одновременно антиноменклатурного и при этом ортодоксально-коммунистического движения. (Впрочем, последнее больше было характерно для прибалтийских интерфронтов.) Вероятно, именно это привело к тому, что не ориентированное на КПСС интердвижение в Молдавии сумело одержать частичную победу (появление Приднестровской Молдавской Республики), а прибалтийские интерфронты, представляя гораздо более многочисленное русское население трех прибалтийских республик, потерпели полный крах.

Приднестровский национал-патриотический синдикализм появился на свет в ходе «антилингвистических» забастовок против насильственного внедрения румынского языка августа-сентября 1989 г., охвативших 191 предприятие с 200-тысячным совокупным трудовым коллективом по всей Молдавии, но в основном на левом берегу Днестра, где и был сосредоточен основной промышленный потенциал республики и треть всего ее русскоязычного населения. В ходе забастовки власть на левом берегу фактически перешла в руки ОСТК, взявших на себя функции текущего управления народным хозяйством на этой территории. Интересно, что в ходе этих событий с территории предприятий были убраны все парткомы КПСС (впервые в СССР!), так что здесь имел место именно стихийный процесс, не направляемый никакой партией. Политический, а не экономический характер забастовки привел к такому парадоксальному явлению, как активное и позитивное сотрудничество стачкомов и директората. Так, председателем ОСТК в Тирасполе стал директор завода «Электромаш» Игорь Смирнов, в дальнейшем ставший президентом Приднестровской республики. Показательно, что в 1990 г. он был исключен из КПСС Молдавской республиканской компартией.

* Гордон Л. Указ соч. С. 14.

В 1990 и 1991 гг. контрвласть на левом берегу Днестра, куда переместилась основная масса лидеров Интерфронта, вела с Молдавией «войну законов», совершенно аналогичную той, что сама Молдавия вела против союзного центра. Уже к осени 1990 г. на базе ОСТК были созданы уже конституированные органы власти, на базе рабочих дружин – Гвардия Республики и пр. атрибуты государства.

При всем этом лидеры и массы Приднестровья вдохновлялись своеобразным русско-советским патриотизмом, направленным не столько «за» какую-то доктрину, сколько «против» сепаратизма и румынского шовинизма кишиневских лидеров. В сущности это был стихийный государственно-патриотический национал-патриотизм. Несмотря на всю социалистическую фразеологию приднестровских лидеров, они проводили в жизнь продуманные экономические преобразования, поощряя предпринимательство и приватизацию, но с разрешения трудового коллектива. Война и экономическая блокада, которой мятежная республика подвергается до сих пор, не способствуют экономическим реформам, но все же ничего подобного советской централизованной экономике в Приднестровье нет. Таким образом, приднестровский синдикализм может считаться правым движением.

Итак, не боясь громких слов, можно сказать, что Приднестровье является примером победоносной национально-патриотической синдикалистской революции. Ее также можно считать примером русского ирредентизма. Во главе ее стояли не политические партии, не общественные движения интеллигенции (как в «бархатных» революциях в Восточной Европе), а организованные трудовые коллективы. Конечно, в Приднестровье сложились особые условия, но все же логика рабочего движения в самой РФ порождает идеологические и организационные формы приднестровского типа.

Корпоративные организации

Еще одним потенциальным союзником русского национал-патриотического движения являются *общественные организации творческой и технической интеллигенции*. Такие организации, как созданное генералом Л. Я. Рохлиным Движение в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки (ДПА) или Конгресс работников науки, образования, здравоохранения и культуры, формально не относятся к политическим партиям и не ставят перед собой политических целей. Но в условиях российского кризиса они превращаются в антирежимные

политические организации, отличающиеся от партий подчеркиванием защиты корпоративных интересов работников военно-промышленного комплекса, интеллигенции и военнослужащих.

Активная роль, которую сыграла интеллигенция в демократических движениях во времена М. С. Горбачева, достаточно хорошо известна. Между тем то, что большое число видных ученых участвует в национально-патриотическом движении, до недавнего времени было мало известно. Проправительственные СМИ всячески пытались изобразить национал-патриотов в виде люмпенов, игнорируя высокий образовательный уровень руководящего и среднего звена правых организаций. Так, по докладу мандатной комиссии съезда Русского Национального Собора, состоявшегося 8 сентября 1995 г., среди 697 делегатов и 152 гостей съезда было 2 академика, 15 профессоров, 40 доцентов, 18 докторов наук, свыше 100 кандидатов наук, высшее образование имели 403 человека, и только среднее имели лишь 13 человек.

Студенты составляют немалую часть рядовых национал-патриотов. При этом трудно установить предпочтение конкретных партий студентами разных вузов. Так, в 1992–95 гг. в Петербургской организации РНС было много студентов Военно-медицинской академии, что объяснялось только тем, что в то время штаб-квартира петербургского РНС размещалась по соседству с Академией, возле Финляндского вокзала. В это же время в ЛДПР Петербурга, штаб которого находился на канале Грибоедова, входили многие студенты Корабелки и Университета путей сообщения, расположенных рядом.

Но все же это было участием именно в политических партиях. Политизация корпоративных организаций работников высшей школы, производства и ВПК началась позднее, по мере того, как даже самым аполитичным интеллигентам-«технарям» становилось понятно, что ельцинизм означает планомерную ликвидацию научно-технического потенциала России. Это логично привело к политизации общественных и корпоративных организаций, причем ориентироваться они стали именно на радикальную оппозицию. В силу советского прошлого, такие общественные движения обычно ориентируются на КПРФ и НПСР, причем занимают там особенно радикальные позиции, часто критикуя Зюганова и руководство оппозиции за соглашательство с режимом.

О причинах радикальной политизации интеллигенции так говорил председатель Межрегиональной общественной политической организации «Конгресс работников науки, техники, образования, здравоохранения и культуры», ректор Балтийского государственного технического университета (Военмех) Юрий Петрович Савельев: «Совсем недавно, ровно 10 лет назад, мы знали, что существует огромное общество людей: преподаватели, ученые, учителя, – одним словом, интелли-

генция, которая думала, что дискуссии, которые тогда разворачивались на страницах газет и научных семинарах, – состояние России, Русская Идея, организация общества в будущей России и т. п., – что это чисто философские аспекты, чистая абстракция и никак не затрагивает личных интересов каждого. Но вот то, что произошло за последние 5–6 лет, особенно со времени прихода к власти нового реформаторского течения в России, ситуация кардинальным образом изменилась... мы, люди, которые создают будущее страны, оказались по уровню востребованности жизнью на ступеньку ниже, нежели те, кого называют пролетариатом»*.

На вопрос о задачах Конгресса Ю. П. Савельев прямо ответил: «Прежде всего, это – изменение существующего государственного строя. Мы хотим сделать это конституционным путем... Главное, это выборы нашего парламента. Избрание в него такой категории людей, которые ясно и точно понимают, что произошло, почему произошло и что нужно делать. К этой категории относятся национально-патриотические силы и силы левой ориентации, независимо от оттенков, которые содержатся в их программах, как РКРП, ВКП (б), КПРФ и других партий. Исключительно важно взять победу силами такой ориентации в таком городе, как Петербург-Ленинград, поскольку это было бы примером для всей страны и послужило бы примером для консолидации сил и в других регионах страны, а следовательно, для победы»**.

Как видим, весьма радикально настроенный Конгресс ставит перед собой политические задачи, действуя в союзе с левыми и национал-патриотами, хотя и не считает себя партией. Интересно, что по жесткости формулировок деятели Конгресса превосходят парламентские оппозиционные партии, соблюдающие приличия парламентской жизни. Как ректор Военмеха, Ю. П. Савельев получил неожиданно всемирную славу увольнением американских преподавателей из университета, в знак протеста против американско-натовской агрессии против Югославии в марте 1999 г., а также демонстративным введением стипендии имени Югославского президента С. Милошевича в вузе. В 2003 году Ю. П. Савельев стал депутатом Государственной Думы от партии «Родина».

Открытая «национал-патриотизация» корпоративных организаций интеллигенции свидетельствует о мощном резерве русской правой и о расширении ее идеологического влияния. Технические специалисты, ученые, студенты, вузовские преподаватели – это самый массовый контингент деятелей науки и то, что в его среде преобладает влияние национал-патриотов, есть знаменательное явление. Кадры для техноло-

---

* Газ. «Освобождение». 1999. Апрель. № 1.

** Там же.

гической и экономической реконструкции для грядущего национально-го правительства в России уже готовы.

Молодежное движение

Уже давно самостоятельной частью национал-патриотизма является молодежное движение.

В России вечной темой для литературы и публицистики всегда была пресловутая проблема отцов и детей. Каждое новое поколение считает себя самым передовым перед своими отсталыми предшественниками. Старееющее поколение «отцов» вечно бурчит, видя в этой современной молодежи никуда не годных лоботрясов: «Вы, нынешние – нутка!» Так было и в веке девятнадцатом, и в прошлом двадцатом. Вряд ли в новом тысячелетии будет по-другому. В общем, так было – так будет.

И все же смена предпочтений нового поколения по сравнению со вкусами своих предков такая же естественная вещь, как и сама смена поколений. В истории России прошлого века каждое поколение определяли свои герои. Жестких, фанатичных и волевых строителей и защитников советской империи 30–40-х годов сменили размагниченные «шестидесятники», на смену которым пришло «потерянное поколение» 70–80-х гг. В свою очередь «восьмидесятники», на время которых пришлось апогей брежневского времени с горбачевской «перестройкой», совместили в себе цинизм с романтическим идеализмом. Это было поколение, «выбравшее пепси», как гласил знаменитый рекламный ролик. Впрочем, они продержались недолго, от «перестройки» до Ельцина. Их быстро заменила совершенно иная генерация, взошедшая на волне экономических потрясений 90-х гг. Их прозвали «новыми русскими», и это определение уже вошло в энциклопедии и словари. Но больше всего о признании сего понятия говорит рождение в последнее время жанра анекдота о «новых русских». Если какое-либо явление из скучных научных дефиниций превращается в жанр народного творчества, то это означает, во-первых, народ признает наличие этого явления, и во-вторых, что народ относится к нему неодобрительно.

Однако не будем останавливаться на «новых русских». Слишком много написано и сказано по их адресу. Гораздо больше интересен вопрос – а кто же сменит их в жизни страны. Сама специфика «новорусского» существования не обещает долгой жизни (в том числе и физической) нашим бизнесменам. Исчезновение крупных состояний в современной России происходит со скоростью, не уступающей возникновению этих состояний в начале приватизационной эпохи. Да и естественная смена

поколения все равно должна произойти. Но те, кто придет на смену, будут вовсе не пресловутым «поколением икс», существующего лишь как социологическая абстракция и тема для рекламных каталогов модных изделий для молодежи.

Так кто же они, эти самые новейшие русские, которые вот-вот будут определять жизнь страны? Каковы они в своих политических предпочтениях? Какова их общая культура и культура политическая?

Прежде, чем мы поговорим о политической культуре новейших русских, мы должны исходить из того, что среднестатистический представитель молодежи должен быть жителем среднего или крупного города, а то и мегаполиса, ведь современные русские – нация горожан. Впрочем, у большинства русских остались деревенские корни. Мало у кого нет деревенских бабушек и тетюшек.

Далее, несмотря ни на что, у русских сохраняется высокий образовательный уровень. О советской эпохе можно сказать много и плохого, но вот советская система просвещения может считаться самой совершенной в прошлом веке и все современные «реформы» еще не добились ее. Стремление к знанию, к получению образования остается у современных молодых людей, а в высшей школе еще остались одержимые наукой оптимисты, (поскольку пессимисты давно уехали). Стало быть, новейший русский должен быть человеком, образованным во всех смыслах этого слова.

Таким образом, современная молодежь достаточно образована и урбанизирована по своему поведению. Понятно, что и политическая культура молодого поколения должна отличаться в лучшую сторону от политической культуры старших поколений. Все это следует иметь в виду тем, кто обвиняет молодежь в апатичности и аполитичности.

Но ведь в самом деле, именно молодежь меньше всех остальных возрастных категорий населения участвует в выборах, доверяет политическим деятелям. «Пофигисты» и «дофенисты» являются, пожалуй, самыми распространенными типами молодежного отношения к политике.

Однако не все так просто. Современные студенты и даже старшеклассники уже успели за свою короткую жизнь неоднократно разочароваться в лидерах, партиях и политике вообще. Если старшее поколение уже успело смириться с тем, что политика – дело грязное и что политик не может не лгать, то молодые, которые обязаны быть идеалистами, переживают очень болезненно свои разочарования. Под напускным цинизмом и наплевательством к политике чаще всего кроется стремление молодых не показывать свои истинные чувства.

Частично информацию о реальном отношении молодежи к происходящему, порождающем соответствующую реакцию, могут дать результаты социологических исследований. Хотя полностью полагаться

данным социологии в современной России нельзя из-за тенденциозности этой науки, ставшей служанкой политики, и сложности учета мнений в нашей необъятной стране, но все же благодаря социологическим исследованиям можно многое узнать.

Так, в 2002 году в НИИКСИ под руководством проф. А. А. Козлова было проведено исследование ценностных установок российской молодежи. Выяснилось, что 70% молодых занимает «русоцентристскую» позицию, считая, что Россия должна идти своим путем. Четверть опрошенных считала, что Россия должна «войти в Европу». 5% были сторонниками сближения со странами Востока*. Любопытно, что в Петербурге, построенном в качестве «окна в Европу» и традиционно западническом, «русоцентристов» было даже больше, чем в целом по стране – 76%. Опрос выяснил глубокий антиамериканизм молодого поколения. Так, 59% заявили о неприемлемости для нас американских ценностей, 44% согласились с тем, что США – враг России.

Самое же приятное заключалось в том, что, согласно опросу, 90% молодых были оптимистично настроены относительно своего будущего и своей страны. Значит, у страны есть будущее.

Между тем, именно от системы ценностей молодежи зависит и ее политическая культура. Давайте вспомним, что появление новейших русских как самостоятельного поколения не только в биологическом, но и в социальном смысле, можно датировать весной-летом 1999 г. В отличие от своих родителей, от занявшихся бизнесом и прогоревших на нем «детей застоя», от выбравших пепси и перешедших затем на водку, а то и на героин, старших братьев, молодая Россия явно высказалась против Запада. Досадно, что свою позицию молодые слишком часто отстаивают кулаками, но это – недоработки старшего поколения.

В молодежной среде в 90-е гг. происходили интересные процессы. Хотя действительно немалая часть молодежи ушла в бизнес, в том числе и криминальный, для многих молодых людей экономический кризис привел к тому, что вся их энергия уходит на борьбу за выживание, и поэтому отсутствует всякий интерес к политике, и наконец, массированное «промывание мозгов» молодого поколения СМИ также не могло не оказать влияния на молодежь, но реальное бытие страны и нации определяет сознание нового поколения.

В основном молодежное национально-патриотическое движение заключается в особой молодежной правой субкультуре. Речь идет о поклонниках музыкальных течений и рок-групп, не скрывающих своих политических предпочтений, членов группировок типа «бритоголовых» (скинов), болельщиках футбольных клубов и о представителях групп, напоминающих любителей 80-х.

* Ж-л «Мост», № 53, 2003, с. 54.

Самостоятельность молодежного движения во многом заключается именно в недооценке этой субкультуры руководством «взрослых» партий. Особенно отличаются неумением говорить с молодыми коммунисты. Стремительность перемен последних полутора десятилетий XX века привела к тому, что различия во вкусах и поведении поколений в России никогда не были таковыми, вероятно, с 20-х годов. Различия в возрасте в 5–6 лет уже достаточны, чтобы представители молодежных течений не понимали друг друга. И все же во второй половине 90-х гг. национал-патриоты в молодежной среде стали задавать тон. Ни один из исследователей русской рок-музыки не может игнорировать группу «Гражданская Оборона» Егора Летова (практически отлученного от телевидения) или группы «Калинов мост». Определенное влияние на молодежь имеет Артем Троицкий (Паук) с группой «Коррозия металла». Об ориентации этих групп говорят их названия: «Коловрат», (ранее называвшаяся «Белое гетто»), «Toten copf», «Terror National Front (TNF)», «Штурм», «Вандал», «Ультра», «Радегаст». Не менее показательны названия альбомов, выпущенных этими группами. Например, «Слава России!», «Национальная революция» (группа «Коловрат»), «Во имя павших героев» (TNF). Более «молодые» рок-группы, играющие в различных стилях, такие, как сибирские группы «Инструкция по выживанию», «Родина», «Черный Лукич», или «Красные звезды» из Белоруссии, постепенно также занимают все более важное место в молодежной субкультуре. При этом существует великое множество праворадикальных рок-групп, знаменитостей микрорайонного масштаба, само существование которых является показателем настроений в молодежной среде.

Во второй половине 90-х гг. самым политизированным молодежным движением России стали скины (или бритоголовые). Скины, или скинхеды (от англ. Skinhead – букв. кожаная голова, бритоголовые) – праворадикальные молодежные группы, получившие распространение в крупных городах России во второй половине 90-х гг. Предшественниками скинов были некоторые группы неформалов второй половины 80-х гг., в частности «люберы» из Люберец.

После распада СССР в ряде русских городов начали возникать уже качественно иные, уже четко националистические организации. Первые скин-группы появились как подражание аналогичным западным группам белой молодежи, борющимся с цветными иммигрантами, мафией, гомосексуалистами, наркоманами и пр. Впрочем, русские скины быстро приобрели национальную специфику. В 2000 г., по данным либеральной «Общей газеты», совершенно не склонной преувеличивать численность русских национальных организаций, в России насчитывалось 30 тыс. скинов, в т. ч. 3800 в Москве, 2700 в Петербурге, до 2000 в Нижнем

Новгороде и др. городах*. Заметим, что речь идет об организованных политизированных группах, не учитывая значительно более крупные массы спортивных болельщиков, поклонников рок-групп национального направления, членов культурно-просветительских и военно-исторических обществ.

Но почему среди множества молодежных объединений именно скины в начале XXI века получили широкое распространение? Видимо, главной причиной стало именно то, что как раз к этому времени для большинства русских городов, включая мелкие провинциальные, самой острой социальной (и одновременной национальной!) проблемой стал массовый приток мигрантов с Кавказа и бывших стран «третьего мира». В 90-е гг. XX века Россия стала второй после США страной мира по численности иммигрантов. Концентрация пришлого населения стала гигантская в крупных мегаполисах. Так, в Москву легально и нелегально прибыло до 3 миллионов переселенцев (это при 9,5 миллиона собственно московского населения)! Большинство переселенцев располагается в русских городах нелегально. Среди них преобладают неквалифицированные рабочие. Впрочем, очень многие среди переселенцев вообще предпочитают криминальный бизнес. Значительная часть организованных преступных группировок являются различными этническими диаспорами. Между тем кремлевские власти не только ничего не предпринимают против притока масс людей, отличающихся совершенно иной культурой и расово-антропологическими чертами, но скорее только заинтересованы в них. Дешевый труд гастарбайтеров привлекает предпринимателей и власти крупных городов. Об изменении этнического состава населения сердца России думающая только о сиюминутных выгодах политическая и экономическая «элита» страны не задумывается. В результате борьбу за сохранение национального облика российских городов взяли на себя скины.

Среди наиболее крупных и организованных скин-групп можно выделить московские «Скин-легион» «Blood and Honor», «Объединенные бригады-88» (от номера буквы «Н» в латинском алфавите, составляющих «Neil Hitler!»), в Петербурге – «Русский кулак», «Коловрат» и др. Издаются самиздатовские журналы «Под ноль», «Отвертка», «Стоп», и прочие, число более десятка. Скины ведут борьбу с цветными иммигрантами, кавказцами, торговцами наркотиками, сионистами, новорусской «золотой молодежью» и т. д. специфическими методами. Так, в 1998 г., скинами был крепко избит пристававший к русской женщине сын посла Гвинеи-Бисау. Тогда же скином Семеном Токмаковым был избит охранник посольства США в Москве, морской пехотинец, участник операций НАТО в Боснии, чернокожий гомосексуалист Уильям Джефф-

* Общая газета, 2001, № 13 (399).

ферсон. Интересно, что прозападные российские СМИ практически не освещали судебный процесс над Токмаковым, опасаясь роста антиамериканизма в России, а также символичности пострадавшего, носящего фамилию автора «Декларации Независимости» США, как бы персонифицирующем клинтоновскую Америку. Токмаков, известный по кличке Бус, стал в дальнейшем заместителем главы ННП.

Скинов обвиняли также в убийстве неопознанного негра в Москве, поджогах синагог в Одинцове и Марьиной Роще (следует заметить, что взрывы синагог – излюбленная провокация сионистских спецслужб), в столкновениях с азербайджанскими торговцами в Москве, погроме общежития вьетнамцев в районе метро «Сокол», поджогах гей-клубов в ряде городов страны и т. д. Во время агрессии НАТО против Югославии скины были одними из самых активных участников демонстраций возле посольств и консульств США. В Воронеже в первый же день агрессии были избиты два сектанта-мормона, в ряде городов скины организовали бойкот «Макдональдсов» и магазинов, торгующих американскими товарами, делая очень убедительные разъяснения непатриотичным потребителям. В Петербурге в ходе демонстрации протеста у генконсульства Польши, вступившей в НАТО и принявшей участие в агрессии, молодые манифестанты преподнесли консулу 30 копеек серебром, в напоминание о том, что Польша, предав славянство, уподобляется Иуде. Как видим, скины, несмотря на западные истоки своего движения, занимают четкие патриотические позиции. Борьба скинов против наркотиков, алкоголизма (во многих скин-группах действует сухой закон), культивирование спорта, оказывает благотворное влияние на молодежь. Хотя в области идеологии у скинов существует полный сумбур, есть среди них поклонники язычества, восточных культов, тем не менее среди них усиливается стремление к истинно русским ценностям. Не случайно религиозные сектанты являются излюбленной мишенью для крепких кулаков скинов, людей в основном светского мышления. В ряде городов скины бесплатно работают на восстановлении храмов. Во время визита на Украину папы римского русскоязычные и даже некоторые украинские православные скины участвовали в демонстрациях протеста в Киеве, продемонстрировав при этом выдержку и дисциплину. В целом движение скинов остается одним из важнейших резервов русского национального движения, пока еще недооцененное политиками и идеологами.

«Бритоголовые» представлены множеством враждующих течений, но для всех них характерны воинственные правые взгляды, в которых неприязнь к «черным» и «голубым» являются определяющей их поведение. Вся их политическая деятельность сводится к уличным потасовкам с «рейверами», «реперами» и пр. поклонниками музыкальных течений, избиениями кавказцев, торговцев наркотиками, гомосек-

суалистов и детей «новых русских». «Бритоголовых» и родственные им группы трудно считать молодежными движениями с политическими целями, поскольку они обычно отрицательно относятся ко всем политическим институтам. В основе всех их поступков – борьбе не «за» какие-либо политические цели, а «против» – кавказцев и прочих «черных», карательной силы государства, символом которой являются «менты» и т. д.

Тем не менее уже появляются определенные очертания идеологии скин-движения. Примерно в 2000 году среди активистов правых движений стал распространяться текст под названием «Азбука славянских Бритоголовых». Во Введении гордо говорилось: «В настоящий момент движение Бритоголовых представляет собой грозную и сплоченную силу. Ряды скинлегиона состоят из смелых и патриотичных людей, готовых на все для защиты своей Страны, Расы и Нации. Сегодняшнее Русское (славянское) скиндвижение, это не сборище разрозненных полугусовочных группок. По ряду признаков можно заключить, что сегодня оно начинает оформляться в серьезную политическую силу. Некоторые из Белых Братьев уже создают организованные объединения, которые в дальнейшем помогут сплотить всех Бритоголовых России в один громающий кулак.

Это небольшое письменное издание написано по нескольким причинам. Наше движение уже насчитывает свою собственную более чем десятилетнюю историю. И само Российское скиндвижение несколько отлично от западного. Поэтому сегодня пришла пора собрать и систематизировать все то, что составляет сущность именно Российского Движения Бритоголовых.

Данное издание хранит в себе образец политической идеологии правых скинхедов России, и в дальнейшем оно послужит средством создания единой всероссийской скинидеологии. В какой-то мере это издание поможет новичкам в освоении целей, идей, задач и принципов российских Бритоголовых. К тому же письменное издание позволит нашей идеологии быстро распространиться по всей России и за ее пределы». Далее автор «Азбуки...» отмечал: Быть скинхедом трудно, но почетно. Бритоголовые – это солдаты своей расы и нации – белые воины. Именно они стоят на передовой межрасовой борьбы, каждый день сражаясь за будущее белой расы и счастье своего народа. Быть настоящим скинхедом значит быть патриотом Своего Народа. Скинхедов боятся враги. Скинхедов уважают.

Но это происходит не просто так. Настоящий Бритоголовый всегда должен соответствовать своей групповой принадлежности и своему статусу. И в первую очередь Бритоголовый должен уважать, чтить и исполнять все заповеди и принципы скиндвижения. Настоящий Брито-

головый всегда хорошо знает историю и идеологию своего движения. Если Бритоголовый не знает, как ему поступить в той или иной ситуации, он должен вспомнить идеологию своего движения и там найти ответ на все свои вопросы.

Если в идеологии нет подходящего ответа на проблему, стоящую перед скинхедом, он должен спросить совета у своего более старшего и более авторитетного товарища.

В принципе для настоящего Бритоголового внешний вид – это не самое главное. Наиболее важна внутренняя идеология, те мысли, идеи и правила, которым он готов следовать при любых обстоятельствах.

О целях движения далее в «Азбуке...» сказано: «Бритоголовые – это самая деятельная часть белой молодежи, поэтому перед ними стоят определенные цели.

Цели Бритоголовых бывают разные, они могут различаться по степени их ценности, по направленности этих целей (политические, социальные и т. д.). Но в любом случае цель – это то, чего Бритоголовый хочет достичь и чего он всегда достигнет.

Главной целью Бритоголовых во всем мире является СПЛОЧЕНИЕ всех БЕЛЫХ НАЦИЙ для установления справедливого и достойного БЕЛОГО ПОРЯДКА на всем земном шаре.

Главной целью для Европейских Бритоголовых является Возрождение БЕЛОЙ ЕВРОПЫ.

Однако многие цели слишком обширны и трудны для исполнения, на их осуществление могут уйти десятки лет. Поэтому отдельным группам Бритоголовых наиболее оптимальным является сосредоточение на тех целях, которые можно решать в первую очередь. На настоящий момент именно на этих целях и должны сосредоточиться усилия всех русских (славянских) Бритоголовых.

Одной из самых важных целей для Бритоголовых является уменьшение числа нацменов и инородцев на просторах нашей ВЕЛИКОЙ РОДИНЫ.

Другой целью, стоящей перед Русскими Бритоголовыми, является увеличение численности движения, привлечение в него как можно большего количества новичков.

Также важной целью является распространение скинхед-культуры на возможно большее количество Русской молодежи.

Цели скинов распространяются и на разрешение многих других серьезных проблем нашей сегодняшней повседневной действительности».

И общий вывод: черные ведут оккупацию и захват нашей земли, ведут медленно и планомерно. Дом за домом, улица за улицей, район за районом.

Межрасовая борьба уже в самом разгаре!

Черные забирают себе лучшие квартиры, самых красивых девушек, престижную доходную работу. Они стремятся захватить у нас ВСЕ.

Не прекращается геноцид славянских народов. Черные твари стремятся сделать славян своими рабами, ассимилировать и уничтожить как нацию.

Сейчас мы еще можем что-то сделать.

Сегодня лучшим ответом цветному захватчику будут слова:

Это наша Земля

Это наша Страна

Это наш город

Свободных мест – НЕТ!

Иноходец – ты здесь незванный гость!

Хочешь жить – УЕЗЖАЙ!

О причинах появления скинов и о том, как становятся бритоголовыми, один из неизвестных поэтов даже написал такие простые и трогательные стихи:

Этот город твой и твоя страна.

Они здесь – чужие, но ордой воронья

Прибирают к руке и топчут цинично

То, что дорого русским, в том числе тебе лично.

Осознал ты не сразу масштабы вторженья

И ходил между них, не вступая в сраженья.

Ты спокойно глядел в их темные лица

И не думал, что, может, пред тобою убийца.

Но беда вдруг пришла, как обычно – неожиданно,

От соседей узнал, объяснивших пространно,

Что твой друг шел с сестрою – твоею невестой,

Как назло повстречался с кавказским «повесой».

Тот подругу твою оскорбил, друг ударил,

Завязалась меж ними драка без правил,

Но на крики кавказца друзья прибежали.

Друга в морге ни мать, ни отец не узнали.

А невесту твою за чертой городской

Туристы нашли в канаве полуживую,

Хладнокровно ментам рассказав, что случилось,

Она, вскрыв себе вены, с болью жизни простилась.

Ты остался один на один сам с собою,
Но души пустоту ты заполнил войною,
В черном бомбере, гадах и с бритым затылком
Мстишь без тени сомнений, упиваешься риском.

Ты не раз побывал в переделках жестоких
И друзей повстречал, став одним из немногих.
Злоба стала твоим бесконечным уделом.
Знают все, что не зря ты зовёшься скинхэдом.

Целый слой молодежи, находящейся в состоянии психологической и социальной неопределенности, это – общность, в основном неорганизованная, но достаточно концентрированная, чтобы на ее основе могли постоянно возникать одна за одной эфемерные, но в своем роде неистребимые группы. Важно не то, что эти группы политизируются, а то, что их члены проходят в них основательную идейную подготовку. Для национал-патриотов они представляют собой кадровое пополнение. «Омоложение» правого движения свидетельствует о серьезных перспективах национал-патриотизма.

Глава XII

НА ОБЛОМКАХ СВЕРХДЕРЖАВЫ

Разговор о Приднестровье и рабочем движении в постсоветских «государствах», в которых значительную часть занятых в материальном производстве составляют русские (если не по происхождению, то по языку, культуре и менталитету), приводит нас к теме *русско-советского ирредентизма*.

Социокультурная и геополитическая суперэтническая общность – советский народ – сложившаяся на территории Российской империи и СССР и насчитывающая гораздо больше 70 лет, отнюдь не прекратила своего существования 8 декабря 1991 г., когда трое президентов «упразднили» СССР. Как ни парадоксально, но свидетельством движения советского народа к реинтеграции является распад уже состоявшейся или потенциальный почти всех постсоветских «государств». Чечня – в РФ, Крым, Донбасс, Новороссия – на Украине, Приднестровье и Гагаузия – в Молдавии, Нарва – в Эстонии, Даугавпилс и Латгалия – в Латвии, Клайпеда и Подвиленский край – в Литве, Абхазия и Южная Осетия – в Грузии, Карабах – в Азербайджане и т. д. – все это свидетельства государственной несостоятельности практически всех постсоветских режимов, включая и РФ. После роспуска СССР, на его территории появилось вовсе не 15 государств, а два десятка *режимов*. Контролируемые ими территории лучше называть не государствами, а термином времен Гражданской войны – Временные Территориально-Политические Образования (ВТПО). Будущее покажет, смогут ли ВТПО стать настоящими государствами, хотя реальных шансов у них мало. Ни экономические, ни географические, ни этно-демографические данные не сулят ВТПО никаких перспектив.

В тысячелетней стране с единым хозяйственным организмом, общей историей, огромным количеством смешанных браков никакие попытки «самостийничества» не могут быть успешными. Свои реальные чувства советский народ показал на Всесоюзном референдуме 17 марта 1991 г., когда при громадном информационном прессинге сепаратист-

ских и демократических «антиимперских» СМИ больше трех четвертей граждан высказались за Союз.

Хотя сохранить территориально-политическое единство страны не удалось, но разворачивающееся и пока еще не достигшее полной силы ирредентистское движение советского народа в постсоветскую эпоху превращается в один из движущих элементов мировой политики. При этом ирредентизм во всех его проявлениях является специфической частью национал-патриотизма.

Советский ирредентизм разделен на несколько составляющих:

1) *Русское этническое ирредентистское движение*. Учитывая, что 25–30 млн. этнических русских, живущих в ВТПО, где они составляли значительную, а ряде регионов ВТПО и большую часть населения, вдруг оказались «мигрантами», «оккупантами», «иногородцами», нетрудно было предвидеть появление движений, ставящих своей целью присоединение районов компактного проживания русского населения в РФ. При этом русский ирредентизм не является чисто этническим (каковым был итальянский в XIX веке). Он является движением полиэтнического русскоязычного населения. Примерами такого русскоязычного ирредентизма являются Приднестровье, Крым и такие районы потенциального ирредентизма, как Нарва или Северный Казахстан.

2) *Национально-освободительное движение малых народов ВТПО* против угнетения правящих клик «титовых наций». Примерами таких движений является борьба абхазов и южных осетин в Грузии, карабахских армян в Азербайджане, гагаузов в Молдавии, поляков в Литве. Для многих таких малых этносов борьба идет за физическое выживание, а не за демократию, социализм или религиозные учения.

Выступая против правящих режимов ВТПО, малые народы волей-неволей выступают за восстановление Единой Державы, понимая, что только в ней они могут сохранить свое лицо, культуру и добиться хозяйственного процветания. И совершенно понятно становится боевое содружество Гагаузии и Приднестровья, активная поддержка многонационального населения Абхазии русскими казаками и северо-кавказскими горами, заметно участие поляков в борьбе против этнократических режимов в Прибалтике.

3) Наиболее существенной, хотя и наименее заметной, чем предыдущие, частью советской ирреденции является стремление наиболее опытных хозяйственников и трезвомыслящих политиков спасти экономику своих ВТПО путем воссоединения старых хозяйственных связей в масштабах прежнего единого народнохозяйственного комплекса СССР.

Осознание невозможности вступления в «Европу» или в «западную цивилизацию» и необходимости вторичной экономической интеграции постепенно овладевает населением всех ВТПО, что нашло свое

отражение в возвращении к власти многих прежних партхозноменклатурных лидеров советской эпохи. Ирредентизм является мощным фактором в политической жизни каждого ВТПО, хотя повсюду имеет разную особенность, вызванную местными условиями.

Народные войны за империю

Ставшие независимыми против собственной воли, многие народы прежней сверхдержавы не могли не организовать сопротивление за возрождение державы. В начале 90-х гг., в условиях подъема национально – патриотического движения в РФ, аналогичным образом ирредентистское движение развернулось по всем регионам прежнего СССР. В двух регионах – Приднестровье и Абхазии, такое движение завершилось местным успехом. В Прибалтике, несмотря на серьезный потенциал, подобное движение не привело к успеху.

О Приднестровье уже неоднократно говорилось на страницах этой книги. Напомню только некоторые факты из жизни этой республики, оказавшей влияние на национально-патриотическое движение в России. Под Приднестровьем подразумевается узкая полоса левого берега Днестра с центром в Тирасполе. Здесь проживает около 700 тысяч жителей, в основном потомков суворовских солдат, запорожских казаков и молдавских «волонтиров» (так назывались молдаване, сражавшиеся в рядах русской армии во время русско-турецких войн XVIII–XIX вв.). В 1995 году в Приднестровье проживало, по данным Госкомстата республики, 696 тысяч человек, из них 233,5 тысячи (33,5%) молдаван, 200,8 тысяч русских (28,8%). Остальные – украинцы и некоторые балканские этносы, в основном русскоязычные. На территорию Приднестровья приходилось около трети промышленного потенциала Молдавской ССР. Большая часть территории Приднестровья (кроме города Бендеры) всегда была частью России, в то время как основная часть Молдавии (Бессарабия) входила в 1918–1940 гг. в состав Румынии. После жаркого лета 1989 года, когда Молдавию захлестнули «лингвистические» конфликты, в ответ на суверенизацию Молдавии, левобережные районы начали свою суверенизацию. 2 сентября 1990 года была провозглашена Приднестровская Молдавская Советская Социалистическая республика, пока еще в рамках Молдавской ССР. Впрочем, было ясно, что попытка молдавских властей к отделению от СССР вызовет соответствующую реакцию от просоветски настроенного населения Приднестровья. Тем не менее, власти Молдавии пошли на это, созна-

вая, что без приднестровского экономического потенциала Молдавия представляет собой в хозяйственном смысле кукурузное поле. Идея присоединения Молдавии к Румынии, которую отстаивали некоторые молдавские политические партии, пришедшие к власти в Кишиневе, не вызвала никакого энтузиазма самих молдаван, с опаской смотревших на «Эфиопию Европы», то есть Румынию. Но у приднестровцев эта идея только усилила антикишиневские настроения. Не случайно своих противников приднестровцы стали называть «румынами», независимо от их происхождения. Зато слово «молдаванин» на левом берегу Днестра звучало гордо и почетно. Так стали называть тех молдаван, которые поддерживали приднестровское движение. Многие этнические молдаване составили руководство Приднестровской республики. Человек № 2 республики был Григорий Маракуца, воинскими частями приднестровцев командовал Степан Кицак.

Попытки официального Кишинева усмирить мятежный регион силой вызвали вооруженные столкновения. Уже в ноябре 1990 года в Дубоссарах произошло вооруженное столкновение, в котором приднестровская сторона потеряла трех человек погибшими. Все они были молдаванами, что только усилило раскол Молдавской республики. Наконец, уже после провозглашения распада СССР, весной 1992 года началась масштабная война. На помощь приднестровцам стали прибывать добровольцы (в основном казаки) со всего прежнего СССР. На стороне кишиневских властей воевали румыны и боевики из Прибалтики. 19–21 июня в Бендерах дело дошло до кровопролитного сражения. Исход войны решил переход на сторону Приднестровья расквартированной здесь 14-й армии советских вооруженных сил. В ходе военных действий в Приднестровье со стороны приднестровцев и казаков погибло около 500 человек (молдавская сторона так и не объявила о потерях). Летом 1992 года начались переговоры, которые вяло продолжаются до сих пор, так и не определив статус Приднестровья.

Следует заметить, что во время войны 1992 года, и позднее приднестровские лидеры рассчитывали на победу национально-патриотических сил в самой России. В таком случае Приднестровье немедленно присоединилось бы к России. Но после победы ельцинизма осенью 1993 года и затягивания российского кризиса приднестровским властям пришлось задуматься о выживании республики. В результате Приднестровье превратилось в экономически депрессивный регион, живущий в основном за счет денежных переводов своих граждан, работающих в РФ. Вряд ли утешением для приднестровцев будет то обстоятельство, что в самой Молдавии ситуация еще хуже – треть населения выехала на заработки, уровень жизни оказался самым низким в Европе. Тем не

менее, при всех экономических трудностях, Приднестровье остается надежным форпостом России в регионе.

В Абхазии главную роль в движении за сохранение единого государства СССР играло национально-освободительное движение абхазского народа. Будучи нацменьшинством в собственной республике, (насчитывая лишь 17% всего населения Абхазской АССР в 1989 году), испытывая давление со стороны воинственного грузинского национализма, абхазское движение было подчеркнуто просоветским. Все политические требования абхазов сводились к расширению полномочий республики, с переводом ее на статус союзной республики в составе всего Советского Союза, а не ограниченной автономии в Грузии. Во время горбачевской перестройки, летом 1988 года, группа абхазских интеллигентов направила в президиум предстоящей XIX партконференции КПСС письма «О подчинении Абхазии центральным органам власти». Подобные требования отстаивал возникший вскоре Абхазский Народный Форум «Айдгылар» («Единение»). Наконец, 18 марта 1989 года, собравшись в селе Лыхны, где когда-то абхазы приняли решение присоединиться к России, 30 тысяч абхазов, собравшихся на митинг, приняли обращение к Верховному Совету СССР с просьбой о восстановлении Абхазией статуса 1921 года, то есть статуса союзной республики. Все это вызвало нервную реакцию в Грузии, где в это время к власти приблизились сепаратисты. Именно реакция на абхазский сход в Лыхнах вызвал многодневный митинг в Тбилиси, который и был разогнан войсками 9 апреля 1989 года, причем имелись погибшие и раненые. Зато теперь грузинские националисты сделали 9 апреля своим праздником.

В дальнейшем грузинские власти пытались установить свой контроль над мятежным регионом. Но в поддержку абхазов выступили также и проживающие в республике русские, армяне, греки и другие народности. Именно благодаря этому абхазское меньшинство могло не поддаваться давлению Тбилиси. 25 августа 1990 года Верховный Совет Абхазии, в пику властям Грузии, принял Декларацию суверенитета. После августа 1991 года Абхазия продолжала оставаться своего рода освобожденной территорией ССР.

Грузинские власти, естественно, не собирались терпеть фактическую независимость Абхазии, тем более вызывающее проимперское поведение лидеров республики. Как только после «новогодней» гражданской войны 1991–92 гг. к власти в Грузии пришел бывший первый секретарь Грузинской ССР и министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе, один из самых одиозных деятелей «перестройки», война стала неизбежной.

14 августа 1992 года бандформирования, пышно называемые грузинской армией, вторглись в Абхазию. Шеварднадзе явно надеялся

на блицкриг, но операция, претенциозно названная «Меч», сразу же превратилась в кровавую войну. Абхазы почти поголовно отправились сражаться с внешним врагом. Плечом к плечу с ними выступили и представители всех народов, живущих в республике, кроме, разумеется, грузин. В составе республиканской армии сражался Славянский батальон (Славбат), армянский батальон имени маршала Баграмяна. Шахтерский город Ткварчал, большинство жителей которого были русские, целый год оборонялся в осаде, но так и не был взят грузинами. На помощь маленькому народу, подвергнувшемуся агрессии, пришли добровольцы из России. Среди них были северокавказские горцы, родственные абхазам, чеченцы (батальоном которых командовал будущий террорист Ш. Басаев) и русские казаки. Среди русских добровольцев сражался и погиб 25-летний поэт Александр Бардодым, надежда русской поэзии. Сражался в Абхазии и сын известного актера Луспекаева. Побывал на войне и Эдуард Лимонов.

Эту войну абхазы называли своей Отечественной войной. В качестве награды за ратные подвиги правительство Абхазии ввело звание Героя. Интересно, что среди Героев были и русские, например, 25-летний Александр Жук, командир батальона быстрого реагирования «Сава», погибший в бою. Абхазские лидеры не скрывали, что основные свои надежды возлагают на приход к власти в России национального правительства. Депутат Верховного совета Абхазии Зураб Ачба прямо говорил в интервью газете «День»: «Пора понять, что Абхазия – это Россия»*. В этом смысле Шеварднадзе, при всей своей лживости, был прав, говоря на заседании грузинского парламента: «... в Абхазии с Грузией ведет войну красно-коричневая армия имперского реванша, теперь угрожающая и России смещением законной власти, реставрацией тоталитарной системы»**.

Война закончилась триумфальной победой абхазских вооруженных сил взятием Сухума и изгнанием грузинских формирований за пределы республики 30 сентября 1993 года. Сам Шеварднадзе был вывезен из Сухума российскими военными по личному приказу Ельцина. Увы, вместе с бандформированиями и самим Шеварднадзе из республики бежала и значительная часть мирного грузинского населения Абхазии.

Впрочем, как раз к моменту победы Абхазии поражением завершилось противостояние в Москве. Абхазия стала, подобно Приднестровью, независимой республикой почти поневоле. Ельцинская РФ вместе с Грузией начала блокаду непризнанной, но победоносной Абхазии. В результате Абхазия оказалась в состоянии жестоко-

* День, 1992, № 48, с. 2.

** Червонная С. М. Абхазия – 1992: посткоммунистическая Вандея. М., 1993, с. 119.

го экономического кризиса, впрочем, по сравнению с самой Грузией она может показаться процветающей страной. О политической ориентации Абхазии свидетельствует такой факт, что более 90% жителей республики, включая президента, являются гражданами Российской Федерации. Еще в марте 1993 года, в разгар войны, в период ОПУСа, когда победа патриотов в России казалась возможной, Верховный Совет Абхазии обратился к Верховному Совету РФ с «настоятельной просьбой вернуть республику Абхазию в состав либо под покровительство России». После победы, несмотря на начавшуюся блокаду со стороны РФ, на состоявшемся 16 апреля 1995 года на сходе абхазского народа в Сухуме, посвященном 185-й годовщине присоединения Абхазии к России, было принято обращение к правительству России о вхождении Абхазии в состав РФ. Вот она – воля народа, о которой так много говорят демократы и которой вот уже полтора десятилетия не дают проявиться в Абхазии.

Белорусский феномен

Помимо Приднестровья и Абхазии крупной победой ирредентизма стала победа на президентских выборах в *Белоруссии* летом 1994 г. Александра Лукашенко. Решающую роль в выборе избирателей сыграло то, что 40-летний директор совхоза на Витебщине А. Г. Лукашенко был известен как единственный из депутатов Верховного Совета Белоруссии, проголосовавший против ратификации Беловежских соглашений, и как борец с коррупцией, возглавлявший соответствующий комитет парламента республики. Воссоединение с Россией и борьба против криминала – такая программа уже заключалась в биографии молодого кандидата, не имевшего сколько-нибудь серьезных финансовых возможностей, но получившего большинство голосов.

10 июля 1994 года Лукашенко стал президентом. С первых дней власти президент неустанно боролся за выполнение своих обещаний (единственным из всех постсоветских президентов эпохи демократии!). В мае 1995 г. в республике состоялся референдум, на котором белорусы одобрили предложения президента о восстановлении (с небольшими изменениями) советской белорусской символики, о введении русского языка в качестве второго государственного и об усилении интеграции с Россией. 2 апреля 1996 г. был подписан Договор о создании Сообщества России и Белоруссии. Наконец, 25 декабря 1998 г. была подписана Декларация о дальнейшем единстве двух русских государств.

Фактически президент предложил белорусам покончить с самостийностью и присоединиться к России. Инициатива президента получила поддержку более 80% граждан республики. Но в ельцинской РФ, естественно, такое стремление вызвало страх – ведь не для этого крушили Советский Союз, чтобы эта сверхдержава возродилась под другим названием. И вот уже более 13 лет российские СМИ ведут грязную пропагандистскую кампанию против белорусского президента. Если Кремль и предпринимал какие-либо шаги, внешне напоминающие сближение с Белоруссией, то это все носило чисто пропагандистский характер, вызванный обстоятельствами внутрироссийской политической борьбы.

Однако одно уже провозглашение создания российско-белорусского союза вызвало энтузиазм у многих бывших советских народов, погрузившихся в трясины «независимости». Так, в Армении свою подпись за предложение о проведении референдума о присоединении Армении к Российско-Белорусскому союзу поставили 1 млн. 250 тысяч человек – 89% всех избирателей!

Феномен Лукашенко объясняется особенностями национального сознания белорусов, считающих себя, вместе с великороссами, единой сверхнацией (или суперэтнсом), что не мешает гордости за свое белорусское происхождение. Не меньшее значение имеют также социальные причины в этом феномене. Когда началась перестройка, перерастая затем в «радикальные реформы», в Белоруссии оказалась весьма малочисленной социальная база реформаторов, учитывая незначительность местной коррумпированной партократии, криминалитета и «коренизированной» республиканской интеллигенции. Во многом это объяснялось политическим наследием Петра Машерова, правившего республикой в 1965–80 гг. Машеров вел упорную борьбу против коррупции, и выступал против всякой «коренизации». По своим взглядам Машеров был русским национал-патриотом, одним из видных деятелей «Русской партии» внутри КПСС. Белоруссия не знала никакого белорусского национализма и даже Народный Фронт был создан в Вильнюсе при финансовой и организационной помощи литовского «Саюдиса».

В августе 1991 г. Белоруссия стала независимым государством против воли большинства своих граждан. Экономический кризис, преступность и пр. стороны постсоветской жизни не прибавили популярности белорусской независимости. И в этих условиях победа Лукашенко была вполне естественна.

Курс президента на союзе с РФ пользуется поддержкой в народе, о чем свидетельствует отсутствие серьезной политической оппозиции. Даже на антипрезидентских демонстрациях в Минске, которые с завидным постоянством устраиваются с 1997 г., среди арестованных манифес-

тантов оказалось на удивление много литовских саюдистов, западноукраинских самостийников и даже поляков из «Солидарности». Похоже, белорусские западники испытывают нехватку национальных кадров.

Белорусский режим носит авторитарный характер, но деятельность оппозиции, ее партий (в том числе и местной коммунистической, резко выступающей против президента), а также прессы не запрещена, полномочия президента Белоруссии не столь всеобъемлющи, как у его коллеги в РФ.

Экономика республики носит многоукладный характер, поощряется частная инициатива и иностранные инвестиции, с одобрения трудового коллектива может проводиться приватизация, хотя командные высоты в экономике остаются у государства. «Белорусская модель» экономики вызывает живой интерес не только у российских национал-патриотов, но и у хозяйственников всего СНГ как пример самой эффективной на всем постсоветском пространстве экономики. При этом левые в Белоруссии и России критикуют Лукашенко за «капитализм» в экономике. Определенно, «красные» в обеих республиках, поддерживая интеграцию, отрицают всю внутреннюю политику президента Белоруссии.

Сам А. Г. Лукашенко для русских правых является одним из самых популярных деятелей. Уже в 1996 г. в РФ создавались комитеты по выдвижению Лукашенко в президенты России. Характерно, что многие политологи вполне допускают возможность демократического избрания А. Г. Лукашенко президентом Российско-Белорусского союзного государства. Пока же белорусский президент остается мотором русского ирредентизма и политиком, чье значение выходит далеко за пределы собственной республики.

Украина: несостоявшаяся нация, несостоявшееся государство

Украина имеет ключевое значение для ирреденции. Здесь важен не только потенциал республики с 50-миллионным населением и с территорией, превышающей Францию, но и чисто психологический фактор: если Великая и Малая Русь объединятся, то восстановление сверхдержавы неизбежно, если они обе останутся врозь, то ни одна из них уже не будет мировой державой и каждая потеряет часть своей территории. Вот как откровенно пишет известный американский геостратег Збигнев Бжезинский: «Украина... является геополитическим центром, потому, что само ее существование как независимого государства по-

могает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей. Без Украины Россия все еще может побороться за имперский статус, но тогда она стала бы в основном азиатским имперским государством и скорее всего была бы втянута в изнуряющие конфликты с поднимающей голову Средней Азией... Однако, если Москва вернет себе контроль над Украиной с ее 52-миллионным населением и крупными ресурсами, а также выходом к Черному морю, то Россия автоматически вновь получит средства превратится в мощное имперское государство, раскинувшееся в Европе и Азии»*.

Вывод Бжезинского прост: надо не дать Украине вновь воссоединиться с Россией, чтобы Россия не стала мощным имперским государством. Все силы западных хозяев украинских самостийников направлены на это. При этом, в отличие от Белоруссии, на Украине сильны националистические «самостийнические» настроения, которые в ряде регионов республики имеют всеобщую поддержку населения.

Но тем не менее считать украинскую «незалежность» устоявшейся и необратимой нет оснований. Многие социологические опросы показывают, что до половины всех жителей Украины (а в Донбассе и Крыму – подавляющее большинство) отрицательно относятся к государственной независимости Украины** и склонны считать себя гражданами СССР, СНГ или пока не существующей общности двух Русских государств. Так, по данным репрезентативного социологического опроса, на юге и востоке Украины в июле 1994 г. лишь 21% опрошенных считал позитивным фактором украинскую независимость. По данным Киевского международного института социологии, за объединение России и Украины в одно государство в конце 1994 года высказывались 33,5% опрошенных, за сосуществование в виде конфедерации с открытыми границами – 49,1%, и только 14,7% за раздельное существование обоих государств с закрытыми границами и таможенями***. Уже такое настроение граждан делает потенциально реальным аншлюс Украины любым российским правительством, желающим это сделать. На сегодня самостийники могут предъявить лишь один довод в пользу незалежности: зато наши мальчики не гибнут в Чечне!

Особенностью Украины является то, что великороссов и малороссов (украинцев) вообще невозможно считать отдельными этносами. Украинцы, живущие в России, и русские на Украине не чувствуют и не считают себя диаспорами и нацменьшинствами. Кубанские казаки, прямые потомки запорожцев, отличаются весь XX век истиннорусскими

* Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1999, с. 61–62.

** Этнические и региональные конфликты в Евразии. Кн. 2, М., 1997. С. 201.

*** Здравомыслов А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997, с. 55–56.

настроениями. Значительное число столыпинских переселенцев в Сибирь дали именно губернии, расположенные на современной Украине. И в наши дни значительную часть населения Алтайского края, Новосибирской, Омской, Амурской областей, Приморского края составляют потомки полтавских, черниговских и харьковских переселенцев. По данным статистики, в РФ проживает свыше 4 млн. граждан украинского происхождения, около 1 млн. – в Казахстане, свыше 600 тыс. – в Молдавии, 200 тыс. – в Прибалтике и т. д. Практически каждая семья на Украине имеет родственников в России и СНГ.

При этом на самой Украине проживает 12 млн. человек, относящих себя к русским (великороссам). Все это делает всякое «национальное строительство» на Украине весьма проблематичным.

Правда, главным фактором национализма и сепаратизма на Украине является проблема Западной Украины. Западноукраинский национализм имеет мощную идеологическую опору в лице украинской греко-римской церкви и исторической традиции 600-летнего отдельного существования Галиции вне России. В независимой Украине именно «западенцы» составляют значительную часть властвующей элиты, что вызывает острое недовольство восточных и южных жителей Украины, в том числе относящих себя к украинцам (не случайно премьер-министр Крыма Анатолий Франчук говорил, что вся Украина является колонией Львовской области).

Много было сказано о том, что между западной и восточной частями Украины различия в религиозных, языковых, культурных и политических ориентациях носят принципиальный характер. Такого противопоставления друг другу жителей разных регионов одной страны, пожалуй, не найти в истории. Разве что юг и север США 140 лет тому назад противостояли друг другу столь же серьезно, но и тогда население обеих частей Америки говорило на одном языке и исповедовало преимущественно одну религию. На Украине запад и восток говорят на разных языках в самом буквальном смысле слова. «Западенцы» исповедуют так называемую греко-римскую («униатскую») религию, такую же искусственную и нелепую, как сам украинский национализм. Впрочем, поскольку большинство жителей Украины, при всех многовековых преследованиях Православия, сохранили веру предков, самостийникам пришлось снова изобрести украинскую «автокефальную» церковь. Разумеется, к истинному Православию автокефалистские самосвяты никакого отношения не имеют.

Все украинские выборы наглядно показали географическое наличие двух украин. Злоязычные журналисты в 2004 году даже придумали названия Юкраина (для той части республики, что проголосовала за Ющенко), и Якраина (где преобладают сторонники Януковича).

Однако Украина расколота не на две, а на гораздо большее количество частей.

Так, северо-восточная часть Украины носит название Слобожанщины. В XVII веке многие беглые православные из находившихся под польской властью земель бежали в пределы Московского царства. На Великой Руси таких беженцев называли черкасами (поскольку крайним городом на Днепре, откуда вел самый краткий путь в Запорожскую Сечь и в Великороссию, были Черкассы). Русские цари предоставляли черкасам для поселения земли Дикого Поля, освободив их от крепостной зависимости, но обязав распахать степи и нести военную службу. По своему статусу и быту черкасские слободы (освобожденные от подати и тягла поселения) напоминали поселения казаков, с той лишь принципиальной разницей, что слобожане оставались государевыми людьми. Заселенные черкасами земли получили название Слободской Украины или Слобожанщины. Ныне территорию Слобожанщины занимают Харьковская, Сумская и часть Донецкой областей. Жители прежней Слободской Украины в основном считают себя украинцами, в деревнях говорят на суржике (смеси русской речи и украинской мовы), но настроены пророссийски.

Наиболее вольнолюбивые малороссы укрывались за Днепровскими порогами, создав славную Запорожскую Сечь. Под руководством Богдана Хмельницкого запорожцы сражались за воссоединение всех русских земель. Воссоединена была только часть украинских русских земель на левом берегу Днепра. Здесь возникло своеобразное автономное казачье государство во главе с пожизненным гетманом, просуществовавшее с 1654 по 1764 г. В Гетманской Украине отсутствовало крепостничество, высок был уровень грамотности, неслучайно так много образованных малороссов внесли вклад в русскую культуру XVIII–XIX веков. При Екатерине II гетманщина была ликвидирована, на всей Левобережной Украине установлено крепостное право, но традиции вольной жизни сохранились. Именно на левом берегу Днепра сложились наиболее яркие индивидуальные черты украинского быта. Но и вместе с тем самостийничество остается не в почете у потомков казаков Хмельницкого.

При Екатерине II Россия твердой ногой встала на Черном море. Покоренные суворовскими чудо-богатырями причерноморские земли составили Новороссию. Заселялась Новороссия переселенцами со всей Российской империи, иностранными колонистами, «задунайскими переселенцами» (балканскими христианами, бежавшими от турецкого ига). Ныне здесь расположены Одесская, Николаевская, Херсонская области, части Днепропетровской и Запорожской областей, и Крым. Составляя юг республики, причерноморские области в культурном и политическом плане не считают себя украинскими. Большинство местных жи-

телей говорит на несколько неправильном русском языке и достаточно презрительно относится к украинству.

В наши дни Крым, присоединенный к Украинской ССР только в 1954 году, превратился в самостоятельный субъект политики. Подавляющее большинство крымчан отрицательно относится к самому факту пребывания в составе Украины. Несколько референдумов, проведенных в 90-е гг., продемонстрировали стремление жителей полуострова присоединиться к России. В качестве опоры самостийничества украинские власти вернули в Крым татар, депортированных в 1944 году за сотрудничество с фашистскими захватчиками, на историческую родину тюркских народов – казахстанские степи. Впрочем, в голову украинского самостийника не укладывается простая мысль – то, что плохо русским, совершенно не обязательно хорошо для украинцев. Татары при поддержке Турции втихоря создают в Крыму новую Ичкерия. Если на парламентских выборах 90-х гг. татары голосовали за Рух – партию наиболее злобных самостийников, (вот каковы борцы за вильну Украину!), то теперь они все громче заявляют о намерении воссоздать Крымское ханство. Ясно, что в ближайшей исторической перспективе Крым будет или турецким, или русским, но не украинским.

В начале XX века сложился еще один регион, ныне во многом определяющий политическую жизнь республики. Это – Донецкий угольный бассейн, более известный под аббревиатурой Донбасс. Один из индустриальных центров империи, а затем и СССР, Донбасс стал украинским лишь в 20-х гг. Его присоединение к Украинской ССР обосновывалось необходимостью приобретения аграрной республикой промышленного региона с большевистски настроенным рабочим классом. В целом жители Донбасса отличались наиболее просоветскими взглядами, относя себя к СССР в целом, а не к одной из советских республик. В незалежной Украине Донбасс переживал жестокий экономический кризис и массовое обнищание населения, несмотря на то, что обеспечивал большую часть промышленного производства республики. Неудивительно, что даже нажившаяся на приватизации донецкая элита требует себе соответствующей доли власти в республике, а те, кого принято называть «широкими массами», настроены на объединение с Россией почти поголовно. В начале нового века в число влиятельных политиков Украины выдвинулся губернатор Донецкой области Виктор Янукович, ставший в дальнейшем премьер-министром. Таковы те регионы, называемые общим не столько географическим, сколько политическим термином Восточная Украина. Но противостоящая ей Западная Украина также не едина.

На правом берегу Днепра польское господство сохранялось вплоть до разделов Польши в 1793 и 1795 гг. Впрочем, даже после при-

соединения к Российской империи Правобережной Украиной правили польские помещики, городское население в значительной степени состояло из евреев. Большинство интеллигенции было поляками или ополяченными украинцами. Именно польские паны и стояли у истоков зарождения украинского самостийничества. В целом Правобережная Украина была и остается сельскохозяйственным регионом. Большинство населения этого региона, включающего в себя Киевскую, Черкасскую, Житомирскую, Винницкую, Хмельницкую области, считают себя украинцами, но не отличаются особенной русофобией. Не случайно центральная Украина колебалась в своих политических предпочтениях на всех парламентских и президентских выборах, начиная с 1991 года. Именно центральная Украина и представляет собой ту не определившуюся массу избирателей, наиболее подверженную перепадам в настроении, а также и наиболее поддающуюся манипулированию.

Особняком стоит столица – Киев. Город остается русскоязычным, однако он одновременно наиболее продажная часть Украины. Именно в Киеве делаются большие деньги. На независимости киевляне весьма разбогатели. Киев в постсоветские времена превратился в самостийный вариант лужковской Москвы. И не случайно, что именно в этом городе, где почти никто не говорит чисто по-украински, самостийники имеют серьезную поддержку. Кадров для «оранжевой революции» в Киеве было достаточно.

Когда говорят о Западной Украине, чаще всего имеют в виду Галицию. В самом деле, нигде нет такой патологической русофобии и дикого самостийничества, как здесь. Можно, конечно, иронизировать по поводу того, что только в 1904 году галичане официально стали украинцами, а до этого они называли себя русинами, или руськими (именно так, с одним «с»). Львов, признанный центр украинского национализма, до 1944 года был польско-еврейским по населению, языку и культуре городом. То обстоятельство, что земля древнего Галицкого княжества шесть веков, вплоть до 1939 года была отрезана от основной части русского народа, а также вызванное этим господство униатской церкви, создали из Галиции особый регион. Русофобия является едва ли не единственной основой украинского национализма, а униатская Галиция представляет собой единственный край на Украине, где национализм имеет массовую поддержку. Зато практически во всех других регионах республики к галичанам относятся весьма холодно, чтоб не сказать враждебно.

Кстати, нет на Украине более западного географически региона, чем Закарпатье. Однако закарпатцы не считают себя украинцами, сохранив самоназвание русины (иногда употребляется более тяжеловесный термин карпатороссы). У русин существует свой литературный язык, отличающийся от русской речи и украинской мовы. Закарпатцы крити-

чески оценивают украинство, хотя и не проявляют таких пророссийских симпатий, как жители Донбасса.

Наконец, есть и еще один регион Украины – Буковина, который включает в себя одну Черновицкую область. Большинство верующих буковинцев – православные, самостийничество здесь отнюдь не преобладает, хотя в целом Буковина считается «жовто-блакитной» областью.

Такова Украина по регионам. После этого правомерен вопрос – может ли относительно долго существовать в таких границах такое государство? Имеет ли Украина будущее как государство?

Регионализм является самой главной чертой политической жизни Украины. При том, что согласно конституции Украина – унитарное государство, регионализм на Украине является более серьезной проблемой, чем партикуляризм в Германии или Канаде. Речь идет не просто о сепаратистских настроениях в ряде регионов, а о полной противоположности взглядов буквально по всем проблемам жителей различных городов и областей республики, многие из которых открыто противопоставляют себя друг другу. Заметим, что при этом регионализм на Украине лишь в отдельных случаях носит характер этнического сепаратизма (венгерский – в Закарпатье или румынский в Буковине).

Многие политики Украины выступают с идеей федерализации республики. Но, несмотря на популярность этой идеи, Украина остается унитарной, что не способствует ее внутренней сплоченности.

В довершение всего, украинский национализм никогда не владел помыслами большей части украинцев. «Великие предтечи» самостийности Мазепа, Петлюра, Бандера и пр. были предателями-одиночками, вся «национальная идея» которых сводилась лишь к отделению Украины от России и присоединению ее то ли к Швеции, то ли к Польше, то ли к Германии. Ущербность украинского национализма придала ему ярко выраженную форму патологической русофобии, поскольку за отсутствием другого украинским националистам приходится доказывать свое «украинство» исключительно борьбой с «москалями». Недаром говорится, что украинский национализм – или болезнь или профессия.

Единственное, что могут привести в оправдание апологеты «самостийничества», являются итоги референдума о независимости Украины 1 декабря 1991 г. Но и здесь есть проблемы для «самостийников»: В Акте провозглашения независимости Украины 24 августа 1991 г. ничего не говорилось о разрыве с СССР (а с точки зрения конституций СССР и УССР Украина и так считалась независимым государством и даже имела представительство в ООН). При обсуждении вопроса о проведении референдума о независимости председательствующий на сессии Верховного Совета Украины Леонид Кравчук (ставший позднее первым президентом республики) отверг предложение включить в бюллетень

для голосования вопрос: «Вы за участие независимой Украины в Союзе Суверенных Государств?»* Одновременно с общеукраинским референдумом проходил ряд областных референдумов (в частности, в Закарпатье, где 78% жителей высказались за областную автономию), результаты которых были проигнорированы официальным Киевом.

Но главным показателем *реального* отношения населения Украины к «самостийникам» были итоги проходивших одновременно с референдумом первых президентских выборов, на которых ярый националист В. Черновил проиграл Л. М. Кравчуку, выступавшему с умеренных позиций и получившему полную поддержку избирателей юга и востока.

Став президентом, Л. М. Кравчук быстро стал одним из гетманов-предателей, пошел на массированное внедрение украинского языка, показательную конфронтацию с Россией и пр. Результат сказался на итогах следующих выборов президента в 1994 г., когда для Кравчука зеркально повторилась ситуация 1991 г., когда весь запад Украины голосовал за него, а юг и восток – за Леонида Кучму, который и стал президентом.

Увы, Кучма полностью повторил путь Кравчука, забыв про обещание сделать русский вторым государственным и усилить интеграцию с РФ. Он продолжал украинизацию, вел антирусскую политику, воровал российский газ. Ориентируясь на Запад, Кучма отправил 1600 украинских солдат в Ирак. Антирусская позиция Кучмы вполне устраивала Запад. Поэтому Кучме сходило с рук все – и безбрежная коррупция, когда премьер П. Лазаренко украл 4 миллиарда (!) долларов, и когда президент Национального банка В. Ющенко (ставший в результате «революции» президентом в 2004 году) обворовал украинцев на 1 миллиард гривен, по-гайдаровски лишив их сбережений. Кучме было позволено продавать оружие антизападным диктаторским режимам и даже сбивать гражданские израильские самолеты. Задачей украинского национализма и тем более его хозяев было создание барьера против России, а судьба украинского народа вообще не играла роли. За годы «незалежности» Украина скатилась до африканского уровня развития. Появился термин «украинизация», обозначающий полнейший коллапс экономики. По доходу на душу населения Украина, согласно даже значительно преувеличенным официальным данным, уступает Алжиру. На Всемирном Экономическом Форуме 1997 года по рейтингу конкурентоспособности 53 стран Европы Украина заняла... 52-е место. После нее шла только Албания. Демографический кризис на Украине превзошел российский. По данным Нины Карпачевой, уполномоченного по правам человека в Верховной Раде (парламенте) Украины, население респуб-

* Масол В. А. Упущенный шанс. Киев, 1993. С. 63, 76.

ки за годы «свободы» только в результате превышения смертности над рождаемостью уменьшилось на 4 миллиона человек. Примерно 7 миллионов граждан Украины работают за рубежом, в основном в России*. Таким образом, украинский гимн «Ще вмерла Украина» носит теперь издевательский характер.

Впрочем, экономический и социальный кризис вызван во многом тем, что властвующая украинская «элита», состоящая сплошь из бывших партократов, превратившихся в «свидомых украинцев», помимо воровства занята только тем, чем были заняты все украинские «диячи» за полтора века самостийничества, а именно изобретением украинского языка и истории. С невероятным упорством русский язык, который является родным для трети граждан республики, которым в быту пользуются свыше 2/3 населения и которым владеет 100% всех украинцев, пытаются заменить на суррогатную «украинскую мову». При этом саму «мову» без конца чистят, убирая все слова, похожие на русские. Периодически украинцев извещают, как теперь должны звучать «чисто по-украински» те или иные слова. Теперь уже микробы превращены в «дробянки», термометр стал «тепломиром». Не менее восхищают новые украинские медицинские термины. Так, зуд теперь именуется «сверблячкой», рвота – «блювання», гинеколог – то ли «жиночознавець», то ли «бабыч» (кажется, сами свидомые медики еще не договорились). Кстати, не надо думать, что самостийники заменяют интернациональную лексику на славянскую. Вертолет, который был еще не давно «вертолитом», переименован в «гелиокоптер», карта на англосаксонский манер именуется «мапой». Между тем неугомонные самостийники пытаются ввести такие технические термины, как позаимствованное из языка украинской диаспоры в Канаде, слово «выпердовая труба» для обозначения выхлопной трубы. Ни один русский великодержавный шовинист не смог придумать такой пародии.

Одновременно украинизаторы продолжают сочинять историю. В 90-х гг. на деньги Сороса на Украине было издано 90 учебных пособий. Из соросовских учебников истории дети узнают о четырех «русско-украинских войнах!». Впрочем, из украинских учебников и популярных книг по истории можно узнать много любопытного. Оказывается, «в Украину» приезжали еще древние греки, на которых большое впечатление производила «украинская культура», мазепинец Пилип Орлик создал «первую в мире» конституцию, голод 1932–33 гг. был специально организован Москвой, чтобы «подавить волю украинцев к независимости», повстанческая армия Степана Бандеры в 1943–44 гг. «освободила от немцев большинство городов Украины» (правда, названий ни одного из этих городов не сообщается), и даже Крым был присоединен к Укра-

* Газ. «Советская Россия», 19.09.2002, № 106 (12 302).

инской ССР исключительно для того, чтобы возложить на несчастных украинцев ответственность за выселение крымских татар.

Это все пишется в учебниках, претендующих на научность. Зато в жанре «фэнтези», невероятно популярном на всем «постсоветском пространстве», фантазию авторов уже ничто не ограничивает. Понятно, что именно украинцы были теми «пеласгами», которые создали греческую культуру, украинцы осаждали Трои, и вообще, слово «Украина» означает окраину Европы (как видим, древние украинцы уже знали, что в XVIII веке географы объявят Уральские горы границей между Европой и Азией, и таким образом, Украина действительно станет окраиной Европы).

Пытаются самостийники, как и в прежние времена, подорвать православие, которое продолжает духовно объединять жителей Великой и Малой Руси. Несмотря на создание украинской автокефальной церкви, создание приходов Зарубежной Церкви, поощрение всякого рода сектантов, создание особо благоприятных условий для пропаганды униатов, большинство верующих (35 миллионов человек) остаются верными Московскому Патриархату. Впрочем, как могут думать искренне верующие люди, когда в самосвятской украинской церкви они читают жития святых «Параски», «Хиври», а на иконе Богородицы, вместо привычной надписи «Радуйся, невеста невестная», читают «Радий, дивка незасватана!»?

Экономическая и социальная реальность Украины не способствует росту «украинского самосознания». В сборнике статей, вызывающе названном «Апология Украины», самостийник Мыкола Рябчук подсчитал, что через десять лет после провозглашения «незалежности» лишь 30% украинцев – «национально свідомые», еще 10% – русские (независимо от происхождения), отрицательно относящиеся к независимости и желающие присоединения Украины к России, 60% – «местные» с неопределенной идентичностью, считающие себя одновременно украинцами, русскими и крымчанами (или харьковчанами, или одесситами)*. Вспомним, что в начале XX века «свідомых украинцев», по признанию Д. Дорошенко, было несколько тысяч. В 20-х гг. В. Липинский подсчитывал, что «свідомые украинцы» составляют 1% жителей только что созданной советской Украинской республики. Таким образом, за годы советской власти и первое постсоветское десятилетие число «свідомых» увеличилось в 30 раз, но все равно их меньше трети граждан Украины.

Все это означает только одно – Украина не состоялась ни как нация, ни как государство.

Весьма показательно, что самые радикальные украинские националисты, составившие организацию УНА – УНСО (Украинская Нацио-

* Апология Украины, М., 2002, с. 124–125.

нальная Ассамблея – Украинская Народная Самооборона), хотя и имели некоторую популярность в начале 90-х гг., в дальнейшем раскололись и сошли со сцены. Единственное, в чем преуспела УНА – УНСО, это лишь в поставке пушечного мяса антирусским боевикам. Справедливости ради надо сказать, что первоначально члены УНА – УНСО сражались вместе с русскими национал-патриотами в Приднестровье, считая эту землю частью Украины. Впрочем, в дальнейшем самостийники воевали против русских. Так, отряд «Арго» под командованием Дмитрия Корчинского воевал в Абхазии на стороне грузин. Президент Шеварднадзе даже наградил некоторых боевиков-украинцев орденами. Также воевали «унсовцы» на стороне чеченских боевиков в первой чеченской войне, составив отряд примерно в 100 человек. Трое наиболее отличившихся в боях против единокровных братьев (ведь даже самые упертые самостийники признают родство украинцев и великороссов) даже получили чеченский орден «Герой нации». Впрочем, большинство украинцев сгинули на той войне без всякой славы. Федералы в плен их не брали, а сами чеченцы предпочитали украинцев, после того как те сделают грязную работу, их ликвидировать или обратить в рабство. Показателем отношения украинцев к самостийническим изыскам по формированию нации может служить такой показательный факт, который был приведен украинской редакцией радио «Свобода» в передаче, посвященной 10-летию «незалежности» 24 августа 2001 года: в 60-е гг. 60% всех издаваемых на Украине книг выходило на украинской мове, в кризисные 80-е гг. – 30%, через десять лет после провозглашения независимости – 10% (!). Вот так реагирует рыночная экономика на запросы читателя.

Итак, несмотря на отсутствие на современной Украине организованных политических партий, выступающих за воссоединение с Россией, предрасположенность к ирредентизму в республике значительная. Поэтому возможность распада Украины на несколько частей и присоединение или всей республики, или некоторых ее регионов к России остаются весьма реальными.

В 2004 году возможность победы пророссийского кандидата вызвала на Украине «оранжевую революцию». Как ни выслуживался перед Западом Кучма, но в нем отпала надобность. Непомерная алчность президентского окружения (а только зять Кучмы В. Пинчук располагает 1,3 миллиарда долларов), воровство российского газа (который, таким образом, не доходит до западных покупателей) не могли не вызвать на Западе скептицизм в отношении Кучмы и его преемника. К тому же сама возможность прихода к власти представителей индустриального Востока, тем более ориентированных на Россию, пугает западных политиков. Не допустить появления украинского Лукашенко – так открыто сформулировал ближайшие цели Запада в отношении Украины Бжезинский.

Когда же в число наиболее влиятельных лидеров республики выдвинулся бывший донецкий губернатор, премьер-министр в 2002–2004 гг., не скрывавший своих симпатий к интеграции с Россией В. Янукович, то на Западе Европы и западе Украины встревожились.

Накануне президентских выборов 2004 года западные политики объявляли, что демократическими выборы могут считаться только в том случае, если президентом станет кандидат самостийников Виктор Ющенко. На тот случай, если народ проголосует «неправильно», заранее началась подготовка «каштановой революции». (Правда, западные политтехнологи не учли географии Украины. Выборы проходили в сезон, когда знаменитые киевские каштаны не цветут).

Два тура президентских выборов не выявили явного победителя, зато показали полный территориально-политический раскол республики на Юкраину и Якраину. Благодаря использованию избирательных технологий, команде Ющенко удалось привлечь на свою сторону колеблющиеся регионы центральной Украины. Зато в Галиции Ющенко получил свыше 90% голосов. Впрочем, восточные индустриальные регионы стояли за Януковича. Так, Донецкая область также дала Януковичу свыше 90% голосов. В условиях патовой ситуации команда Ющенко с благословения Запада начала «оранжевую революцию», организовав на киевской площади Майдан палаточный городок оранжевого цвета, в котором митинговали и слушали концерты поп-музыкантов, размахивая оранжевыми платками, толпы люмпен-интеллигентов.

За несколько часов до наступления нового, 2005 года, Виктор Федорович Янукович, премьер-министр Украины, кандидат в президенты республики, фактически победивший на обоих турах президентских выборов, подал в отставку с поста премьера. Несколько дней спустя отставка была принята президентом Кучмой, который сам готовился уйти в отставку. Хотя трудно избавиться от аналогии с новогодней отставкой Ельцина, но все-таки данное событие совершенно иного плана. Потерпело поражение, впрочем, тактическое, движение воссоединения единого народа Великой и Малой Руси. Под трескучие вопли о «демократии» волю значительной части народа Украины перечеркнули проплаченные «политтехнологи». Сделанная по трафарету «революция» восторжествовала над здравым смыслом.

Разумеется, никакого облегчения народу эта фарсовая «революция» не принесла. В скором времени «оранжевые» разругались и перессорились из-за передела собственности. И повторилось все то, что было за всю короткую, но грязную историю «незалежной» Украины.

Самое трагическое в случившемся – это то, что трагедия Украины продолжается. Ближайшая перспектива – распад искусственной конструкции под названием Украина на составляющие части. Вопрос

не в том – распадется ли Украина, а в том, когда и как это произойдет. Хотелось бы, что бы это осуществилось без крови, во всяком случае, без большой крови.

Еще одной стороной русско-украинского единства является значительный процент украинцев в рядах русских национал-патриотических партий. Речь идет не о носящих украинские фамилии россиянах (поскольку их носят многие уроженцы Краснодарского края и Сибири), а о «настоящих» украинцах из Украины. По подсчетам автора, украинцы составляют в петербургских правых группах и партиях (в частности, РНС, РОС, РНЕ, НРПР и РП) до трети личного состава. Если добавить к ним уроженцев Петербурга, родители которых приехали с Украины, то украинцы будут составлять добрую половину национал-патриотического актива северной столицы. На вопрос автора о причинах такого обилия украинцев член Думы РНС Шевченко с иронией ответил, что украинцы, как люди южные, просто более темпераментны, чем медлительные великороссы и северяне. Во всяком случае, наличие мощного «украинского лобби» в русском национал-патриотическом движении означает то, что идея восточнославянского единства может опираться и на внутрироссийские политические силы.

Прибалтийское окно в Европу

Прибалтийские республики, в отличие от Украины, многие патриоты считают отрезанным ломтем, и кажется, уже примирились с их потерей. Между тем объективно по причинам геополитического, экономического и этнодемографического плана шансов на независимое существование у прибалтов меньше, чем у любого ВТПО. Вне рамок общей для всех советских народов страны ВТПО Прибалтики не способны решить ни одной из стоящих перед ними задач. Когда в современной России говорят о геополитическом будущем своей страны, то, к сожалению, чаще всего говорят о России в границах современной Российской Федерации. Соглашаясь с тем, что историческая Россия включает в себя также Малую (то есть так называемую Украину) и Белую Русь (иначе говоря, Белоруссию), многие национал-патриоты почему-то считают, что некоторые территории исторической России, (под которой имеются в виду границы СССР, признанные международным сообществом 1 августа 1975 года), не составляют часть России. При этом чаще всего земли трех бывших республик Прибалтики СССР почему-то вообще считают отрезанным ломтем. Странно, что большинство патриотически настроенных политиков современной России считают, что Эстония, Латвия и

Литва – это «Европа», а не прибалтийские земли исторической России. Максимум, на что способны эти политики, это – борьба против дискриминации «негров» (НЕГРаждан прибалтийских республик). Однако ни геополитические, ни экономические, ни даже этнографические факторы не обещают прибалтийским республикам ни светлого, ни вообще какого-либо будущего.

Когда речь идет о борьбе России за выход к морю, то практически всегда имеется в виду выход к Балтийскому морю. За него четверть века воевал Иван Грозный, сражался Тишайший царь Алексей Михайлович. Наконец, почти вся военная биография Петра Великого сводилась к войне за балтийское побережье. Ни в чем так не чувствуется особый дух русской истории, как в упорном стремлении страны и народа вырваться на морские берега, «ногою твердой стать при море». Движение к морям было не только и не столько потребностью прорубить некое «окно в Европу» (наши предки прорывались к морям еще тогда, когда на значительной части Европы еще царил кровавый хаос «великого переселения народов») и набираться передовой культуры Запада было невозможно по причине отсутствия таковой). Нет, вероятно, у каждого великого народа, волей исторических судеб оказавшегося отрезанным от морей, неизбежно должен возникнуть естественный жизненный порыв решительным ударом покончить с таким положением. Русский прорыв к морю можно объяснять промыслом Божиим, честолюбием царей, экономическими потребностями страны, пассионарным взрывом и многими другими причинами, но вряд ли хотя бы один объективный исследователь будет отрицать то, что движение России к морям было закономерным, неизбежным и естественным.

Жители самой континентальной страны мира, русские, тем не менее, с полным основанием могут считаться традиционным народом мореплавателей. При этом наиболее трагические и наиболее величественные страницы отечественной истории связаны с Балтийским морем. Борьба за выход к этому морю длится уже свыше 800 лет, и очередной ее этап происходит в наши дни. Были в этой борьбе и неудачи, когда Россия полностью (как в 1617 году), или частично (как в 1918 и в 1991 гг.), теряла выход на Балтику, но были лишь временные отступления. Сбравшись с силами, Россия вновь возвращала себе берега Балтики.

В 1991 году историческая Россия вновь распалась на удельные княжества вопреки воле населяющих ее народов. На территории прежних трех союзных республик Прибалтики, а ранее – пяти имперских губерний, были провозглашены три новоявленных «государства». С 1 мая 2004 года эти пресловутые «государства» стали членами новой «Священной Римской империи» (речь идет не об античном Риме, а именно о средневековом политическом образовании, поразительно напоми-

нающем современный Евросоюз). Но в самом деле ли Колывань (Ревель, или же Таллин), Рига и Вильна (Вильнюс) стали «заграницей»?

Современные прибалтийские политические образования не имеют ни государственной традиции, ни экономической самодостаточности. Даже в демографическом плане прибалтийские республики испытывают кризис, превышающий аналогичный кризис РФ. Демографически эстонцы и латыши являются самыми «старыми» нациями Европы. Депопуляция коренных прибалтов носит долговременный характер и была характерна еще для 20–30-х гг., периода первого независимого существования. Приток русскоязычного населения был в этих условиях совершенно закономерным явлением, в котором стремление союзного центра создать себе опору в виде пришлого населения в недавно присоединенных республиках, если и имело место, то играло подчиненную роль. В результате сложился двухобщинный (а в Литве – и трехобщинный) состав населения. По данным переписи 1989 г., латыши составляли 52% населения в Латвии, эстонцы – 61% населения в Эстонии. Фактически доля коренных народов еще ниже, поскольку в ходе переписи местные власти всячески завышали численность «титულიной нации», вписав в «латыши» и «эстонцы» десятки тысяч лиц смешанного этнического происхождения, литовцами были объявлены многие виленские поляки, и т. д. Попытка игнорировать двухобщинность, чем заняты местные политики, создавая исключительные привилегии только для коренных народов, закладывает бомбу замедленного действия под будущее этих республик.

Действительно, с 1989 года произошел выезд части русского населения из Прибалтики (его доля уменьшилась к началу 1995 г. в Эстонии на 9,6%, в Латвии – на 7%, в Литве – на 10%). В целом, из трех республик за 1989–99 гг. выехали 195 тысяч русскоязычных (из 2 миллионов русского и русскоязычного населения). Однако, значительную их часть составили военнослужащие Советской армии. И это не намного улучшило соотношение в пользу «коренных» жителей по причине их усиливающейся депопуляции. В дальнейшем ситуация может стать еще более критической, т. к. в первые годы XXI века в жизнь начнет вступать поколение, родившееся в 80–90-е гг., когда резко упала рождаемость, и напротив, начнет сходить со сцены весьма многочисленное поколение 50–60-х гг. рождения.

Хотя русскоязычные жители Прибалтики обычно имеют такое же число детей на семью, что и «титульные» прибалты, но в демографическом плане они значительно моложе. В силу этого при полном прекращении русской иммиграции русскоязычное население Прибалтики во второй половине 90-х гг. стало увеличиваться.

Латвия имеет самый низкий прирост населения в мире. В результате население республики за 1991–2003 гг., то есть за годы «свободы»,

уменьшилось с 2 млн. 666,6 тысячи жителей (из которых было 1 млн. 387 тысяч латышей) до 2 млн. 375 тысяч жителей (причем латышей теперь 1 млн. 377 тысяч). Напомним, что все население современной Латвии в 1914 году насчитывало 2 млн. 374,6 тысяч человек, то есть было примерно таким, как и в 2004 году. Зато латышей 90 лет тому назад в Латвии было 1 млн. 539 тысяч.

Но может быть, сокращение численности населения республики есть положительный фактор, ведь, если верить официальной статистике, доля латышей в составе населения республики увеличилась с 52% до 58%? Однако Латвия в советскую эпоху имела один из самых высоких показателей этнически смешанных браков, превышавший четверть всех браков, заключаемых в республике (275 этнически смешанных семей на каждую тысячу). В результате современных латышей можно считать метисным этносом. И нетрудно прийти к выводу, что увеличение доли латышей в составе населения Латвии вызвано даже не выездом части русского населения, а более прозаическими причинами. Многие лица от смешанных браков предпочитают называть себя латышами. Но, при изменении политической ситуации, с тем же энтузиазмом недавние латыши объявят себя истинно русскими людьми. Помимо этого, несмотря на большое количество липовых латышей, численность титульной нации Латвии продолжает уменьшаться. В 90-х гг. XX века численность латышей в Латвии сокращалась на 7–10 тысяч человек в год. В одной только Риге за один 2001 год число латышей сократилось на 3, 4 тысячи человек. (Цифра существенная, учитывая, что все население Риги составляет 850 тысяч человек, из которых латышей примерно 330 тысяч). Вообще латыши являются нацменьшинством во всех крупных городах республики. В Риге русские и русскоязычные составляют 62% всех жителей, в Даугавпилсе – 86%, Лиепе – 55%, Вентспилсе – 52%.

Ожидать демографического взрыва в Латвии не приходится, ведь в 2000 году пенсионеры составили 31% населения республики (по этому показателю Латвия занимает 1-е место в мире). К 2005 году количество первоклассников сократилось вдвое по сравнению с 1999 годом.

Практически то же самое можно сказать и об Эстонии, хотя доля эстонцев в населении республики несколько выше. В большинстве крупных городов республики преобладают русские. Так, в 1989 году в Таллине эстонцы и эстоноязычное население составляли 46,8% жителей, в Нарве и Силламяэ – менее 5% в каждом из городов.

Как и в Латвии, отток части русских (большую часть из которых составляли военнослужащие и члены их семей) принципиально не меняет этнический состав населения республики по тем же демографическим причинам. Рождаемость в Эстонии за годы независимости сократилась вдвое. Население Эстонии с 1990 по 2000 г. сократилось

на 124 тысячи человек – с 1 млн. 573 тыс. жителей до 1 млн. 439 тысяч. Численность эстонцев в Эстонии сократилось с 963 тысяч в 1989 году до 930 тысяч в 2000 г. Кроме того, насчитывается также еще 128 тысяч граждан республики неэстонского происхождения. Но еще в республике проживают 171 тысяча апатридов (лиц без гражданства из числа русских), а также 86 тысяч граждан РФ. При сокращении численности эстонцев доля «неграждан» будет возрастать. При сохранении подобной тенденции в 2050 году в Эстонии будет проживать лишь 1 миллион жителей, из которых эстонцы станут меньшинством.

Заметим, что географически «негры» («НЕГраждане») Эстонии и граждане РФ (то есть как бы иностранцы, при том, что в большинстве своем русские Эстонии являются местными уроженцами) размещаются очень неравномерно. Так, в Нарве из 70 тысяч городских жителей 25 тысяч – граждане Эстонии, 20 тысяч – граждане РФ, 25 тысяч – «негры». Останется ли Нарва эстонским городом, если в этническом плане этот город не был эстонским никогда?

В Литве, по официальным данным, титульная нация имеет значительное большинство – 77% жителей республики в 2003 году (в 1989 г. – 80%). Впрочем, десятки тысяч виленских поляков были записаны литовцами еще в советских переписях населения. Господствующий среди литовцев католицизм, (который, как известно, выступает против ограничения рождаемости), способствовал возникновению несравненно более благоприятной демографической ситуации в Литве. За XX век число литовцев удвоилось, несмотря на значительные людские потери в войнах и эмиграцию. Литовскоязычные мигранты сумели после Великой Отечественной войны составить половину населения Вильнюса, хотя еще в 1931 г. в польской Вильне литовцы составляли менее 1% жителей. Но за годы «свободы» Литва стала такой же вымирающей страной, как и остальные республики Прибалтики. С 1992 года Литва также испытывает депопуляцию. Уровень рождаемости упал в 2,5 раза. К 2004 году население республики уменьшилось на 200 тысяч человек (при том, что в 1989 году все население республики составляло 3 млн. 695 тысяч человек). И этот процесс продолжается. Более того, Литва вышла на первое место в мире по уровню самоубийств.

Учитывая молодость русского населения Прибалтики, вероятно, этнический баланс населения вновь качнется в сторону славян. Впрочем, учитывая, что вне брака рождается 54,5% всех детей Эстонии, 40,3% Латвии (в РФ – 28%), то трудно выяснить, сколько коренных и некоренных жителей проживает теперь на берегах Янтарного моря.

Но есть у этой этнографической проблемы еще и социально-экономический аспект. Поставленные в неравноправное положение (в одной только Латвии существует 68 ограничений для «негров», то есть

Неграждан), русские, для которых заблокированы пути в политику или культуру, стали активно заниматься бизнесом. Вообще положение русских в Прибалтике сравнимо с положением армян в Османской империи конца XIX века, евреев в России начала века XX, или с китайцами в современной Малайзии. Презируемые и дискриминируемые, эти меньшинства подчинили себе всю хозяйственную жизнь этих стран. Нечто подобное по-прибалтийски тихо и незаметно происходит в Прибалтике. Крупнейшие предприятия, банки, средства коммуникации принадлежат здесь русскоязычным «неграм», причем многие бизнесмены из числа «коренных» являются лишь зиц-председателями Фунтами в кампаниях, принадлежащих тем же «неграм». (Кстати, именно благодаря этим зиц-председателям трудно подсчитать точную долю «национального капитала» в хозяйстве прибалтийского региона). Да, именно русскоязычные жители с их советским менталитетом оказались гораздо более способными к предпринимательству, чем гордящиеся своей «европейскостью» коренные прибалты.

После присоединения Прибалтики к Евросоюзу положение может еще более измениться в худшую сторону для коренных. Нет, речь здесь идет не о том, что единая Европа сможет защищать права русских. Просто у прибалтийских новичков произойдет ликвидация нерентабельных по масштабам ЕС сельского хозяйства и большинства отраслей легкой промышленности, а именно в них сосредоточена основная масса трудоспособного коренного населения.

Первое, что имеют прибалтийские республики после вступления в Евросоюз 1 мая 2004 года, это – резкое усиление эмиграции в западную часть Европы. За первый год членства в ЕС в одну Великобританию прибыло 250 тысяч иммигрантов из стран-«новичков», из них одни литовцы составляли 15%. Эмиграционные настроения охватывают широкие массы прибалтов. Поистине шокирующие данные выявил социологический опрос, проведенный в сентябре 2005 года в Латвии фирмой «Latvijas reitingi». Опрос показал, что 78,2% учащихся старших классов латвийских школ намерены вскоре после выпускного вечера покинуть Латвию. Как оказалось, 41,5% подростков стремятся уехать за границу, но еще не знают, куда именно. А вот 36,7% уже вполне определились с местом жительства за рубежом и поэтому могут считаться потерянными для латвийского общества. Достаточно велик процент сомневающихся – 16,4% учеников 11–12-х классов не знают, где они будут трудиться в дальнейшем. Патриотов в Латвии оказалось совсем мало – только 5,4% твердо намерены остаться на родине. Группа экспертов уже охарактеризовала результаты опроса как «неожиданные и очень печальные».

Основой всего народного хозяйства прибалтийских республик является транзит товаров из России и в Россию через балтийские пор-

ты. Вступление в Евросоюз не сможет предложить Прибалтике никаких иных других экономических альтернатив, кроме углубления связей с Россией. При этом именно сосредоточенные в связанных с Россией отраслях промышленности русскоязычные бизнесмены, техники, менеджеры и рабочие окажутся в более выгодном положении, нежели чем коренные жители, у которых только изделия народных промыслов могут без проблем продаваться на европейском рынке.

Некоторое представление о сегодняшней экономической роли русскоязычного населения может дать Молдавия, где нет политических ограничений для экономической деятельности немолдаван. В коммерческой деятельности Молдавии украинцы составляют 33% предпринимателей, русские – 17%, евреи – 13%, молдаване – 4% (!)*.

В экономическом плане народное хозяйство Прибалтики оказалось за годы «свободы» еще в большей зависимости от России, чем за годы СССР. Так, в Эстонии транзит и связанные с ним отрасли дают 1/4 ВВП республики**. Большая часть валютных поступлений получена в Латвии за счет Рижского и нефтяного Вентспилского портов.

Нетрудно догадаться, что рано или поздно «русскоязычная» часть населения, овладевшая значительной частью экономической власти, потребует себе и соответствующую долю власти политической.

Между тем вряд ли можно говорить и о долговременной перспективе НАТО и единой Европы. Превратившись в гигантские бюрократические структуры, Атлантический блок и ЕС только теряют, заполучив в свои ряды Прибалтику. Не надо переоценивать единство этих двух объединений. В истории НАТО была и война между Грецией и Турцией из-за Кипра в 1974 году. Иракский кризис показал, что нет единства и в единой Европе. Уже давно европейские политики говорят о Европе «разных скоростей», то есть о дифференциации стран внутри ЕС по степени взаимной интеграции. А это значит, что сам Евросоюз постепенно разъединяется, подобно средневековой Священной Римской империи, на территориальные княжества. Для НАТО любая новая локальная война на Балканах или на Ближнем Востоке может стать концом.

Все это открывает для России перспективы возвращения в Прибалтику, причем без танков, шума и прямых аннексий. Пусть прибалтийские республики сохраняют подобие суверенитета и рассуждают о том, что мы – «тоже Европа». Прибалтика – не Европа, а лишь окно России в Европу.

---

* Россия в новом зарубежье. С. 301.

** Актуальные проблемы современной Эстонии. Таллин, 1996. С. 69.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

Часть первая

Глава I

От Карамзина до Победоносцева: этапы большого пути русского национального движения	19
Карамзин и конец «Века Просвещения»	21
Граф С. С. Уваров и «теория официальной народности»	29
Славянофилы и рождение национальной правой философии.	37
Охранители пореформенной эпохи	40
«Партия контрреформ»	50
Идеалы и идеи русских правых XIX столетия: государство и общество	57
Расколота нация и победоносная империя	70
Образ врага	95
Внутренний враг	100
Пределы России	110

Глава II

Идеология правого радикализма начала XX века	114
Рождение «Черной сотни»	118
Идеология черносотенства	128

Россия для русских!	136
«Бей жидов – спасай Россию!»	144
Расколы и поражение	152
Русские националисты	161

Глава III

Правые и праворадикальные идеологические течения в Белом движении и эмиграции	174
«Белая идея»	174
Идейное наследие белой эмиграции. И. А. Ильин	181
Пореволюционные политические организации Русского Зарубежья. «Национал-максималисты»	188
Пореволюционные политические организации Русского Зарубежья. «Евразийцы»	192
Пореволюционные политические организации. «Национал-революционеры»	198
Русский эмигрантский фашизм	206
«Сменовеховство» и «Национал-большевизм»	213

Часть вторая

Глава IV

От «партии мировой революции» к «партии государственных интересов»	220
Две партии в одной	221
Национал-большевизм и экономическая модернизация России	224
Собирание земель, или Русская реконкиста	230
Великая Отечественная война и русификация большевизма	235
Послевоенный национал-коммунизм	240

Глава V

«Русофилы», или Возрождение русской правой	254
Закат великой старой партии	260
«Молодая гвардия» русофильства	266
Политические организации русофилов	276
Русское национальное подполье	280
Нелегальная публицистика русских патриотов	289
Солженицын и Шафаревич	300

Часть третья

Глава VI

От «перестройки» к развалу	313
Вводные замечания	313
Выход на сцену	321
«Память»	323
Патриоты среди неформалов	330
Последний год сверхдержавы	344
Падение сверхдержавы и триумф ельцинизма	357

Глава VII

Национальное сопротивление 1991–1993 гг.	363
---	-----

Глава VIII

После Октября-93: асимметричная коалиция «системной оппозиции»	388
Диктатура, смягченная маразмом	388
Выбор России	392

Странное лето 1996 года	409
Август 1996 – август 1998: два года политической летаргии	417

Глава IX

Рубеж веков – рубеж эпох	426
Агония ельцинизма	426
«Чекисты» приходят на место воров	431
В новом тысячелетии	440

Часть четвертая

Глава X

Основные идеологические направления национально-патриотических сил 90-х годов	445
Демпатриоты	447
Популизм	493
Государственники	504
Маргиналы	511

Глава XI

Активные, но не партийные	519
Казачи	520
Добровольцы	522
Рабочее движение	524
Корпоративные организации	529
Молодежное движение	532

Глава XII

На обломках сверхдержавы	542
Народные войны за империю	544
Белорусский феномен	548
Украина: несостоявшаяся нация, несостоявшееся государство	550
Прибалтийское окно в Европу	562

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация (*вышел*)

Русское Православие (*выйдет в 2008 г.*)

Русское государство (*вышел*)

Русский патриотизм (*вышел*)

Русское мировоззрение (*вышел*)

Русский образ жизни (*вышел*)

Русская география

Русское хозяйство (*вышел*)

Международные отношения

Национальные отношения

Русская литература (*вышел*)

Русское искусство

Русский театр

Русская музыка

Русская наука

Русская школа

Русское воинство

Памятники Отечества

Русские за рубежом

Противники русской цивилизации

Каждый том энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершённым сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

Автономная некоммерческая организация Институт русской цивилизации создан в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником института был научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 20-ти томной «Энциклопедии русского народа», а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма.

Редактор А. В. Знатнов
Корректор Н. Н. Самойлова
Компьютерная верстка Н. Н. Никольский
Институт русской цивилизации Тел.: 8-499-242-50-80.

Подписано в печать 07.07.2007 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 36,0 п. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.